

1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

38

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12).
1886.

ИЗДАНІЯ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта**, Я. К. Грота. — **Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи**. П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій**, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина**, Я. К. Грота.—**О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ**, его же.

Томъ II. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго.—**Литовскія народныя пѣсни**, И. Юшкевича.—**Коренное значеніе родства у Славянъ**, П. А. Лавровскаго. — **Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ**, П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ**, И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды П. И. Кеппена**, А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго. 2) П. И. Рычкова.

Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго.

Томъ IV. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, И. А. Чистовича. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Томъ V. вып. I. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія**. И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ**, Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словаряхъ Евгенія**, А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями.—Цѣна 75 коп.

Томъ V. вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ**, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VI. Литературная жизнь Крылова, Я. К. Грота.—**Дополн. біогр. извѣстіе о Крыловѣ**, его же.— **О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи**, А. В. Никитенко. — **О языкѣ Крылова**, И. И. Срезневскаго. — **О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр. языки**, А. Ѳ. Бычкова. — **Сатира Крылова и его Почта Духовъ**, Я. К. Грота.—**Слово въ день юбилея Крылова**, преосв. Макарія. — **Пирогъ; Лѣнтяй; Кофейница**, драматич. сочин. Крылова. — **Пиръ** басня, его же. — **Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣкот. басняхъ Крылова**, Я. К. Грота.—**О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова**, его же.—**Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова**, сост. В. Ѳ. Кеневичемъ.— **Матеріалы для біографіи Крылова**, доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова.—Цѣна 2 р.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки», записка И. И. Срезневскаго.—**Записка о**

томъ же, А. Θ. Бычкова. — **Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія**, П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля**, записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, замѣтка Ф. И. Рупрехта. — **Дополненія и замѣтки съ словарю Даля**, Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю**, Н. Я. Данилевскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи**, Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»**, статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII — XIII вѣка**, архим. Амфилохія. — **Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи**, В. Макушева. — **Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова**, сост. А. В. Никитенко. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ**, С. И. Пономарева. — **Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ**, И. Срезневскаго. — **Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона**, В. Макушева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — **Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи**, Я. К. Грота. — **Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ**, Д. А. Ровинскаго. — **Когда основаны Уфа и Самара**, П. П. Пекарскаго. — **Повѣсть о судѣ Шемяки**, М. И. Сухомлинова. — **Библіографическія находки во Львовѣ**, Я. Θ. Головацкаго. — **Дополненія къ словарю Даля**, П. В. Шейна. — **Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ**, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — **Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію**, Я. К. Грота. — **Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774)**, М. Н. Лонгинова. — **Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго**, сост. Я. Ф. Головацкимъ. — **Дополненія и замѣтки** І. Ф. Наумова **къ Толковому словарю Даля.** Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго. — Цѣна 2 р.

Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ.** И. И. Носовича. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма**, И. И. Срезневскаго. — **Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II**, А. С. Павлова. — **Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта**, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVII. **Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки,** И. Я. Порфирьева.—**Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для библіографіи),** С. И. Пономарева. — **Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія,** М. А. Колосова. — Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVIII. **Екатерина II и Густавъ III,** Я. К. Грота. — **Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета,** Я. К. Грота.—**Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ,** С. И Пономарева. — **Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ.—Происхожденіе Екатерины I,** Я. К. Грота.—**Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I,** М. И. Сухомлинова.—**На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи,** И. И. Срезневскаго.—**Отчетъ коммисcіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки,** Я. К. Грота. — **Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка,** Я. К. Грота. — **Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго,** С. И. Пономарева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIX. **Исторія Россійской Академіи.** Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова.—**Чешскія Глоссы въ Mater Verborum.** Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XX. **Некрологъ князя Вяземскаго,** составленный акад. Я. К. Гротомъ. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Я. К. Грота. — **Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши, по рукописямъ XV вѣка.** Академика А. Н. Веселовскаго. — **О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа.** А. Н. Веселовскаго. — **Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC.** И. И. Срезневскій. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ,** составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — **Заботы Екатерины II о народномъ образованіи.** Я. К. Грота. — **Князь Вяземскій.** М. И. Сухомлинова. — **Памяти кн. Вяземскаго.** С. И. Пономарева. — **Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ.** Академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенко. Цѣна 2 руб.

Томъ XXI. **Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго,** составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — **Русско-нищенскій словарь** Минской губерніи мѣстечка Семежова. — **Старообрядческій синодикъ,** А. Н. Пыпина. — **Разысканія въ области духовныхъ стиховъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ.** И. А. Чистовича. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Ст. II. Я. К. Грота. — **Фріульскіе Славяне.** И. И. Срезневскаго. — **Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю.** И. И. Носовича. — **Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г.,** составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова.** И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXII. **Исторія Россійской Академіи.** М. И. Сухомлинова. Выпускъ V.— **Южно-русскія былины.** А. Н. Веселовскаго. — **Croissans-crescens и Средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ.** А. Н. Веселовскаго.— **О Ксанфинѣ. Греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи.** Г. С. Дестуниса. — **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ.** И. И. Срезневскаго. — **Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г.,** съ некрологомъ И. И. Срезневскаго, составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.

Томы XXIII — XXVII. **Русскія народныя картинки.** Д. А. Ровинскаго. Книга I. **Сказки и забавные листы.** — Кн. II. **Листы историческіе, календари и буквари.** — Кн. III. **Притчи и листы духовные.** — Кн. IV. **Примѣчанія и дополненія.** — Кн. V. **Заключеніе и алфавитный указатель именъ и предметовъ.** — Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 руб.

Томъ XXVIII. **Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненія Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ. 1403—1416.** Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакціею И. И. Срезневскаго. — **Разысканія въ области духовнаго стиха. III—V.** А. Н. Веселовскаго. — **Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка,** открытое Е. В. Барсовымъ. Цѣна 2 р.

Томъ XXIX. **Эрикъ Лаксманъ.** Я. К. Грота. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ.** Я. К. Грота. — **Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы.** П. М. Строева. Изданъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XXX. **Памятники Болгарскаго народнаго творчества.** Выпускъ I-й Собралъ Владиміръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXI. **Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ.** Г. Воскресенскаго. — **Письма Погодина къ Максимовичу.** С. И. Пономарева. — **Исторія Россійской Академіи.** Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина.** Я. К. Грота, Н. Н. Страхова и О. Ѳ. Миллера. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ.** А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXII. **Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго.** Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ.— **Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года.** Записка В. А. Жуковскаго. — **Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота.** Составленъ С. И. Пономаревымъ. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—XI.** А. Н. Веселовскаго. — **Письма В. С. Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу.** Сообщилъ И. Шляпкинъ. — **А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». I—VIII.** М. И. Сухомлинова. — **Замѣтки по литературѣ и народной словесности.** А. Н. Веселовскаго. I. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883).** Собралъ С. И. Пономаревъ. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIII. **Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ.** Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, съ приложеніемъ четырехъ критико-палеографическихъ статей.** И. В. Ягича. (Съ тремя литограф. таблицами). — **Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884).** Сообщилъ П. Тихановъ. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Статья третья. Я. К. Грота. — **Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 году С. П. Шевыревымъ.** Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ XXXIV. **Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода.** Д. Дестуниса. — **Описаніе славяно-русскихъ книгъ печатанныхъ кирилловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 гг.** Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXV. **Литовскія свадебныя народныя пѣсни,** записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXVI. **«Русское правописаніе». Руководство,** составленное по порученію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и**

словесности за 1884 г. Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ. — **Южнорусскія былины.** Академика А. Н. Веселовскаго. (III—XI). — **Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г.,** съ приложеніемъ рецензіи профессора И. В. Помяловскаго. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXVII. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII. М. И. Сухомлинова. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Томъ XXXIX. Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ Орд. Акад. И. В. Ягича. (Съ портретомъ и двумя снимками автографовъ). Цѣна 2 руб.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ:

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.

Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р.

Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.

Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.

Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп.

Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп.

Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.

Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб.

Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію) 1883: 3 руб.

Цѣна всѣмъ **девяти томамъ** роскошнаго изданія **Сочиненій Державина** 25 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ.

Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. — Томъ III. 1870: 1 руб.—Томъ IV. 1874: 1 руб.—Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Спб. Т. I. 1880. Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. Спб. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго. Спб. 1865. Цѣна 50 к.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кара и Бибикова (со снимкомъ). Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 30 к.

То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 25 к.

То же. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Я. Грота. Спб. 1874. Цѣна 60 к.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Издали съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.

Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 к.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ. П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.

Путешествіе акад. Делиля въ Березовъ 1740 года. П. Пекарскаго. 50 к.

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 к.

Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. П. Пекарскаго. Спб. 1863: 25 к.
Новыя извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 к.
Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 р.
Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 р. 50 к.
Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ, Я. Грота. Спб. 1874: 20 к.
Сочиненія и письма Хемницера, съ примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1873: 1 р. 50 к.
Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870. Цѣна 3 р. Т. II. Спб. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.
Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. Грота. Спб. 1873: 25 к.
Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I *). Вып. II, цѣна 1 р. 50 к. Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп. Вып. IV, цѣна 2 р. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI, цѣна 2 руб. Вып. VII, цѣна 2 руб.
Екатерина II и Густавъ III. Я. Грота. Спб. 1877: 50 коп.
Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Я. Грота. Спб. 1877: 30 коп.
Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I. М. Сухомлинова. Спб. 1877: 45 коп.
Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора). Я. Грота. Спб. 1877: 25 к.
Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. Цѣна 60 к.
XIII Словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки XI вѣка. Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. Спб. 1875. 1 руб. 50 к.
Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. № 1—10,036. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Т. II. № 10,037—26,249. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. № 26,250—36,810. Спб. 1883. 2 р. 50 к. Томъ IV оканчивается печатаніемъ.
Древніе памятники русскаго письма и языка. (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. Трудъ И. И. Срезневскаго. Второе изданіе. Спб. 1882. 2 рубля.
Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ И. В. Ягича. Спб. 1883 г. Цѣна 5 руб.
Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ 50 лѣтнему юбилею его. Спб. 1883. 20 коп.
Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Рѣчь Я. К. Грота. Цѣна 25 коп.
Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году. Статья В. А. Жуковскаго. Цѣна 25 коп.
Н. И. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, съ рисункомъ и снимкомъ его почерка. Сообщилъ П. Тихановъ. Цѣна 70 коп.
Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. Грота. Спб. 1884. Цѣна 2 р. 50 к.
Сочиненія и переписка Плетнева. Три тома. 1885. Издалъ Я. Гротъ. Ц. 6 руб.
Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц. 2 руб.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.

---

*) Отдѣльно уже не имѣется; но заключается въ томѣ XI Сборника Отдѣленія.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12.)
1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1886 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Январь — декабрь 1885 года.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, заявивъ, что печатаніе подъ его наблюденіемъ 1-го тома «Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ» почти уже окончено, прочелъ составленное къ этому тому предисловіе, которое и одобрено Отдѣленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено просить Экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ доставить въ возможно скоромъ времени изготовленные ею оттиски заказанныхъ для этого изданія портретовъ.

По докладу А. Н. Веселовскаго положено просить Департаментъ внутреннихъ сношеній Министерства Иностранныхъ дѣлъ объ исходатайствованіи для занятій Отдѣленія на нѣкоторое время принадлежащей Вѣнской Императорской библіотекѣ рукописи, содержащей житія святыхъ по описанію Ламбеція (Lamb., Commentar. t. VIII, pag. 151 и сл.): cod. XI (graec.), а по старому каталогу Несселя (Nessel, part. V, pag. 5 и сл.): cod. 3.

По докладу И. В. Ягича положено просить: 1) Управленіе Московскаго и Румянцовскаго музеевъ о доставленіи въ Отдѣленіе на 3 мѣсяца рукописей № 364 и № 563 изъ собранія Ундольскаго, и 2) изъ Московской Духовной академіи рукописи № 8 (100) Криница или Временникъ, пергаментной рукописи Георгія Амартола 273 листа.

Предсѣдательствующій доложилъ, что отъ ректора Кіевской Духовной академіи епископа Сильвестра получена, по просьбѣ Отдѣленія, рукопись «Александрія» на румынскомъ языкѣ, принадлежащая Церковно-Археологическому Обществу при означенной академіи. Положено, для пользованія этой рукописью, передать ее на временное храненіе въ 1-е Отдѣленіе академической библіотеки.

Академикъ И. В. Ягичъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что по просмотрѣ доставленныхъ г. Качановскимъ матеріаловъ для болгарскаго словаря, онъ находитъ, что эти матеріалы, по дополненіи ихъ и окончательномъ приведеніи въ порядокъ, могутъ быть съ пользою напечатаны, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ не имѣется болгарскаго словаря, который хотя бы приблизительно могъ равняться по обширности съ трудомъ г. Качановскаго. Положено передать это заключеніе собирателю словаря.

Разсматриваемъ былъ доставленный В. М. Юзефовичемъ экземпляръ перваго изданія книги Тредіаковскаго: «Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ» съ собственноручными замѣтками Ломоносова, при чемъ найдено, что нѣкоторыя изъ находящихся въ этой книгѣ приписокъ сдѣланы другою рукой, о чемъ и положено сообщить владѣльцу экземпляра.

Предсѣдательствующій довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что по поводу предстоящей тысячелѣтней годовщины смерти св. Меѳодія, городской голова и членъ думы И. И. Домонтовичъ обращались къ нему, равно какъ и къ г. вице-президенту, съ запросами о томъ, будетъ ли въ Академіи Наукъ по этому случаю торжественное собраніе, на что В. Я. Буняковскій отвѣчалъ, что 6-го апрѣля въ малой конференцъ-залѣ будетъ отслуженъ молебенъ въ память св. первоучителя. Академикъ Ягичъ изъявилъ готовность, въ засѣданіи Отдѣленія, имѣющемъ быть наканунѣ этого дня, прочесть очеркъ дѣятельности св. Меѳодія съ оцѣнкою заслугъ обоихъ св. братьевъ первоучителей. Положено заблаговременно объявить въ газетахъ, что засѣданіе это будетъ открыто для публики.

Представлена полученная отъ младшаго помощника библіотекаря І-го Отдѣленія академической библіотеки Гонсіоровскаго рукописная тетрадь собранныхъ имъ во время прошлогодней командировки пѣсенъ на языкѣ Мазуровъ. Положено: возвративъ г. Гонсіоровскому эту рукопись, просить его продолжать составленіе отчета о его командировкѣ по предварительно представленной имъ и одобренной Отдѣленіемъ программѣ.

Представленъ присланный С. И. Пономаревымъ въ рукописи новый библіографическій трудъ его: «Къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича», написанный по поводу имѣющаго исполниться въ 1888 году четырехсотлѣтія со времени перваго печатнаго изданія всѣхъ твореній Гомера. Положено напечатать этотъ трудъ въ Сборникѣ Отдѣленія.

Читаны доставленныя при отношеніи секретаря Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ на имя предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи: копія съ журнала засѣданія Комитета Общества 24 мая 1885 г. и программа предпринимаемаго имъ изданія полнаго собранія сочиненій Пушкина. Означенное отношеніе содержитъ просьбу, чтобы программа изданія была разсмотрѣна Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ и затѣмъ мнѣніе его сообщено Комитету.

По внимательномъ обсужденіи этой программы Отдѣленіе признало правильнымъ принятое въ ней дѣленіе произведеній Пушкина на шесть отдѣловъ въ семи томахъ, съ соблюденіемъ въ каждомъ отдѣлѣ хронологическаго порядка сочиненій; при чемъ однакоже, по мнѣнію Отдѣленія, слѣдовало бы перенести «Пѣсни западныхъ славянъ» во II-й отдѣлъ, а «Путешествіе въ Арзрумъ «въ отдѣлъ IV-й». Находя равнымъ образомъ и прочія высказанныя въ программѣ предположенія въ общихъ чертахъ заслуживающими одобренія, Отдѣленіе считаетъ нужнымъ сдѣлать только слѣдующія оговорки относительно нѣкоторыхъ частностей.

Въ пунктѣ 3-мъ сказано: «Текстъ долженъ быть точно провѣренъ по рукописямъ и по возможности пополненъ». Это замѣчаніе относится вѣроятно только къ такимъ произведеніямъ, которыя въ первый разъ были напечатаны по смерти поэта, потому что напечатанныя при жизни его, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ почти всѣ, явились въ томъ видѣ, какой онъ самъ желалъ дать имъ. Предполагаемыя же пополненія должны быть дѣлаемы съ большою разборчивостью, съ обращеніемъ вниманія на причины, которыя вызвали пропуски и изъ коихъ нѣкоторыя могутъ еще и теперь сохранять свою силу. Такимъ образомъ, напр., стихотвореніе «19-е октября» (1825 г.) должно безъ сомнѣнія явиться съ тѣми сокращеніями, которыя призналъ нужными Пушкинъ, безъ дополненій, найденныхъ въ его автографѣ покойнымъ Геннади и напечатанныхъ имъ въ исаковскомъ изданіи 1859 года.

Въ примѣчаніи къ приведенному пункту прибавлено: «Имѣя въ виду сдѣлать предполагаемое изданіе вполнѣ доступнымъ для семьи

и школы, редакція исключаетъ изъ него всѣ произведенія и отдѣльныя мѣста, не соотвѣтствующія, по содержанію своему, этой цѣли, хотя бы они уже и были ранѣе извѣстны въ печати».

Отдѣленіе находить, что такъ какъ предполагаемое изданіе сочиненій Пушкина назначается для всей образованной публики, то и за исключеніемъ изъ него нѣкоторыхъ слишкомъ вольныхъ мѣстъ и цѣлыхъ пьесъ невозможно сдѣлать это изданіе отвѣчающимъ педагогическимъ цѣлямъ или потребностямъ воспитывающагося, особенно младшаго и женскаго поколѣнія. Поэтому смыслъ означеннаго примѣчанія точнѣе было бы выразить слѣдующимъ образомъ: «Имѣя въ виду, что между произведеніями Пушкина есть такія поэтическія шалости, которыхъ самъ поэтъ, по ихъ содержанію, никакъ не могъ предназначать для печати, редакція устраняетъ изъ изданія всѣ подобныя сочиненія или отдѣльныя мѣста, хотя и напечатанныя уже послѣ смерти поэта».

Относительно 4-го пункта Отдѣленіе, вполнѣ одобряя предположеніе помѣщать послѣ каждаго произведенія пояснительныя примѣчанія, считаетъ необходимымъ поставить непремѣннымъ условіемъ, чтобы эти примѣчанія сохраняли чисто объективный характеръ, съ устраненіемъ всякой критической оцѣнки лицъ и фактовъ, о которыхъ будетъ рѣчь по поводу того или другого произведенія.

Подъ лит. в въ пунктѣ 5-мъ, къ полному хронологическому и библіографическому списку всѣхъ произведеній Пушкина предполагается присоединить указатель: гдѣ и въ *какомъ видѣ* каждое изъ нихъ было напечатано. Указаніе «въ какомъ видѣ» и проч. представляется излишнимъ въ отношеніи къ тѣмъ произведеніямъ, которыя по объясненной выше причинѣ будутъ исключены изъ изданія, ибо такое указаніе было бы невозможно безъ изложенія содержанія пьесъ, чтó однакожъ противорѣчило бы прежде заявленному правилу исключать нѣроторыя произведенія.

Въ пунктѣ 6-мъ упомянуто, что подлинное пушкинское правописаніе не будетъ сохранено въ изданіи въ виду крайней затруднительности возстановить его. По убѣжденію Отдѣленія, собственное правописаніе автора не пригодно для изданія потому, что Пушкинъ вообще писалъ крайне небрежно, часто ошибочно; ороографія писателя другой эпохи можетъ быть соблюдаема въ изданіи его сочиненій развѣ только тогда, когда онъ послѣдовательно держался какой-нибудь опредѣленной и притомъ заслуживающей вниманія системы.

Одобряя такимъ образомъ программу изданія съ внѣшней стороны его, Отдѣленіе не можетъ не высказать желанія, чтобы выполненіе этой программы и съ внутренней стороны было вполнѣ достойно памяти нашего великаго писателя, какъ совершенною исправностью текста его произведеній, такъ и характеромъ примѣчаній, которыя, кромѣ библіографической и исторической точности, должны отличаться безпристрастіемъ и отсутствіемъ всякихъ чуждыхъ литературѣ интересовъ. Способъ исполненія представленной на одобреніе Академіи Наукъ программы остается вполнѣ на отвѣтственности Комитета Общества, предпринимающаго изданіе, и Отдѣленіе позволяетъ себѣ выразить надежду, что при просвѣщенномъ содѣйствіи лицъ, избранныхъ Комитетомъ для наблюденія за ходомъ изданія, задача эта будетъ выполнена самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

По поводу появленія VIII-го тома издаваемыхъ подъ редакціею П. Н. Батюшкова «Памятниковъ Русской Старины въ Западныхъ губерніяхъ», академикъ А. Ѳ. Бычковъ прочелъ слѣдующую составленную имъ записку: «Какъ настоящій томъ Памятниковъ Русской Старины, такъ и предшествовавшій ему VII-ой составляютъ отрадное явленіе въ нашей литературѣ и нагляднымъ образомъ, рядомъ монографій самаго разнообразнаго содержанія, основанныхъ на существующихъ данныхъ, на архивныхъ документахъ и позабытыхъ изслѣдованіяхъ, доказываютъ, что Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи) составляетъ органическую часть Русской земли и что она почти сплошь заселена русскимъ племенемъ, исповѣдывавшимъ православную вѣру. И памятники зодчества, и уцѣлѣвшіе памятники письменности и печати, несмотря на то, что они усердно истреблялись поляками и іезуитами, наконецъ русская рѣчь, русскія пѣсни и мѣстные обычаи свидѣтельствуютъ, что этотъ край былъ искони русскій. Изъ помѣщенныхъ въ VIII-мъ томѣ статей, кромѣ весьма любопытныхъ историческихъ монографій Шолковича (о границахъ Польской короны и великаго княжества Литовско-Русскаго), Малышевскаго (Люблинскій съѣздъ 1569 года) и Кояловича (Присоединеніе Подлѣсья къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года), обращаютъ на себя вниманіе жизнеописанія Львовскаго епископа Гедеона Балабана, уніатскаго лжемученика Іоасафата Кунцевича, епископа Луцкаго Кирилла Терлецкаго и Кіевскаго уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя—первыхъ дѣятелей уніи. Полныя живого интереса и новыхъ данныхъ первыя двѣ написаны Н. И. Петровымъ, а двѣ по-

слѣднія Ор. Ив. Левицкимъ. Не меньшимъ интересомъ отличается монографія Станкевича: «Игуменъ Аѳанасій Филипповичъ», основанная частью на неизданныхъ документахъ. Статьи Павлова (Замѣтка о Кормчей Люблинскаго священника Василія, писанной въ 1604 году) и Страшкевича (Устная народная словесность въ Холмской и Подляской Руси) имѣютъ прямое отношеніе къ занятіямъ нашего Отдѣленія и содержатъ не мало любопытнаго. Къ тóму приложенъ альбомъ рисунковъ, въ которомъ находится нѣсколько снимковъ съ рукописей, писанныхъ или хранящихся въ Холмщинѣ. Нельзя не отнестись съ полною благодарностью къ П. Н. Батюшкову, такъ усердно и съ такимъ умѣньемъ трудящемуся надъ водвореніемъ какъ у насъ, такъ и за границею правильнаго взгляда на историческія судьбы земель, нѣкогда отторгнутыхъ Польшею отъ Руси и въ теченіе многихъ вѣковъ остававшихся подъ ея гнетомъ». По выслушаніи этой записки, Отдѣленіе, находя отзывъ А. Ѳ. Бычкова вполнѣ справедливымъ, опредѣлило выразить П. Н. Батюшкову сочувствіе къ этому превосходно исполненному и полезному изданію.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVIII, № 1.

ВОПРОСЪ
О
КИРИЛЛѢ И МЕѲОДІИ
ВЪ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

РѢЧЬ

И. В. ЯГИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1885 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ВОПРОСЪ О КИРИЛЛѢ И МЕѲОДІИ ВЪ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Рѣчь академика И. В. Ягича,

читанная имъ въ публичномъ собраніи Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 5-го апрѣля 1885 года.

Мм. Гг.

Въ Москвѣ, въ ризницѣ Успенскаго собора хранится драгоцѣнный памятникъ древне-русской письменности, пергаменная рукопись XII вѣка. Въ нее внесено старинное славянское жизнеописаніе «отца нашего и учителя Меѳодія, архіепископа моравска». Слѣдующій разсказъ этого жизнеописанія представляетъ древнѣйшее свидѣтельство о кончинѣ славянскаго апостола Меѳодія и даетъ право на чествованіе завтрашняго праздника: Въ вербное воскресенье собралось по обыкновенію множество народа въ соборъ на службу, которую долженъ былъ совершить самъ архіепископъ, старецъ преклонныхъ лѣтъ, нашъ Меѳодій. Онъ вошелъ въ церковь, богослуженіе началось, но архіепископъ занемогъ и едва былъ въ состояніи кончить службу. Онъ просилъ окружавшихъ его учениковъ не покидать старца до третьяго дня. И вотъ рано поутру въ третій день онъ отдалъ душу Господу на рукахъ іерейскихъ, со словами: въ руцѣ твои Господи душу свою возлагаю. Это же случилось въ 6 день мѣсяца апрѣля, въ 3 индиктъ, въ 6393 году отъ созданія міра [1]). Всѣ позднѣйшія свидѣтельства, ихъ же до сихъ поръ знаемъ около десятка [2]), подтверждаютъ это подробное указаніе дня и года кончины Меѳодія,

которое удивительно совпадаетъ съ данными христіанской хронологіи. Оказывается, что 6393 годъ, т. е. 885 нашего лѣтосчисленія, дѣйствительно 3 индиктъ и что въ этомъ году свѣтлый праздникъ пасхи былъ 11 апрѣля, стало быть вербное воскресенье 4 апрѣля, а третій день послѣ этого воскресенья, это былъ вторникъ на страстной недѣлѣ, т. е. 6 число апрѣля 885 года [3]).

Славянская церковь уже съ древнѣйшихъ временъ чествовала память кончины Меѳодія моравскаго 6 апрѣля. Въ знаменитомъ Ассемановомъ евангеліи, памятникѣ XI-го если не даже X-го вѣка, подъ 6-мъ апрѣля отмѣчена «Память успенія преподобнаго отца нашего Меѳодія, архіепископа вышняя Моравы, брата преподобнаго Курила философа». Эту отмѣтку памятника болгарскаго можно подтвердить русскими XII-го и сербскими XIII и XIV вѣка [4]).

Такъ какъ недавно открытыми въ британскомъ музеѣ регестами папскихъ писемъ блестящимъ образомъ оправдалась достовѣрность славянскаго жизнеописанія въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ его содержанія, то и точное хронологическое опредѣленіе кончины Меѳодія не должно быть поколеблено какими бы ни было соображеніями критики. Сомнѣнія, высказанныя еще недавно однимъ германскимъ ученымъ, Эвальдомъ, устранены отличнымъ знатокомъ славянской исторіи, Мартыновымъ въ Парижѣ [5]), столь удачно, что тотъ охотно уступилъ.

Итакъ мы имѣемъ полное право припомнить, что сегодняшнимъ днемъ заканчивается первое тысячелѣтіе со дня смерти второго изъ славянскихъ апостоловъ, архіепископа Меѳодія. Громадно протяженіе времени, въ которомъ память многихъ великихъ событій и знаменитыхъ для своего времени людей легла въ могилу общаго забвенія, воспоминаніе же о тихихъ подвигахъ скромнаго архіепископа, съ крестомъ и славянскимъ евангеліемъ въ рукахъ дѣйствовавшаго въ средѣ народа, которому пріятно было прислушиваться къ ученію Христову, проповѣдываемому на понятномъ ему языкѣ и восхищаться великолѣпіемъ богослуженія, совершаемаго на томъ же языкѣ — это воспоминаніе не

только еще живетъ, но къ изумленію многихъ (должно быть) мало понимающихъ современниковъ проявляетъ съ неожиданною силою чувства благодарности вездѣ, гдѣ только слышится славянское слово. Память тысячелѣтней годовщины апостола Меѳодія становится праздникомъ общимъ для всѣхъ славянскихъ народовъ, какъ бы ни расходились ихъ жизненные пути.

Чѣмъ объяснить это невольное духовное единеніе разрозненныхъ народовъ? Вызвано ли оно искусственнымъ возбужденіемъ беспокойныхъ умовъ или же лучше внушено имъ проснувшимся сознаніемъ важности великаго дѣла, сдѣланнаго для славянъ двумя братьями изъ Солуня, Константиномъ Философомъ и братомъ его Меѳодіемъ?

Да будетъ мнѣ позволено въ отвѣтъ представить вашему благосклонному вниманію значеніе вопроса о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи; изложить въ сжатомъ очеркѣ историческій фактъ, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ славянская филологія, вопросъ о дѣятельности Кирилла и Меѳодія занималъ первое мѣсто въ научныхъ изслѣдованіяхъ славистики. Пусть это краткое разсужденіе будетъ соотвѣтствующимъ характеру нашего собранія, и не совсѣмъ недостойнымъ этого мѣста *введеніемъ* въ торжественное празднованіе завтрашняго дня.

Успѣхи славистики и вопросъ о дѣятельности Кирилла и Меѳодія находятся въ неразрывной связи. Этотъ вопросъ образуетъ краеугольный камень славянской филологіи какъ исторической науки. Чѣмъ болѣе она крѣпнетъ, тѣмъ сильнѣе привлекаетъ къ себѣ пытливость изслѣдователя великій моментъ въ исторической жизни славянъ, связанный съ дѣятельностію Кирилла и Меѳодія. Въ этомъ смыслѣ мы въ правѣ назвать завтрашній праздникъ торжествомъ славянской науки. И въ самомъ дѣлѣ. Не пользовалось ли большинство славянскихъ народовъ плодами дѣятельности славянскихъ первоучителей въ теченіе многихъ столѣтій? [6]) Не отмѣчена ли память ихъ во многихъ южно-славянскихъ и русскихъ рукописяхъ? Не списывались ли ихъ житія, обширныя въ четьихъ минеяхъ, сокращенныя въ прологахъ и другихъ сбор-

никахъ [7]? Не существуютъ ли похвальныя слова и службы то каждому отдѣльно, то обоимъ вмѣстѣ, то всѣмъ святымъ седмичисленникамъ [8]? Не внесенъ ли подвигъ славянскихъ первоучителей въ древнѣйшій и драгоцѣннѣйшій памятникъ народнаго самосознанія древней Россіи — въ русскую лѣтопись [9]? И несмотря на все то, мы напрасно бы спрашивали у исторіи предыдущихъ столѣтій, какъ славяне тогда праздновали знаменательныя годовщины своихъ первоучителей. Благое дѣло существовало, оно отмѣчалось на страницахъ рукописей, но общаго сознанія благодарности къ благодѣтелямъ не было, потому что не было — славянской науки, неизсякаемаго источника народнаго самопознанія [10]).

Только со второй половины прошедшаго столѣтія замѣтны первыя вѣянія славянской науки. Рождаются интересы историческіе, бытовые; поднимаются вопросы о судьбѣ славянскихъ народовъ въ теченіе прошедшихъ столѣтій, разыскиваются источники, собираются памятники.

И вотъ невызванныя опять возстаютъ передъ удивленными глазами историковъ и археологовъ двѣ свѣтлыя личности, два смѣлые подвижника въ пользу христіанства, сумѣвшіе сдружить кроткое ученіе Христа съ бытовою обособленностью великаго славянскаго племени.

Славянскіе и неславянскіе ученые, только что коснулись до исторіи славянъ, тотчасъ же лицомъ къ лицу встрѣтились съ этими двумя дѣятелями, осѣнившими нашихъ предковъ знаменіемъ креста и евангеліемъ на славянскомъ языкѣ. Подходя къ предмету съ различныхъ сторонъ, занимаясь то изслѣдованіями исторіи и древностей, то изученіемъ языковъ, то переводовъ священнаго писанія—всѣ они должны были прежде всего остановиться на Кириллѣ и Меѳодіи и ихъ многознаменательной дѣятельности.

Бросимъ бѣглый взглядъ на ходъ славянской науки съ тѣхъ поръ, чтобы видѣть какое положеніе занималъ въ ней вопросъ о

Кириллѣ и Меѳодіи и церковно-славянскомъ языкѣ съ самаго начала и какія были его послѣдствія.

Шлецеръ, приступая къ изученію русской лѣтописи, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Россію, прежде всего взялся за церковно-славянскую грамматику Смотрицкаго, другой тогда не было, и изучилъ ее, чтобы понимать, какъ самъ разсказываетъ, языкъ Нестора. Онъ изумился богатству, великолѣпію этого языка и его силѣ въ звукахъ и выраженіяхъ [11]). Но какъ видно изъ его тогда же начатой грамматики русскаго языка, о происхожденіи церковно-славянскаго языка, или же о Кириллѣ и Меѳодіи, онъ не имѣлъ тогда еще никакого понятія. Только впослѣдствіи, лѣтъ тридцать спустя, печатая свои поясненія къ Нестору, онъ посвятилъ въ III томѣ отдѣльную главу (X-ю) изслѣдованію о Кириллѣ и Меѳодіи, основанную на извѣстномъ разсказѣ первоначальной лѣтописи. Эта была первая и для своего времени дѣйствительно блестящая попытка вникнуть въ смыслъ разногласныхъ преданій, отдѣлить пшеницу отъ плевелъ, оцѣнить извѣстіе русской лѣтописи, непринятое во вниманіе раньше его никѣмъ (источниковъ котораго онъ самъ еще не зналъ), въ сравненіи съ содержаніемъ западныхъ, латинскихъ памятниковъ, разработанныхъ тогда уже Добнеромъ и Добровскимъ. Многое здѣсь впервые сказано вѣрно. Съ восторгомъ отозвался знаменитый историкъ о изобрѣтеніи славянскаго письма. Упомянувъ, что вся заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Кириллу и Меѳодію, онъ написалъ слѣдующія, Калайдовичемъ лѣтъ 20 спустя повторенныя слова [12]): «Привѣтствую васъ здѣсь, вы безсмертные изобрѣтатели славянскаго письма, вы первые дерзнули грубый еще языкъ, изобиловавшій множествомъ ему свойственныхъ звуковъ, взять такъ сказать изъ устъ народа и писать его греческими буквами; но въ этомъ дѣлѣ вы поступили какъ истинно геніальные люди, составивъ для особыхъ звуковъ особые новые знаки или буквы»! Этимъ сдѣланъ уже значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ тѣмъ, что самъ Шлецеръ говорилъ еще въ двухъ предыдущихъ частяхъ своего Нестора, гдѣ

онъ еще не смѣлъ утверждать, что письмо русское то же самое, которое легенды приписываютъ Кириллу [13]). Какъ попало это письмо въ Россію, объ этомъ онъ и теперь еще отказывался разсуждать [14]). Еще менѣе опредѣленно онъ отзывался о церковно-славянскомъ языкѣ. Онъ зналъ только по лѣтописи, что Кириллъ и Меѳодій обратили Моравянъ, въ Россію же христіанство проникло слишкомъ сто лѣтъ спустя и совсѣмъ другимъ путемъ, поэтому-де они и не имѣли чести попасть въ календари русскихъ святыхъ [15]). Но Шлецеръ все-таки допускалъ возможность, что священное писаніе, которое русскіе стали употреблять при Владимирѣ, можетъ быть то же самое или же произошло изъ того перевода, который сдѣлали Кириллъ и Меѳодій. Рѣшеніе этого вопроса онъ предпочелъ предоставить времени [16]). Ему казалось, что церковно-славянскій языкъ могъ быть въ IX вѣкѣ еще общею матерью всѣхъ позднѣйшихъ славянскихъ нарѣчій. Замѣтимъ однакожъ немалую заслугу Шлецера, что онъ первый, узнавъ изъ Татищева о существованіи славянскихъ житій Кирилла и Меѳодія въ четьихъ-минеяхъ и прологахъ, обратилъ вниманіе и на этотъ источникъ. Правда, онъ не былъ еще въ состояніи оцѣнить это новое пособіе по достоинству, вѣроятно потому, что оно слишкомъ поздно попало ему въ руки, но онъ какъ будто бы чувствовалъ, что тутъ кроется важный источникъ, поэтому и закончилъ свою знаменитую десятую главу словами [17]): «Отысканныя русскія свидѣтельства требуютъ «новаго пересмотра» всего до сихъ поръ объ этомъ писаннаго. . .»

Такъ гласитъ послѣднее слово науки въ началѣ нашего столѣтія. Нечего и говоритъ о томъ, что многіе отдѣльные факты изъ жизни Кирилла и Меѳодія еще не были приведены въ извѣстность, напр. Шлецеръ откровенно признавалъ, что не знаетъ, ни гдѣ ни когда скончался Меѳодій.

Въ это время занимались много тѣмъ же вопросомъ два передовые ученые у чеховъ — Добнеръ и Добровскій. До тѣхъ поръ въ Чехіи и Моравіи пользовалось безусловнымъ авторитетомъ сочиненіе Средовскаго, издавшаго въ 1710 году на латин-

скомъ языкѣ «священную исторію Моравіи или жизнь Кирилла и Меѳодія». Это сочиненіе, какъ доказано Добнеромъ и Добровскимъ, переполнено многими ложными извѣстіями, оно разсказываетъ разныя подробности выдуманныя или взятыя изъ Гайка, напр. о проповѣдникахъ, разосланныхъ будто бы во всѣ стороны славянскаго и неславянскаго міра съ фантастическими названіями, въ Паннонію будто-бы былъ посланъ какой-то Безрадъ, въ Сармацію Визногъ, въ Дакію Яндовъ, въ Россію Наврокъ и т. д. [18]) Не много труда стоило, конечно, опровергнуть такія нелѣпости, но за то въ нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ древней исторіи Чехіи, напр. въ вопросѣ объ участіи Меѳодія въ обращеніи къ христіанству чешскаго народа и его князя Боривоя, возникла между Добнеромъ и Добровскимъ полемика, въ которой первый утверждалъ, а второй отрицалъ упомянутое участье. Критика новѣйшаго времени склоняется болѣе въ положительную сторону. Но въ то время Добнеръ не могъ устоять передъ блескомъ аргументаціи Добровскаго. И замѣчательную свою догадку о древности глаголическаго письма онъ не былъ въ состояніи обставить доказательствами филологическими, она была отвергнута Добровскимъ [19]), доводами котораго противъ Добнера воспользовался также Карамзинъ [20]) въ своей исторіи.

Добровскаго мы величаемъ отцомъ славянской филологіи или патріархомъ славистики, какъ назвалъ его Копитаръ. Никто раньше его не поднялся до высокаго уровня общеславянскихъ научныхъ интересовъ; онъ первый началъ собирать въ свой улей соки литературныхъ, культурныхъ и бытовыхъ явленій изъ прошлой и современной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ безъ различья. Вѣроятно этому широкому пониманію задачи мы должны приписать то, что онъ въ своихъ научныхъ занятіяхъ на первый планъ поставилъ церковно-славянскій языкъ и вопросъ о дѣятельности Кирилла и Меѳодія. О немъ можно безъ преувеличенія сказать, что на изслѣдованіе этихъ предметовъ была потрачена вся его жизнь, на нихъ онъ отводилъ душу. Уже зимою 1792 г. можно было его застать въ синодальной библіотекѣ въ Москвѣ,

гдѣ онъ былъ погруженъ въ изученіе предмета, мало интереса возбуждавшаго въ то время у другихъ, въ изученіе славянскаго перевода священнаго писанія по рукописнымъ экземплярамъ библіи, и приходилъ тогда же къ выводамъ, которые лѣтъ черезъ 60 были обширно разработаны русскими изслѣдователями этого вопроса, Горскимъ и Невоструевымъ[21]). Поэтому неудивительно, что Добровскій былъ въ состояніи сдѣлать къ вышеупомянутой главѣ Шлецера о Кириллѣ и Меѳодіи существенныя поправки, свидѣтельствующія о его основательномъ знакомствѣ съ этимъ вопросомъ [22]). Какъ вообще все содержаніе его «Славина», такъ въ особенности эта статья уже тогда сильно заинтересовала молодого русскаго слависта Востокова: онъ перевелъ ее и прочелъ въ 1810 году въ Обществѣ любителей словесности [23]).

Но Добровскаго занимали тогда уже и такіе вопросы, отъ которыхъ Шлецеръ совсѣмъ уклонялся, напр. о родинѣ церковнославянскаго языка, о его родственныхъ отношеніяхъ къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ; рѣчь заходила о классификаціи славянскихъ нарѣчій, зарождалась сравнительная грамматика, имѣлось въ виду замѣнить грамматику Смотрицкаго лучшимъ и научнымъ потребностямъ времени болѣе соотвѣтствующимъ пособіемъ. Кромѣ «Славина» и продолженія его, «Слованки», этихъ скромныхъ, но чрезвычайно симпатичныхъ памятниковъ всеобъемлющей начитанности, самый богатый матеріалъ для оцѣнки Добровскаго кроется въ его обширной перепискѣ. Для занятій его по церковно-славянскому языку было бы важно изучить переписку его съ Дурихомъ, которая къ сожалѣнію пока еще не издана; но и въ перепискѣ съ молодымъ, очень даровитымъ словенцемъ В. Копитаромъ, имѣется не мало указаній на вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи [24]). Съ свойственнымъ любознательной юности увлеченіемъ Копитаръ задавалъ иногда «учителю» вопросы, на которые не легко было отвѣчать. Такъ уже въ первомъ письмѣ изъ Любляны (1808 года) онъ спрашивалъ Добровскаго по поводу вышеупомянутой статьи «Славина»: нѣтъ ли какихъ либо указаній о томъ, какъ кирилловское письмо и переводъ св. пи-

санія попали къ русскимъ? или же: когда Добровскій напишетъ полную исторію славянскаго перевода священнаго писанія? Добровскій отвѣчалъ нѣсколько уклончиво: кирилловская азбука и переводъ св. писанія пришли къ русскимъ черезъ сербское и болгарское духовенство. Ибо когда Владиміръ принялъ христіанство и завелъ сношенія съ греками, нельзя же было посылать къ нему только грековъ. И къ другимъ славянамъ, прибавляетъ Добровскій, распространилась бы кирилловская письменность, если бы не воспрепятствовали латины. Для полной исторіи славянскаго перевода священнаго писанія недостаетъ, говорилъ Добровскій, только свободнаго времени: въ сущности дѣло уже почти готово [25]). Мы знаемъ, что такого рода трудъ Добровскаго никогда не вышелъ въ свѣтъ.

Въ оцѣнкѣ источниковъ для жизни Кирилла и Меѳодія Добровскій расходился съ Шлецеромъ, полагая, что тотъ преувеличивалъ значеніе разсказа русской лѣтописи. Онъ представлялъ себѣ ходъ событій такъ, что Ростиславъ, требуя изъ Константинополя лучшихъ проповѣдниковъ, чѣмъ были прежніе, нѣмецкіе, уже зналъ должно быть что-то о дѣятельности Кирилла и Меѳодія между южными славянами (сербами, болгарами), что до него уже дошли слухи о славянскомъ богослуженіи; поэтому онъ полагалъ, что Кириллъ и Меѳодій принесли съ собою въ Моравію уже дѣло готовое. Множество греческихъ и на греческій ладъ составленныхъ словъ церкослав. языка служили Добровскому важнымъ, и дѣйствительно еще и теперь трудно устранимымъ доказательствомъ, что цѣлое предпріятіе первоначально предназначалось для южныхъ славянъ солунскаго края и Сербіи, а такъ какъ путь велъ ихъ въ Моравію черезъ Болгарію, то ихъ-де заставили участвовать и въ обращеніи болгаръ [26]). Молчаніе источниковъ объ этой южнославянской дѣятельности слав. апостоловъ онъ объяснялъ себѣ такъ: Большой шумъ надѣлала славянская литургія только въ Моравіи и Панноніи, потому что здѣсь она поразила нѣмецкихъ проповѣдниковъ. Въ греческихъ провинціяхъ она распространилась незамѣтно и уже

раньше, такъ что легко узнали о ней Ростиславъ и Коцель [27]). Мы увидимъ ниже, что въ нѣсколько измѣненномъ видѣ эта гипотеза была принята и Шафарикомъ и, опираясь на такіе высокіе авторитеты, долгое время господствовала въ наукѣ абсолютно. Замѣтимъ еще, что Добровскій былъ склоненъ въ извѣстномъ живописцѣ Меѳодіи, который играетъ роль въ разсказѣ о крещеніи Бориса, видѣть нашего, моравскаго архіепископа Меѳодія. Нынѣшняя наука отвергаетъ это сопоставленіе.

Не имѣя еще возможности правильно понять составъ первоначальной русской лѣтописи, онъ все-таки тонкимъ критическимъ смысломъ вѣрно угадалъ, что статья о Кириллѣ и Меѳодіи не собственное произведеніе Нестора; онъ ошибся только въ томъ, что считалъ ее позднѣйшею вставкою XIV в. [28]).

Въ другомъ мѣстѣ Добровскій дѣлаетъ такое замѣчаніе: Какое счастіе, что Кириллъ явился такъ рано и что переводъ его вскорѣ попалъ въ Россію. Онъ засталъ еще неиспорченный славянскій языкъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ грецизмовъ [29]), да вообще Кириллъ не былъ пуристъ. И это замѣчаніе свидѣтельствуетъ о глубокомъ филологическомъ пониманіи. Церковно-славянскій языкъ дѣйствительно именно тѣмъ и занялъ почетное, выдающееся положеніе въ славянской филологіи, что онъ, вслѣдствіе ранняго появленія въ литературѣ, тонкостью организма и богатствомъ формъ значительно превзошелъ всѣ прочія славянскія нарѣчія и уже по одному этому физіологическому качеству заслуживаетъ названіе совершеннаго, священнаго, «санскритскаго» языка въ семьѣ славянской.

Добровскій уже въ то время много занимался вопросомъ о измѣненіяхъ, которымъ подвергался первоначальный переводъ священнаго писанія и другихъ церковныхъ книгъ въ теченіе столѣтій у южныхъ славянъ и русскихъ. Замѣчательныя для своего времени наблюденія по этой части вошли въ Гризбахово греческое изданіе Новаго Завѣта. Копитару, не совсѣмъ безпристрастно обвинявшему только русскихъ въ отступленіяхъ, Добровскій замѣтилъ, что измѣненія начались уже давно также

на югѣ, но что евангеліе и псалтырь можно бы возстановить въ первоначальномъ видѣ. И этимъ сужденіемъ намѣчена задача славянской филологіи, о трудности которой онъ, правда, не могъ имѣть вѣрнаго понятія, потому что много древнихъ и самыхъ важныхъ для рѣшенія этого вопроса памятниковъ ему не было еще извѣстно [30]).

Критическій пересмотръ всѣхъ данныхъ для біографіи Кирилла и Меѳодія казался Добровскому необходимымъ уже въ 1812 году, при чемъ его особенно занималъ только что открытый тогда полный текстъ греч. житія Климента [31]). Но въ то время Копитаръ, его усердный корреспондентъ, настаивалъ прежде всего на грамматикѣ; онъ напоминалъ ему о ней буквально въ каждомъ письмѣ, рисуя важность ея въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ [32]). Да Добровскій и самъ признавалъ необходимость такого пособія. Онъ высказывалъ уже въ 1809 году убѣжденіе, сдѣлавшееся общимъ достояніемъ науки только лѣтъ 30—40 спустя, что въ филологическомъ изученіи славянскихъ нарѣчій слѣдуетъ начинать съ древне-славянскаго [33]); онъ такъ любилъ этотъ языкъ, что частнымъ образомъ обучалъ ему желающихъ. Дѣло однакожъ затянулось довольно долго. Добровскій часто прихварывалъ, отлучался лѣтомъ на цѣлые мѣсяцы изъ Праги, однимъ словомъ велъ жизнь разсѣянную. Только въ 1820 и 1821 годахъ, большую часть которыхъ онъ провелъ въ Вѣнѣ, грамматика была напечатана и вышла въ самомъ началѣ 1822 года, долго ожидаемая, всѣми радостно встрѣченная, но, надо сказать правду, не удовлетворившая всѣмъ ожиданіямъ. Конечно, это былъ трудъ почтенный, имѣвшій значеніе не только какъ церковно-славянская, а какъ своего рода историко-сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій, плодъ многолѣтнихъ изслѣдованій, блестящее доказательство громадной эрудиціи. Въ то время не было ничего подобнаго даже въ общей, европейской грамматической литературѣ, если исключить только что изданный первый томъ нѣмецкой грамматики Якова Гримма.

Какъ привѣтствовали славянскіе ученые этотъ трудъ Доб-

ровскаго, пусть намъ скажутъ слова компетентнаго судьи Востокова. Онъ пишетъ въ письмѣ графу Румянцову (1 мая 1822 года), что онъ желалъ бы исключительно заняться церковно-славянскою грамматикою, «нынѣ особливо, когда первый въ иностранныхъ земляхъ знатокъ славянскаго языка Добровскій сообщилъ свѣту плоды многолѣтнихъ своихъ разысканій. Я видѣлъ экземпляръ сей книги и нашелъ въ ней множество превосходныхъ вещей: полноту и основательность, какой только можно ожидать отъ столь ревностнаго и опытнаго разыскателя каковъ Добровскій». Но тутъ же вполнѣ вѣрно и безъ малѣйшаго оттѣнка злости указаны также важныя причины нѣкоторой неудовлетворительности. Востоковъ продолжаетъ: «Однакожъ, такъ какъ онъ не имѣлъ у себя многихъ матеріаловъ, какими мы можемъ пользоваться въ Россіи (напр. древнѣйшихъ словесныхъ памятниковъ XI в., каковы Остромирово Евангеліе и проч.), то и не могъ всего опредѣлить удовлетворительнымъ образомъ. Будущему сочинителю славянской грамматики, живущему въ Россіи, остается съ помощію сихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ пополнить, объяснить и поправить многія недостаточныя, сомнительныя или ошибочныя мѣста въ грамматикѣ Добровскаго, коей впрочемъ отдаю я преимущество предъ всѣми доселѣ изданными» [34]).

Изъ иностранцевъ упомянемъ знаменитаго Нибура, который въ письмѣ изъ Рима благодарилъ за посланную ему грамматику и жалѣлъ только, что на старости лѣтъ теперь уже не будетъ въ состояніи по этому превосходному пособію изучать языкъ, который его сильно интересовалъ въ молодости. Онъ умоляетъ въ письмѣ Копитара склонить Добровскаго на новое препріятіе, на критическое изданіе первоначальнаго перевода св. писанія [35])!

Добровскій живо чувствовалъ источникъ недостатковъ своего труда; зная отчасти сокровища библіотекъ русскихъ, онъ увлекся мыслью поѣхать еще на Аѳонъ, для возстановленія настоящаго Кирилла или Пракирилла, какъ онъ выражался. Назывались даже покровители такого предпріятія: графъ Румянцовъ и загребскій епископъ Верховацъ [36]). Но преклонныя лѣта Добровскаго исклю-

чали вѣроятность и даже возможность осуществленія этихъ мечтаній. Имъ было суждено осуществиться лѣтъ черезъ 25, и это выпало на долю одного русскаго слависта. Но за то Добровскій дѣлалъ все то, что было легче исполнить 70-лѣтнему старцу. Онъ исправлялъ и пополнялъ свою грамматику, собираясь серьезно издать ее вторымъ изданіемъ [37]). Драгоцѣнный экземпляръ, на страницы котораго онъ вносилъ свои примѣчанія, поправки и дополненія, остался въ 1828 году у Копитара на память, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Добровскаго имъ же самимъ подаренный любимому вѣнскому другу [38]).

И Копитаръ не былъ вполнѣ доволенъ грамматикою Добровскаго, но не по тѣмъ же причинамъ, которыя такъ вѣрно отмѣчены Востоковымъ. Онъ намекалъ уже давно въ письмахъ къ Добровскому на несостоятельность его гипотезы о происхожденіи церковно-славянскаго языка отъ древне-сербскаго, совѣтуя ему обратить вниманіе на германскіе элементы въ составѣ словъ этого языка, которые говорятъ въ пользу такой страны, гдѣ уже раньше, должно быть, дѣйствовало христіанство нѣмецкое. Такою страною Копитаръ признавалъ Паннонію [39]). Такимъ образомъ родилась у него гипотеза о паннонизмѣ, или по его воззрѣніямъ собственно лучше было бы сказать о хорутанизмѣ церковно-слав. языка. Копитаръ ожидалъ, что Добровскій въ своемъ капитальномъ трудѣ посвятитъ отдѣльную главу разбору этого вопроса. Досадно было увидѣть, что Добровскій этого не сдѣлалъ. Поэтому въ рецензіи на грамматику онъ поднялъ этотъ вопросъ, по мнѣнію Добровскаго совсѣмъ не кстати; многолѣтней дружбѣ угрожалъ разрывъ [40]). Однакоже до этого не дошло, но за то несвоевременныя будто-бы замѣчанія Копитара ускорили у Добровскаго изданіе двухъ сочиненій спеціально посвященныхъ вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи. Это была извѣстная, въ 1823 году изданная монографія «Славянскіе апостолы Кириллъ и Меѳодій» и дополненіе къ ней, напечатанное въ 1826 году, «Моравская Легенда о Кириллѣ и Меѳодіи» [41]). Въ этихъ двухъ книжкахъ собраны и разсмотрѣны еще разъ всѣ данныя

о Кириллѣ и Меѳодіи, которыя были извѣстны въ то время; въ нихъ высказаны послѣдніе взгляды Добровскаго по любимымъ вопросамъ, измѣненные въ сравненіи съ прежнимъ мнѣніемъ въ нѣкоторыхъ только пунктахъ. Такъ онъ теперь расширилъ прежнее представленіе о церковно-славянскомъ языкѣ, назвавъ его «старымъ несмѣшаннымъ сербско-болгарско-македонскимъ нарѣчіемъ». Съ этимъ конечно Копитаръ еще менѣе соглашался, чѣмъ съ прежнимъ мнѣніемъ [42]). Добровскій продолжалъ не обращать вниманія на славянскіе источники за исключеніемъ сказанія русской лѣтописи и статьи черноризца Храбра. Придавая главное значеніе различнымъ латинскимъ источникамъ, онъ и теперь еще полагалъ, что Константинъ былъ епископомъ (по второму изслѣдованію только въ Римѣ), что пріѣхалъ въ Моравію, чтобы здѣсь продолжать дѣло, начатое уже въ Болгаріи, отрицалъ однакожъ достовѣрность сказанія, будто бы Константинъ только на обратномъ пути изъ Моравіи проповѣдывалъ въ Болгаріи. Живописца монаха Меѳодія онъ и здѣсь еще отожествлялъ съ архіепископомъ моравскимъ, отвергалъ же позднѣйшее преданіе о Велеградѣ и дѣятельность Меѳодія на почвѣ чешской; онъ полагалъ, что Меѳодій, возвратившись приблизительно въ 881 году въ Римъ, тамъ и остался и скончался въ Римѣ, неизвѣстно въ какомъ году. Правда, во второмъ изслѣдованіи онъ уже обратилъ вниманіе на изданное Калайдовичемъ проложное житіе, гдѣ совсѣмъ иначе говорится о кончинѣ Меѳодія, но онъ не хотѣлъ повѣрить этому источнику.

Сочиненія Добровскаго были вскорѣ переведены на русскій языкъ. «Кириллъ и Меѳодій» вышелъ уже въ 1825 году въ великолѣпномъ изданіи, на средства графа Румянцова, въ переводѣ сдѣланномъ молодымъ тогда М. Погодинымъ при живѣйшемъ участіи Востокова, исправившаго переводъ и давшаго мысль приложить нѣкоторые новые памятники, которыми изданіе перевода отличается отъ самого подлинника [43]). Но грамматика, со многими сторонами которой, какъ мы уже видѣли, Востоковъ не могъ согласиться, вышла гораздо позднѣе въ

1833 и 1834 годахъ, въ изданіи менѣе привлекательномъ [44]). Переводъ сдѣланъ Погодинымъ и Шевыревымъ, и дѣйствительно не долженъ былъ явиться безъ значительныхъ исправленій или передѣлокъ въ странѣ и литературѣ, которая могла уже тогда гордиться именемъ Востокова. Но у молодыхъ и одушевленныхъ людей, какими были тогда Погодинъ и Шевыревъ,— похвально и это усердіе. Дѣйствительно, труды Добровскаго оплодотворили въ Россіи почву, приготовленную уже для научныхъ интересовъ, касающихся славянства, щедрымъ покровительствомъ графа Румянцова, и дѣятельностью такихъ людей, какъ: Евгеній, Карамзинъ, Востоковъ, Калайдовичъ, Кеппенъ, Погодинъ и другіе.

Выше всѣхъ конечно стояли труды Востокова по церковно-славянскому языку. Онъ занялъ съ самаго начала завидное положеніе. Въ Остромировомъ евангеліи онъ нашелъ великолѣпный якорь, къ которому спокойно могъ прикрѣпить свою ладью. Такой опоры у Добровскаго никогда не было. Замѣчательное совпаденіе. Къ той же рецензіи, которою Копитаръ оповѣщалъ ученый міръ объ изданіи грамматики Добровскаго, онъ долженъ былъ прибавить уже похвальный отзывъ о извѣстномъ «Разсужденіи» Востокова, написанномъ и посланномъ въ Москву въ началѣ 1820 года и изданномъ въ томъ же году въ «Трудахъ». Копитаръ назвалъ это изслѣдованіе русскаго ученаго неожиданною зарею истинной древне-славянской филологіи на восточномъ небѣ славянства [45]). Анекдотъ о томъ, что Добровскій хотѣлъ сжечь свою грамматику, когда узналъ о разсужденіи Востокова, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Изъ переписки его съ Копитаромъ видно, что грамматика Добровскаго была не только уже отпечатана, но и разослана, когда пріѣхалъ въ Вѣну Кеппенъ и между прочими книгами привезъ съ собою изслѣдованіе Востокова. Копитаръ не преминулъ тотчасъ увѣдомить объ этомъ Добровскаго, въ письмѣ 22 марта 1882 года; ему казалось, что эта статья вмѣстѣ съ палеографическими матеріалами, привезенными Кеппеномъ, стоила того, чтобы До-

бровскій на 8—10 дней заѣхалъ въ Вѣну [46]). Съ тѣхъ поръ Добровскій очень уважалъ Востокова [47]). Онъ оцѣнилъ сразу его широкія познанія по церковно-славянскому языку, почерпнутыя изъ такихъ превосходныхъ памятниковъ, которые онъ самъ едва зналъ по имени. Но справедливость требуетъ сказать и то, что въ разсужденіи Востокова замѣтно основательное знакомство со всѣми филологическими трудами Добровскаго, которые до тѣхъ поръ вышли. Не пустыя слова то, что Востоковъ написалъ Добровскому въ письмѣ, при которомъ онъ послалъ ему выписки и списки изъ Остромирова евангелія: «Давно уже я васъ люблю и уважаю какъ учителя и вождя своего по стезѣ грамматическихъ изслѣдованій, которыми я занимаюсь. Ваши открытія пролили свѣтъ на древнее строеніе богатаго и правильнаго языка словенскаго, подвергшагося въ продолженіе вѣковъ равной участи съ другими древними языками, т. е. обѣдненію въ формахъ и лишенію прежней правильности. Первобытнаго богатства и правильности сего языка надобно искать въ письменныхъ памятникахъ онаго, разсѣянныхъ по всѣмъ словенскимъ краямъ. Въ Россіи доселѣ отысканы древнѣйшіе, по достовѣрнымъ лѣтопоказаніямъ памятники языка церковно-словенскаго, (до коего собственно касаются ваши Institutiones linguae Slavicae) и между ними первое мѣсто занимаетъ евангеліе, писанное для Остромира, посадника новгородскаго, въ 1056 году» [48]). Простыми словами, откровенно, но безъ лишнихъ фразъ, выставлено здѣсь то преимущество, которое волею судьбы досталось въ удѣлъ Россіи для славянской филологіи. Дѣйствительно, все богатство древнѣйшихъ источниковъ нашей науки, за небольшими исключеніями, сосредоточено здѣсь; многое, чего въ эпоху Добровскаго еще недоставало, прибавилось впослѣдствіи, благодаря усердію первыхъ русскихъ славистовъ и просвѣщенному вниманію правительства. Даже путешествіе на Аѳонъ теряетъ теперь для западно-славянскаго филолога-слависта то значеніе, которое еще Добровскій придавалъ ему, въ сравненіи съ богатыми сокровищами Москвы, Петербурга.

Судя по великолѣпному разсужденію Востокова, отъ него можно было ожидать еще многихъ другихъ изслѣдованій по нашему вопросу, т. е. по церковно-славянскому языку и дѣятельности Кирилла и Меѳодія; но усиленныя библіографическія занятія отклонили его въ другую сторону, гдѣ онъ такими трудами, какъ Описаніе рукописей румянцовскаго музеума, создалъ себѣ monumentum aere perennius. Кто однакожъ не знаетъ великолѣпнаго изданія Остромирова евангелія? Краткія грамматическія правила, приложенныя къ этому изданію, переработаны потомъ въ особую книгу, изданную только въ 1860 году. Необъемиста эта грамматика церковно-славянскаго языка, но вслѣдствіе изумительно вѣрной объективности изложенія она еще надолго не потеряетъ своего значенія. Такими же превосходными качествами отличается и его словарь церковно-славянскаго языка: и послѣ значительно расширеннаго пособія въ новомъ изданіи словаря Миклошича, изслѣдователь не рѣдко беретъ съ пользою въ руки трудъ Востокова.

Но у Востокова былъ такой складъ ума, что его изслѣдованія всегда нуждались въ большомъ запасѣ положительныхъ данныхъ; гдѣ же этихъ не было, онъ предпочиталъ воздерживаться отъ предположеній и догадокъ. Поэтому и въ вопросахъ, относящихся къ Кириллу и Меѳодію, онъ оставался посторонимъ зрителемъ, предоставляя борьбу разногласныхъ взглядовъ другимъ, конечно не по недостатку сочувствія къ нимъ, — вѣдь онъ посвятилъ всю свою жизнь предметамъ, близко касающимся до этого вопроса — а скорѣе потому, что вдумавшись въ постановку такихъ вопросовъ, какъ о происхожденіи церковно-славянскаго языка, о двоякой письменности, онъ не находилъ пока моментовъ, дающихъ возможность высказать свое мнѣніе съ той рѣшительностью и положительностью, которую онъ любилъ въ своихъ трудахъ [49]).

Востоковъ предоставлялъ разработку упомянутыхъ вопросовъ другимъ. Эти другіе были въ то время еще преимущественно у западныхъ славянъ, но уже и въ Россіи число слави-

стовъ возростало. Здѣсь оказалъ въ то время существенныя услуги вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи почтенный разыскатель о Іоаннѣ Ексархѣ — Калайдовичъ. Важность этого великолѣпнаго труда заключается, правда, не во взглядахъ, которые Калайдовичъ высказалъ о церковно-славянскомъ языкѣ [50]), но въ драгоцѣнныхъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ изъ ново-открытыхъ и здѣсь впервые напечатанныхъ источниковъ. Въ этомъ трудѣ въ первый разъ понемногу поднялась занавѣсь, закрывавшая до тѣхъ поръ цѣлую эпоху въ исторіи церковно-славянской письменности, именно ту важную эпоху въ духовной жизни славянъ, которая связывала первый актъ, разыгравшійся въ предѣлахъ Моравіи и Панноніи, съ главнымъ дѣйствіемъ, перенесеннымъ съ конца Х-го вѣка на почву русскую. Эта важная услуга доставила Калайдовичу лестное признаніе самого Добровскаго [51]).

У западныхъ славянъ послѣ смерти Добровскаго остался его вѣрный другъ Копитаръ, къ которому вскорѣ присоединился Шафарикъ, но присоединился только какъ современный труженикъ, не какъ другъ и единомышленникъ. Напротивъ ихъ разногласіе по многимъ вопросамъ славянскихъ древностей приняло съ самаго начала черезъ чуръ рѣзкій характеръ, славянская филологія отъ этого конечно не выиграла. Судьба жестоко подшутила надъ достойнымъ Шафарикомъ, заставивъ его подъ конецъ жизни въ существенныхъ пунктахъ перемѣнить свои прежніе взгляды и притти къ убѣжденіямъ, когда-то горячо отвергаемымъ, пока ихъ отстаивалъ Копитаръ.

По вопросу, который служитъ темою нашего разсужденія, послѣ трудовъ Добровскаго, Востокова и Калайдовича, громадный шагъ впередъ сдѣланъ монументальнымъ изданіемъ Копитара Glagolita Clozianus, напечатаннымъ въ 1836 году. Это одно изъ такихъ сочиненій, которыя не легко потеряютъ свою прелесть: талантъ автора такъ и высказывается въ каждомъ словѣ. Уже въ бытность свою въ Парижѣ, въ 1815 году, Копитаръ занялся по просьбѣ Добровскаго однимъ пергаменнымъ

листкомъ, на которомъ былъ написанъ алфавитъ глаголическій съ названіями буквъ по латыни. Это такъ называемый Abecenarium bulgaricum. Французскіе палеографы XVIII столѣтія относили этотъ отрывокъ, судя по почерку латинскихъ буквъ, къ XI вѣку. Копитаръ, возвратившись въ Вѣну, тотчасъ сообщилъ Добровскому о результатахъ своего наблюденія, прибавляя не въ шутку: Добнеръ сказалъ бы, ну вотъ Добровскій провалился, который думаетъ, что глаголица вошла въ употребленіе только съ 1222 года. Добровскій отвѣчалъ: Какъ пріятно вы удивили меня. О еслибъ я былъ уже въ Вѣнѣ. Я сгараю нетерпѣніемъ узнать отъ васъ подробности. Но мнѣ не вѣрится, чтобы уже въ XI вѣкѣ писали по глаголически. Не настаиваю точно на 1222 годѣ, 50 лѣтъ раньше или позже, это ничего не значитъ [52]).

И такъ Добровскій еще не поддался. Но вотъ въ 1830 году, годъ спустя послѣ смерти добраго друга, Копитаръ убѣдился, что опредѣленіе французскихъ палеографовъ было вѣрно. Ему случайно попала въ руки цѣлая тетрадка, написанная такимъ же письмомъ, заключающая въ себѣ текстъ церковно-славянскій, по старинному характеру языка не уступающій нисколько Остромирову евангелію. Accidit in puncto, quod non speratur in anno! Этими словами римскаго поэта озаглавилъ Копитаръ начало своего труда. И дѣйствительно, открытіе этого отрывка, извѣстнаго въ славянской филологіи подъ названіемъ Glagolita Clozianus или Сборникъ графа Клоца, внесло новую, свѣжую струю въ славянскую филологію. Неожиданно выросъ передъ глазами изслѣдователей новый вопросъ о двоякой славянской письменности, отъ котораго уже нельзя было такъ легко отдѣлаться, какъ это попытался было сдѣлать Добровскій съ глаголицею позднѣйшихъ памятниковъ такъ называемаго хорватскаго письма [53]).

Не было въ живыхъ уже стариннаго друга, съ которымъ Копитаръ могъ бы подѣлиться своимъ восторгомъ надъ сдѣланнымъ открытіемъ. Съ чешскими учеными, позволившими себѣ литературные подлоги во славу отечества, онъ не ладилъ. Тутъ онъ вспомнилъ о Востоковѣ, съ которымъ онъ только что

вошелъ въ переписку годъ передъ тѣмъ. Онъ рѣшился написать ему письмо тотчасъ по полученіи упомянутаго отрывка, который самъ графъ Клоцъ послалъ ему въ Вѣну черезъ одного профессора осенью 1830 года. Высказывая радость объ этой неожиданной находкѣ глаголическаго памятника, онъ просилъ Востокова помочь ему присылкою параллельныхъ кирилловскихъ текстовъ «qui cum ipse sis rei peritissimus, tum in medio sedes codicum rarissimorum et librorum, nobis hic summa utriusque rei penuria laborantibus». Востоковъ отвѣтилъ полною готовностью помогать, доставилъ тотчасъ нѣсколько кирилловскихъ параллелей и, что всего важнѣе, указалъ на Супрасльскую рукопись у каноника Бобровскаго, въ которой дѣйствительно имѣются схожіе тексты.

«Съ живѣйшимъ любопытствомъ, пишетъ Востоковъ, ожидаю появленія въ свѣтъ вашего глаголическаго Остромира, который какъ я надѣюсь пояснитъ намъ многое по части словенскихъ древностей и особенно пополнитъ свѣдѣнія наши о глаголическихъ письменахъ и о связи оныхъ съ кирилловскими. Желая и съ моей стороны способствовать приведенію въ ясность сего предмета, прилагаю при семъ снимокъ нѣсколькихъ строкъ изъ кирилловской рукописи XI вѣка, въ коихъ употреблены начальныя буквы глаголическія. Симъ открытіемъ опровергается предположеніе Добровскаго, что глаголическія письмена изобрѣтены не прежде XIII вѣка». Далѣе онъ подробно разсказываетъ, какъ въ 1821 году имѣлъ въ рукахъ отрывокъ Евгеніевской псалтыри, снялъ для себя fac simile между прочимъ съ трехъ фигурныхъ (иниціальныхъ) буквъ ⰲ ⰵ ⱅ, единственно для странности ихъ, отнюдь не подозрѣвая, чтобы это были глаголическія буквы. Въ то время онъ не занимался глаголическою письменностью. По той же причинѣ онъ не обратилъ вниманія на глаголическую букву ⱑ въ кирилловской рукописи словъ Григорія Назіанзина, на которую впослѣдствіи указалъ ему Кухарскій. Но нынѣ, продолжаетъ Востоковъ, «когда письмо ваше побудило меня особенно заняться разборомъ глаголическихъ буквъ, вспом-

нилъ и о снимкахъ изъ псалтыри Евгеніевой и взглянувъ на оные, нашелъ къ удивленію моему въ нихъ глаголическія буквы»[54]).

Изслѣдованіе Копитара вышло только черезъ пять лѣтъ, т. е. въ началѣ 1836 года. У всѣхъ славистовъ оно служитъ драгоцѣннымъ источникомъ и пособіемъ, не устарѣвшимъ до сихъ поръ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ грамматическихъ толкованій. Кромѣ образцоваго изданія самого текста, важность этого изслѣдованія состоитъ въ остроумно написанномъ обширномъ введеніи (Prolegomena), гдѣ Копитаръ главнымъ образомъ старался изложить и убѣдительными доводами обставить свою гипотезу о паннонизмѣ церковно-славянскаго языка. О глаголическомъ письмѣ онъ довольствовался указаніями на факты и мнѣнія, между которыми приводится и имя Востокова, отвергающія предположенія Добровскаго; на положительномъ рѣшеніи въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ онъ не настаивалъ. Мы никакъ не можемъ назвать безпристрастнымъ отзывъ Шафарика объ этомъ трудѣ, высказанный въ письмѣ къ Востокову въ началѣ 1836 года[55]). Приводимыя противъ Копитара слова: Opinionum commenta delet dies: ложныя мнѣнія опровергаетъ время, обратились четверть столѣтія спустя противъ него самого. Новѣйшая наука въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей склоняется въ сторону мнѣнія, намѣченнаго уже Копитаромъ, потомъ же подробнѣе изложеннаго въ послѣднихъ изслѣдованіяхъ самого Шафарика и другихъ. Но вспомнимъ слова Шафарика, которыми онъ увѣдомлялъ въ 1855 году Погодина объ открытіи пражскихъ глаголическихъ отрывковъ: Надо вопросъ о происхожденіи нашихъ алфавитовъ подвергнуть новому пересмотру, что однакожъ слѣдуетъ сдѣлать съ осмотрительностью и критикою[56]). Такъ скажемъ и мы: Наука должна итти впередъ неустрашимо, но осмотрительно, выводовъ своихъ не навязывать, дожидаясь съ терпѣніемъ, пока тѣнь предразсудковъ разсѣютъ лучи истины. Festina lente!

Въ тѣ годы Шафарикъ былъ занятъ своимъ безсмертнымъ трудомъ, славянскими древностями, предпріятіемъ громаднымъ по замыслу, превосходнымъ по исполненію. Оно обуслов-

лено прежде всего конечно рѣдкою личною энергіею автора, но не подлежитъ сомнѣнію, что на тернистомъ пути сильно поддерживала его вѣра въ смѣлый полетъ славянской науки, которой, чтобы ни говорили въ то время личные ихъ враги, все-же первыми опорами были у западныхъ славянъ Добровскій, Копитаръ, а у русскихъ Востоковъ, всѣ три чуждые болѣзненной романтической примѣси, широко раскинувшейся по многимъ литературнымъ и научнымъ произведеніямъ западныхъ славянъ и ихъ русскихъ подражателей.

Нашему вопросу, т. е. Кириллу и Меѳодію и церковно-славянскому языку, Шафарикъ всегда посвящалъ особое вниманіе. Вѣдь въ немъ славянскій филологъ оспаривалъ право на первенство у славянскаго историка. Уже въ 1826 году, въ исторіи славянскихъ литературъ, дѣятельность слав. апостоловъ излагалась обширно и внимательно; здѣсь онъ придерживался конечно выводовъ добытыхъ изслѣдованіями Добровскаго. Съ его словъ онъ говорилъ и о дѣятельности апостоловъ въ Болгаріи, предшествовавшей поѣздкѣ въ Моравію, и о возвращеніи Меѳодія въ Римъ, гдѣ онъ послѣ 1881 года и умеръ, и т. д. Но приблизительно то же самое, только съ большими подробностями, съ прибавкою нѣкоторыхъ новыхъ соображеній и съ богатою литературною обстановкою, повторялось также въ Древностяхъ. Изложивъ вкратцѣ жизнь и дѣятельность солунскихъ братьевъ, Шафарикъ подробнѣе остановился на вопросѣ, гдѣ и когда началось славянское богослуженіе, желая тѣмъ убѣдительнѣе доказать теорію о болгарскомъ происхожденіи языка и богослуженія славянскаго. Большое значеніе здѣсь придавалось свидѣтельству черноризца Храбра, возраженія Копитара съ сылками на лексическій характеръ церковно-славянскаго языка отвергались доводами, которые намъ теперь уже не кажутся убѣдительными. Главное отступленіе отъ Добровскаго заключалось въ томъ, что Шафарикъ здѣсь уже признавалъ Велеградъ, какъ центръ Великой Моравіи, гдѣ въ 885 году скончался Меѳодій; о Константинѣ онъ допускалъ только, что ему былъ предложенъ папою санъ

епископскій. Объ этой своей статьѣ Шафарикъ написалъ письмо Востокову еще раньше, чѣмъ она вышла. Онъ самъ спѣшилъ выставить рѣзкое различіе между взглядами своими и Копитара: «О Константинѣ и Меѳодіѣ и о родинѣ церковно-славянскаго языка я изложилъ пока свои мысли въ Славянскихъ Древностяхъ, во главѣ которая говоритъ объ исторіи Великой Моравіи. Я постарался обставить ихъ источниками. Мои взгляды принципіально расходятся съ мнѣніемъ Копитара. Надѣюсь, что никто безпристрастный отселѣ не усомнится въ томъ, что Константинъ и Меѳодій, прежде чѣмъ пришли въ Богемію и Моравію, перевели евангеліе и апостолъ и литургическія книги для славянъ болгарскаго царства». [57]) Какъ уже сказано, Шафарикъ самъ былъ тотъ безпристрастный, который потомъ лѣтъ 20 спустя усомнился во всемъ этомъ, и сомнѣнія его теперь раздѣляетъ большинство славянскихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и русскихъ.

Жаль, что Шафарику не удалось составить трудъ, матеріалы для котораго онъ въ это время очень усердно собиралъ (какъ видно изъ писемъ къ Востокову и Погодину [58]), т. е. сочиненіе параллельное къ его превосходнымъ Serbische Lesekörner (1832), только по отношенію къ болгарскому языку. Я жалѣю объ этомъ еще и потому, что мнѣ кажется, разногласіе между нимъ и Копитаромъ прекратилось бы, можетъ быть, еще при жизни послѣдняго; выводы, къ которымъ Шафарикъ пришелъ только въ 1858 году, явились бы, можетъ быть, двумя десятками лѣтъ раньше и при большомъ, вполнѣ заслуженномъ авторитетѣ, которымъ онъ вездѣ пользовался, можно полагать, что согласные взгляды двухъ передовыхъ славистовъ западно-славянскихъ нашли бы тотчасъ откликъ и въ Россіи. Но вышло иначе. Въ Россіи замѣчали, что существуютъ два враждебныя теченія въ западно-славянской наукѣ, и большинство тѣхъ, которые имѣли сношенія съ западно-славянскими учеными, не входя въ подробное разбирательство этого спора, давали предпочтеніе тому, что болѣе соотвѣтствовало ихъ личному сочувствію и расположенію.

Изъ драгоцѣнной переписки Востокова видно, какое участіе

принималъ графъ Румянцовъ въ изданіи русскаго перевода сочиненія Добровскаго о «Кириллѣ и Меѳодіи». Изданіе наткнулось на цензурное препятствіе, потому что разсказъ оказался не совсѣмъ согласнымъ съ редакціею четьихъ миней. Графъ Румянцовъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою «охранить насъ отъ такого стыда» [59]). Почтенный графъ не подозрѣвалъ, что въ данномъ случаѣ цензура стояла, конечно безсознательно, за важный источникъ по исторіи Кирилла и Меѳодія. Онъ не подозрѣвалъ, что въ этихъ четьихъ минеяхъ, такъ неуважительно отвергаемыхъ тогдашними учеными, начиная съ Шлецера и кончая переводчикомъ монографіи Добровскаго, заключался самый драгоцѣнный и первой важности источникъ для біографіи Кирилла и Меѳодія. Доказать это посчастливилось молодому тогда еще русскому ученому, столь много сдѣлавшему впослѣдствіи для церковно-славянскаго языка, Ал. Горскому. Его статья вышла въ 1843 году въ Москвитянинѣ [60]). По всѣмъ правиламъ критики и ученаго толкованія здѣсь доказано большое историческое значеніе минейскихъ житій какъ источника для біографіи слав. апостоловъ. Эта сравнительно очень небольшая статья, можно смѣло сказать, сдѣлала такую же эпоху въ исторіи о Кириллѣ и Меѳодіи, какъ лѣтъ двадцать раньше Разсужденіе Востокова по церковно-славянскому языку. Шафарикъ, у котораго имѣлся уже списокъ житія Кирилла по одной старосербской рукописи [61]), понималъ значеніе этого источника; уже въ письмѣ 5 февр. 1843 г., не получивъ еще статьи Горскаго, а только списокъ текста изъ Макаріевской минеи, онъ называлъ этотъ источникъ драгоцѣннымъ бисеромъ и обращалъ на него вниманіе Погодина. Статью Горскаго онъ прочелъ только зимою 1844 года и назвалъ ее очень занимательною и поучительною [62]). Кажется отсюда онъ узналъ впервые о житіи Меѳодія, котораго у него тогда еще не было; онъ настоятельно просилъ Погодина доставить ему списокъ этого источника. Шафарикъ заявлялъ уже тогда желаніе критически обработать обѣ эти легенды, извѣстныя въ наукѣ подъ названіемъ «паннонскихъ», и приготовить

ихъ для изданія, хотя бы оно вышло только послѣ смерти его. Благородный и восторженный труженикъ славянской науки называлъ это предпріятіе чудесною темою — и вотъ ему было суждено привести его въ исполненіе въ извѣстныхъ «Юго-славянскихъ достопамятностяхъ» (изданныхъ въ 1851 году въ Прагѣ, новымъ славянскимъ шрифтомъ, приготовленнымъ имъ же при участіи разныхъ русскихъ славистовъ [63]). Горскій обрадовалъ Шафарика также присылкою списка статьи о письменахъ черноризца Храбра, по рукописи Московской духовной академіи; это тотъ важный списокъ, въ которомъ апологія славянскихъ письменъ заключаетъ въ себѣ слова: «сѫть бо еще живи, иже сѫть видѣли ихъ» (т. е. Кирилла и Меѳодія). Шафарикъ приходилъ въ восторгъ отъ этихъ важныхъ словъ [64]).

Еще раньше, чѣмъ вышелъ приготовленный Шафарикомъ текстъ обѣихъ паннонскихъ легендъ, познакомился съ содержаніемъ статьи Горскаго посредствомъ чешскаго перевода ея извѣстный германскій историкъ Ваттенбахъ. Она произвела такое пріятное, полное убѣдительности, впечатлѣніе на него, что онъ поспѣшилъ включить содержаніе ея какъ «Nachschrift» въ книжку, напечатанную въ 1849 г. подъ заглавіемъ: Beiträge zur Geschichte der christlichen Kirche in Mähren und Boehmen, гдѣ онъ какъ извѣстно въ первый разъ напечаталъ одно имъ открытое письмо папы Стефана къ королю Святополку. Но настоящимъ достояніемъ обще-европейской исторической науки сдѣлались паннонскія легенды съ тѣхъ поръ только, какъ онѣ подвергнуты подробному критическому анализу извѣстнымъ историкомъ Дюммлеромъ, разобравшимъ очень основательно сначала житіе Меѳодія въ 1854 году, а потомъ въ 1870 году житіе Кирилла. Послѣ Дюммлера, т. е. послѣ напечатаннаго имъ изслѣдованія о житіи Меѳодія, коснулся значенія «паннонническихъ» легендъ А. Викторовъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ, а въ 1877 году вышло въ Кіевѣ очень важное сочиненіе А. Воронова, посвященное разбору главнѣйшихъ источниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія. Сочиненіе это отличается чрезвычайною кри-

тическою трезвостью и занимаетъ именно этимъ качествомъ почетное мѣсто въ литературѣ о Кириллѣ и Меѳодіи [65]).

Еще до изданія текстовъ обоихъ житій, Шафарикъ разыскивалъ съ удивительнымъ усердіемъ слѣды церковной письменности у древнихъ болгаръ, желая лучше освѣтить эту важную эпоху. Онъ успѣлъ собрать драгоцѣнныя указанія, послужившія ему матеріаломъ для замѣчательной статьи, напечатанной въ 1848 году: «Разцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи» [66]).

Здѣсь надо еще съ признательностью упомянуть хоть бы въ двухъ словахъ Мацьеёвскаго, посвятившаго вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи и обращенію славянскихъ народовъ къ христіанству довольно обстоятельное разсужденіе въ своихъ «Pamiętniki o dziejach, pismiennictwie i prawodawstwie Słowian» (Warszawa 1839). Онъ опирался не только на изслѣдованія предшественниковъ, но съ своей точки зрѣнія старался дѣятельность слав. апостоловъ распространить очень далеко по сѣверозападному славянству, въ размѣрахъ по нынѣшнимъ болѣе критическимъ взглядамъ науки слишкомъ широкихъ [67]).

Учрежденіе каѳедръ славянскихъ нарѣчій въ русскихъ университетахъ и посылка даровитыхъ молодыхъ людей за границу для изученія исторіи, литературы и быта славянскихъ народовъ— вотъ важный фактъ въ исторіи славянской филологіи сороковыхъ годовъ [68]). До сихъ поръ благородныя стремленія въ пользу научнаго изслѣдованія славянства не находили оффиціальнаго примѣненія, они пріютились было въ частныхъ литературныхъ кружкахъ, обществахъ и гостепріимныхъ палатахъ просвѣщенныхъ вельможъ. Теперь положеніе измѣнилось къ лучшему. Починъ сдѣланъ въ Россіи, примѣру ея со временемъ послѣдовали и въ сосѣднихъ государствахъ, въ предѣлахъ которыхъ живутъ славяне. Но и въ этомъ новомъ, болѣе выгодномъ положеніи славянская филологія не измѣнила тому знамени, которое до сихъ поръ высоко держали ея первые двигатели: на немъ было на первомъ мѣстѣ написано Кириллъ-Меѳодій и ихъ церковно-славян-

скій языкъ. Дѣйствительно первые представители славянской филологіи въ русскихъ университетахъ доказали дѣломъ и словомъ, сколь дорога имъ память славянскихъ первоучителей, и какъ серьезно они понимаютъ свою задачу изслѣдованія церковнославянскаго языка.

Одинъ изъ молодыхъ путешественниковъ, отправившихся къ славянамъ, задался какъ извѣстно смѣлою мыслью проникнуть въ тѣ мѣста, гдѣ по историческому преданію была родина славянскихъ учителей, въ надеждѣ найти тамъ какія нибудь воспоминанія о дѣятельности не то ихъ самихъ, не то ихъ ближайшихъ учениковъ, наконецъ получить доступъ въ то богатое древнехранилище, на Аѳонъ, гдѣ въ теченіе многихъ столѣтій въ тихомъ уединеніи проживали духовныя лица разныхъ славянскихъ народовъ, занятыя переводами или списываніемъ славянскихъ книгъ. Поѣздка В. И. Григоровича въ Турцію, классическое описаніе этой поѣздки, результаты ея для обогащенія источниковъ нашей науки—всѣмъ такъ хорошо извѣстны, что было бы излишне о нихъ распространяться [69]). И теперь еще мы можемъ съ удовольствіемъ указать на этотъ опасный, но удачный подвигъ русскаго слависта, и съ благодарностью пользуемся привезенными имъ оттуда драгоцѣнными памятниками. Григоровичъ самъ напечаталъ не много, но все, что онъ напечаталъ, отличается глубокомысліемъ и оригинальною сообразительностью. Кто же имѣлъ счастіе быть его ученикомъ или товарищемъ, тотъ никогда не забудетъ благороднаго одушевленія, съ которымъ онъ всегда отзывался о славянской филологіи, въ особенности о памяти славянскихъ апостоловъ и о церковно-славянскомъ языкѣ. Укажу на его рѣчь о значеніи этого языка, произнесенную въ одномъ торжественномъ собраніи 1851 года въ Казани: воспроизведеніе ея какъ разъ подходило бы къ данной минутѣ. Приведу только то мѣсто, гдѣ онъ вполнѣ вѣрно приписываетъ изученію церковно-славянскаго языка въ русскихъ университетахъ троякую задачу: «Охраняя наши преданія, говоритъ онъ, церковно-славянскій языкъ даруетъ намъ общеніе съ предками, сближаетъ насъ

въ обширномъ отечествѣ нашемъ; находясь въ взаимности съ родными нарѣчіями, онъ приводитъ насъ къ общенію съ соплеменниками; наконецъ цѣлостью поясняемый онъ расширяетъ предѣлы нашего сознанія и ставитъ насъ въ обширнѣйшую сферу образованнѣйшихъ народовъ» [70]). Нерѣшенные вопросы славянскихъ древностей привлекали къ себѣ вниманіе Григоровича въ высшей степени. О происхожденіи глаголицы онъ высказывалъ свое оригинальное мнѣніе не разъ и если оно и не было принято наукой, все же приносило ту существенную пользу, что распространяло въ обществѣ, къ которому онъ любилъ обращаться съ живою рѣчью, интересъ и сочувствіе къ подобнаго рода вопросамъ [71]).

Еще больше слѣдовъ преданности къ дѣлу Кирилла и Меѳодія осталось отъ второго слависта изъ этой эпохи, по крайней мѣрѣ въ литературѣ—отъ О. М. Бодянскаго. Его можно бы назвать воспитанникомъ Шафарика, если бы тому удалось окончательно остановить и уравнить порывы пылкой души даровитаго малоросса. Въ первые годы своего заграничнаго пребыванія онъ самъ признавалъ, что занимался славянской филологіею подъ руководствомъ Шафарика. «Онъ для меня, писалъ Бодянскій, цѣлая академія, ему я болѣе всѣхъ обязанъ и сомнѣваюсь, что бы кто нибудь могъ мнѣ такъ пригодиться какъ онъ. Шафарикъ равно силенъ и какъ дома во всѣхъ частяхъ славянщины. Это цѣлая библіотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о славянахъ. Это каждый день имѣю я случай замѣчать и когда помыслю, чего это стоило ему при трудныхъ его обстоятельствахъ, нуждѣ и препятствіяхъ, невольно изумляюсь такой неутомимой дѣятельности, твердости и любви къ своему предмету» [72]). Можно представить себѣ, что такой свѣтлый примѣръ долженъ былъ глубоко отпечатлѣться въ воспріимчивой душѣ русскаго ученаго. Поклоненіе Шафарику отразилось дѣйствительно въ переводахъ на русскій языкъ не только многихъ мелкихъ статей пражскаго слависта (онѣ напечатаны въ Чтеніяхъ московскаго общества) а также отдѣльныхъ сочиненій, Народоописанія (1843) и Славянскихъ Древностей [73]).

Своими самостоятельными трудами Бодянскій доказалъ, что онъ унаслѣдовалъ отъ Шафарика трудолюбіе и неутомимость, менѣе удалось ему усвоить себѣ его критическіе пріемы[74]). Въ доказательство укажу на его обширное изслѣдованіе «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», въ которомъ онъ съ изумительною основательностью подобралъ всѣ источники и пособія для рѣшенія заданнаго вопроса, воспроизвелъ до мелчайшихъ подробностей всѣ мнѣнія, высказанныя по этому поводу, но тяжесть собранныхъ матеріаловъ подавила его и не дала ему почти возможности свободнаго движенія. Отъ громадной начитанности, высказавшейся въ полномъ свѣтѣ, слишкомъ далеко отстала способность критическаго анализа. При большомъ напряженіи силъ получены выводы очень незначительные. Поэтому даже этотъ спеціальный вопросъ, связанный конечно не только съ жизнію апостоловъ, но и съ палеографіею и филологической критикою, которыя однакожъ въ трудѣ какъ то незамѣтны, не могъ быть окончательно рѣшенъ; онъ не сдѣлалъ лишними дальнѣйшія изслѣдованія, которыя не преминули явиться и у западныхъ славянъ и въ Россіи[75]). Нечего и говорить, что этотъ трудъ все-таки на долго останется справочною книгою у всѣхъ славистовъ.

Еще громаднѣе затѣянъ планъ Бодянскаго издать всѣ источники, имѣющіе какое либо отношеніе къ жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Онъ намѣревался «для успѣшнаго сколько нибудь составленія новаго критическаго изслѣдованія о дѣятельности Кирилла и Меѳодія собрать всѣ памятники, относящіеся къ этому предмету, написанные на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ». Но для достиженія этой цѣли онъ избралъ самый неудачный способъ изданія[76]). Вмѣсто того, чтобы всѣ списки одного и того же памятника послѣ тщательнаго сравненія издать въ видѣ одного цѣлаго, снабженнаго подстрочными разночтеніями всего того, на что стоитъ обратить вниманіе, онъ поступилъ такъ, что напр. паннонское житіе Кирилла напечаталъ рядомъ по 16 спискамъ. Такимъ образомъ эта одна легенда заняла у него слишкомъ 500 печатныхъ страницъ, т. е. по крайней мѣрѣ въ 10 разъ

больше, чѣмъ нужно было. Житіе Меѳодія напечатано по восьми спискамъ, похвала обоимъ апостоламъ по 15 спискамъ [77]). На этомъ дѣло остановилось, оно остается rudis indigestaque moles. Какъ жаль!

И третій молодой славистъ П. Прейсъ, несмотря на краткость много обѣщавшей его жизни, обнаружилъ въ своихъ отчетахъ и донесеніяхъ министру народнаго просвѣщенія глубокое пониманіе церковно-славянскаго языка какъ центра славянской филологіи [78]).

Послѣдній самый видный представитель перваго поколѣнія русскихъ славистовъ, И. И. Срезневскій [79]), послѣдовалъ примѣру Востокова въ томъ, что не входилъ въ спорные и нерѣшенные еще вопросы изъ жизни и дѣятельности славянскихъ апостоловъ [80]), а заботился объ изслѣдованіи самого дѣла, завѣщаннаго намъ преданіемъ вѣковъ, вѣрно расчитывая, что розысками въ области древнеславянской письменности онъ проложитъ славянской наукѣ путь къ полному пониманію и достойной оцѣнкѣ дѣятельности самихъ первоучителей. Нынѣшніе представители славянской филологіи съ благодарностью припоминаютъ, какое множество памятниковъ впервые открыто, описано и отчасти издано И. И. Срезневскимъ; у всѣхъ ихъ въ свѣжей памяти его важный сборникъ неизвѣстныхъ или неизданныхъ до тѣхъ поръ текстовъ южно-славянской письменности, имѣющихъ ближайшую связь съ первою (задунайскою) эпохою церковно-славянскаго языка [81]). То о чемъ мечталъ Шафарикъ, желая издать отголоски болгарской письменной старины, совершилось теперь благодаря труду Срезневскаго. Къ Остромирову евангелію, уцѣлѣвшему изъ письменности древне-русской, присоединилась теперь Саввина книга изъ письменности дунайскихъ славянъ и рядомъ съ ними изданныя мною евангелія: Зографское и Маріинское, а также Ватиканское, вотъ тѣ устои, на которыхъ теперь можетъ быть возсозданъ по крайней мѣрѣ одинъ трудъ славянскихъ апостоловъ въ первоначальномъ видѣ, — мысль которою, какъ мы видѣли, задавался отецъ нашей науки Добровскій [82]).

Съ какимъ вниманіемъ И. И. Срезневскій слѣдилъ за всѣми явленіями славянской филологіи, какія остроумныя замѣчанія онъ дѣлалъ на труды Шафарика, Миклошича и другихъ славистовъ, это должно быть извѣстно всѣмъ, кто еще помнитъ его многочисленные отзывы въ Извѣстіяхъ второго отдѣленія. Замѣтимъ еще къ вопросу, насъ сегодня занимающему, что И. И. Срезневскій напечаталъ первый сводный, критически отдѣланный текстъ службы апостолу Кириллу, что имъ впервые издано приписываемое Константину философу «Написаніе о первой вѣрѣ» и по новому списку «Похвала Кириллу философу», приписываемая Клименту [83]).

Изъ заграничныхъ университетовъ обращаетъ на себя вниманіе болѣе всего Вѣна, гдѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ (съ 1849 г.) занялъ каѳедру славянскихъ нарѣчій славный вождь нашей науки въ настоящее время, великій ученикъ Копитаровъ, Миклошичъ. Крупная это величина въ современной филологической наукѣ. И тѣмъ, кто далекъ отъ нашихъ занятій — сдѣлалось это яснымъ недавно, когда юбилейный праздникъ его соединилъ къ дружному участью въ оваціи ученыхъ представителей всѣхъ европейскихъ народовъ [84]). Этотъ творецъ сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, ознаменовавшій безчисленными плодами путь своей жизни, подарившій намъ опять на дняхъ замѣчательный трудъ, параллельный словарь русскаго съ прочими славянскими языками, — и онъ не упускалъ случая, гдѣ и какъ только возможно было доказать свое уваженіе къ дѣлу славянскихъ апостоловъ. Не ему ли мы обязаны церковно-славянской грамматикою въ достойномъ научномъ видѣ, созданной на основаніи древнѣйшихъ памятниковъ глаголической и кирилловской письменности, на что давно уже указывалъ Востоковъ, какъ на главную потребность славянской науки? [85]) Не онъ ли первый точно опредѣлилъ древнѣйшій, такъ называемый паннонскій типъ церковно-славянскаго языка? [86]) Не онъ ли издалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ церковно-славянской письменности, Супрасльскій сборникъ? Не онъ ли сдѣлалъ намъ доступнымъ

второй послѣ евангелія трудъ слав. первоучителей (апостолъ), по Шишатовацкому тексту XIV вѣка? [87]) Не ему ли мы обязаны лексикальною и этимологическою разработкою церковно-славян. языка? [88]) Не по его ли латинскимъ переводамъ и новымъ изданіямъ паннонскія легенды о жизни и дѣятельности славянскихъ апостоловъ сдѣлались общедоступнымъ источникомъ для всей ученой Европы? Не онъ ли разобралъ и критически оцѣнилъ христіанско-литургическій характеръ церковно-славянскаго языка, въ чемъ ему предшествовала одна только попытка, сдѣланная въ молодые годы нашимъ достойнымъ сочленомъ Буслаевымъ? [89]) И такъ я могъ бы еще долго продолжать вопросы, на которые всѣ мы, занимающіеся славянскою наукой, съ удовольствіемъ отвѣчали бы: да, все это славныя дѣла Миклошича.

Въ высокой степени полезная и плодотворная дѣятельность первыхъ представителей славянской филологіи въ упомянутыхъ университетахъ принесла и приноситъ свои плоды. Наука, занимавшая въ началѣ столѣтія еще совсѣмъ ограниченное число скромныхъ тружениковъ, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ и безъ средствъ, поддерживаемая до сороковыхъ годовъ напряженіемъ силъ частныхъ лицъ — съ тѣхъ поръ нашла поддержку и признаніе со стороны правительства, она привилась и пустила глубокіе корни въ средѣ прочихъ филологическихъ дисциплинъ. Любовь къ славянской филологіи сообщилась многимъ, рѣшенію вопросовъ ея стали посвящать себя свѣжія молодыя силы.

Открылись новые пути ихъ дѣятельности. Рядомъ съ каѳедрами славянскихъ нарѣчій въ восьми русскихъ университетахъ и нѣсколькихъ другихъ высшихъ заведеніяхъ (духовныхъ академіяхъ, историко-филологическихъ институтахъ) въ Россіи, теперь уже существуютъ такія же каѳедры въ восьми университетахъ австрійскихъ (въ Вѣнѣ, Прагѣ, Градцѣ, Краковѣ, Львовѣ, Черновицахъ, Загребѣ, Будапештѣ), три въ университетахъ гер-

манской имперіи (въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Лейпцигѣ), по одной во Франціи, Даніи, Швеціи и Сербіи. Относительно нѣкоторыхъ другихъ странъ, какъ Италіи, Румыніи, такое же учрежденіе предвидится въ ближайшемъ будущемъ. Поистинѣ неожиданный, блестящій успѣхъ въ продолженіе неполнаго полустолѣтія!

Что эти новыя силы до сихъ поръ сдѣлали — объ этомъ не мнѣ судить, скажу только отъ имени всѣхъ ихъ нашъ обѣтъ: мы постараемся не измѣнить знамени, переданному намъ достойными нашими предшественниками и учителями; постараемся повести довѣренную намъ науку такъ, чтобы праздникъ первой столѣтней годовщины въ начинающемся съ завтрашняго дня новомъ тысячелѣтіи не помянулъ насъ лихомъ.

Прочное положеніе, которое слав. филологія теперь заняла на ряду съ другими предметами университетскаго преподаванія, отразилось благопріятно и на вопросѣ о Кириллѣ и Меѳодіи. Число разысканій, изслѣдованій и разсужденій, посвященныхъ этому вопросу, стало быстро увеличиваться, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ лѣтъ двадцать тому назадъ возобновлена память о первой поѣздкѣ братьевъ въ Моравію. Съ тѣхъ поръ въ каждой славянской литературѣ вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи нашелъ представителей, написавшихъ произведенія, различныя конечно и по внѣшнему объему и по внутреннему научному достоинству. Достаточно указать на главнѣйшія изъ нихъ. Въ русской литературѣ этому вопросу посвящены, кромѣ выше упомянутыхъ, еще сочиненія Филарета [90]), Гильфердинга [91]), П. Лавровскаго [92]), Бильбасова [93]), Голубинскаго (трудъ послѣдняго, увѣнчанный Уваровскою преміею, остается къ сожалѣнію въ рукописи [94]), Порфирія [95]), Петрушевича [96]) и другихъ [97]). Въ литературѣ чешской укажемъ на сочиненія Штульца [98]), Билаго [99]), Дудика [100]), Первольфа [101]) и другихъ. Въ южнославянской (сербо-хорватской, словенской и болгарской) литературѣ существуютъ изслѣдованія Рачкаго [102]), Ткальчича [103]), Берчича [104]), Черчича [105]) и другихъ [106]). Въ польской литературѣ мнѣ извѣстны по отношенію къ Кириллу и Меѳодію изданія и изслѣдо-

ванія Бѣлёвскаго [107]), Реттеля [108]), и Громницкаго [109]). Въ нѣмецкой литературѣ достаточно упомянуть Гинцеля [110]), и мимоходныя разсужденія у различныхъ историковъ [111]), во французской укажемъ на Леже [112]) и Мартынова [113]), въ италіанской на Бартолини [114]).

Итакъ не совсѣмъ неподготовленные приступаемъ мы къ завтрашнему празднику. Историко-филологическія изслѣдованія успѣли уже выяснить значеніе Кирилла и Меѳодія въ исторіи культурнаго развитія славянскихъ народовъ. Великое дѣло славянскихъ первоучителей, церковно-славянскій языкъ, занялъ теперь уже подобающее ему мѣсто въ наукѣ, онъ признанъ безпрекословно всѣми какъ превосходное средство для уразумѣнія всѣхъ живыхъ славянскихъ нарѣчій, поэтому онъ живетъ въ церкви у громаднаго большинства, въ наукѣ же у всѣхъ безъ исключенія славянъ. Но наукѣ приличествуетъ скромность. Она не скрываетъ отъ себя многихъ пробѣловъ, которые предстоитъ ей еще восполнить дальнѣйшими разысканіями и изслѣдованіями. По вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи они намѣчены отчасти начатыми, но не доконченными предпріятіями, отчасти желаніями, высказанными уже давно [115]).

Пусть завтрашній праздникъ содѣйствуетъ къ распространенію любви и вниманія къ этимъ вопросамъ, чтобы представители славянской науки, согрѣваемые теплымъ сочувствіемъ окружающей ихъ среды, неустанно продолжали свое дѣло и въ новомъ тысячелѣтіи, руководимые духомъ научной правды и взаимнаго уваженія.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Подлинныя слова легенды по списку Успенскаго собора XII вѣка: съвьракъшемъ же сѧ [имъ] въ цвѣтьноую недѣлю вьсѣмъ людьмъ, въшьдъ въ цьркъвь и не могъи каза въ благодати цьсарѧ и кънѧзѧ и клирикы и люди вьсѧ, и рече: стрѣзѣте мене, дѣти, до .г҃.-ѥго дьне. ꙗкоже и бысть. свитающоу .г҃.-моу дьни, прочее рече: въ роуцѣ твои, господи, доушю мою вълагаю. на роукахъ же иерѣнскахъ почи, въ .г҃. дьнь мѣсѧца априлѧ, въ .г҃. индиктъ, въ ѕ҃. и .т҃. и .ч҃. и .г҃. лѣто ѿтъ твари вьсего мира. Здѣсь нѣсколько затрудняютъ слова «и не могъи каза въ благодати». Миклошичъ переводитъ ихъ такъ: quamvis infirmus, praedicans gratias egit. Такой же смыслъ придавалъ этому мѣсту еще прежде Шафарикъ (у Первольфа: i slab jsa, žehnal cisaře . . . такъ и у Бильбасова: и больной благословивъ царя, князя, духовенство и весь народъ, сказалъ. . .), но чтобы такъ переводить, необходимо благодати исправить въ благодарити, противъ чего говоритъ преданіе рукописей. Не лучше ли понимать такъ: «войдя въ церковь, онъ изнемогая отъ слабости поучалъ въ благодати царя и князя и духовенство и весь народъ»? Бодянскій предлагалъ перевести такъ: поручивъ благодати или наставлялъ въ благодати... О какомъ царѣ здѣсь рѣчь идетъ? Конечно, о константинопольскомъ,—новое доказательство въ пользу предположенія, что эта легенда первоначально была написана въ предѣлахъ византійской имперіи, на греческомъ языкѣ. О поученіяхъ (παραινέσεις) Меѳодія говорится также въ греч. легендѣ о св. Климентѣ болгарскомъ.

2) Списковъ доселѣ извѣстныхъ собственно восемь, всѣ они рядомъ напечатаны въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. и Древн. 1865, кн. 1. Ср. перечень ихъ у А. Воронова, Главн. Источники, стр. 66. Не понимаю словъ Миклошича: «Annum 6394 omnia vitae apographa habent»; сколько я могъ видѣть, вездѣ въ житіи Меѳодія написанъ годъ 6393 (҂ѕтчг). Вѣроятно онъ хотѣлъ указать на противорѣчіе между показаніемъ года въ житіи и въ похвальномъ словѣ, гдѣ дѣйствительно послѣдовательно повторяется годъ 6394 (҂ѕтчд), но тамъ не выставлено число ни мѣсяца ни индикта. Ср. А. Воронова, Главн. Ист., стр. 185

3) Что въ 885 году пасха была 11 апрѣля, явствуетъ изъ формулы Гауса, см. Calendariographie oder Anleitung alle Arten Kalender zu verfertigen von J. J. Litrow. Wien. 1828, 8°, стр. 54, 155; H. Grotefend, Handbuch der historischen Chronologie des deutschen Mittelalters und der Neuzeit. Hannover 1872, стр. 160, 193.

4) Въ Ассемановомъ (глаголическомъ) евангеліи читается подъ 6 апрѣля: и памѧть оусъпениѣ прѣподобьнааго отьца нашего Меѳодіа архиеп(искоу)па вышнѧ

Моравъи, брата прѣподобьнааго Курила философа. Трефологій Зографскаго монастыря XIII вѣка подъ тѣмъ же числомъ: и памѧть о(ть)ца Меѳодіа оучителѣ словѣньскомоу народоу и брата еѧ (sic?) Кирилла философа (Срезн. малоизв. пам. № 68). Въ Охридскомъ апостолѣ (XII вѣка) подъ тѣмъ же числомъ: Въ тои жде дьнъ почи блаженъі ѿць нашъ Меѳодие архиеп(ископ)ъ моравескъ, оучителъ словѣнъскоу жзыкоу, иже прѣложи въскресъ (?) наставль ѱати штъ гречъска въ словѣнескъ жзъікъ. Въ Слѣпченскомъ апостолѣ нѣтъ упоминанія. Въ Саввиной книгѣ сохранился только намекъ въ слѣдующемъ видѣ: мѣ(сѧ)ц(ь) априль .ѕ. авьтѹха и мет. (т. е. методиа). Изъ русскихъ евангелій не упоминаютъ Меѳодія: Остромирово, Мстиславово, Юрьевское (XI—XII в.), не упоминаетъ ихъ также Кондакарь XI—XII в. типогр. библіотеки (Сергій полн. мѣсяцесл. I, прил. 23), но въ типографскомъ четвероев. XII вѣка отмѣчено подъ тѣмъ же числомъ: памѧт оца Меѳодіа архіеп(ископ)а морав'ска; и въ синодальной минеѣ XII вѣка подъ тѣмъ же числомъ: ст҃ма оучителема словѣньскоу ꙗзыкоу Курила философа и блаженаго Меѳодиꙗ. «Странно, что служба Кириллу и Меѳодію, находившаяся въ студійскихъ минеяхъ, не внесена въ минеи іерусалимскаго устава и такимъ образомъ празднованіе симъ святымъ было оставлено въ Россіи до новѣйшихъ временъ». Сергій полн. мѣсяцесловъ I. 159. Онъ приводитъ память обоимъ апостоламъ отмѣченную въ типогр. уставѣ XIV в., но въ болѣе древнихъ XII и XIII в. ея нѣтъ (Серг. полн. мѣсяц. I прил. 31). Въ четьихъ минеяхъ легенда о Меѳодіи помѣщена подъ 6 апрѣля въ рукописяхъ изданія Бодянскаго № 2, 3, 4, 5, 6, 8; въ № 7 подъ 4 апрѣля. Въ сборникѣ древнѣйшемъ (Успенскаго собора) XII вѣка она попала не на свое мѣсто, въ мѣсяцъ май, но по похвалѣ, сохранившей въ томъ же сборникѣ отмѣтку дня 6, можно судить, что въ подлинникѣ, съ котораго эти тексты списаны, то и другое (житье и похвала) помѣщалось подъ 6 апрѣля. Такого мнѣнія былъ уже Бодянскій (Чтенія Моск. Общ. 1865 кн. I). Похвала обоимъ апостоламъ внесена подъ 6 ч. апрѣля еще въ № 3, 5, 7, 10, 13, 14 изд. Бод. Изъ старосербскихъ памятниковъ упоминаютъ Меѳодія подъ 6 апрѣля: евангеліе Мирославово (ср. Сергій полн. мѣсяц. I. 102) и апостолъ Шишатовацкій: памѧть блаженаго штьца нашего Меѳодиꙗ епископа моравьскаа. Въ прологѣ румянцовскаго музея XIII—XIV в. № 319, краткое сказаніе обоимъ апостоламъ помѣщено подъ 25 ч. августа, но память положена подъ 6 ч. апрѣля (ср. К. Калайдовича, Іоаннъ Ексархъ стр. 90). Если не ошибается Мартыновъ (Les manuscrits slaves, Paris 1858, стр. 73), то и въ одномъ глаголическомъ часословѣ римскаго обряда (XIV вѣка) память Меѳодія отмѣчена подъ тѣмъ же числомъ, а по указанію дра. Черчича въ одномъ глагол. часословѣ XIV в. подъ пятымъ (sic?) апрѣля (Starine XIV. 216), хотя впрочемъ въ римско-глаголическихъ рукописяхъ память обоихъ апостоловъ обыкновенно приводится подъ 14 февр. (ср. И. Берчичъ Dvie službe 12—15), на которомъ и въ кирил. рукописяхъ установилась память и легенда Кирилла (у Бодянскаго № 1, 2, 3, 4, 6, 7, 10, 11, 12, 14, 15, 16). Трудно объяснить, почему 14-е февраля въ иныхъ рукописяхъ замѣнено 14-мъ октября (у Бодянскаго № 5, 8, 9), какъ днемъ памяти Кирилла; за 14 февраля говорятъ такія древнія свидѣтельства, какъ Остромирово и Ассеманово ев. и множество другихъ памятниковъ (ср. Извѣстія X. 125). Подъ 14 февр. вносилась память Кирилла въ мѣсяцесловы старопечатныхъ книгъ, напр. они отмѣчены въ венеціанскомъ молитвословѣ 1547 года, въ такомъ же сборникѣ (венеціанскомъ) 1566 года (съ тропаремъ и кондакомъ), въ псалтири Загуровича 1569 г. (венеціанской), въ такой же 1638 года, и т. д. Изъ русскихъ книгъ я впервые встрѣтилъ упоминаніе Кирилла въ уставѣ (Московскомъ) 1610 года, гдѣ подъ 14 февр. приводится память «ѿца нашего Кирилла еп҃па катаскаго оучитлѧ словенѡ и болгарѡ иже преложи рѹскѹю грамотѹ съ греческіѧ и кр҃ти словены и болгары» (есть тропарь и кондакъ).

5) П. Эвальдъ высказалъ по поводу ново-открытыхъ регестъ папскихъ писемъ (въ Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde, B. V., въ изслѣдованіи: die Papstbriefe der brittischen Sammlung, стр. 408) мнѣніе, что Меѳодій скончался 887—888 г. Противъ этого мнѣнія справедливо возражалъ о. Мартыновъ въ статьѣ «Saint Méthode apôtre des Slaves et les lettres des souverains pontifes conservées au british museum» (Revue des Questions historiques, Octobre 1880, отд. отт. стр. 26—30). Издатели ново-открытыхъ регестъ, по скольку они относятся къ славянамъ (Миклошичъ и Рачкій), слѣдуя примѣру Эвальда, опредѣляютъ время написанія инструкціи, данной папою Стефаномъ VI двумъ посламъ, отправленнымъ къ Святополку, годомъ 887 — 888 (Starine, knjiga XII, str. 220); я соглашаюсь съ Мартыновымъ и отношу какъ письмо такъ и инструкцію къ концу 885-го или началу 886-го года. Разсужденіе о. Мартынова убѣдило также Эвальда, какъ доказываютъ его слова, въ томъ же нѣмецкомъ журналѣ, томъ VI, стр. 470—471. См. еще časopis česk. mus. 1881, стр. 286—305.

6) Славянское богослуженіе существовало въ теченіе столѣтій не только у всѣхъ православныхъ славянъ, но также у части славянъ западной церкви. Право на славянское богослуженіе было однакожъ у послѣднихъ постоянно оспариваемо. Для далматинско-хорватскихъ славянъ см. Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia, coll. diges. expl. dr. Fr. Rački (Zagrabiae 1877) стр. 188—9, 204, 206, 210; Thomae archidiaconi spalatensis Historia salonitana cap. XVI; Шафарикъ Památky hlaholského písemnictví, стр. XLIII—LI. Для чешскихъ славянъ см. Ваттенбахъ Die slavische Liturgie in Boehmen (Breslau 1857) стр. 220—233, И. С. Пальмовъ: Памятники Кирилло-Меѳодіевской старины въ Чехіи и Моравіи (напеч. въ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, стр. 41—56) и В. Э. Регель: Учредительныя грамоты пражской епархіи (тамъ же стр. 265—330). О славянскомъ богослуженіи у Чеховъ послѣ IX столѣтія существуютъ разногласныя мнѣнія въ новѣйшей исторической литературѣ чешской, ср. статью д—ра И. Калуска (Kalousek): O novém předělávání české historie za věku sv. Lidmily въ «Часописѣ» чешскаго музея 1882, стр. 477 —488, 1883, стр. 593—602. Относительно «предкарпатскихъ» странъ обращаетъ на себя вниманіе сочиненіе А. С. Петрушевича: «Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскихъ странахъ во времена св. Кирилла и Меѳодія» (Львовъ 1882). Любопытныя данныя о томъ, какъ славянское богослуженіе въ Далмаціи и въ предѣлахъ хорватскаго Приморія еще въ нашемъ столѣтіи въ силу вещей мало по малу уступало латинскому, содержатъ брошюрки «Crtice o slovenskoj liturgiji, sastavio ih o. Šimun Milinović, Zadar 1880», «Razprava ob obstojećoj porabi staroslovenskoga ili glagoljskoga jezika u sdruženih biskupijah senjskoj i modruškoj, u Bakru 1882».

7) Значительная распространенность житій Кирилла и Меѳодія въ теченіе 15—17 вв. видна изъ немалаго числа текстовъ, найденныхъ до сихъ поръ въ четьихъ-минеяхъ или сборникахъ поученій. Легенда о Кириллѣ извѣстна до селѣ по 17-ти спискамъ, которые перечислены въ изданіи Миклошича (1870 г.), къ которымъ надо еще прибавить два новыхъ списка, отпечатанные у Бодянскаго № 14 и 15. Да это не всѣ. Преосв. Порфирій читалъ одинъ текстъ въ четьихъ-минеяхъ Хиландарскаго монастыря, ср. Труды Кіевской дух. академіи 1877 г., томъ 4-й, стр. 92 и слѣд. Помнится, что и я въ собраніи рукописей Михановича, которое теперь въ Загребѣ, нашелъ одну четью-минею 15—16 вѣка, содержащую, кажется, ту же легенду, я не успѣлъ еще сличить ее съ изд. текстомъ. О спискахъ житья Меѳодія см. въ примѣч. 2. Какъ извѣстно, по рукописнымъ четьимъ-минеямъ составлено въ концѣ XVII вѣка Дмитріемъ Ростовскимъ особое сказаніе о жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія, ко-

торое заслонило собою древнія легенды. Оно напечатано въ изданіи 1700 года (Книга Житіи С҃тыхъ) на лл. фл—фмѕ подъ II ч. мая: Житіе и труды прпбныхъ Ѿцъ нашихъ Меѳодіа и Константіна нареченнаго Кирилла еппювъ моравскихъ оучтлей словенскихъ. На источникъ указано на поляхъ страницы: Ѿ различ҃ныхъ харатейныхъ четей сокращеніе. По этой передѣлкѣ Дмитрія Ростовскаго узналъ о слав. апостолахъ Татищевъ, она легла въ основаніе разсужденія у Шлецера.—Проложныхъ житій имѣется также не мало списковъ. Одинъ текстъ о Меѳодіи напечатанъ Калайдовичемъ по румянцовскому списку XIII — XIV в. (Іоаннъ Ексархъ стр. 90), параллельный съ нимъ текстъ бѣлградскаго пролога напечатанъ др. Янкомъ Шафарикомъ въ XVI книгѣ «Гласника», перепечатанъ же И. И. Срезневскимъ въ Запискахъ VI, стр. 108—110, и самостоятельно по тому же подлиннику Вл. Ив. Ламанскимъ въ Запискахъ VI, прил. № 1, стр. 112 — 3. Въ другой редакціи, по прологамъ XV — XVI в., напечатаны отдѣльно житіе Кирилла и житіе Меѳодія въ приложеніи къ «Кириллу и Меѳодію», переведенному М. Погодинымъ, стр. 103—107. Гильфердингъ нашелъ и напечаталъ въ Извѣстіяхъ VI, 383—6 особую редакцію житья Кирилла (перепечатанную Бильбасовымъ съ разночтеніями по одному молдавскому списку II, 238—246). Довольно своеобразный разсказъ о томъ, какимъ чудомъ Кириллъ изобрѣлъ письмена, напечатанъ впервые въ «Гласникѣ» кн. VIII, перепечатанъ потомъ Бильбасовымъ (II, 217—219) и снова самостоятельно, можетъ быть не по тому же списку, преосв. Порфиріемъ въ Трудахъ Кіев. дух. акад. н. н. м. Сл. мои критическія замѣтки въ Archiv für slav. Philologie IV, 297 и слѣд. См. выше прим. 4.

8) Похвала слав. первоучителямъ Кириллу и Меѳодію вмѣстѣ напечатана Бодянскимъ въ Чтеніяхъ 1865, кн. 2, 1866, кн. 2, по 15-ти спискамъ, начиная съ древнѣйшаго XII в. (№ 1). Можно указать еще на 16-й списокъ, изданный Даничичемъ въ Starine кн. I-й. Короче и менѣе содержательною, а болѣе риторическою вышла та похвала одному Кириллу (безъ Меѳодія), которая въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ напечатана по двумъ рукописямъ, одной XIII и одной XV вѣка, Срезневскій же по этимъ и еще другимъ рукописямъ составилъ сводный текстъ этого панегирика въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ № 37. У меня отмѣчено, что и въ Михановичевой рукописи № 23 имѣется тотъ же текстъ. Иныя рукописи, но не древнѣйшія, приписываютъ эту краткую похвалу Клименту, что—не очень правдоподобно. — На службы слав. апостоламъ первые обратили вниманіе Горскій и Григоровичъ, послѣдній издалъ въ Казани 1862 г. службы Кириллу и обоимъ апостоламъ вмѣстѣ. Его и Горскаго разсужденіе вм. съ текстами перепечатаны въ Кирилло-Меѳод. сборникѣ, гдѣ также сравненіе обоихъ текстовъ сдѣлано П. С. Казанскимъ и разночтенія изъ другихъ старыхъ рукописей приведены А. И. Арсеньевымъ. Новое сводное изданіе службы св. Константину по восьми спискамъ сдѣлалъ И. И. Срезневскій въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ № 28. Къ службѣ св. Меѳодію, изданной Григоровичемъ, найденъ до сихъ поръ только одинъ параллельный текстъ, онъ изданъ (очень плохо) въ «Българскы книжици» за 1860 годъ, ч. III, кн. вторая, стр. 54—59. О службахъ тѣмъ же апостоламъ по глаголическимъ спискамъ римскаго обряда, изданныхъ Месичемъ и Берчичемъ, достаточно указать на образцовое изложеніе въ прекрасномъ трудѣ Воронова (207—222, въ приложеніи перепечатанъ текстъ), съ моими критическими замѣтками въ Archiv f. sl. Phil. IV. 118—120. О чествованіи Кирилла и Меѳодія вмѣстѣ съ учениками подъ общимъ названіемъ святыхъ седмичисленниковъ см. теперь хорошія указанія въ статьѣ проф. М. Дринова (Новый церковно-славянскій памятникъ съ упоминаніемъ о слав. первоучителяхъ, Спб. 1885, отд. отт. изъ Ж. М. Н. Пр. 1885, апрѣльская кн.).

9) На зависимость разсказа первоначальной русской лѣтописи преимущественно отъ житія Меѳодія по паннонской легендѣ указано впервые Горскимъ, потомъ М. И. Сухомлиновымъ въ статьѣ «О древней русской лѣтописи какъ памятникѣ литературномъ», въ Ученыхъ Запискахъ т. III, и Бодянскимъ въ извѣстномъ трудѣ «О врем. происх. письменъ», стр. 61—65. Желателенъ однакожъ болѣе подробный разборъ этого отношенія; въ русской лѣтописи разсказываются и такія вещи, какихъ въ «паннонскихъ» житіяхъ совсѣмъ нѣтъ, напр. «костантинъ же възврати сѧ вьспѧть и иде оучитъ болгарьскаго ѩзыка». Въ этомъ смыслѣ составлено сказаніе въ проложномъ житіи, напечатанномъ М. Погодинымъ, но оно пока извѣстно только по рукописи XV вѣка. Составитель «Повѣсти временныхъ лѣтъ» читалъ, должно быть, кромѣ полныхъ житій о Кириллѣ и Меѳодіи, еще какое-нибудь сокращенное, проложное сказаніе, гдѣ уже упоминалось о «болгарской дѣятельности» Кирилла. Для критической оцѣнки различныхъ сказаній о Кириллѣ и Меѳодіи этотъ фактъ довольно важенъ.

Съ дѣятельностью Кирилла и Меѳодія знакомили нашихъ предковъ еще и хронографы, т. е. универсальныя исторіи среднихъ вѣковъ, гдѣ часто помѣщались статьи «о преложеніи книгъ отъ греческаго на словенскій и сказаніе вкратцѣ о рожденіи и о житіи св. Кирилла философа», ср. А. Попова, Изборникъ слав. и русск. сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы, стр. 137. Сказаніе одного хронографа напечатано М. Погодинымъ въ приложеніи къ «Кириллу и Меѳодію» стр. 103 — 120; ср. Бодянскаго «О происхожд. слав. письм.» 91 и слѣд. Часть текста, напечатаннаго Погодинымъ, въ болѣе исправномъ видѣ издалъ Авг. Бѣлёвскій въ своихъ Monumenta Poloniae Historica I, стр. 90—91.

Не малою популярностью пользовалась также статья черноризца Храбра о слав. письменахъ, ср. о распространеніи ея по рукописямъ въ изслѣдованіи Бодянскаго примѣчаніе 46-е (стр. XXX—XXXII). Статья, какъ извѣстно, вновь издана Калайдовичемъ, въ «Іоаннѣ ексархѣ болгарскомъ» стр. 189—192, съ указаніями на существованіе ея въ печатномъ видѣ, въ изданіяхъ XVII — XVIII вѣковъ (ib. стр. 88—89) и потомъ перепечатана чаще (Шафарикомъ, Палаузовымъ, Гатталою, недавно Дучичемъ и т. д.). На азбуку Бурцова указано опять въ наши дни въ Московскихъ вѣдомостяхъ 1885 г. № 92. И Бодянскій въ статьѣ «о древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковно-книжный языкъ есть славяноболгарскій». (Ж. М. Н. Пр. 1843, ч. 38, отд. II, стр. 130—168) пользовался печатнымъ текстомъ Бурцова и Новикова. Не слѣдуетъ забыть, что по берлинскому сборнику (средне-болгарскому XIII в.) особая редакція статьи Храбра напечатана Вукомъ Караджичемъ въ его «Примјери српско-славенскога језика» 1857. стр. 7—9.

10) Говоря о «славянской наукѣ» я имѣю въ виду славистику, понимая ее въ нѣсколько болѣе обширномъ значеніи, чѣмъ оно обыкновенно соединяется съ названіемъ «славянская филологія».

11) См. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности, томъ XIII, стр. 61. Понятія Шлецера о славянскихъ нарѣчіяхъ и ихъ отношеніи къ церковнославянскому языку были въ то время еще очень неопредѣленны, ср. тамъ же 476—477.

12) Слова Шлецера (въ нѣм. изд. III, 187, въ русск. перев. II, 477) повторены Калайдовичемъ въ самомъ началѣ «Іоанна Ексарха» (стр. 3) и потомъ еще разъ Погодинымъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ, стр. 88. Шлецеръ, какъ видно изъ ссылокъ его (III. 188. 197), зналъ тогда, когда писалъ свою десятую главу, посвященную вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи, не только изданіе лѣтописи Гайка, сдѣланное Добнеромъ, но также нѣкоторыя статьи его, помѣщенныя въ Abhandlungen der boehm. Gesellschaft der Wissenschaften, а также

статью Добровскаго, въ которой тотъ оспаривалъ древность глаголицы. Шлецеръ былъ конечно на сторонѣ Добровскаго (II. 327), называя глаголицу «глупою» (albern) III. 188.

13) См. нѣмецкое изданіе Шлецера I. 41, русск. перев. I. стр. ѯг: «Каковы были эти первыя кирилловскія буквы, какъ и когда пришли они къ Руссамъ? это никому неизвѣстно»; II. 325—6 (безъ русскаго перевода): «Gerade um die Zeit, da Kyrill sein Wesen unter den Mären trieb, bildete sich ein neuer Slavenstaat in Novgorod. Auch hier waren die Leute halb Wilde und blieben es, bis im J. 988 auch unter sie, von Constantinopel her, Taufe und Schreibkunst kam. Unstreitig ist dieses ABC, so wie man es in den ältesten russischen Manuscripten findet, aus dem griechischen... aber ist es eben dasjenige, das Kyrill den Mären gab? Meines Wissens existirt keine slavonische Zeile mehr, die älter als die ältesten russischen Manuscripte wäre. Unstreitig haben die Russen damals auch eine slavonische Bibel-Uebersetzung bekommen: aber war es die Kyrillsche oder eine neue Uebersetzung? Lauter noch unbeantwortete Fragen».

14) См. нѣмецкое изд. Шлецера III. 221, русскій переводъ II, 541. «Что употребляющіяся еще и теперь въ русской церковной печати славянскія буквы, суть настоящія древнія кирилловскія, это конечно неподвержено сомнѣнію, хотя въ теченіе столѣтій въ чемъ нибудь и измѣнились. Но *какъ*, *когда* и *откуда* именно принесены онѣ въ Русь? Возможно ли, чтобы еще и по сію пору не найдено было ничего писаннаго сими буквами въ такихъ земляхъ, въ которыхъ неоспоримо употреблялся въ церковной службѣ славянскій языкъ и греческій обрядъ? Важные вопросы, которые рѣшить можетъ только будещее время». (Замѣчу кстати, что переводчикъ невѣрно передалъ смыслъ нѣмецкаго подлинника во второмъ вопросѣ. Надо было перевести такъ: Какъ объяснить себѣ, что до сихъ поръ не найдено и т. д.) Изъ словъ «въ такихъ земляхъ, въ которыхъ неоспоримо употреблялся въ церковной службѣ слав. языкъ и греческій обрядъ», подъ которыми Шлецеръ подразумѣвалъ Моравію Ростислава, можно заключить, что онъ въ полемикѣ между Добнеромъ и Добровскимъ держалъ сторону перваго.

15) См. нѣмецкое изданіе III. 149, русскій переводъ II. 406: «Крещеніе Моравовъ по греческому обряду, начало письма у славянъ, переводъ библіи — три любопытныя и для всей церковной исторіи и исторіи просвѣщенія важныя произшествія. До Руссіи и до Русскія исторіи они ни по чему прямо не принадлежатъ. Кириллъ и Мефодій крестили только Моравовъ; а Руссы крестились спустя 100 лѣтъ послѣ и совсѣмъ по другимъ причинамъ; по чему сіи апостолы и не вошли въ число русскихъ святыхъ; но прочіе христіане, а особливо Моравы и Богемцы ежегодно празднуютъ память обоихъ 9 марта». Хотя эти слова Шлецера не совсѣмъ вѣрны (уже русскій переводчикъ указалъ ему на то, что «православная наша церковь празднуетъ память сихъ преподобныхъ 11 мая»), они все-таки достопамятны именно для нашихъ дней. Шлецеръ утверждалъ, что Кириллъ и Мефодій не принадлежатъ Россіи и Русскимъ; теперь же многіе въ Россіи возражаютъ, что они не принадлежатъ чехамъ и прочимъ западнымъ славянамъ. Какое странное недоразумѣніе!

16) Ср. нѣм. изданіе III. 149. 223, русскій перев. II. 406. 545. О церковнославянскомъ языкѣ какъ общемъ всѣмъ славянамъ I. 46, русскій переводъ I. ок.

17) Ср. нѣм. изд. III. 234, русск. перев. II. 582.

18) Сочиненіе Стредовскаго уже у Шлецера приводится между «негодными» пособіями, о чемъ онъ могъ знать по отзывамъ Добнера. Добровскій разобралъ это сочиненіе на первыхъ страницахъ своего «Кирилла и Мефодія».

19) Уже въ 1775 году Адауктъ Фойгтъ напечаталъ въ Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Boehmen, Band I, p. 164—199, статью о славянскомъ письмѣ, о кириллицѣ, подъ заглавіемъ: Untersuchung über die Einführung der Buchstaben und des Schreibens in Boehmen. Гелазій Добнеръ въ поясненіяхъ къ тексту лѣтописей Гайка, изданныхъ имъ же въ 1761—1772, высказывалъ чаще мнѣніе, что глаголица старше кириллицы, но безъ особенныхъ доказательствъ. Противъ него направлено разсужденіе Добровскаго въ Abhandlungen einer Privatgesellschaft B. V. (1782), въ статьѣ: Ueber das Alter der boehmischen Bibelübersetzung 300—322, гдѣ онъ въ «Anhang» (318—322) разбираетъ глаголицу и отвергаетъ ея древность. Чтобы оправдать свой взглядъ Г. Добнеръ написалъ въ Abhandlungen der boehm. Gesellschaft der Wissenschaften B. I. 2-te Abtheilung (въ 1785 году) изслѣдованіе подъ заглавіемъ: Aufwerfung einer historisch-kritischen Frage: Ob das heut zu Tage so genannte cyrillische Alphabet für eine wahre Erfindung des heiligen slawischen Apostels Cyrills zu halten sey? (стр. 101—139). Но такъ какъ Добровскій въ упомянутой статьѣ отрицалъ также существованіе славянскаго богослуженія въ собственной Чехіи, раньше появленія туда сазавскихъ монаховъ, то Добнеръ желалъ опровергнуть и это мнѣніе. Съ этой цѣлію онъ напечаталъ въ 1786 году (во второмъ томѣ Abhandlungen der boehm. Gesell). статью: Ueber die Einführung des Christenthums in Boehmen, стр. 394 —444, и какъ дополненіе къ ней въ 1788 г. (тамъ же въ IV томѣ стр. 283—299) статейку «Ueber das Alter der boehmischen Bibelübersetzung von P. Gelasius Dobner». Положеніе Добнера въ данномъ случаѣ было нѣсколько странное. Отстаивая съ одной стороны участіе Меѳодія и слав. богослуженія въ обращеніи къ христіанству чеховъ, съ другой стороны онъ доказывалъ тенденціозно и не безъ натяжекъ, что дѣятельность слав. первоучителей не только по духу ученія соотвѣтствовала требованіямъ римскихъ папъ, но и въ богослужебной части была организована по обрядамъ западнымъ, не восточнымъ. Этотъ взглядъ проводится въ статьѣ, напечатанной въ первомъ томѣ Abhandlungen der boehm. Gesellschaft der Wissenschaften 1785, стр. 140—177. Легко представить себѣ, что Добровскій, основательно изучившій переводъ св. писанія и характеръ различныхъ церковныхъ книгъ, не могъ согласиться съ мнѣніемъ Добнера. И это несогласіе, можетъ быть, толкало его въ крайность, которой онъ упорно придерживался относительно глаголицы до конца жизни.

20) Исторія государства Россійскаго, томъ I, прим. 262.

21) Ср. статью Добровскаго «Handschriften der Biblischen Bücher» въ его Slavin-ѣ (Прага 1808), стр. 266 и слѣд.

22) Ср. въ Slavin-ѣ статью Добровскаго «Ueber die altslawonische Sprache nach Schlözer, mit Anmerkungen von I. D.» 362—388.

23) Ср. Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова, изд. И. И. Срезневскій (Спб. 1865), стр. XVIII. Къ переводу Востоковъ прибавилъ нѣсколько подстрочныхъ примѣчаній, они напечатаны тамъ же на стр. XVIII—XXI.

24) Эта переписка выйдетъ на дняхъ какъ отдѣльный томъ «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности». Я позволилъ себѣ важнымъ содержаніемъ ея воспользоваться, на сколько необходимо было, для настоящей записки.

25) Письма Добровскаго и Копитара, стр. 14. 22.

26) Письма Добровскаго и Копитара, стр. 45. «Schlözer ist für seinen Nestor zu sehr eingenommen, daher liess er die lat. Berichte wenig gelten. Als Rastislav um bessere Lehrer bat, hatte Cyrill schon slaw. Bücher verfasst und

diess veranlasste eben den Fürsten Rastislaw an Kaiser Michael zu schicken. Cyrill kommt von Konstantinopel und bringt ein slaw. Ewangelienbuch mit. Diess sagt die älteste Legende ausdrücklich. Schlözer hat sich vergriffen und die 2-te (spätere) abdrucken lassen und eine ganz neue russiche Fabel obendrein. Die vielen griechischen und nach dem griechischen gemodelten Wörter sind schon ein Beweis, dass die ganze Anstalt den Slawen um Thesalonich und in Servien galt. Da Cyrill durch die Bulgarey nach Mähren ging, so liess man ihn auch an der Bekehrung der Bulgaren Antheil nehmen»; ср. тамъ же стр. 73.

27) Письма Добровскаго и Копитара, стр. 189. «Methods Bibelsprache ist.. nicht untersteurisch oder windisch, aber ihr doch näher als dem Mährischen. Als Method nach Rom ging (867), liess er slaw. gottesdienstl. Bücher zurück, allein nach Mähren kamen sie (die Bücher und die Apostel selbst) aus der Bulgarey, aus Macedonien, Servien und immediate aus-Constantinopel. Den grössten Lärm und Aufsehen machte die slaw. Literatur in Mähren und Pannonien, weil es den deutschen Priestern anstössig war. In griechischen Provinzen verbreitete sie sich im stillen schon früher, so dass es dem Rastislaw von Boehmen zu Ohren kam.»

28) Письма Добровскаго и Копитара, стр. 73, Slavin стр. 233. 285.

29) Письма Добровскаго и Копитара стр. 75: «Ein Glück war's, dass Cyrill so früh erschien, dass seine Uebersetzungen bald nach Russland kamen. Er fand noch eine unverdorbene Sprache, griechische Wörter etwa ausgenommen». Ibid. 117: «Wie gut war es, dass Cyrill so frühe kam, wo noch die edleren Wörter gang waren». «Cyrill war kein Purist: spira, trapeza etc. beweisen es» 125.

30) Письма Добровскаго и Копитара, стр. 115: «Die Russen haben es freylich mit Cyrills Uebersetzung arg getrieben, aber die Servier nicht weniger. Nicht nur den Text änderte man nach jüngeren griech. Handschriften, sondern auch die Wörter, doch seltner die Flexionen... Der cyrillische Psalter und die Evangelien lassen sich leicht herstellen».

31) Письма Добровскаго и Копитара, стр. 246. «Auf die neuen Data zu Cyrills Leben bin ich begierig, erwarte aber nichts grosses. Der Bulgar (это житіе Климента) ist sehr schätzbar und die Russen schöpften aus ihm; dabei kommt auch die ältere lat. Legende zu Ehren. Eine kritische Revision alles dessen, was über Cyrill da ist, wäre wohl vonnöthen, Schlözero sic optante». Ibid. S. 396: «Das Leben Cyrills und Methods (14. febr.) bei Butler, der nun aus dem Englischen ins Französische übersetzt ist, bringt mich auf diesen heilsamen Gedanken. In nota dicitur Slavonicam linguam idoneam esse ad hoc, ut universalis fiat. Quam verum!»

32) Копитаръ сталъ уговаривать Добровскаго съ самаго начала ихъ переписки, уже въ первомъ письмѣ изъ Вѣны (6 февр. 1809), взяться за грамматику церковно-слав. языка (Письма стр. 34). Добровскій отвѣтилъ ему (Письма 46), что онъ уже серьезно объ этомъ подумываетъ. Копитаръ полагалъ, что именно теперь наступило время: теперь славяне на очереди (стр. 60); онъ мечталъ уже о каѳедрѣ церковно-славянскаго языка въ Вѣнѣ (стр. 134. 140. 164), гдѣ Добровскій положилъ бы основаніе цѣлой школѣ славистовъ (170). Узнавъ же о томъ, что Добровскій уже кое - что написалъ, онъ съ восторгомъ говорилъ, что его грамматика ожидается всѣми «a Ragusa ad Mosquam votis expetita ardentissimis et excipienda cum jubilo» (стр. 219), «exspectat tota slavitas» (273), что аккуратные нѣмцы ждутъ появленія ея въ свѣтъ, чтобы накинуться на изученіе слав. языковъ (253. 299), «mecum rogat Humbold, mecum omnes Germani cupidi discendi linguam slavam, mecum Slava Slavorum. Nescis quantae miseriae sis succursurus. Ipsi graeci ritus Slavi ex te tandem discent linguam, quam nunc ex magna parte nonnisi recitant, non intelligunt» 304 и т. д.

33) Письма Добровскаго и Копитара стр. 22: «Ich fange, wenn ich Schüler habe, die als Philologen das Sprachstudium treiben, immer mit dem Altslawischen an und mit Nutzen», ср. стр. 172.

34) Сборникъ статей отдѣл. русск. языка и слов. томъ V, вып. 2, въ которомъ переписка А. Х. Востокова, стр. 29.

35) Письмо Нибура Копитару напечатано въ моемъ журналѣ «Archiv für slavische Philologie». I. стр. 152—153. «Die Freude, welche Sie mir gewährt, ward nur durch eine Wehmuth verbittert: Ihr Geschenk kam an einen Unwürdigen, da ich seit fünfzehn Jahren... der slavischen Sprache, leider, wieder fremd geworden bin; ich würde alles vergessen haben, wenn ich sie nicht einst mit Leidenschaft erlernt hätte. Damals, wo ich mir, so gut es gehen wollte, aus den historischen Büchern des N. T. und dem Psalter eine Art Grammatik zusammenflikte, wäre ich selig gewesen, wenn es ein Buch wie das Dobrowskische gegeben hätte..... Möchte ich alle Philologen bewegen können Dobrowski zu beschwören, eine kritische Ausgabe der ächten Version zu geben».

36) Письма Добровскаго и Копитара стр. 473; «Wie wäre es, пишетъ Копитаръ (8 мая 1822), wenn Sie wieder hieher kämen, dass wir das zu Lesende zusammen absolviren und das Lexicon ordnen etc. Und vielleicht mitunter zur Herstellung der cyrillischen Urversion den Grund legen, ehe wir auf den Athos gehen. Verhovacz hat sich bereits erboten, zu dieser Reise beizusteuern; aber ich glaube Rumjanцовъ wird keinen Gesellschafter leiden». Ibid. 485: «Sie sehen seinen (т. е. Нибура) lebhaften Dank und noch lebhaftern Wunsch nach Ihrer Herstellung des Urcyrillus. Verhovacz will der Maecenas sein. Also—accingere». Въ письмѣ 25 февр. 1823 г. Копитаръ снова спрашиваетъ: «Ist was daran, an der Reise auf den Athos? Oder doch an der auch so zu effectuirenden Wiederherstellung Kyrills?».

37) Грамматика вышла и—въ томъ же году стали уже разсуждать о сокращенномъ изданіи, для составленія котораго предназначался ученикъ Добровскаго — Ганка (Письма Добровскаго 458. 477). Потомъ Добровскій собирался самъ это сдѣлать (487. 512), онъ высказывалъ желаніе, для новаго изданія приготовить новый шрифтъ славянскій по образцу древнѣйшихъ рукописей (497). Прибавленія и поправки накоплялись. «Das fleissige Durchlesen der zerstreuten Auszüge aus alten Codd. im Karamsin, besonders aber der Denkmahle aus dem XII Jahrh. war mir sehr erspriesslich. Die Ränder meiner Grammatik sind nun voll Bemerkungen» (Письма 488). «Die Seiten meiner Grammatik sind voll Zusätze und Bemerkungen, die ich unserem Museum vermachen will, wenn ich keine 2-te Auflage erleben sollte» (495). «Das Compendium einer slaw. Grammatik würde mich in Wien beschäftigen, wozu ich diesen Winter (1824 — 25) viel gesammelt habe» (513). «Damit das viele beigeschriebene in meinen Institutiones nicht verloren gehe, will ich mich zu einem Compendium entschliessen». (536).

38) См. Сборникъ отдѣл. русск. языка томъ V, вып. 2. Переписка А. Х. Востокова стр. 280. Копитаръ писалъ Востокову 30 апр. 1830 г. «Einen Ihrigen Brief an unsern seligen Altmeister Dobrovsky verdanke ich seiner letzten Anwesenheit in Wien, so wie sein mit reichen Marginalien versehenes Exemplar seiner Institutiones zu einer zweiten Ausgabe».

39) Когда Добровскій утверждалъ «Die ersten Uebersetzungen hat Cyrill gewiss schon zu Konstantinopel verfertigt» (Письма 73), Копитаръ спрашивалъ его: «Existirt ein Beweis darüber, auch nur eine historische Conjectural-evictio?» (85). Когда же Добр. повторялъ слова, приведенныя выше въ примѣч. 27, Копитаръ опять возражалъ: «sed ubi scriptum est, quod supponis de Cyrillo et Methodio, aut saltem quibus argumentis nititur hypothesis?» (193). Въ одномъ

письмѣ Копитаръ желалъ убѣдить Добровскаго слѣдующими словами: «Dialectus bulgarica, quantum hucusque novimus, et nunc differt a serbica, propiorque est slovenicae. Cyrilli lingua aut Vindorum fuit vetus aut Bulgarorum; Serbicae dialecto nonnisi tertius locus competit in affinitate» (Письма 437). Это вѣрное замѣчаніе сдѣлано уже въ 1818 году, т. е. еще до напечатанія церковно-слав. грамматики Добровскаго.

40) Копитаръ возражалъ очень убѣдительно противъ сербской теоріи Добровскаго въ рецензіи на грамматику, напечатанной въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur 1822, 17 томъ, стр. 71 — 73. Предварительно онъ высказалъ свои сомнѣнія уже въ газетѣ «Oesterreichischer Beobachter» 1822, № 52, отъ 21 февраля, стр. 219. Изъ этой статьи, мало доступной, приведемъ главныя мѣста (по выпискамъ г. Менчика въ Вѣнѣ): Was der verewigte Schlözer mitten in Petersburg und Göttingen, nur von Wien aus, als dem altkultivirten Mittelpunkte, auch der Slavenwelt, erwartete, geht nach und nach in Erfüllung. Was aber Schlözer kaum von hier aus erwartete, ist eine dem gelehrten Abendlande zugängliche Grammatik der altslavischen Sprache, die noch heute zu Tage die heilige (Kirchensprache) aller Slaven graeci ritus (36 Mill.) und selbst der römisch-katholischen sogenannten Glagoliten in Dalmatien und Istrien ist. Diese Sprache ist ein süd-donauischer Dialekt (des IX Jahrh.), der damals durch die bekannten zwei griechischen Apostel der Slaven, die Gebrüder Cyrill und Method aus Salonik in Macedonien, unter allen slav. Mundarten zuerst zur Schriftsprache fixirt ward; die aber heutigen Tages nirgends mehr als Redesprache üblich, sondern als (nun todte) Sprache des Gottesdienstes von den Priestern studirt werden muss. Von den drei heutigen südslav. Dialecten, dem bulgarischen, serbischen und windischen (welcher letztere sich noch jetzt in seiner eigenen Sprache den slovenischen nennt, wie die Kirchensprache, und zu dem, auf dieser Classificationsstufe als Einheiten die $1^1/_2$ Mill. Slaven in Inneroesterreich, Westungarn und Provincial - Croatien gehören), scheint, historisch und linguistisch die gerade Descendenz von jenem Dialecte des neunten Jahrh. dem windischen zu gebühren. Wir sagen *historisch*, denn Method war ein ganzes Menschenalter hindurch ihr Erzbischof; und *linguistisch*, weil dieser Dialect noch jetzt dem Kirchenslawischen näher ist, als jeder der beiden anderen. Zu umständlichen Beweisen ist hier der Ort nicht.... Doch, um wieder aufs Kirchenslavische zurückzukommen, so hatten die Einheimischen zwar nothdürftige, nach Art der byzantinisch - griechischen des Chrysoloras, Chöroboskos, Laskaris, mit tauber Terminologie überfüllte, aber an Sachen magere, und überdiess in der zu lehrenden Sprache selbst verfasste Grammatiken: von Zizania 1596, Smotriski 1619, eines ungenannten aus Kremenetz 1638, eine dto Moskau 1648 und 1721, Maximov's Auszug daraus 1723, die aus Smotriski und der Moskauer gemischte Rimniker von dem Karlov. Metrop. Nenadowitsch veranstaltete vom J. 1755, die von A. Mrasovitsch zum Theil in den österr. Normalschulen eingeführten teutschen Sprachlehre in der Methode nachgeahmte 1794 u. a. m. Der Russe Peter Winogradow gab 1811, unsers Wissens zuerst, das rümliche Beispiel einer nicht selbst altslavisch, sondern russisch vorgetragenen kirchenslav. Grammatik, die sich auch sonst von ihren Vorgängerinnen durch Selbstdenken auszeichnet, und daher auch von Russland aus, wo ein beneidenswerther Reichthum an uralten Codicibus bisher nur auf kritischen Gebrauch wartete, diesem Studium eine neue Epoche verspricht. —Aber dem Fremden, und selbst den nicht griech. Glagoliten und andern Slaven, war der Zutritt zu diesem heiligen Dialect bisher verschlossen. *Und doch sollte, wer die slav. Sprache im Ganzen und gründlich kennen will, von diesem, der Literatur nach, ältesten Dialecte anfangen.* Um wie viel erfreulicher muss uns daher die Erscheinung eines, für das ganze gelehrte Europa lateinisch geschriebenen, vollständigen

Lehrgebäudes der altslav. Kirchensprache aus der Feder des allgemein für den ersten Kenner des Slavischen anerkannten Abbé Dobrowskys sein...

Добровскому эта статья не понравилась. Онъ пишетъ: «Die Anzeige im Beobachter wollen manche nicht verstehen. Wozu soll erst eine Controverse vorausgehen? Ich vermied es absichtlich, mich näher über die Heimath zu erklären, weil ich es erst auseinandersetzen wollte in Cyrills Leben. Iudicia sunt libera» (463). На это отвѣтилъ Копитаръ «Iudicia sunt libera, auch ich bin der Ueberzeugung. Um aber den Cyrill, der aut Bulgaris aut nobis (Carniolanis) gehört, ohne Noth aufzugeben, bin ich nicht gleichgültig genug. Und selbst, wenn er den Bulgaren gehören sollte, so sind sie nun von seiner Sprache so weit, als die Römer von der Ciceros, und wir ihr auf jeden Fall die nächsten» (466). Добровскій уклоняясь отъ дальнѣйшаго обсужденія: «Ueber Cyrill wollen wir jetzt nicht streiten, wenn ich gleich der црков, пост eine ganze Reihe anderer Worte entgegen stellen kann.» (472). Но Копитаръ не отставалъ. «Auf Ihre Widerlegung von cerky, post, pop, хрьстъ, хрьстить, als pannonische Germanismen bin ich begierig; doch müssen Sie mich nicht aus Uebermuth chicaniren» (473); и опять: «Si bulgaritatem Slavonismi non melioribus argumentis quam verbis biographi (житія Климента) sat ambiguis defenderitis, vix vincetis» (477); или «Den biographus Bulgarus habe ich abermal gelesen. Non me terret, da er tempora non distinguit (Gorasdas, ein Pannonier, sein Hauptjünger und bestimmter Nachfolger, kommt unter seinen bulgarischen Schülern vor, beide Brüder machen dem Papst gleich von der Bulgarei aus ihre Aufwartung); σθλοβῆνοι εἴτουν βούλγαροι ist ihm alles eins, als einem Byzantier oder auch einem Achridaner, etc. etc. Eher könnten Formen wie нощт gegen die krainische nozh entscheiden, wenn nicht oltar, krst pop, post, cerky gegen die Bulgaren zeugten» (478); или «Ponamus Te Bulgaris adserere et adseruisse Cyrilli dialectum: quid proderit, cum nunc sine dubio infinito intervallo longius ab illa distet, quam soror illius in Karantanis?... Dico ergo coeptam esse a Methodio literaturam in Slavis, qui iam habebant Christianismum a Germanis, ergo in Karantanis, sed continuatam post 24 annos per tria-quattuor saecula in Bulgaris, Serbis, Russis. Illinc explices krst, crky, post, pop etc., hinc bulgarismos Methodii» (483—4). Я привелъ эти выписки, чтобы показать, какъ серьезно Копитаръ занимался своей теоріею, которую потомъ противники его, совсѣмъ несправедливо, выводили изъ какихъ-то тайныхъ замысловъ политико-религіозныхъ!

41) Cyrill und Method der Slawen Apostel. Ein historisch-kritischer Versuch von Joseph Dobrowsky, Mitglied der k. boehm. Gesellschaft der Wissenschaften. Prag, 1823, 8°. 133. Mährische Legende von Cyrill und Method. Nach Handschriften herausgegeben, mit andern Legenden verglichen und erläutert, von Joseph Dobrowsky, der Philosophie Doctor, mehrerer gelehrten Gesellschaften Mitglied. Prag, 1826, 8°. 124.

42) Копитаръ былъ опять разочарованъ тѣмъ, что не нашелъ въ «Кириллѣ и Меѳодіи» опроверженія или по крайней мѣрѣ возраженія противъ своихъ доводовъ: «Wenn Sie mir die Verachtung russ. Ringe vorhalten, so dürfte ich Ihnen dafür beinah zuviel Rücksicht für diese Frösche bemängeln, z. B. ein Kal(ajdovič), der das altslaw. fürs mährische hält, verdient von einem Dobr. gar keine Antwort. Eher hätte der eine des Meisters würdige Wiederlegung verdient (oder Beifall), der Beweise für ihre Pannonietät und Karantanität vorgebracht, die Sie selbst mit der Annahme царь = ц'сарь vermehren; wenn ц'сарь alt sein soll, so ist es nur karantanisch, ausser Sie lassen dem Kal(ajdovič) sein mährisch gelten... Sollte ich Ihren Cyrill anzeigen, so würde ich Sie stringiren wegen serbisch-bulgarisch-macedonisch, was in so weit gut, als es nicht mährisch

ist, aber übrigens schlechter, als Ihr älteres serbisch. Wer wird Ulfilas Sprache z. B. englisch-fränkisch-mösisch nennen!». (502—503).

43) Ср. переписку А. Х. Востокова стр. 128, 134, 137—8, 142, 155, 163, 170, 172, 176, 177—8, 181—2, 187, 190, 192, 202—3, 211, 216—7, 234—5, 238—9.

44) Востоковъ отвѣчалъ на запросъ Калайдовича (Переп. А. Х. Востокова стр. 43), что онъ «не взялся бы быть просто переводчикомъ этой грамматики, находя въ ней многое, требующее передѣлки, пополненія и сокращенія . . . Другое дѣло перевести грамматику сію на русскій языкъ съ нужными дополненіями и примѣчаніями. Я и за сіе не взялся бы, ибо намѣренъ сочинить свою Славенскую грамматику, въ которой конечно не оставлю воспользоваться всѣми открытіями Добровскаго» 48; ср. тамъ же 187, 271, 277—278, 300, 302, 305, 310—11, 316.

45) Въ рецензіи, напечатанной въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur, XVII B. стр. 101 «Indem wir hiemit diese kaum noch erwartete Morgenröthe echter altslawischer Philologie am östlichen Himmel des Slawenlandes aus der Diöcese Methods mit freudigem Enthusiasmus begrüssen . . .»

46) Письма Добровскаго и Копитара стр. 466—7.

47) Ср. отзывы Добровскаго о Востоковѣ въ изслѣдованіи о Кириллѣ и Меѳодіи (по русскому переводу) стр. 40, въ письмахъ Добровскаго и Копитара стр. 581.

48) Ср. переписку А. Х. Востокова стр. 100—1.

49) Востоковъ склонялся въ сторону болгарскаго происхожденія церковно-славянскаго языка, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ его, написанныхъ къ Добровскому въ 1824 году: «Остается заключить, что носовые звуки ѫ, ѧ, принадлежали языку тѣхъ словянъ, для которыхъ изобрѣтена азбука и переложены церковныя книги. Сіи словяне были конечно болгаре, въ языкѣ коихъ сохранились и до днесь многіе слѣды ринезма, какъ замѣтилъ и г. Копитаръ въ своей рецензіи . . . Ежели паннонскіе словяне, Карантане или Хоржтане, имѣли въ этомъ сходное съ болгарами произношеніе: то тѣмъ легче было Константину и Меѳодію для обоихъ сихъ словянскихъ племенъ составить одну азбуку». Переп. А. Х. Востокова 106—7. Впрочемъ Востоковъ охотно допускалъ и вліяніе «западнословенское» въ такихъ памятникахъ, какъ супрасльскій сборникъ (см. Филол. наблюд. 162. 166)— вотъ почему Копитаръ полагалъ, что имѣетъ право до извѣстной степени причислять его къ своимъ (Hesych. Glossogr. 49).

50) Съ какимъ презрѣніемъ Копитаръ смотрѣлъ на теорію Калайдовича о моравскомъ происхожденіи церковно-славянскаго языка, видно изъ его словъ приведенныхъ въ примѣч. 42. Добровскій въ «Mährische Legende» отвергалъ эту теорію потому, что онъ ясно видѣлъ принадлежность церковно-славянскаго языка къ разряду А, по его классификаціи славянскихъ нарѣчій, между тѣмъ какъ древне-моравскій языкъ, судя по звуковымъ особенностямъ нынѣшняго моравско-словацкаго нарѣчія, принадлежалъ къ разряду В. Но Калайдовичъ, не замѣтивъ трудностей филологическихъ, былъ правъ какъ историкъ, вѣрно толкующій содержаніе источниковъ. Если Кириллъ и Меѳодій не принесли славянскаго богослуженія съ собою съ юга, то естественно было историку, опирающемуся на свидѣтельства, утверждать, что оно сложилось въ предѣлахъ Моравіи. Паннонизмъ Копитара въ томъ-то и былъ не правъ, что исключалъ Моравію (ср. замѣчанія Блумбергера, не безъ участія Копитара появившіяся въ свѣтъ уже въ 1824 г., они напечатаны въ русскомъ переводѣ «Кирилла и Меѳодія» на стр. 129 — 143, и самого Копитара отрицательный

отзывъ въ Hesychii glossographi discipulus, стр. 54). Миклошичъ не могъ не замѣтить этого противорѣчія между теоріею филологическою и данными историческими, поэтому онъ расширилъ смыслъ паннонизма слѣдующими словами: «Wenn ich den Ausdruck pannonisch gebrauche, so muss ich bemerken, dass ich anerkenne, dass der Ausdruck, um der Sache vollkommen zu entsprechen, auch Mähren in sich begreifen sollte. Ich bin nämlich jetzt der Ansicht, dass der slovenische Volkstamm nicht nur auf dem rechten, sondern auch auf dem linken Ufer der Donau wohnte, freilich ohne über den Umfang seiner Wohnsitze im Norden der Donau auch nur eine Vermutung aussprechen zu können». Altsloven. Formenlehre in Paradignen, pag. III.

51) Въ рецензіи на «Іоанна Ексарха», напечатанной въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur 1824, т. XXXII, 65—77; ср. также примѣчанія, сообщенныя Калайдовичу черезъ Кеппена въ Чтеніяхъ Моск. Общ. 1862, кн. 2, стр. 78—128.

52) Письма Добровскаго и Копитара, 394—395.

53) Взгляды Добровскаго относительно глаголицы не измѣнились до самаго конца его жизни. Хотя онъ зналъ напр. о существованіи ватиканскаго (глаголическаго) евангелія не только по указаніямъ Ассемана, но и по рукописнымъ отмѣткамъ Карамана, который опредѣлялъ время памятника до 1080 года, но—предразсудки удѣлъ не только обыкновенныхъ смертныхъ, а и первоклассныхъ ученыхъ. Добровскій авторитетомъ своимъ просто рѣшилъ: assentiri non possum! Мы бы удивлялись этому, если бы не знали, что и доводы Востокова о носовомъ значеніи гласныхъ ж ѫ—не тронули его!

54) Переписка А. Х. Востокова. Письмо Копитара на стр. 283—284, отвѣтъ 284—288; новыя письма Копитара по тому же поводу 288—291, 293—4. Востоковъ писалъ въ интересѣ Копитара также Бобровскому, стр. 291—2, 295—6 и получилъ отвѣтъ 256.

55) Когда Glagolita clozianus еще не былъ пущенъ въ свѣтъ, Шафарикъ писалъ Востокову: «Seine Hypothesen, dass das glagolitische Alphabet älter oder so alt als das cyrillische sei, und dass Method erst nach dem Tode Cyrills mit Hülfe von lateinischen Mönchen in Karantanien das cyrillische Alphabet zusammengestoppelt und die liturg. Bücher in karantanischer Mundart übersetzt habe, werde ich nie beipflichten, so lange ich gesunden Menschenverstand habe und was Geschichte sei verstehe». Только несочувствіе Копитару, вызванное разногласіемъ по отношенію къ древне-чешскимъ памятникамъ, могло побудить Шафарика къ этому неблагопріятному отзыву. Копитаръ вовсе и не говорилъ того, въ чемъ его здѣсь обвинялъ Шафарикъ. Онъ спрашивалъ только предположительно: А что, если бы сказать, что глаголическій алфавитъ былъ изобрѣтенъ уже до Кирилла, но не былъ еще въ церковномъ употребленіи, потому что македонскіе славяне, смѣшанные съ греками и римлянами, еще совершали богослуженіе не на своемъ, а на языкѣ этихъ старожиловъ, который и они понимали, когда же Кириллъ и Меѳодій ввели народное богослуженіе у славянъ паннонскихъ, то они прибѣгли къ письму греческому, имъ какъ грекамъ болѣе удобному, заимствовавъ изъ старой глаголицы только нѣсколько знаковъ? или что, если бы сказать, что самъ Меѳодій впослѣдствіи, въ избѣжаніе ненависти противъ греко-кирилловскаго письма между латинами, составилъ глаголическое письмо? Какъ бы то ни было, мы (Копитаръ) надѣемся, что намъ удалось доказать, что глаголическій алфавитъ, если не древнѣе, такъ по крайней мѣрѣ современенъ съ кирилловскимъ и что когда-то этотъ алфавитъ былъ въ задунайскихъ краяхъ въ употребленіи у славянъ обоихъ вѣроисповѣданій и что онъ только съ конца XIII вѣка сдѣлался какъ будто бы ис-

ключительною собственностью глаголитовъ римскаго обряда» (Glag. Cloz. X—XI).—Объ этомъ великолѣпномъ изданіи недруги Копитара пустили нелѣпую молву, что оно было затѣяно съ непохвальною политико-религіозною тенденціею, ср. біографію Копитара въ словарѣ Вурцбаха (XII. 442). Никто не оправдалъ Копитара лучше, какъ самъ Шафарикъ въ своемъ послѣднемъ словѣ по этому вопросу «Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus» (1858). Но это послѣдовало за долго послѣ смерти Копитара. При жизни же его вражда противниковъ задала ему много горя и вызвала съ его стороны тоже много слишкомъ рѣзкихъ отзывовъ. Въ доказательство укажемъ на его выходки противъ Шафарика въ книжкѣ Hesychii glossographi discipulus, за которыя тотъ жаловался Погодину (Письма къ М. П. Погодину, вып. II. 266) и на письмо Копитара къ Востокову, въ которомъ опять Копитаръ съ своей стороны жаловался Востокову на Шафарика (Переп. А. Х. Востокова 348—349). Ср. еще отзывы Шафарика о Копитарѣ въ письмахъ къ Погодину 231. 269, и даже Ганки къ Востокову 372!

56) Письма къ М. П. Погодину, вып. II, стр. 401: «Wir müssen die Frage über den Ursprung unserer Alphabete einer neuen Prüfung unterwerfen, was freilich mit aller Vorsicht und Kritik geschehen soll; festina lente». Ib. 403 «Meine glagolit. Fragmente beschäftigen mich sehr. Nulla dies sine linea. Wir müssen einmal der Sache tiefer auf den Grund schauen. Es muss Licht werden». Такъ осторожно приготовлялъ Шафарикъ своего друга Погодина къ новымъ выводамъ, высказаннымъ два года потомъ во всеуслышаніе!

57) Переписка А. Х. Востокова, стр. 331 (письмо 2 апр. 1837 г.).

58) Переписка А. Х. Востокова, 308, 315, 316—7, 320, 325, 327, 330—1, 332—3. Письма къ М. П. Погодину, вып. II, 191, 208, 318.

59) См. прим. 43, и въ той же перепискѣ А. Х. Востокова письмо графа Румянцова министру народнаго просвѣщенія, стр. 231.

60) Она перепечатана въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ, изданномъ М. Погодинымъ (М. 1865), на стр. 5—42. Бодянскій вѣрно назвалъ эту статью возобновленіемъ въ памяти нашей памятника, забытаго было небрежнымъ потомствомъ.

61) Ср. Письма къ М. Погодину, вып. II, стр. 210 и переписку А. Х. Востокова, стр. 354.

62) Письма къ Погодину 321, 322, 337.

63) Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův, sebral a vydal Pavel Josef Šafařík (Изборъ югославянскихъ достопамятностии). V Praze 1851. Подъ отдѣльными заглавіями на первомъ мѣстѣ этого сборника стоятъ: Život sv. Konstantina řečeného Cyrilla. Z rukopisu XV století vydal P. J. Šafařík. V Praze 1851 IV 32; Život Sv. Methoda. Z rukopisu XVI století vydal P. J. Šafařík. V Praze 1851. IV 10. Цѣлый сборникъ вышелъ вторымъ изданіемъ въ Прагѣ въ 1873 г. съ очень незначительными измѣненіями. Отзывъ И. И. Срезневскаго о первомъ изданіи въ Извѣстіяхъ I. 293—299. Странно, что самъ И. И. Срезневскій здѣсь повторилъ только слова, приведенныя уже въ предисловіи Шафарика, по которымъ у него самого будто бы находился отрывокъ «стараго пергаменнаго списка» житія Константина, случайно имъ найденный въ Венгріи — никогда же онъ не напечаталъ этого отрывка! Не уже ли это такъ?

64) Письма къ М. П. Погодину, вып. II, стр. 350.

65) Статья Горскаго переведена на чешскій языкъ Ганкою въ Časopisě českého Museum 1846, стр. 5—33, подъ заглавіемъ: «O sv. Kyrille i Methodiu. Z

Moskvitanina na rok 1843 № 6, стр. 405 wytaženo i přeloženo od Wáclawa Hanky». По этому переводу сдѣлано Ваттенбахомъ извлеченіе въ «Nachschrift» (стр. 33—38), помѣщенномъ въ его «Beitraege zur Geschichte der christlichen Kirche in Maehren und Boehmen, von Wilhelm Wattenbach.» Wien 1849. 8⁰ VIII. 54. Изслѣдованіе Э. Дюммлера появилось въ 1854 году въ Archiv für Kunde oesterreichischer Geschichtsquellen Band XIII, подъ заглавіемъ «Die pannonische Legende vom heiligen Methodius. Von Ernst Dümmler». Дюммлеръ пользовался латинскимъ переводомъ житія Меѳодія, сдѣланнымъ для него и Бюдингера профессоромъ Миклошичемъ въ Вѣнѣ. Объ этихъ двухъ изданіяхъ, а также о трудахъ Бодянскаго и Гинцеля (смотри ниже примѣч. 75. 110) написана (въ 1858 году) въ видѣ критическаго разбора статья А. Е. Викторова «Кириллъ и Меѳодій, новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ», въ Кирилло-Меѳод. сборникѣ на стр. 343—440. Статья очень наглядно объясняетъ ходъ изслѣдованій по вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи, въ этомъ отношеніи она пособіе превосходное, но полемика противъ Дюммлера автору не удалась, вообще критическая часть статьи неважна. Житіе Константина критически разобрано Дюммлеромъ въ введеніи къ славянскому тексту съ латинскимъ переводомъ, сдѣланнымъ проф. Миклошичемъ, въ изданіи «Die Legende vom heiligen Cyrillus, von Ernst Dümmler und Franz Miklosich», Wien 1870. 4⁰ 48 (отд. оттискъ изъ XIX тома Denkschriften der philosophisch-historisch. Classe der kaiserl. Akademie der Wissenschaften). Наконецъ сочиненіе А. Воронова издано въ 1877 году въ Кіевѣ подъ заглавіемъ «Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. А. Воронова. Кіевъ 1877, 8⁰ 331, XXII». Мой вполнѣ сочувственный отзывъ объ этомъ великолѣпномъ трудѣ, съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, см. въ Archiv für slav. Philologie IV. 74—128.

66) Rozkvět slovanské literatury v Bulharsku. Напечатано въ Časopisě č. mus. 1848 I. 1 — 32 и въ III томѣ собранныхъ сочиненій, т. е. въ «Rozpravy z oboru věd slovanských» v Praze 1865, 163 — 191. Въ русскомъ переводѣ О. М. Бодянскаго въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древ. 1847, № 7, 1—20. Существуетъ и сербскій переводъ, сдѣланный племянникомъ автора, др. Я. Шафарикомъ, въ II кн. Гласника, въ Бѣлградѣ 1849.

67) Часть этого труда, относящаяся къ эпохѣ принятія христіанства, переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ «Исторія первобытной христіанской церкви у славянъ. Изъ книги Мацеёвскаго... перевелъ Орестъ Евецкій». Варшава 1840, 8⁰ 337. Существуетъ также французскій переводъ той же части этого сочиненія. Стоитъ замѣтить, что М. пользовался уже какъ источникомъ «паннонскимъ» житіемъ Константина по львовскому списку, отмѣченному въ изданіи Миклошича подъ № 5. Со взглядами Мацьеёвскаго, говоря вообще, соглашались Бѣлёвскій, Бартошевичъ и др., отрицалъ же славянскую литургію для Кракова А. Малецкій въ статьѣ «Kościelne stosunki w pierwotnej Polsce», напечатанной въ журналѣ Przewodnik naukowy за 1875 г.

68) Ср. записку И. И. Срезневскаго «На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи» СПб. 1878, какъ приложеніе № 6 въ Сборникѣ русск. отдѣл., томъ XVIII. Шафарикъ интересовался этимъ вопросомъ. Еще въ 1836 году онъ писалъ Погодину (стр. 185): «Der edle Entschluss des Grafen von Stroganow Herrn Bodjanskij in die südwestl. Slawenländer reisen und so auf Reisen für die slaw. Katheder sich ausbilden zu lassen, soll ja nicht unausgeführt bleiben. Dies ist der einzige Weg, der zum Ziele führt. Schon längst hatte man zu diesem Mittel greifen sollen. Vielleicht werden dann bald Petersburg, Kyjew und Charkow dem Beispiele Moskaus folgen». И опять, лѣтъ черезъ шесть, онъ писалъ (въ концѣ 1842 г.) ему же: «Die Augen der Welt sind auf diese Lehrkanzeln gerichtet und es ist recht, dass

die bei der Gründung und Aussaat thätig und behülflich waren, sich auch der Früchte freuen. Aber—non fit hoc verbis, Marce» (Письма къ М. М. Погодину 319). Въ то время (въ 1840—41 году) рѣчь шла уже о учрежденіи славянскихъ каѳедръ въ Пруссіи и о приглашеніи Шафарика въ Берлинъ (ср. тамъ же 277—286, 287—8, 291, 294, 295, 303, 304, 309). О парижской каѳедрѣ, которая была поручена Мицкіевичу, онъ отзывался такъ: «Sie wissen, dass die slawische Katheder in Paris dem Dichter Mickiewicz zugefallen ist. Möchte hiebei nur das Politische nicht störend auf das rein Literarische und Wissenschaftliche einwirken!» (277). Въ Австріи начался поворотъ къ лучшему только съ 1848 года, см. объ этомъ отзывъ Шафарика въ письмахъ къ Погодину 357, 359, 372, 397. П. Кеппенъ въ неизданной еще перепискѣ съ чешскими учеными, Шафарикомъ и Ганкою, сообщалъ уже въ началѣ 1830 года Ганкѣ о намѣреніи русскаго правительства открыть каѳедру славянскихъ нарѣчій сначала въ С.-Петербургскомъ, а потомъ въ другихъ университетахъ. Тогда имѣлось въ виду ту или другую изъ этихъ каѳедръ поручить кому либо изъ нихъ. Нѣсколько раньше этого времени переговоры шли съ упомянутыми чешскими учеными о поступленіи ихъ въ Россійскую академію, ср. объ этомъ статью М. Сухомлинова въ сборникѣ «Братская помочь» (Спб. 1876), на стр. 309—318: «О сношеніяхъ В. В. Ганки съ Россійскою Академіею и о вызовѣ его въ Россію»; его же въ «Исторіи Россійской Академіи» вып. VII (въ XXXVII-мъ томѣ «Сборника»), стр. 229 и слѣд.

69) В. И. Григоровичъ съ самаго начала отличался самостоятельностью взглядовъ, которая дѣлаетъ ему честь. Еще до поѣздки въ Турцію онъ издалъ «Опытъ изложенія литературы словенъ» Казань 1843, ч. I. 8⁰. 110, гдѣ высказалъ на стр. 52 слѣдующее для своего времени очень разумное сужденіе: «Сомнѣнія Добровскаго въ древности глаголицы оказываются несправедливыми; но не рѣшено, которая изъ двухъ азбукъ древнѣе». Черезъ чуръ рѣшительно однакожъ онъ отвергалъ участіе Кирилла въ переводѣ св. писанія, говоря такъ: «Переводъ священнаго писанія совершенъ былъ Меѳодіемъ, уроженцемъ солунскимъ, призваннымъ князьями Коцеломъ и Ростиславомъ и пребывавшимъ у словенъ, имъ подвластныхъ, 22 года» стр. 52 — 53. Все что далѣе говорится о распространеніи церковно-славянскаго языка, сказано вѣрно: видно, онъ изучалъ внимательно не только Добровскаго и Шафарика, но и Копитара. Идеальное поклоненіе памяти слов. первоучителей, побудившее его предпринять путешествіе въ Турцію, краснорѣчиво высказалось въ статьѣ, напечатанной въ Ж. М. Н. Пр. 1847, ч. 53, отд. II. 1—28, подъ заглавіемъ: «Изысканія о славянскихъ апостолахъ, произведенныя въ странахъ европейской Турціи». Здѣсь помимо любопытныхъ разсказовъ о общемъ пренебреженіи къ памяти слав. апостоловъ въ тѣхъ странахъ, впервые напечатана найденная имъ краткая легенда о Климентѣ. Ср. отзывъ Шафарика въ письмѣ къ Погодину (341).—«Очеркъ ученаго путешествія по европейской Турціи» вышелъ въ 1848 году, въ III книжкѣ «Ученыхъ Записокъ, издаваемыхъ Импер. Казанскимъ университетомъ» 8⁰, 214 (новое изданіе въ Москвѣ въ 1877 году). Одно это описаніе путешествія можетъ увѣковѣчить въ слав. наукѣ имя Григоровича.

70) Напечатано въ книжкѣ, озаглавленной «Статьи касающіяся древняго славянскаго языка». Казань 1852, 8⁰, на стр. 20. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи: «Рѣчь о значеніи церковно-славянскаго языка» (1—25), «О трудахъ касающихся древняго славянскаго языка до М. Смотрицкаго» (26—52), «Предварительныя свѣдѣнія касающіяся литературы церковно-славянской» (53—70), «О древнѣйшихъ памятникахъ церковно славянской литературы» (71—94) и «Замѣчаніе о лексикальномъ изученіи рукописей» (95—108). Всѣ эти статьи

проникнуты искреннею преданностью автора церковно-слав. языку, онѣ обнаруживаютъ основательныя филологическія познанія въ данномъ предметѣ.

71) Уже въ 1848 году Григоровичъ напечаталъ въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ отчетъ о своихъ чтеніяхъ по вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи, гдѣ онъ высказывалъ мнѣніе, что «русское» письмо, найденное будто-бы Константиномъ Философомъ въ Херсонѣ — могла быть глаголица (см. отзывъ объ этомъ мнѣніи въ статьѣ И. И. Срезневскаго, напечат. въ Ж. М. Н. Пр. 1848, ч. 59, отд. II, 62—66). И въ «Статьяхъ» (въ 1852 году) Григоровичъ соглашался насчетъ глаголицы съ Копитаромъ противъ Добровскаго, Прейса и Срезневскаго (стр. 58—9), прибавляя удачно новыя соображенія къ тѣмъ, которыя были выставлены еще Копитаромъ (стр. 61—66). Онъ и здѣсь полагалъ, что изъ извѣстнаго мѣста въ житіи Константина о «евангеліи и псалтыри *русскими* (роушкыми) письмены» писанныхъ, найденныхъ будто-бы Константиномъ въ Херсонѣ, можно выводить письмо глаголическое (ibid. 69 — 70). Эта мысль повторена имъ же потомъ еще въ «Замѣткахъ о Солунѣ и Корсунѣ» (Одесса 1872), передающихъ скорѣе личныя впечатлѣнія, чѣмъ научные доводы. Это мнѣніе высказалъ еще недавно проф. А. А. Кочубинскій (Истор. Вѣстникъ 1885, мартъ, стр. 614 въ примѣчаніи). Наконецъ, въ торжественный день 6 апрѣля нынѣшняго года напечатано въ газетѣ «Новости» анонимнымъ знатокомъ этого вопроса то же самое соображеніе, отчасти съ полемикою противъ меня, какъ будто-бы я проглядѣлъ то мѣсто. Нѣтъ, я помню его отлично, но я уже давно высказалъ свое мнѣніе о немъ (Archiv für slav. Philologie I. 143—4, IV. 314). Если бы это извѣстіе легенды можно было принять за историческій фактъ, то во всякомъ случаѣ было бы разумнѣе предположить, что Константинъ видѣлъ въ Херсонѣ — кириллицу; но я прошу не забывать, что легенда не говоритъ только о письмѣ, а также о языкѣ «русскомъ», о евангеліи и псалтыри на этомъ языкѣ. Кто же повѣритъ, что въ IX вѣкѣ у «русскихъ» славянъ былъ уже свой «русскій» переводъ евангелія, различный отъ позднѣйшаго, церковнаго, словѣнскаго? Еслибъ онъ былъ, не ужели онъ могъ въ теченіе одного столѣтія пропасть безслѣдно?

72) Письма къ М. П. Погодину, вып. I. 24—25.

73) Бодянскій перевелъ слѣдующія статьи Шафарика: «О Сварогѣ, богѣ языческихъ славянъ» (Чтенія М. Общ. Ист. Древн. 1846, I смѣсь 30—34), «О древне-славянскихъ, именно кирилловскихъ типографіяхъ въ южнослав. земляхъ» (Чт. М. О. И. Др. 1846, III иностр. мат. 17—27), «Объ имени и положеніи города Винеты» (Чт. О. И. Др. 1846—7 кн. VII, иностр. мат. 1—20), «Разцвѣтъ славянской письменности въ Булгаріи» (тамъ же 1847 — 8, кн. VII, 37 — 59). Этихъ статей переводъ принадлежитъ О. М. Бодянскому, но и другія статьи Шафарика появились въ русскомъ переводѣ, онѣ перечислены А. Н. Поповымъ въ его изданіи «Писемъ къ М. П. Погодину», стр. 142. — «Славянское Народоописаніе» вышло въ Москвѣ въ 1843 году, а «Славянскія Древности» въ Москвѣ въ 1848 году, въ двухъ томахъ.

74) Изъ писемъ къ М. П. Погодину видно, что Шафарикъ не одобрялъ всѣхъ пріемовъ научной дѣятельности этого молодого слависта. Вотъ одно замѣчательное мѣсто (изъ письма 15 дек. 1842 г.): «Freund Bodjanskij schrieb mir einen langen Brief über die Anfänge seines Lehrcurses, den Fortgang der Literatur etc., was mich sehr freute. Nur schien mir, dass seine Phantasie mitunter etwas erhitzt war, was ich seiner Jugend zuschreibe. Er spricht da von Dingen, wie z. B. Slaventhum, einer Bibliothek der boehmischen властенцы, die ich nicht kenne und nicht kennen mag. Sie wissen, dass ich ein schlichter, trockener Grammatiker, Antiquar und Philolog bin und sonst von nichts weiss und

nichts wissen will. Ich nehme ihm zwar einige derartige Extravaganzen und modische Schwärmereien und Phantasien nicht übel, weil ich sie seiner Jugend zu Gute halte, allein andere die seine Briefe lesen. können sie missverstehen und missdeuten. Wenn ich näher zu ihm und vertrauter mit ihm wäre, so würde ich ihm auf gut serbisch sagen: да нелудује» (318); ср. также стр. 364.

75) Сочиненіе «О времени происхожденія славянскихъ письменъ. Москва 1855. 8⁰. 381. CXV» вызвало очень незначительную критику И. И. Срезневскаго въ 25-омъ присужденіи Демидовскихъ наградъ, изъ которой, несмотря на умѣніе рецензента тонкими оборотами загладить и малѣйшую непріятность, все-таки проглядываетъ немалое разочарованіе (стр. 65 — 69). Такъ смотрѣли на это сочиненіе и другіе. А. Викторовъ въ статьѣ «Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ» (напечатанной во II и III т. «Лѣтописей русской литературы» Н. Тихонравова) сказалъ было, что Бодянскій опровергъ Григоровича относительно глаголицы (т. II. отд. I. стр. 77), но М. Погодинъ возражалъ противъ этого словами: «Напрасно говорилъ г. Викторовъ, что г. Бодянскій опровергнулъ его въ своей книгѣ: опроверженія никакого тамъ нѣтъ». (Кир.-Меѳ. сборникъ 124). Шафарикъ получилъ книгу въ томъ же году (Письма къ Погодину, стр. 395), но дальше въ перепискѣ о ней и рѣчи нѣтъ—доказательство, что неутомимый изслѣдователь этого предмета не удовлетворялся выводами Бодянскаго. Напротивъ — эпоху по этому вопросу сдѣлало послѣднее слово Шафарика: «Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus» (въ русскомъ переводѣ: О происхожденіи и родинѣ глаголитизма, перев. съ нѣм. А. Шемякинъ. Москва. 1861, въ Чтеніяхъ О. И. Др. 1860, кн. IV; существуетъ также болгарскій переводъ въ «Български книжици» за 1858 годъ, кн. 16 и слѣд.), на которое, странное дѣло, не послѣдовало отвѣта изъ Россіи со стороны занимавшагося въ то время спеціально этимъ предметомъ И. И. Срезневскаго, только А. Викторовъ подвергъ его подробному разбору въ выше упомянутой статьѣ, но и она осталась недоконченною. Несмотря на благопріятное впечатлѣніе, которое и теперь еще производитъ спокойный и серьезный тонъ разбора Викторова, попытку его нельзя назвать удовлетворительною уже по тому, что онъ не выбралъ для возраженія подходящій родъ доказательствъ. Шафарику можно было нанести ударъ развѣ только критико-филологическими и палеографическими доводами. а ихъ-то у Викторова не было въ запасѣ. Какое сильное впечатлѣніе произвело послѣднее изслѣдованіе Шафарика на его стариннаго друга Бодянскаго, объ этомъ можно судить по словамъ послѣдняго, напечатаннымъ въ разборѣ сочиненія П. Лавровскаго, въ Седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1864. стр. 72—91.

Въ смыслѣ Шафарика изложенъ этотъ вопросъ Миклошичемъ въ статьѣ «Glagolitisch», напечатанной въ энциклопедіи Эршъ-Груберовой 1859 (4⁰ 403—422) и Рачкимъ въ отдѣльномъ сочиненіи: «Pismo slovjensko. Napisà Dr. Franjo Rački. U Zagrebu 1861, 8⁰. 144.» Самая замѣчательная, въ настоящемъ смыслѣ палеографическая оцѣнка обоихъ славянскихъ письменъ, сдѣлана недавно проф. Гейтлеромъ въ его важномъ изслѣдованіи «Die albanesischen und slavischen Schriften von Dr. Leopold Geitler. Wien 1883 fol. X. 138.» Подробный разборъ и, надѣюсь, въ многихъ пунктахъ опроверженіе этого труда представлено мною въ четвертой изъ изданныхъ мною «Критико-палеографическихъ статей» (СПб. 1884, 8⁰ 191), на стр. 103—191.

76) Способомъ изданія древнихъ текстовъ, принятымъ у Бодянскаго, не былъ доволенъ его другъ и учитель Шафарикъ, какъ видно изъ письма къ Погодину на стр. 350.

77) «Житіе Константина Философа» напечатано въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древ. 1863 кн. II (№ 1—7, стр. 1—224), 1864 кн. II (№ 8—12, стр. 225—398) и 1873 кн. I (№ 13—16, стр. 399—534). «Житіе Меѳодія» въ Чтеніяхъ 1865 кн. I (№ 1—8 стр. 1—98). «Слово похвально на память святыма и преславныма учителема» въ Чтеніяхъ 1865 кн. II (№ 1—6, стр. 1—64), 1866 кн. II (№ 7—15, стр. 65 - 152).

78) О Петрѣ Ивановичѣ Прейсѣ ср. упомянутую въ прим. 68-мъ записку И. И. Срезневскаго. Проницательный умъ Шафарика быстро оцѣнилъ рѣдкія способности молодого слависта, онъ писалъ къ Погодину въ 1840 году: «In ihm ist euch, unbemerkt und unbewusst von der Welt, ein zweiter Wostokow erwachsen!» (стр. 276). Жаль, что не оправдались надежды Шафарика насчетъ его здоровья (321). Для молодого ученаго, только что начавшаго заниматься слав. филологіею, очень замѣчательны отчеты П. Прейса въ министерство народн. просвѣщенія. Въ донесеніи напр. изъ Загреба, напечатанномъ въ Журналѣ М. Н. Пр. 1842, ч. 33, отд. IV, стр. 43—61, (а ему предшествовало уже нѣсколько отчетовъ) пріятно поражаетъ филологическая точность; онъ распространяется здѣсь о судьбахъ церковно-слав. языка по памятникамъ, принадлежащимъ различнымъ странамъ и различнымъ временамъ, съ изумительною ясностью и отчетливостью. Виденъ—талантъ критическій. Прейсъ путешествовалъ какъ ученый филологъ, не какъ простой любитель славянъ. Въ 1843 году Прейсъ высказалъ свое мнѣніе о глаголицѣ, въ Ж. М. Н. Пр. ч. 37 отд. II, стр. 184 — 238; зная нѣсколько лучше судьбу хорватской глаголицы, онъ былъ введенъ въ заблужденіе, какъ будто-бы она родилась въ предѣлахъ сѣверно-далматинскихъ хорватовъ.

79) См. Отчетъ о дѣятельности второго отдѣленія за 1880 годъ, гдѣ помѣщена біографія покойнаго академика и полный библіографическій перечень его трудовъ—то и другое составлено А. Ѳ. Бычковымъ.

80) Срезневскій коснулся жизни Кирилла и Меѳодія въ разборѣ рукописнаго сочиненія г. Голубинскаго въ «Двѣнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова» (СПб. 1870) стр. 227—233, но разборъ написанъ такъ, что онъ не даетъ никакой возможности вникнуть въ тогдашніе взгляды Срезневскаго. Мы видимъ только, что онъ не былъ согласенъ съ Голубинскимъ въ строгой, отрицательной оцѣнкѣ житія Климента, и какъ будто-бы не раздѣлялъ общихъ взглядовъ относительно значенія «паннонскихъ» легендъ. Въ послѣднія десятилѣтія онъ видно избѣгалъ всѣ эти вопросы, но въ молодости онъ написалъ двѣ статьи, относящіяся сюда: «Древнія письмена славянскія» въ Ж. М. Н. Пр. 1849, ч. 59, отд. II, стр. 18—66, гдѣ подробно разбирается свидѣтельство черноризца Храбра, вѣрится въ русскій переводъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ въ IX вѣкѣ (!) и отвергается догадка Григоровича о глаголицѣ. Вторая статья «О глаголитской письменности» напечатана въ 1852 году въ I томѣ Извѣстій, стр. 353—367, она переведена на хорватскій языкъ Иваномъ Мажураничемъ въ повременномъ изданіи «Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, Knjiga IV, U Zagrebu 1857» стр. 111—125. Въ Извѣстіяхъ рядомъ помѣщена также статья Шафарика въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ м. б. самимъ Срезневскимъ: «Взглядъ на древность глагольской письменности» 367—389. Ср. также замѣтки Срезневскаго о новомъ трудѣ Шафарика, изданномъ въ 1852 году: «Новое мнѣніе П. Шафарика о письменности глагольской» Извѣст. II. 299—305.

81) Это изданные въ III томѣ Сборника «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма» СПб. 1868. 8° 192. 416. 24. Много дополненій къ этому сбор-

нику содержатъ «Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», продолжавшіяся въ различныхъ томахъ Записокъ и Сборника. Еще обращаютъ на себя вниманіе «Древніе глаголическіе памятники. Трудъ И. И. Срезневскаго». СПб. 1866, 8⁰ VIII. 298.

82) «Саввина книга» — кирил. текстъ евангельскихъ чтеній на подобіе Остромирова евангелія; онъ изданъ въ вышеупомянутомъ (прим. 81) сборникѣ, стр. 1—154, съ поправками опечатокъ въ моемъ журналѣ Archiv f. sl. Phil. V. 580—612.

«Зографское евангеліе» — глаголическое четвероевангеліе, издано мною въ Берлинѣ: Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis, nunc Petropolitanus ed. V. Jagić. Berolini 1879, 4⁰. XLV, 174.

«Маріинское евангеліе» — глаголическое четвероевангеліе, издано мною въ С.-Петербургѣ: Маріинское Четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ И. В. Ягича, 1883. 4⁰, XX, 607.

«Ватиканское евангеліе»—глаголическій текстъ евангельскихъ чтеній на подобіе Остромирова евангелія, изданъ два раза: первое изданіе глаголическимъ шрифтомъ приготовлено др. Рачкимъ: Assemanov ili vatikanski Evangelistar. Iznesè ga na svjetlo Dr. Franjo Rački. U Zagrebu 1865. 8⁰. CXIX, (тутъ мой грамматико-критическій разборъ памятника, на стр. XII — XCIX) и 216; второе изданіе латинскими буквами приготовлено др. Черничемъ: Assemanovo izborno evangjelje. Na svĕtlo dao dr. Ivan Črnčić. V Rimu 1878, 8°. LXXVI, 184.

83) Упомянутые тексты изданы въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ» подъ № 28, 36, 37.

84) См. Fr. Ks. vitez Miklošič, spisal Anton Trstenjak. V Ljubljani 1883, 8⁰. 54.

85) Миклошичъ первый оцѣнилъ съ филологической точки зрѣнія, какъ слѣдуетъ, изданіе Остромирова евангелія. Его рецензія вышла въ 1847 году, въ 119-томъ томѣ вѣнскихъ «Jahrbücher der Literatur», она заканчивается слѣдующими словами: «Möge es dem würdigen Manne, der sich um die leider nur von wenigen Berufenen gepflegte slavische Philologie schon so grosse Verdienste gesammelt hat, bald gegönnt sein, durch Bekanntmachung der oben bezeichneten Werke (грамматики и словаря), die bei seiner Gelehrsamkeit und bei der Stellung, die er an einer an slavischen Handschriften reichen Bibliothek einnimmt, gewiss allen Erwartungen entsprechen werden, die gelehrte slavische Welt zu erfreuen». На этомъ памятникѣ, на Супрасльскомъ и Клоцовомъ сборникахъ, построены первые грамматическіе труды Миклошича: Lautlehre der altslovenischen Sprache von Fr. Miklosich. Wien 1850, 8⁰ 52; Formenlehre der altslovenischen Sprache von Fr. Miklosich. Wien, 1850, 8⁰. 73. Второе изданіе послѣдней книжечки въ 1854 г. уже расширено съ 73 на 179 страницъ. Третье изданіе вышло въ 1874 году подъ заглавіемъ: «Altslovenische Formenlehre in Paradigmen mit Texten aus glagolitischen Quellen, von Fr. Miklosich». Wien 1874, 8⁰ XXXV, 96. Здѣсь уже легли въ основаніе древнѣйшіе южнославянскіе юсовые тексты, преимущественно глаголическіе.

86) Издавая въ 1860 году ново-открытый отрывокъ Клоцова сборника (Zum glagolita Clozianus, Denkschriften B. X. pag. 195—214) Миклошичъ опредѣлялъ редакціи славянскихъ памятниковъ такъ: Ich werde fortfahren, die altslovenischen Denkmäler in folgende vier Classen zu theilen: I slovenisch a) altslovenisch κατ᾽ ἐξοχήν; b) bulgarisch; II serbisch; III chorwatisch; IV russisch». (стр. 197). Разрядъ I a, названъ потомъ точнѣе «паннонскимъ», опредѣленію же его грамматическихъ разновидностей посвящено (кромѣ упомянутой въ

предыдущемъ примѣчаніи «Altslovenische Formenlehre in Paradigmen») особое изслѣдованіе: «Beiträge zur altslovenischen Grammatik von Dr. Franz Miklosich. Wien 1875, 8⁰. 58», цѣль котораго намѣчена такъ: «Sie soll einen Beitrag bilden zur Lösung der Frage nach dem eigenthümlichen Charakter jener Varietät des Altslovenischen, die allen anderen zu Grunde liegt und die der Verfasser die pannonische nennt, weil historische und sprachliche Gründe ihn nöthigen, ihre Heimat in Pannonien zu suchen».

87) Отрывки Супрасльскаго сборника изданы имъ же раньше: Homilia in Ramos Palmarum 1845, Vitae sanctorum 1847, полное изданіе: Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice suprasliensi ed. F. Miklosich, Vindobonae 1851, 8⁰ XII, 456. Второй памятникъ изданъ въ 1853 году: Apostolus e codice monasterii Šišatovac, palaeoslovenice edidit F. Miklosich. Vindobonae 1853. 8⁰. VIII. 267.

88) Уже въ 1845 году онъ издалъ «Radices linguae slovenicae veteris dialecti. Lipsiae 1845, 8⁰ 147. Черезъ пять лѣтъ вышелъ его Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. Vindobonae 1850, 4⁰ XIV. 204, новое же совсѣмъ передѣланное и увеличенное изданіе: Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, emendatum auctum edidit Fr. Miklosich, Vindobonae 1862—1865, 8⁰ XXII. 1171. Сюда можно отнести еще: Die Wurzeln im Altslovenischen, въ Denkschriften VIII, стр. 154—179.

89) «Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung von Fr. Miklosich. Wien 1875, 4⁰ 58 (Denkschriften B. XXIV). Изслѣдованіе Буслаева: О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Сочиненіе Ѳ. Буслаева, Москва. 1848, 8⁰. 207.

90) «Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители. Сочиненіе Филарета, епископа рижскаго». Москва 1846, 8⁰. 30 (перепечатано въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ 43 — 80). Нѣмецкій переводъ вышелъ въ 1847 году: Cyrillus und Methodius, die Apostel der Slawen. Mitau — Leipzig 1847, 8⁰. 44. Существуетъ тоже болгарскій переводъ, напечатанный въ «Български книжици» годъ III (1860), кн. 11. 12. 14. 17.

91) «О Кириллѣ и Меѳодіи», въ собраніи сочиненій А. Гильфердинга, томъ первый. Спб. 1868, 8⁰ 299—340. Эта статья первоначально написана для газеты «День» въ 1862 году, потомъ она явилась подъ заглавіемъ «О Кириллѣ и Меѳодіѣ и тысячелѣтней ихъ годовщинѣ» въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ, стр. 145 — 208, наконецъ перепечатана въ собранныхъ сочиненіяхъ съ несущественными измѣненіями.

92) «Кириллъ и Меѳодій какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ, въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между востокомъ и западомъ. Сочиненіе П. Лавровскаго». Харьковъ. 1863. 8⁰. VII. 588. Объ этомъ сочиненіи ср. отзывъ Бодянскаго въ Седьмомъ присужденія наградъ графа Уварова, Спб. 1864, стр. 56—91. Того же автора появилась на дняхъ статья въ Ж. М. Н. Пр. 1885, апрѣльская книжка, подъ заглавіемъ: Былъ ли святый Кириллъ солунскій епископомъ? (стр. 161—175), гдѣ обширно изложено, что преданіе слав. источниковъ, начиная съ самыхъ древнихъ, Кирилла всегда считало только учителемъ, философомъ, преподобнымъ, ничего не зная объ епископствѣ его. Послѣднее мнѣніе опирается главнымъ образомъ на итальянскую легенду, о значеніи которой авторъ отзывается черезъчуръ неодобрительно, послѣдуя впрочемъ примѣру А. Воронова. Мнѣ кажется, что славянское преданіе вѣрнѣе поняло Константина философа, оставивъ его учителемъ славянъ, чѣмъ тѣ позднѣйшіе латинскіе источники, которые воз-

вели его рядомъ съ Меѳодіемъ въ санъ епископскій. Даже допуская, что итал. легенда передаетъ историческій фактъ, что Константинъ дѣйствительно былъ посвященъ въ епископы, но вѣдь онъ этимъ не воспользовался, а по словамъ той же легенды скончался, по собственному желанію, какъ монахъ Кириллъ. Слав. легенда разсказываетъ даже, что онъ послѣднихъ 50 дней своей жизни пробылъ въ монашествѣ.

93) В. А. Бильбасовъ, Кириллъ и Меѳодій. Часть первая: К. и М. по документальнымъ источникамъ (критика документовъ, римскіе папы и славянскіе первоучители, monumenta diplomatica) Спб. 1868. 8° XII. 165. Часть вторая: К. и М. по западнымъ легендамъ (критика легендъ, легендарный образъ Кирилла и Меѳодія, codex legendarum). Спб. 1871. 8°. V. 388. Третій томъ къ сожалѣнію не изданъ. Надняхъ вышла того же автора очень обширная статья «Кириллъ и Меѳодій, славянскіе первоучители» въ журналѣ «Новь» (Томъ III № 11, за апрѣль 1885 г.), стр. 398 — 440. Авторъ разсказываетъ здѣсь ходъ дѣятельности слав. первоучителей согласно со своими взглядами, изложенными въ главномъ трудѣ. Но вѣдь противъ значенія тѣхъ источниковъ, на которыхъ онъ основываетъ отличительныя особенности своего изложенія, сдѣланы возраженія съ различныхъ сторонъ, между прочими Вороновымъ, мною, Лескиномъ, Мартыновымъ, Рачкимъ.

94) Объ этомъ трудѣ пока мы знаемъ только отзывъ И. И. Срезневскаго, напеч. въ Двѣнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, см. примѣч. 80.

95) «Отрывокъ изъ путешествія епископа Порфирія Успенскаго въ Аѳонскіе монастыри и скиты въ 1846 году. О св. Кириллѣ просвѣтителѣ славянъ моравскихъ». Эта статья напечатана въ Трудахъ Кіевской духовной академіи 1877, томъ четвертый, стр. 79 — 110, разобрана же мною въ Archiv für slav. Philologie IV. 297—316.

96) «Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскихъ странахъ во времена св. Кирилла и Меѳодія. Сочинилъ А. С. Петрушевичь». Львовъ. 1882. 8°. 76.

97) Уже въ 1846 году вышло въ Одессѣ хорошее для своего времени сочиненіе подъ заглавіемъ: «О языкѣ церковнославянскомъ, его началѣ, образованіяхъ и историческихъ судьбахъ, сочиненіе Константина Зеленецкаго». Одесса. 1846, 4°. 123. Это былъ обстоятельный рефератъ о всемъ, что до тѣхъ поръ написано по даннымъ вопросамъ, удобная справочная книжка. Она переведена на сербскій языкъ въ Гласникѣ кн. VII и VIII (переводъ С. Сретеновиħа). Желающаго найти много подробностей о чествованіи памяти Кирилла и Меѳодія въ Россіи въ 1863 году, вмѣстѣ съ указаніемъ напечатанныхъ по этому поводу книгъ и статей, могу сослать на книжку, которую мнѣ напомнилъ г. П. Сырку: Мѣсяцесловъ святыхъ. Выпускъ III. Тамбовъ 1880, (Прибавленіе къ Тамбовскимъ епархіальнымъ вѣдомостямъ) 8° 411, здѣсь на стр. 295—314 приводится библіографія, почерпнутая, правда, главнымъ образомъ изъ Воронова, но есть и дополненія. Желательно было бы, чтобы кто нибудь, располагающій трудолюбіемъ г. Пономарева, составилъ объ этомъ вопросѣ подробную библіографію. По поводу нынѣшняго праздника вышелъ до сихъ поръ, помимо многихъ простонародныхъ книжекъ, въ Варшавѣ «Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Импер. варшавскимъ университетомъ подъ редакціею орд. проф. А. Будиловича» Варшава 1885. 8°, заключающій въ себѣ статьи: Н. Лавровскаго (Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи, 1—20), А. Будиловича (Нѣсколько мыслей о грекославянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, 1—117), О. Первольфа (Славянскій языкъ и его судьба у народовъ славянскихъ 1—126), П. Кулаковскаго (Очеркъ исто-

рія попытокъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ 1—56), К. Грота (Взглядъ на подвигъ слав. первоучителей съ точки зрѣнія греческаго ихъ происхожденія 1—22), и Ѳ. Зигеля (Общественное значеніе дѣятельности Кирилла и Меѳодія 1—49).—Въ Трудахъ Кіевской дух. акад. за 1885 годъ, кн. IV стр. 482—503 появилась статья «Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ козарскими евреями», нап. К. Ѳоменко. Авторъ видитъ въ этихъ козарскихъ евреяхъ — Караимовъ. — Укажу наконецъ на «историческую замѣтку» проф. О. Миллера въ журналѣ «Новь» за 1 апрѣль 1885 года, стр. 459—477: «Первоучители славянъ».

98) Žiwot swatých Cyrilla a Methodia apoštolů slowanských, sepsal Wácslaw Štulc. W Brně 1857. 8⁰. 495.

99) Dějiny sv. apoštolů slovanských Cyrilla a Methodia. K tisícleté slavnosti pokřeštanění Moravy a Čech z nejnovějších a nejlepších pramenů sestavil Dr. J. E. Bílý. V Praze 1863. 4⁰. 144. Эта книга была въ 1863 году переведена на нѣмецкій и на словенскій языкъ, послѣдній переводъ подъ заглавіемъ: «Zgodovina svetih apostolov slovanskih Cirila in Metoda, poslovenil Janez Majcigar. Maribor 1863».

100) Дудикъ кромѣ обширнаго изложенія дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ своей исторіи Моравіи (Dějiny Moravy sestavil Dr. B. Dudík Díl I, vydání druhé. V Praze 1875, 99 — 199, изложеніе и оцѣнка событій не совсѣмъ объективно написаны, ср. критическія замѣтки въ журналѣ «Světozor», 1882, № 5, стр. 59) еще недавно издалъ въ Sitzungsberichte der philos. histor. Classe 1879, B. 55, стр. 329—380 «Historische Forschungen in der Kaiserl. öffentl. Bibliothek zu St.-Petersburg», гдѣ на стр. 341—50 напечатана «Istoria sanctorum Cirilli et Metodii confessorum» (по рукописному лат. часослову). Онъ участвовалъ также въ спорѣ о значеніи Велеграда. Впослѣдствіи онъ отказался отъ первоначальныхъ сомнѣній. По собственному признанію его убѣдили доводы, собранные въ пользу Велеграда, какъ мѣста пребыванія Меѳодія, др. Герм. Иречкомъ (въ Světozor-ѣ за 1859 и 1860 годъ) и Бранделемъ (въ «Památky» 1863, V. стр. 241—251, 296—306). Велеградъ съ тѣхъ поръ снова выросъ въ глазахъ современниковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ предпринято даже изданіе «Велеградскаго сборника» (Sborník Velehradský) съ цѣлью возобновить въ памяти важность Велеграда. До сихъ поръ вышли, кажется, три книжечки, редакторомъ ихъ былъ Jozef Vykydal, děkan a farář na Velehradě. Большая часть статей написана мѣстнымъ духовенствомъ, образъ мысли котораго конечно отразился и на произведеніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшній годъ вызоветъ и въ чешской литературѣ различныя изданія по данному вопросу. Г. П. Сырку указалъ мнѣ уже на одну такого рода книжечку: Sv. Cyrill a Method, apoštolovia slovanski, napisal Daniel Z. Lauček. Turč. Sv. Martin. 1883, 8⁰. 72. Будемъ надѣяться, что вскорѣ появится болѣе научное изслѣдованіе, какъ достойное продолженіе трудовъ Добровскаго и Шафарика.

101) Проф. Первольфъ приготовилъ для «Fontes rerum bohemicarum» (въ Прагѣ 1873 г.) изданіе славянскихъ житій Кирилла и Меѳодія, по обширнымъ и сокращеннымъ (проложнымъ) редакціямъ, съ присоединеніемъ чешскаго перевода и подстрочныхъ критическихъ примѣчаній, томъ I. 4⁰. стр. V—XI, 1—75. Имъ же къ тысячелѣтію составлено очень хорошее обозрѣніе судебъ церковно-славянскаго языка, въ сочиненіи: «Словѣнскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ». Сочиненіе Іосифа Первольфа. Варшава. 1885. 8⁰ 126 (отд. от. изъ «Меѳодіевскаго юбилейнаго сборника»).

102) Рачкій написалъ: «Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda, slovjenskih apoštolov. Nacrtao Prof. Dr. Franjo Rački. U Zagrebu. 1857—1859, 8°. XII, 420. Прежде онъ критически разобралъ житіе Меѳодія (противъ Гинцеля) въ статьѣ напеч. въ Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, knjiga IV (u Zagrebu 1857), стр. 281 — 298. Въ сборникѣ «Tisućnica slovjenskih apostolah sv. Cirila i Metoda» (U Zagrebu 1863. 4°) напечатана его же статья «Književan rád sv. Cirila i Metoda. Priobćio Dr. Franjo Rački 1—27. Вмѣстѣ съ Миклошичемъ недавно издалъ Рачкій «Novo nadjeni spomenici iz IX i XI vieka za panonskomoravsku, bugarsku i hrvatsku poviest» въ сборникѣ «Starine» кн. XII (Загребъ 1880), стр. 206—223.

103) «Na uspomenu tisuću-godišnjice sv. Cyrilla i Methoda slovjenskih apostolah, napisao Ivan Krst. Tkalčić». U Zagrebu 1863. 8°. 130. VIII.

104) Dvie službe rimskoga obreda za svetkovinu svetih Ćirila i Metuda, izdao Ivan Brčić, u Zagrebu 1870. 8°. XV, 79.

105) Rimsko-slovinska služba sv. Kurilu i Metudu, priobćio Dr. Ivan Črnčić въ 14 книжкѣ «Starine», стр. 210—220.

106) Въ статьѣ на словенскомъ нарѣчіи написанной «A. Fekonja, Razširjava kristjanstva med Slovenci» (въ «Letopis matice slovenske za leto 1884» V Ljubljani 1884) стр. 115—195, указывается на неизвѣстную мнѣ книгу «Delo sv. Cirila i Metoda, spisal Jaromir Volkov, v Trstu 1881». Также я не видалъ сборника «Zlati Vek», изданнаго въ Люблянѣ въ 1863, гдѣ должна быть помѣщена статья Гицингера (P. Hicinger): «Začetki keršanstva na Slovenskem». Въ Задрѣ вышла въ 1881 году книга подъ заглавіемъ: «Славенски апостоли Кирил и Методије и истина православна, написао др. Никодим Милаш. Задар 1881, 8° XXVIII. 387», но содержаніе ея—полемическое по всѣмъ спорнымъ вопросамъ восточной и западной церкви, только на стр. 311—370 авторъ коснулся Кирилла и Меѳодія. «Кирил и Методије и римски папе», такъ озаглавлена эта часть книги.

107) Monumenta Poloniae historica. Pomniki dziejowe polski, wydał August Bielowski. Lwów 1864, 4°. XXXII. 946. Въ этотъ сборникъ вошло только житіе Меѳодія. Издатель не могъ, какъ самъ разсказываетъ въ предисловіи на стр. XX—XXI, воспользоваться для своего изданія древнѣйшимъ текстомъ (Успенскаго собора), потому что рукопись находилась въ рукахъ Бодянскаго. Въ изданіи А. Бѣлёвскаго «Żywot ś. Metodego» напечатанъ съ введеніемъ и объясненіями на стр. 85—122; въ томъ и другомъ много дѣльныхъ замѣчаній.

108) Rettel Leonard. Cyryl i Metody. Streszczenie najnowszych poszukiwań. Paryż, nakladem biblioteki kórnickiéj 1871. 8°. 205.

109) Swięci Cyryl i Metody przez ks. Tadeusza Gromnickiego. W Krakowie. 1880. 8° 239, (Отдѣльный оттискъ изъ «Rozpraw» историко-философскаго разряда краковской академіи наукъ т. X—XII).

110) Geschichte der Slavenapostel Cyrill und Method und der slavischen Liturgie von Dr. J. Aug. Ginzel. Leitmeritz 1857, VI. 174. 132, второе изданіе: Wien, 1861. 8°. XI. 173. 132.

111) Напр. у Макса Бюдингера: Oesterreichische Geschichte bis zum Ausgange des dreizehnten Jahrhunderts von Max Büdinger. Leipzig 1858 I. S. 191 bis 198; или у Э. Дюммлера: Geschichte des ostfränkischen Reichs I. Berlin 1862. S. 620—627, 699—703, 814—821; II. Berlin 1865. S. 192—198, 254—259, 340; или у Альф. Губера: Geschichte Oesterreichs. Erster Band von Alfons Huber. Gotha 1885, на стр. 100—111: ср. также Geschichte der Einführung und Ver-

breitung des Christenthums in Südostdeutschland von Dr. Alois Huber, Salzburg 1875. IV Band. Slaven-Zeit.

112) Cyrille et Méthode. Etude historique sur la conversion des Slaves au christianisme, par Louis Leger. Paris 1868, 8⁰. XXXV. 227.

113) Отецъ Мартыновъ подвергъ недавно критическому разбору вопросъ о времени происхожденія и объ авторѣ такъ называемой итальянской легенды или Translatio s. Clementis, въ журналѣ «Revue des Questions historiques, 71-e livraison, 1 Juillet 1884. Paris 1884, p. 110 — 166, въ статьѣ «La légende italique des SS. Cyrille et Méthode». О. Мартыновъ положилъ въ основаніе своего разсужденія трудъ покойнаго А. Воронова. Отдавая во всемъ прочемъ полную справедливость критическимъ соображеніямъ русскаго ученаго, онъ не соглашается съ А. Вороновымъ только относительно итальянской легенды, отстаивая ея прежній авторитетъ. И я, соглашаясь во многомъ съ А. Вороновымъ, не могъ одобрить то, что тамъ говорится о итал. легендѣ. Мой отзывъ не ускользнулъ отъ вниманія о. Мартынова, онъ пишетъ: «Telle est ma conviction et je suis heureux de me voir d'accord en cela avec le savant académicien M. Jagitch. Avec la sagacité qui le distingue, ce critique éminent suppose l'existence des deux traditions relatives au fait, dont il s'agit: l'une romaine, occidentale; l'autre orientale, chersonienne» (p. 138). Я очень радъ, что мои соображенія съ такимъ удовольствіемъ приняты отличнымъ знатокомъ вопроса. Аргументація о. Мартынова въ пользу древности итал. легенды и авторства Гаудерика составлена очень остроумно и убѣдительно. Эта статья представляетъ драгоцѣнный вкладъ въ литературу нашего вопроса изъ новѣйшаго времени; она должна быть принята въ расчетъ всѣми, кто впередъ станетъ разбирать источники сказанія о Кириллѣ и Меѳодіи.

114) Memorie storico-critiche archeologiche dei santi Cirillo e Metodio e del loro apostolato fra le genti slave, par Domenico Bartolini, prete del titolo di S. Marco, cardinale della santa romana chiesa etc. Roma 1881. 8⁰. XXIX. 254. Отзывъ объ этой книгѣ въ Варшавскомъ журналѣ «Ateneum» 1882, кн. VIII, стр. 378—383.

115) Въ русской литературѣ существуетъ нѣсколько начатыхъ, но недоконченныхъ предпріятій. Сюда я отношу сводъ памятниковъ, затѣянный покойнымъ Бодянскимъ, не доведенное до конца сочиненіе Бильбасова, попытки изданія сводныхъ текстовъ похвалы и службы, начатыя покойнымъ И. И. Срезневскимъ, и т. д. Я конечно согласенъ съ покойнымъ Бодянскимъ въ томъ, что критическая разработка источниковъ должна была предшествовать самому жизнеописанію, но кажется теперь уже наступило время для того, чтобы приступить «съ большей надеждей на успѣхъ и къ составленію самаго жизнеописанія вѣчно памятныхъ намъ первоучителей нашего славянскаго племени». Ни одно изъ до сихъ поръ изданныхъ изслѣдованій не можетъ похвалиться, что оно сосредоточило въ себѣ все, до новѣйшаго времени сдѣланное наукою для уясненія этого вопроса. Въ русской литературѣ тутъ опять замѣчаемъ чувствительный пробѣлъ, одно недоконченное предпріятіе: изслѣдованіе Голубинскаго еще не издано.

И желаній, заявленныхъ давно уже Добровскимъ, мы еще не исполнили: труды Кирилла и Меѳодія еще не возстановлены въ ихъ первоначальномъ видѣ. Довольно много сдѣлано по вопросу о переводѣ евангелія (Невоструевымъ, Шафарикомъ, мною и Ильминскимъ) древнихъ же текстовъ издано пока шесть (три глаголическіе, три Кирилловскіе); о переводѣ апостола существуетъ изслѣдованіе Воскресенскаго, а на изданіи текстовъ теперь работаетъ неуто-

мимый о. Амфилохій въ Москвѣ; псалтырь пока еще не издана по такимъ замѣчательнымъ спискамъ, какъ болонскій, погодинскій, чудовскій, но за то недавно обогатилась наука изданіемъ синайской псалтыри, переводу псалтыри посвящено изслѣдованіе В. Срезневскаго и недавнее мое. О другихъ частяхъ ветхаго завѣта нечего и говорить. Такого рода изданіе, какъ «Ulomci svetoga pisma» покойнаго Берчича, изъ различныхъ частей ветхаго завѣта, становится въ русской литературѣ настоящею потребностью. Но есть еще и другія desiderata. Для выясненія вопроса о томъ, въ какомъ видѣ существовали первыя литургическія книги въ Моравіи, Панноніи и Болгаріи, пока сдѣлано очень мало. Изданіе «меѳодіевскаго» номоканона мы, кажется, вправѣ ожидать отъ А. С. Павлова.

Съ похвальною энергіею въ нынѣшнемъ году взялись въ Варшавѣ (А. Будиловичъ и другіе) за продолженіе предпріятія, начатаго въ 1865 году въ Москвѣ. Желательно, чтобы на этомъ сборникѣ дѣло не остановилось, а чтобы было основано отдѣльное изданіе, посвященное критической разработкѣ всѣхъ возможныхъ вопросовъ о Кириллѣ и Меѳодіи, въ которое могли бы войти также переводы выдающихся статей изъ прочихъ литературъ, напр. того, что напечатано на языкѣ чешскомъ (напр. Иречкомъ, Бранделемъ) или сербо-хорватскомъ (Рачкимъ и другими). Вѣдь этихъ изслѣдованій здѣсь никто не знаетъ, за исключеніемъ самаго ограниченнаго числа спеціалистовъ, да и имъ-то едва ли весь матеріалъ доступенъ.

ОПЕЧАТКИ.

На стр. 15 въ строкѣ 3 внизу вм. 1882 читай 1822,
» » 25 » » 5 » » «паннонническихъ» читай «паннонскихъ».

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVIII, № 2.

СТРАНСТВУЮЩІЙ ЖИДЪ.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ

ЖУКОВСКАГО,

ПО РУКОПИСИ ПОЭТА.

С. И. ПОНОМАРЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1885 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

СТРАНСТВУЮЩІЙ ЖИДЪ.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ

ЖУКОВСКАГО,

ПО РУКОПИСИ ПОЭТА.

(С. И. ПОНОМАРЕВА).

Послѣднее произведеніе Жуковскаго, его *лучшая лебединая пѣснь* (какъ онъ самъ называлъ его), было уже напечатано три раза: въ посмертномъ изданіи его сочиненій (1857 г., т. X), въ новомъ изданіи ихъ (1869 г., т. IV) и наконецъ въ послѣднемъ ихъ изданіи (1878 г., т. V). Но редакторы посмертнаго изданія, гр. Блудовъ и Плетневъ, допустили не мало передѣлокъ и уклоненій отъ рукописи поэта, которыя потомъ вошли и въ слѣдующее изданіе, редижированное г. Сербиновичемъ; наконецъ послѣднее изданіе, подъ редакціей г. Ефремова, возстановило текстъ *по корректурѣ* посмертнаго изданія, которая была набрана съ рукописи (безъ всякаго сомнѣнія — *съ копіи* рукописи). Сличая всѣ эти изданія, мы дѣйствительно встрѣтили въ нихъ значительныя разнорѣчія; мало того: въ произведеніи, написанномъ *пятистопными* ямбическими стихами, мы нашли не только трехстопные, четырехстопные, шестистопные и семистопные ямбы, но даже *хореи* разнаго размѣра и наконецъ строки, *не имѣющія никакого подобія стиха* (все это будетъ указано нами въ примѣча-

ніяхъ). Не умѣя объяснить этихъ странностей въ произведеніи поэта, который 54 года писалъ стихами, мы обратились къ Я. К. Гроту съ просьбою — прислать намъ рукопись поэта [1]), для самой тщательной повѣрки ея съ печатнымъ текстомъ и для новаго изданія въ «Сборникѣ» Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Рукопись была прислана немедленно, и вотъ прежде всего отчетъ о ней, составленный послѣ внимательнаго пересмотра.

Рукопись состоитъ изъ *восьми* тетрадей, заключающихъ въ себѣ 69 полулистовъ, занятыхъ стихами. На ней рукою Плетнева надписано, сколько тетрадей и сколько полулистовъ въ каждой тетради занято стихами. Рукопись сохранилась вполнѣ, со всѣми наклейками и приклейками, какъ это видно по нумераціи стиховъ. Вся она писана рукою писца, очевидно вовсе незнакомаго съ постройкой стиха и плохо знавшаго русскую грамоту: онъ пишетъ напр.: «морѣ, Еркуланумъ, оцепѣнелъ, безпамяти, палмъ, здѣлать, людми, лѣжалъ, сенью, кипенья, вѣтхій, по улицы, къ подошвы, изоблекающей, вѣсны и проч. «и проч.; сокращаетъ слова или растягиваетъ ихъ (напр. отчаянія, вм. отчаянья, и наоборотъ), вслѣдствіе чего пропадаетъ стихъ; допускаетъ описки, (въ родѣ «звѣзда одинокое», «Іоарданъ»); часто не ставитъ не только запятыхъ, но и точекъ, или ставитъ запятую послѣ подлежащаго; видимо пропускаетъ слова и такимъ образомъ искажаетъ стихъ. И почти ничего этого не исправилъ и не замѣтилъ полуослѣпшій поэтъ: «написанное мнѣ трудно самому читать...»; — «не могу читать въ связи»—жаловался онъ Плетневу. Между тѣмъ рука самого поэта появлялась въ рукописи нерѣдко; онъ исправлялъ и писалъ новые стихи, карандашомъ и перомъ, но писалъ съ *закрытыми глазами:* «что напишу съ закрытыми глазами, то мнѣ читаетъ вслухъ мой камердинеръ и поправляетъ по моему указанію» — писалъ онъ тогда же къ Плетневу. Скоро послѣ того онъ принужденъ былъ покинуть и карандашъ свой и свою машинку, которыми до сихъ поръ пользовался; приписки и поправки продол-

---

[1]) Это писанная подъ диктовку Жуковскаго камердинеромъ его Василіемъ тетрадь, сохранившаяся въ бумагахъ Плетнева. *Я. Г.*

жались не его рукою, а только съ его словъ, имъ диктованныхъ; а эти слова иногда ошибочно схватывались, еще ошибочнѣе писались. Вслѣдствіе всего этого, иныя поправки въ рукописи весьма неразборчивы, одна смѣняетъ другую, иныя начаты и не окончены, варіанты иногда не зачеркиваются, знаки препинанія не соблюдаются въ должной системѣ, всего чаще встрѣчаются тире, періоды растягиваются стиховъ на 15, на 20 и болѣе. Самый счетъ стиховъ въ рукописи не можетъ служить крѣпкой нитью для переписки; такъ какъ въ ней въ разное время или прибавлялись, или опускались стихи, то нумерація ихъ очень часто измѣнялась; а въ иныхъ мѣстахъ счетъ идетъ такой: 550, 555, *540, 550, 555*, и эта ошибка въ 15 стиховъ вовсе не была замѣчена; послѣ 830 стиха встрѣчаемъ 805, 810, 815,...; послѣ 900-го стиха слѣдуютъ 895, 900...; послѣ 1445-го стиха 1425-й и т. далѣе, такъ что справки съ рукописью чрезвычайно затруднительны.

При такомъ положеніи дѣла мы убѣдились, что почитателямъ Жуковскаго *еще предстоитъ установить текстъ и пунктуацію въ этомъ произведеніи его*. Встрѣчаются такія сомнительныя мѣста, которыхъ не рискуешь разрѣшить личными силами; встрѣчаются такіе стихи, которые невозможно допустить въ текстъ. И потому мы приняли на себя сдѣлать только вотъ что: переписать внимательно всю рукопись (конечно, безъ грубыхъ ороографическихъ ошибокъ писца); указать въ примѣчаніяхъ только тѣ ошибки, которыя искажаютъ стихъ; привести всѣ замѣчательные варіанты и пропуски, сдѣланные поэтомъ, и помѣстить ихъ въ приложеніи къ поэмѣ; представить свою *попытку* окончательной редакціи и въ примѣчаніяхъ объяснить ея основанія: вотъ нашъ трудъ, который представляемъ на судъ знатоковъ дѣла. Въ рукописи нѣтъ дѣленія на части, — не допустили его и мы; но, слѣдуя прежнимъ изданіямъ, ввели красныя строки тамъ, гдѣ рѣзко измѣняется содержаніе разсказа. При этомъ мы вели счетъ стиховъ и обозначили (по рукописи) время, когда поэтъ писалъ ихъ.

Мы должны остановиться на тѣхъ немногихъ измѣненіяхъ, которыя позволили себѣ внести въ это произведеніе Жуковскаго.

Изъ сказаннаго выше — ясно, что Жуковскій и не успѣлъ и не могъ перечитать свою поэму съ полнымъ вниманіемъ и сообщить ей строгую отдѣлку, такъ свойственную ему. Насъ не останавливаетъ то, что Жуковскій въ свою поэму, писанную пятистопными ямбами, допустилъ стихи разнаго размѣра (3 трехстопныхъ, 49 четырехстопныхъ, 36 шестистопныхъ и 2 семистопныхъ): это встрѣчается и въ другихъ его произведеніяхъ, хотя не въ такомъ количествѣ и не въ такомъ пестромъ смѣшеніи; но насъ останавливаетъ то, какимъ образомъ Жуковскій, этотъ

«*Въ бореньи съ трудностью силачъ необычайный*»,

какъ называли его князь П. А. Вяземскій и Пушкинъ, допустилъ въ своей ямбической поэмѣ два хорея разнаго размѣра и *двѣнадцать* строкъ вовсе на стихи не похожихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ непремѣнно исправилъ бы эти вопіющія странности, если бы онѣ были ему указаны. Мы вспоминаемъ нѣсколько примѣровъ его внимательности къ менѣе важнымъ замѣчаніямъ. Полевой въ 1825 г. указалъ въ переводѣ «Орлеанской Дѣвы» семь *сряду* стиховъ въ $6^1/_2$ стопъ — и, не смотря на возстаніе противъ Полеваго шести рецензентовъ, Жуковскій принялъ къ свѣдѣнію замѣчанія его и въ слѣдующемъ изданіи отчасти исправилъ свой переводъ. Еще раньше, въ 1823 году, Плетневъ указалъ въ его переводѣ изъ Гэте нѣсколько изысканныхъ стиховъ, и Жуковскій исправилъ всѣ стихи, осужденные критикомъ. Въ концѣ своей жизни Жуковскій опять исправилъ тѣ стихи въ «Лебедѣ», которые забраковалъ Плетневъ [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ странности, которыя оказываются въ настоящемъ произведеніи Жуковскаго, произо-

---

[1]) См. Особое Прибавленіе къ Моск. Телеграфу 1825 г., № 15, стр. 16—19; Журналъ Изящн. Искусствъ, 1823 г., кн. 2, стр. 126 и слѣд.; Сочиненія Жуковскаго, изд. 1878 г., т. VI стр. 605.

шли не отъ поэта, а отъ его писца. Поэтъ *не могъ* видѣть *каждый* стихъ, *какъ* онъ начинается и *какъ* оканчивается, и потому не могъ придать каждому стиху законченную метрическую форму; причиной нѣкоторыхъ ошибокъ была слѣпота Жуковскаго, а большею частію ихъ смастерилъ писецъ. Можно ли эти промахи писца считать за неприкосновенную святыню поэта? Неужто они навсегда должны остаться въ произведеніи такого поэта, какимъ былъ Жуковскій? Изъ уваженія къ памяти Жуковскаго, намъ было бы больно оставить такія грубыя ошибки въ его предсмертномъ произведеніи. Князь Вяземскій говорилъ, что эта поэма занимаетъ первенствующее мѣсто не только между твореніями Жуковскаго, но едва-ли не во всей русской поэзіи. Это, конечно, отзывъ дружескаго чувства. Поэма эта не можетъ считаться законченнымъ произведеніемъ, и не въ ней значеніе и подвигъ Жуковскаго, какъ поэта и человѣка. Она важна для біографіи; мы видимъ, *чѣмъ* была занята мысль поэта, — но *какъ* она выразилась — это другой вопросъ. Выразиться вполнѣ удачно она не могла у больнаго и слѣпаго художника. Все таки она имѣетъ полное право на наше вниманіе и невольныя грубыя ошибки въ ней должны быть устранены.

На этомъ основаніи мы никакъ не осудимъ графа Блудова и Плетнева за ихъ попытки исправить нѣкоторые стихи. Эти попытки были внушены имъ чувствомъ уваженія къ покойному поэту, желаніемъ устранить случайныя и явныя ошибки. Эти попытки могли возникнуть въ каждомъ, въ комъ дышитъ эстетическое чувство, кто слышитъ гармонію стиха. Правда, не всѣ поправки ихъ были удачны; но... сказать, что онѣ *«всѣ безъ исключенія въ ущербъ тексту Жуковскаго»*, назвать ихъ *«канцелярской прозой»*... не осмѣлился бы и самъ Жуковскій. Мы знаемъ, что онъ неразъ посылалъ гр. Блудову и Плетневу свои стихи для замѣчаній и поправокъ и нерѣдко соглашался съ ними. Жуковскій еще въ 1817 году *заочно* называлъ статьи Блудова «прекрасными, капитальными»; Жуковскій печатно заявлялъ ему *«Твой вкусъ былъ мнѣ учитель»* (I, 161). Жуковскій внимательно

прислушивался и къ замѣчаніямъ Плетнева, съ которымъ любили совѣтоваться Баратынскій, кн. Вяземскій и самъ Пушкинъ.

Вслѣдствіе всего этого мы позволили себѣ внести въ текстъ *нѣкоторыя* поправки гр. Блудова и Плетнева, оговоривъ ихъ въ примѣчаніяхъ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ тексту поэмы, приведемъ изъ писемъ Жуковскаго нѣкоторыя мѣста, къ ней относящіяся.

Мысль обработать легенду о Странствующемъ Жидѣ возникла у Жуковскаго еще въ 1841 году, и онъ написалъ первые 20 стиховъ. Потомъ болѣе 10 лѣтъ онъ за нее не принимался, и только намекалъ о ней Плетневу въ 1848 году: «Еще для одного поэтическаго созданія есть планъ. Оно было бы достойнымъ заключеніемъ моей поэтической дѣятельности. Но не знаю, слажу ли съ предпріятіемъ мысленнымъ». (VI, 592).

Въ январѣ 1850 г., онъ писалъ Гоголю: «Хотѣлось бы пропѣть мою лебединую пѣснь, хотѣлось бы написать моего «Странствующаго Жида»... Знаешь ли, что ты можешь помочь мнѣ весьма значительно въ этомъ поэтическомъ предпріятіи? Планъ «Странствующаго Жида»... тебѣ извѣстенъ; я тебѣ его разсказывалъ и даже читалъ начало, состоящее не болѣе какъ изъ двадцати стиховъ. Что̀ же ты тутъ можешь сдѣлать съ своей стороны? А вотъ что. Мнѣ нужны локальныя краски Палестины. Ты ее видѣлъ, видѣлъ глазами христіанина и поэта. Передай мнѣ свои видѣнія; опиши мнѣ просто (какъ путешественникъ, возвратившійся къ своимъ домашнимъ и имъ разсказывающій: что̀, гдѣ съ нимъ было) то, что ты видѣлъ въ Святой Землѣ; я бы желалъ имѣть предъ глазами живописную сторону Іерусалима, долины Іосафатовой, Элеонской горы, Виѳлеема, Мертваго моря, пустыни искушенія, Ѳавора, Кармила, степи, Тиверіадскаго озера, долины Іорданской — все это вѣроятно ты видѣлъ; набросай мнѣ нѣсколько живыхъ картинъ безъ всякаго плана, какъ вспомнится, какъ напишется; мнѣ это будетъ несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я увѣренъ, что къ собственнымъ моимъ идеямъ прибавится много новыхъ,

которыя выскочатъ какъ искры отъ удара моей фантазіи объ твою» (VI, 613 — 614).

Гоголь отказался. Онъ отвѣчалъ чрезвычайно оригинальнымъ и интереснымъ письмомъ, въ которомъ представилъ (по словамъ Жуковскаго) одно негативное изображеніе того, что онъ видѣлъ въ Св. Землѣ. «Сообразилъ ли ты, чего просишь (пишетъ онъ Жуковскому), прося отъ меня картинъ и впечатлѣній для той повѣсти, которая должна быть вмѣстѣ и внутренней исторіей твоей собственной души». (Соч. Гоголя, 1857 г., VI, 477 — 481). Послѣднія слова — чрезвычайно вѣрная характеристика поэмы Жуковскаго. Отвѣчая Гоголю, Жуковскій писалъ: «Хотѣлось бы Вѣчнаго Жида успокоить; этотъ трудъ можетъ быть результатомъ теперешнихъ трудовъ моихъ».

Не получивъ удовлетворенія отъ Гоголя, Жуковскій досталъ себѣ у стутгартскаго священника И. И. Базарова «описаніе Палестины съ картинами», славянскую библію, и по нимъ готовился къ своему труду.

Лѣтомъ 1851 года Жуковскій заболѣлъ воспаленіемъ глазъ и просидѣлъ 10 мѣсяцевъ въ темной комнатѣ, и въ этомъ затворничествѣ сталъ продолжать свою поэму. Это было за 9 мѣсяцевъ до его смерти. «Предметъ имѣетъ гигантскій объемъ — писалъ онъ къ А. П. Елагиной — дай Богъ, чтобъ я выразилъ во всей полнотѣ то, что въ нѣкоторыя свѣтлыя минуты представляется душѣ моей: если изъ моего гиганта выйдетъ карликъ, то я не пущу его въ свѣтъ». Поэтъ называлъ «гигантскимъ» объемъ своего труда, вѣроятно, потому, что намѣревался включить въ него и свое переложеніе Апокалипсиса, но потомъ онъ это переложеніе сжалъ въ 60 стиховъ.

Въ сентябрѣ 1851 г. онъ писалъ Плетневу: «я принялся за поэму, которой первые стихи мною были написаны назадъ тому десять лѣтъ, которой идея лежала съ тѣхъ поръ въ душѣ неразвитая, и которой созданіе я отлагалъ до возвращенія на родину, до спокойнаго времени осѣдлой семейной жизни. Я полагалъ, что не могу приступить къ дѣлу, не приготовивъ многаго чтеніемъ.

Вдругъ дѣло само собой началось: все льется извнутри. Обстоятельства свели около меня людей, которые читаютъ мнѣ то, что нужно и чего самъ читать не могу именно въ то время, когда оно мнѣ нужно для хода впередъ. Что напишу съ закрытыми глазами, то мнѣ читаетъ вслухъ мой камердинеръ и поправляетъ по моему указанію. Въ связи же читать не могу безъ него. Такимъ образомъ лѣплю поэтическую мозаику и самъ еще не знаю, каково то, что до сихъ поръ слѣплено ощупью; кажется однако живо и тепло. Содержанія не стану разсказывать: дай Богъ кончить! Думаю, что уже около половины (до 800 стиховъ) кончено. Если *напишется такъ*, *какъ думается*, то это будетъ моя лучшая лебединая пѣснь». (VI, 601).

Въ ноябрѣ того же года Жуковскій просилъ Базарова: «Помогите моему невѣжеству, напишите вкратцѣ, какъ изъясняетъ наша церковь или наши церковные писатели главныя видѣнія Апокалипсиса? Это мнѣ весьма нужно, для чего — скажу послѣ; но вы весьма меня обяжете, если просвѣтите мое невѣжество. Смыслъ главныхъ видѣній апостола мнѣ нуженъ въ поэтическомъ отношеніи». (VI, 651). Тогда же онъ проситъ у Базарова исторію библейскую митрополита Филарета, ея продолженіе — епископа пензенскаго Иннокентія (Смирнова), книгу Муравьева и переводъ псалмовъ. — Объясненія Апокалипсиса Жуковскій не досталъ.

Въ послѣдній годъ своей жизни (1852), уже въ мартѣ мѣсяцѣ, отзываясь съ великою скорбію на нежданую вѣсть о смерти Гоголя, Жуковскій пишетъ: а я, и собирался ему отвѣчать, и хотѣлъ дать ему отвѣчать, и хотѣлъ дать ему отчетъ въ моей теперешней стихотворной работѣ, то есть, хотѣлъ поговорить съ нимъ подробно о моемъ «Жидѣ», котораго содержаніе ему было извѣстно, который пришелся бы ему особенно по-сердцу — и, занимаясь которымъ, я особенно думалъ о Гоголѣ... И вотъ уже его нѣтъ!»

Жуковскій конечно не предчувствовалъ, что черезъ мѣсяцъ и его самого не станетъ...

За два дня до смерти онъ говорилъ своему духовнику (тому же Базарову): «Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы знали, что́ послѣ меня останется. Я написалъ поэму: она еще не кончена; я писалъ ее слѣпой, нынѣшнюю зиму. Это — «Странствующій Жидъ», въ христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь. Я бы хотѣлъ, чтобы она вышла въ свѣтъ послѣ меня... Я начиналъ было переводить ее, диктуя самъ по-нѣмецки. Но Юстинъ Кернеръ берется перевести ее въ стихахъ»...

12 апрѣля 1852 г. (по новому стилю) поэтъ прервалъ свою поэму: *12 апрѣля* (по старому стилю) прервалась его жизнь.

Читатели уже знаютъ, что къ столѣтнему юбилею Жуковскаго явился въ Баденъ-Баденѣ прекрасный, очень близкій къ подлиннику переводъ этой поэмы, сдѣланный г-жею Жадовскою.

С. Пономаревъ.

1-го декабря 1883 г.
Конотопъ.

СТРАНСТВУЮЩІЙ ЖИДЪ.

(начато 8-го [20-го] іюля 1851 г. въ Баденѣ).

Онъ несъ свой крестъ тяжелый на Голгоѳу;
Онъ, Всемогущій, Вседержитель, былъ
Какъ человѣкъ измученъ; потъ и кровь
По блѣдному Его лицу бѣжали;
Подъ бременемъ своимъ Онъ часто падалъ,
Вставалъ съ усиліемъ, переводилъ
Дыханіе; потомъ, шаговъ немного
Переступивъ, подъ ношей снова падалъ.
И наконецъ, съ померкшими отъ мукъ
Очами, Онъ хотѣлъ остановиться
У Агасверовыхъ дверей, дабы,
Къ нимъ прислонившись, перевесть на мигъ
Дыханье. Агасверъ стоялъ тогда
Въ дверяхъ. Его онъ оттолкнулъ отъ нихъ
Безжалостно. Съ глубокимъ состраданьемъ
Къ несчастному столь чуждому любви,
И сѣтуя о томъ, что долженъ былъ
Надъ нимъ изречь какъ Богъ свой приговоръ,
Онъ поднялъ грустный взглядъ на Агасвера
И тихо произнесъ: «ты будешь жить,

Пока Я не приду». И удалился.
И наконецъ Онъ палъ подъ ношею совсѣмъ
Безъ силы. Крестъ тогда былъ возложонъ
На плечи Симона изъ Киринеи, —
И скоро Онъ исчезъ вдали, и вся толпа
Исчезла вслѣдъ за Нимъ. Все замолчало
На улицѣ ужасно опустѣлой.
Народъ вокругъ Голгоѳы за стѣнами
Ерусалимскими столпился. Городъ
Сталъ тихъ какъ гробъ. Одинъ, оцѣпенѣлый,
Въ дверяхъ своихъ недвижимъ Агасверъ
Стоялъ. И долго онъ стоялъ, не зная,
Что съ нимъ случилося, чьи были тѣ
Слова, которыхъ каждый звукъ
Свинцовой буквой въ мозгъ его былъ вдавленъ, тамъ
Сидѣлъ неисторжимъ, не слышенъ уху,
Но страшно слышенъ въ глубинѣ души.

Вотъ, наконецъ, вокругъ себя обведши
Какъ полусонный очи, онъ со страхомъ
Замѣтилъ, что на Мóріи, надъ храмомъ,
Чернѣли тучи, съ запада, съ востока,
И съ сѣвера, и съ юга, (всѣ) въ одну густую
Сліявшіяся тьму. Туда упёръ онъ
Испуганное око. Вдругъ крестъ-нá-крестъ
Тамъ молніей разрѣзалася тьма;
Громъ грянулъ; чудный отзывъ въ глубинѣ
Святилища отвѣтствовалъ ему,
Какъ будто тамъ разорвалась завѣса.
Ерусалимъ затрепеталъ—и весь
Внезапно потемнѣлъ, лишенный солнца;
И въ этой тьмѣ земля дрожала подъ ногами;
Изъ глубины ея былъ голосъ; было
Теченье въ воздухѣ безплотныхъ слышно;

Во мракѣ образы возставшихъ
Изъ гроба, вдругъ явясь, смотрѣли
Живымъ въ глаза. Толпами отъ Голгоѳы
Бѣжалъ народъ; былъ слышенъ шумъ
Бѣгущихъ; но ужасно каждый про себя
Молчалъ. Тутъ Агасверъ, въ смертельномъ страхѣ,
Очнувшись, неоглядкой побѣжалъ
Вслѣдъ за толпою отъ своихъ дверей,
Не зная самъ куда, и въ ней исчезъ.
Тѣмъ временемъ утихъ Ерусалимъ.
Во мглѣ громадой безобразной зданья
Чернѣли. Жители всѣ затворились
Въ своихъ домахъ, и все тяжелымъ сномъ
Заснуло. Вотъ надъ этой темной бездной
Отъ тучъ, ихъ затмевавшихъ, небеса,
Ужъ полныя звѣздами ночи, стали чисты:
Въ ихъ глубинѣ была невозмутима
Неизглаголанная тишина,
И слуху сердца слышалося тамъ,
Какъ отъ звѣзды къ звѣздѣ перелетали
Ихъ стражи ангелы, съ невыразимой
Гармоніей блаженной, чудной вѣсти. Прямо
Надъ Элеонскою горой звѣзда
Денницы подымалась. Агасверъ,
Всю ночь по улицамъ Ерусалима
Бродивъ, терзаемый тоской и страхомъ,
Вдругъ очутился за стѣнами града,
Передъ Голгоѳой. На горѣ пустой,
На чистомъ небѣ, ярко три креста
Чернѣли. У подошвы темной
Горы — былъ входъ въ пещеру, и великимъ камнемъ
Онъ былъ задвинутъ; не вдали, какъ двѣ
Недвижимыя тѣни, въ сокрушеньи
Двѣ женщины сидѣли, устремивъ

Глаза—одна на камень гроба, а другая
На небеса. Увидя ихъ, и камень,
И на горѣ кресты, затрепеталъ
Всѣмъ тѣломъ Агасверъ; почудилось ему,
Что грозный камень на него идетъ,
Чтобъ задавить: и, какъ безумный,
Онъ побѣжалъ ко граду отъ Голгоѳы...

*

Есть островъ; онъ скалою одинокой
Подъемлется изъ бездны океана;
Вокругъ него все пусто: безпредѣльность
Воды и безпредѣльность неба.
Когда вода тиха, а небеса
Безоблачны, онъ кажется тогда,
Въ сіяньи дня, уединенно-мрачнымъ
Пустынникомъ лазури безпредѣльной;
Въ ночи жъ, спокойнымъ моремъ отраженный
Между̀ звѣздами, въ двухъ кругомъ него
Пучинахъ блещущими, онъ чернѣетъ,
Какъ сумрачный отверженецъ созданья.
Когда жъ на небѣ тучи, въ морѣ буря
И на него со всѣхъ сторонъ изъ бездны
Бросаются какъ змѣи вихри волнъ,
А съ неба молніи въ его бока
Вонзаются, ихъ ребръ не сокрушая:
Онъ кажется, въ семъ боѣ недвижимый,
Всемірнаго хаóса господиномъ.

На западномъ полнебѣ знойно солнце
Горѣло, воздухъ густо былъ наполненъ
Парами. Въ нихъ какъ бы растаявъ, солнце
Сливалось съ ними, и весь западъ неба,

И все подъ нимъ недвижимое море
Пурпурнымъ янтаремъ сіяли; было
Великое спокойствіе въ пространствѣ.
Въ глубокой думѣ, руки на груди
Крестъ-на́-крестъ сжавъ, онъ, вождь побѣдъ недавно
И страхъ царей, теперь царей колодникъ,
Сидѣлъ одинъ, надъ бездной на скалѣ,
И на́ море (которое предъ нимъ
Такъ было тихо и, весь пламень неба
Въ себя впивая всей широкой грудью,
Имъ полное, дыханьемъ несказаннымъ
Вздымалося) смотрѣлъ. Предъ нимъ широко
Пустыня пламенная разстилалась.
Съ ожесточеньемъ безнадежной скорби,
Глубоко врѣзавшейся въ сердце,
Съ негодованьемъ силы, вдругъ лишенной
Свободы, онъ смотрѣлъ на этотъ ха́осъ
Сіянія, на это съ небесами
Сліявшееся море. Тамъ лежалъ
И самому ему уже незримый міръ,
Имъ быстро созданный и столь же быстро
Погибшій; а широкій океанъ,
Предъ нимъ сіявшій, гдѣ ничто слѣдовъ
Величія его не сохранило,
Терзалъ его обиженную душу
Безчувственнымъ величіемъ своимъ,
Съ какимъ его въ своей темницѣ влажной
Онъ запиралъ. И онъ съ презрѣньемъ взоры
Отъ бездны отвратилъ, и окомъ мысли
Перелетѣлъ въ страну минувшей славы.
Тамъ образы великіе предъ нимъ,
Сраженій тѣни, призраки тріумфовъ,
Какъ изъ-за облакъ огненныя Альповъ
Вершины, подымались; а въ дали далекой

Звучалъ потомства неумолкный голосъ;
И мнилося ему, что на порогѣ
Иного міра встрѣтить ждутъ его
Величества всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.
Но въ этотъ мигъ, когда воспоминаньемъ
Въ минувшемъ гордой мыслью онъ леталъ,—орелъ
Ширококрылый, съ бездны моря быстро
Взлетѣвъ на высоту, промчался мимо
Его скалы и въ высотѣ пропалъ.
Его полетомъ увлеченный, онъ
Вскочилъ, какъ будто броситься за нимъ
Желая въ безпредѣльность; воли, воли
Его душа мучительную прелесть
Отчаянно почувствовала всю.
Орелъ исчезъ въ глубокомъ небѣ. Тяжкимъ
Свинцомъ его полетъ непритѣснимый
На сердце палъ ему, — и ужасъ весь его
Судьбы, какъ голова смертельная Горгоны,
Ему предсталъ; всѣ привидѣнья славы
Минувшей вдругъ исчезли; и одинъ
Постыдный, можетъ быть—и долгій путь
Отъ тьмы тюремной до могильной, гдѣ
Ничтожество... И онъ затрепеталъ;
И душу всю ему проникло отвращенье
Къ себѣ и къ жизни; быстрымъ шагомъ къ краю
Скалы онъ подошелъ, и жаднымъ окомъ
Смотрѣлъ на мóре; и оно его
Къ себѣ какъ будто звало, и къ нему
Въ своихъ ползущихъ на скалу волнахъ
Безчисленныя руки простирало;
И ужъ его нога почти черту
Между скалой и пустотой воздушной
Переступила... въ этотъ мигъ его
Глазамъ, какъ будто изъ земли рожденный,

На западѣ скалы, огромной тѣнью
Отрѣзавшись отъ пламеннаго неба,
Явился нѣкто, и необычайный,
Глубоко движущій всю душу голосъ
Сказалъ: «Наполеонъ!»... При этомъ зовѣ,
Какъ околдованный, онъ на краю скалы
Оцѣпенѣлъ: поднятая нога
Сама собой на землю опустилась.
И съ робостью, невѣдомой дотолѣ,
На подходящаго онъ устремилъ
Глаза, и чувствовалъ съ какимъ-то страннымъ
Оттолкновеньемъ всей души, что этотъ
Пришелецъ для него и для всего
Созданія чужой; но онъ невольно
Предъ нимъ благоговѣлъ, его черты
Съ непостижимымъ сердца изумленьемъ
Разсматривалъ.... Къ нему шелъ человѣкъ,
Въ которомъ все не человѣчье было:
Онъ былъ живой, но жизни чуждъ казался;
Ни старости, ни молодости въ чудныхъ
Его чертахъ не выражалось; все въ нихъ было
Давнишнее, когда-то вдругъ — подобно
Созданьямъ допотопнымъ — въ камень
Неумирающій и неживущій
Преобращенное; въ его глазахъ
День внѣшній не сіялъ, но въ нихъ глубоко
Горѣлъ какой-то темный свѣтъ,
Какъ зарево далекаго сіянья;
Вкругъ головы сѣдые волоса
И борода, широкими струями
Грудь покрывавшая, изъ серебра
Казались вылитыми; лобъ
И щеки блѣдныя, какъ бѣлый мраморъ,
Морщинами крестъ-на́-крестъ были

Изрѣзаны; одежда, въ складкахъ тяжкихъ,
Какъ будто выбитыхъ изъ мѣди, съ плечъ
До пятъ недвижно падала; и ноги
Его шли по землѣ, какъ-бы въ нее
Не упираяся. Пришлецъ, приближась,
На узника скалы вперилъ свои
Пронзительныя очи, и сказалъ:
«Куда ты шелъ? И гдѣ-бъ ты былъ, когда-бъ
Мой голосъ вó-время тебя не назвалъ?
Не говорить съ тобой сюда пришелъ я:
Не можетъ быть бесѣды между нами,
И мыслями мѣняться намъ нельзя;
Я здѣсь не гость, не другъ, не собесѣдникъ;
Я здѣсь одинъ минутный призракъ, голосъ
Безъ отзыва.... Врачемъ твоей души
Хочу я быть — и передъ нею всю
Мою судьбу явлю безъ покрывала;
Въ молчаньи слушай. Участи моей
Страшнѣе не было, и нѣтъ, и быть
Не можетъ на землѣ. Богообидчикъ,
Проклятью преданный, лишенный смерти,
И съ смертью — жизни; вѣчно по землѣ
Бродить приговоренный, и всему
Земному чуждый; памятью о прошломъ
Терзаемый, и въ области живыхъ живой
Мертвецъ, имъ страшный и противный;
Не именующій здѣсь никого
Своимъ, и, чтó когда любилъ на свѣтѣ,
Все пережившій, все похоронившій;
Все пережить и все похоронить
Опредѣленный; нѣтъ мнѣ на землѣ
Ни радости, ни траты, ни надежды;
День настаетъ, ночь настаетъ, они
Безъ смѣны для меня; жизнь не проходитъ,

Смерть не приходитъ; измѣненья нѣтъ
Ни въ чемъ; передо мной нѣмая вѣчность,
Окаменившая живое время;
И посреди собратій бытія,
Живущихъ радостно иль скорбно, жизнь
Любящихъ иль изъ жизни уводимыхъ
Упокоительной рукою смерти,
На этомъ братскомъ пиршествѣ созданій
Мнѣ мѣста нѣтъ; хожу кругомъ трапезы
Голодный, жаждущій, — меня они
Не замѣчаютъ; стражду, какъ никто
И сонный не страдалъ, — мое жь страданье
Для нихъ не быль, а вымыселъ давнишній,
Давно разсказанная дѣтямъ сказка:
Таковъ мой жребій. Ты, быть можетъ,
Съ презрѣньемъ спросишь у меня: зачѣмъ же
Сюда пришелъ я, чтобъ такой
Безумной басней надъ тобой ругаться?
Таковъ мой жребій, говорю, для всѣхъ
Васъ, близорукихъ жителей земли;
Но для тебя моей судьбины тайну
Я всю вполнѣ открою.... Слушай:

Я — Агасверъ, не сказка Агасверъ,
Которою кормилица твоя
Тебя въ ребячествѣ пугала, — нѣтъ! о, нѣтъ!
Я Агасверъ живой, съ костями, съ кровью,
Текущей въ жилахъ, съ чувствующимъ сердцемъ
И съ помнящей минувшее душою;
Я Агасверъ — вотъ исповѣдь моя.
О, нѣтъ! языкъ мой повторить не можетъ
Живымъ, для слуха внятнымъ словомъ
Того, что нѣкогда свершилось, что
Въ проклятіе жизнь бѣдную мою

Преобратило, — имя Агасверъ
Тебѣ сказало все.... Нѣтъ! въ языкѣ
Моемъ такого слова не найду я,
Чтобъ тó изобразить, чтó былъ я сáмъ,
Чтó мыслилось, чтó видѣлось, чтó ныло
Въ моей душѣ, и что въ ночахъ безсонныхъ,
Чтó въ тяжкомъ снѣ, чтó въ привидѣньяхъ,
Пугавшихъ въявь, мнѣ чудилось въ тѣ дни,
Которые прошли подобно душнымъ,
Грозою полнымъ днямъ, когда дыханье
Въ груди спирается и въ страхѣ ждешь
Удара громоваго... въ тѣ дни несказáнной
Тоски и трепета, со дня Голгоѳы
Прошедшіе!... Ерусалимъ былъ тихъ,
Но было то предтишье подходящей
Бѣды; народъ скорбѣлъ, и блѣдность лицъ,
Потупленность головъ, походки шаткость,
И подозрительность суровыхъ взглядовъ —
Все было знаменьемъ чего-то, страшно
Постигнувшаго всѣхъ, чего-то, страшно
Постигнуть всѣхъ грозящаго. Кругомъ
Ерусалимскихъ стѣнъ какой-то мрачный,
Невѣдомый во градѣ никому,
Бродилъ, и крикомъ жалобнымъ, на всѣхъ
Концахъ всечасно въ градѣ слышнымъ: «горе!
Отъ запада и отъ востока горе!
Отъ сѣвера и отъ полудня горе!
Ерусалиму горе!» повторялъ.
А я изъ всѣхъ людей Ерусалима
Былъ самый трепетный. Въ бѣдѣ всеобщей,
Мечталось мнѣ, страшнѣйшая — моя,
Чудовище съ лицемъ закрытымъ, мнѣ
Еще невѣдомымъ, но оттого
Стократъ ужаснѣйшимъ. Что Онъ сказалъ мнѣ?

Я словъ Его не постигалъ значенья:
Но звуки ихъ ни день, ни ночь меня
Не покидали; — яростью кипѣла
Вся внутренность моя противъ Него,
Который силой слова одного
Такъ жизнь мою убилъ; я приговора
Его могуществу не вѣрилъ; я
Упорствовалъ обманщика въ Немъ видѣть;
Но чувствовалъ, что я приговоренъ....
Къ чему?... Невѣдѣнья ужасный призракъ,
Страшилище безъ образа, вездѣ,
Куда мои глаза ни обращалъ я,
Стоялъ передо мной — и мучилъ страхомъ
Неизглаголаннымъ меня. Противъ
Обиженнаго мной и приговоръ мнѣ
Однимъ, еще непо́нятымъ мной, словомъ
Изрекшаго, и про́тивъ всѣхъ Его
Избранниковъ я былъ неукротимой
Исполненъ злобой. А они одни
Между людьми Ерусалима были
Спокойны, свѣтлы, никакой тревогой
Неодержимы; кто встрѣчался въ градѣ
Смиренный видомъ, свѣтлымъ взоромъ
Благословляющій, благопристойный
Въ движеніяхъ, въ опрятномъ одѣяньи,
Безъ роскоши, ужъ тотъ конечно былъ
Слугой Іисуса Назорея. Въ ихъ
Собраніяхъ вседневно совершалось
О Немъ воспоминанье: часто, посреди
Ерусалимской смутной жизни, было
Ихъ пѣнье слышимо; они безъ страха
Въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ
Благую вѣсть о Немъ провозглашали.
Весь городъ злобствовалъ на нихъ, незлобныхъ;

И эта злоба скоро разразилась
Гоненіемъ, тюремнымъ заточеньемъ
И наконецъ убійствомъ. Я какъ дикій
Звѣрь ликовалъ, когда былъ передъ храмомъ
Стефанъ, побитый каменьемъ, замученъ;
Когда потомъ пріяли муку два
Іакова, одинъ мечемъ, другой
Съ вершины храма сброшенный; когда
Пронесся слухъ, что Петръ былъ распятъ въ Римѣ,
А Павелъ обезглавленъ: мнилось мнѣ,
Что въ нихъ, свидѣтеляхъ Его, и память
О Немъ погибнетъ. Тщетная надежда!
Во мнѣ тоска отъ страха неизвѣстной
Мнѣ казни только раздражалась. Я,
При Иродѣ царѣ рожденный, видѣлъ
Все время Августа; потомъ три звѣря,
Кровавой властью обезславивъ Римъ,
Погибли, властвовалъ четвертый — Неронъ.
Столѣтіе ужъ на плечахъ моихъ лежало;
Вокругъ меня четыре поколѣнья
Цвѣли въ одномъ семействѣ: сыновья,
И внучата, и внуковъ внуки въ домѣ
Моемъ садились за мою трапезу....
Но я со дня того въ живомъ ихъ кругѣ
Все болѣе и болѣ чуждъ, и сиръ,
И нелюдимъ, и грустенъ становился:
Я чувствовалъ, что я ни хилъ, ни бодръ,
Ни старъ, ни молодъ, но что жизнь моя
Желѣзно-мертвую пріобрѣла
Несокрушимость. Самому себѣ,
Среди моихъ живыхъ дѣтей, и внуковъ,
И правнуковъ, казался я надгробнымъ,
Межъ ихъ могилъ стоящимъ камнемъ;
И лица ихъ имѣли страшный цвѣтъ

Объятыхъ тлѣньемъ труповъ. Всѣ ужъ дѣти
И всѣ ужъ внуки были взяты смертью,
И правнуковъ съ невыразимымъ горемъ
И бѣшенствомъ я началъ хоронить....

Тѣмъ временемъ часъ-отъ-часу душнѣе
Въ Ерусалимѣ становилось. Зная
Чтó будетъ, всѣ Іисуса Назорея
Избранники покинули убившій
Учителя ихъ городъ и ушли
За Іорданъ. И все, и все сбывалось,
Что предсказалъ Онъ: — Палестина вся
Горѣла бунтомъ, легіоны Рима
Терзали области ея; и скоро
Приблизился къ Ерусалиму часъ
Его судьбы: то время наступило,
Когда, какъ Онъ пророчилъ, «благо будетъ
Сошедшимъ въ гробъ, и горе матерямъ
Съ младенцами грудными, горе старцамъ
И юношамъ, живущимъ въ градѣ, горе
Изъ града не ушедшимъ въ горы дѣвамъ».
Веспасіановъ сынъ — извнѣ — пути
Изъ града всѣ загородилъ, вогнавъ
Туда насильно моръ и голодъ;
Внутри господствовали буйство, бунтъ,
Усобица, безвластье, безначалье,
Владычество разбойниковъ, извнѣ
Прикликанныхъ своими на своихъ.
Вдругъ три осады: храма отъ пришельныхъ
Грабителей, грабителей отъ града, града
Отъ легіоновъ Тита.... Всюду бой;
Первосвященниковъ убійство въ храмѣ;
На улицахъ нестройный крикъ отъ страха,
Отъ голода, отъ муки передсмертной,

Отъ яростной борьбы за кусъ согнившей
Ѣды, ревъ мятежа, разврата пѣсни,
Безстыдныхъ оргій хохотъ, стонъ голодныхъ
Младенцевъ, матерей тяжелый вой....
И въ высотѣ надъ этой бездной днемъ —
Безоблачно пылающее небо,
Зловонную заразу вызывая
Изъ труповъ, въ градѣ и внѣ града
Разбросанныхъ; въ ночи жъ, какъ Божій мечъ, —
Звѣзда бѣды, своимъ хвостомъ всю твердь
Разрѣзавшая по поламъ, Ерусалиму
Пророча гибель.... И погибнуть весь
Израиль обреченъ былъ; отовсюду
Сведенный свѣтлымъ праздникомъ пасхальнымъ
Въ Ерусалимъ, народъ былъ разомъ преданъ
На истребленье мстительному Риму.
И всѣ истреблены:... убійствомъ, гладомъ,
Въ когтяхъ звѣрей, прибитые къ крестамъ,
Въ цѣпяхъ, въ изгнаньи, въ рабствѣ на чужбинѣ.
Погибъ Господній градъ, и отъ созданья
Міръ не видалъ погибели подобной.
О, страшно онъ боролся съ смертнымъ часомъ!
Когда въ него, всѣ стѣны проломивъ,
Ворвался врагъ и бросился на храмъ, —
Народъ въ его толпу, изъ-за ограды
Исторгшись, врѣзался, и съ ней сцѣпившись,
Вслѣдъ за собой ее вовлекъ въ средину
Ограды: бой ужасный, грудь-на-грудь,
Тутъ начался; и наконецъ, спасаясь,
Вкругъ скиніи, во внутренней оградѣ,
Столпились мы, отчаянный, послѣдній
Израиля остатокъ.... Тутъ увидѣлъ
Я несказáнное: подъ святотатной
Рукою скинія открылась, стало

Намъ видимо невиданное оку
Дотоль — ковчегъ завѣта.... въ этотъ мигъ
Храмъ запылалъ, и въ скинію пожаръ
Ворвался... Мы, весь гибнущій Израиль,
И съ нами насъ губящій врагъ въ единый
Слилися крикъ, одни завывъ отъ горя,
А тѣ заликовавъ отъ торжества
Побѣды.... Вся гора слилася въ пламя,
И посреди его, какъ длинный, гору
Обвившій змѣй, чернѣло войско Рима.
И въ этотъ мигъ.... все для меня исчезло!
Раздавленный обрушившимся храмомъ,
Я палъ — почувствовавъ, какъ черепъ мой
И кости всѣ мои вдругъ сокрушились;
Безпамятство мной овладѣло.... долго-ль
Продлилося оно? — не знаю. Я
Пришелъ въ себя, пробившись сквозь какой-то
Невыразимый сонъ, въ которомъ все
Въ одно смѣшалося страданье: боль
Отъ раздробленья всѣхъ костей, и бремя
Меня давившихъ камней, и дыханья
Запертаго тоска, и жаръ болѣзни,
И нестерпимая работа жизни,
Развалины разрушеннаго тѣла
Возстановляющей при страшной мукѣ
И голода и жажды — это все
Я совокупно вытерпѣлъ въ какомъ-то
Смятенномъ, судорожномъ снѣ — безъ мысли,
Безъ памяти и безъ забвенья, съ чувствомъ
Неконченнаго бытія, которымъ,
Какъ тяжкой грезой, вся душа
Была задавлена и трепетала
Тѣмъ трепетомъ отчаяннымъ, какой
Насквозь пронзаетъ заживо зарытыхъ

Въ могилу. Но меня моя могила
Не удержала; я изъ-подъ обломковъ,
Меня погребшихъ, вышелъ снова живъ
И невредимъ: разбивъ меня на смерть,
Меня, ожившаго, они извергли,
Какъ скверну, изъ своей громады.

Очнувшись, въ первый мигъ я не постигнулъ,
Гдѣ я. Передо мною подымались
Вершины горныя; межъ нихъ лежали
Долины, и онѣ покрыты были
Обломками — какъ будто-бы то мѣсто
Градъ каменный, обрушившися съ неба,
Внезапно завалилъ, и тамъ нигдѣ
Не зрѣлося живаго человѣка: —
То былъ Ерусалимъ! Спокойно солнце
Садилось, и его прощальный блескъ,
На высотѣ Голгоѳы угасая,
Оттуда мнѣ блеснулъ въ глаза — и я,
Ее увидя, весь затрепеталъ:
Изъ этой повсемѣстной тишины,
Изъ этой бездны разрушенья, снова
Послышалося мнѣ: «Ты будешь жить,
Пока Я не приду». Тутъ въ первый разъ
Постигнулъ я вполнѣ свою судьбину:
Я буду жить! я буду жить, пока
Онъ не придетъ!... Какъ жить?... Кто Онъ? когда
Придетъ?... И все грядущее мое
Мнѣ выразилось вдругъ въ остóвѣ этомъ
Погибшаго Ерусалима: тамъ
На камнѣ камня не осталось; тамъ
Мое минувшее исчезло все;
Все, жившее со мной, убито; тамъ
Ничто ужъ для меня не оживетъ

И не родится, — жизнь моя вся будетъ
Какъ этотъ мертвый трупъ Ерусалима,
И жизнь безъ смерти. Въ бѣшенствѣ завылъ я
И бѣшеное произнесъ на все
Проклятіе, — безъ отзыва мой голосъ
Раздался глухо надъ громадой камней,
И все утихло... Въ этотъ мигъ звѣзда
Вечерняя надъ высотой Голгоѳы
Взошла на небо... и невольно —
Сколь мой ни бѣшенствовалъ духъ — въ ея
Сіяньи тайную отрады каплю
Я съ смертоноснымъ питіемъ хулы
И проклинанья выпилъ... но то была
Лишь тѣнь промчавшагося быстро мига.
Что́ съ онаго я испыталъ мгновенья!
О, какъ я плакалъ, какъ вопи́лъ, какъ дико
Роптал, какъ злобствовалъ, какъ проклиналъ,
Какъ ненавидѣлъ жизнь, какъ страстно
Невнемлющую смерть любилъ... Съ двойнымъ
Отчаяньемъ и бѣшенствомъ, слова́
Страдальца Іова я повторялъ:
«Да будетъ проклятъ день, когда сказали:
Родился человѣкъ, и проклята
Да будетъ ночь, когда мой первый крикъ
Послышался; да звѣзды ей не свѣтятъ,
Да не взойдетъ ей день, ей — незапе́ршей
Меня родившую утробу!» А когда я
Воспоминалъ слова его печали
О томъ, сколь малодневенъ человѣкъ:
«Какъ облако уходитъ онъ, какъ цвѣтъ
Долинный вянетъ онъ, и мѣсто, гдѣ
Онъ прежде цвѣлъ, не узнаетъ его», —
О! этой жалобѣ я съ горькимъ плачемъ
Завидовалъ... Передо мною все

Рождалося и въ часъ свой умирало:
День умиралъ въ зарѣ вечерней; ночь
Въ сіяньи дня; сколь мнѣ завидно было,
Когда на небѣ облако свободно
Летѣло, таяло и исчезало;
Когда свистящій вѣтеръ вдругъ смолкалъ;
Когда съ деревьевъ падалъ листъ; все, въ чемъ
Я видѣлъ знаменіе смерти, было
Мнѣ горькой сладостью: одна лишь смерть —
Смерть, упованіе не быть, исчезнуть —
Всему, что жило вкругъ меня, давала
Томительную прелесть; жизнь же
Во всемъ твореніи я ненавидѣлъ
И клялъ, какъ жизнь проклятую мою...
И съ этой злобой на творенье, съ дикимъ
Возстаньемъ всей души противъ Творца
И съ несказа́нной ненавистью противъ
Распятаго — отчаянно пошелъ я,
Неумирающій, всему живому
Врагъ, отъ того погибельнаго мѣста,
Гдѣ мнѣ моей судьбы открылась тайна.

Томимый всѣми нуждами земными,
Меня терзавшими, не убивая,
И голодомъ, и жаждою, и зноемъ,
И хладомъ, грозною нуждо́й влекомый,
Между́ людьми какъ нищій безпріютный,
Я побирался... Милостыню мнѣ
Давали безъ вниманья и участья,
Какъ лептъ, который мимоходомъ
Бросаютъ въ кружку для убогихъ, вовсе
Незнаемыхъ. И съ злобой я хваталъ —
Что́ было мнѣ бросаемо съ презрѣньемъ.
Такъ я сыпучими песками жизни

Тащился съ ношею моею, зная,
Что никуда ее не донесу.
И вмѣстѣ съ смертію былъ у меня
И сонъ — успокоитель жизни — отнятъ.
Чтó днемъ въ моей душѣ кипѣло: — ярость
На жизнь, богопроклятія, вражда
Съ людьми, раздоръ съ собою, и вины —
Непризнаваемой, но безпрестанно
Грызущей сердце — боль: то въ темнотѣ
Ночной, вкругъ изголовья моего,
Толпою привидѣній стóя, сонъ
Отъ головы измученной моей
Неумолимо отгоняло. Буря
Ночная мнѣ была отраднѣй тихой,
Украшенной звѣздами ночи: тамъ
Съ мутящимъ землю бѣшенствомъ стихій
Я бѣшенствомъ души моей сливался;
Здѣсь каждая звѣзда изъ мрака бездны
(Тамъ одинокая межъ одинокихъ,
Подобно ей потерянныхъ въ пространствѣ),
Какъ-бы ругаясь надо мною, мнѣ
Мой жребій повторяла, на меня
Съ небесъ вперяя пламенное око.
Такъ, въ изступленіи страданья, злобы
И безнадежности, скитался я
Изъ мѣста въ мѣсто; все во мнѣ скопилось
Въ одну мучительную жажду смерти.
«Дай смерть мнѣ! дай мнѣ смерть!» то было крикомъ
Моимъ, и плачемъ, и моленьемъ
Предъ каждымъ бѣдствіемъ земнымъ, которымъ
На горькую мнѣ зависть гибли люди.
Кидался въ бездну я съ стремнины горной:
На днѣ ея, о камни сокрушенный,
Я оживалъ по долгой мукѣ. Море въ лоно

Свое меня не принимало; пламень
Меня пронзалъ мучительно насквозь,
Но не сжигалъ моей проклятой жизни.
Когда къ вершинамъ горъ скоплялись тучи
И тамъ кипѣли молніи, туда
Взбирался я, въ надеждѣ тамъ погибнуть:
Но молніи кругомъ меня вилися,
Дробя деревья и утесы, — я же
Былъ пощаженъ. Въ моей душѣ блеснула
Надежда бѣдная, что — можетъ быть —
Въ бѣдѣ всеобщей смерть меня съ другими
Скорѣй, чѣмъ одинокаго, ошибкой
Возьметъ: и съ чумными, въ больницѣ душной,
Я ложе ихъ дѣлилъ, ихъ трупы бралъ
На плечи и, зубами скрежеща
Отъ зависти, въ могилу относилъ:
Напрасно! мной чума пренебрегала....
Я съ караваномъ многолюднымъ степью
Песчаной Аравійской шелъ;
Вдругъ раскаленное затмилось небо
И солнце въ немъ исчезло: вихрь
Песчаный побѣжалъ отъ горизонта
На насъ; храпя въ песокъ уткнули морды
Верблюды; люди пали ницъ: я грудь
Подставилъ пламенному вихрю:
Онъ задушилъ меня, но не убилъ.
Очнувшись, я себя увидѣлъ посреди
Разбросанныхъ остóвовъ, на пиру
Орловъ, сдирающихъ съ костей остатки
Истлѣвшихъ труповъ. Въ тотъ ужасный день,
Когда исчезъ подъ лавой Геркуланумъ
И пепелъ завалилъ Помпею, я
Природы судорогой страшной былъ
Обрадованъ: при стонѣ и трясеньи

Горы дымящейся, горящей, тучи
Золы и камней и кипучей лавы
Бросающей изъ треснувшаго чрева,
При воѣ, крикѣ, давкѣ, шумѣ въ бѣгство
Толпящихся сквозь пепелъ все затмившій,
Въ которомъ, ничего не озаряя,
Сверкалъ невидимый пожаръ горы,
Отчаянно пробился я къ потоку
Всепожирающему лавы: ею
Обхваченный, я, вмигъ прожженный, въ уголь
Былъ обращенъ, и въ море,
На брегъ гонимое землетрясенья силой,
Былъ вынесенъ, а моремъ снова брошенъ
На брегъ, на произволъ землетрясенью.
То былъ послѣдній опытъ мой — насильствомъ
Взять смерть. Я сталъ подобенъ гробу,
Въ которомъ запертой мертвецъ, оживши
И съ крикомъ долго бившись понапрасну,
Чтобъ вырваться изъ душнаго заклепа,
Вдругъ умолкаетъ — и послѣдней ждетъ
Минуты задыхаясь: такъ въ моемъ
Несокрушимомъ тѣлѣ задыхалась
Отчаянно моя душа. Всему
Конецъ: живи, не жди, не вѣруй, злобствуй
И проклинай; но затвори молчаньемъ
Уста и замолчи на вѣчность — такъ
Сказалъ я самому себѣ.

Но слушай.
Тогда былъ вѣкъ Траяна; въ Римъ
Изъ областей прибывшій императоръ
Въ Веспасіановомъ амфитеатрѣ
Кровавыя готовилъ граду игры:
Бой гладіаторовъ — и христіанъ

Преданіе звѣрямъ на растерзанье.
Пронесся слухъ, что будетъ знаменитый
Антіохійской церкви пастырь, старецъ
Игнатій, льву ливійскому на пищу
Въ присутствіи Траяна преданъ. Трепетъ
Неизглаголанный при этомъ слухѣ
Меня проникъ. Съ народомъ побѣжалъ я
(12 сентября) Въ амфитеатръ. И что̀ моимъ очамъ
Представилось, когда я съ самыхъ верхнихъ
Ступеней обозрѣлъ глазами бездну
Людей тамъ собранныхъ. Сквозь яркій пурпуръ
Растянутой надъ зданьемъ легкой ткани,
Которую блескъ солнца багрянилъ,
И зданье, и народъ, и на высокомъ
Сѣдалищѣ отвсюду зримый кесарь
Казались огненными. Въ это
Мгновеніе послѣдній гладіаторъ,
Народомъ непрощенный, былъ зарѣзанъ
Своимъ противникомъ. Съ окровавленной
Арены мертвый трупъ его тащили,
И стала вдругъ она пуста. Народъ
Умолкъ и ждалъ, какъ будто въ страхѣ, знака
Не подавая нетерпѣнья. Вдругъ
Въ глубокой этой тишинѣ раздался
Изъ подземелья львиный ревъ, и сквозь
Отверстый входъ амфитеатра старецъ
Игнатій, съ нимъ двѣнадцать христіанъ,
Звѣрямъ на растерзанье произвольно
Съ своимъ епископомъ себя предавшихъ,
На страшную арену вышли. Старецъ,
Оборотясь къ другимъ, благословилъ ихъ,
Ему съ моленіемъ упавшихъ въ ноги;
Потомъ они, прижавъ ко груди руки,
«Тебя (запѣли тихо) Бога хвалимъ,

Тебя едиными устами въ смертный
Часъ исповѣдуемъ»... О! это пѣнье—
Въ Ерусалимѣ слышанное мною
На праздничныхъ собраньяхъ христіанъ
Съ кипѣньемъ злобы — здѣсь мою всю душу
Проникнуло внезапнымъ вдохновеньемъ.
Чтó предо мной открылось въ этотъ мигъ,
Чтó вдругъ во мнѣ предчувствіемъ чего-то
Невыразимаго затрепетало,
И кáкъ, въ амфитеатръ ворвавшись,
Вдругъ посреди дотолѣ ненавистныхъ
Мнѣ христіанъ тамъ очутился я —
Не знаю. Пѣнье продолжалось; но
Ужъ на противной сторонѣ арены
Желѣзная рѣшетка загремѣвъ упала,
И ужъ въ ея отверстіи стоялъ
Съ цѣпей спущенный левъ, и озирался....
И вдругъ, завидя вдалекѣ добычу,
Онъ зарыкалъ.... и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбомъ.... Тутъ впередъ
Я кинулся, чтобъ старца заслонить
Отъ звѣря.... Онъ уже къ намъ мчался
Прыжками быстрыми черезъ арену;
Но старецъ кротко, въ сторону меня
Рукою отодвинувъ, мнѣ сказалъ:
«Должнó пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобъ Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ; ты же, другъ, отселѣ
Поди въ свой путь, смирись, живи и жди».
Тутъ былъ онъ львомъ обхваченъ.... но успѣлъ
Еще меня перекрестить и взоръ
Невыразимый отъ меня на небо
Въ слезахъ возвесть, какъ бы меня ему
(13 сентября) Передавая.... О, животворящій,

На вѣчность всю присутственный въ душѣ,
Небеснаго блаженства полный взглядъ!
Могуществомъ великаго мгновенья
Сраженный, я безъ памяти упалъ
Къ ногамъ терзаемаго дикимъ звѣремъ
Святителя. Когда жъ очнулся, вкругъ
Меня въ крови разбросанные члены
Погибшихъ я увидѣлъ, и усталый
Терзаніемъ лежалъ, разинувъ пасть
И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный левъ, вперивъ въ меня свои
Пылающія очи. Но когда
Я на ноги поднялся, онъ вскочилъ,
И заревѣлъ, и въ страхѣ отъ меня
Сталъ пятиться, и быстро вдругъ
Черезъ арену побѣжалъ, и скрылся
Въ своемъ заклепѣ. Весь амфитеатръ
Отъ восклицаній задрожалъ, а я
Отъ мѣста крови плача удалился
И изъ воротъ амфитеатра безпреградно вышелъ.
Что́ послѣ въ оный чудный день случилось,
Не помню я; но въ благодатномъ взглядѣ,
Которымъ мученикъ меня усвоилъ
Въ послѣдній часъ свой небесамъ, опять
Блеснула свѣтлая звѣзда, мгновенно
Мнѣ нѣкогда блеснувшая съ Голгоѳы,
Въ то время безотрадно, а теперь
Какъ лучъ спасенія. Какъ будто что-то
Мнѣ говорило, что моя судьба
Переломилась на двое; стремленье
Къ чему-то неиспытанному мною
Глубо́ко мнѣ втѣснилось въ грудь, и зна́комъ
Такого измѣненья было то,
Что проклинаніе моимъ устамъ

Произносить уже противно стало,
Что злоба сердца моего въ унылость
Безмолвно-плачущую обратилась,
Что наконецъ страданія мои
Внезапная отрада посѣтила,
Еще неоткровенная — какъ свѣжій,
(14 сентября) Предутренній благоуханный воздухъ —
Вливалася въ меня и усмиряла
Мою борьбу съ собой. О! этотъ взглядъ...
Онъ мнѣ напомнилъ Тотъ прискорбно-кроткій,
Съ какимъ былъ въ оный день мой приговоръ
Произнесенъ... Но я уже не злобой
Наполненъ былъ при томъ воспоминаньи,
А скорбію раскаянья глубокой,
И чувствовалъ стремленье пасть на землю,
Зарыть лице во прахъ и горько плакать.
То были первыя минуты тайной,
Будящей душу благодати, первый,
Еще неясно слышный, безотвѣтный,
Но усладительный призывъ къ смиренью
И къ покаянью. Въ языкѣ нѣтъ слова,
Чтобъ имя дать подобному мгновенью,
Когда съ очей души вдругъ слѣпота
Начнетъ спадать, и Божій свѣтлый міръ
Внутри и внѣ ея, какъ изъ могилы,
Начнетъ съ ней вмѣстѣ воскресать. Такое
Движеніе въ моей окаменѣлой
Душѣ внезапно началося.... было
Оно подобно зыби послѣ бури,
Когда нѣтъ вѣтра, небеса свѣтлѣютъ,
А волны долго въ дикомъ безпорядкѣ
(15 сентября) Бросаются, кипятъ и стонутъ. Въ этой
Борьбѣ души межъ тьмой и свѣтомъ, я
Неодолимое влеченье въ край

Отечества почувствовалъ, къ горамъ
Ерусалима. И къ брегамъ желаннымъ
Немедля пóплылъ я; корабль мой
Прибила буря къ острову Патмосу. Промыслъ
Господній втайнѣ отъ меня ту бурю
Послалъ. Тамъ жилъ изгнанникъ, старецъ
Столѣтній, Іоаннъ, благовѣститель
Христа и ученикъ Его любимый.
О немъ не вѣдалъ я.... Но Провидѣнье
Меня безвѣдомо къ нему путемъ
Великой бури привело, и цѣпью бури
Корабль нашъ былъ прикованъ къ берегамъ
Скалистымъ острова, пока со мной
Вполнѣ моя судьба не совершилась.

Скитаясь одиноко, я внезапно
Во глубинѣ долины, сокровенной
Отъ странника густою тѣнью пальмъ
И кипарисовъ, встрѣтилъ тамъ святого
Апостола»....
При этомъ словѣ палъ
На землю Агасверъ и долго
Лежалъ недвижимъ, головой во прахѣ;
Когда жъ онъ всталъ, его слезами были
Облиты щеки; а въ чертахъ его
Тысячелѣтняго лица, съ глубокой
Печалію, съ невыразимо-грустной
Любовію была слита молитвы
Неизглаголанная святость. Онъ
Былъ въ этотъ мигъ прекрасенъ той красою
(16 сентября) Какой не знаетъ міръ. Онъ продолжалъ:

«Ни помышлять, ни говорить объ этой встрѣчѣ
Я не могу иначе, какъ простершись въ прахъ,

Въ тоскѣ раскаянья, въ тоскѣ любви,
Проникнутой огнемъ благодаренья.
Онъ изъ кремня души моей упорной
Животворящимъ словомъ выбилъ искру
Всепримиряющаго покаянья;
И именемъ Того, кто намъ Одинъ
Даетъ надежду, вѣру и любовь,
Мой страшнаго отчаянья удѣлъ
Преобратилъ въ удѣлъ святого мира.
И наконецъ, когда я, сокрушенный,
Какъ тотъ разбойникъ на крестѣ, къ ногамъ
Обиженнаго мной, съ смиреннымъ сердцемъ
Упавъ, воскликнулъ: «Помяни меня,
Когда во царствіи Своемъ пріидешь!»
Онъ оросилъ меня водой крещенья.
И на другое утро — о, незаходимый,
О, вѣчный день для памяти моей!
За утренней звѣздою солнце тихо
Надъ моремъ подымалось на востокѣ,
Когда онъ, передъ хлѣбомъ и предъ чашей
Вина со мной простершись, самъ вина и хлѣба
Вкусилъ и мнѣ ихъ далъ вкусить, сказавъ:
«Со страхомъ Божіимъ и съ вѣрой, сынъ мой,
Къ симъ тайнамъ приступи и причастись
Спасенію души въ святомъ Христа
За насъ пронзенномъ тѣлѣ и въ Христовой
За насъ пролитой крови». И потомъ
Онъ долго поучалъ меня, и мнѣ открылъ
Значеніе моей, на испытанье
Великое приговоренной жизни;
И наконецъ передъ моими, мракомъ
Покрытыми очами приподнялъ
Покровъ съ грядущаго, покровъ съ того,
Что было, есть и будетъ.

Начинало
Скрываться солнце въ тихомъ лонѣ моря,
Когда, меня перекрестивъ, со мною
Святый евангелистъ простился. Вѣтеръ,
Попутный плаванію въ Палестину,
Сталъ дуть: мы поплыли подъ звѣзднымъ небомъ
Полупрозрачной ночи. Тутъ впервые
Преображеніе моей судьбы
Я глубокó почувствовалъ; впервые,
Уже сто лѣтъ меня не посѣщавшій,
Сошелъ ко мнѣ на вѣжды сонъ, и съ нимъ
Давно забытая покоя сладость
Мою проникла грудь. Но этотъ сонъ
Былъ не одинъ страданія цѣлитель —
Былъ ангелъ, прямо низлетѣвшій съ неба:
Все, чтó пророчески евангелистъ
Великій чудно говорилъ мнѣ,
То въ óбразахъ великихъ этотъ сонъ
Явилъ очамъ моей души, и въ ней
Тѣ образы, въ теченіе столѣтій
Непомраченные, часъ óтъ часу
Живѣй изъ облекающей ихъ тайны
(17 сентября 1851) Моей душѣ сіяютъ, передъ ней
Неизглаголанно прообразуя
(17 февраля 1852) Судьбы грядущія. Корабль нашъ, вѣтромъ
Попутнымъ тихо по водамъ несомый,
По морю гладкому, не колыхаясь
Летѣлъ; а я непробудимымъ сномъ,
Подъ вѣяньемъ полуденной прохлады,
Спалъ, и во снѣ стоялъ передо мной
Евангелистъ и вдохновенно онъ
Слова тѣ огненныя повторялъ,
Которыми, бесѣдуя со мною,
Передъ моимъ непосвященнымъ окомъ

Разоблачилъ грядущаго судьбу;
И каждое пророка слово, въ слухъ мой
Входя, въ великій превращалось образъ
Передъ моимъ тѣлеснымъ окомъ. Все,
Что̀ ухо слышало, то зрѣли очи;
И въ словѣ говорящаго со мною
Во снѣ пророка все передо мной,
И надо мной, на сушѣ, на водахъ,
И въ вышинѣ небесъ, и въ глубинѣ
Земли, видѣній чудныхъ было полно.
Я видѣлъ тронъ, на четырехъ стоящій
Животныхъ шестокрылыхъ, и на тронѣ
Сидящаго съ семью запечатлѣнной
Печатями великой книгой.
Я видѣлъ, какъ печати съ книги Агнецъ
Сорвалъ, какъ изъ печатей тѣхъ четыре
Коня исторглися, какъ страшный всадникъ — смерть —
На блѣдномъ поскакалъ конѣ, и какъ
Предъ Агнцемъ все — и небо, и земля,
И все, что въ глубинѣ земли, и все,
Что въ глубинѣ морей, и небеса,
И всѣ тьмы ангеловъ на небесахъ —
Въ единое слилось славохваленье.
(19 февраля) Я зрѣлъ, какъ ангелъ свѣтлый совершилъ
Двѣнадцати колѣнъ запечатлѣнье
Печатію живаго Бога; зрѣлъ
Семь ангеловъ съ великими, гнѣвъ Божій,
Бѣды и казнь гласящими трубами,
И слышалъ голосъ: «время миновалось!»
Я видѣлъ, какъ драконъ, губитель древній,
Вслѣдъ за женой, двѣнадцатью звѣздами
Вѣнчанной, гнался; какъ жена въ пустыню
Спаслася, а ея младенецъ былъ
На небо унесенъ; какъ началася

Война на небесахъ, и какъ архангелъ
Низвергъ дракона въ бездну и его
Всю силу истребилъ; и какъ потомъ
Изъ моря седмиглавый звѣрь поднялся;
Какъ обольщенные имъ люди Бога
Отринули; какъ въ небесахъ явился
Сынъ Человѣческій съ серпомъ; какъ жатва
Великая свершилась; какъ на бѣломъ
Конѣ потомъ блестящій свѣтлымъ, бѣлымъ
Оружіемъ (себя жъ именовалъ
Онъ «Слово Божіе») явился Всадникъ;
Какъ вслѣдъ за Нимъ шло воинство на бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссонъ одѣянное чистый,
И какъ изъ устъ Его на казнь людей
Мечъ обоюдуострый исходилъ;
Какъ отъ того меча и звѣрь, и рать
Его погибли; какъ драконъ, цѣпями
Окованный, въ пылающую бездну
На тысячу былъ лѣтъ низвергнутъ; какъ
Потомъ на высотѣ великій бѣлый
Явился тронъ; какъ отъ лица на тронѣ
Сидящаго и небо и земля
Бѣжали, и нигдѣ не обрѣлось
Имъ мѣста; какъ на судъ предстало все
Созданіе; какъ мертвыхъ возвратили
Земное чрево и морская бездна;
Какъ разогнулася передъ престоломъ
Господнимъ книга жизни; какъ послѣдній
Судъ по дѣламъ для всѣхъ былъ изреченъ,
И какъ въ огонь неугасимый были
Низвержены на вѣчность смерть и адъ...
И новыя тогда я небеса
И землю новую узрѣлъ, и градъ
Святой, отъ Бога нисходящій, новый

Ерусалимъ, какъ чистая невѣста
(21 февраля) Сіяющій, увидѣлъ. И раздался,
Услышалъ я, великій свыше голосъ:
«Здѣсь скинія Господня, здѣсь Господь
Жить съ человѣками отнынѣ будетъ;
Здѣсь храма нѣтъ Ему; — здѣсь Самъ Онъ храмъ Свой;
Здѣсь всякую слезу отретъ Онъ.
Ни смерти болѣе, ни слезъ, ни скорби
И никакихъ страданій и недуговъ
Не будетъ здѣсь, понеже миновалось
Все прежнее и совершилось дѣло
Господнее. Не нужны здѣсь ни солнце,
Ни свѣтлость дня, ни ночи темнота,
Ни звѣзды неба: здѣсь сіяетъ слава
Господняя, и Агнецъ служитъ здѣсь
Свѣтильникомъ, и Божіе лице
Спасенные очами видѣть будутъ».
И слышалъ я, какъ все небесъ пространство
Гласъ наполнялъ отвсюду говорящій:
«Я Богъ живой, Я Альфа и Омега,
Начало и конецъ. Подходитъ время».

(23 февраля) Такіе образы въ ту ночь, когда
Я спящій плылъ къ брегамъ Святой земли,
Мой первый сонъ блаженный озаряли.
Не даромъ я о томъ здѣсь говорю,
Что изъ писаній ты безъ вѣры знаешь:
Хочу, чтобъ ты постигъ вполнѣ мой жребій.
Когда пророкъ святое откровенье
Мнѣ передалъ своимъ глаголомъ дивнымъ,
Во глубинѣ души моей оно
Осталось врѣзаннымъ; и съ той поры
Во тьмѣ моей приговоренной жизни
На казнь скитальца Каина, оно

Звѣздой грядущаго горитъ; я въ немъ
Уже теперь надеждою живу,
Хотя еще не уведенъ изъ жизни
Рукой меня отвергшей смерти... Солнце
Всходило въ пламени лучей, когда
Меня покинулъ сонъ мой; передъ нами
На лонѣ голубаго моря темной
Тянулся полосою брегъ Святой
Земли; однѣ лишь горы — снѣговой
Хермонъ, Кармилъ прибрежный, кедроносный
Ливанъ и Элеонъ изъ низшихъ горъ —
Свои зажженныя лучами солнца
Вершины воздвигали. О, съ какимъ
Невыразимымъ чувствомъ я ступилъ
На брегъ земли обѣтованной, гдѣ
Ужъ не было Израиля! Прошло
Треть вѣка съ той поры, какъ я ее
Покинулъ. О, что́ былъ я въ страшный мигъ
Разлуки съ ней! и что потомъ со мной
Сбылося и какимъ я возвратился
Въ страну моихъ отцовъ! Я былъ подобенъ
(24 февраля) Колоднику, который на свободѣ
Въ ту заглянулъ тюрьму, гдѣ много лѣтъ
Лежалъ въ цѣпяхъ; гдѣ всѣ, кого на свѣтѣ
Зналъ и любилъ, съ нимъ вмѣстѣ запертые,
Въ его глазахъ погибли (всѣ); гдѣ каждый день
Его терзали пыткой палачи
И съ ними, самый яростный изъ всѣхъ
Палачъ — обремененное ужасной
Виной, бунтующее противъ жизни
И Бога — собственное сердце. Я
Не помню, что́ во мнѣ сильнѣе было —
Свободы-ль сладостное чувство, или
Ужасная о прошлой пыткѣ память.

Безлюдною страною окруженный,
Гдѣ царствовалъ опустошенья ужасъ,
Достигнулъ я Ерусалима. Онъ
Громадой черныхъ отъ пожара камней,
Какъ мертвый трупъ, изсѣченный въ куски,
Моимъ очамъ явился, вдвое страшный
Своею мрачностью въ сіяньи тихомъ
Безоблачнаго неба. И случилось
То въ самый праздникъ Пасхи; но его
Не праздновалъ никто: въ Ерусалимѣ
Не смѣлъ народъ на праздникъ свой великій
Сходиться. Къ бывшему пробравшись
Святилищу, узналъ я съ содроганьемъ
То мѣсто, гдѣ паденьемъ храма я,
Раздавленный, былъ смертію отвергнутъ.
Вдругъ, посреди безмолвія развалинъ,
Въ мой слухъ чуть слышно шепчущее пѣнье
Проникло: межъ обломковъ я увидѣлъ
Простертыхъ на землѣ немногихъ старцевъ,
И женщинъ, и дѣтей — остатокъ бѣдный
Израиля. Они рыдая пѣли:
«Господній храмъ, мы плачемъ о тебѣ!
Ерусалимъ, мы о тебѣ рыдаемъ!
Мы о тебѣ скорбимъ, Богоизбранный,
Богоотверженный Израиль! Слава
Минувшая, мы плачемъ о тебѣ!»
При этомъ пѣньи я упалъ
На землю и въ молчаньи плакалъ горько,
(25 февраля) О прежней славѣ Божьяго народа
И о его постигшей казни помышляя.
Но мнѣ онъ былъ уже чужой; онъ чуждъ
И всей землѣ былъ; не могло
(26 февраля) Его ничто земное ни унизить,
Ни возвеличить: онъ, народъ избранный,

Народъ отверженный отъ Бога былъ.
На немъ лежитъ печать благословенья, онъ
Запечатлѣнъ проклятія печатью.
Въ упорной слѣпотѣ еще онъ ждетъ
Того, что ужъ свершилося и вновь
Не совершится; онъ въ своемъ безумствѣ
Не вѣруетъ тому, что существуетъ
Имъ столь желанное и имъ самимъ
Отвергнутое Благо, и его
Надежда ложь, его безъ смысла вѣра!
Отъ плачущихъ я тихо удалился,
И съ трепетомъ межъ камней пробираясь,
Не узнавалъ слѣдовъ Ерусалима.
Но вдругъ невольно я оцѣпенѣлъ:
Передъ собой увидѣлъ я остатокъ
Стѣны съ ступенями предъ уцѣлѣвшей
И настежъ отворенной дверью; въ ней
Сидѣлъ шакалъ; онъ, злобными глазами
Сверкнувши на меня какъ демонъ, скрылся
Въ развалинахъ. То былъ мой прежній домъ,
И я стоялъ предъ дверью роковой —
(27 февраля) Свидѣтелемъ погибели моей;
И мнѣ въ глаза то мѣсто — гдѣ тогда
Измученный остановился Онъ,
Чтобъ отдохнуть у двери, отъ которой
Безжалостной рукою оттолкнулъ
Я подошедшаго ко мнѣ съ любовью
Спасителя — пятномъ суровымъ страшно
Блеснуло. Я упалъ, лицемъ приникнувъ
Къ землѣ, къ которой нѣкогда нога
Святая прикоснулась; и слезами
Я обливалъ ее, и въ этотъ мигъ
Почудилося мнѣ, что Онъ, какимъ
Его тогда я видѣлъ, мимо въ прахѣ

Лежавшей головы моей прошелъ
Благословляющій.... Я поднялся,
И въ этотъ мигъ мнѣ показалось, будто
Передо мной по улицѣ тянулся
Тотъ страшный ходъ, въ которомъ несъ свой крестъ
Онъ, бѣшенымъ ругаемый народомъ, —
Вслѣдъ за крестомъ я побѣжалъ, но скоро
Передо мной видѣніе исчезло,
И я себя увидѣлъ у подошвы
Голгоѳы. Отдѣлясь отъ черной груды
Развалинъ, зеленью благоуханной
Весны одѣтая, въ сіяньи солнца,
Сходящаго на западъ, мнѣ она
Торжественно предстала, какъ зажженный
Предъ Богомъ жертвенникъ. И долго-долго
(28 февраля) Я на нее смотрѣлъ въ оцѣпенѣньи...
О, какъ она въ величіи спокойномъ
Уединенная тамъ возвышалась;
Какъ было все кругомъ нея безмолвно;
Какъ миротворно солнце нисходило
Съ небесъ, на всю окрестность наводя
Вечерній тихій блескъ; какъ былъ ужасенъ
Разрушенный Ерусалимъ, въ виду
Благоухающей Голгоѳы! Долго
Я не дерзалъ моею оскверненной
Ногой къ ея святынѣ прикоснуться.
Когда жъ взошелъ на высоту ея,
О, какъ мое затрепетало сердце!
Моимъ глазамъ трехъ рытвинъ слѣдъ явился,
Полузаглаженный, на мѣстѣ, гдѣ
Три были нѣкогда водружены
Креста. И передъ нимъ простершись въ прахъ,
Я горькими слезами долго плакалъ.
Но въ этотъ мигъ раскаянья терзанье —

И благодарностью, невыразимой
Словами человѣческими, было.
Казалось мнѣ, что крестъ еще стоялъ
Надъ головой моей, что я, его
Обнявъ, къ нему всей грудью прижимался,
Какъ блудный сынъ, колѣнопреклоненный
Къ ногамъ отца, готоваго простить.
(2 марта) Дни праздника провелъ я одиноко,
На высотѣ Голгоѳы, въ покаяньи,
Одинъ, отвсюду разрушеньемъ страшнымъ
(4 марта) Земныхъ величій и всего, что было
Моимъ житейскимъ благомъ, окруженный.
Между обломками Ерусалима
Пробравшися и перешедъ Кедронъ,
Достигнулъ я по скату Элеонской
Горы до Геѳсиманскихъ густотѣнныхъ
Оливъ. Тамъ, сокрушенный, долго я
Во прахѣ горько плакалъ, помышляя
О тѣхъ словахъ, которыя Онъ здѣсь —
Онъ, сильный Богъ, какъ человѣкъ, послѣднихъ
Съ страданіемъ лишенный силъ — въ смертельной
Тоскѣ здѣсь произнесъ, на поученье
И на подпору всѣмъ земнымъ страдальцамъ.
Его божественной я не дерзнулъ
Молитвы повторить; моимъ устамъ
Дать выразить ея святыню я
Достоинъ не былъ. Но какое слово
Изобразитъ очарованье ночи,
Подъ сѣнью Геѳсиманскихъ маслинъ мною
Въ молчаніи всемірномъ проведенной!
(6 марта) Когда взошелъ на верхъ я Элеонской
Горы, съ которой, все свершивъ земное,
Сынъ Человѣческій на небеса
Вознесся — предо мной явилось солнце

Лежавшей головы моей прошелъ
Благословляющій.... Я поднялся,
И въ этотъ мигъ мнѣ показалось, будто
Передо мной по улицѣ тянулся
Тотъ страшный ходъ, въ которомъ несъ свой крестъ
Онъ, бѣшенымъ ругаемый народомъ, —
Вслѣдъ за крестомъ я побѣжалъ, но скоро
Передо мной видѣніе исчезло,
И я себя увидѣлъ у подошвы
Голгоѳы. Отдѣлясь отъ черной груды
Развалинъ, зеленью благоуханной
Весны одѣтая, въ сіяньи солнца,
Сходящаго на западъ, мнѣ она
Торжественно предстала, какъ зажженный
Предъ Богомъ жертвенникъ. И долго-долго
(28 февраля) Я на нее смотрѣлъ въ оцѣпенѣньи...
О, какъ она въ величіи спокойномъ
Уединенная тамъ возвышалась;
Какъ было все кругомъ нея безмолвно;
Какъ миротворно солнце нисходило
Съ небесъ, на всю окрестность наводя
Вечерній тихій блескъ; какъ былъ ужасенъ
Разрушенный Ерусалимъ, въ виду
Благоухающей Голгоѳы! Долго
Я не дерзалъ моею оскверненной
Ногой къ ея святынѣ прикоснуться.
Когда жъ взошелъ на высоту ея,
О, какъ мое затрепетало сердце!
Моимъ глазамъ трехъ рытвинъ слѣдъ явился,
Полузаглаженный, на мѣстѣ, гдѣ
Три были нѣкогда водружены
Креста. И передъ нимъ простершись въ прахъ,
Я горькими слезами долго плакалъ.
Но въ этотъ мигъ раскаянья терзанье —

И благодарностью, невыразимой
Словами человѣческими, было.
Казалось мнѣ, что крестъ еще стоялъ
Надъ головой моей, что я, его
Обнявъ, къ нему всей грудью прижимался,
Какъ блудный сынъ, колѣнопреклоненный
Къ ногамъ отца, готоваго простить.
(2 марта) Дни праздника провелъ я одиноко,
На высотѣ Голгоѳы, въ покаяньи,
Одинъ, отвсюду разрушеньемъ страшнымъ
(4 марта) Земныхъ величій и всего, что было
Моимъ житейскимъ благомъ, окруженный.
Между обломками Ерусалима
Пробравшися и перешедъ Кедронъ,
Достигнулъ я по скату Элеонской
Горы до Геѳсиманскихъ густотѣнныхъ
Оливъ. Тамъ, сокрушенный, долго я
Во прахѣ горько плакалъ, помышляя
О тѣхъ словахъ, которыя Онъ здѣсь —
Онъ, сильный Богъ, какъ человѣкъ, послѣднихъ
Съ страданіемъ лишенный силъ — въ смертельной
Тоскѣ здѣсь произнесъ, на поученье
И на подпору всѣмъ земнымъ страдальцамъ.
Его божественной я не дерзнулъ
Молитвы повторить; моимъ устамъ
Дать выразить ея святыню я
Достоинъ не былъ. Но какое слово
Изобразитъ очарованье ночи,
Подъ сѣнью Геѳсиманскихъ маслинъ мною
Въ молчаніи всемірномъ проведенной!
(6 марта) Когда взошелъ на верхъ я Элеонской
Горы, съ которой, все свершивъ земное,
Сынъ Человѣческій на небеса
Вознесся — предо мной явилось солнце

Въ неизреченномъ блескѣ на востокѣ;
Зажглась горы вершина; тонкій паръ
Еще надъ сѣнью маслинъ Геѳсиманскихъ
Лежалъ; но вдалекѣ уже горѣла
Въ сіяньи утреннемъ Голгоѳа. Чернымъ
Остóвомъ посреди ихъ, весь еще
Покрытый тѣнію отъ Элеонской
Горы, лежалъ Ерусалимъ, какъ будто
Сіянья воскресительнаго ждущій.
Въ послѣдній разъ съ святой горы взглянулъ я
На градъ Израилевъ, на сокрушенный
Ерусалимъ: еще въ его обломкахъ
Я видѣлъ трупъ съ знакомыми чертами;
Но скоро онъ и въ признакахъ своихъ
Былъ долженъ умереть; была готова
Рука, чтобъ разбросать его обломки;
Былъ плугъ готовъ, чтобъ запахать то мѣсто,
Гдѣ нѣкогда стоялъ Ерусалимъ.
(6 марта) На гробѣ прежняго другой былъ долженъ
(описка: 6-о уже было). Воздвигнуться, несокрушимо-твердый
Одной Голгоѳою, и вовсе чуждый
Израилю бездомному, какъ я,
На горькое скитанье по землѣ
Приговоренному до нисхожденья
Отъ неба новаго Ерусалима.

Благословивъ на вѣчную разлуку
Господній градъ, я отъ него пошелъ, —
И съ той поры я странствую. Но слушай:
(8 марта) Мой жребій все остался тотъ же, страшный,
Какимъ онъ въ первое мгновенье палъ
На голову преступную мою.
Какъ прежде, я не умирать и вѣчно
Скитаться здѣсь приговоренъ; всѣмъ людямъ

Чужой, вселяющій въ сердца ихъ ужасъ,
Иль отвращеніе, или презрѣнье;
Нужды житейскія терпящій: голодъ, жажду,
И зной, и непогоду; подаяньемъ
Питаться принужденный, принимая
Съ стыдомъ и скорбію, что̀ первый встрѣчный
Съ пренебреженьемъ мнѣ обиднымъ броситъ.
Мнѣ самому нѣтъ смерти, для людей же
Я мертвый; мнѣ ни жизнь мою утратить,
Ни безутратной жизнью дорожить
Не можно; ни откуда мнѣ опасность
Не угрожаетъ на землѣ: разбойникъ
Меня зарѣзать не посмѣетъ; звѣрь,
И голодомъ яримый, повстрѣчавшись
Со мною, въ страхѣ убѣжитъ; не схватитъ
Меня земля разинутой своею
Въ землетрясенье пастью; не задушитъ
Меня гора своимъ обваломъ; море
Въ своихъ волнахъ не дастъ мнѣ захлебнуться.
Всѣ, всѣ мои безумныя попытки
Жизнь уничтожить были безуспѣшны:
Самоубійство недоступно мнѣ;
Не смерть, а неубійственную съ смертью
Борьбу напрасно мучимому тѣлу
Могу я дать безплодными своими
Порывами на самоистребленье;
А душу изъ темницы тѣла я
Не властенъ вырвать: вновь оно,
Въ куски изорванное, воскресаетъ.
Такъ я скитаюся. И нѣтъ, ты скажешь,
Страшнѣй моей судьбы. Но вѣдай: если
Моя судьба не измѣнилась, самъ я
Уже не тотъ, какимъ былъ въ то̀ мгновенье,
Когда проклятье пало на меня,

Когда, своей вины не признавая,
Свирѣпо самъ я проклиналъ Того,
Кто приговоръ противъ меня изрекъ.
Я проклиналъ, я бѣшено бороться
Съ неодолимой Силою дерзалъ.
О, я теперь иной!... Тотъ, за меня
Поднятый къ небу, мученика взглядъ
И благодать, словами Богослова
Въ меня вліянная, переродили
Озлобленность моей ожесточенной
Души въ смиреніе, и на Голгоѳѣ
Постигнулъ я все благо казни, Имъ
Произнесенной надо мной, какъ мнилось
Безумцу мнѣ, въ непримиримомъ гнѣвѣ.
О, Онъ въ тотъ мигъ, когда я Имъ ругался,
Меня казнилъ какъ Богъ: меня спасалъ
Погибелью моей, и мнѣ изрекъ
Чрезъ строгій приговоръ благословенье.
Какимъ путемъ Его рука меня,
Бѣжавшаго въ то время отъ Голгоѳы,
Гдѣ крестъ еще Его дымился кровью,
Обратно привела къ ея подошвѣ!
Какое далъ мнѣ воспитанье Онъ
Въ училищѣ страданій несказанныхъ,
И ка́къ цѣна, которою купилъ я
Сокровище, Имъ избранное мнѣ,
Предъ купленнымъ неоцѣнимымъ благомъ
(9 марта) Ничтожна! Такъ перерожденный, новый,
Пошелъ я отъ Голгоѳы, произвольно,
Съ благодареніемъ взявъ на плеча́
Весь грузъ моей судьбы и сокрушенно
Моей вины всю глубину измѣривъ.
О, благодать смиренія! о, сладость
Цѣлительной раскаянья печали

У ногъ Спасителя! Какою новой
Наполнился я жизнію; какой
Во мнѣ и вкругъ меня иной открылся
Великій міръ, когда, себя низвергнувъ
Смиреньемъ въ прахъ и уничтоживъ
Всѣ обаянія, всѣ упованья
Земныя, я бунтующую волю
Свою убилъ предъ алтаремъ Господнимъ,
Когда одинъ съ раскаянной виною
Передъ моимъ Спасителемъ остался!
(10 марта) Блаженъ стократъ, кто вѣруетъ, не видѣвъ
Очами, а смиренной волей разумъ
Святынѣ откровенья покоряя!
Очами видѣлъ я, но вѣрѣ долго
Не отворяла дверь моей души
Бунтующая воля. Наконецъ,
Когда я, всю мою вину постигнувъ,
Раскаяньемъ терзаемый, былъ брошенъ
Къ ногамъ обруганнаго мною Бога,
Моей судьбы исчезла безотрадность;
Все измѣнилось: Тотъ — Кого безумно
Я отрицалъ, — моимъ въ пустынѣ жизни
Сопутникомъ, подпорой, другомъ, все
Земное замѣнившимъ, все земное
Забвенію предавшимъ, сталъ.
За Нимъ, какъ за отцомъ дитя, пошелъ я,
Исполненный глубокимъ сокрушеньемъ,
Которое, мою пронзая душу,
Къ Нему ея глубокую любовь
Питало, какъ елей питаетъ пламя
Въ лампадѣ храма. И мою въ Него
Я вѣру всею силою любилъ,
Какъ утопающій ту доску любитъ,
Которая въ волнахъ его спасаетъ.

Но этотъ миръ достался мнѣ не вдругъ.
Мертвецъ между живыми, навсегда
Къ позорному прикованный столбу
Передъ толпой ругательной колодникъ,
Я часто былъ тоской одолѣваемъ:
Тогда роптанье съ устъ моихъ срывалось.
Но каждый разъ, когда такой порывъ
Души, обиженной презрѣньемъ горькимъ
Людей, любимыхъ ею безотвѣтно,
Меня крушилъ, мнѣ явственнѣй являлось
Чудовище моей вины, меня
Пожрать грозящее, и съ обновленной
Покорностью сильнѣй я прижимался
Къ окровавлѐнному кресту Голгоѳы.
(11 марта) И наконецъ, по долгой, несказанной
Борьбѣ съ неукротимымъ сердцемъ, послѣ
Несчетныхъ переходовъ отъ паденій,
Ввергающихъ въ отчаянье, къ побѣдамъ
Вновь воскрешающимъ, по многихъ, въ крѣпкій
Металлъ кующихъ душу, испытаньяхъ,
Я началъ чувствовать въ себѣ тотъ миръ,
Который, всю объемля душу, въ ней
Покорнаго терпѣнья тишину
Неизглаголанную водворяетъ.
(13 марта) Съ тѣхъ поръ во мнѣ смирилось все: чего
Желать? О чемъ жалѣть? Чего страшиться?
Начто тревожить жаждущее сердце
Надеждами? Зачѣмъ скорбѣть, встрѣчая
Презрѣніе иль злобу отъ людей?
Я съ Нимъ, Онъ мой, Онъ все, въ Немъ всё, Имъ всё,
Всё отъ Него, все одному Ему —
Такое для меня знаменованье
Теперь пріяла жизнь. Я казнь мою
Всѣмъ сердцемъ возлюбилъ: она моей

Души хранитель. И съ людьми, меня
Отвергшими, я примирился, въ сердцѣ
Божественное поминая слово:
«Отецъ! прости имъ: что̀ творятъ, не знаютъ!»
Межъ ними ближняго я не имѣю,
Но сердце къ нимъ исполнено любовью.
И знай: пространства нѣтъ здѣсь для меня
(Такъ соизволилъ Богъ!): въ одно мгновенье
Могу туда переноситься я,
Куда любовь меня пошлетъ на помощь,
На помощь — но не дѣломъ, словомъ — что̀
Могу я сдѣлать для людей? но словомъ
Утѣхи, состраданія, надежды,
Иль укоризны, иль остереженья.
Хотя мнѣ на любовь всегда одинъ
Отвѣтъ: ругательство или презрѣнье;
Но для меня въ отвѣтѣ нужды нѣтъ...
Мнѣ мѣста нѣтъ ни въ чьемъ семействѣ; я
Не радуюся ничьему рожденью,
И никого родного у меня
Не похищаетъ смерть. Всѣ поколѣнья,
Одно вслѣдъ за другимъ, уходятъ въ землю:
Я ни съ однимъ изъ нихъ не разлучаюсь,
И ихъ отбытіе мнѣ незамѣтно.
Любовью къ людямъ безнаградной — я
Любовь къ Спасителю, любовь къ Царю
Любви, къ ея Источнику, къ ея
Подателю питаю....
Моя любовь къ нимъ есть любовь къ Тому,
(15 марта) Кто первый возлюбилъ меня; любовь,
Которая не ищетъ своего,
Не превозносится, не мыслитъ зла,
Не знаетъ зависти, не веселится
Неправдою, не мститъ, не осуждаетъ;

Но милосердствуетъ, но вѣру емлетъ
Всему, смиряется и долго терпитъ.
Такой любовію я близокъ къ людямъ,
Хотя и розно съ ними несказанной
Моею участью; въ веселья ихъ
Семействъ, въ народные пиры ихъ
Я не мѣшаюся; но есть одно,
Что къ нимъ меня заводитъ: это смерть,
Давно утраченное мною благо.
Безъ ропота на горькую утрату,
Я въ кругъ людей вхожу, чтобъ смертью
Въ ея земныхъ явленьяхъ насладиться.
Когда я вижу старика въ послѣдней
Борьбѣ съ кончиною, съ крестомъ въ рукахъ,
Сначала дышущаго тяжко,
Вдругъ блѣднаго и миротворнымъ сномъ
Заснувшаго, и вкругъ его постели
Стоитъ въ молчаніи семья, и очи
Ему рука родная закрываетъ;
Когда я вижу блѣднаго младенца,
Возвышеннаго въ ангелы небесъ
Прикосновеніемъ безмолвной смерти;
Когда разцвѣтшую невѣсту-дочь,
Похищенную вдругъ у всѣхъ житейскихъ
Случайностей хранительною смертью,
Отецъ и мать кладутъ во гробъ; когда
Въ тюремномъ мракѣ сладко засыпаетъ
Послѣднимъ сномъ измученный колодникъ;
Когда на полѣ боя, переставъ
Терзаться въ судорогахъ смертныхъ, трупы
Окостенѣлые лежатъ спокойно:
Всѣ эти зрѣлища въ меня вливаютъ
Тоску глубокую; она меня —
Какъ устарѣлаго скитальца память

О сторонѣ, гдѣ онъ родился, гдѣ
Провелъ младые дни, гдѣ былъ богатъ
Надеждами — томитъ. Я слезы лью
Изъ глазъ и я завидую счастливцамъ,
Сокровище неоцѣнимой смерти,
Его не зная, сохранившимъ... Есть
Еще одно великое мгновенье,
Когда я въ кругъ людей, какъ ихъ родной,
Какъ соиску́пленный ихъ братъ, вступаю:
Съ смиреніемъ презрѣнье ихъ пріемля,
Какъ очистительное наказанье
Моей вины, я къ тайнѣ причащенья,
Со страхомъ Божіимъ и вѣрой, сердцемъ
Единымъ съ ними приступаю. Въ часъ,
Когда небесныя незримо силы
Предъ Божіимъ престоломъ въ храмѣ служатъ,
И херувимовъ братство христіанъ
Шестокрылатыхъ тайно образуетъ,
И всякое земное попеченье
Забывъ, дориносимаго чинами
Небесными Царя царей подъемлетъ;
Въ великій часъ, когда, на всѣхъ концахъ
Созданія, въ одну сливаетъ душу
Всѣхъ христіанъ таинственная жертва;
Когда живые всѣ — и царь, и нищій,
И сча́стливый, и скорбный, и свободный,
И узникъ, и всѣ мертвые въ могилахъ,
И въ небесахъ святые, и предъ Богомъ
Всѣ ангелы и херувимы, въ братство
Единое совокупляясь, чашѣ
Спасенья предстоятъ: — о, въ этотъ часъ
Я людямъ братъ; моя судьба забыта;
Ни прошлаго, ни будущаго нѣтъ;
Все предо мной земное исчезаетъ;

Я чувствую блаженное одно
Всего себя уничтоженье въ Божьемъ
Присутствіи неизреченномъ....
О, что́-бъ я былъ безъ этой казни, всю
Мою пересоздавшей душу? Злобнымъ
И нераскаяннымъ Богоубійцей
Сошелъ бы въ землю.... А потомъ?.... Теперь же....
О, будьте вы навѣкъ благословенны
Уста, изрекшія мой приговоръ!
О Ты, Лице, подъ тернами вѣнца
Облитое струями крови, Ты,
Печальный, на меня поднятый взоръ,
Ты, голосъ, сладостный и въ изреченьи
Преступнику суда, — васъ навсегда
Раскаянье хранитъ въ моей душѣ;
Оно васъ въ ней, своею мукой, въ вѣру,
Надежду и любовь преобратило.
(16 марта) Разрушивъ все, чѣмъ драгоцѣнна жизнь,
И осудивъ меня не умирать,
Онъ далъ замѣну мнѣ Себя. За Нимъ
Иду я черезъ міръ уединеннымъ
Путемъ, чужой всему, что вкругъ меня
Кипитъ, тревожитъ, радуетъ, волнуетъ,
Томитъ сомнѣніемъ, терзаетъ жаждой
Корысти, сладострастья, славы, власти.
Что́ нужно мнѣ? На голодъ корка хлѣба,
Ночлегъ на непогоду, ветхій платъ
На покровенье наготы, — во всемъ
Иномъ я независимъ отъ людей
И міра. На потребу мнѣ одно
Покорность и предъ Господомъ всей воли
Уничтоженіе. О, сколько силы,
Какая сладость въ этомъ словѣ сердца:
«*Твоя, а не моя да будетъ воля!*» Въ немъ

Вся человѣческая жизнь; въ немъ наша
Свобода, наша мудрость, наши всѣ
(18 марта) Надежды; съ нимъ нѣтъ страха, нѣтъ заботъ
О будущемъ, сомнѣній, колебаній;
Имъ все намъ ясно; случай исчезаетъ
Изъ нашей жизни; мы своей судьбы
Властители, понеже власть Тому
Надъ нею предали смиренно, Кто
Одинъ всесиленъ, все за насъ, для насъ
И нами строитъ, намъ во благо. Міръ,
Въ которомъ я живу, который вамъ,
Слѣпымъ невольникамъ земнаго, долженъ
Казаться дикою пустыней... нѣтъ,
Онъ не пустыня: съ той поры, какъ я
Былъ Силою Всевышнею постигнутъ,
И, уничтоженный, предъ Нею палъ
Во прахъ, Она передо мною вся
Въ твореніи Господнемъ отразилась.
Міръ человѣческій исчезъ, какъ призракъ,
Передъ Господнею природой; въ ней
Все выше сдѣлалось размѣромъ, все
Пріяло высшее знаменованье.
О, этотъ міръ презрительнымъ житейскимъ
Заботамъ недоступенъ; онъ безвѣрью
Ужасенъ. Но тому, кто сердцемъ весь
Раскаянья сосудъ испилъ до дна,
И Бога угадавъ страданьемъ, въ руки
Къ Нему изъ сокрушительныхъ когтей
Отчаянія убѣжалъ — тому
Природа врачъ, великая бесѣда,
Господняя развернутая книга,
Гдѣ буква каждая благовѣститъ
Его Евангеліе. Нѣтъ, о, нѣтъ,
Для выраженья той природы чудной,

Которой я, истерзанный, на грудь
Упалъ, которая лѣкарство мнѣ
Всегда цѣлящее даетъ, я словъ
Не знаю. Небо голубое, утро
Безмолвное въ пустынѣ; свѣтъ вечерній,
Въ послѣднемъ облакѣ летящій съ неба;
Соборъ свѣтилъ во глубинѣ небесъ;
Глубокое молчанье лѣса; мóря
Необозримость тихая, иль голосъ
Невыразимый въ бурю; горъ — потопа
Свидѣтелей — громады; безпредѣльныхъ
Степей песчаныхъ зыбь и зной; кипѣнья,
Блистанья, ревъ и грохотъ водопадовъ....
О, кáкъ могу изобразить творенья
Все обаяніе. Среди Господней
Природы, я наполненъ чуднымъ чувствомъ
Уединенія, въ неизреченномъ
Его присутствіи, и чудеса
Его созданія въ моей душѣ
Блаженною становятся молитвой;
(30 марта) Молитвой — но не призываньемъ въ часъ
Страданія на помощь, не прошеньемъ,
Не выраженьемъ страха иль надежды,
А мирнымъ, безсловеснымъ предстояньемъ
И сладостнымъ глубокимъ постиженьемъ
Его величія, Его святыни,
И благости, и безпредѣльной власти,
И сладостной сыновности моей,
И моего предъ Нимъ уничтоженья: —
Невыразимый вздохъ, въ которомъ вся
Душа къ Нему, горящая, стремится —
Такою предъ Его природой чудной
Становится моя молитва. Съ нею
Сливается нерѣдко вдохновенье

Поэзіи; — поэзія — земная
Сестра небесныя молитвы, голосъ
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
Въ гармоніи восторженнаго слова!
Величіемъ природы вдохновенный,
Непроизвольно я пою, — и мнѣ
Въ моемъ уединеньи, полномъ Бога,
Созданіе внимаетъ, посреди
Своихъ лѣсовъ густыхъ, своихъ громадныхъ
Утесовъ и пустынь необозримыхъ,
И съ высоты своихъ холмовъ зеленыхъ,
Съ которыхъ видны золотыя нивы,
Веселыя селенья человѣковъ
И все движенье жизни скоротечной.

Такъ странствую я по землѣ, въ глазахъ
Людей проклятый Богомъ, никакому
Земному благу непричастный, злобный,
Все ненавидящій скиталецъ. Тайны
Моей они не постигаютъ; путь мой
Ихъ взорамъ не открытъ: по высотамъ
Созданія идетъ онъ, тамъ, гдѣ я
Лишь небеса Господнія святыя
Надъ головою вижу; а внизу,
Далеко подъ ногами, весь смятенный
Міръ человѣческій. И съ высоты
Моей, съ нимъ не дѣлясь его судьбой,
Я, всю ее однимъ объемля взоромъ,
Въ ея волненіяхъ и измѣненьяхъ,
Какъ въ неизмѣнной стройности природы,
Я вижу, слышу, чувствую лишь Бога.
Изъ глубины уединенья, гдѣ
Онъ мой единый Собесѣдникъ, мнѣ

Его пути среди разнообразныхъ
Судебъ земныхъ виднѣй. И ужь второе
(81 марта) Тысячелѣтіе къ концу подходитъ
Съ тѣхъ поръ, какъ по землѣ я одинокой
Дорогою иду; и въ этотъ путь
Пошелъ я съ той границы, на которой
Міръ древній кончился, гдѣ на его
Могилѣ колыбель свою поставилъ
Новорожденный міръ. За сей границей,
Какъ великанскія, сквозь тонкій сумракъ
Разсвѣта, смутно зримыя громады
Снѣжноголовыхъ горъ, стоятъ минувшихъ
Вѣковъ видѣнія: остóвы древнихъ
Имперій (какъ слои въ огромномъ тѣлѣ
Горъ первобытныхъ), слитые въ одно
Великое минувшаго созданье....

АПОКАЛИПСИСЪ [1]).

(Начато 7 сент. 1851 г.)

Я повторю тебѣ его слова,
Въ чудесномъ снѣ услышанныя мною.
Такъ говорилъ онъ на яву мнѣ, тоже
Потомъ и сонному мнѣ повторилось.

«Мнѣ голосъ былъ: «Я Альфа и Омега;
(I, 10. 13–18) Я сущій, будущій, и бывшій; Я
Живый, умершій и воскресшій; Я
Въ моей рукѣ держу ключъ ада
И смерти». — И увидѣлъ я, что Нѣкто,
Въ одеждѣ длинной, съ поясомъ златымъ, —
Какъ пламень солнечный лицо, семь звѣздъ

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ встрѣчаемъ въ рукописи Жуковскаго большой разсказъ, составляющій собою переложеніе «Апокалипсиса». По первоначальному плану Жуковскаго, разсказъ этотъ долженъ былъ входить въ его поэму «Странствующій Жидъ»; въ рукописи поэмы онъ слѣдуетъ послѣ стиха «*Моей душѣ сіяютъ*» (см. здѣсь стр. 37-ю, стихъ 912-й). Поэтъ писалъ его ровно пять мѣсяцевъ и уже близокъ былъ къ концу Апокалипсиса; но потомъ художественное чувство подсказало ему, что разсказъ такого объема слишкомъ растягиваетъ поэму, — и онъ его зачеркнулъ, замѣнивъ другимъ, сжатымъ пересказомъ. По несомнѣнной важности этого переложенія Апокалипсиса, мы печатаемъ его теперь отдѣльно; потомъ онъ можетъ составить собою приложеніе къ поэмѣ. Для большей связи разсказа, возстановляемъ первые 4 стиха, зачеркнутые поэтомъ,—ихъ говоритъ Агасверъ Наполеону; за тѣмъ уже слѣдуетъ Апокалипсисъ.

Слѣва, въ скобкахъ, обозначаемъ рукописныя даты, въ которыя поэтъ писалъ свое произведеніе, ведемъ счетъ стиховъ его и ставимъ указанія главъ и стиховъ Апокалипсиса, которымъ соотвѣтствуетъ переложеніе Жуковскаго.

Въ десницѣ и двуострый мечъ изъ устъ,—
(IV, 4–11) Сидѣлъ на тронѣ. И четыре тронъ
Животныхъ на хребтѣ держали,
Имѣя образъ льва, тельца, орла
И человѣка; и шесть крыльевъ было
У каждаго животнаго великихъ;
И были всѣ усыпаны очами;
И нѣтъ ни днемъ, ни ночью имъ покоя.
И горній тронъ тотъ окружали двадцать
Четыре старца, на престолахъ, въ бѣлыхъ
Одеждахъ, съ золотыми на главахъ
Коронами, сидѣвшіе. И громко
Животные тронодержавцы пѣли:
«Святъ! святъ! святъ!» И когда ихъ пѣнье
Возобновлялось, всѣ предъ трономъ двадцать
Четыре старца падали на землю,
Къ ногамъ Сидящаго кладя свои
(V, 1–14) Короны. Тутъ видѣнье измѣнилось:
Въ рукѣ Сидящаго узрѣлъ я книгу;
Извнѣ и извнутри она была
Исписана, и было семь на ней
Печатей. И былъ голосъ: «Кто достоинъ
Печати съ книги снять?»... И плакалъ я,
Что не было достойнаго. Тогда
Предъ Тѣмъ, Кто возсѣдалъ на горнемъ тронѣ,
Среди животныхъ и вѣнчанныхъ старцевъ,
Сталъ седмирогій, седмиокій Агнецъ,
Какъ-бы закланный; Онъ взялъ книгу; тутъ
На землю передъ Нимъ всѣ пали двадцать
Четыре старца; арфы были въ ихъ
Рукахъ и золотыя чаши, съ нихъ-же
Святыхъ молитвы, дымомъ фиміама
Благоухая, къ трону подымались.
И новую воспѣли пѣснь тутъ старцы;

И ангелы тогда окрестъ животныхъ
И старцевъ, тысячами тысячъ, пѣнье
Ихъ повторили: съ ними жъ пѣло все созданье,
Все — что на небесахъ, что на землѣ,
Что подъ землей, что на моряхъ, что въ безднѣ
Морей — къ Сидящему на горнемъ тронѣ
Воспѣло, въ гласъ одинъ слiясь: «Тебѣ
Благословенье, слава и держава
Во вѣки!» И «аминь!» провозгласили
Животныя; на землю пали старцы.
(VI, 1–17) И къ запечатанной приближась книгѣ,
Снялъ Агнецъ первую печать: и бѣлый
Явился конь; его сѣдокъ держалъ
Великiй лукъ, и былъ ему вѣнецъ
Данъ на побѣду. Агнецъ снялъ другую
Печать: предсталъ конь огненнаго цвѣта,
И былъ на немъ сѣдокъ съ мечемъ убiйства.
Когда печать снялъ третью съ книги Агнецъ:
Явился черный конь, и мѣру всадникъ
Его имѣлъ въ рукѣ. Когда же Агнцемъ
Снята была четвертая печать:
Конь блѣдный выбѣжалъ, и былъ ужасный
На немъ сѣдокъ, и тотъ сѣдокъ былъ — смерть!
И адъ за нимъ стремился.... Власть имѣлъ онъ
Губить мечемъ, и голодомъ, и моромъ,
И дикимъ звѣремъ. Пятую печать
Снялъ Агнецъ: души убiенныхъ громко
О мщеньи возопили. Ихъ одѣли
Въ одежды бѣлыя, дабы они
Съ терпѣнiемъ того, что будетъ, ждали.
Когда жъ печать шестую Агнецъ снялъ:
Настало страшное землетрясенье;
Какъ власяница солнце потемнѣло;
И сдѣлалась луна какъ кровь; и звѣзды,

Какъ плодъ смоковницы великимъ вѣтромъ
Шатаемой, попадали на землю;
И небо, вдругъ свернувшися какъ свитокъ,
Исчезло; съ мѣстъ своихъ на сушѣ го́ры
И въ морѣ острова подвиглись; всѣ
Цари земные, и́хъ вожди, вельможи,
И сильные, и всякій рабъ, и всякій
Свободный — скрылися въ ущелья горъ
И въ глубины пещеръ, и говорили
Горамъ: «падите на главы намъ, скройте
Насъ отъ Сидящаго на тронѣ, скройте
Отъ Агнца насъ! День гнѣва неизбѣжный
Его насталъ. И въ этотъ день предъ Нимъ
(VII, 1–3, 9–12) Кто устоитъ?»... Тутъ четырехъ
Узрѣлъ я ангеловъ: на четырехъ
Углахъ земли стоя, они держали
Въ рукахъ четыре вѣтра, чтобъ не вѣялъ
Ни на́ морѣ, ни на землѣ, ни между
Земныхъ деревьевъ вѣтеръ. Тутъ увидѣлъ
Я ангела, съ востока солнца въ блескѣ
Идущаго, и онъ держалъ въ рукѣ
Печать живаго Бога. И тогда
Свершилося двѣнадцати колѣнъ
Избраніе, и на избранныхъ ангелъ
Печать живаго Бога наложилъ.
И вдругъ — и тронъ и Агнца окружили
Неисчисли́мо люди всѣхъ народовъ
И поколѣній, въ бѣлыхъ одѣяньяхъ,
Съ вѣтвя́ми пальмъ въ рукахъ, и возгласили
Они хвалу Сидящему на тронѣ
И Агнцу. Тутъ всѣ четверо животныхъ,
Всѣ старцы и всѣхъ ангеловъ, кругомъ
Стоявшихъ, легіоны пали ницъ,
Воскликнувъ: «Честь, благодаренье, слава,

Премудрость, власть, и сила, и держава,
И поклоненье Господу во вѣки
(VIII, 1—13) Вѣковъ!» И Агнецъ снялъ печать седьмую:
Глубокое безмолвье воцарилось
На небесахъ какъ бы на полчаса.
Семь ангеловъ приблизилися къ трону —
И было имъ дано семь трубъ. Потомъ
Осьмой съ кадильницею ангелъ
Предъ жертвенникомъ сталъ и съ ѳиміамомъ
На жертвенникъ молитвы возложилъ
Святыхъ, — и отъ руки его вознесся
Моленій дымъ благоуханно чистый.
Потомъ онъ, жертвеннымъ огнемъ наполнивъ
Кадильницу, повергъ ее на землю:
И сдѣлались повсюду гласы, молній
Блистанье, громы, шумъ землетрясенья.
И вострубить семь ангеловъ готовясь
Приставили семь трубъ къ своимъ устамъ.
И съ первою трубой — огонь и градъ
На землю пали съ кровью, и сгорѣла
Деревьевъ третья часть, и вся трава
Зеленая сгорѣла. Со второй
Трубой — гора пылающая въ море
Низверглася, и моря третья часть
Преобратилась въ кровь, и третья часть
Живущихъ въ морѣ умерла, и третья
Часть на́ морѣ судовъ погибла. Съ третьей
Трубой — звѣзда, горящая какъ свѣточь,
На третью часть истоковъ водныхъ, рѣкъ
И всѣхъ земныхъ потоковъ пала съ неба,
И воды стали горьки какъ полынь,
И люди всѣ, ихъ пившіе, погибли.
Съ четвертою трубой — затмилась третья
Часть солнца и луны и звѣздъ, и третья

Часть дня была безъ свѣта, третья
Часть ночи безъ сіянья звѣздъ, и было
Въ томъ мракѣ слышно, какъ летѣлъ, шумя
Крылами, ангелъ, вопіющій: «Горе
Живущимъ на землѣ, когда отъ трехъ
(IX, 1–21) Послѣднихъ трубъ изыдетъ голосъ!» Съ пятой
Трубою — новая звѣзда упала
Съ небесъ, и былъ ей данъ отъ бездны ключъ,
И отворилась бездна, и пошелъ
Изъ бездны дымъ, какъ изъ великой печи:
И помрачилося отъ дыма солнце
И все воздушное пространство;
Изъ дыма тучей саранча исторглась
И кинулась — не на луга густые
И не на зелень нивъ, но на людей,
Не получившихъ знаменья печати
Живаго Бога, чтобъ, не убивая,
Лишь уязвлять и́хъ жаломъ скорпіоннымъ;
И шумъ отъ крылъ ея подобенъ
Былъ стуку колесницъ, когда бѣгутъ
Въ сраженье кони; и царемъ ея
Былъ ангелъ бездны, имя онъ имѣлъ
Тамъ Аваддона. И съ шестой трубой —
Раздался гласъ, трубившему сказавшій:
«Дай волю четыремъ вблизи великой
Рѣки Евфрата ангеламъ, носящимъ узы».
И ангеламъ дана была свобода
На погубленіе людей. И было
Ихъ воинство несмѣтно; были латы
На всадникахъ изъ пламени; ихъ кони
Тройною язвою дышали; ихъ
Дыханье третью часть людей живущихъ
Внезапно умертвило; остальные жъ
Безъ покаянія во тьму безвѣрья

И злодѣянья глубже погрузились.
(X, 1–7) Тутъ семь громовъ своими голосами
Проговорили.... Ангелъ (я увидѣлъ),
Стоящій на морѣ одной ногой
И на землѣ другою, по́днялъ къ небу
Десницу, и клялся́ Живымъ во вѣки
Вѣковъ, создавшимъ небеса и все
Что въ небесахъ, создавшимъ землю
И все что на землѣ, создавшимъ море
И все что въ морѣ есть — клялся́, что время
Ужь миновалось; но что въ оный день,
Когда седьмой вострубитъ ангелъ, тайна
Господняя свершится, какъ пророкамъ
Ее Господь открылъ. И вострубила
(XI, 15–19) Труба седьмая: и раздался голосъ
Отвсюду: «Царство міра стало царствомъ
Живаго Бога и Его Христа,
И царствовать во вѣки будетъ Онъ!»
И снова ницъ на землю пали двадцать
Четыре старца предъ Всевышнимъ Богомъ
И возгласили всѣ: «Благодаримъ
Тебя, Который былъ, и есть, и будешь,
Тебя, Господь, за то, что власть свою Ты
Великую пріялъ, и воцарился!
День гнѣва Твоего насталъ, день страшный
Суда и погубленія губившихъ». —
И растворился Божій храмъ на небѣ,
И въ храмѣ Божіемъ ковчегъ явился
Его завѣта, и послышалися гласы
Отвсюду, молніи зажглися, громы
Заговорили, градъ упалъ великій,
Землетрясеньемъ все поколебалось.
(XII 1–17) И на небѣ великое тогда
Явилось знаменье: жена, чудесно

Одѣянная въ солнце, подъ ногами
Луна, на головѣ двѣнадцать звѣздъ
Вѣнцомъ.... За онымъ знаменьемъ другое
Явилось страшное: великій, чермный,
Седмиголовый съ десятью рогами
Драконъ, на головахъ седмь діадимъ;
И третью часть онъ звѣздъ своимъ хвостомъ
Низвергнулъ съ неба. Ставъ передъ женою,
Страдавшей мукою родовъ, разинулъ
Онъ пасть, чтобы пожрать ея младенца,
Какъ скоро онъ родится. Но младенецъ,
Пасти жезломъ желѣзнымъ обреченный
Народы, былъ на небо унесенъ;
Жена жъ, ушедъ въ пустыню, скрылась въ тихомъ
Ей уготовленномъ отъ Бога мѣстѣ.
Тутъ началась на небесахъ война:
Архангелъ Михаилъ съ своею ратью
Пошелъ на чермнаго дракона; чермный
Драконъ пошелъ съ своею ратью противъ
Архангела, но былъ сраженъ,
И не нашлось ему на небѣ мѣста!
Сраженъ былъ древній змій, его же имя
Діаволъ-сатана, всего созданья
И человѣковъ обольститель; съ нимъ
Низвержены и ангелы его.
И нá небѣ раздался громкій гласъ:
«Спасенья время совершилось! Царство
Настало Бога и Христа, понеже палъ
Онъ, клеветникъ, на насъ и братій нашихъ
И ночь и день предъ Богомъ клеветавшій!
Онъ побѣжденъ святою кровью Агнца,
И словомъ ихъ свидѣтельства, и тѣмъ,
Что вѣруя они не возлюбили
Своей души до самой смерти.

Возвеселитесь, небеса, и всѣ
Живущіе на небесахъ; а вамъ,
Живущимъ на землѣ и на водахъ,
Вамъ горе: сатана сошелъ къ вамъ, полный
Великой ярости, понеже знаетъ,
Что времени ему осталось мало!»
Разсвирѣпѣвъ, драконъ пошелъ войною
На всѣхъ рожденныхъ отъ жены, покорныхъ
Заповѣдя́мъ Господнимъ, и Христовымъ
(30 сент.) (XIII 1—16) Свидѣтельствомъ запечатлѣнныхъ. Тутъ
Свершилось новое видѣнье: вышелъ
Десятирогій седмиглавый звѣрь
Изъ моря; были на рогахъ короны
И богохульныя на головахъ
Стояли имена. И далъ ему
Драконъ свой тронъ, и власть свою, и силу:
И вся земля послѣдовала звѣрю
И поклонилася дракону. Звѣрь
Отверзъ свои уста на богохульство,
И всѣ живущіе, которыхъ имя,
Съ созданья міра, въ книгу жизни Агнцемъ
Не внесено, поверглись ницъ предъ нимъ.
(1 октября) Тогда другой явился, изъ земли
Изшедшій, звѣрь: подобно агнцу, онъ
Имѣлъ два рога; говорилъ, какъ чермный
Драконъ, и дѣйствовалъ передъ дракономъ
Со всею властію, какъ первый звѣрь,
Которому онъ поклоняться всѣхъ
Живущихъ и всю землю заставлялъ,
Творя предъ ними знаменья: сводя
Огонь съ небесъ и чудесами разумъ
Внимающихъ ему вводя въ обманъ,
Ликъ звѣря, исцѣлѣвшаго отъ раны
(2 октября) Смертельной, сдѣлать убѣждая. Было

Ему дано вложить въ ликъ звѣря духъ,
Чтобъ онъ и говорилъ, и возбуждалъ
Убійство противъ тѣхъ, кто поклоняться
Не будетъ лику звѣря, и онъ всѣмъ —
И малымъ, и великимъ, и богатымъ,
И нищимъ, и свободнымъ, и рабамъ —
На ихъ челѣ или рукѣ ликъ звѣря
Изобразитъ, иль имени его число
(XIV, 1—19) Напишетъ. — Новое видѣніе предстало:
Явился на горѣ Сіонѣ Агнецъ,
И были собраны къ Нему сто сорокъ
Четыре тысячи запечатлѣнныхъ
Печатію Его Отца.
И голосъ въ небѣ слышенъ былъ, подобный
Потоковъ многихъ шуму и громовъ
Великихъ голосу, и струны арфъ,
Сопровождавшихъ пѣніе, звучали:
То было пѣніе предъ горнимъ трономъ,
Предъ четырьмя животными его
И передъ старцами, — и пѣнье то
Одни, печать живаго Бога на челѣ
Носящіе, могли изъ всѣхъ людей на свѣтѣ
Живущихъ повторить. Потомъ явился
По небесамъ летящій Ангелъ; онъ
Имѣлъ въ рукѣ Евангеліе, — благо
Спасенья всѣмъ благовѣстить народамъ.
За нимъ летѣлъ другой по небу ангелъ,
Гласящій: «Палъ великій Вавилонъ,
Понеже яростнымъ виномъ разврата
Народы всѣ онъ напоилъ». — И третій
Явился ангелъ, и гласилъ онъ; «Горе
Всѣмъ поклоняющимся звѣрю, всѣмъ,
Кто начертанье имени его
Иль óбраза пріемлетъ на чело

Иль на́ руку свою! Тотъ будетъ пить
Господней ярости вино, въ Его
Сосудѣ гнѣва; тотъ низверженъ будетъ
Въ огонь и въ пламенную сѣру, будетъ
Передъ очами ангеловъ святыхъ
И передъ Агнцемъ мучимъ, и во вѣки
Ему отъ мукъ не будетъ утоленья!»
И гласъ тогда проговорилъ съ небесъ:
«Блаженны мертвые, блаженны всѣ,
Кто въ Господѣ отнынѣ умираютъ:
(3 октября) Они найдутъ отъ всѣхъ своихъ трудовъ
Успокоеніе, и ихъ дѣла
Пойдутъ за ними вслѣдъ». — И въ небесахъ
Явилось облако; на немъ въ сіяньи
Сынъ Человѣческій сидящій зрѣлся;
На головѣ златой вѣнецъ, въ рукѣ
Серпъ острый. И сказалъ Ему изшедшій
Изъ храма ангелъ: «Изготовь твой серпъ —
И жни: настало время жатвы, хлѣбъ
Созрѣлъ на нивѣ». И послалъ свой серпъ
На землю Тотъ, Кто въ небесахъ былъ видимъ
На облакѣ, — и вся земля была
Пожата. Тутъ семь ангеловъ, имѣвшихъ
(XV, 1—8) Семь язвъ послѣднихъ — ими-жъ прекратится
Господній гнѣвъ — явились въ небесахъ,
И всѣ, отвергнувшіе звѣря, ликомъ
Его и имени его числомъ
Необольщенные, стояли въ морѣ
Кристально-пламенномъ, имѣя арфы
Господнія въ своихъ рукахъ, и пѣли
Пѣснь Моисееву и Агнца пѣснь
Святую: «Чудны всѣ дѣла Твои,
Господь, и праведны Твои пути,
Царь праведныхъ! Всѣ прійдутъ поклониться

Тебѣ языки, ибо оправданья
Свои явилъ Ты». — И потомъ на небѣ
Храмъ скиніи свидѣтельства отверзся,
И ангелы, носящіе семь язвъ,
Изъ храма вышли; были имъ даны
Семь яростію Бога полныхъ чашъ.
И дымомъ храмъ наполнился отъ силы
Господней и отъ славы; и никто
Не могъ войти во храмъ, пока семи
Всѣхъ язвъ семь ангеловъ не совершили.
(4 отт.) (XVI, 1—21) И къ ангеламъ изшелъ изъ храма гласъ
Господній, говорящій имъ: «Идите
И гнѣва Божія семь чашъ излейте
На землю». Съ первой чаши гной истекъ: — и раны
Покрыли всѣхъ имѣвшихъ начертанье
Звѣриное и ликъ звѣриный чтившихъ.
Другая чаша излилася въ море:
И море стало кровью, и живое
Все стало мертвымъ въ глубинѣ его.
И третья чаша излилась на рѣки
И на источники: и стали кровью
Всѣ. Ангелъ водъ воскликнулъ: «слава,
Господь, Твоей неизреченной правдѣ:
Пролившіе святую кровь пророковъ
Достойны кровью жажду утолять».
Четвертая была излита чаша
На солнце: и людей живущихъ солнце
Великимъ зноемъ стало опалять,
И опаленные великимъ зноемъ
Произнесли хулы на имя Бога,
Пославшаго имъ казнь, и покаяньемъ
Не принесли Ему достойной славы.
И чаша пятая была излита
На тронъ звѣриный: и покрылось царство

Его глубокой тьмою; отъ страданья
Свои языки злóбясь грызли люди,
И не покаявшись хулили Бога.
Шестая чаша нá воды великой
Рѣки Евфрата пролилась: и воды
Изсякли, чтобъ царямъ съ востока путь
Былъ уготовленъ. И седьмая чаша
Была на воздухъ излита: великій
Тогда отъ храма и отъ трона голосъ
Послышался, сказавшій: «Совершилось!»
И было страшное блистанье, громы,
Землетрясенье, голосá, какихъ
Не вѣдали съ созданья на землѣ;
И на три части былъ разрушенъ градъ
Великій: помянулъ Господь великій
Градъ Вавилонъ, — и ярости своей
Виномъ его Онъ напоилъ, и далъ
Испить всю чашу гнѣва Своего.
И убѣжали острова, и горъ
Не стало, и какъ золото тяжелый
Упалъ на землю градъ, и людямъ были
Великія приключены имъ язвы,
И имя Божіе они хулили.
(XVII, 1—18) (6 окт.) И мнѣ тогда единый изъ седми
Носящихъ чаши ангеловъ сказалъ:
«Я покажу тебѣ судъ надъ великой
Блудницею, сидящею на многихъ
Водахъ; вели блудодѣянье съ нею
Цари земные, и виномъ ея разврата
Земные люди упивались». — Въ духѣ
Онъ перевелъ меня въ пустыню; тамъ
Увидѣлъ я жену на седмиглавомъ
Десятирогомъ чермномъ звѣрѣ; та жена
Сидѣла облеченная въ порфиру

Багряную, блистая жемчугами,
И золотомъ, и камнями драгими;
Въ ея рукѣ была златая чаша,
До края полная виномъ ея
Разврата; надпись на ея челѣ
Стояла: «Тайна, Вавилонъ великій,
Мать любодѣйства и земныхъ развратовъ».
И кровію она святыхъ, и кровью
Свидѣтелей Іисусовыхъ была
Упоена. И я тому дивился.
И ангелъ мнѣ сказалъ: «Чему дивишься?
Тебѣ я тайну и жены и звѣря
Открою: звѣрь, тобою зримый, былъ —
И нѣтъ его; и онъ изъ бездны выйдетъ,
Пойдетъ въ погибель, и дивиться будутъ
Всѣ на землѣ живущіе, которыхъ
Съ начала міра имя въ книгу жизни
Не вписано, увидѣвши, что звѣрь
И былъ, и не былъ, и явился. Семь
Звѣриныхъ главъ суть семь холмовъ, на нихъ же
Сидитъ развратница жена, и семь
Царей; изъ нихъ погибло пять, шестой
Ужъ есть, седьмой еще не приходилъ,
Когда жъ прійдетъ, прійдетъ онъ не надолго.
И звѣрь, который былъ и не былъ, есть
Осьмой отъ седмерыхъ, и онъ пойдетъ
Въ погибель; десять же роговъ суть десять
Царей, еще не воспріявшихъ царства,
Но обреченныхъ воспріять его,
На часъ одинъ, со звѣремъ совокупно,
Чтобъ власть свою и силу передать
Единомышленному съ ними звѣрю.
(4 ноября) И съ Агнцемъ яростно начнутъ они
Вести войну, и Агнецъ побѣдитъ ихъ,

Понеже Онъ — Владыка всѣхъ владыкъ
И Царь царей. И всѣ, кто съ Нимъ въ союзѣ,
Суть вѣрные, суть призванные Имъ
Его избранники. А вóды, гдѣ
Сидитъ развратница, суть племена,
Языки, люди и народы міра.
И роги на главѣ звѣриной злобно
Жену-развратницу возненавидятъ,
И разорятъ ее, и обнажатъ,
И, плоть ея сожравъ, ее огнемъ
Сожгутъ, понеже Богъ имъ положилъ
На сердце — волю совершить Его
И звѣрю уступить свою державу,
Пока слова Господнія не будутъ
Исполнены. А зримая тобою
Жена есть градъ великій, царь земныхъ
Царей». — Потомъ увидѣлъ я иного,
(XVIII, 1–24) Великую имѣющаго власть,
Святаго ангела, съ небесъ на землю
Сходящаго; и славою его
Вся освѣтилася земля; и сильно
Онъ громкимъ голосомъ воскликнулъ: «Палъ!
Палъ Вавилонъ, великій градъ, блудница!
Онъ сталъ пристанищемъ бѣсовъ, вертепомъ
Духовъ нечистыхъ, гнусныхъ птицъ поганымъ
Виталищемъ, понеже онъ виномъ
Развратной ярости своей народы
Всѣ упоилъ, понеже съ нимъ творили
Блудодѣянія цари земные,
И роскошью его обогатились
Купцы земные». Тутъ иной раздался
Изъ неба голосъ: «Отойди, народъ мой,
Отъ нечестивой, чтобъ не быть ея
Грѣховъ участникомъ и не погибнуть

Отъ язвъ ея, понеже до небесъ
Ея грѣхи достигли, и Господь
Неправды всѣ ея воспомянулъ.
Что сотворила вамъ, то сотворите
Ей нынѣ вы, и по дѣламъ ея
Воздайте вдвое,
И въ чашѣ, ею поднесенной вамъ,
Вина ей растворите вдвое; скорбью
И муками воздайте ей за славу
Ея и за гордыню! Величаясь,
Она въ своемъ надменномъ сердцѣ говоритъ:
«Сижу царицею; я не вдова
И горя не увижу!» — И за то
Въ единый день ее постигнутъ язвы,
И плачъ, и гладъ, и смерть, и сожжена
Огнемъ блудница будетъ, поелику
Господь, ее судящій, всемогущъ».
Тогда о ней восплачутъ, возрыдаютъ
Цари земные, съ ней блудодѣянья
Творившіе; узрѣвши дымъ ея
Пожара и смотря издалека́
На казнь ея, со страхомъ говорить
Великимъ будутъ: «Горе, Вавилонъ,
Великій городъ, городъ крѣпкій: въ часъ
Единый — судъ свершился надъ тобою!»
И всѣ о ней восплачутъ, возрыдаютъ
Купцы земные, поелику ихъ
Товаръ никѣмъ не будетъ покупаемъ;
Ужъ никому не будутъ продавать
Ни золота, ни серебра, ни перловъ,
Ни камней дорогихъ, ни ризъ пурпурныхъ,
Ни шелку, ни виссона, ни деревъ
Благоуханныхъ, ни издѣлій всякихъ
Изъ дерева, слоновой кости, мѣди,

Желѣза, мрамора и янтаря;
Не будутъ продавать уже ни пряныхъ
Кореньевъ, ни куреній, ни ливана,
Ни мурры, ни смолы благоуханной,
Ни чистаго елея, ни вина,
Ни хлѣба, ни овецъ, ни козъ, ни коней,
Ни колесницъ, ни человѣчьихъ тѣлъ
И душъ. И будутъ, плача и рыдая,
Купцы земные въ страхѣ говорить:
«Въ единый часъ погибло все твое
Богатство, градъ великій Вавилонъ!»
И издали смотря на казнь ея,
Всѣ корабельщики, всѣ по морямъ
Ходящіе на корабляхъ воскликнутъ:
«Гдѣ градъ, великому подобный граду?»
И головы они посыплютъ пепломъ,
И съ плачемъ и рыданьемъ скажутъ: «Горе
Тебѣ, великій градъ, который всѣхъ
Ходящихъ по морямъ обогатилъ
Своимъ богатствомъ: ты въ единый часъ
Былъ разоренъ — и страшно опустѣлъ!
(5 ноября) Возрадуйтесь о томъ, всѣ небеса,
Святые всѣ и всѣ пророки: судъ вашъ
Богъ совершилъ надъ нимъ!» И ангелъ взялъ
Тяжелый, жернову подобный, камень
И съ высоты — его низвергнулъ въ море,
Сказавъ: «Такъ быстро ниспровергнутъ будешь,
Градъ Вавилонъ великій! И тебя
Не станетъ болѣ; и въ тебѣ
Не будутъ слышимы ни струны лиръ,
Ни звуки флейтъ, ни голоса́ поющихъ,
Ни громъ звучащихъ трубъ, и никакого
Художества въ тебѣ уже не будетъ!
Не будетъ слышно шумной жерноповъ

Работы! Ужъ тебя не освѣтятъ
Свѣтильники, и гóлоса невѣстъ
И жениховъ въ тебѣ не будетъ слышно!
Понеже были сильными князьями
Твои купцы, понеже всѣ народы
Твоими чарами увлечены
Въ погибельное заблужденье были,
И кровь пророковъ, и святыхъ, и всѣхъ
Убитыхъ на землѣ обрѣтена
Была въ тебѣ!» И тутъ услышалъ я
(XIX, 1—21) На небѣ гласъ, какъ будто шумный говоръ
Народа многаго; и восклицалъ
Онъ: «Аллилуія! спасенье, слава,
И честь, и сила Господу! понеже
Суть истинны и праведны суды
Его: Онъ поразилъ Своимъ судомъ
Развратницу, которая всю землю
Наполнила своимъ любодѣяньемъ,
И кровь Своихъ рабовъ, ея рукою
Пролитую, на ней взыскалъ!» И снова
Раздался гласъ поющій «Аллилуія»!
И четверо держащихъ тронъ животныхъ
И съ ними всѣ въ златыхъ коронахъ двадцать
Четыре старца падши поклонились
Сидящему на тронѣ Богу, громко
Воскликнувъ «Аллилуія». Отъ трона
Изшелъ великій голосъ, говорящій:
«Хвалите Бога всѣ Его рабы,
Всѣ малые, великіе и всѣ
Боящіеся Бога!» И услышалъ
Какъ будто гласъ толпы людей великой,
Какъ будто шумъ отъ многихъ водъ,
Какъ бы гласъ грома, говорящій: «Аллилуія! —

Господь Всевышній воспріялъ державу!
Возрадуемся и возвеселимся,
И славу воздадимъ Ему, понеже
Бракъ Агнца наступилъ и ужь готова
На бракъ жена, одѣянная въ чистый
Виссонъ, — виссонъ же праведность святыхъ»,
И я услышалъ гласъ: «Блаженны всѣ
(6 ноября) Призванные на брачный Агнца пиръ!» —
И небеса отверзлись: тамъ явился
Конь бѣлый; и Сѣдокъ того коня
Именовался Истиннымъ и Вѣрнымъ,
Судящимъ и воюющимъ по правдѣ;
И очи были у Него какъ пламень,
И много діадимъ имѣлъ Онъ
На головѣ; и было имя,
Невѣдомое никому, на Немъ
Начертано, лишь Онъ единый вѣдалъ
То имя; Онъ окровавленной ризой
Былъ облеченъ; Себя именовалъ
Онъ «Слово Божіе». И вслѣдъ за Нимъ
Шло воинство небесное, на бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссонъ одѣянное бѣлый
И чистый. И изъ устъ Его мечъ острый
На казнь народовъ исходилъ; Онъ ихъ
Пасетъ жезломъ желѣзнымъ, и точило
Вина Господней ярости Онъ топчетъ.
И на бедрѣ Его и на одеждѣ
Есть начертанье: Царь царей, Владыка
Владыкъ. Тутъ ангела увидѣлъ я,
Стоящаго на солнцѣ; онъ скликалъ
Всѣхъ поднебесныхъ птицъ и говорилъ имъ:
«Слетайтеся со всѣхъ сторонъ, летите
(7 ноября) На вечерю великую Господню,

Чтобъ трупы пожирать царей, и трупы
Владыкъ, и трупы воеводъ, и трупы
Коней и всадниковъ, и трупы всѣхъ
Свободныхъ, всѣхъ рабовъ, всѣхъ малыхъ, всѣхъ
Великихъ!» Тутъ узрѣлъ я звѣря,
Царей земныхъ и всю ихъ рать,
Собравшихся, чтобы вступить въ сраженье
Съ Сидящимъ на конѣ и съ силой ратной
Его. И звѣрь былъ схваченъ, вмѣстѣ съ нимъ
И лжепророкъ, творившій чудеса,
Чтобъ увлекать къ принятью начертанья
Звѣринаго и въ поклоненье лику
Его людей. Ихъ бросили живыхъ
Въ глубь озера, пылающаго сѣрой;
Другіе жъ всѣ истреблены мечемъ,
Который исходилъ изъ устъ на бѣломъ
Конѣ Сидящаго, и птицы ихъ
(XX, 1–15) Пожрали трупы. Тутъ явился ангелъ,
Отъ бездны ключъ имѣющій въ рукѣ
И цѣпь великую: дракона, змѣя
Лѣтъ древнихъ (онъ же сатана и дьяволъ)
На тысячу сковалъ онъ лѣтъ,
И бросилъ въ бездну, и печатью заперъ
Дверь бездны, чтобъ не могъ народовъ,
Покуда тысяча не совершилась
Лѣтъ, обольщать губитель; онъ же послѣ
На малое освободиться время
Былъ предназначенъ. Тутъ увидѣлъ я
Престолы и на нихъ сидящихъ, судъ
Творить назначенныхъ; увидѣлъ души
Святыя за свидѣтельство Христа
Убитыхъ и за слово Божье, звѣрю
Не поклонившихся, ни лику звѣря,
И не принявшихъ знаменья его

Ни на чело, ни нá руку свою,
(8 ноября) И ожили, чтобъ тысячу съ Христомъ
Лѣтъ царствовать, они. Другіе жъ всѣ
Остались мертвыми, пока вполнѣ
Тысячелѣтіе не совершится.
То будетъ воскресеньемъ первымъ. Благо
Тому, кто въ первомъ воскресеньи приметъ
Участіе: надъ нимъ вторая смерть
Имѣть не будетъ власти, и — священникъ
Христа и Бога — будетъ вмѣстѣ съ Нимъ
Онъ тысячу лѣтъ царствовать. Когда же
Тысячелѣтія свершится кругъ,
Освободится сатана, и выйдетъ
Прельщать живущіе на всѣхъ концахъ
Земли народы, и начнетъ на брань
Ихъ собирать: и будетъ, какъ песокъ
Морской, число сподвижниковъ его.
И выступила рать на широту
Земли, и окружила станъ святыхъ
И градъ возлюбленный, и низлетѣлъ
Съ небесъ отъ Бога огнь и всѣхъ пожралъ ихъ;
А сатана, ихъ обольстившій, ввергнутъ
Въ глубь озера, пылающаго сѣрой,
Гдѣ вмѣстѣ съ нимъ и звѣрь, и лжепророкъ
Должны терпѣть мученія во вѣки
Вѣковъ. Потомъ великій бѣлый я
Престолъ увидѣлъ и Того, Кто былъ
На томъ престолѣ; отъ лица жъ Его
Бѣжали небо и земля, и мѣста
Имъ не нашлось. И я увидѣлъ мертвыхъ,
И малыхъ, и великихъ, передъ Богомъ
Стоящихъ; было много книгъ раскрыто,
И разогнулася животныхъ книга:
И по дѣламъ своимъ, какъ было въ книгахъ

Записано, всѣ мертвые судились.
И море возвратило мертвыхъ, бывшихъ
На днѣ его; и смерть и адъ своихъ
Всѣхъ мертвыхъ отдали; и по дѣламъ
Своимъ судимъ былъ каждый. Смерть и адъ
Въ глубь озера пылающаго были
Навѣкъ низвержены: и то была
Вторая смерть. И тотъ, кто не былъ въ книгу
Животныхъ вписанъ, навсегда низвергнутъ
Въ глубь озера пылающаго былъ.
(XXI, 1—27) И новое тогда узрѣлъ я небо
И землю новую, понеже прежнихъ
Не стало, и исчезло море. Я
Увидѣлъ градъ святый, увидѣлъ новый
Ерусалимъ, отъ Бога нисходящій
Съ небесъ, убра́нный какъ невѣста,
Идущая для брака къ жениху.
И съ неба раздался́ великій голосъ, говорящій:
«Здѣсь скинія Господняя; и въ ней
Всѣ человѣки собраны, и будетъ
Жить съ ними Богъ; Его народомъ будутъ
Они, и Онъ ихъ Богомъ будетъ. Онъ
Сотретъ съ очей ихъ всякую слезу.
И смерти болѣе, ни слезъ, ни воплей,
Ни скорби, ни болѣзни ужь не будетъ,
Понеже прежнее все миновалось».
Тогда сказалъ Сидящій на престолѣ:
«Все новое творю Я, — совершилось!
Я вѣчный Богъ, Я Альфа и Омега,
Начало и конецъ. Я отъ воды
Живой дамъ жаждущему выпить туне.
И все наслѣдуетъ — кто побѣждаетъ,
И буду Богъ ему, и будетъ онъ Мнѣ сыномъ!
А всѣ отступники живаго Бога

Въ глубь озера пылающаго будутъ
Навѣкъ низвержены: и будетъ то
(10 ноября) Вторая смерть». Тогда ко мнѣ единый
Изъ ангеловъ, принесшихъ съ неба семь
Послѣднихъ въ чашахъ язвъ, пришедъ сказалъ
«Иди со мной: тебѣ невѣсту Агнца
Я покажу». И въ духѣ онъ восхитилъ
Меня на высоту горы великой
И показалъ великій городъ мнѣ —
Святой Ерусалимъ, отъ Бога съ неба
Сходящій, Божію имѣвшій славу,
Блистающій, какъ камень драгоцѣнный —
Кристалловидный яспись. Обнесенъ
Былъ градъ высокою стѣной; двѣнадцать
Въ ней было вратъ; и на вратахъ стояло
Двѣнадцать ангеловъ; и имена
Двѣнадцати израильскихъ колѣнъ
На нихъ начертанныя зрѣлись; было трое
Вратъ на востокъ, на западъ трое, трое
На полдень, и на полночь трое. Твердыхъ
Двѣнадцать основаній стѣны града
Имѣютъ, и написаны на нихъ
Всѣ имена двѣнадцати Христовыхъ
Апостоловъ. И ангелъ, говорившій
Со мной, имѣлъ для измѣренья града
И стѣнъ и вратъ его златую трость.
Былъ градъ о четырехъ углахъ; длиной
И шириной былъ равенъ. И измѣривъ
Его своей златою тростью, ангелъ
Нашелъ, что все его пространство было
(12 ноября) Двѣнадцать тысячъ стадій, и что онъ
Въ длину, и въ широту, и въ высоту
Былъ равенъ, и что стѣны града были,
По мѣрѣ человѣческой, въ сто сорокъ

Четыре локтя. Стѣны жъ града были
Изъ ясписа; самъ городъ былъ построенъ
Изъ золота, чистѣйшему стеклу
Подобнаго; а основанье стѣнъ
Изъ свѣтлыхъ драгоцѣнныхъ камней было:
Изъ ясписа, сапфира, халкидона,
Сардоникса, смарагда, хрисопраса,
Вирилла, хризолиѳа, гіацинта,
Топаза, сарда, аметиста. Были
Двѣнадцать вратъ воздвигнуты изъ цѣльныхъ
Жемчужинъ каждыя; помосты улицъ
Изъ золота, какъ чистое сіяли
Стекло. Но храма въ немъ я не видалъ:
Его былъ храмомъ Вседержитель Богъ
И Агнецъ. Граду солнце и луна
Для свѣтлости не нужны были: слава
Господняя ему сіяла, Агнецъ
Его свѣтильникъ былъ; и всѣ народы
Спасенные ходить во свѣтѣ будутъ
Его; и принесутъ въ него цари
Земные честь свою и славу; днемъ
Его врата не затворятся, ночи жъ
Не будетъ тамъ. Въ него народовъ честь
И слава принесется. Не войдетъ лишь
Въ него ничто нечистое, никто,
Нечестіемъ и ложью оскверненный;
Войдутъ лишь тѣ, которыхъ имена
Записаны у Агнца въ книгу жизни. —
(XXII, 1–16) И рѣку чистую воды живой
Тутъ ангелъ показалъ мнѣ: свѣтлымъ
Она кристалломъ отъ престола Божья
И Агнцева текла; на берегу
Ея потока древо жизни, плодъ свой
Двѣнадцать разъ дающее, росло

И листъ давало свой на исцѣленье
Народовъ. «И ужъ болѣ ничего
Проклятаго не будетъ; тронъ Господній
И Агнцевъ будетъ въ немъ; и будутъ Богу
Служить Его рабы; они увидятъ
Его лицо, и будетъ на челѣ ихъ имя
Его начертано. И ночи тамъ
Не будетъ; ни свѣтильника, ни солнца
Не будетъ нужно, поелику самъ Господь
Ихъ свѣтомъ будетъ, и они во вѣки
Вѣковъ тамъ будутъ царствовать со славой».
Такъ ангелъ говорилъ; и пасть на землю
Предъ нимъ хотѣлъ я. «Воздержись» — сказалъ онъ —
«Отъ поклоненья: твой я и всѣхъ братій
Твоихъ, пророковъ, сослужитель, всѣхъ,
Кто каждое написанное чтитъ
Въ сей книгѣ слово. Богу поклоняйся!
(13 ноября) Не запечатывай (потомъ сказалъ онъ)
Пророческихъ сей книги словъ, понеже
Подходитъ время. Пусть еще творитъ
Неправедный неправду; пусть еще
Себя нечистый оскверняетъ; правду
Пусть продолжаетъ праведникъ творить;
Пусть освящается святый! Прійду
Я скоро, и со Мной мое возмездье,
И каждый по дѣламъ своимъ тогда
Получитъ мзду. Я Альфа и Омега,
Начало и конецъ, и первый и
Послѣдній». Благо тѣмъ, кто соблюдаетъ
Его законъ, дабы отъ древа жизни
Вкусить и въ градъ святый войти вратами.
Но не войдутъ туда ни чародѣи,
Ни слуги идоловъ, ни любодѣйства
Рабы, ни оскверненные убійствомъ,

Ни любящіе ложь. И Онъ, Христосъ,
Ко всѣмъ церквамъ съ свидѣтельствомъ Своимъ
828 Пославшій ангела»...

Нѣсколько объяснительныхъ примѣчаній.

На этомъ рукопись прерывается... Въ настоящемъ своемъ трудѣ Жуковскій внимательно отнесся къ новозавѣтному «Апокалипсису» и строго слѣдовалъ ходу его разсказа; но онъ взялъ изъ него только рядъ образовъ и опустилъ многія назиданія и обличенія. Пересказъ начинается съ первой же главы (со стиха 10-го); вторая и третья глава опущены; затѣмъ разсказъ идетъ непрерывно, съ нѣкоторыми сокращеніями, и обрывается на послѣдней главѣ, на 16-мъ стихѣ текста; только шести стиховъ не довелъ поэтъ до конца.

Не докончивъ своего труда, Жуковскій не успѣлъ и отдѣлать его, хотя и приступалъ къ этому: въ началѣ пьесы видны его собственноручныя поправки, которыя обрываются на 214-мъ стихѣ. По той же причинѣ стихи здѣсь далеко не одинаковаго размѣра; значительное большинство изъ нихъ — пятистопные, но есть и четырехстопные, и шестистопные, и даже два *семистопныхъ* стиха.

Вся рукопись написана рукою переписчика, вовсе незнакомаго съ фактурою стиха, не совсѣмъ грамотнаго; знаки препинанія встрѣчаются рѣдко и неправильно.

Переписывая такую рукопись для печати, мы позволили себѣ слѣдующія измѣненія:

Въ стихахъ 48, 148, 292, 365, 373, 386 (по рукописи поэта 906, 1005, 1149, 1222, 1230, 1243) мы отбросили союзы «*и*», какъ лишніе въ мѣрномъ ходѣ рѣчи. Но пусть читатель судитъ самъ, — вотъ эти стихи:

48 (906) Ихъ повторили, съ ними жъ пѣло *и* все созданье...
148 (1005) Часть дня была безъ свѣта, *и* третья...
292 (1149) Напишетъ. *И* новое видѣніе предстало...
365 (1222) На землю. *И* съ первой чаши гной истекъ, — и раны...

373 (1230) Всѣ, *и* ангелъ водъ воскликнулъ: слава...
386 (1243) Его глубокой тьмою *и* отъ страданья...

Въ стихахъ 132 (989), 141 (998), вмѣсто «труб*ою*» мы поставили «труб*ой*».

Въ стихѣ 158 (1015) поставили «помрачилося» вм. помрачилось.

Стихъ 299 (1156) прежде былъ: «Великихъ *гласу*» и струны арфъ»; для стиха мы поставили: «*голосу*».

Въ стихѣ 308 (1165): «Имѣлъ въ рукѣ Евангел*іе*, чтобъ благо» — оказалось неизбѣжнымъ, для стиха, опустить слово «чтобъ».

Въ стихахъ 352 (1209) и 366 (1223):

«Тебѣ языки, ибо оправдан*ія*»...
«Покрыли всѣхъ имѣвшихъ начертан*іе*»...

мы поставили: «оправданья», «начертанье», какъ того требуетъ размѣръ стиха.

Стихъ 398 (1255) у насъ явился измѣненнымъ: — прежде былъ *семистопный* съ дактилическимъ окончаніемъ, котораго поэтъ ни разу не употребилъ въ своей поэмѣ:

«Съ созданья человѣки на землѣ не вѣдали».

Мы сдѣлали изъ него пятистопный.

Стихи 493 и 494 составляли прежде одну строку (1350), въ которой было $7^1/_2$ стопъ и притомъ не составлявшихъ стиха.

«Воздайте вдвое, и въ чашѣ ею поднесенной вамъ»;

мы ее разбили на два правильныхъ стиха, при чемъ одинъ неизбѣжно явился двустопнымъ.

Въ стихѣ 520 (1376) вмѣсто дикаго слова «издѣленій» мы поставили «издѣлій».

Стихи 550 и 551 (1406 и 1407) были первоначально въ такомъ видѣ:

«Не станетъ болѣ, и въ тебѣ не будутъ
Слышимы ни струны лиръ»;

Очевидно, что вторая строка являлась *хореемъ*; мы перенесли изъ предыдущей строки слова «не будутъ» и образовался ямбъ пятистопный: «Не будутъ слышимы ни струны лиръ»...

— Въ стихѣ 565 (1421) прибавленъ нами союзъ «*и*»: (И тутъ...).

— Въ стихѣ 586 (1442) прежде было:

«Какъ бы гласъ толпы людей великой»

для стиха оказалось нужнымъ сказать: «Какъ будто гласъ... и т. д.

— Напротивъ того, въ стихѣ 588 (1444):

«Какъ будто гласъ грома, говорящій: Аллилуія»,

надо было вмѣсто «Какъ будто» поставить: «Какъ бы гласъ грома»... и т. д.

— Стихи 602 и 603 (1458—1459) читались:

«И много діадимъ на головѣ
Имѣлъ онъ, и было имя»...

такъ какъ послѣдняя строка вовсе не представляла стиха, то нужно было допустить перестановку:

«И много діадимъ имѣлъ онъ
На головѣ, и было имя...

— Стихъ 676 (1532) не былъ стихомъ:

«Съ небесъ отъ Бога *огонь* и всѣхъ пожралъ ихъ»

необходимо явилось сократить «огонь» на «огнь».

— Стихъ 707 (1563) читается въ рукописи:

«И раздался великій гласъ съ небесъ, говорящій»

Тутъ нѣтъ стиха и семь стопъ; нужно было хоть стихъ образовать:

И съ неба раздался великій голосъ, говорящій».

— Въ стихѣ 708 (1564) вмѣсто Господня мы для стиха сказали: Господняя.

— Стихи 722—723 (1578—1579) не были правильными стихами:

«И буду Богъ ему и будетъ онъ
Мнѣ сыномъ. А всѣ отступники живаго Бога»...

Для исправленія втораго стиха, надо было сдѣлать небольшую перестановку:

И буду Богъ ему и будетъ онъ Мнѣ сыномъ.
А всѣ отступники живаго Бога...

— Въ стихахъ 730 и 732 (1586, 1588)

...И въ духѣ онъ восхитит*въ*...

Тамъ показалъ...

допущены нами измѣненія: восхити*лъ*... *и* показалъ, согласно тексту священной книги (XXI, 10).

— Въ стихѣ 738 (1594 вм. «Въ *нихъ*» мы поставили «въ *ней*», потому что рѣчь идетъ о стѣнѣ.

— Стихъ 789 (1645) не представлялъ собою стиха:

«И Агнцева текла; *на брегу*».

Очевидно, что надо было поставить: «*на берегу*».

Въ пунктуаціи своей мы соображались съ русскимъ синодальнымъ переводомъ Апокалипсиса.

Четырехстопные стихи въ отрывкѣ слѣдующіе: 8, 14, 25, 93, 121, 159, 166, 189, 235, 249, 296, 373, 587, 602, 603, 626, 627, 643, 645, 705 и 787 (всего 21 стихъ).

Шестистопные стихи: 48, 173, 210, 243, 291, 292, 304, 305, 365, 414, 418, 498, 576, 741, 797 и 800 (всего 16 стиховъ).

Вслѣдъ за «Апокалипсисомъ», въ рукописи Жуковскаго, идутъ два варіанта его. Свой «Апокалипсисъ» Жуковскій впослѣдствіи значительно сократилъ: изъ 828 стиховъ сдѣлалъ только 114, но и это нашелъ длиннымъ и отложилъ его. Для нагляднаго представленія, какъ поэтъ сжималъ свой разсказъ, мы приведемъ этотъ новый отрывокъ. Онъ былъ уже напечатанъ въ 6-мъ и 7-мъ изданіяхъ «Сочиненій Жуковскаго», но съ ошибками и пропусками, подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Видѣніе Іоанна Богослова». Въ рукописи онъ не имѣетъ никакого заглавія и даже не зачеркнутъ, а только обведенъ красною чертою слѣва. Передъ нимъ встрѣчаемъ опять *новый* варіантъ такого же содержанія, необработанный, недоконченный и *зачеркнутый*, изъ котораго однако необходимо взять $3^1/_2$ начальныхъ стиха для связи разсказа. Приводимый нами отрывокъ находится въ поэмѣ послѣ стиха:

«Судьбы грядущія» — (см. выше, стр. 37, стихъ 914).

Пожрать ея младенца порывался;
Какъ былъ младенецъ взятъ на небеса,
Жена жъ въ пустыню скрылась отъ дракона;
Какъ началась война на небесахъ,
Какъ Михаилъ архангелъ побѣдилъ
Дракона-змія, древняго врага.
И новое видѣнье мнѣ предстало:
Увидѣлъ я, какъ изъ морской пучины
Поднялся седмиглавый звѣрь, какъ власть
Свою драконъ далъ звѣрю, какъ предъ нимъ
Невписанные въ книгу жизни Агнцемъ
(2 декабря) Простерлись всѣ. И въ небесахъ узрѣлъ
Я Человѣческаго Сына съ острымъ
Серпомъ; узрѣлъ, какъ жатва совершилась
Всемірная; какъ ангелы, семь чашъ
Несущіе, послѣднія излили
На землю язвы, и изъ неба голосъ
Изшедшій произнесъ: «свершилось все!»
И какъ потомъ явился свѣтлый ангелъ,
Сказавшій: «палъ великій Вавилонъ!»
(7 февр. 1852 г.) Какъ небеса хвалебное воспѣли,
При гласѣ ономъ, Аллилуіа;
Какъ въ небесахъ явился чудный Всадникъ,
На бѣломъ скачущій конѣ, во многихъ
Коронахъ, съ именемъ неизреченнымъ,
Ему лишь вѣдомымъ; а Самъ Себя
Онъ «Словомъ Божіимъ» именовалъ.
И видѣлъ я, какъ вслѣдъ за Нимъ, на бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссонъ одѣянное чистый
Шло воинство, и какъ изъ устъ Его
На казнь людей мечъ острый исходилъ.
Увидѣлъ я, какъ на Него поднялся
Съ своею силой звѣрь; какъ схваченъ былъ
И звѣрь, и лжепророкъ его, людей

Ему въ служенье увлекавшій; какъ
Въ глубь озера пылающаго ихъ
Низвергли; острый мечъ же, исходившій
Изъ устъ Вождя, всю рать ихъ истребилъ;
Какъ послѣ — змія, древняго дракона,
Могучій ангелъ, цѣпью оковавъ,
Во глубину неисходимой бездны
На тысячу низвергнулъ лѣтъ и заперъ
Печатью бездну, чтобъ не могъ губитель
Прельщать людей, пока не совершится
Тысячелѣтіе.
И видѣлъ я великій бѣлый тронъ,
И отъ лица Сидѣвшаго на тронѣ
Бѣжали небо и земля, и мѣста
Имъ не нашлось нигдѣ; и видѣлъ я,
Какъ глубина земли и móря мертвыхъ
Всѣхъ возвращала; какъ съ живыми вмѣстѣ
Они стекались къ трону; какъ предъ ними
Раскрылася на судъ послѣдній книга
Животныхъ; какъ былъ страшный вѣчный судъ
Произнесенъ; какъ смерть и адъ на вѣки
Въ глубь озера пылающаго были
Низвержены, и какъ потомъ явились
Другое небо и земля, и новый
Съ небесъ сошелъ Ерусалимъ, святой
Градъ Божій, свѣтлый какъ невѣста.

Впослѣдствіи и изъ этихъ 114 стиховъ поэтъ сдѣлалъ только 60, которые наконецъ и включилъ въ свою поэму (см. выше, стр. 38—40, стихи 934—993).

Стихи здѣсь 99-й и 100-й въ рукописи составляютъ *одну* строчку; но такъ какъ въ этомъ видѣ они образуютъ *восьмистопный* стихъ, то мы позволили себѣ разбить его на два стиха.

Другіе пропущенные стихи и варіанты въ поэмѣ.

«Намъ не мѣшаетъ подбирать
то, что бросаетъ Жуковскій».
Пушкинъ.

Въ рукописи Жуковскаго «Странствующій Жидъ» встрѣчаемъ не мало стиховъ, не вошедшихъ въ его произведеніе; одни изъ нихъ зачеркнуты поэтомъ и замѣнены другими; нѣкоторые отброшены безъ всякой замѣны; третьи наконецъ опущены не имъ, а первыми издателями его поэмы. Мы приводимъ здѣсь всѣ подобные стихи, интересные для уясненія личности Жуковскаго, какъ художника, и размѣщаемъ ихъ по ходу поэмы, обозначая цифрами, куда какіе изъ нихъ относятся[1]).

Въ самомъ началѣ поэмы встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

8 «Переступивъ, подъ ношею Его давившей,
Какъ плотоядный звѣрь свою добычу,
Имъ схваченную, давитъ, падалъ снова».

Стихи эти вовсе не зачеркнуты поэтомъ; они опущены, вѣроятно, Плетневымъ, графомъ Блудовымъ и доселѣ не появлялись ни въ одномъ печатномъ изданіи. Такъ-какъ они видимо ослабляютъ впечатлѣніе разсказа, то и мы не вносимъ ихъ въ текстъ, сохраняя ихъ только здѣсь для памяти.

— Послѣ 408 стиха былъ еще стихъ (зачеркнутый карандашомъ):

«Всѣ бѣдствія въ одну бѣду слилися:»

Не хотѣлъ ли поэтъ его передѣлать, да забылъ? Въ текстѣ поэмы онъ былъ бы нелишнимъ.

— Послѣ 536 стиха въ рукописи былъ еще стихъ: «Не буду я описывать всего», но поэтъ его весьма основательно зачеркнулъ.

---

[1]) Нумерацію мы разумѣемъ въ настоящей печатной редакціи.

— 549 стихъ читался такъ:

«Меня родившую утробу, *ей,*
На свѣтъ меня пустившей. А когда я».

Подчеркнутыя слова выброшены поэтомъ.

— Послѣ 581 стиха въ рукописи были стихи, написанные рукою самого поэта (черниломъ):

«Я шелъ впередъ, безъ воли, безъ предмета,
И безъ надежды, гдѣ остановиться
Или куда дойти — я не имѣлъ
Товарищей; со мною братства люди
Чуждались; я отъ нихъ гостепріимства
И не встрѣчалъ и не просилъ; какъ нищій...

Но эти 6 стиховъ дважды перечеркнуты карандашомъ; ихъ замѣнилъ поэтъ однимъ стихомъ, его же рукою написаннымъ сверху тѣхъ:

«Между людьми, какъ нищій безпріютный»...

Въ печатныхъ изданіяхъ однако явились зачеркнутые шесть стиховъ, а вовсе нѣтъ послѣдняго. Опущенные стихи дѣйствительно прекрасны; но если поэтъ нашелъ, что они растягиваютъ рѣчь, и замѣнилъ ихъ однимъ стихомъ, надо послушаться его. Вотъ почему мы не ввели ихъ въ текстъ, а сохраняемъ только въ приложеніяхъ. Правда, въ нумераціи поэмы они считаются; но мы потомъ увидимъ, что въ ней считаются и многіе другіе стихи, отброшенные поэтомъ и непринятые издателями его. И наоборотъ, въ нее не вошли многіе стихи, существующіе въ рукописи.

— Послѣ 796 стиха, въ рукописи стоятъ стихи:

«Хотя еще къ моей груди усталой,
По прежнему, во мракѣ ночи сонъ
Не прикасался; но уже во тьмѣ
Не ужасы минувшаго, какъ злыя
Страшилища, передо мной стояли,
Въ меня вонзая рѣжущіе душу
Глаза, а что-то тихое, мнѣ...

Но эти семь стиховъ перечеркнуты черниломъ двумя чертами, обведены съ трехъ сторонъ чертами и видимо исключены поэтомъ. Всѣ прежнія изданія однако ихъ вводятъ въ текстъ, вѣроятно на томъ основаніи, что нумерація включаетъ ихъ въ составъ поэмы. Но дѣло нумераціи могло быть произведено собственными силами писца, безъ всякаго надзора полуослѣпшаго поэта. Мы думаемъ, что вносить эти стихи въ текстъ не слѣдуетъ: характеръ содержанія ихъ, какая-то жесткость воспоминаній не гармонируютъ съ предыдущими стихами, и мы ихъ опускаемъ. И безъ нихъ смыслъ сохраняется очень легко, если допустить незначительное измѣненіе. Послѣ ихъ слѣдуютъ стихи 797 — и т. д., въ которыхъ читаемъ: «Еще не откровенн*ое*... влива*лося*... и усмиря*ло*»; мы эти слова грамматически согласовали съ существительнымъ 796-го стиха «отрада»: еще не откровенн*ая*.... влива*лася* и усмиря*ла*. Очевидно, что эту поправку поэтъ забылъ или не успѣлъ сдѣлать. Предлагаемъ все это какъ свое мнѣніе, какъ догадку; люди болѣе сильные да установятъ окончательный текстъ. Поправку: «еще неоткровенн*ая*» подтверждаетъ отчасти и 7-е изданіе, пользовавшееся спискомъ г. Бартенева (т. V, стр. 544).

— Послѣ 1127 стиха прежде читалось такъ:

(прошелъ)
«Съ благословеніемъ — оно невнятно
Для слуха было, но глубоко слышно
Душѣ и усладительно, какъ въ знойныхъ
Пескахъ внезапное подуновенье
Прохлады путнику, неисходимо
Пропавшему въ ихъ огненныхъ сугробахъ»...

Но эти стихи перечеркнуты крестомъ. Замѣчательно, что они тоже *входятъ* въ общій счетъ стиховъ поэмы, однако прежнія изданія ихъ *не* взяли; зачѣмъ же прежде они дважды нарушали указаніе поэта, а теперь исполнили его? Не лучше ли держаться одного чего-нибудь? Не лучше ли послѣдовать эстетическому чувству поэта, исполнить волю *автора*?

— Вслѣдъ за 1167 стихомъ написаны были слѣдующіе стихи:

«Здѣсь надо мной произнесенной казни
Ту благодать вполнѣ постигнулъ я.
О, Онъ въ тотъ мигъ......»

и такъ далѣе 14 стиховъ, именно тѣхъ самыхъ, которые потомъ вошли въ текстъ въ другомъ мѣстѣ (ст. 1276—1289) и потому они здѣсь зачеркнуты поэтомъ.

— Послѣ 1169 стиха былъ еще цѣлый рядъ стиховъ, неотдѣланныхъ, переправляемыхъ, изъ которыхъ можно разобрать вотъ что (беремъ то, что укладывается въ стихъ):

«Тамъ, окруженный разрушеньемъ страшнымъ
Всего, что нѣкогда я называлъ
Своимъ — отечества, Ерусалима,
Дѣтей, и ближнихъ, и всего, чѣмъ жизнь
Намъ радостна, — лишенный упованья
На смерть, отъ тяжкаго недуга жизни
Цѣлящую, — какъ выброшенный бурей
На твердую скалу пловецъ — я поглядѣлъ
Съ смиреніемъ въ глаза моей судьбы:
Мнѣ предстоялъ величественный ангелъ,
Исполненный святого состраданья
(Варіантъ: Она Господній строгій ангелъ, полный
Божественнаго состраданья);
Она мой путь мнѣ указала,
На вѣчное здѣсь странствованье посохъ
Терпѣнья подала, и я за нею
Пошелъ въ мой путь»...

Стихи прекрасные, но изъ хода поэмы они исключены поэтомъ. Вмѣстѣ со стихами 1168—1169 они были написаны 2-го марта, а за исключеніемъ ихъ, для 2-го марта остались только два стиха.

— Послѣ 1172 стиха были еще слѣдующіе, зачеркнутые поэтомъ, прекрасные стихи:

«На мѣстѣ томъ, гдѣ издыхалъ разбойникъ
Въ мученіяхъ креста, я повторилъ
Его молитву и пошелъ съ Голгоѳы».

— Вслѣдъ за 1190 стихомъ читаются слѣдующіе стихи, также зачеркнутые:

«Въ тотъ мигъ, когда къ вершинѣ Элеонской
Горы пришелъ я, солнце встало на востокѣ.
И съ этой высоты, съ которой, все
Земное совершивъ, Онъ отъ земли
Вознесся и въ святомъ святыхъ небесъ
Сокрылся — вся судьба людей въ единомъ
Мнѣ образѣ предстала:
Ерусалимъ въ обломкахъ межъ Голгоѳы
И свѣтлою горою Элеонской»...

Это собственно набросокъ того, что слѣдуетъ дальше въ текстѣ.

— За 1203 стихомъ слѣдуютъ зачеркнутые и перечеркнутые стихи:

«Такимъ прообразительнымъ видѣньемъ
Былъ взоръ мой пораженъ; моя судьбина
Вся выразилась въ немъ и съ нею вся
Судьбина падшаго и искупленьемъ
Возстановляемаго міра. Я»...

— Послѣ 1222 стиха, за словомъ «странствую» стояло:

...................одинъ,
Людьми незнаемый, въ сердца ихъ страхъ,
Иль отвращеніе, или презрѣнье
Вселяющій...

они въ текстѣ явятся очень скоро, нѣсколько измѣненные.

— Варіанты отъ стиха 1309-го:

...................но вѣрѣ дверь
Моей души не отворяла воля,
И я, проклятый Богомъ нечестивецъ,
Самъ проклиналъ и бѣшенствовалъ, жизнь
Неистребимую безумно силясь
Въ противность Вышней Воли истребить».

— Послѣ 1315 стиха было еще:

«. . . вѣра
Внезапный свѣтъ въ мою вліяла душу».

— Послѣ 1320 стиха, вмѣсто теперешняго 1321-го, прежде было нѣсколько стиховъ:

«Вдвоемъ идя безплодною землею
Дорогой, былъ я несказаннымъ чувствомъ
Уединенія въ великой съ Богомъ,
Невидимо присутственнымъ, бесѣдѣ полонъ.

— Къ 1391 стиху примыкали прежде слѣдующіе стихи, зачеркнутые поэтомъ:

«И съ тѣхъ поръ,
Какъ этотъ миръ любви въ меня проникнулъ,
Моя судьба утратила свой ужасъ,
И изгнанный оттуда, гдѣ князь міра
Владычествуетъ, я невластенъ и желать
Благъ міра; я на жизнь людей смотрю
Съ недостижимой высоты, съ которой
Она видна мнѣ вся, какъ съ Арарата
Былъ виденъ весь послѣпотопный новый
Собравшійся кругомъ его подошвы
Родъ человѣческій; однимъ ее
Объемлю взоромъ я, всѣхъ чуждый
Ея волненій, благъ и бѣдствій, сердцемъ
Ихъ раздѣляющій, но одинокой
Моей судьбой имъ непричастный»...

— Послѣ 1423 стиха зачеркнуты два стиха:

. . . . . . (когда)
Могучій юноша, вступить готовый
Въ бой съ жизнію, бездыханный лежитъ»...

— Къ стиху 1437 присоединялись прежде стихи:

. . . . (сохранившимъ.) Ропотъ
Однако чуждъ мнѣ, я постигъ вполнѣ
Величіе меня сразившей казни.

И вслѣдъ за этими стихами шли 1469 и т. д. Все между ними — отъ стиха 1438 до 1469-го — позднѣйшая вставка.

— Стихъ 1485 прежде продолжался такъ:

Себя — и привязалъ
Меня къ Себѣ раскаянья силой
Неразрушимою; за Нимъ во слѣдъ...

— За 1490 стихомъ слѣдовало:

И если я, забывшись иногда,
Вздохну усталый о покоѣ смерти,
Я чувствую, что руку мнѣ Его
Рука спасительная жметъ, и близость
Его моей душѣ тогда слышнѣе.

Прекрасные стихи, о которыхъ пожалѣешь, что выпущены изъ текста.

Вотъ всѣ важнѣйшіе пропуски и варіанты въ поэмѣ Жуковскаго, которые мы сочли нужнымъ спасти отъ забвенія, слѣдуя завѣту Пушкина. Внимательному читателю они не мало скажутъ о процессѣ созданій Жуковскаго, о строгости его къ самому себѣ, о чуткости его критическаго вкуса и проч.

Примѣчанія къ тексту поэмы въ настоящемъ изданіи.

— 19-й стихъ. Въ рукописи: «грустный», а не «скорбный», какъ въ печати доселѣ.

— Въ сентябрѣ 1851 года, въ письмѣ къ Плетневу, Жуковскій писалъ о своей поэмѣ, между прочимъ, вотъ что: «Что напишу съ *закрытыми* глазами, то мнѣ читаетъ вслухъ мой камердинеръ и поправляетъ по моему указанію. *Въ связи же читать не могу безъ него.* Такимъ образомъ лѣплю поэтическую мозаику, и самъ еще не знаю, каково то, что до сихъ поръ слѣплено ощупью»... Для насъ весьма важны слова поэта, подчеркнутыя нами, важны въ томъ смыслѣ, что самъ онъ не могъ ясно видѣть, какъ именно начинается и оканчивается каждый стихъ; иначе онъ въ одно мгновенье увидѣлъ бы, что стихи, стоящіе въ рукописи:

35 «Буквóй въ мозгъ его былъ вдавленъ, тамъ»...

и 37 «Уху́, но страшно слышенъ въ глубинѣ души», — вовсе не стихи. Это очевидно каждому, знакомому съ механизмомъ стиха. Для правильной формы стиховъ, мы позволили себѣ перестановку по *одному* слову изъ строки въ строку, какъ увидятъ читатели въ текстѣ нашей редакціи (стихи 34—37).

— Въ 42-мъ стихѣ мы вставили въ скобкахъ слово «всѣ», такъ какъ безъ него стиха не выходитъ.

— Стихъ 43-й въ рукописи подчеркнутъ карандашомъ; вѣроятно, поэтъ хотѣлъ его передѣлать.

— Въ стихѣ 67-мъ мы выбросили союзъ «и» передъ словомъ «вотъ», какъ нарушающій стихъ; въ этомъ случаѣ мы послѣдовали гр. Блудову и Плетневу.

— Стихи 68—70, 102, 119, 133, 134, 141, 143, 159, 173, 174, 192, 228, 236, 245, 370—372, 485, 491, 620—

628, 1078, 1121, 1267, 1429—1433, 1523, 1536, 1583 отчеркнуты поэтомъ, съ знакомъ креста, какъ требовавшіе, можетъ быть, исправленія. Въ стихѣ 70 мы поставили «невозмутима», вмѣсто «невыразима», для избѣжанія плеоназма: «невыразима неизглаголанная»; такъ поступили и гр. Блудовъ съ Плетневымъ.

— Въ 76 стихѣ рукописное «горою» замѣнили мы «горой», какъ и всѣ прежнія изданія.

— Въ 79 стихѣ вмѣсто «тоскою» надо было поставить «тоской».

— Въ 85 стихѣ выброшенъ предъ словомъ «невдали» союзъ: «и», какъ лишній.

— Стихъ 98 въ рукописи первоначально начинался словомъ «Воды́», потомъ сдѣлана подчистка и явилось «Водъ», и такимъ образомъ стихъ ямбическій превратился въ хореическій; вѣроятно, писецъ забылъ прибавить эпитетъ, сказанный ему поэтомъ (въ родѣ: «далекихъ водъ», или иначе). Мы возстановили прежнюю редакцію, какъ сохраняющую стихъ. Простое слово «вода» встрѣчается и въ слѣдующемъ стихѣ.

— 144. Въ рукописи: «влажно» — очевидная ошибка.

— 152. Вопреки печатнымъ изданіямъ, въ рукописи: неумолкный.

— 155. Слово «Величества» поэтомъ подчеркнуто карандашомъ; можетъ быть, онъ хотѣлъ замѣнить его другимъ словомъ, напр. «властители».

— 158. Въ рукописи стояло: «*съ* бездны моря», потомъ кѣмъ-то поправлено: «*отъ* бездны моря»; но въ послѣднемъ случаѣ стиха не будетъ; мы сохраняемъ прежнюю редакцію; ошибки филологической въ ней не видимъ.

— 168 и 169 стихи въ рукописи — неравной мѣры: четырехстопный и семистопный:

«На сердце палъ ему, — весь ужасъ
Его судьбы, какъ голова смертельная Горгоны»,

и послѣдній стихъ отмѣченъ у поэта крестомъ, несомнѣнно какъ

требующій исправленія. Мы перенесли изъ второго стиха слово «его» въ предыдущую строку и составили прибавкою и перестановкою оба стиха шестистопными.

— 175. Въ рукописи стояло «И всю ему проникло душу отвращенье — шестистопный стихъ безъ цезуры; перестановкою словъ достигается бо́льшая правильность стиха.

— 190 стихъ въ рукописи читается: «Сказалъ: куда, Наполеонъ! При этомъ зовѣ»... Но слово *«куда»* прибавлено *сверху* строки; намъ кажется, что оно лишнее: во 1-хъ, вслѣдствіе его является неправильный 6-ти-стопный стихъ, а во 2-хъ, слова́ «куда, Наполеонъ» не будутъ «зовомъ», а вопросомъ, и одно слово «Наполеонъ» является сильнѣе; въ самомъ тонѣ, которымъ оно сказано, заключаются и зовъ, и предостереженіе. Въ стихѣ 228 прямо говорится: тебя *не назвалъ*; а для названья, довольно одного слова «Наполеонъ».

— При ст. 216-мъ рукой Плетнева написано: *«конецъ 12-й страницы въ печатномъ»*; что́ означаютъ слова эти — не понимаемъ. Въ изданіи «Агасвера», вышедшемъ подъ редакціей Плетнева (1857) видимъ слѣдующій стихъ измѣненнымъ въ печати, вмѣсто стиха Жуковскаго «Казались вылитыми; лобъ», тамъ читаемъ: «Казались вылиты; чело его»...

— 241. Въ рук. «И въ смерти жизни»... Мы это считаемъ ошибкой писца — не видимъ здѣсь яснаго смысла, — и принимаемъ редакцію гр. Блудова и Плетнева, которой смыслъ: «Лишенный смерти и вмѣстѣ съ лишеніемъ смерти лишенный общечеловѣческой жизни».

— 255. Въ рук. ошибка: «передо мною».

— 261. Рукою поэта ясно надписано «пиршествѣ»; прежде было: «За этой тра́пезой созданій», но слово «трапезой» не зачеркнуто, и потому попало въ печатныя изданія. Далѣе, въ слѣдующемъ стихѣ, повторяется слово «трапе́зы», и поэтъ, вѣроятно, для того, чтобы избѣгнуть повторенія одного и того же слова съ *двоякимъ* удареніемъ на немъ, хотѣлъ опустить его въ одномъ стихѣ.

— 278. Въ рук. именно дважды: «Нѣтъ! о нѣтъ!» Въ печати — разъ.

— 292. Въ рук. по ошибкѣ нѣтъ союза «*и*» предъ словомъ «что», и стиха не выходитъ.

— 298. Въ рук. «Удара громоваго... дни несќазанной»: это очевидная ошибка: во 1-хъ, здѣсь стиха нѣтъ, во 2-хъ, строка кончается дактилемъ, чего *ни разу* не встрѣчается въ цѣлой поэмѣ; въ 3-хъ, слово «несказáнный», въ смыслѣ «невыразимый», всегда имѣетъ удареніе на *третьемъ* слогѣ: несказáнной: сравни здѣсь же стихи 128, 454, 573, 1285, 1344, 1401, — вездѣ на третьемъ слогѣ. Безъ сомнѣнія, писецъ здѣсь пропустилъ слово «тѣ» или «въ тѣ» дни (сличи стихъ 294). Гр. Блудовъ и Плетневъ поставили здѣсь: «въ дни тяжелой»; но это ужъ большое отступленіе отъ смысла рѣчи Жуковскаго.

— 316—317 стихи читаемъ въ рукописи нѣсколько иначе, чѣмъ въ печати доселѣ.

— Въ стихѣ 320 удерживаемъ пунктуацію рукописи.

— 325. Здѣсь мы отступили отъ рукописи, гдѣ сказано: «*ядомъ* слова»; мы приняли редакцію гр. Блудова и Плетнева: «*силой* слова». Противникамъ Христа, конечно, пріятнѣе сказать «ядомъ»; *жидъ*-Агасверъ могъ бы сказать «ядомъ»; но здѣсь разсказываетъ *христіанинъ*-Агасверъ, который съ любовію говоритъ о Христѣ: «Я съ Нимъ, Онъ мой, Онъ все»... и т. д.; стало быть, приписать *ядъ* слову Христа онъ не могъ психологически. Вѣримъ, что тѣнь поэта не укоритъ за эту поправку, сдѣланную гр. Блудовымъ и Плетневымъ, которыхъ поэтъ любилъ слушаться.

— 347. Во всей рукописи внимательно сохраняется правописаніе «Іисуса», хотя для стиха надо читать одно І.

— 374. Въ рук. «Вкругъ»: видимая ошибка.

— Въ концѣ 386 стиха стоитъ слово «камнемъ», и въ концѣ 387 стиха поэтъ опять приписалъ слово «камнемъ»: въ послѣднемъ стихѣ оно необходимо, потому что дополняетъ *трехстопный* стихъ; въ первомъ же стихѣ, который прежде читался «Ка-

[illegible] и [illegible]. [illegible] поэтъ [illegible] перечеркнулъ [illegible] въ [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] быть [illegible] [illegible] — [illegible] вычеркнулъ [illegible], а [illegible] [illegible]

— Въ 441 стихѣ поэтъ, исправляя стихъ, вычеркнулъ [illegible] прежде слово въ началѣ стиха «[illegible]», написалъ «Господній»... и забылъ приписать къ нему [illegible]

— Въ 49[illegible] ст. читаемъ [illegible] [illegible] нарушается стихъ: [illegible] [illegible] нужнѣе своего [illegible].

— Въ 503 стихѣ поэтъ въ началѣ приписалъ «[illegible]», а забылъ вычеркнуть тоже самое слово, стоящее въ предыдущемъ 502 стихѣ.

— 525 ст. читается въ рукописи: «И жизнь безъ смерти. *Я въ блаженствѣ забыла*»: но такъ стиха не выходитъ, и мы допускаемъ перестановку словъ.

— Стихъ 569 написанъ самимъ поэтомъ (чернилами) такъ: «Всего живущаго я ненавидѣлъ», потомъ имъ же самимъ, надъ словами «Всего живущаго», надписано карандашомъ: «Во всемъ твореніи»; мы принимаемъ *послѣднюю* поправку его.

— Въ рук. въ стихѣ 580: *жаждой* — очевидная ошибка.

— Стихъ 608 въ изданіи гр. Блудова гораздо яснѣе: «Встающая одна межъ одинокихъ», но мы остались вѣрны рукописи.

— Въ рук. въ 633 ст. надежда *бѣдная*, но не ошибка ли это писца? можетъ быть — блеснула надежда *блѣдная*?

— Въ 652 стихѣ послѣднее слово весьма неразборчиво; прежде было «обрывки», но зачеркнуто.

— Стихи 668 и 669 въ рук. читаются такъ:

«Былъ обращенъ, и въ море, на́ брегъ
Гонимое землетрясенья силой»...

Но первая строчка видимо не составляетъ стиха, и потому оказалось необходимымъ слово «на брегъ» перенести въ слѣдующую строку и такимъ образомъ оба стиха явились правильными, хотя

не одинакой мѣры (3-хъ стопный и 6-ти стопный). Между тѣмъ въ печатныхъ изданіяхъ встрѣчаемъ совсѣмъ не то; напр. въ 7 изданіи (стр. 187):

Былъ обращенъ, и въ море,
Гонимый землетрясенья силой...

Тутъ выброшено слово «на брегъ» и нарушены во второй строкѣ и стихъ и смыслъ: тутъ Агасверъ является гонимый въ море, а у поэта рисуется само море, на брегъ гонимое землетрясенья силой: совсѣмъ другая картина; пропала она и въ изданіи гр. Блудова и Плетнева.

— Въ 682 ст. вмѣсто «затвори молчаньемъ», стояло: «на замокъ запри», «на замокъ» зачеркнуто, а «запри» нѣтъ; а между тѣмъ очевидно, оно лишнее.

— Съ 697 стиха начинаются отмѣтки поэта, когда какіе стихи имъ были написаны; мы ихъ ставимъ слѣва текста, въ скобкахъ.

— 716 стихъ дѣйствительно таковъ въ рукописи, и потому во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ онъ напечатанъ ошибочно и не составляетъ стиха.

— Пунктуація 735-го стиха прежде была: «очутился — я», но самимъ поэтомъ исправлена такъ: «очутился я —»; но такъ какъ при этомъ «я» повторяется дважды при словѣ «очутился» въ 733 и 735 стихахъ, то мы одно «я» (въ 733 стихѣ) опускаемъ.

— 745. Таковъ стихъ въ рукописи. Почему онъ измѣненъ въ печати, и притомъ двояко, мы не знаемъ.

— 774. Въ печатныхъ изданіяхъ: «заклетѣ» — такого слова нѣтъ; въ рукописи ясно: «заклепѣ». Сличи ст. 676.

— 777. Семистопный стихъ. Надо замѣтить, что стихи 772—777 подверглись значительной передѣлкѣ, одинъ стихъ уничтоженъ («Какъ торжествующій, и изъ воротъ»), а послѣдній стихъ оканчивался: «Амфитеатра безпреградно вышелъ». Поэтъ прибавилъ къ нему въ началѣ слова́: «И изъ воротъ», — и явился 7-ми стопный стихъ. Думаемъ, что здѣсь слово «безпреградно» лишнее.

— 800. Въ рук. «съ собою» — очевидная ошибка.

— 828 стихъ былъ написанъ поэтомъ такъ, какъ мы привели его; но писецъ вѣроятно не разобралъ перваго слова и написалъ по немъ «Поплылъ я, корабль мой», въ чемъ вовсе нѣтъ ямба.

— 841. Въ рук. *въ* глубинѣ — ошибка. Нельзя при этомъ не замѣтить, что редакція 840—844 стиховъ, или вѣрнѣе сказать, поправка ихъ, сдѣланная Плетневымъ, вышла удачнѣе и въ духѣ самого Жуковскаго:

Тамъ долго я скитался одинокій.
И вдругъ во глубинѣ долины, скрытой
Отъ странниковъ густою тѣнью пальмъ
И кипарисовъ, встрѣтилъ я... Его,
Апостола......

— 856. Въ рук. ясна поправка «въ прахъ», вм. «въ прахѣ», встрѣчаемаго въ печати.

— 857. Въ печати ошибочно: «*съ тоской* раскаянья».

— 877. Въ рук. «со мною» явная ошибка.

— 881. Въ рук. «Христомъ» очевидная описка вм. «Христа».

— 912—914. Время отъ 17-го сентября 1851 года до 17-го февраля 1852 года было занято составленіемъ «Апокалипсиса».

— 918. Въ печатныхъ изданіяхъ появилось вездѣ: «*полуночной*» прохлады», тогда какъ въ рукописи ясно стоитъ «*полуденной*». Редакторы вѣроятно думали: какъ это *ночью* можетъ быть *полуденная* прохлада!? Но поэтъ здѣсь употребилъ слово «*полуденной*» вм. «*южной*».

— 931. Въ рук. ошибочно «надо мною».

— 972. Въ рук. «мечъ острый», но мы принимаемъ редакцію графа Блудова и Плетнева, какъ согласную съ Апокалипсисомъ (глава I, ст. 16), и у самого Жуковскаго въ его «Апокалипсисѣ» читаемъ «двуострый мечъ» (ст. 12). Вмѣстѣ съ тѣмъ этой поправкой исправляется *трехстопный* стихъ подлинника на пятистопный.

1040—1041. «Прошло *треть вѣка»* — говоритъ Агасверъ — съ той поры, какъ я покинулъ Св. Землю»...; а въ 899 стихѣ онъ говорилъ, что наконецъ сошелъ къ нему сонъ, уже *сто лѣтъ* его не посѣщавшій: какъ согласить эти два крайне-несогласныя показанія? Римъ разоренъ былъ Титомъ въ 70 году по Р. Хр.; св. Игнатій Антіохійскій казненъ былъ Траяномъ въ 107 году; евангелистъ Іоаннъ скончался не позже 108 года; треть вѣка дѣйствительно могла пройти съ той поры, какъ Агасверъ покинулъ Іерусалимъ; значитъ, выраженіе его въ 899-мъ стихѣ, что сонъ *сто лѣтъ* его не посѣщалъ надо признать чисто *поэтическимъ* оборотомъ, въ родѣ: «Сто лѣтъ мы съ вами не видались!»

— Въ 1050 стихѣ нами вставлено слово «всѣ», такъ какъ безъ него не выходитъ стиха.

— 1073. Въ рук. ошибочно: «смертью».

— 1087. Въ рук. «О прежней славѣ *Божіей* народа»; вслѣдъ за прежними изданіями признаемъ это ошибкою и ставимъ: Божьяго народа.

— Въ 1094-мъ стихѣ поэтъ сначала написалъ: «лежитъ», потомъ «лежала», потомъ опять «лежитъ»; въ виду такого сомнѣнія, не лучше ли было бы просто сказать: «На немъ печать благословенья»...?

— 1190. Въ рук. ошибка: «Въ молчаньи»...

— 1274. Ошибка въ рук. «надо мною».

— 1279. Въ рукописи читаемъ: «Въ своемъ проклятіи благословенье». Мы принимаемъ здѣсь редакцію гр. Блудова и Плетнева: «Чрезъ строгій приговоръ благословенье», и это вотъ почему: *«проклятія»* не произносилъ Христосъ, Онъ произнесъ свой *«приговоръ»*, какъ самъ Жуковскій нѣсколько разъ утверждаетъ въ своей поэмѣ, см. стихи 18, 326, 329, 335, 802, 1264, 1474.

— 1289. Въ рук. «ничтожно» — ошибка.

— 1298. Слово «иной» пропущено во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ.

— 1299. Здѣсь встрѣчаемъ карандашъ Плетнева, съ невинной замѣткой: *«конецъ 5 листа»*; никакихъ другихъ замѣтокъ его, тѣмъ болѣе поправокъ текста Жуковскаго, мы не встрѣтили *ни одной* во всей рукописи. Поправки явились только въ корректурѣ посмертнаго изданія; кому именно онѣ принадлежали — не знаемъ.

— 1305. Въ рук. «Предъ» — ошибка.

— За 1320 стихомъ видны еще нѣсколько незачеркнутыхъ словъ «моей вины глубокою»... но изъ нихъ не образуется стихъ и они всѣми изданіями опущены.

— Въ 1323 стихѣ слово «пронзая» надписано поэтомъ, но подъ нимъ же стоитъ незачеркнутое «объемля»; поэтъ или колебался, какое слово избрать, или забылъ зачеркнуть послѣднее.

— Въ 1330 ст. въ концѣ есть еще слово «часто», очевидно лишнее, оно потомъ явится въ 1334 ст.

— 1356. Въ рук. *жаждущее*, а не *страждущее*, какъ въ печати. Страждущее сердце надежды не тревожатъ, а успокаиваютъ.

— Послѣ 1375 стиха, въ печатныхъ изданіяхъ встрѣчается такой стихъ:

не словомъ
Бродяги, нѣтъ, могущественнымъ словомъ (и т. д.).

Но этотъ стихъ въ рукописи зачеркнутъ; притомъ онъ читался въ ней иначе:

. . . . чтó
Могу я сдѣлать для людей, бездомный
Бродяга? нѣтъ, могущественнымъ словомъ (и т. д.).

— Начиная съ 1380 стиха, рукопись особенно перепутана выносками, перестановками, вслѣдствіе которыхъ слѣдующій стихъ: «Мнѣ мѣста ни въ какомъ семействѣ» слегка измѣненъ во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ: «Мнѣ мѣста нѣтъ ни въ чьемъ семействѣ»; послѣдней редакціи и мы придержались. Вслѣдствіе тѣхъ же перестановокъ, стихъ 1391 является трехстопнымъ.

Въ печатныхъ изданіяхъ напрасно помѣщаются при этомъ полтора стиха:

«И съ тѣхъ поръ,
Какъ этотъ миръ любви въ меня проникнулъ»:

въ рукописи они и перечеркнуты и зачеркнуты. Съ ними связываются *совсѣмъ другіе* стихи, которые мы приводимъ въ отдѣлѣ «Пропуски и варіанты».

— Въ концѣ 1408 стиха неразборчиво приписано рукою поэта слово: «милыхъ», или «многихъ»; мы его поневолѣ опускаемъ.

— Стихи 1412 и 1413 написаны въ рукописи такъ:

Сначала дышущаго тяжко, вдругъ
Блѣднаго и миротворнымъ сномъ...

Но въ этомъ видѣ послѣдній стихъ является не ямбомъ, а хореемъ; чтобы возстановить ямбъ, мы перенесли слово «вдругъ» изъ первой строки во вторую.

— Стихъ 1461 въ рук. таковъ:

«Единое совокуплясь, чашей»

Тутъ стиха нѣтъ; вѣроятно пропущено другое «*я*» въ словѣ «совокуплясь», а дательнаго падежа «чаш*ѣ*» требуетъ глаголъ «предстоятъ», слѣдующій далѣе.

— Въ 1467 стихѣ ошибка въ рукописи: уничтожен*іе*.

— Въ 1469 стихѣ лишнія два слова: «О чтобъ я былъ *бы я* безъ этой казни»...

— 1499. Въ рукописи «Твое, а не мое да будетъ!» Но такихъ словъ Христосъ не произносилъ, и мы приняли передѣлку этого стиха въ посмертномъ изданіи:

«*Твоя, а не моя да будетъ воля!*»

— Въ 1526 стихѣ въ рук. ошибка: «страдан*іе*мъ».

— 1529—1530. Въ этихъ стихахъ просимъ угадать мысль поэта: что́ у него «Господняя» — «бесѣда», или «книга». Печатныя изданія разошлись: посмертное (1857) и г. Сербиновича (1869) говорятъ: «Господняя книга», а изданіе г. Глазунова (1878) утверждаетъ: «бесѣда Господняя». Въ рукописи же авто-

ра ни послѣ слова «бесѣда», ни послѣ слова «Господняя» запятыхъ нѣтъ. Мы придерживаемся посмертнаго изданія.

— 1532. Въ рук. «Евангелье» — ошибка: это слово сокращенію не подлежитъ.

— 1557. Въ рук. «А смирнымъ»—конечно ошибка: едва ли поэтъ употребилъ бы такое прозаическое слово, говоря о молитвѣ. Сказать же «смиреннымъ», какъ сдѣлало изданіе 1878 года, не будетъ ямба, а шестистопный хорей. Мы придерживаемся редакціи гр. Блудова и Плетнева.

— 1576. Въ рук. «Созданіи» — ошибка.

— 1596. Въ рук. «волненьяхъ» — ошибка.

— 1613. Въ рук. «видѣнья» — ошибка.

— 1616. Въ рук. ясно «Великое», а не «Великаго», какъ во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ.

Этимъ (1616) стихомъ оканчивается послѣднее, прерванное смертью, созданіе поэта и кончается 7-я тетрадь его рукописи. На восьмой тетради Плетневъ надписалъ: «Въ ней два полулиста: на первомъ, равно какъ и на другомъ, расписаніе будущаго разсказа». Плетневъ тутъ ошибся: это вовсе не расписаніе *будущаго* разсказа, это программа «Апокалипсиса», которую поэтъ исполнилъ *всю*. «Апокалипсисъ» Жуковскаго мы помѣстили вслѣдъ за его поэмой.

— Въ V томѣ Сочиненій Жуковскаго (изд. 1878, стр. 545) говорится, что въ спискѣ, сдѣланномъ г. Бартеневымъ съ подлинной рукописи Жуковскаго, считается 1625 стиховъ; между тѣмъ въ поэмѣ, напечатанной въ томъ же томѣ, мы насчитали 1630 стиховъ: стало быть, по рукамъ ходило нѣсколько списковъ, несогласныхъ даже въ счетѣ стиховъ. Нумерація же подлинной рукописи чрезвычайно перепутана, непослѣдовательна и на нее положиться никоимъ образомъ нельзя. Въ концѣ ея указывается всего 1574 стиха, но это далеко отъ правды. По нашему счету, въ ней 1616 стиховъ; если же прибавить къ нимъ опущенные нами, *какъ зачеркнутые самимъ поэтомъ*, 14 стиховъ, получимъ 1630 стиховъ, какъ было въ прежнихъ изда-

ніяхъ. Но мы эти 14 стиховъ помѣстили въ варіантахъ и къ нимъ извлекли изъ рукописи еще болѣе 90 стиховъ, или просто опущенныхъ поэтомъ, или передѣланныхъ имъ.

Вопреки мнѣнію К. К. Зейдлица, который говоритъ, что Жуковскій написалъ *почти половину* предначертаннаго цѣлаго, мы полагаемъ, что поэту до конца оставалось уже немного стиховъ, и это вотъ почему: 13-го сентября 1851 года онъ писалъ Плетневу: «Думаю, что уже около половины (до 800 стиховъ) кончено». Дѣйствительно, въ этотъ день были имъ написаны стихи 757—797. Съ той поры онъ написалъ еще 816 стиховъ, очертилъ всю судьбу Агасвера, обозначилъ характеръ его странствованія въ настоящемъ; своимъ разсказомъ Агасверъ уже могъ успокоить взволнованную душу Наполеона, и ему оставалось только такъ-же незамѣтно исчезнуть, какъ незамѣтно онъ появился. Бесѣдъ у него съ Наполеономъ не могло быть, — самъ поэтъ говоритъ, устами Агасвера:

«Не говорить съ тобой сюда пришелъ я:
Не можетъ быть бесѣды между нами,
И мыслями мѣняться намъ нельзя». (Стихи 229—231).

— Въ составъ поэмы, написанной пятистопными стихами, вошли въ настоящемъ изданіи:

2 трехстопныхъ — 668 и 1391.

46 четырехстопныхъ—54, 55, 57, 83, 93, 132, 208, 212, 217, 219, 245, 268, 270, 275, 284, 293, 343, 411, 429, 486, 495, 531, 540, 568, 585, 618, 642, 644, 648, 673, 685, 705, 772, 831, 906, 937, 998, 1070, 1085, 1090, 1255, 1300, 1320, 1403, 1408, 1468.

38 шестистопныхъ — 22, 25, 51, 58, 69, 75, 84, 88, 91, 137, 151, 157, 175, 191, 206, 244, 298, 349, 373, 417, 432, 549, 623, 650, 669, 738, 829, 836, 855, 856, 872, 877, 884, 940, 1088, 1094, 1230, 1499.

1 семистопный — 777.

Всѣ остальные стихи — пятистопные.

Присоединяемъ въ заключеніе нѣсколько библіографическихъ указаній.

Поэма Жуковскаго, кромѣ изданія своего въ собраніи его сочиненій, была еще отдѣльно издана два раза Московскимъ Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, въ 1870 и 1876 годахъ (продаваясь по 20 коп. и по 12 коп.), и второе изданіе печаталось въ 1,500 экземплярахъ.

Кромѣ поэмы Жуковскаго, въ литературѣ нашей существуютъ еще двѣ поэмы подъ названіемъ «Вѣчный Жидъ»: одна — Александра Кирилловича *Жуковскаго*, писавшаго подъ псевдонимомъ *Бернета* (см. отрывки изъ нея въ Утренней Зарѣ на 1839 г. и въ Библіот. для Чтенія 1839 г., т. 34); другая поэма — *Губера* въ его Сочиненіяхъ (изд. 1859 г., т. 1, стр. 413—428). И обѣ эти поэмы — неоконченныя; и Губеръ тоже не задолго до смерти началъ свою поэму. Изъ поэмы Жуковскаго (Бернета) мы знаемъ только отрывки и ничего о ней сказать не можемъ; а поэма Губера стóитъ полнаго вниманія, и очень жаль, что она едва начата — написанъ только прологъ.

Въ переводной литературѣ нашей есть также отрывки изъ поэмы на ту же тему «Вѣчный Жидъ», изъ *Христіана Шубарта* (1739—1791); см. сборникъ Гербеля «Нѣмецкіе поэты», Спб. 1877, стр. 110, перев. П. Вейнберга. А въ другомъ переводномъ отрывкѣ изъ поэмы *Роберта Гамерлинга* (1832) «Агасферъ въ Римѣ» главный герой — Неронъ, и личность Агасфера представляетъ здѣсь не Вѣчный Жидъ, а первый убійца — Каинъ, которому также былъ произнесенъ приговоръ — быть изгнанникомъ и скитальцемъ на землѣ. Отрывокъ изъ этой поэмы, въ переводѣ *Ѳ. Миллера*, напечатанъ въ Отеч. Запискахъ 1872, №№ 9 и 10 и въ упомянутомъ изданіи Гербеля, стр. 636. Напомнимъ еще, что *Гете* также задумывалъ написать эпическую поэму изъ исторіи Вѣчнаго Жида, но успѣлъ составить только программу ея, которую самъ онъ разсказываетъ въ извѣстной книгѣ «Поэзія и правда моей жизни» (см. Сочиненія Гете, изданіе Гербеля, т. X, Спб. 1880, стр. 557—559).

«Апокалипсисъ» тоже былъ предметомъ переложенія въ нашей литературѣ, именно — главы IV—X его переданы А. Н. Майковымъ (см. его Стихотворенія, изд. 1872, т. III, стр. 1—16). Его переложеніе полнѣе и ближе къ славянскому тексту священной книги, чѣмъ у Жуковскаго, а передано также пятистопнымъ ямбомъ.

Въ концѣ концовъ — поправка опечатки: на стр. 8-й нашего предисловія, въ строкѣ 8-й снизу, вкрались совершенно излишнія слова: «и хотѣлъ дать ему отвѣчать»; ихъ надо уничтожить. А въ 9-й строкѣ, предъ словомъ: «и собирался» должны стоять кавычки (»), а не запятая.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVIII, № 3.

„КНИГИ ЗАКОННЫЯ“

СОДЕРЖАЩІЯ ВЪ СЕБѢ,

ВЪ ДРЕВНЕ-РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ВИЗАНТІЙСКІЕ ЗАКОНЫ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЕ, УГОЛОВНЫЕ, БРАЧНЫЕ И СУДЕБНЫЕ.

ИЗДАЛЪ

ВМѢСТѢ СЪ ГРЕЧЕСКИМИ ПОДЛИННИКАМИ И СЪ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИМЪ ВВЕДЕНІЕМЪ

А. ПАВЛОВЪ,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

внутренняя исторія, задача которой—объяснить, насколько юридическія нормы, содержащіяся въ томъ или другомъ источникѣ иноземнаго права, привились къ жизни принявшаго ихъ народа и какое вообще вліяніе оказали онѣ на развитіе и установленіе мѣстной юридической догмы.

Что же до сихъ поръ сдѣлано у насъ по всѣмъ указаннымъ направленіямъ? Всего болѣе посчастливилось внѣшней исторіи византійскаго права у славянскихъ народовъ—исторіи его источниковъ. Она довольно полно разработана трудами митрополита Евгенія, барона Розенкампфа, Калачова, Губе[1] и др. Затѣмъ по исторіи отдѣльныхъ институтовъ русскаго права, носящихъ на себѣ болѣе или менѣе очевидную печать византійскаго вліянія, мы имѣмъ труды Неволина[2], Бѣляева[3], Никольскаго[4], Дювернуа[5] и др. Но—что всего страннѣе и прискорбнѣе—ни одинъ изъ источниковъ греко-римскаго права, существующихъ въ славянскомъ переводѣ, до сихъ поръ не изданъ у насъ, какъ слѣдуетъ, т. е. по лучшимъ спискамъ и параллельно съ греческимъ подлинни-

---

[1] Труды первыхъ трехъ ученыхъ общеизвѣстны. Но этого нельзя сказать о превосходной монографіи Губе, писанной на польскомъ языкѣ: O znaczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-byzantyńskiego u narodów słowiańskich. Warszawa. 1868. Мы ознакомились съ этимъ трудомъ только при помощи французскаго перевода, вышедшаго въ 1880 г. въ Парижѣ подъ заглавіемъ: Droit romain et gréco-byzantin chez les peuples slaves. Сюда же, т. е. къ литературѣ по внѣшней исторіи византійскаго права у славянскихъ народовъ, относится и наша работа, озаглавленная: «Первоначальный славяно-русскій номоканонъ». Казань. 1869.

[2] Разумѣемъ въ особенности 1-ю часть его знаменитой «Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ».

[3] См. его изслѣдованіе «О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія царя Алексѣя Михаиловича». Москва. 1858.

[4] «О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ». Москва. 1859.

[5] Его изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Источники права и судъ въ древней Россіи». (Москва, 1869) представляетъ замѣчательный опытъ примѣненія къ разработкѣ источниковъ древняго русскаго права тѣхъ руководительныхъ принциповъ, какіе впервые возвѣщены и приложены къ дѣлу современнымъ корифеемъ исторической юриспруденціи Игерингомъ. По вопросу о значеніи греческаго номоканона для древней юридической практики см. въ особенности стр. 315—331.

комъ. Это обстоятельство, конечно, сильно не благопріятствуетъ успѣхамъ нашей историко-юридической науки, заставляя ее имѣть дѣло съ текстами, или явно испорченными, или такими, на которые нельзя положиться съ полною безопасностію. Сравненіе переводовъ съ подлинниками необходимо не только для исправленія ошибокъ въ старыхъ спискахъ и въ наличныхъ печатныхъ изданіяхъ того или другаго памятника, но и потому, что безъ этого невозможно разрѣшеніе и даже самое возникновеніе вопросовъ о томъ, въ какомъ видѣ нормы византійскаго права дѣлались достояніемъ славянскихъ народовъ, и что было дѣйствительнымъ или вѣроятнымъ мотивомъ открывающихся, при сравненіи, отступленій даннаго перевода отъ подлинника.

Къ числу славянскихъ памятниковъ византійскаго права, наиболѣе нуждающихся въ критическомъ изданіи, принадлежитъ одна не большая, но въ высшей степени важная по своему содержанію и историческому значенію компиляція, носящая въ рукописяхъ названіе: *«Книги законныя, имиже годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ»*. Въ составъ этихъ книгъ, кромѣ предисловія, которое, какъ показано уже Н. В. Калачовымъ[1], есть собственно послѣдняя часть предисловія къ Эклогѣ императоровъ-иконоборцевъ Льва Исаврянина и Константина Копронима (ок. 740 г.), входятъ: I «Закони земледѣльніи отъ Оустиніановыхъ книгъ» — земледѣльческій уставъ (νόμος γεωργικός), принадлежащій, по всей вѣроятности, тѣмъ же императорамъ-иконоборцамъ; [2] II «Законъ о казнѣхъ» (περὶ ποινῶν) — 39-й титулъ Прохирона императора Василія Македоня-

---

[1] Предварительныя свѣдѣнія о Русской Правдѣ, Москва, 1846, стр. 142.

[2] Zachariae, Geschichte des griech.-röm. Rechts, s. 234—235; проф. Васильевскій, Законодательство иконоборцевъ — въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г. Ноябрь, стр. 96—98. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ составъ Земледѣльческаго закона въ той редакціи, въ какой онъ переведенъ для нашихъ «Книгъ законныхъ», входятъ уже три статьи изъ Прохирона, а не изъ Эклоги, какъ показываетъ В. Г. Васильевскій на стр. 114 (см. въ нашемъ изданіи статьи 64, 65 и 66 и примѣчаніе къ ихъ греческому тексту, въ которомъ онѣ стоятъ подъ №№ 68—70).

нина (изд. 870—879), съ присоединеніемъ слѣдующаго титула— о раздѣлѣ военной добычи (περὶ διαμερισμοῦ σκύλων) и 2-й главы 26-го титула (о прекращеніи власти преступника надъ дѣтьми, съ момента его осужденія); III «Законъ о раздѣленіи бракомъ», т. е. о причинахъ развода — 11-й титулъ того же Прохирона (περὶ διαλύσεως γάμου), съ нѣкоторыми сокращеніями и выписками изъ другихъ титуловъ по предмету брачнаго права; наконецъ IV «Главы о послусѣхъ» — 27-й титулъ Прохирона (περὶ μαρτύρων), съ прибавленіемъ пяти главъ изъ соотвѣтственнаго (14-го) титула Эклоги.

Первое и до сихъ поръ единственное *полное* изданіе «Книгъ законныхъ» сдѣлано было въ 1768 году Башиловымъ въ видѣ приложенія къ царскому Судебнику, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Древніе законы изъ Юстиніановыхъ книгъ». Какъ Судебникъ, такъ и эти мнимо-Юстиніановы законы напечатаны Башиловымъ по рукописи, подаренной въ 1746 году Академіи Наукъ канцеляристомъ устюжской епархіи Поповымъ. О времени написанія этой рукописи издатель отзывается довольно глухо и сбивчиво. Въ предисловіи онъ относитъ ее къ «прошедшему (т. е. къ XVII) вѣку», а въ «критическихъ примѣчаніяхъ», помѣщенныхъ въ концѣ Судебника, говоритъ: «Судебникъ въ спискѣ Попова, по которому печатаніе его производилось, писанъ старинною *скорописью*, какая видна на столпцахъ (sic), и повидимому *не много времени спустя послѣ его* (Судебника) *установленія*» — примѣчаніе, заставляющее думать, что рукопись могла принадлежать второй половинѣ или концу XVI вѣка. О законахъ же Юстиніана, Башиловъ замѣчаетъ: «Законы сіи писаны стариннымъ *полууставнымъ* письмомъ». Изъ этихъ показаній видно только одно: рукопись какъ по содержанію, такъ и по самому письму раздѣлялась на двѣ части; первая была написана обыкновеннымъ дьяческимъ почеркомъ, вторая — церковнымъ полууставомъ. Которое письмо было или казалось старшимъ, — на это нѣтъ у Башилова ни малѣйшаго намека. Но самое изданіе исполнено имъ, по тому времени, весьма удовлетворительно. Оно производилось

по правиламъ, предписаннымъ издателю знаменитымъ Шлецеромъ, — такъ, чтобы печатный текстъ «во всемъ отъ литеры до литеры слѣдовалъ подлиннику». Къ сожалѣнію, воспроизводя съ дипломатическою вѣрностію отдѣльныя «литеры», Башиловъ не рѣдко погрѣшалъ въ составленіи изъ нихъ цѣлыхъ словъ, отчего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его изданія, безъ помощи греческаго подлинника, трудно добраться до правильнаго или какого нибудь смысла [1].

Въ 1803 году первая часть «Книгъ законныхъ» — Земледѣльческій уставъ — издана была Максимовичемъ въ «Указателѣ россійскихъ законовъ» (т. I, стр. 5—9). Это изданіе сдѣлано по новому списку, взятому издателемъ изъ «Историческаго описанія россійскихъ законовъ» Берга, которое само осталось не напечатаннымъ. [2] Максимовичъ, очевидно вовсе незнакомый съ изданіемъ Башилова, напечаталъ Земледѣльческій уставъ въ видѣ продолженія или второй части извѣстнаго Церковнаго устава, приписываемаго великому князю Ярославу I. Надъ обоими памятниками издатель поставилъ одно общее заглавіе: «Уставъ великаго князя Ярослава Владиміровича о церковныхъ судахъ и о *земскихъ дѣлахъ*». Послѣднее повторено и надъ текстомъ второй части. Любопытно разъяснить происхожденіе этого текста и даннаго ему названія. Списокъ Максимовича-Берга оказывается двойникомъ другому новому списку, собственноручно сдѣланному извѣстнымъ своими учеными трудами по исторіи сѣвернаго края архангелогородскимъ гражданиномъ Крестининымъ. Крестининскій автографъ, писанный въ 1772 году, находится теперь въ Чертковской библіотекѣ [3]. Въ концѣ его помѣщено подробное «из-

---

[1] Эти погрѣшности указаны подъ текстомъ нашего изданія.

[2] Рукопись Берга († 1803 г.) была извѣстна митрополиту Евгенію, который въ своемъ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» (ч. I, стр. 35) замѣчаетъ, что «важнѣйшія статьи изъ оной напечатаны въ *Указатель россійскихъ законовъ*». Если же Н. В. Калачовъ говоритъ о *перепечаткѣ* Максимовичемъ *изданія* Берга (Предвар. свѣд. о Русск. Правдѣ стр. 142), то это могло быть сказано только по недоразумѣнію, къ каковому, безъ справки съ Евгеніемъ, легко могла подать поводъ глухая цитата у Максимовича.

[3] Новая сигнатура рукописи: $I^{1}/_{12}$.

вѣстіе» о томъ, откуда и какъ полученъ оригиналъ для этого списка. Отъ одного своего «пріятеля» Крестининъ узналъ, что у какого-то мѣстнаго раскольника имѣется старая рукопись, въ которой, между прочимъ, содержатся уставы Владиміра и Ярослава, но которую владѣлецъ неохотно показываетъ незнакомымъ людямъ. По просьбѣ Крестинина, этотъ пріятель снялъ для него копію съ упомянутыхъ уставовъ, а чрезъ нѣсколько дней принесъ и самый подлинникъ, по которому Крестининъ имѣлъ возможность провѣрить свою копію, предварительно сдѣланную съ «пріятельской». По его описанію, старая рукопись содержала въ себѣ «собраніе церковныхъ правилъ, изданныхъ греческими соборами и нѣкоторыми россійскими архіереями: подобна, но менѣе Кормчей книги; написана на бумагѣ въ листъ небольшой величины . . . . Въ ней начертаніе буквъ уставное, старинное и необыкновенно трудное для чтенія — за тѣмъ, что цѣлая строка однимъ рѣченіемъ кажется. Въ концѣ той книги старинною скорописью приписано слѣдующее: «Божіею милостію лѣта 7049 (1541) сію книгу положилъ многогрѣшный священноинокъ Петеримъ въ домъ святаго Архистратига Михаила вкладомъ игумену Ѳеодосью [1] и всей еже о Христѣ братьи на память святаго Богоявленія Господня (т. е. 6 января), при казначеѣ Іелисеи и при келарѣ Ларіонѣ и при всей еже о Христѣ братіи святаго Архистратига Михаила». Итакъ оригиналъ Крестининскаго списка написанъ былъ приблизительно въ первый четверти XVI в. Въ немъ византійскій Земледѣльческій уставъ несомнѣнно слѣдовалъ за русскимъ Церковнымъ уставомъ, слывшимъ подъ именемъ Ярославова. Но несомнѣнно и то, что въ рукописи недоставало одного или двухъ листовъ, на которыхъ находилась почти половина Церковнаго устава и первыя семь главъ (съ началомъ восьмой) Земледѣльческаго. Крестининъ не замѣтилъ тутъ никакого пропуска, потому

---

[1] Ѳеодосій былъ игуменомъ Михаило-Архангельскаго монастыря въ Архангельскѣ въ 1534—1547 гг. См. Строева «Списки іерархов и настоятелей монастырей», стр. 822.

ли, что слишкомъ торопился съ своимъ дѣломъ, или потому, что въ концѣ одного листа и въ началѣ другаго говорилось объ одномъ и томъ же предметѣ—о кражѣ, такъ что рѣчь казалась продолжающеюся, хотя и не совсѣмъ логически-правильною. Именно, изъ соединенія оборванныхъ текстовъ получалась такая статья: «Аще жена [у] мужа крадетъ (конецъ одного листа), а не по вѣданію осподаря земли, и сберетъ все жито свое, яко тать отступитъ всего жита своего» (начало другаго). Бергъ, имѣвшій въ рукахъ другой, *полный* списокъ Ярославова Церковнаго устава, не могъ не замѣтить, что статья эта составлена изъ обрывковъ, принадлежащихъ къ тексту двухъ разнородныхъ памятниковъ [1]; но, съ другой стороны, такъ какъ Земледѣльческій уставъ былъ извѣстенъ Бергу-Максимовичу *только* по Крестининскому списку, а въ этомъ послѣднемъ онъ слитъ былъ съ Церковнымъ уставомъ Ярослава, то въ «Указателѣ россійскихъ законовъ», вслѣдъ за Ярославовымъ *Церковнымъ* уставомъ, и появился миѳическій уставъ того же князя *о Земскихъ дѣлахъ* — съ начальною статьею, представляющею довольно жалкую поправку выше привиденной статьи Крестининскаго списка, именно: «Аще крадетъ (кто?) жито, а не по вѣданію осподаря земли» и проч. Изданіе Максимовича во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже Башиловскаго. Оно преисполнено грубыхъ ошибокъ какъ въ чтеніи отдѣльныхъ словъ (напримѣръ: «глибло» вм. гибѣло [ст. 21] [2], «стерство» вм. стерво [ст. 22], «не разнемъ» вм. неразуміемъ [ст. 38], «холостъ» вм. худость [ст. 64], «молодшіе» вм. малодушіе [ст. 66], «потерявый *вся*», вм. пса [73], «пріиметъ» вм.

---

[1] Крестининскій Церковный уставъ Ярослава имѣетъ туже самую распространенную редакцію, въ какой онъ изданъ въ Правосл. Собесѣдн. за 1861 г., ч. 3, стр. 93–108. Крестининскій текстъ прерывается на 36-й статьѣ устава по этому изданію (или, по счету самого Крестинина, на статьѣ 45-й).

[2] Прискорбно, а нужно замѣтить, къ какимъ ошибкамъ могутъ вести дурныя изданія памятниковъ древности даже такихъ ученыхъ, какъ Востоковъ: изъ Максимовичева «глибло» онъ образовалъ и внесъ въ свой извѣстный «Словарь церковно-славянскаго языка» глаголъ глибнѫти съ значеніемъ «вязнуть, тонуть и пропадать». Отсюда глаголъ этотъ перешолъ и въ Лексиконъ Миклошича.

притекъ [ст. 74] и др.), такъ и въ раздѣленіи текста на главы, при чемъ отдѣляются не только главныя предложенія отъ придаточныхъ (ср. напримѣръ стт. 12, 18, 66 и 71 нашего изданія съ отвѣтственными мѣстами у Максимовича), но и одна часть простаго предложенія отъ другой (ср. ст. 36) [1].

Итакъ новое критическое изданіе занимающаго насъ памятника есть дѣло настоятельной научной необходимости. Такое изданіе было приготовлено нами къ печати уже болѣе 10 лѣтъ тому назадъ: оно предназначалось для полной исторіи византійскаго права у южныхъ Славянъ и въ Россіи. Но такъ какъ окончательная отдѣлка этого послѣдняго труда потребуетъ еще не мало времени, а между тѣмъ первая и важнѣйшая часть «Книгъ законныхъ»—Земледѣльческій уставъ успѣлъ уже привлечь на себя вниманіе и вызвать нѣсколько вопросовъ со стороны такихъ ученыхъ, какъ нашъ извѣстный историкъ-византологъ В. Г. Васильевскій (разумѣемъ его мастерскія работы о законодательствѣ императоровъ-иконоборцевъ, напечатанныя въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. за 1878 г.): то мы рѣшились не медлить болѣе изданіемъ драгоцѣннаго памятника въ полномъ его составѣ и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ приготовленъ къ печати, т. е. параллельно съ греческими подлинниками всѣхъ его частей. Славянскій текстъ предлагается по превосходному списку XV вѣка изъ рукописи графа А. С. Уварова № 264 (бывшей Царскаго № 48), съ варіантами изъ двухъ рукописныхъ сборниковъ, содержащихъ въ себѣ разные отрывки изъ «Книгъ законныхъ»: Кирилловскаго № 1086 (нынѣ С.-Петербургской духовной академіи)—XV же вѣка и Е. В. Барсова (безъ №)—XVI вѣка [2]. Греческіе подлинники всѣхъ составныхъ частей нашего памятника взяты изъ сборника Московской синодальной библіотеки XV в. № 445, которымъ отчасти уже воспользовался

[1] Большая часть этихъ ошибокъ должна быть отнесена на личный счетъ Берга-Максимовича. Крестининскій списокъ гораздо исправнѣе.

[2] Въ варіантахъ Кирилловскій сборникъ обозначается буквою К, Барсовскій—Б.

В. Г. Васильевскій въ своихъ выше упомянутыхъ работахъ и который важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что содержащіеся въ немъ тексты оказываются болѣе близкими къ славянскому переводу, чѣмъ во всѣхъ существующихъ печатныхъ изданіяхъ. Кромѣ того, къ тексту Земледѣльческаго устава подведены разночтенія изъ пергаминной рукописи той же библіотеки № 467 (XI—XII в.), а къ прочимъ текстамъ — изъ Цахаріева изданія Прохирона, впрочемъ не вездѣ, а только тамъ, гдѣ нужно было оправдать чтеніе славянскаго переводчика. Для насъ оказались важными и самыя ошибки писца синодальной рукописи — потому именно, что мы нашли ихъ и въ переводѣ.

Исполняя такимъ образомъ по отношенію къ «Книгамъ законнымъ» первую часть принятой нами программы ученыхъ работъ надъ источниками византійскаго права въ ихъ славянской оболочкѣ, мы не отказываемся отъ посильнаго разрѣшенія и тѣхъ вопросовъ, которые, по той же программѣ, должны составлять содержаніе внѣшней и внутренней исторіи памятника. Итакъ — когда и гдѣ появился славянскій переводъ «Книгъ законныхъ»? По первому вопросу можно высказывать только догадки, болѣе или менѣе вѣроятныя. Профессоръ Васильевскій, имѣя дѣло съ одною только первою частію этой компиляціи—Земледѣльческимъ уставомъ, находилъ возможнымъ пріурочить его еще къ составу первоначальнаго славяно-русскаго номоканона, древнѣйшимъ памятникомъ котораго служитъ извѣстная пергаминная Кормчая Московской синодальной библіотеки XI—XII в. № 227, обстоятельно описанная въ моемъ изслѣдованіи о «первоначальномъ славяно-русскомъ номоканонѣ». (Казань, 1869). Въ перечнѣ статей, входившихъ въ составъ греческаго подлинника этой Кормчей, значится въ числѣ дополненій къ канонической синтагмѣ, между прочимъ, «Иоустиніана иже въ блаженѣй памяти царя законъ». Такъ какъ ни въ самой синодальной Кормчей, ни въ позднѣйшихъ копіяхъ съ нея, которыхъ *теперь* извѣстно три и которыя всѣ однообразно дополняютъ составъ своего прототипа, нѣтъ статьи, вполнѣ и прямо подходящей подъ выше при-

веденное заглавіе: то мы и рѣшились высказать догадку, что это заглавіе относится къ извѣстнымъ 87 главамъ, извлеченнымъ Іоанномъ Схоластикомъ изъ новеллъ Юстиніана, и къ слѣдующимъ за ними пяти (а не «тремъ») новелламъ того же императора, изъ коихъ первая имѣется не вполнѣ и въ самой синодальной Кормчей, а всѣ и цѣликомъ находятся въ позднѣйшихъ копіяхъ съ нея. Для В. Г. Васильевскаго «очевидно, что такая догадка не можетъ быть признана основательною», ибо, по его словамъ, «новеллы ни сами по себѣ, ни въ соединеніи съ 87 главами Іоанна Схоластика, *никогда* не называются закономъ, а постоянно—*новыми заповѣдями*». Мы видимъ въ этихъ словахъ—просто lapsum calami et memoriae. *Сами себя* новеллы всего чаще называютъ νόμος [1], а въ частныхъ церковно-юридическихъ сборникахъ, напримѣръ въ извѣстной Collectio tripartita, онѣ и *надписываются* тѣмъ же самымъ именемъ [2]. Замѣчательно, что и весь сейчасъ названный сборникъ въ рукописяхъ обыкновенно является съ такимъ надписаніемъ: Νόμος Ἰουστινιανοῦ βασιλέως [3]. Можетъ быть, мы предупредили бы возраженіе, съ которымъ теперь должны считаться, еслибы *это самое* надписаніе сопоставили съ искомымъ «Иоустиніана царя закономъ» синодальной Кормчей. Но мы не сдѣлали такого сопоставленія по слѣдующимъ, какъ намъ казалось и кажется, вполнѣ уважительнымъ причинамъ: вопервыхъ, въ славянской переводной канонической письменности нѣтъ и слѣда той церковно-юридической компиляціи, которая у Грековъ носила глухое названіе: Νόμος Ἰουστινιανοῦ βασιλέως; вовторыхъ, въ перечнѣ синодальной Кормчей, указывающемъ въ ея составѣ «Законъ Юстиніана царя», при имени этого императора стоитъ эпитетъ, очевидно взятый съ грече-

---

[1] Примѣры см. у Бинера въ его Geschichte der Novellen Iustinians, s. 35.

[2] См. Voelli et Iustelli Bibliotheca juris canonici veteris, pp. 1315. 1331. 1339.

[3] Ibid. p. 1223; cfr. Pitra, Iuris eccles. graec. histor. et monum. t. II, p. 410. Въ концѣ этого сборника обыкновенно помѣщаются въ рукописяхъ 4 новеллы императора Ираклія. Надъ ними опять стоитъ надпись: Νόμος (Voelli, p. 1361; Pitra, p. 421).

скаго: «иже въ блаженѣй памяти» (τοῦ τῆς θείας или μακαρίας λήξεως), котораго нѣтъ въ греческомъ оглавленіи названной компиляціи, но который повторяется въ длинномъ надписаніи 87 главъ Іоанна Схоластика [1]; наконецъ, нельзя же было (да и теперь нельзя) закрывать глаза на то обстоятельство, что главы Схоластика и дополнительныя къ нимъ новеллы *не показаны въ перечнѣ особо отъ какого-то другаго Юстиніанова закона*, хотя онѣ какъ въ самой синодальной Кормчей, такъ и въ позднѣйшихъ копіяхъ съ нея, являются *единственными* представительницами законовъ названнаго императора. Итакъ мы имѣли кое-какія основанія для своей догадки, хотя и не высказали ихъ прямо, такъ какъ и самый вопросъ не казался намъ особенно важнымъ. Но теперь онъ получаетъ для насъ неожиданный интересъ, благодаря тому, что такой авторитетный ученый, какъ В. Г. Васильевскій, увидалъ въ перечнѣ синодальной Кормчей «указаніе на земледѣльческій уставъ иконоборцевъ—въ той или другой редакціи». Новая догадка оправдывается такими соображеніями: «Юстиніана царя законъ въ перечнѣ стоитъ рядомъ съ морскимъ закономъ, приписываемымъ, по обыкновенію, тому же законодателю (т. е. Юстиніану). Но морской законъ (νόμος ναυτικός) совсѣмъ не имѣетъ никакой связи съ новеллами, а напротивъ, однороденъ по своему происхожденію и по своему характеру съ Закономъ земледѣльческимъ». Все это такъ, но не нужно при этомъ забывать, что греческіе и славянскіе писцы и вмѣстѣ компиляторы каноническихъ сборниковъ XI и XII вв. были далеко не такіе люди, отъ которыхъ можно было бы ожидать чего нибудь похожаго на историческую критику. Въ своихъ произвольныхъ дополне-

---

[1] Ἐκ τῶν μετὰ τὸν κώδικα θείων νεαρῶν διατάξεων τοῦ τῆς εὐσεβοῦς λήξεως Ἰουστινιανοῦ διάφοροι διατάξεις κτλ. По славянски: «Отъ книгъ божьствьныхъ повелѣний божьствьныя памяти Иоустиниана» и проч. Если въ греческихъ рукописяхъ надъ *самымъ текстомъ* главъ Схоластика, вмѣсто первоначальнаго длиннаго надписанія, ставились другія, сокращенныя, напримѣръ: αἱ διατάξεις τοῦ εὐσεβεστάτου αὐτοκράτορος Ἰουστινιανοῦ (*Pitra*, o. c. p. 385, not. 1), то тѣмъ болѣе возможны и умѣстны были подобныя сокращенія въ тѣхъ *перечняхъ* содержанія каноническихъ рукописей, которые ставились *въ самомъ ихъ началѣ*.

ніяхъ къ обще-принятому каноническому кодексу они ставили рядомъ статьи самаго разнороднаго происхожденія, содержанія и характера, руководясь при этомъ развѣ только однимъ традиціоннымъ надписаніемъ статей, которое усвояло ихъ одному и тому же законодательному авторитету. Такъ и въ греческомъ оригиналѣ синодальной Кормчей, вслѣдъ за какимъ-то «Закономъ блаженной памяти Юстиніана царя», несомнѣнно слѣдовалъ «того же» законъ морской. Но если этотъ послѣдній законъ, какъ намъ извѣстно, не принадлежитъ Юстиніану и къ церковному праву никакого отношенія не имѣетъ, то отсюда ни сколько не слѣдуетъ, что и предыдущій законъ, усвоенный тому же императору, былъ такого же происхожденія и характера, и именно — законъ Земледѣльческій. Указаніе на этотъ законъ, какъ составную часть первоначальнаго славяно-русскаго номоканона, профессоръ Васильевскій находитъ еще въ томъ обстоятельствѣ, что «Земледѣльческій законъ надписывается въ греческихъ спискахъ подлинника: «Законъ Юстиніана царя», или, какъ въ одномъ сборникѣ синодальной библіотеки: «Законы земледѣльческіе, по избранію изъ книгъ *блаженной памяти* (τῆς θείας λήξεως) Юстиніана царя», то-есть, *почти* тѣми же словами, какія стоятъ въ перечнѣ Ефремовской (синодальной № 227) Кормчей». Смягчительная частица «почти» прибавлена, конечно, изъ уваженія къ буквальному смыслу словъ перечня, въ которыхъ указано только имя законодателя, но не *содержаніе* самаго закона. А между тѣмъ отсутствіе этого послѣдняго указанія отнимаетъ всякую возможность отождествлять слова перечня съ обычными греческими надписаніями Земледѣльческаго закона. Въ самомъ дѣлѣ, если до сихъ поръ не найдено ни одного греческаго юридическаго сборника, въ которомъ-бы надъ текстомъ этого закона стояла глухая надпись: Νόμος τοῦ τῆς θείας λήξεως Ἰουστινιανοῦ βασιλέως, т. е. безъ прибавки — περὶ γεωργῶν или γεωργικός: то тѣмъ болѣе не вѣроятно, чтобы такое названіе дано было Земледѣльческому уставу въ перечнѣ содержанія обширной *канонической* синтагмы, въ которой онъ являлся только *случайнымъ* дополненіемъ. Здѣсь

также необходимо было назвать этотъ законъ земледѣльческимъ, какъ морской—морскимъ. Иное дѣло—тоже самое глухое названіе, употребленное въ каноническомъ сборникѣ для обозначенія принятыхъ сюда гражданскихъ законовъ *церковнаго* содержанія: тутъ слово νόμος служило понятнымъ для всѣхъ противуположеніемъ слову *κανών*, и въ этомъ смыслѣ, какъ мы уже видѣли, прилагалось къ цѣлымъ сборникамъ такихъ законовъ. Послѣднее доказательство, приводимое нашимъ почтеннымъ историкомъ-византологомъ въ пользу своей догадки, заключается въ «наблюденіи, которое можетъ быть почерпнуто изъ *любаго* каталога рукописей. Земледѣльческій законъ, вмѣстѣ съ морскимъ закономъ, не рѣдко встрѣчаются въ греческихъ сборникахъ *каноническаго* содержанія и при этомъ весьма часто *стоятъ рядомъ*». Но если мы провѣримъ это «наблюденіе» по *всѣмъ* существующимъ каталогамъ, то придемъ къ слѣдующему безспорному выводу: въ огромномъ большинствѣ рукописныхъ каноническихъ сборниковъ нѣтъ ни земледѣльческаго, ни морскаго закона; напротивъ, въ каждомъ типическомъ и *полномъ* спискѣ греческаго номоканона непремѣнно находятся 87 главъ Іоанна Схоластика и рядомъ съ ними вышеупомянутая Collectio tripartita съ ея обычнымъ надписаніемъ: Νόμος Ἰουστινιανοῦ βασιλέως.

Итакъ попытка привязать Земледѣльческій законъ къ составу первоначальнаго славяно-русскаго номоканона, представляемаго синодальною Кормчею № 227, должна быть признана неудачною. Но нельзя ли установить эту связь для другихъ частей «Книгъ Законныхъ», въ которыхъ, какъ мы видѣли, содержатся отрывки изъ Прохирона съ нѣкоторыми (незначительными) дополненіями изъ Эклоги? Въ перечнѣ синодальной Кормчей № 227 послѣ морскаго закона значится: «Василія, Константина и Льва, благочьстивыихъ царь, законъ». Это—конечно Прохиронъ. Но въ самой Кормчей мы опять-таки его не находимъ. Въ позднѣйшихъ же копіяхъ съ нея, а равно и въ извѣстной пергаминной рукописи Румянцовскаго Музея, содержащей въ себѣ древне-славянскій переводъ каноническаго сборника Іоанна Схоластика въ 50 ти-

тулахъ, съ разными выписками изъ Кормчей той редакціи, къ которой принадлежитъ выше-упомянутая синодальная, находятся только слѣдующіе отрывки, очевидно имѣющіе исключительное отношеніе къ церковной практикѣ: 1) изъ Прохирона — титулъ 7-й «о възбраненыхъ женитвахъ» (περὶ κεκωλυμένων γάμων); титулъ 24-й «о епископѣхъ и мнисѣхъ» (περὶ διαθήκης ἐπισκόπων καὶ μοναχῶν); титулъ 28-й «о поставленіи епископъ и мнихъ» (περὶ χειροτονίας ἐπισκόπων καὶ κληρικῶν) и 2) изъ Эклоги — 2-я глава 2-го титула «о възбраняемыхъ жен[итв]ахъ». Сами по себѣ эти отрывки еще не даютъ права заключать о существованіи у насъ въ XI — XII вв. *полнаго* перевода Прохирона и Эклоги. Могло быть и такъ, что на первый разъ изъ того и другаго источника переведены были только тѣ части, которыя прямо относились къ церковному праву. Впрочемъ, если мы и допустимъ, что въ составѣ первоначальнаго славяно-русскаго номоканона находился уже полный текстъ Прохирона и Эклоги, извѣстный теперь только по выше указаннымъ отрывкамъ, все-таки нельзя было бы сказать, что къ этому тексту принадлежали и тѣ отрывки, какіе содержатся въ «Книгахъ законныхъ». Одна статья Прохирона (именно гл. 28, тит. VII) имѣется и въ этихъ «Книгахъ» и въ спискахъ первоначальнаго номоканона, но здѣсь она читается въ *другомъ*, болѣе древнемъ и правильномъ переводѣ. Вотъ текстъ обоихъ переводовъ:

Переводъ первонач. номоканона:

Приѥмлꙗй оубо ѿ ст҃го крещениꙗ коую не можеть ѥꙗ послѣдь на бракъ привести, ꙗкоже дъщери своѥꙗ бывши, ни тоꙗ мт҃ере, ли дъщерь, нъ ни сн҃ъ ѥꙗ (чит. ѥго); понеже ничьсоже иного (чит. ино) можеть въводити о҃чьскаго свѣщаниꙗ и

Переводъ «Книгъ законныхъ»:

Иже аще кто ѿ ст҃го кр҃щениꙗ кого въсприиметь, не можетъ того потомъ бракомъ привести, ꙗко сн҃а емоу бывша, ниже матери его или д҃черь, ниже сн҃ъ его; понеже инако никакоже сице можеть привести ѿчьское предложеніе и праведное брака въз-

Переводъ первонач. номоканона:	*Переводъ «Книгъ законныхъ»:*
праведнаго брака възбранениѥ, ѩко таковаꙗ съвоуза, ѥже бгу преполовѧщю дша ихъ съчьтаваютсѧ. (Изъ Кормчей Рум. Муз. № 230, л. 68 об.).	браненїе, занеже сеи соузъ, бгу ходатайствовавшоу, дшѧ ихъ сприплетаютсѧ (См. нашего изданія часть III, гл. 17).

Съ другой стороны, переводъ отрывковъ изъ Прохирона, входящихъ въ составъ «Книгъ законныхъ», отличенъ и отъ того перевода, въ какомъ Прохиронъ полученъ у насъ во второй половинѣ XIII вѣка въ спискѣ новой славянской Кормчей, присланной митрополиту Кириллу II изъ Болгаріи. Отличіе состоитъ не только въ языкѣ того и другаго перевода, но и въ томъ, что каждый сдѣланъ съ особаго извода или редакціи греческаго подлинника. Переводчикъ «Книгъ законныхъ» имѣлъ въ рукахъ такой оригиналъ, въ которомъ 27-й титулъ Прохирона—«о свидѣтеляхъ» (περὶ μαρτύρων) содержалъ въ себѣ, сравнительно съ оригиналомъ «градскаго закона» въ новой Кормчей, три лишнія статьи, довольно рѣдко встрѣчающіяся въ греческихъ спискахъ Прохирона [1]. Которому переводу мы должны отдать преимущество сравнительной древности? Думаемъ — тому, какой имѣемъ въ нашемъ памятникѣ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы при существованіи и повсемѣстномъ употребленіи у насъ, со второй половины XIII вѣка, полнаго перевода византійскихъ источниковъ, изъ которыхъ составлена большая часть «Книгъ законныхъ», могъ быть сдѣланъ новый переводъ довольно значительныхъ отрывковъ изъ тѣхъ же источниковъ— именно для составленія этихъ книгъ. Въ концѣ XIII или въ началѣ XIV в. появился у насъ юридическій сборникъ, по своему характеру и содержанію весьма близкій къ «Книгамъ законнымъ»—такъ называемое «Мѣрило Праведное», но онъ весь составленъ уже изъ го-

[1] См. 5—7 глл. IV-й части «Книгъ законныхъ».

товаго славянскаго матеріала, взятаго изъ Кормчей *софійской* редакціи, какъ принято (неправильно) называть Кормчія, образовавшіяся изъ соединенія текстовъ первоначальнаго славяно-русскаго номоканона съ текстами позднѣйшей — Кирилловской Кормчей [1].

Все, что мы сейчасъ узнали изъ сравненія «Книгъ законныхъ» съ разновременными переводными памятниками нашей древней церковно-юридической письменности, ведетъ насъ къ тому заключенію, что переводъ отрывковъ изъ Прохирона и Эклоги, содержащійся въ этихъ «Книгахъ», можетъ быть съ вѣроятностію отнесенъ къ концу XII-го или началу XIII вѣка. А такъ какъ языкъ и характеръ перевода во всѣхъ частяхъ памятника одинъ и тотъ же, то само собою понятно, что и переводъ первой части «Книгъ законныхъ»—Земледѣльческаго устава долженъ быть отнесенъ къ тому же времени. Въ языкѣ этого перевода, какъ въ лексическомъ, такъ и въ граматическомъ отношеніи, нельзя не замѣтить слѣдовъ весьма почтенной древности. Таковы слова: **истребити** (I, 19), съ дополненіемъ «**нивоу**», въ значеніи разчистить, вырубить лѣсъ для нивы=κόπτειν [2]; **лоупити** (II, 42), съ допол-

[1] Н. В. Калачовъ въ своей статьѣ о «Мѣрилѣ Праведномъ», помѣщенной въ I-й книжкѣ «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи» (отд. III, стр. 28—40), высказываетъ, повидимому, другой взглядъ на происхожденіе этого сборника. По его словамъ, «сборники эти . . . . носятъ на себѣ всѣ признаки составленія ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они намъ извѣстны, *вскорѣ послѣ принятія и утвержденія въ Россіи христіанской вѣры* . . . . «Источники, откуда большею частію заимствованы извлеченія, находящіяся въ рукописяхъ Мѣрила Праведнаго, суть или самостоятельныя произведенія греческой юридической письменности, или, какъ положительно извѣстно, перешли къ намъ чрезъ посредство нашего *перваго* духовенства, прибывшаго изъ Греціи» (стр. 28). Достаточно самаго бѣглаго сравненія Мѣрила Праведнаго съ Кормчими софійской (т. е. русской) редакціи, чтобы прямо указать источникъ этого сборника и приблизительно опредѣлить эпоху его происхожденія (конецъ XIII или начало XIV вѣка).

[2] В. Г. Васильевскій понялъ выраженіе *истребить* ниву въ значеніи *уничтоженія* нивы, и потому нашелъ, что оно не совсѣмъ согласно со смысломъ дальнѣйшихъ словъ статьи «и въ русскомъ изложеніи» (стр. 120). Но «истребить» на древне-славянскомъ языкѣ значитъ именно *разчистить*=καθαρίζειν (см. Лексиконъ Миклошича), какъ, можетъ быть, и читалъ старый переводчикъ вм. κόπτειν.

Переводъ первонач. номоканона:

праведнаго брака възбраненнѥ, ꙗко таковаꙗ съвоуза, ѥже бгꙋ преполовꙗщю дша ихъ съчьтаваютсꙗ. (Изъ Кормчей Рум. Муз. № 230, л. 68 об.).

Переводъ «Книгъ законныхъ»:

браненїе, занеже сеи соузъ, боу ходатайствовавшоу, дшꙗ ихъ сприплетаютсꙗ (См. нашего изданія часть III, гл. 17).

Съ другой стороны, переводъ отрывковъ изъ Прохирона, входящихъ въ составъ «Книгъ законныхъ», отличенъ и отъ того перевода, въ какомъ Прохиронъ полученъ у насъ во второй половинѣ XIII вѣка въ спискѣ новой славянской Кормчей, присланной митрополиту Кириллу II изъ Болгаріи. Отличіе состоитъ не только въ языкѣ того и другаго перевода, но и въ томъ, что каждый сдѣланъ съ особаго извода или редакціи греческаго подлинника. Переводчикъ «Книгъ законныхъ» имѣлъ въ рукахъ такой оригиналъ, въ которомъ 27-й титулъ Прохирона—«о свидѣтеляхъ» (περὶ μαρτύρων) содержалъ въ себѣ, сравнительно съ оригиналомъ «градскаго закона» въ новой Кормчей, три лишнія статьи, довольно рѣдко встрѣчающіяся въ греческихъ спискахъ Прохирона [1]. Которому переводу мы должны отдать преимущество сравнительной древности? Думаемъ — тому, какой имѣемъ въ нашемъ памятникѣ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы при существованіи и повсемѣстномъ употребленіи у насъ, со второй половины XIII вѣка, полнаго перевода византійскихъ источниковъ, изъ которыхъ составлена большая часть «Книгъ законныхъ», могъ быть сдѣланъ новый переводъ довольно значительныхъ отрывковъ изъ тѣхъ же источниковъ—именно для составленія этихъ книгъ. Въ концѣ XIII или въ началѣ XIV в. появился у насъ юридическій сборникъ, по своему характеру и содержанію весьма близкій къ «Книгамъ законнымъ»—такъ называемое «Мѣрило Праведное», но онъ весь составленъ уже изъ го-

---

[1] См. 5—7 гл. IV-й части «Книгъ законныхъ».

еще въ частыхъ примѣрахъ полногласія: **разворотити** = διαστρέφειν (I, 4), **хорошити, подхорошити**=κλωνοκοπεῖν (I, 30), **хоронити**=ὑποδέχεσθαι κατὰ δόλον (II, 22), **коромолити**=ἐπιβουλεύειν (III, 14), **перечити** = ἐναντιοῦσθαι (IV, 14), **керемѧ** (I, 4; III, 2), и въ употребленіи *ч* вм. *шт* (*щ*): **извѣчати** = παραγγέλλειν (I, 47), **въсхочеть** (I, 12), **обчій и опчій** (I, 77; II, 28. 45. 67). Тотъ же говоръ сказывается и въ граматическихъ формахъ памятника, напримѣръ: **жива**=οἰκῶν (I, 77), **долгохъ** (IV, 3), **всѧкого** (IV, 11), **сдѣлавшомоу** (II, 28), **настоıащомоу** (III, 1). Наконецъ, хотя нашъ списокъ «Законныхъ книгъ» принадлежитъ довольно позднему времени (XV вѣку), тѣмъ не менѣе въ немъ сохранились нѣкоторыя палеографическія черты оригинала, который могъ быть писанъ столѣтія за два прежде. Черты эти легко узнаются въ слѣдующихъ транскрипціяхъ: **воиноу** = **къиноу** = διηνεκῶς (II, 30), **подоиметь**=**подъиметь** (II, 55) и др.

Правда, въ языкѣ нашего памятника бросаются въ глаза, хоть изрѣдка, и такія черты, которыя на первый взглядъ сильно не благопріятствуютъ выставляемой нами догадкѣ о времени и мѣстѣ его происхожденія. Съ одной стороны встрѣчаются явные сербизмы, напримѣръ: **ѿтоуждати** (предисловіе), **тоужди** (IV, 11), **моужета**=**моужата**=замужняя (II, 27), **тинь**=**тынъ** (I, 49), **посоулова дѣлѫ**=**посоуловъ дѣлѫ** (предисловіе), съ другой—такія русскія слова, въ виду которыхъ можно было бы относить происхожденіе памятника къ московскому періоду нашей исторіи, напримѣръ: **волостель** (I, 17. 18. II. 6. 26. 45), **намѣстникъ** (IV, 8), **казна** (II, 28. 45. 67; III, 5), **грошъ** (I, 21. 59) [1]. Но первые

---

[1] Впрочемъ слово *волостель* въ обще-славянской формѣ *властель* и въ смыслѣ вообще человѣка, власть имущаго, могло стоять и въ первоначальной редакціи «Книгъ законныхъ». Въ этомъ видѣ и смыслѣ оно довольно часто встрѣчается въ памятникахъ нашей письменности кіевскаго періода, напримѣръ, въ извѣстномъ «свиткѣ хиротоніи», или святительскомъ поученіи новопоставленному священнику — памятникѣ, едва-ли не современномъ началу русской церкви (см. Русск. Истор. Библіот. т. VI, стр. 107 и 109). Тѣмъ же самымъ словомъ неизвѣстный русскій переводчикъ Гезихіева Лексикона въ XII—XIII в. перевелъ греческое ἡγεμών (Kopitar, Hesychii glossographi discipulus Russus, p. 8). Въ «Книгахъ законныхъ» *волостель* является равнозна-

примѣры доказываютъ только, что «Книги законныя» съ эпохи появленія ихъ въ русскомъ переводѣ до XV вѣка успѣли уже побывать въ Сербіи или въ самой Россіи подъ руками сербскаго писца, который естественно оставилъ на нихъ слѣды своего говора, не вдругъ потомъ исчезнувшіе подъ перомъ русскихъ переписчиковъ; [1] а примѣсь къ первоначальному языку памятника новыхъ русскихъ рѣченій, свойственныхъ уже московскому періоду, свидѣтельствуетъ только о продолжающемся практическомъ значеніи «Книгъ законныхъ», что побуждало писцовъ дѣлать въ нихъ такія же перемѣны и подновленія, какимъ подверглись, при переходѣ изъ кіевской Руси въ московскую, и другіе подобные памятники, напримѣръ—церковные уставы Владиміра и Ярослава [2].

чущимъ греческому ἄρχων» (за исключеніемъ одного случая, гдѣ ему дано спеціальное значеніе сборщика податей— I, гл. 18) и пишется иногда *властель* (II, 67; ср. I, 76).—*Намѣстникъ* впервые встрѣчается въ грамотѣ рижскаго архіепископа къ смоленскому князю Ѳеодору 1284 г. (см. Срезневскаго, Памят. русск. письма и языка, изд. 2, стр. 147); *казна* — въ договорной грамотѣ в. к. Дмитрія Ивановича съ серпуховскимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ 1388 г. (Собр. Гос. Грам. I, 65), но могло перейти въ русскій языкъ и прежде—отъ Половцевъ и Татаръ; наконецъ *грошъ*—'въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1305 г. (Пол. Собр. Лѣт. II, 227: «сице Ляхъ единъ по гривнѣ, сирѣчь, по десети *грошей* литовскихъ въ Литвѣ и Руси Бѣлой продаванъ былъ»).

[1] Что памятники древне-русской письменности, переводные и оригинальные, дѣлались достояніемъ и южныхъ славянъ (Болгаръ и Сербовъ), — это фактъ, давно уже поставленный на видъ славистами. См. Востокова «Описаніе Рум. Музеума» стр. 451 и слѣд.; «В. И. Ламанскаго О нѣкоторыхъ славян. рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ», стр. 113 и слѣд. и И. В Ягича Opisi i Izvodi II, p. 167, гдѣ приведено (пун. *x*) изъ болгарскаго номоканона XIV вѣка одно правило, несомнѣнно принадлежащее къ тексту каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II (ср. Русск. Ист. Библіот. т. VI, стр. 14, пун. 26). На Аѳонѣ, гдѣ преимущественно происходилъ обмѣнъ духовныхъ произведеній между православными славянскими народами, уже въ половинѣ XII в. находимъ русскія книги и, между прочимъ, *номоканонъ* — фактъ, впервые оповѣщенный ученому міру покойнымъ В. И. Григоровичемъ (Путеш. стр. 78; ср. Акты Пантелейм. монастыря, стр. 56). Русскія книги, разъ попавшія на Аѳонъ, легко могли снова возвратиться оттуда на родину—уже въ юго-славянской транскрипціи.

[2] Извѣстно, что въ позднѣйшихъ редакціяхъ этихъ уставовъ являются, вмѣсто старыхъ гривенъ, *рубли* и даже тѣже *гроши*. См. списокъ Владимірова устава XV в., изданный въ Описаніи ркп. московской синод. библіотеки, отд. II, ч. 3, стр. 577 и списокъ Ярославова—въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, стр. 42.

Источники византійскаго права переводились и переписывались у насъ не для назидательнаго или занимательнаго чтенія, а для возможнаго приложенія ихъ къ жизни, къ мѣстной юридической практикѣ. Съ тою же, конечно, цѣлію переведены и «Книги законныя». На взглядъ переводчика это были такія «Книги, *ими же годится вякосе дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ*». Назначая такимъ образомъ свой трудъ въ руководство русскимъ князьямъ, при отправленіи ими правосудія, переводчикъ естественно долженъ былъ по возможности обрусить византійскіе законы, приспособить ихъ къ русскому быту и понятіямъ. Отсюда —частыя, болѣе или менѣе знаменательныя отступленія перевода отъ подлинника. Переводчикъ не только перелагаетъ на русскій ладъ или «толкъ» отдѣльные византійскіе термины, имѣвшіе техническое значеніе, но и дѣлаетъ въ текстѣ иноземныхъ законовъ разныя перемѣны, сокращенія и дополненія. Такъ слово *царь* (βασιλεύς) постоянно сопровождается прибавкою: *или князь* (II, 12; III, 4. 12); греческое δημόσιον (казна) переводится: *казна обчая* (II, 45), или: *господская казна* (III, 5), *казна господская опчая* (II, 28), съ поясненіемъ въ одномъ случаѣ фразы: *къ обчей казнѣ* словами: *еже есть ко князю* (II, 67); ῥογαί (государственное жалованье чиновникамъ) передается перифразомъ: *честь и власти* (=волости), *яже отъ князя* (II, 67), что̀ очевидно указываетъ на систему русскихъ «кормленій»; θεῖοι δικασταί (судьи императорскаго трибунала въ Константинополѣ) называются *соудіи княжи* (IV, 8). Особенно знаменательно слово *десятина*, два раза употребленное переводчикомъ въ текстѣ Земледѣльческаго устава для выраженія двухъ совершенно различныхъ византійскихъ понятій: μόρτη (гл. 9) и ἐκστραόρδινα (гл. 18). Первое принадлежитъ къ сферѣ гражданскаго, послѣднее — къ сферѣ государственнаго (финансоваго) права. Μόρτη или μορτὴ, по точному опредѣленію самого Земледѣльческаго устава, есть арендная плата крестьянина, сидящаго на чужой землѣ и обязаннаго, по условіямъ аренды, отдавать землевладѣльцу *десятый* снопъ своей жатвы: μορτιτοῦ μέρος, говоритъ уставъ, δεμάτια ἐννέα· χωροδότου μέρος,

δεμάτιον ἕν (часть мортита — девять сноповъ, часть земледавальца — одинъ снопъ). Въ томъ же смыслѣ μόρτη употребляется и въ позднѣйшихъ юридическихъ актахъ византійской имперіи [1]. Такимъ образомъ русскій переводчикъ, назвавъ византійскую морту *десятиною*, совершенно правильно передалъ подлинное значеніе этого термина. Но смыслъ слова ἐκστραόρδινα довольно загадоченъ, по крайней мѣрѣ — въ текстѣ той статьи Земледѣльческаго устава, въ которой оно встрѣчается. Приводимъ эту статью вполнѣ вмѣстѣ съ новымъ (нашимъ) и древне-русскимъ переводомъ: Ἐὰν γεωργὸς ἀποδράσῃ ἐκ τοῦ ἰδίου ἀγροῦ, τελείτωσαν κατ᾽ ἔτος τὰ ἐκστραόρδινα τοῦ δημοσίου λόγου οἱ τρύγοντες ἤτοι νεμόμενοι τὸν αὐτοῦ ἀγρόν· εἰ δὲ μὴ, ζημιούσθωσαν ἐν διπλῇ ποσότητι. То есть: «Если земледѣлецъ сбѣжитъ съ своей земли, то казенныя подати съ его участка, называемыя ἐκστραόρδινα, пусть ежегодно выплачиваютъ тѣ, кто пользуется или владѣетъ этимъ участкомъ; если же не выплачиваютъ, то подвергаются взысканію (податей) въ двойномъ количествѣ». Или — по древне-русскому переводу: «Аще земледѣлець отбѣжить своего села, волостель емлеть десятинѹ отъ дѣлающихъ села того; аще ли что утаять, сугубо отдадять». Такъ какъ и въ подлинникѣ и въ этомъ древнерусскомъ переводѣ рѣчь идетъ объ ежегодной, слѣдовательно — *обыкновенной* поземельной подати, то терминъ ἐκστραόρδινα, очевидно, никакъ нельзя понимать въ прямомъ его смыслѣ, т. е. въ значеніи *чрезвычайнаго* налога на землю; а если такъ, то необходимо или принять другое чтеніе, какое дѣйствительно нашелъ Цахаріэ въ старыхъ рукописяхъ, именно вм. ἐκστραόρδινα читать ἐξόρδινα (= τὰ ex ordine τέλη), что̀ будетъ значить *указныя, уста-*

---

[1] Такъ въ одной судной грамотѣ XIII вѣка, выданной монастырю по его жалобѣ на сосѣдняго землевладѣльца, который, захвативъ часть монастырской земли, не хотѣлъ платить слѣдующей съ нея морты (ὡς καὶ τὴν ἀνήκουσαν ἡμῖν μορτὴν οὗτος ἀφείλετο), изложенъ такой судебный приговоръ: землю возвратить по принадлежности съ уплатою и *десятины* съ нея за все время неправомѣрнаго владѣнія (ἀποδῷ δὲ ὁ Μαρμαρᾶς — отвѣтчикъ — καὶ τὴν ἣν ἀδίκως καὶ ἀμετόχως ἀφείλετο δεκατίαν ἀπὸ τοῦ τοπίου). См. Миклошича и Мюллера. Acta monasteriorum, t. I, p. 419—420.

новленныя подати[1], или, держась нашего чтенія, понимать огреченное ὄρδινον въ значеніи, какое имѣло у Византійцевъ уменьшительное отъ него ὀρδίνιον—борозда, межа[2], такъ что τὰ ἐκστραόρδινα будетъ означать: подати, взимаемыя съ тяглаго человѣка за пользованіе землею *внѣ межи* или *за межею* его собственнаго земельнаго участка. За тѣмъ слѣдуетъ новый и болѣе для насъ интересный вопросъ: почему русскій переводчикъ принялъ ἐξόρδινα или ἐκστραόρδινα за *десятину*? По отношенію къ византійскому праву это была, конечно, ошибка, такъ какъ въ источникахъ десятина (δεκάτη, δεκατία) прямо отличается отъ обыкновенной поземельной подати (ζυγοκέφαλον, ζυγαστικόν)[3]. Въ сложной системѣ византійскихъ государственныхъ налоговъ десятина была, вопервыхъ, таможенною пошлиной: такъ, по свидѣтельству арабскаго писателя IX вѣка Хордадбе, византійскіе императоры брали десятину съ товаровъ, привозимыхъ *русскими* купцами въ греческіе города по берегамъ Чернаго моря[4]; вовторыхъ, десятиною обложена была извѣстная часть инвентаря поземельной собственности, именно всѣ домашнія животныя, въ особенности свиньи (отсюда и спеціальное названіе—χοιροδεκατία)[5]. Въ этомъ именно смыслѣ говорятъ о десятинѣ Пира (тит. XXXVII, гл. 2) и Θеофилактъ болгарскій, который, между прочимъ, жалуется на то, что эта подать, вопреки царскимъ хрисовуламъ, взималась и съ клириковъ[6]. Въ юго-славянскихъ земляхъ, въ

---

[1] Zachariae, Geschichte des griech.—röm. Rechts. 2-te Aufl. s. 238, not. 837.

[2] У Дюканжа подъ словомъ ὀρδίνιον приводятся слѣдующія слова схоліаста на 10-ю идиллію Θеокрита: αὔλακα τὸν ὄγμον φησί, τὸ κοινῶς λεγόμενον ὀρδίνιον; ср. 1 и 57 статьи Земледѣльческаго устава, гдѣ αὔλαξ употребляется въ значеніи межи и нивы.

[3] См., напримѣръ, исчисленіе государственныхъ податей въ жалованной грамотѣ (хрисовулѣ) императора Андроника Старшаго Монемвасійцамъ 1317 г. Zachariae, Jus graeco-romanum, t. III, p. 636.

[4] Гаркави, Сказанія мусульм. писателей о Славянахъ и Русскихъ, стр. 49.

[5] Примѣры изъ византійскихъ и славянскихъ источниковъ приведены Θ. И. Успенскимъ въ «Матеріалахъ для исторіи землевладѣнія въ XIV в.». Одесса. 1883, стр. 55 (подъ словомъ «Хиродакатны»).

[6] Epist. XLI, ed. Meursii (Lugduni Batavorum. 1617) p. 70: ἔπειτα ὅτι ἐπὶ πᾶσι τοῖς ζώοις πρὸ τούτου εἶχον (οἱ κληρικοὶ) ἀτέλειαν δεκατώσεως и pag. 71:

Болгаріи и Сербіи, десятина была, повидимому, типическою формою всѣхъ государственныхъ налоговъ: здѣсь она существовала и какъ таможенная пошлина и какъ подать, взимаемая натурою не только съ домашнихъ животныхъ, но и съ жита, меда (пчелъ) и вина [1]. Уже по аналогіи съ этими фактами изъ жизни соплеменныхъ намъ народовъ нужно допустить, что и въ древней Руси первоначальною формою государственной подати была именно десятина, установленная, можетъ быть, еще «рядомъ» славяно-русскихъ племенъ съ князьями, которыхъ они призвали къ себѣ «изъ за моря» [2]. Только отъ этой государственной десятины, какъ исконнаго русскаго учрежденія, можно производить и ту церковную десятину, которую въ XI—XIII вв. мы видимъ и въ Кіевѣ, и въ Смоленскѣ, и въ Новгородѣ, и въ Суздальской землѣ, но которая, въ смыслѣ государственнаго пожалованія церкви, вовсе была неизвѣстна въ Византіи. Предметомъ десятиннаго сбора было у насъ приблизительно то самое, что̀ и у южныхъ Славянъ: жито, медъ, пиво, домашнія животныя, и въ особенности—употребляемыя въ пищу (овцы, свиньи, рогатый скотъ и пр.). Древне-русскій переводчикъ византійскаго Земледѣльческаго устава, говоря о десятинѣ, какъ обыкновенной поземельной подати (*волостель емлетъ десятину* отъ дѣлающихъ *села того*), разумѣлъ, конечно,

---

ἔτι τῆς ἐκκλησίας τῶν ζώων ἐξουσίαν ἁδρῶν τε καὶ λεπτῶν ἐχούσης ἐκ δωρεᾶς βασιλικῆς, οἱ ῥηθέντες ἄνθρωποι (сборщики податей) ταῦτα ἐδεκατώθησαν ἐφ᾽ οἷς εἶχον ζώοις ὀλίγοις πάνυ παρ᾽ ἐμοῦ δοθεῖσιν αὐτοῖς εἰς βραχεῖαν παράκλησιν.

[1] См. болгарскія грамоты, изданныя Н. Н. Срезневскимъ въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ» подъ № LXXXI, стр. 21 («десеткаре пчелньи»); стр. 32 («десяткаре всѣкии, свинии, овчи, пчельныи». . . . «ни десятокъ никакъвъ, ни хлѣбъ, ни вино, ни мясо, ни зоби, ни курята»). Примѣры изъ сербскихъ актовъ указаны Ѳ. И. Успенскимъ въ цитованномъ сочиненіи и Даничичемъ въ Рѣчникѣ подъ словомъ «десетькь».

[2] Само собою понятно, что размѣръ дани съ *покоренныхъ* племенъ зависѣлъ отъ личнаго усмотрѣнія самихъ князей. Понятно также, что десятина составляла не единственный источникъ княжескихъ доходовъ. На ряду съ нею существовали еще доходы съ земель, составлявшихъ личную собственность князей, пошлины судебныя (виры и продажи), таможенныя и пр. Кстати замѣтимъ, что названіе одной изъ древнихъ таможенныхъ пошлинъ *осмьничее* довольно близко подходитъ къ *десятинѣ*.

десятину отъ собраннаго съ земли *жита*. Указаніе (правда, весьма темное) на десятинный сборъ съ домашнихъ животныхъ мы находимъ въ статьѣ Русской Правды, говорящей о десятинѣ, какъ судебной пошлинѣ за кражу овцы, козы и свиньи [1]. Если это не χοιροδεκατία Византійцевъ и не «десятокъ свинній и овчій» Болгаръ и Сербовъ, то и не наша *церковная* десятина «отъ суда княжа», ибо о десятинѣ въ этомъ последнемъ смыслѣ нужно было бы говорить и во всѣхъ другихъ статьяхъ Правды, гдѣ только опредѣляется размѣръ «продажи», т. е. судебнаго взысканія съ виновнаго. Между тѣмъ, если допустить существованіе у насъ десятиннаго сбора съ домашнихъ животныхъ, то будетъ понятно установленіе и самое названіе судебной пошлины, являвшейся замѣною того, что̀ обязанъ былъ внести князю хозяинъ украденныхъ животныхъ. Государственная десятина, по всей вѣроятности, просуществовала у насъ не долго послѣ того, какъ по ея образцу учреждена была церковная [2]; уступивъ этой послѣдней свое названіе, она сама переименовалась и преобразилась въ другія подати, число которыхъ постоянно возрастало и характеръ измѣнялся сообразно съ новыми потребностями и внутреннимъ ростомъ самого государства. Тѣмъ не менѣе въ исключительныхъ случаяхъ, представлявшихъ аналогію

---

[1] «Аже оукрадоуть овъцоу или козоу или свинью, а ихъ боудеть 10 одиноу овьцоу оукралѣ, то положать по 60 рѣзанъ продажи. А хто изималъ, томоу 10 рѣзанъ; а отъ 3 гривнѣ мечникоу коуна, а въ девятиноу (читай десятиноу) 15 коунъ, а князю три гривны; а отъ 12 гривноу емъцю 70 коунъ, а въ десятиноу 2 гривнѣ, а князю 10 гривенъ» (Акад. сп. ст. 40—41).

[2] Замѣчательно, что о десятинѣ, какъ судебной пошлинѣ, говорится только въ старшемъ изводѣ Русской Правды (т. е. въ Акад. спискѣ); позднѣйшіе изводы, образовавшіеся, однакожъ, не далѣе конца XIII вѣка, уже не знаютъ этой пошлины, хотя *церковная* десятина несомнѣнно существовала еще въ XV вѣкѣ. Впрочемъ, и въ этихъ 'позднѣйшихъ изводахъ, вслѣдъ за приведенною статьею Акад. списка, стоитъ слѣдующія: Аже крадеть гумно или жито въ ямѣ, то колико ихъ булеть крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ; а оу него же погибло, то оже будеть лице, лице поиметь, а *за лѣто* возметь по полугривнѣ» (Троиц. сп. ст. 39). Взысканіе съ вора за кражу *сноповъ* съ гумна и *жита* изъ ямы (т. е. такихъ предметовъ, съ которыхъ тоже взимался когда-то десятинный сборъ), особенной пени въ пользу хозяина—«*за лѣто*», не есть-ли видоизмѣненіе прежней судебной пошлины — *десятины*?

Болгаріи и Сербіи, десятина была, повидимому, типическою формою всѣхъ государственныхъ налоговъ: здѣсь она существовала и какъ таможенная пошлина и какъ подать, взимаемая натурою не только съ домашнихъ животныхъ, но и съ жита, меда (пчелъ) и вина [1]. Уже по аналогіи съ этими фактами изъ жизни соплеменныхъ намъ народовъ нужно допустить, что и въ древней Руси первоначальною формою государственной подати была именно десятина, установленная, можетъ быть, еще «рядомъ» славяно-русскихъ племенъ съ князьями, которыхъ они призвали къ себѣ «изъ за моря» [2]. Только отъ этой государственной десятины, какъ исконнаго русскаго учрежденія, можно производить и ту церковную десятину, которую въ XI—XIII вв. мы видимъ и въ Кіевѣ, и въ Смоленскѣ, и въ Новгородѣ, и въ Суздальской землѣ, но которая, въ смыслѣ государственнаго пожалованія церкви, вовсе была неизвѣстна въ Византіи. Предметомъ десятиннаго сбора было у насъ приблизительно то самое, что̀ и у южныхъ Славянъ: жито, медъ, пиво, домашнія животныя, и въ особенности—употребляемыя въ пищу (овцы, свиньи, рогатый скотъ и пр.). Древне-русскій переводчикъ византійскаго Земледѣльческаго устава, говоря о десятинѣ, какъ обыкновенной поземельной подати (*волостель емлеть десятину* отъ дѣлающихъ *села того*), разумѣлъ, конечно,

---

ἔτι τῆς ἐκκλησίας τῶν ζώων ἐξκουσίαν ἀδρῶν τε καὶ λεπτῶν ἐχούσης ἐκ δωρεᾶς βασιλικῆς, οἱ ῥηθέντες ἄνθρωποι (сборщики податей) ταῦτα ἐδεκατώθησαν ἐφ' οἷς εἶχον ζώοις ὀλίγοις πάνυ παρ' ἐμοῦ δοθεῖσιν αὐτοῖς εἰς βραχεῖαν παράκλησιν.

[1] См. болгарскія грамоты, изданныя И. И. Срезневскимъ въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ» подъ № LXXXI, стр. 21 («десеткаре пчельни»); стр. 32 («десяткаре всѣкии, свинии. овчи, пчельныи». . . . «ни десятокъ никакъвъ, ни хлѣбъ, ни вино, ни мясо, ни зоби, ни курята»). Примѣры изъ сербскихъ актовъ указаны Ѳ. И. Успенскимъ въ цитованномъ сочиненіи и Даничичемъ въ Рѣчникѣ подъ словомъ «десетькь».

[2] Само собою понятно, что размѣръ дани съ *покоренныхъ* племенъ зависѣлъ отъ личнаго усмотрѣнія самихъ князей. Понятно также, что десятина составляла не единственный источникъ княжескихъ доходовъ. На ряду съ нею существовали еще доходы съ земель, составлявшихъ личную собственность князей, пошлины судебныя (виры и продажи), таможенныя и пр. Кстати замѣтимъ, что названіе одной изъ древнихъ таможенныхъ пошлинъ *осмьничее* довольно близко подходитъ къ *десятинѣ*.

ному пастуху за доеніе хозяйскихъ овецъ, прибавлено: *или коровъ*; въ главѣ 53-й, послѣ назначенія денежнаго штрафа за кражу земледѣльческихъ орудій, прибавлено: «*а лице* (украденную вещь) *отдасть*». Въ «Законѣ о казнѣхъ» слово πρᾶγμα переведено *вещь*, но съ поясненіемъ: *или товаръ* (гл. 34); точно также въ главѣ 24 слова: «освященныя жены» пояснены: *или черницы*. По самую видную прибавку составляетъ цѣлая статья, внесенная переводчикомъ въ составъ «Закона о казнѣхъ» и содержащая въ себѣ положеніе, хотя по буквѣ и составленное изъ византійскихъ источниковъ, но по смыслу совершенно чуждое византійскому праву, именно: «**Аще закономъ брака смѣсится (вдова) съ своимъ рабомъ, то двоженца запрещеніе пріиметь, и имѣніе жъ прѣкаго мужа дѣтемъ да хранится, и всего своего да отпадетъ: обругала убо перваго мужа вторымъ бракомъ**» (гл. 29). По грекоримскимъ законамъ, бракъ вдовы съ своимъ рабомъ, да еще при дѣтяхъ отъ перваго мужа, былъ дѣломъ совершенно невозможнымъ, что̀ отчасти видно и изъ предыдущей статьи самого «Закона о казнѣхъ», гдѣ вполнѣ согласно съ подлинникомъ опредѣляется наказаніе вдовѣ за *внѣбрачную* связь съ своимъ рабомъ. Между тѣмъ на взглядъ русскаго составителя статьи бракъ этотъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго, т. е. дозволеннаго вдовѣ втораго брака и сопровождается для нея тѣми же самыми послѣдствіями, какъ если бы она вступила въ бракъ съ лицомъ свободнымъ. Самый мотивъ признанія такого брака наказуемымъ: «**обругала бо перваго мужа вторымъ бракомъ**» не содержитъ въ себѣ указанія на зазорную личность втораго мужа, а взятъ изъ грекоримскаго закона, по которому второй бракъ вдовы во всякомъ случаѣ есть «обруганіе» для перваго мужа и прижитыхъ отъ него дѣтей [1]. Такимъ образомъ настоящая статья представляетъ намъ

[1] Законъ этотъ содержится въ томъ же Прохиронѣ или, по нашимъ Кормчимъ, въ «Градскомъ законѣ», откуда заимствована вся вторая часть «Книгъ законныхъ». Во 2-й главѣ 6-й грани «Градскаго закона» мы читаемъ: «Никосяже власти не бываетъ матери (вступившей во второй бракъ), яко овы убо отъ дѣтей любити, овы же безчествовати, *понеже всѣхъ купно поругаетъ вторымъ бракомъ*».

замѣчательный образецъ приспособленія византійскихъ законовъ къ русскому нравственно-юридическому смыслу, которому были чужды греко-римскія понятія о рабствѣ и который допускалъ полную возможность брака вдовы-госпожи съ своимъ рабомъ, особенно если послѣдній былъ военноплѣнный. Характеристиченъ въ этомъ отношеніи разсказъ печерскаго Патерика о св. Моѵсеѣ Угринѣ. Взятый въ плѣнъ во время войны в. к. Ярослава I съ польскимъ королемъ Болеславомъ, св. Моѵсей, по обычаю того времени, былъ проданъ въ рабство одной знатной польской вдовѣ, которая, влюбившись въ своего красиваго раба, хотѣла выйти за него за мужъ, но не успѣла въ этомъ только потому, что цѣломудренный юноша далъ уже обѣтъ монашества и оставался равнодушнымъ и къ ласкамъ своей прелестной госпожи, переходившимъ иногда въ лютыя истязанія, *и къ увѣщаніямъ окружающихъ, даже — самого короля* [1].— 3) На ряду съ указанными дополненіями къ тексту своего подлинника, русскій компиляторъ «Книгъ законныхъ» дѣлалъ въ немъ и нѣкоторыя сокращенія. Напримѣръ: въ 21-й статьѣ «Закона о казнѣхъ» опущена цѣна раба: εἴκοσι νομίσματα—потому, вѣроятно, что она оказывалась несогласною съ опредѣленіями Русской Правды [2]. Въ слѣдующей (22-й) главѣ того же «Закона»—о наказаніи за кражу во время пожара или кораблекрушенія —оставлены безъ перевода послѣднія слова подлинника: μετὰ δὲ τὸν ἐνιαυτόν, εἰς τὸ ἁπλοῦν, т. е. по прошествіи года послѣ совершенія кражи потерпѣвшему лицу дается искъ не

---

[1] См. Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, изданные Яковлевымъ. Спб. 1872, стр. 144—151.

[2] 20 номисмъ—это средняя цѣна раба, опредѣленная въ томъ же Прохиронѣ (tit. XXXIV, cap. 11). Таже самая цифра назначена въ договорѣ Олега съ греками 911 года для выкупа военноплѣнныхъ изъ рабства (ст. 11). Въ Русской Правдѣ за умерщвленіе раба опредѣляется хозяину вознагражденіе въ размѣрѣ отъ 5 до 12 гривенъ, смотря по служебнымъ способностямъ раба или его отношеніямъ къ личности хозяина (Карамз. сп. ст. 12, 13, 14); Византійская номисма, какъ извѣстно, равнялась золотнику=$^1/_{72}$ литры (=гривны). Поэтому, если мы допустимъ даже, что въ приведенныхъ статьяхъ Русской Правды разумѣется гривна кунъ, которую принято считать за половину литры (36 золотниковъ), то и самая нисшая русская цѣна раба (5 гривенъ) будетъ въ 9 разъ выше средней византійской (36 X 5 : 20=9).

ному пастуху за доеніе хозяйскихъ овецъ, прибавлено: *или коровъ*; въ главѣ 53-й, послѣ назначенія денежнаго штрафа за кражу земледѣльческихъ орудій, прибавлено: «*а лице* (украденную вещь) *отдасть*». Въ «Законѣ о казнѣхъ» слово πρᾶγμα переведено *вещь*, но съ поясненіемъ: *или товаръ* (гл. 34); точно также въ главѣ 24 слова: «освященныя жены» пояснены: *или черницы*. Но самую видную прибавку составляетъ цѣлая статья, внесенная переводчикомъ въ составъ «Закона о казнѣхъ» и содержащая въ себѣ положеніе, хотя по буквѣ и составленное изъ византійскихъ источниковъ, но по смыслу совершенно чуждое византійскому праву, именно: «**Аще закономъ брака смѣситсѧ (вдова) съ своимъ рабомъ, то двоженца запрещеніе пріиметь, и имѣніе жъ пръваго мужа дѣтемъ да хранитсѧ, и всего своего да отпадетъ: обругала убо перваго мужа вторымъ бракомъ**» (гл. 29). По греко-римскимъ законамъ, бракъ вдовы съ своимъ рабомъ, да еще при дѣтяхъ отъ перваго мужа, былъ дѣломъ совершенно невозможнымъ, что̀ отчасти видно и изъ предыдущей статьи самого «Закона о казнѣхъ», гдѣ вполнѣ согласно съ подлинникомъ опредѣляется наказаніе вдовѣ за *внѣбрачную* связь съ своимъ рабомъ. Между тѣмъ на взглядъ русскаго составителя статьи бракъ этотъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго, т. е. дозволеннаго вдовѣ втораго брака и сопровождается для нея тѣми же самыми послѣдствіями, какъ если бы она вступила въ бракъ съ лицомъ свободнымъ. Самый мотивъ признанія такого брака наказуемымъ: «**обругала бо перваго мужа вторымъ бракомъ**» не содержитъ въ себѣ указанія на зазорную личность втораго мужа, а взятъ изъ греко-римскаго закона, по которому второй бракъ вдовы во всякомъ случаѣ есть «обруганіе» для перваго мужа и прижитыхъ отъ него дѣтей [1]. Такимъ образомъ настоящая статья представляетъ намъ

[1] Законъ этотъ содержится въ томъ же Прохиронѣ или, по нашимъ Кормчимъ, въ «Градскомъ законѣ», откуда заимствована вся вторая часть «Книгъ законныхъ». Во 2-й главѣ 6-й грани «Градскаго закона» мы читаемъ: «Никосяже власти не бываетъ матери (вступившей во второй бракъ), яко овы убо отъ дѣтей любити, овы же безчествовати, *понеже всѣхъ купно поругаетъ вторымъ бракомъ*».

замѣчательный образецъ приспособленія византійскихъ законовъ къ русскому нравственно-юридическому смыслу, которому были чужды греко-римскія понятія о рабствѣ и который допускалъ полную возможность брака вдовы-госпожи съ своимъ рабомъ, особенно если послѣдній былъ военноплѣнный. Характеристиченъ въ этомъ отношеніи разсказъ печерскаго Патерика о св. Моѵсеѣ Угринѣ. Взятый въ плѣнъ во время войны в. к. Ярослава I съ польскимъ королемъ Болеславомъ, св. Моѵсей, по обычаю того времени, былъ проданъ въ рабство одной знатной польской вдовѣ, которая, влюбившись въ своего красиваго раба, хотѣла выйти за него за мужъ, но не успѣла въ этомъ только потому, что цѣломудренный юноша далъ уже обѣтъ монашества и оставался равнодушнымъ и къ ласкамъ своей прелестной госпожи, переходившимъ иногда въ лютыя истязанія, *и къ увѣщаніямъ окружающихъ, даже — самого короля* [1].— 3) На ряду съ указанными дополненіями къ тексту своего подлинника, русскій компиляторъ «Книгъ законныхъ» дѣлалъ въ немъ и нѣкоторыя сокращенія. Напримѣръ: въ 21-й статьѣ «Закона о казнѣхъ» опущена цѣна раба: εἴκοσι νομίσματα—потому, вѣроятно, что она оказывалась несогласною съ опредѣленіями Русской Правды [2]. Въ слѣдующей (22-й) главѣ того же «Закона»—о наказаніи за кражу во время пожара или кораблекрушенія —оставлены безъ перевода послѣднія слова подлинника: μετὰ δὲ τὸν ἐνιαυτόν, εἰς τὸ ἁπλοῦν, т. е. по прошествіи года послѣ совершенія кражи потерпѣвшему лицу дается искъ не

---

[1] См. Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, изданные Яковлевымъ. Спб. 1872, стр. 144—151.

[2] 20 номисмъ—это средняя цѣна раба, опредѣленная въ томъ же Прохиронѣ (tit. XXXIV, cap. 11). Таже самая цифра назначена въ договорѣ Олега съ греками 911 года для выкупа военноплѣнныхъ изъ рабства (ст. 11). Въ Русской Правдѣ за умерщвленіе раба опредѣляется хозяину вознагражденіе въ размѣрѣ отъ 5 до 12 гривенъ, смотря по служебнымъ способностямъ раба или его отношеніямъ къ личности хозяина (Карамз. сп. ст. 12, 13, 14); Византійская номисма, какъ извѣстно, равнялась золотнику=$^{1}/_{72}$ литры (=гривны). Поэтому, если мы допустимъ даже, что въ приведенныхъ статьяхъ Русской Правды разумѣется гривна кунъ, которую принято считать за половину литры (36 золотниковъ), то и самая нисшая русская цѣна раба (5 гривенъ) будетъ въ 9 разъ выше средней византійской (36 X 5 : 20=9).

вчетверо противъ цѣны украденнаго (какъ въ теченіе года), а простой. Мы не можемъ объяснить этотъ пропускъ сопоставленіемъ настоящей статьи «Книгъ законныхъ» съ какимъ либо изъ извѣстныхъ источниковъ древне-русскаго права; можетъ быть, тутъ выразился личный взглядъ переводчика на преступленіе кражи, совершенное при столь отягчающихъ обстоятельствахъ.

Но если переводчикъ, точнѣе, компиляторъ «Книгъ законныхъ» *съ своей стороны* сдѣлалъ все, чтобы приблизить византійскіе законы къ русскому быту и понятіямъ, то этимъ еще не рѣшается вопросъ о *дѣйствительномъ* практическомъ значеніи для древней Руси его компиляціи. Вопросъ этотъ важенъ для насъ собственно только по отношенію къ первой части «Книгъ законныхъ» — Земледѣльческому уставу, такъ какъ всѣ остальныя части содержались и въ «великомъ номоканонѣ», т. е. въ Кормчей книгѣ, значитъ, и отсюда могли быть познаваемы и такъ или иначе прилагаемы къ жизни. Самъ по себѣ Земледѣльческій уставъ византійскихъ императоровъ-иконоборцевъ весьма близко подходилъ къ быту русскаго крестьянства до эпохи его окончательнаго прикрѣпленія къ землѣ и закрѣпощенія за лицами, которыхъ законъ и государственная власть признавали собственниками земли. Уставъ этотъ, какъ впервые показано знаменитымъ юристомъ-византологомъ Цахаріэ и подтверждено нашимъ русскимъ ученымъ—В. Г. Васильевскимъ, выросъ на византійской почвѣ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ славянства [1]. Онъ основанъ на двухъ началахъ соціальной жизни всѣхъ древне-славянскихъ племенъ: общинномъ землевладѣніи и личной свободѣ крестьянина-земледѣльца, хотя бы онъ сидѣлъ и на чужой землѣ. Нѣкоторыя статьи устава какъ будто списаны съ древне-русской крестьянской жизни, черты которой можно отчасти наблюдать и въ настоящее время въ мѣстностяхъ, не знавшихъ крѣпостнаго права. «Если, говоритъ одна статья, два села спорятъ о межѣ или участкѣ земли, то пусть судьи разсмотрятъ (дѣло) и выда-

---

[1] Цахаріэ, цит. соч. стр. 238; Васильевскій, Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1878, нояб. стр. 104—105.

дутъ правую грамоту (ἀποδότωσαν τὸ δικαίωμα) той сторонѣ которая владѣла (спорною землею) большее число лѣтъ; если же есть на лицо и старая межа, то пусть остается неприкосновеннымъ право прежняго владѣнія (ст. 7). — «Если, читаемъ въ другой статьѣ, совершится раздѣлъ (общей земли) и кто либо будетъ обиженъ въ своемъ жеребьи или участкѣ, то таковые въ правѣ порушить состоявшійся раздѣлъ и требовать передѣла» (ст. 10, въ подлин. 8). Но самымъ рельефнымъ выраженіемъ принципа общиннаго землевладѣнія служитъ слѣдующая статья византійскаго Земледѣльческаго устава: «Если кто изъ сельчанъ высмотритъ на общей землѣ мѣсто, удобное для построенія мельницы, и построитъ ее, то сельскій міръ (ἡ τοῦ χωρίου κοινότης) можетъ предъявить свои права на мѣсто, какъ общее, и, возмѣстивъ расходы по постройкѣ, дѣлается соучастникомъ (κοινωνοί) строителя мельницы во владѣніи ею» (ст. 77, въ подлин. 83). Послѣ раздѣла общей земли (въ составъ которой не входятъ усадьбы и огороды: ст. 20, 30 и 81, въ подлин. 21, 31 и 88), каждый крестьянинъ дѣлается собственникомъ (κύριος, δεσπότης) своего участка или жеребья (μερὶς, σκαρφίον), который онъ въ правѣ промѣнять другому крестьянину на время или навсегда (ст. 3, 4 и 5), отдать въ аренду исполу (ст. 12, 13 и 14) или кредитору въ пользованіе, для взиманія процентовъ (ст. 62, въ подлин. 66). Какъ полный хозяинъ своего участка, крестьянинъ всегда можетъ воспротивиться вторженію третьихъ въ свою долю, будь это вся сельская община (ст. 1, 2, 3, 19—въ подлин. 20— и 78 — въ подлин. 84). Но если онъ *допуститъ* кому нибудь разчистить подъ пашню свою заросшую лѣсомъ землю (ἔνυλον χώραν), то долженъ дозволить этому постороннему въ продолженіи трехъ лѣтъ пользоваться плодами своихъ трудовъ, и только по истеченіи этого времени можетъ требовать возвращенія своего земельнаго участка (ст. 16, въ подлин. 17). Если землевладѣлецъ находится въ отсутствіи, и кто нибудь выстроится на его заброшенной землѣ (ἐν ἀπόρῳ τόπῳ), или разведетъ на ней виноградникъ, то возвратившійся хозяинъ не въ правѣ прогнать но-

ваго владѣльца съ своей земли, если этотъ послѣдній предложитъ ему вознагражденіе въ видѣ такого же земельнаго участка (ἀντιτοπίαν: ст. 20, въ подлин. 21). Пока земля не раздѣлена, общественныя подати вносятся конечно всѣмъ міромъ; но и послѣ раздѣла исправное поступленіе податей съ каждаго тяглаго (т. е. внесеннаго въ писцовую книгу) участка земли обезпечивается круговою отвѣтственностію всей общины (ст. 17 и 18, въ подлин. 18 и 19).

Наряду съ крестьянами-собственниками земельныхъ участковъ, Земледѣльческій уставъ знаетъ крестьянъ, обработывающихъ земли крупныхъ землевладѣльцевъ или участки крестьянъ первой категоріи. Отношенія этихъ крестьянъ-присельниковъ (πάροικοι) къ землевладѣльцамъ опредѣлялись взаимнымъ ихъ соглашеніемъ, договоромъ (что̀ Земледѣльческій уставъ постоянно выражаетъ глаголомъ στοιχεῖν) [1]. Крестьянинъ, садившійся на землѣ крупнаго землевладѣльца (въ особенности — монастыря), обыкновенно платилъ ему за пользованіе землею десятую часть своей жатвы (μόρτη=τὸ δέκατον δεμάτιόν: ст. 9, въ подлин. 10). Но между самими крестьянами было въ обычаѣ отдавать свои участки въ аренду *исполу*, почему Земледѣльческій уставъ и называетъ такого крестьянина-арендатора *половникомъ* (ἡμισειαστής: ст. 12, 13 и 14, въ подлин. 12, 14 и 15). Объ этихъ крестьянахъ-присельникахъ въ уставѣ даются слѣдующія постановленія: если крестьянинъ-мортитъ (десятинникъ), отдѣливъ десятину безъ вѣдома земледавальца (χωροδότου), обмѣритъ его числомъ и качествомъ сноповъ, то, какъ воръ, лишенъ будетъ всего плода своего (ст. 8, въ подлин. 9). Если крестьянинъ, снявшій исполу участокъ земли для обработки, броситъ его, не докончивъ своего дѣла, то онъ лишается права на будущіе плоды

---

[1] Если Цахаріэ (Geschichte d. griech.-röm. Rechts, s. 240), а за нимъ и В. Г. Васильевскій (цит. ст. стр. 100) говорятъ о занятіи крестьянами чужой земли *только на основаніи молчаливаго согласія землевладѣльцевъ* и признаютъ такой способъ присельничества *самымъ распространеннымъ*, то мы не видимъ указаній на это въ Земледѣльческомъ уставѣ, по крайней мѣрѣ въ той его редакціи, съ которою имѣемъ дѣло.

своего затраченнаго труда и посѣва (ст. 12 и 13 въ подлин.) и сверхъ того обязывается вознаградить хозяина земли за ущербъ, нанесенный ему неисполненіемъ условій аренды (ст. 13 и 15, въ подлин. 14 и 16).

Таковы основныя черты гражданскаго быта крестьянъ по изображенію византійскаго Земледѣльческаго устава. Черты эти, какъ видитъ знающій дѣло читатель, вполнѣ идутъ къ быту древне-русскаго крестьянства отъ временъ Русской Правды до эпохи, когда отмѣнено право знаменитаго Юрьева дня. Мы находимъ въ иноземномъ уставѣ и *ролейныхъ смердовъ* Русской Правды (въ послѣдствіи получившихъ названіе *черныхъ* и *численныхъ* людей, т. е. свободныхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на тяглыхъ общественныхъ земляхъ), и — съ другой стороны — *ролейныхъ закуповъ* (позднѣйшихъ *сиротъ*, *серебренниковъ*, *изорниковъ*, *половниковъ*, вообще — крестьянъ, жившихъ на вотчинныхъ земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, съ правомъ свободнаго перехода). Не видно только въ нашихъ источникахъ прямыхъ указаній на существованіе въ древней Руси крестьянъ, платившихъ землевладѣльцамъ десятину. Тѣмъ не менѣе позволительно высказать догадку, что въ сферѣ церковнаго землевладѣнія крестьяне-десятинники были у насъ (какъ и въ Византіи) явленіемъ зауряднымъ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшія времена. Въ самомъ дѣлѣ, если даже въ XVI и XVII вв. монастыри находили выгоднымъ отдавать свои пустопорожнія земли изъ пятаго и шестаго снопа [1], то въ XII—XIII вв., когда свободныхъ земель было гораздо больше, а рабочихъ рукъ меньше, духовные землевладѣльцы могли довольствоваться и *десятымъ* снопомъ, тѣмъ болѣе, что такъ было въ Византіи и таковъ же былъ первоначальный видъ русскаго государственнаго пожалованья въ пользу церкви. Самое названіе древнихъ сборщиковъ архіерейскихъ податей *десятинниками* могло произойти только отъ типическаго размѣра подати, которая перво-

---

[1] См. напримѣръ Акт. Юрид. № 177 (1556 г.), № 186 (1590 г.), № 189 (1599 г.) и Акт. Экспед. т. III, № 217 (1632 г.).

начально взималась, вѣроятно, только со всего епархіальнаго духовенства [1], а потомъ, когда архіереи сдѣлались землевладѣльцами,—и съ крестьянъ, заселявшихъ ихъ земли.

Если такимъ образомъ иноземный Земледѣльческій уставъ былъ вполнѣ примѣнимъ къ быту древне-русскаго крестьянства въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя имѣли принципіальное значеніе, то, какъ положительный законъ, онъ «годился» и для «исправленія» разныхъ дѣлъ, всего чаще возникающихъ въ крестьянской общинѣ. Въ цѣломъ уставъ можетъ быть характеризованъ, по своему содержанію, какъ земско-полицейское и вмѣстѣ уголовное уложеніе. Онъ трактуетъ о разнаго рода кражахъ (земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота, жита, плодовъ, съѣстныхъ припасовъ и проч.), о захватѣ чужой земли и посѣва, о порубкѣ и поджогѣ чужаго лѣса, объ отвѣтственности пастуховъ за ввѣренный имъ скотъ, о потравахъ и другихъ убыткахъ, производимыхъ домашними животными, и т. п. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ византійскій законъ своимъ содержаніемъ соприкасается и даже вполнѣ совпадаетъ съ Русскою Правдой [2]. Конечно, русскій и

---

[1] О десятинникахъ, какъ сборщикахъ архіерейскихъ податей, содержится замѣчательное *историческое* свидѣтельство въ Стоглавѣ: «А что *преже сего* въ митрополіи и въ архіепископьяхъ и епископьяхъ ѣздили по градамъ и по десетинамъ десетинники и заѣзщики, и збирали на святителей дань по книгамъ и свои пошлины по грамотамъ и по книгамъ *по старинѣ*, и въ томъ *священникомъ* и *дьякономъ* отъ десетильниковъ и отъ заѣзщиковъ была нужда и продажа велика» и проч. (Стоглавъ, казан. изд. стр. 308). Въ другомъ мѣстѣ, опредѣляя значеніе десятинниковъ, какъ органовъ архіерейскаго суда, Стоглавъ совершенно правильно признаетъ ихъ исконнымъ русскимъ церковнымъ учрежденіемъ и вмѣстѣ даетъ замѣтить связь, какая изначала существовала между обѣими функціями ихъ служебной дѣятельности. Но объ этомъ рѣчь будетъ дальше.

[2] Почтенный авторъ «Предварительныхъ юрид. свѣдѣній для полнаго объясненія Рус. Правды» (Москва, 1846) сближаетъ съ извѣстными статьями Карамзинскаго списка Правды, включенными въ число статей «о рѣзѣ» и опредѣляющими прибыль, которая приходитъ хозяину отъ его скота, хлѣба и проч. въ теченіи 12 лѣтъ, слѣдующія двѣ статьи Земледѣльческаго устава: «Иже въ рѣзъ пріимшіи селища, аще явятся боле семи лѣтъ плоды обьимающа отъ селищь, да сочтеть судіа отъ семого лѣта или дале, и всякую половину плода на всякый годъ да причтеть къ истинѣ» (ст. 62). И: «Десятина нивы: сѣявшему девять споповъ, а имѣющему землю десятый снопъ» и проч.

иноземный законъ оцѣниваютъ (квалифицируютъ) и караютъ одни и тѣже правонарушенія по совершенно различнымъ системамъ. Но это не мѣшало древней нашей судебной практикѣ пользоваться и византійскимъ Земледѣльческимъ уставомъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, которые не были предусмотрѣны въ собственно-русскихъ источникахъ права: жизнь требовала только извѣстнаго подчиненія чужой догмы мѣстной юридической «пошлинѣ». Примѣры такого подчиненія находимъ въ памятникѣ, образовавшемся подъ совокупнымъ дѣйствіемъ византійской и русской догмы, — въ церковномъ уставѣ Ярослава. Вотъ текстъ двухъ статей этого устава въ параллели съ соотвѣтственными постановленіями византійскаго νόμος γεωργικός:

Церковный уставъ:	*Земледѣльческій:*
Аще кто зажьжеть гѹмно или дворъ, или иное что, митрополиту м҃ гривенъ, а опитимію подъимуть, а князь ихъ казнить (ст. 12).	Аще кто въ гоумно или в' стогы въвержеть огнь, мыщаѧ враж[дь]боу, огнемь съженъ боудеть (ст. 61).

см. ст. 9. (У Калачова, стр. 142; ср. стр. 90 — 91, гдѣ тѣже самыя статьи Правды разсматриваются авторомъ какъ относящіяся «къ договору найма», а не *займа*, куда, само собою понятно, принадлежатъ постановленія Правды «о рѣзѣ»). Что касается до послѣдней изъ приведенныхъ статей Земледѣльческаго устава, то мы уже знаемъ, что она говоритъ о десятинѣ не какъ о процентѣ съ занятаго капитала (будь это деньги или какая либо реальная цѣнность: хлѣбъ, медъ и проч.), а какъ объ арендной платѣ за пользованіе чужою землею. Но и первая статья можетъ имѣть *нѣкоторое* отношеніе къ сопоставляемымъ съ нею статьямъ Р. Правды въ такомъ только случаѣ, если мы признаемъ эти статьи дополненіемъ не къ предыдущей статьѣ Правды «о мѣсячномъ рѣзѣ», а къ слѣдующему за ними Мономахову уставу «о третномъ рѣзѣ», гдѣ прямо указанъ предусмотрѣнный и византійскимъ закономъ случай, когда процентъ идетъ на погашеніе самаго капитала («истое»=«истина»). Вполнѣ совпадаетъ Р. Правда съ Земледѣльческимъ уставомъ только въ третьемъ пунктѣ, указанномъ Н. В. Калачовымъ,—въ признаніи отвѣтственности господина за преступленіе, сдѣланное его холопомъ (ср. Землед. уст. ст. 43 и XLVI—XLIX ст. Рус. Правды по изданію Калачова).

Церковный уставъ:	*Земледѣльческій:*
Аще мужь иметь красти конопли или ленъ и всякое жито, или жена, митрополиту г҃ гривны (33) [1].	Аще нѣціи въ время жатвы въходя къ чюжіи нивы, и крадоуть снопы, или колосъ, или сочива, ѿдежь своихъ лишатся, и сами біені боудоуть (ст. 57; ср. ст. 63).

Эта параллель поучительна во многихъ отношеніяхъ. Она не только показываетъ, какъ примѣнялись у насъ, въ періодъ дѣйствія Русской Правды и Ярославова устава о церковныхъ судахъ, постановленія византійскихъ законовъ объ уголовныхъ наказаніяхъ за то или другое преступленіе, но и ведетъ къ догадкѣ о первоначальной и главной сферѣ дѣйствія Земледѣльческаго устава. Если церковный уставъ говоритъ о зажигательствѣ и кражѣ, какъ предметахъ *митрополичьяго* и *епископскаго* суда, то это не можетъ относиться къ *общему* суду церкви, компетенція котораго простиралась *на всѣ классы* древне-русскаго общества, а только къ *особенному*, которому подлежали, вопервыхъ, крестьяне, жившіе на церковныхъ земляхъ,—по общему правилу того времени: «по землѣ и судъ»; вовторыхъ, нисшее духовенство, какъ такой классъ лицъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ своей жизни подчинены были церковной іерархіи. Органомъ этого суда были тѣже архіерейскіе чиновники, которые завѣдывали сборомъ податей съ крестьянъ архіерейскихъ вотчинъ и съ тяглаго духовенства епархій — *десятинники*. Они, по словамъ Стоглава, *«искони вѣчно* вѣдали и судили весь священническій и иноческій чинъ и всѣ причты церковныя *и прочихъ людей* (т. е. крестьянъ архіерейскихъ вотчинъ) *по ряднымъ и по кабаламъ и въ боѣхъ и въ грабежехъ, опричь духовныхъ дѣлъ»* [2],—словомъ: вѣдали и судили такія дѣла, для рѣшенія которыхъ Земледѣльческій уставъ, какъ до-

---

[1] Приводимъ эти статьи по списку XV в., изданному въ Правосл. Собесѣдникѣ за 1861 г. ч. III, стр. 97 и 100.

[2] Стоглавъ, казан. изд. стр. 304.

полненіе къ церковному, назначенному собственно для святительскаго суда по «духовнымъ дѣламъ», могъ служить вполнѣ достаточнымъ руководствомъ. Не даромъ въ старыхъ рукописяхъ оба устава помѣщались рядомъ.

Прямыхъ свидѣтельствъ о практическомъ значеніи Земледѣльческаго устава въ тѣхъ или другихъ судахъ древней (кіевской) Руси мы, однакожъ, не имѣемъ. — Почти тоже приходится сказать и по отношенію къ московскому періоду. И теперь мы можемъ только гадательно говорить о судьбѣ нашего памятника, относя къ нему нѣкоторые неясные намеки въ источникахъ. Таково, напримѣръ, одно современное извѣстіе о какой-то выдающейся законодательной и судебной дѣятельности перваго собирателя русской земли—Московскаго великаго князя Ивана Даниловича Калиты († 1341). Въ записи на книгѣ Евангельскихъ чтеній, написанной въ Москвѣ въ 1339 году, содержатся слѣдующія похвалы этому князю: «Ѿ семь кнази великомъ Иванѣ пророкъ Ѥзекий глаголеть: в послѣднее време въ апустѣвшей земли на западъ въстанеть црь, правду любаи, соудъ не по мьздѣ судаи, ни в поношение поганымъ странам. При семь будеть тишина велья въ Роуской земли и въсияеть въ дни его правда, якоже и бысть при его цртвѣ . . . Ѿ семь бо пѣснословьць глаголеть: постави, Господи, законодавьца надъ ними, да разумѣють языци, яко человѣци суть. Тоже рече: Боже, судъ црви дай же [и] правду сынови црву. Сии бо князь великои Іwа имѣвше (любяше?) правый судъ паче мѣры, поминая божественаѣ исправлениа святыхъ и преподобныхъ wтець по правиломь монокануньнымь, ревнуя правовѣрному црю Оустинияну» [1]. Но гдѣ же памятники законодательной дѣятельности Калиты, уподобляющіе его Юстиніану? Такъ какъ ихъ вовсе не имѣется, то и остается допустить, что авторъ записи восхвалялъ своего князя

[1] Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № LXXXVI въ Приложеніи къ XXXIV-му тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ, стр. 145—146. Замѣчательно, что въ надписаніи «Книгъ законныхъ» царь Юстиніанъ называется тоже Оустиняномъ.

не за изданіе какихъ либо оригинальныхъ законовъ въ духѣ или на основаніи греческаго номоканона, а просто — за формальное признаніе и дѣятельное приложеніе къ практикѣ этого самаго номоканона въ тѣхъ его частяхъ, которыя имѣли для того времени особенную важность. Не забудемъ, что при Калитѣ фактически совершилось перенесеніе русской митрополіи изъ Кіева или, точнѣе, изъ Владиміра на Клязмѣ въ Москву. Этотъ фактъ, сразу возвышавшій Москву на степень «матери градовъ русскихъ», долженъ былъ побуждать мѣстнаго князя, особенно когда онъ сдѣлался великимъ (съ 1328 г.), почасту «взирать вмѣстѣ съ отцами своими митрополитами (Петромъ и Ѳеогностомъ) въ греческій номоканонъ», чтобы устроить по нему церковный и земскій нарядъ своего княжества. Для церковнаго наряда необходимо было подтвердить старые церковные уставы, носившіе на себѣ имена первыхъ христіанскихъ великихъ князей Руси — Владиміра и Ярослава. И дѣйствительно, съ именемъ Калиты древняя письменность связываетъ происхожденіе новой редакціи этихъ уставовъ, въ которой они получили названіе «Ряда и суда церковнаго, установленнаго первыми князьями». При одномъ спискѣ этого памятника сохранилась слѣдующая знаменательная приписка: «Дай Богъ и на многа лѣта великому князю Ивану Даниловичю всея Руси» — приписка, очевидно сдѣланная современникомъ Калиты [1]. Для зем-

[1] Приводимъ этотъ памятникъ вполнѣ по рукописи, въ которой онъ имѣетъ сообщенную въ текстѣ приписку: «Сий рѧдъ и соудъ церковный оуставили первии кнѧзи, своимъ тиюномъ приказали соуда церковнаго не обидити, ни соудити безъ владычнѧ тиюна. А се соуть церковнаꙗ орудиꙗ: попъ, диꙗконъ, чернець, черница, паломникъ, сторопикъ, слѣпець, хромець, застатье, близъ-поимание, свашкꙑ, роспоусти, потвори, чародѣꙗние, вълхвование, зелиꙗ, вѣди, зоубоѣжа, оуроци, ли два дроуга имета сѧ бити, одиного жена имѣть другого за лоно и въразить ѝ, или кого застаноуть съ четвероножною, или сынъ отца биеть, или дщи матерь, или сноха свекровъ, или кто молитсѧ оу воды или подъ рощениемь, или кто̆ крестъ посѣчеть; а съ кнѧземъ наполы: пошибание, или дѣвка дѣтѧ повержеть. А своимъ тиюномъ приказали соуда церковнаго не обидити, десѧтиву ис соуда давати; а кто покривить соуд, [плат]ити емоу собою, а предъ Богомъ томоуже отвѣщати, а мы кнѧзи съ своей души сложили есмы. Дай Богъ . . . и проч. (Требникъ 1504 г. бывшей соловецкой библіотеки № 1085, л. 680 об.—681).

скаго наряда «старый великій номоканонъ», принесенный въ Москву митрополитами [1], предлагалъ мѣстному князю «Книги законныя, имиже годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ». Для этой цѣли въ особенности пригодна была первая и важнѣйшая часть «Законныхъ книгъ» — Земледѣльческій уставъ, *надписанный именемъ царя Юстиніана* и, вѣроятно, стоявшій въ старомъ номоканонѣ вслѣдъ за церковнымъ уставомъ Ярослава. Принятіемъ, а можетъ быть, и разсылкою списковъ этого земско-полицейскаго и вмѣстѣ уголовнаго устава по всѣмъ волостямъ своего княжества, при наказныхъ граматахъ намѣстникамъ, Калита въ глазахъ современниковъ всего болѣе могъ уподобиться великому законодателю Юстиніану и вызвать себѣ еще другую похвалу—за то, что «*исправилъ* русскую землю *отъ татей*» [2]). Къ этой же эпохѣ должна быть отнесена и та редакція Земледѣльческаго устава, въ которой онъ дошелъ до нашего времени. Какъ выше замѣчено, языкъ памятника въ этой редакціи значительно подновленъ, но не настолько, чтобы въ немъ изгладились всѣ черты первоначальнаго перевода, и, съ другой стороны, самыя подновленія не настолько новы, чтобы ихъ нельзя было пріурочить къ первой половинѣ XIV вѣка. Они сдѣланы конечно съ тою цѣлію, чтобы облегчить пониманіе и практическое примѣненіе византійскаго устава, какъ *дѣйствующаго* русскаго закона. Въ законодательствѣ московскаго періода русская юридическая догма уже значительно приближается къ византійской, даже въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ прежде существовало между ними принципіальное различіе. Такъ въ уставной

---

[1] Съ тѣмъ же, безъ сомнѣнія, «великимъ старымъ номоканономъ» имѣлъ дѣло и внукъ Калиты—великій князь Василій Дмитріевичь, подтверждая въ 1403 году, по совѣщанію съ митрополитомъ Кипріяномъ, церковные уставы Владиміра и Ярослава въ полномъ ихъ видѣ и съ именами князей, которымъ они себя приписываютъ. См. Востокова Описаніе Рум. Музеума, стр. 296 и брошуру Головацкаго: «Библіографическія находки во Львовѣ», стр. 36—37. Спб. 1873.

[2] См. Востокова Описаніе Рум. Муз. стр. 503. Не забудемъ, что Земледѣльческій уставъ съ особенной энергіей преслѣдуетъ именно *татей* въ крестьянской общинѣ.

Двинской грамотѣ 1398 года мы встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе: «А татя впервые продати противу поличного; а въ другіе уличатъ, продадуть его не жалуя; а уличатъ въ третьие, ино повѣсити; а татя всякого пятнити» [1]. Пятнаніе воровъ и смертная казнь за третью татьбу свидѣтельствуютъ уже о рѣшительномъ вліяніи на русское уголовное право византійскихъ законовъ, въ особенности Земледѣльческаго устава, въ которомъ читаемъ: «Аще нѣціи в' житници ѡбрѣтоутсѧ крадоущие жито, бьени боудоуть сто калановъ, а жито заплатѧть (= продати противу поличного); аще ли же и въ дроугый ѡбрѧщоутсѧ, біени боудоуть, соугоубо краденое заплатѧть (= продадутъ его не жалуя); аще ли же вътретье, да ѡслеплени боудоуть» (= ино повѣсити. Ст. 63; ср. еще «Закона о казнѣхъ», ст. 39). «Аще кто.... сѣчеть деревіе чюжее, соугоубо да ѡсоуженъ будеть, и рука его знаменана боудеть» (ст. 55). Русскій законъ идетъ даже далѣе византійскаго,— казнитъ вора, вмѣсто ослѣпленія, повѣшеніемъ, какъ того требовалъ уже давній русскій обычай [2]. Но главною сферою дѣйствія Земледѣльческаго устава по прежнему оставался, кажется, землевладѣльческій судъ духовной іерархіи. По крайней

---

[1] Акт. Экспед. т. I, № 13, стр. 8.

[2] Казнь воровъ чрезъ *повѣшеніе* несомнѣнно практиковалась у насъ еще въ періодъ дѣйствія Р. Правды—въ тѣхъ именно случаяхъ, когда имущество и личность (точнѣе, цѣна личности) преступника, приговореннаго или къ потоку и разграбленію (за коневую татьбу), или къ продажѣ (за другіе виды воровства), не представляли достаточнаго возмездія за преступленіе. Въ высшей степени замѣчательное свидѣтельство объ этомъ находимъ въ Печерскомъ Патерикѣ. Здѣсь содержится слѣдующій разсказъ о чудотворцѣ св. Григоріи. Однажды приходятъ къ нему три татя, и двое изъ нихъ начинаютъ ложно говорить святому про третьяго: «этотъ нашъ другъ осужденъ на смерть; дай ему, *чѣмъ бы онъ могъ искупиться отъ смерти*». Григорій спросилъ ихъ: на какую смерть онъ осужденъ? Воры отвѣчали: *«на древѣ повѣшенъ хощетъ быти»* (Яковлевъ, Памят. русск. литер. XII и XIII в., стр. 138). Въ числѣ разныхъ другихъ русскихъ юридическихъ «пошлинъ», служившихъ для практики дополненіемъ къ Р. Правдѣ, казнь эта упоминается и въ одной древней статьѣ, составленной изъ разныхъ видоизмѣненныхъ статей Правды и Ярославова церковнаго устава и надписанной: «о правосудіи митрополичемъ». Здѣсь мы читаемъ: «а татя безъ поличного ни вязати, ни казнити, ни *повѣсити*. (Описаніе ркп. москов. синод. библіот. отд. II, ч. 3, стр. 693).

мѣрѣ почти всѣ извѣстные намъ списки этого устава, или отрывки изъ него, сохранились въ сборникахъ *церковно*-юридическаго содержанія [1]. Исключеніе составляетъ только Башиловскій списокъ, приложенный, какъ мы видѣли, къ царскому Судебнику. Но, можетъ быть, и это приложеніе было дѣломъ лица духовнаго, которое, имѣя въ виду, съ одной стороны, обязательность Судебника и для церковныхъ судовъ [2], съ другой — крайнюю скудость содержащихся въ немъ опредѣленій по матеріальному праву, нашло нужнымъ дополнить русскій законодательный кодексъ византійскими законами, какъ уже давно принятыми въ церковной судебной практикѣ. Замѣчательно, что Уложеніе 1649 года вовсе не знаетъ Земледѣльческаго устава. Онъ ни разу не цитуется и въ извѣстныхъ замѣткахъ на поляхъ подлиннаго Уложенія, гдѣ почти противъ каждой статьи указанъ источникъ, изъ котораго она заимствована [3].

Вотъ все, что мы можемъ сказать о судьбѣ, какую имѣлъ въ Россіи издаваемый нами памятникъ законодательной мудрости византійскихъ императоровъ - иконоборцевъ. Назначая наше изданіе для историковъ русскаго права, мы отъ нихъ же ожидаемъ и дальнѣйшей разработки затронутыхъ нами вопросовъ. Faciant meliora potentes.

---

[1] Таковы именно выше указанные сборники: Кирилловскій, Барсовскій, Архангельскій, извѣстный намъ по описанію Крестинина, и бывшій Царскаго № 414 (нынѣ графа Уварова). Что же касается до издаваемаго нами списка XV в., то онъ составляетъ теперь приложеніе къ рукописи, содержащей въ себѣ сочиненія Діонисія Ареопагита и писанной *совсѣмъ другою рукою* (см. Строева «Рукописи Царскаго», № 48, стр. 25).

[2] Какія постановленія Судебника необходимы были и для церковной судебной практики, это видно изъ Стоглава (см. казан. изд. стр. 295—297, 304, 306, 307, 311, 319, 321, 323, 325).

[3] См. статью Забѣлина: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича», напечатанную въ I кн. Архива истор.—юрид. свѣдѣній о Россіи, отд. II, стр. 17—18.

Прⷣесловіе книⷢ законныⷨ, имиⷤ годитсѧ всѧкое дѣло исправлѧти всѣмь православ'ныймь кнѧземь [1].

Конецъ предисловія къ Эклогѣ (см. у Цахаріэ въ Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum, p. 13).

Гв҃у и сп҃су нашемоу Іс҃у Хв҃у рекшоу: не соудіте на лица, нⷪ҇ правⷣный соуⷣ соудите, всѧкого мьздоимьства ѿтоуж҃атисѧ прⷣедно. Писано бо е҃: горе ѿправдающимь [2] неⷱ҇тиваго мьзды ради, и путь смиреныⷯ ѿлучающаго, правдоу правⷣнаго въсхищающихъ ѿ него, ихже коренїѧ ꙗко прьсть боудеⷮ, [и цвѣтъ иⷯ ꙗко прахъ възыдеⷮ] [3], занеже закона гн҃ѧ исполнити не въсхотѣша: [4] мьзды бо и дарове ѿслѣплѧють мдⷬыхъ ѡчи. Ѿноудоуже таковаго скверьнаго прибытка ѿложеніе всѧчьскы творити тщимсѧ, [5] ѿ бл҃гочестивыⷯ кнѧзіи, и ѿ славныⷯ соудіи, и ѿ всѣⷯ, идеже коли пригодитсѧ расоужати, праведными главизнами прїимати, и

Τοῦ κυρίου καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ εἰρηκότος· μὴ κρίνετε κατ᾽ ὄψιν, ἀλλὰ τὴν δικαίαν κρίσιν κρίνατε [1], πάσης δωροληψίας ἀπέχεσθαι δίκαιον. Γέγραπται γάρ· οὐαὶ οἱ δικαιοῦντες τὸν ἀσεβῆ ἕνεκα δώρων καὶ ὁδὸν ταπεινῶν ἐκκλίνοντες, τὸ δίκαιον τοῦ δικαίου αἴροντες ἀπ᾽ αὐτοῦ· ὧν ἡ ῥίζα ὡς χοῦς ἔσται, καὶ τὸ ἄνθος αὐτῶν ὡς κονιορτὸς ἀναβήσεται, [2] ἀνθ᾽ ὧν τὸν νόμον κυρίου πληροῦν οὐκ ἐθέλησαν· ξένια γὰρ καὶ δῶρα ἐκτυφλοῖ σοφῶν ὀφθαλμούς [3]. Ὅθεν τῆς τοιαύτης αἰσχροκερδείας ἀναστολὴν παντελῶς ποιεῖσθαι σπουδάζοντες, ἐκ τοῦ εὐσεβοῦς ἡμῶν σακελλίου ὡρίσαμεν τῷ τε ἐνδοξάτῳ κοιαίστορι, τοῖς ἀντιγραφεῦσι καὶ πᾶσι τοῖς ἐπὶ τοῖς δικαστικοῖς κεφαλαίοις καθυπουργοῦσι τοὺς μισθοὺς παρέχεσθαι, πρὸς τὸ ἐξ οἱουδήποτε προσώπου παρ᾽ αὐτοῖς κρινομένου μηδὲν αὐτοὺς λαμβά-

[1] Въ Б. это предисловіе помѣщено въ видѣ особой статьи, отдѣльно отъ самаго текста земледѣльческихъ законовъ (л. 250). — [2] оправдающихъ Б. — [3] Поставленное въ скобки взято изъ Б. — [4] не въсхотѣша исполнити Б. — [5] потщимсѧ Б.

[1] Іоан. VII, 24. — [2] Ісаіи V, 23. 24. — [3] Второзак. XVI, 19.

всѧкомоу лицю праведный соуд̑ дати, мьздоу ѿ б҃а чающи [1] прїяти праведноую, и не посоулова дѣлѧ правдоу презрѣти, да не и [2] на насъ пр҃рчьское слово испльнитсѧ гл҃ющее: ѿдашѧ на сребрѣ правдѹ, и гнѣва б҃жїѧ привлече̑ [3] на сѧ, заповѣдей престоупници бывше.

νειν τὸ σύνολον, ἵνα μὴ τὸ ὑπὸ τοῦ προφήτου λεγόμενον καὶ εἰς ἡμᾶς πληρωθῇ· ἀπέδοντο ἀργυρίῳ τὸ δίκαιον [1], καὶ μέλλωμεν ἐντεῦθεν θεϊκῆς τυγχάνειν ἀγανακτήσεως, τῶν ἐντολῶν αὐτοῦ παραβάται γενόμενοι.

I.

Закони земледѣланїи ѿ Оўстїановы̑ книгъ. ѿ земледѣлцѣ̑. [4]

1. Достоить земледѣльцю, дѣлающю свою нивоу, быти праведноу и не въсхыщати браз̑ноу ближнѧго своего. Аще ли же кто̑ въсхыщаѧ разореть и оумалить долю ближнѧго своего, аще ѿраноую землю се̑ створи, ѿстоупитсѧ поновленїа своего; аще ли же в сѣйвоу се створи, ѿстоупитсѧ и сѣмени и дѣла своего и плода приходѧщаго иже се̑ створивый земьледѣлець.

2. Аще кый земледѣлець не по вѣданїю ѡсподарѧ землї или селецію внидеть и поновить, разоравъ, и̑ сѣеть, да не прїиметь за троудъ поновленїа своего, ниже ѿ плода сѣмени, ни̑ самое то сѣмѧ.

[1] чающи^х Б.— [2] и нѣтъ въ Б.— [3] приклачим Б.— [4] Это повторительное оглавленіе «ѿ земледѣлцѣхъ» приписано на верхнемъ полѣ рукописи.

Νόμος γεωργικὸς ἐν τοῖς Ἰουστινιανοῦ βιβλίοις [2].

α΄. Χρὴ τὸν γεωργὸν ἐργαζόμενον τὸν ἴδιον ἀγρὸν εἶναι δίκαιον, καὶ μὴ παρορίζειν αὔλακα [3] τοῦ πλησίον. Ἐὰν δέ τις παρορίζων παρορίσῃ καὶ κολοβώσῃ μερίδα τὴν ἔγγιστα αὐτοῦ, εἰ μὲν ἐν ἠροτριασμένῃ γῇ [4] τοῦτο πεποίηκεν [5], ἀπόλλυσι [6] τὴν νέωσιν αὐτοῦ· εἰ δὲ καὶ ἐν σπόρῳ [7] τὴν παρορίαν ἐποιήσατο, ἀπόλλυσι [8] καὶ τὸν σπόρον καὶ τὴν γεωργίαν αὐτοῦ καὶ τὴν ἐπικαρπίαν ὁ παρορίσας γεωργός.

β΄. Ἐάν τις γεωργὸς ἄνευ εἰδήσεως τοῦ κυρίου τῆς χώρας εἰσελθὼν νεώσῃ ἢ σπείρῃ, μὴ λαμβανέτω μήτε ἐργάτας [9] ὑπὲρ τῆς νεώ-

[1] Амоса II, 6. — [2] № 445, л. 45 слѣд.; № 467, л. 211 слѣд. Въ послѣднемъ два заглавія: первоначальное — Νόμος γεοργικός (sic) τοῦ Ἰουστινιανοῦ; позднѣйшее (на полѣ): νόμος γεωργικὸς Ἰουστινιανοῦ βασιλέως. — [3] αὔλακας. — [4] ἐν νεατῷ. — [5] ἐποίησεν.— [6] ἀπόλλει. — [7] Приб. ταύτην. — [8] ἀπόλλειν (sic). — [9] Такъ въ обоихъ спискахъ; поправить не рѣшаюсь.

3. Аще съгласать два земледѣлца мижи (sic) себе размѣнити нивъ своих, посредѣ двѣма или треми свѣдѣтели, и тако согласать, да пребываетъ их розменение оутвръжено и неподвижимо.

4. Аще два земледѣлца съгласать розменити [ни]въ на веремѧ к сѣтвѣ, и потомъ едина сторона розгадаеть, аще оубо насѣяны нивы боудоутъ, розменатсѧ паки; аще ли же розгадавый не поновилъ боудеть, дроугъ же его поновилъ, поновит же и розгаданый, и тогда разворотѧ.

5. Аще два земледѣлца разъменать нивъ, или до конца или на веремѧ, и ѡбращетсѧ едина сторона противъ дроуго[й] менши, а не съгласили боудоуть такъ, дасть мѣста толика же многа имѣай менши имоущемоу: аще ли же тако съговорили боудоуть, ничесоже дасть.

6. Аще земледѣлець, имѣа правой соудъ, попрѣтїи[1] же, и внидетъ без вѣданїа насѣявшаго, и пожнетъ ѡгнь[2] вса, аще оубо и право имѣа боудетъ, да не при-

[1] Въ другомъ спискѣ графа Уварова (бывшемъ Царскаго № 414): попредитъ, что едва ли не правильнѣе. — [2] Раскрывъ титло, мы получимъ изъ этого загадочнаго начертанія ѡтгосподнь. Не нужно ли читать ѡсовнь, что логически было бы равно греческому ἀνάρχως,

σεως, μήτε ἐπικαρπίαν ὑπὲρ τοῦ σπόρου, ἀλλ' οὐδὲ τὸν κόκκον τὸν καταβληθέντα.

γ'. Ἐὰν συμφωνήσωσι δύο γεωργοὶ μετ' ἀλλήλων καταλλάξαι χώρας ἀναμεταξὺ δύο καὶ τριῶν μαρτύρων, καὶ εἰς τὸ διηνεκὲς συνεφώνησαν, μενέτω ἡ τούτων καταλλαγὴ κυρία [1], βεβαία καὶ ἀπαρασάλευτος.

δ'. Ἐὰν δύο γεωργοὶ συμφωνήσωσι καταλλάξαι χώρας πρὸς καιρὸν [2] τοῦ σπεῖραι, καὶ διαστρέψῃ τὸ ἓν μέρος, εἰ μὲν ὁ κόκκος κατεβλήθη, οὐ διαστρέψουσι· [3] εἰ δ' οὐ κατεβλήθη, διαστρέψουσιν. [4] Εἰ δὲ ὁ διαστρέφων οὐκ ἐνέωσεν, ὁ δὲ ἕτερος ἐνέωσε, νεώσει [5] καὶ ὁ διαστρέφων, καὶ διαστρεφέτω τότε [6].

ε'. Ἐὰν δύο γεωργοὶ καταλλάξωσι χώρας εἴτε πρὸς τὸ διηνεκὲς, εἴτε πρὸς καιρὸν, [7] καὶ εὑρεθῇ τὸ ἓν μέρος πρὸς τὸ ἓν κολοβὸν [8], καὶ οὐ συνεφώνησαν οὕτως, δότω ἀντιτοπίαν ὁ πλέον [9] ἔχων τῷ ὀλίγον ἔχοντι· [10] εἰ δὲ οὕτω συνεφώνησαν, μὴ ἀντιδιδότωσαν.

ϛ'. Ἐὰν γεωργὸς ἔχων δίκην [11] εἰσέλθῃ [12] παρὰ γνώμην τοῦ σπείραντος καὶ ἀνάρχως θερίσῃ, ἐὰν μὲν εἶχε δίκαιον, μὴ λαμβανέτω τὶ [13] ἐξ αὐτοῦ· εἰ δὲ καὶ ἠδικολόγησε [14],

[1] Приб. καὶ. — [2] πρόσκαιρα. — [3] μὴ διαστρέψωσιν. — [4] διαστρέψωσιν. — [5] νεώσῃ. — [6] τότε нѣтъ — [7] εἴτε πρόσκαιρα, εἴτε εἰς τὸ διηνεκές. — [8] τὸ ἓν μέρος κολοβὸν ὑπὲρ τοῦ ἄλλου. — [9] τὸ πλέον. — [10] τῷ ὀλιγοστῷ. — [11] Приб. ἐν ἀγρῷ. — [12] εἰσέλθοι. — [13] μηδὲν ἐχέτω. — [14] εἰκῇ ἐδικολόγησεν.

имє҃ ничтоже ѿ того; аще ли же и неправьдовалъ боудє҃, соугꙋбо [1] количьство да ѿда҃ плода пожатого.

διπλῇ ποσότητι παρεχέτω τὰς ἐπικαρπίας τὰς θερισθείσας.

7. Аще двѣ селѣ сварѧтсѧ ѡ межи, или ѡ селищи, да сьмотрѧ҃ соудий, и кто дрьжаль боудє҃ лѣт [2] болше, то той правь [3] боудє҃; аще ли же межа давна є҃ и давное держание, да боудоу҃ [4] неподьвижима.

ζ΄. Ἐὰν δύο χωρία μάχωνται περὶ ὅρου ἢ ἀγροῦ, τηρείτωσαν οἱ ἀκροαταὶ, καὶ τῷ διακρατήσαντι ἔτη πλείονα ἀποδότωσαν [1] τὸ δικαίωμα· εἰ δὲ καὶ ὅρος ἀρχαῖος ἐστὶν, ἡ ἀρχαία διακράτησις ἔστω ἀπαρασάλευτος.

8. Аще земледѣлець десѧтиноу ѿмѣри҃, а не по вѣданию ѡ҃сподарѧ земли, и сьберє҃ все жито свое, ꙗко тать да ѿстоупитсѧ всего жита своего.

θ΄. Ἐὰν γεωργὸς μορτὴν μετρήσας [2] ἄνευ γνώμης τοῦ χωροδότου ἐπισυνάξῃ τὰ πράγματα [3] αὐτοῦ, ὡς κλέπτης ἀλλοτριωθήσεται πάσης τῆς ἐπικαρπίας αὐτοῦ.

9. Десѧтина [5] нивы: сѣа҃кшемоу девѧ҃ сноповь, а имѣющемꙋ землю десѧтый снопь; аще ли кто инако раздѣли҃, бг҃омь проклѧ҃ боудє҃.

ι΄. Μορτιτοῦ [4] μέρος, δεμάτια ἐννέα· χωροδότου [5] μέρος, δεμάτιον ἕν· ὁ δὲ ἐκτὸς τούτου μερίζων [6], θεοκατάρατος.

10. Аще раздѣление земли боудє҃, и поѡ҃биди҃ кто вь жребьи, волно боудє҃ порoушати и [6] бывшее раздѣление.

ή. Ἐὰν μερισμὸς γενόμενος ἠδίκησέ τινας ἐν σκαρφίοις ἢ [7] τόποις, ἄδειαν ἐχέτωσαν ἀναλύειν τὴν γεγονυῖαν μέρισιν [8].

11. Аще кто вьзьмє҃ землю ѿ изнемогшаго земледѣлца, и оуконча҃є поновити то҃кмо и раздѣлити, да держатсѧ сьгласиа҃ своего; аще ли же сьгласили бу-

ιά. Ἐάν τις λάβῃ γῆν παρὰ τοῦ [9] ἀπορήσαντος γεωργοῦ τοῦ σπεῖραι καὶ [10] στοιχήσῃ νεῶσαι [11] μόνον καὶ μερίσασθαι, κρατησάτωσαν [12] τὰ σύμφωνα· εἰ δὲ συν-

---

т. е. самовластно? Башиловъ прочиталъ безъ титла — огнь. Въ другомъ спискѣ (см. предыдущее примѣчаніе) стоитъ: о г҃-ѣ, что̀ уже не даетъ никакого смысла.

[1] Отсюда, именно съ гꙋбо начинается текстъ Земледѣльческаго устава въ спискѣ Барсова.— [2] лѣто Б. — [3] тотъ и правъ Б. — [4] будетъ Б. — [5] А десѧтина Б. — [6] и нѣтъ въ Б, и оно лишнее.

[1] ἀποδώσουσιν. — [2] μορτίτης θερίσας.— [3] κουβαλήσῃ τὰ δράγματα.— [4] μορτίτου.— [5] Прибав. δέ. — [6] ἐκτὸς τούτων μεριούμενος. — [7] ἐν. — [8] μετρησίαν. — [9] τοῦ нѣтъ. — [10] Приб. στοιχήσας. — [11] νεώσειν. — [12] κρατείτωσαν.

* Здѣсь прекращается счетъ главъ въ подлинникѣ; за тѣмъ онѣ отдѣляются одна отъ другой только начальными *киноварными* буквами.

доу҆ и свѣтоу, да дрьжатъ сьгласиа своего.

12. Аще землѣдѣлець вьзмет землю сѣати [1] исполоу, и времени пришедшоу [не] попови, но тако [2] сѣмѧ поврьжет, да не приимет ничтоже ѿ плода того, понеже сьлгавь и [3] насмѣасѧ земли ѡсподареви.

13. Аще кто село вьзмет исполоу дѣлати, ѿшедшоу ѡсподарю [4] земли тоѡ, и розгадавь поврьжет, соугоубо плодъ того ѿдаст.

14. Аще иже исполоу приемый дѣлати прѣд времени дѣланиа розгадает, и ѿкажет господареви села, ꙗко не могый дѣлати, и ѡсподарь села небрежет, безвиненъ боудет половинникъ [5].

15. Аще землѣдѣлець приимет дѣлати землю, и оукончает сь ѡсподарем земли тоа, и задатокъ вьзмет, и оучнет дѣлати, и ѡвратився поврьжет, цѣноу достойноую земли тоа да ѿдаст: землю тоже да имѣет ѡсподарь еа.

[1] дѣлати Б.—[2] токмо Б.—[3] и нѣтъ.—[4] ѡсподареви Б. — [5] половникъ Б.

εφώνησαν καὶ σποράν, κατὰ τὰ σύμφωνα κρατείτωσαν.

ιβ΄. Ἐὰν γεωργὸς λαβὼν χώραν τοῦ σπεῖραι ἐφ᾽ ἡμισείας, [1] καὶ τοῦ καιροῦ καλοῦντος οὐ νεώσῃ, ἀλλ᾽ εἰς ὄψιν ῥίψῃ τὸν κόκκον, μηδὲν ἐκ τῆς ἐπικαρπίας λαμβανέτω, ὅτι ψευσάμενος διεχλεύασε τὸν τῆς χώρας κύριον.

ιγ΄. Ἐὰν γεωργὸς λάβῃ παρά τινος γεωργοῦ ἀπορήσαντος τῇ ἡμισείᾳ ἄμπελον πρὸς ἐργασίαν, καὶ οὐ κλαδεύσῃ αὐτὴν [2] εἰς [3] τὸ πρέπον, σκάψῃ τε καὶ χαρακώσας διασκαφίσῃ, μηδὲν [4] ἐκ τῆς ἐπικαρπίας λαμβανέτω.

ιδ΄. Ἐὰν ὁ [5] τὴν ἡμίσειαν λαβὼν τοῦ ἀγροῦ ἀπὸ τοῦ ἀποδημήσαντος γεωργοῦ [6] μεταμεληθεὶς οὐκ ἐργάσηται [7], τὴν ἐν διπλῇ ποσότητα τῆς ἐπικαρπίας ἀποδιδότω [8].

ιε΄. Ἐὰν ὁ τὴν ἡμίσειαν λαβὼν πρὸ τοῦ καιροῦ τῆς ἐργασίας μεταμεληθεὶς μηνύσῃ τῷ κυρίῳ τοῦ ἀγροῦ, ὡς μὴ ἰσχύων, καὶ ὁ κύριος τοῦ ἀγροῦ ἀμελήσῃ, ἀζήμιος ἔστω ὁ ἡμισειαστής.

ις΄. Ἐὰν γεωργὸς ἐκλαβόμενος γεωργίαν ἀμπέλου ἢ χώρας στοιχήσῃ [9] μετὰ τοῦ κυρίου αὐτοῦ [10] καὶ ἀρραβῶνα λαβὼν ἀπάρξηται, καὶ διαστρέψας ἀφίσῃ αὐτὸ [11], τὴν τιμὴν τὴν ἀξίαν τοῦ ἀγροῦ διδό-

[1] τῇ ἡμισείᾳ — [2] αὐτὸν. — [3] ὡς — [4] μηδὲ. — [5] ὁ нѣтъ. — [6] τοῦ ἀγροῦ τοῦ ἀπόρου γεωργοῦ ἀποδημήσαντος. — [7] Прибав. τὸν ἀγρόν. — [8] ἐν διπλῇ ποσότητι τὰς ἐπικαρπίας διδότω. — [9] στοιχήσας — [10] αὐτῶν. — [11] αὐτόν.

16. Аще кто земледѣлець приемь оудѣлае҃ нечистоую землю [1] иного земледѣлца, три годы да сѣе҃ и приемле҃ плѡ҃, и потомъ ѿда҃ имѣющемꙋ еа҃.

17. Аще изнеможе҃ земледѣлець еже дѣлати свое село, ѿбѣжи҃ и оустранитсѧ, волостель назираеть то҃, да не имѣе҃ ѡбласти никiи земледѣлець оутаити што [2] ѿ того.

18. Аще [3] земледѣлець ѿбѣжи҃ своего села, волостель емле҃ десѧтинꙋ ѿ дѣлающихъ села того; аще ли что оутаа҃ть, соугꙋбо ѿдадѧ҃.

19. Аще кто ӥстреби҃ нивꙋ не по вѣданию҃ ѡ҃сподарѧ еа, ӥ оудѣлавь посѣе҃, да ничтоже приме҃ ѿ плода того.

20. Аще земледѣлець храмы постави҃, или виноградъ, или садъ насади҃ на пꙋстой чюжей земли, ӥ по лѣтѣ прииде҃ ѡ҃сподарь земли [4], да не имѣеть ѡбласти храмы рꙋшати, или виноградъ и садъ раскопати, но прїиметь мѣсто противъ мѣста, ꙗковоже въсхочеть; аще ли же не въсхочеть иже на чюжой земли сѣдыи҃ дати мѣсто противъ мѣста, да имѣе҃ть ѡбласть ѡ҃спо-

[1] нивꙋ Б. — [2] что Б. — [3] Прибав. кый. — [4] мѣста Б.

τω [1], καὶ τὸν ἀγρὸν ἐχέτω ὁ κύριος αὐτοῦ.

ιζ΄. Ἐὰν τις [2] γεωργὸς εἰσελθὼν ἐργάσηται ἔνυλον χώραν [3] ἑτέρου [4] γεωργοῦ, τρία ἔτη τρυγήσει [5] αὐτὴν, καὶ ἀποδώσει πάλιν τῷ κυρίῳ αὐτῆς.

ιη΄. Ἐὰν ἀπορήσας γεωργὸς πρὸς τὸ ἐργάσασθαι [6] τὸν ἴδιον ἀγρὸν διαφύγῃ καὶ ξενιτεύσῃ, οἱ τῷ δημοσίῳ λόγῳ ἀπαιτούμενοι τηρείτωσαν [7] αὐτὸν, μὴ ἔχοντος ἄδειαν τοῦ ἐπανερχομένου γεωργοῦ ζημιοῦν αὐτοὺς τὸ οἱονοῦν.

ιθ΄. Ἐὰν γεωργὸς ἀποδράσῃ [8] ἐκ τοῦ ἰδίου ἀγροῦ, τελείτωσαν κατ᾽ ἔτος [9] τὰ ἐκστραόρδινα τοῦ δημοσίου λόγου οἱ τρύγοντες ἤτοι [10] οἱ νεμόμενοι τὸν αὐτοῦ ἀγρόν· εἰ δὲ μή, [11] ζημιούσθωσαν [12] ἐν διπλῇ ποσότητι.

κ΄. Ὁ κόπτων ἀλλοτρίαν ὕλην ἄνευ εἰδήσεως τοῦ κυρίου αὐτῆς, καὶ ἐργαζόμενος καὶ σπείρων, μηδὲν ἐχέτω ἐκ τῆς ἐπικαρπίας.

κα΄. Ἐὰν γεωργὸς οἰκοδομήσῃ οἶκον, ἢ φυτεύσῃ ἀμπελῶνα ἐν ἀπόρῳ ἀλλοτρίῳ τόπῳ, καὶ μετὰ

[1] δοσάτω. — [2] τις нѣтъ. — [3] ἐνύλῳ χώρᾳ. — [4] ἄλλου. — [5] τριετίαν ἐπικαρπεύσει. — [6] ἐργάζεσθαι. — [7] ἐπιτρυγάτωσαν. — [8] ἀποδράσας. — [9] τελεῖ κατέπος (sic). — [10] καὶ. — [11] εἰ δὲ μή нѣтъ. — [12] ζημιούσθω. Цахаріэ (Geschichte des griech.—röm. Rechts, s. 238, not. 837) приводитъ изъ старыхъ рукописей то же чтеніе, но въ болѣе правильномъ видѣ: Ἐὰν γεωργὸς ἀποδράσας τοῦ ἰδίου ἀγροῦ τελῇ κατ᾽ ἔτος τὰ ἐξόρδινα τοῦ δημοσίου λόγου, οἱ τρύγοντες καὶ οἱ νεμόμενοι τὸν αὐτοῦ ἀγρὸν ζημιούσθωσαν ἐν διπλῇ ποσότητι.

дарь мѣста того виноградъ и садъ раскопати и храмы роушати.

χρόνον ἔλθωσιν οἱ τοῦ τόπου [1] κύριοι, οὐκ ἔχουσιν ἄδειαν ἢ [2] τὸν οἶκον κατασπᾶν, ἢ τὸν ἀμπελῶνα [3] ἐκριζοῦν, ἀλλὰ λαμβάνειν ἀντιτοπίαν, ἣν [4] ἂν βούλωνται· εἰ δὲ [5] ἀνανεύει ὁ εἰς τὰ ἀλλότρια κτίσας [6] μὴ δοῦναι ἀντιτοπίαν, ἄδειαν ἔχειν τὸν τοῦ τόπου κύριον τὸν μὲν ἀμπελῶνα [7] ἀνασπᾶν, τὸν δὲ οἶκον κατασπᾶν.

21. Аще земледѣлець оукрадеть ральны[1] желѣзъ, или лыскарь[1], и по времени познаетса[2], да ѿдаеть на всакъ днь по числоу днии, елико гибѣло[3] оу него, по грошю на днь; такоже иже оукрадеть въ времѧ жнитвы[4] серпь, или коситвы косоу[5], или секироу во времѧ дѣланіа.

κβ΄. Ἐὰν γεωργὸς κλέψῃ ἐν σκάφῳ λίσγον [8] ἢ δίκελλαν, καὶ μετὰ χρόνον διαγνωσθῇ [9], παρεχέτω ὑπὲρ αὐτοῦ ἡμερήσιον [10], φόλεις ιβ΄. Ὁμοίως καὶ ὁ κλέπτων [11] ἐν καιρῷ κλάδους [12] κλαδευτήριον ἢ ἐν καιρῷ θερισμοῦ δρέπανον, ἢ ἐν καιρῷ ὑλοκοπίας πέλεκυν [13].

---

[1] Словами ральныхъ желѣзъ переводчикъ, очевидно, передаетъ описательное греческое выраженіе ἐν σκάφῳ (читай σκάφει или σκαφίῳ) λίσγον, которое = λίσγον τοῦ σκάφους или σκαφίου, а δίκελλα принимаетъ за синонимъ съ λίσγος и переводитъ — лыскарь. По Дюканжу λίσγος (уменш. λισγάριον) = δίκελλα и σκαφίον. Послѣднее (отъ σκάπτω) вообще означаетъ орудіе для копанія земли — заступъ, мотыку. Δίκελλα, по лексикону изданному въ Аѳинахъ въ 1835 г., ὄργανον, δἰ οὗ σκάπτομεν τὴν γῆν, ἔχον δύο μακρὰ ὀδόντια, ἢ περόνια. Но въ настоящей статьѣ λίσγος, съ опредѣлительнымъ ἐν σκάφῳ, или, какъ стоитъ въ пергаминномъ спискѣ, σκαφόλισκος, должно означать только желѣзную часть, насадку землекопательнаго или земледѣльческаго орудія. Поэтому нашъ переводчикъ имѣлъ полное право выразиться такъ, какъ онъ выразился. Ср. статью 59. — [2] и познаетса по времени Б. — [3] гыбло Б. — [4] жатвы Б.— [5] Башиловъ прочиталъ: коситъ выкосу. — [6] приложитъ Б.

[1] τούτου вмѣсто τοῦ τόπου.—[2] ἢ нѣтъ. — [3] τοὺς ἀμπελῶνας.— [4] ὅπου. — [5] приб. ἀνανεύων. — [6] Приб. εἴτε φυτεύσας. — [7] τὰς μὲν ἀμπέλους. — [8] κλέψειεν σκαφόλισκον — [9] διαγνωρισθείη. — [10] ἡμερούσιον ὑπὲρ αὐτοῦ — [11] κλέψας. — [12] αὐτοῦ. — [13] πέλεκα.

22. Аще пастырь чреды по ѡбычаю вола прїиметь въ чрѣдоу, и примѣситъ [6] его къ чредѣ, и прилоучитсѧ волкови его съꙗсти, да покажеть стерво пастырь ѡсподареви ѥго, и неповининъ боудеть.

23. Аще [1] пастырь вола прїиметь [2], погоубитъ, и в' тотъ днь, воньже волъ погоубить [3], не повѣдаеть ѡсподареви [4] вола: в томъ мѣстѣ и в томъ виделъ есмь его, что же бы не вѣмъ, да ѿдасть его; аще ли же повѣдаеть, неповиненъ боудеть.

24. Аще пастырь чреды вола прїемъ и нѣгдѣ [5] ѿстоупить, и волъ ѿлоучитсѧ ѿ множства воловъ, и ѿшедъ внидеть в' нивоу йли в' виноградъ, й йстравоу доспѣетъ, наймь свой [6] пастырь [7] возметь, истравоу же заплатитъ всю.

25. Аще пастырь чреды прїиметь [8] вола ѿ земледѣлца, и без вести погибнеть волъ, да кленетсѧ имене гнимъ, ꙗко не оухитрилъ есть, ниже причѧстенъ есть пагоубѣ вола, и неповиненъ боудеть.

26. Аще пастырь чрѣды по ѡбычаю прїемъ вола не хрома, но здрава, и пригодитсѧ емоу ѡхрѧ[мѣ]ти [9], или ѡслепноути,

[1] ли прибав. Б. — [2] прїимъ Б. — [3] погыбнеть Б. — [4] ѡсподарю Б. — [5] индѣ Б. — [6] У Башилова: наимьствс. — [7] пастырь нѣтъ въ Б. — [8] Въ подливникѣ и у Башилова—прїидетъ; исправлено по Б.— [9] охромати у Башилова; охрѧдети Б.

κγ΄. Ἐὰν ἀγελάριος βοῶν ἔξωϑεν παρὰ τοῦ γεωργοῦ λάβῃ βοῦν, καὶ συγκαταμίξῃ αὐτὸν μετὰ τῆς ἀγέλης, καὶ συμβῇ τὸν βοῦν λυκωϑῆναι, δειξάτω τὸ πτῶμα τῷ κυρίῳ αὐτοῦ, καὶ αὐτὸς ἀνεύϑυνος [1]) ἔστω.

κδ΄. Ἐὰν ἀγελάριος βοῦν παραλαβὼν ἀπολέσῃ καὶ τῇ αὐτῇ [2] ἡμέρᾳ, ἐν ῇ ὁ βοῦς ἀπώλετο, οὐ καταμηνύσῃ τῷ κυρίῳ τοῦ βοὸς, ὅτι τὸν βοῦν ἕως ὧδε καὶ ὧδε ἑώρακα, τί δὲ γέγονεν, οὐκ οἶδα, ζημιούσϑω· [3] εἰ δὲ [4] κατεμήνυσεν, ἔστω ἀζήμιος.

κέ. Ἐὰν ἀγελάριος βοῦν παραλαβὼν ὑπὸ γεωργοῦ ἔξωϑεν ἀπέλϑῃ [5], καὶ χωρισϑεὶς ὁ βοῦς ἐκ τοῦ πλήϑους τῶν βοῶν ἀπελϑὼν εἰσέλϑῃ ἐν χωραφίοις ἢ ἐν ἀμπέλοις καὶ πραῖδαν ποιήσῃ, μὴ στερείσϑω τοῦ μισϑοῦ αὐτοῦ [6], τὴν δὲ πραῖδαν διδότω πᾶσαν [7].

κς΄. Ἐὰν ἀγελάριος λάβῃ βοῦν παρὰ τοῦ γεωργοῦ [8] καὶ ἀφανὴς γένηται ὁ βοῦς, ὀμοσάτω ἐν ὀνόματι κυρίου, μὴ αὐτὸν πεπονηρεῦσϑαι, καὶ ὅτι οὐκ ἐκοινώνησε τῇ ἀπωλείᾳ τοῦ βοὸς, καὶ ἀζήμιος ἔστω.

κζ΄. Ἐὰν ἀγεγάριος ἔξωϑεν παραλάβῃ παρὰ γεωργοῦ βοῦν μὴ κεκλασμένον, ἀλλὰ ὑγιᾶ [9], καὶ συμβῇ αὐτὸν κλασϑῆναι ἢ τυφλω-

[1] ἀναίτιος. — [2] αὐτοῦ. — [3] ἀζήμιος μὴ ἔστω. — [4] Приб. καὶ. — [5] Ἐὰν ἀγελάριος ἔξωϑεν παραλαβὼν ὑπὸ γεωργοῦ βοῦν. — [6] τοῦ μισϑοῦ αὐτοῦ μὴ στερηϑῇ. — [7] πᾶσαν δοσάτω. — [8] βοῦν λάβῃ παρὰ γεωργοῦ. — [9] ὑγιῆ.

да кленетсѧ пастырь, ꙗко не оухитрилъ есть ничтоже на нь, и неповиненъ есть.

27. Аще пастырь [1] ѿ погоубленіи воловъ или ѿ хромотѣ или ѿ ослѣпленіи кленетсѧ [2], послѣ же ѿбличенъ боудеть двоими или тремі свѣдѣтелми достойновѣрными, ꙗко створилъ боудеть, ꙗзыкъ емоу да оурѣжетсѧ, ѿсподареви же воловомоу да ѿплатить.

28. Аще пастырь чрѣды палицею, юже в роукаx держить, росшибеть животиноу, или ѿслепить, повиненъ есть и заплатить; аще ли же каменеⷨ верже, или деревоⷨ, неповиненъ есть.

29. Аще кто ѿрѣжеть колоколъ ѿ вола, или ѿ овци, или ѿ конѧ, ꙗко тать біенъ боудеть; аще ли же погынеть [3] животина ѡна, да заплатить иже татвꙋ колоколоу [4] створивый

30. Аще дрѣво садовное стоить промежи двою ѿгородоу, и вѣтвіе его надклонитсѧ, и сѣнь творить единомоу ѿгородоу, и пакость творить, ѿсподарь дерева того подхорошить вѣтвіе; аще ли же не саженъ [5] ѿгородъ боудеть, не хорошити вѣтвіи [6] дерева того.

[1] чрѣды прибав. Б.— [2] не кленетсѧ Б.— [3] погибветъ Башил.; погынеть Б. — [4] колоколоу Б.— [5] не насаженъ Б.— [6] вѣтвіа Б.

ϑῆναι [1] ὀμοσάτω ὁ ἀγελάριος, μὴ αὐτὸν πεπονηρεῦσϑαι, καὶ ἀζήμιος ἔσται.

κη'. Ἐὰν ἀγελάριος ἐπὶ ἀπωλείᾳ βοῶν [2], ἢ ἐπὶ κλάσει [3] ἢ τυφλώσει [4] ὀμόσας ὕστερον ἐλεγχϑῇ ἐπὶ [5] δύο ἢ τριῶν μαρτύρων ἀξιοπίστων, ὅτι ἐποίησε [6], γλωσσοκοπείσϑω καὶ τὸ ἀζήμιον [7] τῷ κυρίῳ τοῦ βοὸς ποιείτω.

κϑ'. Ἐὰν ἀγελάριος μετὰ τῆς ἐν χερσὶν αὐτοῦ ῥάβδου [8] κλάσῃ βοῦν ἢ ἐκτυφλώσῃ [9], οὐκ ἔστιν [10] ἀϑῶος· ζημιωϑήτω· εἰ δὲ [11] μετὰ λίϑου, ἀϑῶος [12] ἐστίν.

λ'. Ἐάν τις κόψῃ κώδωνα ἐκ βοὸς ἢ ἐκ προβάτου καὶ γνωσϑῇ [13], ὡς κλέπτης μαστιγωϑήτω· εἰ δὲ ἀφανὲς γένηται τὸ ζῶον, διδότω [14] αὐτὸ ὁ τὴν κλοπὴν [15] ποιήσας τοῦ κώδωνος.

λα'. Ἐὰν δένδρον ἵσταται ἐν μερίδι χωριδίου [16], εἰ μὲν κῆπός ἐστιν ἡ σύνεγγυς μερὶς καὶ ὑποσκιάζεται [17] ὑπὸ τοῦ σύνεγγυς δένδρου, κλωνοκοπήσει αὐτὸ ὁ κύριος αὐτοῦ· εἰ δὲ οὐκ ἔστι κῆπος, μὴ κλωνοκοπείσϑω [18].

[1] ἐκτυφλωϑῆναι. — [2] βοός. — [3] κλάσεως. [4] τυφλώσεως. — [5] ὑπό. — [6] ἐφόνευσεν. — [7] γλωσσοκοπηϑείς, τὸ ἀζήμιον. — [8] τοῦ... ξύλου и далѣе приб. ἀπολύσῃ καί. — [9] приб. τοῦτον. — [10] οὐκ ἔστιν нѣтъ. — [11] приб. καί. — [12] ἀζήμιος. — [13] διαγνωσϑῇ. — [14] δότω. — [15] τὸ κλέμμα. — [16] χωραφίου. — [17] ἐπισκιάζεται. — [18] κλωνοκοπηϑήτω.

31. Аще дрѣво възращено боудеть кимъ на мѣстѣ нераздѣленѣ, и потомъ раздѣленію бывшю, прилоучится въ иного доли дерево то быти, да не имѣеть ѡбласти инъ, но иже възрастивъ дерева того; аще ли же вопіеть ѡсподарь мѣста того, ꙗко ѡбидимъ есмь деревомъ тѣмъ[1], да по[да]сть дерево [въ] дерева мѣсто таково въсьпитавшомоу, и да имѣеть то.

32. Аще ѡбрꙗщется сторо садоу крадый ѡвощь того мѣста, егоже нꙗлсꙗ стеречи, да ѿщетитсꙗ найма своего и ѕѣло да біенъ боудеть.

33. Аще ѡбрꙗщется пастырь наꙗтый доꙗ ѡвець или коровъ втай ѡсподарꙗ своего, и продаꙗ, біемъ боуди и найма своего лишенъ боудеть

34. Аще кто вола, или ѡсла[2], или конь, или какоую иноую животиноу по невѣданью ѡсподарꙗ его възметь кто, и пойдеть в торговлю или на иное кое дѣло, да подасть вдвое мьздоу его; аще ли же оумреть на поути, дасть двое мѣсто единаго, еже аще боудеть.

λβ'. Ἐὰν δένδρον ἀνετράφη ὑπο τινος ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ καὶ μετὰ ταῦτα, μερισμοῦ γενομένου, ἔλαχεν ἐκ μερίδος ἄλλῳ [1], μὴ ἐχέτω τὴν ἐξουσίαν τοῦ δένδρου ἄλλος [2], ἀλλ' ἢ ὁ ἀναθρεψάμενος· [3] εἰ δὲ καταβοᾶ ὁ τοῦ τόπου κύριος, ὅτι ἀδικοῦμαι ὑπὸ τοῦ δένδρου, διδότω [4] ἀντὶ τοῦ δένδρου δένδρον ἕτερον [5] τῷ ἀναθρεψαμένῳ [6], καὶ ἐχέτω αὐτό.

λγ'. Ἐὰν εὑρεθῇ ὀπωροφύλαξ κλέπτων, ἐν ᾧ ἔλαχε φυλάττειν [7] τόπῳ, στερείσθω τοῦ μισθοῦ αὐτοῦ καὶ σφοδρῶς τυπτέσθω.

λδ'. Ἐὰν εὑρεθῇ ποιμὴν [8] μισθωτὸς ἀμέλγων τὰ πρόβατα [9] λάθρα τοῦ κυρίου αὐτοῦ καὶ πιπράσκων, τυπτόμενος τοῦ μισθοῦ αὐτοῦ στερείσθω.

λέ. Ἐὰν εὑρεθῇ τις κλέπτων ἀλλοτρίαν καλάμην, ἐν διπλῇ ποσότητι παρεχέτω αὐτήν.

λς'. Ἐάν τις βοῦν ἢ ὄνον ἢ ἄλλο τὸ οἱονοῦν κτῆνος [10], ἀγνοοῦντος τοῦ κυρίου, ἄρῃ [11] καὶ ἐν πραγματείᾳ [12] ἀπέλθῃ, διδότω [13] τὸν μισθὸν αὐτοῦ ἐν διπλῇ ποσότητι· εἰ δὲ ἀποθάνῃ ἐν τῇ ὁδῷ, δώσει δύο ἀντὶ τοῦ ἑνὸς [14], εἴ τι ἂν εἴῃ. [15].

---

[1] Здѣсь за утратою одного листа прерывается текстъ въ спискѣ Барсова до 38-й статьи. — [2] У Башилова: осля.

[1] ἄλλου. — [2] ἄλλος нѣтъ. — [3] приб. αὐτό. — [4] δοσάτω. — [5] ἕτερον нѣтъ. — [6] ἀνατρέψαντι. — [7] φυλάττει вм. ἔλαχε φυλάττειν. — [8] ὁ ποιμήν. — [9] βοσκήματα (безъ члена). — [10] ἔκ τινος. — [11] ἄρῃ ἀγνοοῦντος τοῦ κυρίου αὐτοῦ. — [12] πράγματι. — [13] δότω. — [14] ὑπὲρ ἑνός. — [15] εἴ τι ἐὰν ᾖ.

35. Аще кто пріемъ волъ чюжъ дѣлати, и оумреть, да истяжють соудіи: и аще в томъ дѣлѣ оумреть, в' немъже кончалъ боудеть, неповиненъ есть; аще ли въ иномъ дѣлѣ, дасть волъ цѣлъ.

λζ'. Ἐὰν λάβῃ τις βοῦν πρὸς ἐργασίαν καὶ ἀποθάνῃ, τηρείτωσαν οἱ ἀκροαταί· καὶ εἰ μὲν ἐν ᾧ ἔργῳ ἐζήτησεν αὐτὸν, [1] ἐν ἐκείνῳ ἀπέθανεν, ἀζήμιος ἔστω· εἰ δὲ ἐπ' ἄλλῳ ἔργῳ [2], δώσει τὸν βοῦν ὁλόκληρον. [3].

36 *. Аще кто ѡбрящеть волъ, или конь, или коую иноую животиноу в' винোградѣ, или в' огородѣ, или в нивѣ, или въ каковомъ мѣстѣ истравоу творяще, и не предасть животиноу ѡсподареви ея [1], ѩко хотя искати на немъ всю пакость пагоубоу, но оубіеть или ѡхромить, дасть волъ за волъ, или ѡселъ за ѡселъ, или ѡвцю за ѡвцю, и конь за конь (ср. ст. 46).

λη'. Ἐάν τις εὕρῃ βοῦν ἢ ἵππον ἢ ἄλλο ζῶον [4] ἐν ἀμπελῶνι [5] ἢ ἐν κήπῳ [6] ἢ ἐν ἑτέρῳ τόπῳ πραῖδαν ποιοῦντα, εἶτα [7] οὐ παραδώσει τὸ ζῶον τῷ κυρίῳ αὐτοῦ [8], ὡς μέλλων αὐτὸν ἀπαιτεῖν πᾶσαν τῶν καρπῶν τὴν ἀπώλειαν, ἀλλὰ φονεύσῃ ἢ κλάσῃ [9], δότω βοῦν ἀντὶ τοῦ [10] βοὸς, ἢ ὄνον ἀντὶ ὄνου, ἢ πρόβατον ἀντὶ προβάτου, ἢ ἵππον ἀντὶ ἵππου. [11].

37. Аще кто в лѣсѣ дровъ [2] роубя не постережеть, но падъ дерево и оубіеть вола или ѡсла [3], или кый во [4] скотъ, дасть животиноу за животиноу.

λθ'. Ἐάν τις ἐν δρυμῷ ξύλον κόπτων οὐ πρόσχῃ, [12] ἀλλὰ πέσῃ καὶ ἀποκτείνῃ βοῦν ἢ ὄνον ἢ ἄλλο τὸ οἱονοῦν ζῶον [13], δώσει ψυχὴν ἀντὶ ψυχῆς.

38 **. Аще кто секый дерево свыше неразоуміемъ верженть топоръ, и оубіеть чюжіи скотъ, да ѿдасть то [5].

μ'. Ἐάν τις κόπτων δένδρον ἄνωθεν ἀγνωσίᾳ ῥίψῃ τὸν πέλεκυν καὶ φονεύσῃ ἀλλότριον κτῆνος, δότω αὐτό.

---

*) Статьи 36—38, 42—48, 50—61, 63, 65, 74 и 75 находятся также въ сборникѣ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря (нынѣ с.-петербургской духовной академіи) XV в. № 1086, л. 15—18, подъ заглавіемъ: ѿ Оустиніановыхъ законныхъ книгъ князямъ православнымъ о земледѣльцехъ. Въ ниже слѣдующихъ варіантахъ сборникъ этотъ обозначается буквою К.—**) Отсюда опять идетъ текстъ въ спискѣ Барсова (л. 139).

[1] У Башилова: осподарю и ея. — [2] древъ. К. — [3] У Башилова: осля. — [4] Вѣроятно лиꙗо. Въ К нѣтъ ни того ни другого. — [5] свое за то К.

[1] αὐτό. — [2] приб. ἀπέθανεν. — [3] ὁλοκλήρως. — [4] ἢ ἵππον ἢ ἄλλο ζῶον нѣтъ. — [5] ἀμπέλῳ. — [6] ἢ ἀγρῷ. — [7] καί. — [8] αὐτὸν τῷ ἰδίῳ κυρίῳ. — [9] приб. αὐτόν. — [10] τοῦ нѣтъ. — [11] ἢ ἵππον ἀντὶ ἵππου нѣтъ. — [12] κόπτων ἐν δρυμῷ ξύλον οὐ προσχεῖ. — [13] ζῶον нѣтъ.

39. Аще кто̑ оукрадеть волъ[1], или ѿселъ[2], и ѿбличенъ боудеть, да біенъ боудеть, соугоубою цѣною ѿдасть то̑ и дѣланіе ѥ̑ все̑.

40. Аще кто̑ хотѧ оукрасти волъ ѿ чрѣды, и чрѣда заблоудивъ, звѣрми снѣдена боудеть, семоу виноватый ѿслѣпленъ боудеть.

41. Аще кто̑ изыдеть съврати свой волъ, или[3] ѿселъ, или кꙋ̑ю иноую животиноу, и гонѧ своѐ, поженетъ[4] съ своимъ и ближнѣго[5], и не приберетъ[6] и тѣ̑ съ своимъ, но погыбнеть, или волкъ съесть, дасть иное[7] в҆мѣсто того господаревї его, конь или волъ; аще ли же ꙗвилъ, сказалъ и приказоуꙗ приказалъ боудеть, и мѣсто оуказалъ, ꙗко не могый оудръ҆жати то, неповиненъ бꙋдеть.

42. Аще кто̑ ѿбрѧщеть въ чащи волъ, и зарѣзавъ его, и мѧса[8] его възметь, рꙋ̑кы емоу оусѣчи[9].

43. Аще кый холопъ зарѣжеть[10] волъ, или борана, или коую[11] иноую животиноу[12] въ чащи, ѿсподарь его[13] заплатить.

44. Аще кый холопъ хотѧ

---

[1] вълъ Б.; вола Башил. — [2] осля Башил. — [3] и Б. — [4] Въ подлинникѣ понежетъ; у Башилова: понеже то; исправ. по Б. — [5] ближнѧго Б. — [6] У Башилова поправлено: прибережетъ. — [7] иного Б. — [8] мѧсо К. — [9] ѿсѣчи Б. — [10] зарѣзавъ Б. — [11] коую нѣтъ въ Б. — [12] зарѣжетъ какый животъ К. — [13] за него К.

μά. Ἐάν τις κλέψῃ βοῦν ἢ ὄνον καὶ ἐλεγχθῇ, μαστιγωθεὶς ἐν διπλῇ ποσότητι[1] ἀποδώσει αὐτὸ[2] καὶ τὴν ἐργασίαν αὐτοῦ πᾶσαν.

μβ΄. Ἐάν τινος θέλοντος[3] κλέψαι βοῦν[4] ἐξ ἀγέλης, ἡ ἀγέλη ἀπελαθεῖσα[5] θηριόβρωτος γένηται, ὁ τούτου αἴτιος[6] τυφλούσθω.

μγ΄. Ἐάν τις ἐξελθὼν[7] πρὸς συναγωγὴν τοῦ ἰδίου βοὸς ἢ τοῦ ὄνου καὶ διώκων τὸ ἴδιον[8] συνδιώξῃ μετ᾽ αὐτοῦ καὶ τοῦ πλησίον[9], καὶ οὐκ ἐπισυνάξῃ αὐτὸ μετὰ τοῦ ἰδίου, ἀλλὰ φθαρήσεται ἢ λυκωθῇ[10], δότω ἀντίψυχον τῷ κυρίῳ αὐτοῦ βοῦν, ἢ ὄνον· εἰ δὲ μηνύων ἐμήνυσε καὶ τὸν τόπον ὑπέδειξεν[11] ἀπολογησάμενος, ὡς ἀδυνάτως[12] εἶχεν αὐτοῦ ἐπικρατὴς[13] γενέσθαι, ἀζήμιος ἔστω.

μδ΄. Ἐάν τις εὑρὼν ἐν ὕλῃ βοῦν, σφάξῃ αὐτὸν καὶ ἄρῃ τὰ κρέα[14] αὐτοῦ, χειροκοπείσθω.

με΄. Ἐάν τις δοῦλος σφάξῃ βοῦν ἢ ὄνον[15] ἢ κριὸν[16] ἐν ὕλῃ, ὁ κύριος αὐτοῦ[17] ἀποδώσει αὐτὸν[18].

μς΄. Ἐάν τις δοῦλος θέλων ἐν

---

[1] μαστιγωθεὶς ἐν διπλῇ ποσότητι нѣтъ. — [2] δώσει αὐτόν. — [3] τὶς θέλων. — [4] ἕνα βοῦν. — [5] ἀπελαθεῖσα ἡ ἀγέλη. — [6] ὁ τούτου αἴτιος нѣтъ. — [7] ἐξέλθοι. — [8] τὸν ἴδιον. — [9] καὶ ἕτερον. — [10] ἀπώλυται καὶ λυκωθείη. — [11] приб. καί. — [12] ἀδύνατα. — [13] ἐπικρατὴς αὐτοῦ. — [14] κρέη. — [15] κριόν. — [16] ὕν. — [17] ὁ τούτου κύριος. — [18] αὐτό.

в нощи красти, и ижьженеть изь загороды [1] ѿвець [2] и [3] потерѧютсѧ, или волци съꙗдѧть [4], да завѣшенъ боудеть.

45. Аще кый холопъ чїй, м҆ножицеѭ крадь [5] животины [6] в҆ ночи, или погоубленїе [7] створить стадоу, заплатить ѿсподарь [8] его погоубленаꙗ, ꙗко вѣдый своего холопа виновата [9], холоп҆ же завѣшенъ боудеть [10].

46. Аще кто̑ ѿбрѧщеть вола, пакость творѧща, и не предасть его ѿсподарю его, ꙗко пакости своеꙗ хотѧ искати на не҃, но̑ оуши оурѣжеть емоу или ѿслепить, или хвость оурѣжеть, не прїиметь его о̑сподарь его, но̑ нинъ въмѣсто того (ср. ст. 36) [11].

47. Аще кто̑ ѿбрѧщеть свинѧ пакость творѧща, или ѿвцю или песъ [12], и предасть ѿсподарю и҃; пакы [13] въ дроугыи [14] нашедъ, извѣчаеть, предавъ ѿсподарю [15] и҃; в третїи же нашедъ, оуши [16] оурѣжеть, или хвостъ, или застрелить, неповиненъ есть.

48. Аще [17] волъ или конь, хотѧ внити [18] в҆ виноградъ, или

νυκτὶ κλέψαι, ἀπελάσῃ ἐκ τῆς μάνδρας τὰ Ϡρέμματα, καὶ ἀπόλλωνται ἢ Ϡηριάλωτα γένωνται, φουρκιζέσϠω ὡς φονεύς.

μζ΄. Ἐάν τις δοῦλος τινὸς πολλάκις κλέψας κτήνη ἐν νυκτί, ἢ ἀπελασίας [1] ποιήσῃ τοῦ ποιμνίου, ζημιωϠήσεται ὁ κύριος αὐτοῦ τὰ ἀπολλόμενα, ὡς γινώσκων ὑπαίτιον τὸν δοῦλον· αὐτὸς δὲ φουρκισϠήσεται [2].

μη΄. Ἐάν τις εὕρῃ βοῦν πραιδεύοντα [3] καὶ οὐ παραδώσῃ αὐτὸν τῷ κυρίῳ αὐτοῦ, ἀλλὰ ὠτοκοπήσῃ αὐτὸν ἢ τυφλώσῃ ἢ καὶ [4] οὐροκοπήσῃ αὐτόν [5], οὐ λήψεται [6] αὐτὸν ὁ κύριος αὐτοῦ, ἀλλ᾿ [7] ἄλλον ἀντ᾿ αὐτοῦ.

μϑ΄. Ἐάν τις εὕρῃ χοῖρον ἐν πραίδᾳ, ἢ πρόβατον ἢ κύνα, καὶ [8] παραδώσῃ αὐτὸν ἐν πρώτοις τῷ κυρίῳ αὐτοῦ [9], εἶτα δευτερώσας καὶ παραδοὺς παραγγελῇ τῷ κυρίῳ αὐτοῦ, τὸ δὲ τρίτον ὠτοκοπήσῃ καὶ οὐροκοπήσῃ ἢ τοξεύσῃ [10], ἀνέγκλητος ἔσται.

ν΄. Ἐὰν βοῦς ἢ ὄνος [11] εἰσελϠεῖν Ϡέλων [12] ἐν ἀμπελῶνι ἢ ἐν κήπῳ, ἐμπέσῃ εἰς τὸν τοῦ ἀμπε-

---

1 ѿграды К. — 2 ѿвци К, ѿвцы Б. — 3 и нѣтъ въ К. — 4 снѣдѧтъ К. — 5 крадый Б, крадеть К. — 6 животнаꙗ К. — 7 истраву Б, гибость К. — 8 гдарь Б. — 9 ꙗко... виновата нѣтъ въ К. — 10 а холопа завѣсить К. — 11 возметь прибав. К. — 12 свинїи или ѡвци или псы пакость творѧща К. — 13 и прибав. К. — 14 въ дроугыи нѣтъ въ Б. — 15 предасть господарю Б. — 16 имь прибав. К. — 17 ли приб. Б. — 18 скочити К.

1 Въ подлинникѣ ἢ πελασίας; исправлено по № 467. — 2 φουρκίζεται. — 3 Ἐὰν εὑρεϠῇ βοῦς πραιδεύων. — 4 καί нѣтъ. — 5 αὐτόν нѣтъ. — 6 οὐκ ἀρῇ. — 7 ἀλλὰ λάβῃ. — 8 καὶ нѣтъ. — 9 τῷ κυρ. αὐτοῦ нѣтъ. — 10 ὠτοκοπήσει αὐτῷ (sic), ἢ τοξεύσει αὐτῷ (sic). — 11 ἢ ὄνος нѣтъ. — 12 εἰσελϠών.

въ ѡгородъ, или є̑ нивоу, и є̑падеть є̑ ровъ ихъ [1], и оумреть, неповиненъ есть ѡсподарь винограда или нивы или ѡгорода [2].

49. Такожде же [3] и на тинь (sic) аще наколетсѧ, въскочити хотѧ въ ѡгороженое, неповиненъ есть ѡсподарь тыноу.

50. Аще ктѡ поставить стоупицю или проужиноу въ времѧ плода, и є̑падеть є̑ неі лѝ [4] песъ, или вепрь [5], и оумреть, неповиненъ есть ѡсподарь стѹпици.

51. Аще ктѡ [6] въ пръвоую и въ дрѹгоую [7] истравоу оубіеть животиноу, а не предасть ѡсподареви єѧ, да пріиметь истравоу свою, заплати [8] еже оубилъ боудеть.

52. Аще ктѡ вепрь запреть, или песъ чюжіи, и оуморить, сѹгоубо количьство [9] заплатитъ.

53. Аще кто пс҃а стерегоуща оубіетъ [10], и не повѣсть, и боудеть звѣремъ нашъствіе на ѡгра҃ [11], потомже оузнаетсѧ [12]

---

[1] или на тынъ наколетсѧ приб. К. — [2] или тыну приб. К. — [3] же нѣтъ въ Б. — [4] вне или Б. — [5] веперь Б. — [6] кто нѣтъ въ Б. — [7] У Башилова: во вторую. — [8] а заплатитъ Б. — [9] є̑полторы цѣноу К. — [10] дворъ или стадо (стерегоуща) приб. К. — [11] и боудеть… на ѡград (градъ Б) нѣтъ въ К. — [12] а оузнают К.

λῶνος [1] τράφον ἢ τοῦ κήπου καὶ ἀποϑάνῃ, ἀζήμιος ἔστω ὁ κύριος τοῦ κήπου καὶ [2] τοῦ ἀμπελῶνος.

να΄. Ἐὰν βοῦς ἢ ὄνος ϑέλων εἰσελϑεῖν εἰς ἀμπελῶνα, ἢ εἰς κῆπον [3] ἐμπαρῇ [4] τοῖς τοῦ φραγμοῦ πάλοις, ἀζήμιος ἔστω ὁ τοῦ ἀμπελῶνος καὶ [5] τοῦ κήπου κύριος.

νβ΄. Ἐάν τις στήσῃ [6] μάγγανον ἐν καιρῷ τῶν καρπῶν, καὶ ἐμπέσῃ ἐν αὐτῷ κύων ἢ χοῖρος καὶ ἀποϑάνῃ, ἀζήμιος ἔστω ὁ τοῦ μαγγάνου κύριος.

νγ΄. Ἐάν τις ἐκ μιᾶς καὶ [7] δευτέρας καταβολῆς πραίδας [8] φονεύσας, οὐ παραδώσῃ τὸ ζῶον τῷ κυρίῳ αὐτοῦ, ἵνα ἀπολάβῃ τὴν πραῖδαν αὐτοῦ, δότω ὅπερ ἐφόνευσεν.

νδ΄. Ἐάν τις χοῖρον ἐγκλείσῃ ἢ κύνα ἀλλότριον καὶ διαφϑείρῃ [9], ἐν διπλῇ ποσότητι ἀποτίσει αὐτόν [10].

νε΄. Ἐάν τις κύνα ποιμαίνοντα φονεύσας [11] οὐχ ὁμολογήσῃ, ἀλλὰ γένηται ϑηρίων ἔφοδος ἐν τῇ μάνδρᾳ, μετέπειτα δὲ διαγνωσϑῇ [12] ὁ φονεὺς τοῦ κυνὸς, πᾶσαν τὴν

---

[1] τῆς ἀμπέλου. — [2] ἢ. — [3] ἐν ἀμπέλῳ, ἢ ἐν κήπῳ и приб. καί. — [4] приб. ἐν. — [5] τῆς ἀμπέλου ἢ. — [6] στήσας. — [7] ἢ. — [8] πραιδείας. — [9] διαφϑαρῇ.— [10] См. Ecloga tit. XVII, cap. 8 и Prochiron tit. XXXIX, cap. 51. — [11] τὶς φονεύσας. — — [12] διαγνωσϑείη.

оу҆віица п҃са[1], всю пагоубоу стада заплатить с҆ цѣною п҃совою.	ἀπώλειαν δότω τῆς ποίμνης [1] μετὰ καὶ τῆς τιμῆς τοῦ κυνός.
54. Аще кто̑ ѡ҆г҃нь вложить въ свое стернище [2] или селище [3], и прилоучитсѧ [4] ѡ҆гневи ѡ҆бынти [5] и жьжечи храмы или плодовитыѩ селища, неповиненъ боудеть, аще въ великый вѣтръ [6] се боудеть [7] створивъ [8] (ср. ст. 66).	νς΄. Εάν τις πῦρ ἐμβάλλῃ [2] ἐν ὕλῃ ἰδίᾳ ἢ ἐν ἀγρῷ, καὶ συμβῇ διαδραμεῖν τὸ πῦρ καὶ καῦσαι [3] οἴκους ἢ ἐγκάρπους ἀγρούς, οὐ καταδικάζεται, ἐὰν οὐκ ἐν πολλῷ ἀνέμῳ τοῦτο ἐποίησεν [4].
55. Аще кто̑ жьжеть лѣсъ чюжїи, или сѣчеть деревїе чюжее, соутоубо [9] да ѡ҆соуженъ боудеть и роука е҆го знаменана боудеть [10].	νζ΄. Ὁ καίων ὄρος ἀλλότριον ἢ κόπτων δένδρα ἀλλότρια εἰς τὸ διπλάσιον καταδικάζεται [5], σφραγιζομένης καὶ τῆς χειρὸς αὐτοῦ.
	νή. Ὁ καίων ἀμπέλου [6] φραγμὸν τυπτόμενος σφραγιζέσθω τὴν χεῖρα [7] αὐτοῦ, ἀλλὰ καὶ ζημιούσθω διπλὴν τὴν βλάβην.
56. Иже [11] сѣчеть сады плодовитый, или въсторгаѩ ис корене [12], р҆коу е҆го оусѣчи [13], а тое҆ [14] заплатить.	νθ΄. Ὁ κόπτων ἀμπέλους ἐγκάρπους ἢ ἀνασπῶν [8] χειροκοπείσθω ζημιούμενος.
57. Аще нѣцїи въ времѧ жатвы входѧ [15] въ чюжїи нивы и крадоуть снопы, или колосъ, или сочива [16], ѡ҆дежь своихъ лишатсѧ, а сами бїенї боудоуть.	ξ΄. Οἱ ἐν [9] τῷ καιρῷ τοῦ θερισμοῦ εἰσερχόμενοι ἐν ἀλλοτρίᾳ [10] αὔλακι καὶ κλέπτοντες δεμάτια [11] ἢ στάχυας ἢ ὄσπρια, τῶν χιτώνων στερείσθωσαν μαστιζόμενοι.
58. Аще нѣцїи въ винограды или е҆ сады е҆ходѧть въ чюжїа, аще съясти токмо внидошѧ,	ξά. Οἱ ἐν ἀμπέλοις ἢ συκαῖς ἀλλοτρίαις εἰσερχόμενοι, εἰ μὲν βρώσεως ἕνεκεν [12], ἀθῶοι ἔστωσαν· εἰ δὲ κλοπῆς [13], τυπτόμενοι καὶ [14] τῶ χιτώνων στερείσθωσαν [15].

[1] оувінца пса нѣтъ въ К. — [2] жатвище К. — [3] деревнище К. — [4] небреженїемъ прибав. К. — [5] ѿбонти К. — [6] вѣтръ въ великый Башил. — [7] аще... се боудетъ нѣтъ въ Б. — [8] створилъ К.; на верхнемъ полѣ выноска: заплатитъ.— [9] лишше К.— [10] а не ѿсѣчена приб. К.— [11] аще кто К. — [12] ис коренїа К. — [13] роука ѿсѣщи К. — [14] то КБ. — [15] входѧт КБ. — [16] У Башилова: сучива.

[1] τῆς ποίμνης δοσάτω. — [2] ἐμβάλοι. — [3] καύσῃ. — [4] ἐποίησεν τὸ τοιουτον. — [5] Здѣсь конецъ статьи въ № 467. — [6] ἀμπελῶνος. — [7] ἡ χείρ. — [8] приб. ἀλλοτρίας. — [9] ἐν нѣтъ. — [10] ἀλλοτρίῳ. — [11] δέματα. — [12] ἕνεκεν нѣтъ. — [13] приб. ἕνεκα.— [14] καί нѣтъ. — [15] Ср. Второзак. XXIII, 24.

неповиніни соуть; аще ли красти, бьени бѹдоуть и ѿдежь своихъ лишени [1].

59. Аще кто оукрадеть рало, или лемешь [2], или подоузоу [3], казненъ боудеть [4] по числоу дніи ѿ того дни [5], ѿнелиже оукраде [6], на всякъ днь по грошеви [7], а лице [8] ѿдасть.

60. Аще кто съжьжеть чюжая кола, или оукрадеть, соугѹбо [9] цѣноу ѿдасть.

61. Аще кто въ гоумно или в стогы въвержеть ѿгнь, мьщаѧ вражбоу [10], ѿгнемь съжженъ боудеть.

62. Иже в рѣзъ пріемшїи [11] селища [12], аще ѩвятся боле седми лѣтъ плоды ѿбьімающа ѿ селищь, да сочтеть соудїа ѿ седмого лѣта, или дале, и [13] всякоую половиноу плода на всякый годъ да причтеть къ истинѣ.

63. Аще нѣціи в житници ѿбрѣтоутся крадоуще жито [14],

ξβ΄. Οἱ κλέπτοντες ἄροτρον, ἢ ὕνιν [1], ἢ ζευγητῆρα [2] ζημιούσθωσαν κατὰ τὴν ποσότητα τῶν ἡμερῶν, ἀφ᾽ ἧς ἡμέρας τὸ κλέμμα ἐγένετο, καθ᾽ ἑκάστην ἡμέραν φόλεις δώδεκα.

ξγ΄. Οἱ καίοντες ἅμαξαν ἀλλοτρίαν, ἢ κλέπτοντες ἐν διπλῇ ποσότητι ἀποτιννύτωσαν [3].

ξδ΄. Οἱ ἐν ἅλωνι ἢ ἐν θημωνίαις βάλλοντες πῦρ πρὸς ἄμυναν ἐχθρῶν, πυρίκαυστοι γινέσθωσαν [4].

ξέ. Οἱ ἐν οἴκῳ ἀχύρου ἢ χόρτου [5] βάλλοντες πῦρ, χειροκοπείσθωσαν [6].

ξς΄. [ξζ΄] Οἱ τόκου χάριν λαβόντες ἀγρούς, εἰ [7] πλείω τῶν ζ΄ χρόνων φανῶσι καρπιζόμενοι τὸν ἀγρόν, ψηφισάτω ὁ ἀκροατὴς ἀπὸ τῆς ἑπταετίας [8] καὶ τῶν ἄνω, καὶ πᾶσαν τὴν κατὰ τὴν ἡμίσειαν εἰσφορὰν στοιχεισάτω εἰς τὸ [9] κεφάλαιον.

ξζ΄. [ξη΄] Οἱ ἐν ὡρείῳ εὑρισκόμενοι κλέπτοντες [10] τὸν σῖτον, τυπ-

---

[1] лишатся К. — [2] лемехъ К. — [3] Нужно было бы написать: подъоузоу. Ζευγητήρ или ζευγατήρ, по аѳинскому лексикону 1835 г., τὸ λώριον, δι᾽ οὗ ζεύγουσι τοὺς βόας εἰς τὸν ζυγόν. — [4] рекше битъ, а... приб. К. — [5] ѿ того дни нѣтъ въ К. — [6] оукрадено К, оукрадена Б. — [7] по грошоу дати К. — [8] лицемь К. — [9] вдвое К. — [10] ѿмщаѩ (К) враждоу КБ. — [11] пріиметь Б. — [12] селицю Б. — [13] и нѣтъ въ Б. — [14] ѿбрящоутся житницю крадоуще К.

[1] ὑνήν.— [2] ζυγιστῆρα; Ecloga ad Proch. mutata: ζευγητήρια (tit. XVIII, c. 15). — [3] ἀποτιννύσθωσαν. — [4] ἔστωσαν. — [5] χόρτου ἢ ἀχύρου. — [6] Далѣе въ № 467 слѣдуетъ статья, занимающая въ основномъ спискѣ предпослѣднее мѣсто (въ славянскомъ переводѣ гл. 82): ξς΄: Οἱ κατασπῶντες οἴκους ἀλλοτρίους ἀνάρχως, ἢ ἀχρειοῦντες φραγμόν, ὡς εἰς(?)τὰ ἴδια φράξοντες ἢ κτίσοντες, χειροκοπείσθωσαν. — [7] καί. — [8] τὴν ἑπταετίαν. — [9] τὸ нѣтъ.— [10] Ὁ ἐν ὠρ. εὑρισκόμενος κλέπτων.

бьени боудоуть сто калановъ, а жито заплатѧтъ; аще ли же и въ дроугый ѿбрѧщоутсѧ, бїени боудоуть, соугоубо [1] краденое заплатѧть [2]; аще ли же въ третье [3], да ѿслеплени боудоуть.

64. Съквернители, и [4] творѧй [5] и̂ стражай, мечемъ оусѣчени боудоуть; аще ли же стражай [6] менше двоунадесѧть лѣтоу боудеть, тогда хоудость възраста его [7] таковою казни перемѣнить и̂.

65. Скотоложникомъ смрадныѧ [8] оуды оурѣзати.

66. Аще кто стернище своеѧ нивы хотѧ е̂жечи [9], вложить ѿгнь во нь, ѿгнь же поднѧвсѧ сожеже [10] чюжиѧ [11] нивы, или виногради и [12] сады, достоить соудїи стѧзати [13]: и аще оубѡ неискоуство[мъ] и малодшье[мъ] зажегшего ѿгнь възгорѣсѧ, [и] не съблюде [14] силою всею не пройти ѿгню вдале, ѩко небрегъ и малодоушьствовавъ, таковый да ѿсоуженъ боудеть; аще ли же всѧко оубо ѡнъ съблюдаше, напрасно же вѣтръ припадъ, ѿгньный пламень на погоублениѧ [15] принесе, неповиненъ иже ѿгнь е̂жегый прѣбоудеть (ср. ст. 54).

τέσϑωσαν [1] μάστιξιν ἐν πρώτοις [2] ρ´ καὶ τὸ ἀζήμιον τῷ κυρίῳ αὐτοῦ ποιείτωσαν· [3] εἰ δὲ ἐκ δευτέρου φανεῖεν [4], τυπτόμενοι ἐν διπλῇ ποσότητι ζημιούσϑωσαν [5] τὸ κλέμμα· εἰ δὲ καὶ ἐκ τρίτου, τυφλούσϑωσαν [6].

ξή. Οἱ ἀσελγεῖς ὅ τε ποιῶν καὶ ὁ πάσχων, ξίφει τιμωρείσϑωσαν, εἰ μὴ ἄρα ὁ πεπονϑὼς ἐλάττων ᾖ τῶν δώδεκα χρόνων· τότε γὰρ τὸ ἐνδεὲς τῆς ἡλικίας αὐτοῦ τῆς τοιαύτης αὐτὸν ἀπαλλάττει ποινῆς [7].

ξϑ́. Οἱ ἀλογενόμενοι, ἤγουν οἱ κτηνοβάται καυλοκοπείσϑωσαν.

ό. Εἴ τις τὴν καλάμην τοῦ ἰδίου χωραφίου βουλόμενος καῦσαι ἐνέβαλλε κατ᾽ αὐτοῦ πῦρ, τὸ δὲ πῦρ ἀχϑὲν κατέκαυσε τὰ ἀλλότρια χωράφια ἢ τὸν ἀλλότριον ἀμπελῶνα, δεῖ τὸν ἀκροατὴν ἐξετάζειν· καὶ εἰ μὲν ἀπειρίᾳ καὶ ἀμαϑίᾳ τοῦ ἀνάψαντος τὸ πῦρ ἀνῆπται, μὴ παραφυλάξαντος δυνάμει τοῦ προελϑεῖν τὴν φλόγα περαιτέρω, ὡς ἀμελήσας καὶ ῥαϑυμήσας ὁ τοιοῦτος καταδικάζεται. Εἰ δὲ πάντα μὲν ἐκεῖνος παρεφυλάξατο, ἀϑρόον δὲ πνεῦμα προσπεσὸν τὴν

---

[1] вдвое К. — [2] заплатити Б. — [3] и̂ втретїи К. — [4] и нѣтъ въ Б. — [5] творѧ Б. — [6] стража Б. — [7] его нѣтъ въ Б. — [8] срамныѧ КБ. — [9] Вмѣсто хотѧ сжичи, — «и с чюжи» Б. — [10] съжжет Б. — [11] чюжаѧ Б. — [12] или Б. — [13] истѧзати Б. — [14] не сблюд Б — [15] У Башилова: на погубленая; Б: на погубленіе.

[1] τυπτέσϑω. — [2] ἐν πρώτοις μάστιγας. — [3] καὶ τὸ ἀζήμ. ποιείτω τῷ κλαπέντι. — [4] φανείη. — [5] τυπτόμενος ζημιούσϑω ἐν διπλ. ποσ. — [6] τυφλούσϑω. — [7] Въ рукописи ζωῆς. Исправлено по Прохирону, изъ котораго взяты какъ эта, такъ и слѣдующія двѣ главы (см. tit. XXXIX, cap. 73—75). Въ рукописи № 467 ихъ нѣтъ. Отсюда и дальнѣйшая разница въ счетѣ главъ, указанная въ скобкахъ.

67. Аще [1] кто крадеть в нощи ѿ бочки и квасилни [2] вино или [3] медъ, тоя же подлежитъ казни, юже и жито крадый.

68. Иже мѣроу житоу [4] каковоу любо или виноу и медоу оумалѧвающей, а не послѣдоующе прьвомоу прѣданию, но скверняго ради прибытка чресъ оуставленыхъ неправедныя мѣры имѣюще [5], да биени бѫдѫть [6] крѣпко, яко нечьстиви [7].

69. Аще кто предасть на паствоу животиноу холопоу без вѣданиа ѡсподарѧ [8] его, холопже продасть или инако нѣкако потерѧеть, ѡсподарь съ холопомъ своимъ подоимѣть.

70. Аще по вѣданию ѡсподарѧ своего холопъ приметь любо какоую [9] животиноу, и потомъ съясть, или инако како потерѧеть, ѡсподарь холопа без оубытка створить ѡсподарѧ животины.

71. Аще кто мимоходѧ пѫтемъ, и [10] ѡбрѧщеть [11] оубитоу или погоубленоу животиноу, и оумилосердився прикажеть, ѡсподарь же [12] животины помыш-

---

[1] ли же прибав. Б. — [2] бочки квасилнiи Б. — [3] и Б. — [4] жита Б. — [5] имѣющiи Б. — [6] біени будет Б. — [7] нечестивiи Б. — [8] господарѧ Б: такъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ случаяхъ. — [9] какую убо Б. — [10] и нѣтъ въ Б. — [11] Въ подлинникѣ и у Башилова ѡврѧщоуть; исправлено по Б. — [12] же нѣтъ въ Б.

τοῦ πυρὸς φλόγα ἐπὶ τὸν βλαβέντα μετεκόμισεν, ἀνεύθυνος ὁ τὸ πῦρ ἀνάψας διατελεῖ.

οα΄. [ξθ΄] Ὁ κλέπτων ἐν νυκτὶ [1] ἐκ πίθου οἶνον ἢ ἐκ ληνοῦ, τὴν αὐτὴν ὑποφερέτω ποινὴν [2] τῷ σῖτον ἐξ ὡρείου κλέπτοντι.

οβ΄. [ο΄] Οἱ μέτρον σίτου καὶ οἴνου κολοβὸν ἔχοντες καὶ μὴ ἐξακολουθοῦντες τῇ ἀρχαίᾳ παραδόσει, ἀλλὰ δι᾽ αἰσχροκέρδειαν παρὰ τὰ διατετυπωμένα ἄδικα μέτρα ἔχουσι, τυπτέσθωσαν ἰσχυρῶς ὡς ἀσεβεῖς [3].

ογ΄. [οα΄] Ὁ παραδιδοὺς πρὸς νομὴν κτήνη δούλῳ [4] ἄνευ εἰδήσεως τοῦ κυρίου αὐτοῦ, ὁ δὲ δοῦλος [5] πωλήσει αὐτά, ἢ ἄλλως πως ἀχρειώσει, ζημιούσθω [6] καὶ ὁ δοῦλος καὶ ὁ κύριος αὐτοῦ.

οδ΄. [οβ΄] Ἐὰν συνειδήσει τοῦ κυρίου [7] δοῦλος παραλάβῃ [8] οἱαδήποτε [9] θρέμματα [10] καὶ καταφάγῃ αὐτὰ [11], ἢ ἄλλως πως ἀφανίσῃ, ὁ κύριος τοῦ δούλου τὸ ἀβλαβὲς ποιήσῃ [12] τῷ κυρίῳ τῶν θρεμμάτων.

οε΄. [ογ΄] Ἐὰν παρέρχηταί τις ἐν ὁδῷ καὶ εὕρῃ κεκλασμένον ἢ ἀπολλύμενον [13] κτῆνος, καὶ σπλαγ-

---

[1] Ὁ ἐν νυκτὶ κλέπτων. — [2] τῇ αὐτῇ ὑποβλησκέσθω (sic) ποινῇ и — конецъ статьѣ. — [3] Въ № 467 статья эта изложено коротко: Οἱ μετρ. σίτ. καὶ οἴν. κολ. ἔχοντες τυπτέσθωσαν ὡς ἀσεβεῖς. — [4] δούλῳ κτήνη. — [5] καὶ ἐκ τούτου ὁ δοῦλος. — [6] ἀζήμιος ἔστω. — [7] Приб. αὐτοῦ. — [8] παραλάβοι ὁ δοῦλος. — [9] οἱῳδήποτε τρόπῳ. — [10] θρέμματα нѣтъ. — [11] αὐτά нѣтъ. — [12] ποιείτω. — [13] ἀπολλόμενον.

леніе имѣеть на приказавшаго, ротоу дасть приказавый ѿ оубитьи [1], ѿ погоубленіи же да [2] не вьстѧзанъ боудеть.

72. Потерѧвый чюжюю животиноу каковою либо [3] виною, оувѣдан же бывъ, безь оубытка створить ѿсподарѧ животины.

73. Потерѧвый п҃са стада каковымъ либо зеліемъ да пріиметь побоевъ и соугоубоую цѣноу п҃са подасть [4]; аще ли же и [5] пагоуба каꙗ стадȣ створисѧ [6], всю тщетоу оубивый п҃са подасть, ꙗко виновенъ пагоубѣ сторожи бысть; да свѣдѣтельствоуен же боудеть [7] песъ: аще звѣреви борець былъ, боудеть [8], ꙗкоꙁ рѣхомъ; аще ли же простъ, ꙗко прилоучисѧ [9], біемъ цѣноу п҃са токмо ѿдасть.

74. Аще съꙗдѧтсѧ два п҃са, единого ѿсподарь притекъ, чюжего [10] п҃са оударить ножемъ, или палицею [11], или каменемъ, и ѿ оудара ѿного ѿслеплеть [12], или оумреть, или ино что пагоубно постражеть [13], ѿсподареви цѣло ѿдасть [14].

χνισθεὶς μηνύσῃ, ὁ δὲ κύριος [1] ὑπόψιαν ἔχῃ εἰς [2] τὸν μηνυτὴν [3], ὁμοσάτω περὶ τῆς κλάσεως, περὶ δὲ τῆς ἀπωλείας μὴ [4] ἀνακρινέσθω.

ος΄. [οδ΄] Ὁ διαφθείρων ἀλλότριον κτῆνος ἐξ οἱασδήποτε προφάσεως διαγινωσκόμενος τὸ ἀζήμιον ποιείτω τῷ κυρίῳ αὐτοῦ.

οζ΄. [οε΄] Ὁ διαφθείρων κύνα ποίμνης ἐπιτηδειότητι φαρμάκου, λαμβανέτω μάστιγας [5], καὶ τὸ διπλάσιον τῆς τιμῆς [6] διδότω τῷ κυρίῳ τοῦ κυνός· [7] εἰ δὲ καὶ ἀπώλεια τῆς ποίμνης γέγονε, πᾶσαν τὴν ζημίαν ὁ φονεύσας [8] διδότω, ὡς αἴτιος διαφθορᾶς [9] τῆς τοῦ κυνὸς φυλακῆς γεγονώς· μαρτυρείσθω δὲ καὶ ὁ κύων, καὶ εἰ μὲν θηριομάχος [10] ἦν, ὡς προείπομεν, ἔστω· εἰ δὲ καὶ ἁπλῶς καὶ ὡς ἔτυχε, τυπτόμενος [11] τὴν τιμὴν τοῦ κυνὸς μόνην [12] διδότω.

οη΄. [ος΄] Ἐὰν μαχομένων δύο κυνῶν, ὁ τοῦ ἑνὸς κύριος δώσῃ τῷ ἀλλοτρίῳ μετὰ ξίφους ἢ [13] μετὰ ῥάβδου ἢ [14] μετὰ λίθου, καὶ ἐκ τῆς πληγῆς ἐκείνης τυφλωθῇ ἢ ἀποθάνῃ ἢ ἄλλο τι ἐπικίνδυνον πάθῃ, τὸ ἀζήμιον τῷ κυρίῳ αὐτοῦ ποιήσῃ. [15].

οθ΄ [οζ΄] Ἐάν τις ἔχῃ κύνα δυνάστην κατεπαιρόμενον τῶν συν-

---

[1] битіи Б. — [2] да нѣтъ. — [3] оуко Б. — [4] сугубою цѣною да подасть Б.— [5] и нѣтъ. — [6] створитсѧ Б. — [7] да свидѣтельствует иже будет. Б. — [8] песъ .... боудеть пропущено въ Б.— [9] прилучитсѧ Б. — [10] чюжаго Б.— [11] древомъ Б.— [12] ѿслепеть КБ. — [13] или... постражеть нѣтъ въ Б. — [14] цѣноу дасть за пса К.

[1] приб. τοῦ κτήνους. — [2] εἰς нѣтъ. — [3] приб. πεπορεῦσθαι (πεπονηρεῦσθαι?). — [4] μηδέ. — [5] приб. ρ΄. — [6] приб. τοῦ κυνός. — [7] αὐτοῦ. — [8] φονεύς. — [9] διαφθορᾶς нѣтъ. — [10] θηριομάχης. — [11] τυπτόμενος нѣтъ. — [12] καὶ μόνην и — конецъ главы. — [13_14] приб. καί. — [15] ποιείτω ὁ φονεύς.

νόμων [1] αὐτοῦ, ὑπεγκρίσῃ [2] τε [3] τὸν κύνα τὸν δυνατὸν [4] κατὰ τῶν ἀσθενεστέρων, καὶ συμβῇ [5] κωλυθῆναι [6] τινὰ ἢ ἀποθανεῖν, τὸ ἀζήμιον τῷ κυρίῳ αὐτοῦ ποιήσας λαμβανέτω μάστιγας δώδεκα.

75. Аще кто пожнеть свою долю, ближнихъ же его доль не пожатыхъ соущихъ [1], и вжежнеть [2] свою животиноу, и пакость нѣкоую оучинить ближнимъ [3], біенъ боудеть калановъ тритцать, и потерѧное заплатить.

π΄. [οη] Ἐάν τις, θερίσας [7] τὴν ἑαυτοῦ μερίδα, τῶν πλησίον αὐτοῦ μερίδων μὴ θερισθεισῶν [8], εἰσαγάγῃ τὰ ἑαυτοῦ κτήνη καὶ βλάβην τινὰ [9] [τοῖς] πλησίον ἐργάσηται, τυπτέσθω μάστιγας τριάκοντα, καὶ τὸ ἀζήμιον τῷ βλαβέντι ποιείτω.

πά [οθ] Ἐάν τις τρυγήσῃ τὸν ἴδιον [10] ἀμπελῶνα καὶ οὐσῶν [11] ἀτρυγήτων μερίδων τινῶν [12] εἰσαγάγῃ τὰ ἴδια κτήνη, τυπτέσθω μάστιγας τριάκοντα, καὶ τὸ ἀζήμιον τῷ βλαβέντι ποιείτω.

76. Аще кто соуды [4] имѣѩ с кимъ, и без властельска повелѣнїа зажжеть виноградъ, или иное каковое садовое [5] деревье, роукы его оусѣчи.

πβ΄. [π΄]* Ἐάν τις ἀνάρχως δίκην ἔχων μετά τινος κόψῃ [13] ἀμπέλους ἢ ἄλλο τὸ οἱονοῦν δένδρον, χειροκοπείσθω.

Ѡ мельницахъ.

77. Аще кто жива [6] в селѣ, и расмотрить [7] мѣсто ѡбчее, приличьно [8] мелници, и се доспѣеть; и по свершеніи мелници и потомъ станоуть еси селѧне, вопіюще на ѡсподарѧ мелници,

πγ΄. [πά] Εάν τις οἰκῶν ἐν χωρίῳ διαγνώσηται [14] τόπον κοινὸν

[1] Аще кто пожнет свою преже нивоу близь соусѣдни, а оу соусѣда не жата нива К. — [2] поустит К, вверже́тъ Б. — [3] и потрава оучинитсѧ К. — [4] судъ Б. — [5] чье новое Б. — [6] живѧ Б. — [7] У Башилова прибавлено: то. — [8] приличное Б.

[1] τοὺς συνόμους. — [2] ὑπαγρίσῃ (читай: ὑπαγρεύσῃ въ другихъ спискахъ: ὑπαγρίσῃ). — [3] τέ нѣтъ. — [4] δυναστήν. — [5] συμβαίη. — [6] κυλλωθῆναι. — [7] θερίσας τίς. — [8] въ обоихъ спискахъ θερισθέντων. — [9] τινά — нѣтъ. — [10] ἑαυτοῦ. — [11] ὄντων. — [12] πολλῶν и приб. καί.

* Противъ этой главы въ пергаминномъ спискѣ ошибочно поставлена цифра πα΄, а противъ слѣдующихъ двухъ πβ΄. — [13] Въ рукописи: κάψῃ; исправлено по пергам. списку. — Славянскій переводчикъ, очевидно, читалъ καύσῃ (сожжетъ), что едвали не правильнѣе. — [14] διαγνώσῃ.

ѩко ѿбчеѥ мѣсто за своѥ имѣеть, весь [1] подобный емоу ѿдадать проторъ, ѥлико на мелницю испротори [2], и боудоуть причастни в'си дѣлоу томѹ.

ὄντα ἐπιτήδειον εἰς ἐργαστήριον μύλωνος [1] καὶ τοῦτον προκατάσχῃ, ἔπειτα δὲ μετὰ τὴν τοῦ ἐργαστηρίου τελείωσιν, ἐὰν ἡ τοῦ χωρίου κοινότης [2] καταβοῶσι τοῦ τοῦ ἐργαστηρίου κυρίου [3], ὡς ἴδιον τὸν κοινὸν τόπον προκατασχόντος, πᾶσαν τὴν ὀφειλομένην αὐτῷ [4] δότωσαν καταβολὴν εἰς τὴν τοῦ ἐργαστηρίου ἔξοδον, καὶ ἔστωσαν κοινωνοὶ τῷ προεργασαμένῳ.

78. Аще разделеніе [3] селища земли боудеть [4], ѡбрящеть кто въ своей [5] доли мѣсто, слично на здѣланіе мелници, и потщитсѧ ѡ томъ, не имѣють [6] ѡбласти иныхъ доль дѣлатели [7] глаголати ѡ таковой мелници.

πδ΄. [πβ΄] Ἐὰν μερισθείσης τῆς τοῦ χωρίου γῆς, εὕρῃ τις ἐν τῇ ἰδίᾳ μερίδι τόπον ἐπιτήδειον εἰς ἐργαστήριον μύλωνος [5] καὶ ἐπιμεληθείῃ [6] αὐτοῦ, οὐκ ἔχουσιν ἄδειαν οἱ τῶν ἄλλων μερίδων γεωργοὶ λέγειν τὶ περὶ τοῦ τοιούτου μύλωνος [7].

79. Аще ли же вода идоущіа к мелници портить никоу или виноградъ, безпакостноѥ да сблюдаеть ѡсподарь [8] мелници; аще ли же не възможно оудръжати воды, да оупразднитсѧ [9] мельница.

πε΄. [πγ΄] Ἐὰν τὸ ὕδωρ ἐρημοῖ χωράφια ἢ ἀμπελῶνας τὸ ἐν τῷ μύλωνι [8] ἐρχόμενον, τὸ ἀβλαβὲς τούτοις [9] ποιείτω ὁ κύριος αὐτοῦ· [10] εἰ δὲ μή, ἀργείτω.

80. Аще ѡсподаре никь не хотать, да течеть вода промежи [10] нивъ [11] ихъ к' мелници, по воли ихъ [12] боуди.

πϛ΄. [πδ΄] Ἐὰν οἱ αὐθένται τοῦ χωραφίου [11] οὐ θέλωσιν, ἵνα κατέρχηται [12] τὸ ὕδωρ διὰ τῶν αὐτῶν χωραφίων, ἄδειαν ἐχέτωσαν.

πζ΄. [πε΄] Ἐὰν γεωργὸς εὕρῃ βοῦν ἀλλότριον ἐν ἀμπέλῳ ἀλλοτρίᾳ πραιδεύοντα, καὶ οὐ συγκαταμηνύσῃ [13] τῷ κυρίῳ αὐτοῦ, ἀλλὰ

---

[1] мѣсъ и Б. — [2] испроторилъ Б. — [3] разделеніе нѣтъ въ Б. — [4] боудоут Б. — [5] въ своей нѣтъ въ Б. — [6] не имѣетъ Б. — [7] дѣлати Б. — [8] ѡсподарь да сблюдает Б. — [9] У Башилова: да упразнится. [10] У Башилова: промежь.— [11] нивы Б. — [12] Въ подлинникѣ и у Башилова: вововольныхъ; исправлено по Б.

[1] μύλου. — [2] κοινῇ (sic). — [3] κύριον. — [4] αὐτοῖς. — [5] μύλου. — [6] ἐπιμελήσηται. — [7] μύλου. — [8] μύλῳ. — [9] τούτοις нѣтъ. — [10] ὁ κύριος αὐτοῦ нѣтъ. — [11] τῶν χωραφίων. — [12] διέρχηται. — [13] καταμηνύσῃ.

διώξαι βουληθεὶς φονεύση ἢ κλάση[1], ἢ ἐν πάλῳ[2] ἐμπείρῃ, ζημιωθήτω ἐξ ὁλοκλήρου[3].

81. **Иже ѿ дерева падаѫи плодъ на землю моеѭ доли побравъ неповиненъ есмь.**

πή. Τὸν ἐκ δένδρων καρπὸν πεσόντα εἰς τὴν ἐμὴν γῆν καταβοσκήσας οὐκ ἐνάγομαι[4].

πθ'. Οἱ ἐκ τῶν δένδρων ἠρτημένοι καρποὶ, μέρος εἶναι πιστεύονται τοῦ ἀγροῦ[5].

ϟ. Τὸ ἐμὸν δένδρον εἰς ἀλλοτρίαν γῆν μεταφερόμενον, ἕως ῥιζώση ἐκεῖ, οὐκ ἐξέρχεται τῆς ἐμῆς δεσποτείας[6].

82. **Оуршащїи[1] храмы чюжїи или запоустѣвающе[2] ѡгражєнїа, ꙗко да сблюдоуть своꙗ или съзижоуть, роукы имъ ѿсѣчи[3].**

ϟα'. Οἱ κατασπῶντες οἴκους ἀλλοτρίους, ἢ ἀχρειοῦντες φραγμοὺς, ὥστε φυλάξαι τὰ ἴδια ἢ κτίσαι, χειροκοποῦνται.

83. **Пасоущей ѡвець на чюжей земли неправедно соугоубо ѿдадѧть.**

ϟβ'. Ὁ βόσκων ἐν ἀλλοτρίᾳ γῇ θρέμματα ἀδίκως, τῷ διπλῷ ὑπόκειται[7].

---

1 Ρушащїи Б. — 2 запустѣвающїи Б. — 3 ихъ оусѣчи Б.

1 ἢ κλάση нѣтъ. — 2 ἢ ἔμπας σάλῳ. — 3 Далѣе въ пергаминномъ спискѣ стоитъ слѣдующая (послѣдняя) статья, написанная весьма неразборчивымъ тахиграфическимъ почеркомъ: Μηδεὶς τὸν δανείζοντα γεωργὸν κρατεῖν (κρατε!τω?) τὴν αὐτοῦ γῆν· λαμβάνειν τὲ ἐξ αὐτοῦ ἐφ' ἑκάστῳ ἔτει ὑπὲρ λόγου τόκου τῶν νομισμάτων κεράτιον ἕν· εἰ δὲ καὶ σῖτος ἐστὶν τὸ δάνειον, τὸ ιβ' ἀπαιτῆται (читаю ἀπαιτεῖσθαι) τὸν χρεώστην ὑπὲρ τοῦ τοιούτου τόκου. За вѣрность своего чтенія не ручаюсь. Ср. Epanag. aucta, tit. XXII, cap. 13 и надписаніе 32 новеллы Юстиніана. — 4 Ср. Basilic. lib. XV, tit. IV, cap. 9 (Zachariae, Suplementum Basilicorum, p. 56). — 5 Basilic. lib. XV tit. I, cap. 44 (Zachariae op. cit., p. 25). — 6 Ibid. tit. I, cap. 5 (op. cit. p. 5). — 7 Въ рукописи слѣдуетъ далѣе, безъ всякаго отдѣленія отъ текста Νόμος γεωργικός, не принадлежащая къ нему статья подъ заглавіемъ: Ἀπὸ τῆς νομοθεσίας τοῦ θείας λήξεως Ἰουστινιανοῦ

II

Законъ ѿ казнѣхъ.

Περὶ ποινῶν *.

1. Пакодай соупротивныхъ, или предаѥ соупротивнымъ хр҃тіанъ главною казнью казненъ боудеть.

α. Ὁ ἐρατίζων τοὺς πολεμίους ἢ παραδιδοὺς πολεμίοις ῥωμαίους κεφαλικῶς κολάζεται.

2. Моужеоубійственомоу законоу подлежить растворивый зелью на оубитіе чл҃коу, или вѣдый се, или продавый таковы зелье.

β. Τῷ περὶ ἀνδροφόνων νόμῳ κατέχεται ὁ ποιήσας φάρμακον ἐπὶ ἀναιρέσει ἀνθρώπου, ἢ ἐσχηκὼς ἢ πωλήσας.

3. Иже ѿ хр҃тіанъ ѿбѣгающихъ къ ѥ́противнымъ, ѩко съпротивныѩ достоить без бѣды оубивати.

γ. Τοὺς ἐκ τῶν ῥωμαϊκῶν πρὸς τοὺς πολεμίους ἀποφεύγοντας, ὡς πολεμίους ἔξεστιν ἀκινδύνως φονεύειν.

4. Аще кто в нощи крадоущаго оубіеть, тогда неповиненъ боудеть[1], ѥ́гда немощно бѣ ѥмоу без своѥѩ бѣды ѿставити ѿного.

δ. Ἐὰν τὸν ἐν νυκτὶ κλέπτοντα φονεύσῃ τὶς, τότε ἀτιμώρητος μένει, ὅτε μὴ ἠδύνατο δίχα κινδύνου ἰδίου φείσασθαι αὐτοῦ.

---

[1] ѥсть К.

ὑπὲρ τῶν προσφύγων τῆς μεγάλης ἐκκλησίας καὶ τῶν ἄλλων ἁπασῶν τῆς οἰκουμένης ἱερῶν καὶ θείων ἐκκλησιῶν. Она издана Леунклавіемъ въ Ius graeco-romanum, t. I, p. 73; отсюда перепечатана въ аоинской Σύνταγμα τῶν κανόνων, t. V, p. 218. Новыя самостоятельныя изданія у Цахаріэ въ Prochiron auctum, p. 374,—375 и въ Justiniani Novellae, Pars I, praefat. p. XIII.

* Prochiron, tit. XXXIX. Греческій текстъ этого титула и дальнѣйшихъ отрывковъ изъ Прохирона взятъ нами изъ той же синодальной рукописи, по которой напечатанъ и Земледѣльческій уставъ. Рукопись эта представляетъ текстъ Прохирона болѣе близкій къ славянскому переводу, чѣмъ какой имѣемъ въ извѣстномъ печатномъ изданіи Цахаріэ. Только въ счетѣ главъ, для удобства читателей, мы слѣдовали этому изданію. Настоящій титулъ занимаетъ въ рукописи листы 103 об. — 108 об.

5. Аще ктѡ вѣды[й] свободьна кого, и коупить его[1], или подарить имъ кого, или въ приданыхъ[2] дасть, или променить[3], едина ѿ сихъ винъ аще ѿбываѧтсѧ[4], таковомоу рꙋкы оусѣкноути[5].

έ. Ἐάν τις εἰδὼς ἐλεύθερόν τινα ἀγοράσῃ αὐτὸν, ἢ δωρήσηται, ἢ εἰς προῖκα δώῃ, ἢ καταλλάξῃ, μιᾶς τούτων τῶν αἰτιῶν ἀποδεικνυμένης, ὁ τοιοῦτος χειροκοπείσθω.

6. Глемый оунотьствоующе, молвы на поутихъ творѧще, и аще заказано боудеть имъ волостелемъ престати, ѡни же в томъ еще пребывають, да поточени боудоуть; аще ли же многы молвы и безчиниꙗ створили боудоуть, и многажды имани боудоуть, и прѣвѣе казнени бышѧ, в такоком же пребывають продрьзательствѣ, бьеми и ѡстрижени, ѿноудь поточени да боудоуть; аще ли же не заказано имъ боудеть волостелемъ, бьеми точію ѿпоущени бывають.

ϛ'. Οἱ λεγόμενοι νεωτερικοὶ καὶ θορύβους ἐν τῷ δρόμῳ ποιοῦντες, εἰ μὲν ὑπομνησθέντες παρὰ τοῦ ἄρχοντος τοῖς αὐτοῖς ἐπιμείνοιεν, ἐξορίζονται. Εἰ δὲ πολλοὺς θορύβους καὶ ἀταξίας ἐποίησαν καὶ πολλάκις κρατηθέντες καὶ πρότερον κολασθέντες, ἐπὶ τῆς αὐτῆς ἐπέμειναν προπετείας, τυπτόμενοι καὶ κουρευόμενοι διηνεκῶς ἐξοριζέσθωσαν· εἰ δὲ οὐχ ὑπεμνήσθησαν παρὰ τοῦ ἄρχοντος, ῥοπαλίζονται μόνον καὶ ἀπολύονται.

7. Иже[6] прибѣгшаго въ стѣйшюю[7] црквь самовластнѣ ѿторгнеть[8], бьемъ и ѡстриженъ, ѿноудь поточенъ боудеть[9].

ζ'. Ὁ τὸν προσφεύγοντα εἰς τὴν ἁγιωτάτην ἐκκλησίαν ἰδίᾳ χρώμενος αὐθεντίᾳ ἀποσπάσας, δαιρόμενος καὶ κουρενόμενος, διηνεκῶς ἐξοριζέσθω.

8. Заповѣдавый комоу оубійство створити, ꙗко оубійца соуженъ[10] бꙋдеть.

ή. Ὁ ἐντειλάμενός τινι φονεῦσαι ὡς φονεὺς κρίνεται.

9. Разбойника волно есть всѧкомоу без вѣды оубивати.

ιά. Τὸν λῃστὴν ἔξεστιν ἑκάστῳ ἀκινδύνως φονεύειν.

---

[1] Аще кто свободнаго коупить К. — [2] въ приданъıѧ К.—[3] его комоу прибав. К [4] едина... ѡбываѧтсѧ пропущено въ К. — [5] ѿсѣкоутсѧ К.— [6] Аще К.—[7] во свѧтую К. — [8] ѿторгноут К. — [9] бьени и ѡстрижени боудоут, или въ заточеніе послани боудоут К. — [10] ѡсоуженъ К.

10. Младеніца оубивый казни душегоубиѣй подлежить; иже мьніши двâтцати й пяти лѣтъ душегоубьство створить, іако душегоубець соуженъ[1] боудеть[2].

ιβʹ. Ὁ τὸ νήπιον φονεύσας τιμωρίᾳ φόνου ὑπόκειται· καὶ ὁ ἐλάττων τῶν κέ ἐτῶν φονεύσας ἐνάγεται ὡς φονεύς.

11. Аще кто̀ вѣдый кого волхва, й тайть его, соудіамъ преданъ боудеть. Аще же кто̀ каковый либо человѣкъ, изьимавъ таковаго, и не выдасть, послѣднюю пріиметь казнь.

ιγʹ. Ὁ συνειδώς τινι γοητείαν καὶ κατασχὼν αὐτὸν, τῇ δημοσίᾳ ὄψει παραδιδότω. Εἰ δέ τις, οἱοσδήποτε ἄνθρωπος συλλαβόμενος τοῦτον μὴ παραδίδωσιν, ἐσχάτην ὑπομενέτω τιμωρίαν.

12. Иже ѿ съблюденіи црѣ или кияжи небрегы̀, ѿстриженъ и ѿграбленъ боудеть.

ιʹ. Ὁ κατὰ τῆς σωτηρίας τοῦ βασιλέως μελετήσας φονέυεται καὶ δημεύεται.

13. Иже[3] лживоую грамотоу списавый ѿ продажи какова либо мѣста, и съ приѿбіщенникы[4] своими, роукы ихъ оусѣчени боудоуть[5]; ѿсподарь же села, паче же ходатай, ѿ немже створена бысть лживаіа грамота, или земледѣлець, или рабъ, или житель, или дѣлатель, аще кто ѿ сихъ причястенъ боудеть, таковомꙋ рꙋкы оусѣчи.

ιδʹ. Ὁ πλαστὴν μονίταν ποιῶν μετὰ τῶν ὑπουργησάντων αὐτῷ χειροκοπείσθωσαν· ὁ δὲ τοῦ ἀγροῦ δεσπότης, ἢ μᾶλλον διοικητὴς, ἐν ᾧ γέγονεν ἡ πλαστὴ μονίτα, εἴτε γεωργὸς, εἴτε δοῦλος, εἴτε ἔνοικος, εἴτε ἐργαστηριακὸς ὑπουργήσας τῷ ἁμαρτήματι, καὶ οὗτος χειροκοπείσθω.

14. Поклепіца[6] тожде постражеть[7], еже хотяше пострадати, егоже поклепалъ боудеть

ιεʹ. Ὁ συκοφάντης τῇ ταυτοπαθείᾳ ὑπόκειται.

15. Именитіи разбойници в' мѣстѣхъ, идѣже бродили, тамо и повѣшени боудоуть: достойно бо, іако ѿ видѣніа оубоіатся начинающе таковаіа дѣлати, еще же и нѣкоѐ оутѣшеніе боудеть

ιςʹ. Οἱ ἐπίσημοι λησταὶ ἐν τοῖς τόποις, ἐν οἷς ἐπλημμέλησαν, φουλκίζονται. Καὶ χρὴ, ἵνα διὰ τῆς θέας καταπτοηθῶσιν οἱ ἐγχειροῦντες τοῖς τοιούτοις, καὶ ἵνα γένηται παραμυθία τοῖς συγγενέσι τῶν ἀναιρεθέντων.

---

[1] ѿсоужинъ К.— [2] єсть К. — [3] Аще кто К. — [4] дроугы К. — [5] роукы имъ отсѣкоутся К — и конецъ статьѣ. — [6] на лжи прибав. К.—[7] той же сꙋдъ пріимет К — и конецъ статьѣ.

племенникомъ оубиваныхъ тамо [1].

16. **Иже** к' ратнымъ ѿбѣгающей и наши доумы сказывающе, на виселици повѣшени боудоуть, или ѡгнемь съжени [2].

ιζ'. Οἱ πρὸς τοὺς πολεμίους αὐτομολοῦντες καὶ τὰς ἡμετέρας βουλὰς ἀπαγγέλλοντες εἰς φοῦλκαν ἀναρτῶνται ἢ καίονται.

17. Аще кто вѣдый храмы зажьжеть, или гоумно близь двора прилежюще, и ѡбличенъ съ исправою, ѡгню преданъ боудеть.

ιη'. Ἐάν τις εἰδὼς οἰκήματα ἐμπρήσῃ, ἢ σωρὸν σίτου πλησίον οἰκήματος κειμένην, ἐλεγχόμενος πυρὶ παραδίδοται· εἰ δὲ ἔξω πόλεως τὸ τοιοῦτον διαπράξεται, χειροκοπείσθω.

18. Ратници и иже к' ратнымъ сами приходѧще, мечемъ оусѣчени боудоуть.

ιθ'. Οἱ πολέμιοι καὶ οἱ πρὸς τοὺς πολεμίους αὐτομολοῦντες ξίφει τιμωρείσθωσαν.

19. Раби или ѡсвобоженіи, аще емлють свободныхъ и продають, и ѡбличени в сѣмъ, біеми и ѡстрижени, роукы ихъ оусѣчи.

κβ'. Οἱ δοῦλοι ἢ ἀπελεύθεροι ἂν ἀνδροποδίζοντες ἐλευθέρους ἐλεγχθῶσι [1], δαιρόμενοι καὶ κουρευόμενοι χειροκοπείσθωσαν.

20. Ѿрицаеть оуставъ ѡбѣ роукы или ѡбѣ ногы оусѣчи.

κγ'. Ἀπαγορεύει ἡ διάταξις ἀμφοτέρας τὰς χεῖρας καὶ τοὺς πόδας τέμνεσθαι.

21. **Иже** бѣгльца холопа пріемый ѿдасть его [3] соугоубо [4]; еликыжды пріиметь его, толикыжды казнь простираетсѧ на нь.

κδ'. Ὁ τὸν φυγάδα δοῦλον ὑποδεξάμενος, δίδωσιν αὐτὸν μετὰ ἑτέρου ὁμοίου, ἤτοι εἴκοσι νομισμάτων· ὁσάκις δὲ αὐτὸν ὑποδέξεται, τοσαυτάκις αὔξεται ἡ ποινή.

22. Аще кто въсхытить товаръ во времѧ пожара, или въ времѧ потопленія корабьлѧ, и аще кто такова пріемъ, тако хоронить, вноутрь лѣта четверицею ѿдаеть.

κέ. Κατὰ τοῦ ἁρπάσαντος πράγματα ἀπὸ ἐμπρησμοῦ ἢ καταπτώσεως [2] τοῦ ναυαγίου, ἢ κατὰ τοῦ ὑποδεχομένου κατὰ δόλον τὰ τοιαῦτα πράγματα, ἐντὸς ἐνιαυτοῦ εἰς τὸ τετραπλάσιον δίδοται ἡ ἀγωγή· μετὰ δὲ τὸν ἐνιαυτὸν, εἰς τὸ ἁπλοῦν [3].

---

[1] Въ К. статья эта изложепа коротко: Разбойниковъ гдѣ ихъ поймають, тоуто и повѣшени боудоут. — [2] ѡгнемъ казнь пріимоут К.— [3] его нѣтъ въ К. — [4] рекше вдвое прибав. К.

[1] ἂν ἐλεγχθῶσι нѣтъ у Цахаріэ. — [2] У Цахаріэ прибавлено ἢ.— [3] У Цахаріэ διπλάσιον, но самъ издатель за-

23. **Наоучевающей нечьстиваѡ веленїа последней моуцѣ подлежать.**

24. **Въсхытившей женоу, или ѡброученоую или неѡброученоую, или вдовоу, аще благородна боудеть, или раба, или ѡсвобожена, и паче же иже бгови соуть жены ѡсвѧщеныа, сирѣчь черници; аще же кто и свою ѡброученицю въсхытить, аще оубо съ ѡроужїемъ и мечи и палицами въсхыщеніе створилъ боудеть, таковый мечемъ казненъ боудеть; а съпособлѧющей емоу и свѣдоущей, хотѣніемъ пріемшей сѧ, иже каковое либо потщаніе створивше ѿ семъ, бьеми и ѡстрижени, носы ихъ оурѣзати. Аще ли же безъ всѧкого ѡроужіа въсхыщенїе створиша, иже оубо въсхыщенїе створивый, роукы его оусѣчени боудоуть, споспѣшьствовавшей же [1] в таковомъ въсхыщенїи, или вѣдоущей и послоуживший и по волѣ приставшей к томоу, иже каковое либо потщанїе ѿ томъ створившей, бьемї и ѡстрижени, поточени да боудоуть.**

25. **Аще кто домовный или рабъ, или порочный вещь възводить на имѣющаго его, да не приятъ боудеть, развѣ кралиоляное вещи: ѿ томъ истѧзанїе съ исправою боудеть.**

κζ΄. Οἱ διδάσκοντες τὰ ἀσεβῆ δόγματα ἐσχάτῃ ὑπόκεινται τιμωρίᾳ.

μ΄ Οἱ ἁρπάσαντες γυναῖκα ἢ μεμνηστευμένην ἢ ἀμνήστευτον ἢ χήραν, εἴτε εὐγενής ἐστιν, εἴτε δούλη, ἢ ἀπελευθέρα, καὶ μάλιστα εἰ τῷ θεῷ εἰσὶν αἱ γυναῖκες καθιερωμέναι, κἂν ἰδίαν μνηστήν τις ἥρπασεν, εἰ μὲν μεθ᾽ ὅπλων ἤτοι ξιφῶν ἢ ῥοπάλων τὴν ἁρπαγὴν ἐποιήσατο, ὁ τοιοῦτος ξίφει τιμωρείσθω· οἱ δὲ συνυπουργοῦντες αὐτοῖς, ἢ συνειδότες, ἢ ἑκόντες ὑποδεξάμενοι ἢ οἱανδήποτε σπουδὴν εἰσενεγκόντες, τυπτόμενοι καὶ κουρευόμενοι ῥινοκοπείσθωσαν. Εἰ δὲ χωρὶς οἱωνδήποτε ὅπλων τὴν ἁρπαγὴν ἐποιήσαντο, ὁ μὲν τὴν ἁρπαγὴν ποιησάμενος χειροκοπείσθω, οἱ δὲ βοηθήσαντες τοῖς τοιούτοις ἐν τῇ ἁρπαγῇ, ἢ συνειδότες καὶ ὑπηρετήσαντες, ἢ ἑκόντες ὑποδεξάμενοι, ἢ οἱανδήποτε σπουδὴν εἰσενεγκόντες, τυπτόμενοι καὶ κουρευόμενοι ἐξοριζέσθωσαν.

μά. Ἐάν τις οἰκιακὸς ἢ δοῦλος ἢ ἐγκληματικὸς [1] κατηγορῇ τοῦ ἔχοντος αὐτὸν, ἀποτεμνέσθω, ὑπεξῃρημένου τοῦ ἐπὶ καθοσιώσει κατηγοροῦντος.

---

[1] Въ подлинникѣ и у Башилова: споспѣшьствовавшоу иже — ошибочно.

мѣчаетъ, что въ Дигестахъ (XLVII, 9, 1 pr.) и Кодексѣ (VI, 2, 18) post annum in simplum actio datur.

[1] У Цахаріэ: ἢ δοῦλος ἐγκληματικῶς — правильно. Но старый перевод-

26. Аще кто прелюбодѣꙗ съ своеꙗ женою въ сплетени застанеть, аще прилоучитсѧ его потѧти, не ѡсоуженъ ꙗко оубіица боудеть; аще ли же кто, по догадоу, нѣкого хощеть своей женѣ цѣломоудрію приплестї, и приказы списаны к' немоу пришлеть трождa, имѣющи[x][1] свидѣтельства моужїй достойновѣрныхъ, и потомъ по тѣх трием списаных свидѣтельствах ѡбрѧщеть сѣдѧща таковаго съ своеꙗ женою, или въ своемъ домоу или оу жены своеꙗ, или оу того прелюбодѣꙗ в' домоу или в' садоу, воленъ есть моужь своими рꙋками таковаго оубити, нїкаковоꙗ бѣды сего дѣлѧ боꙗсѧ. Аще ли въ иномъ мѣстѣ ѡбрѧщеть таковаго съ своеꙗ женою бесѣдоующа, или оу цр҃кве, не менши трїехъ достойновѣрных свидѣтѣ призваныхъ, имиже ѡбꙗвити можеть, како того съ своеꙗ женою ѡбрѣте, и волостелю да предасть, иже вины въстѧзаеть; ѡномоу же истиноу вѣдꙋющоу, по трїех списаных свѣдѣтельствѣхъ, таковой женѣ таковомоу сприѡбрѣтшомоусѧ, таковаго оубꙗ ѿ единоꙗ сеꙗ прелюбодѣйства винѣ впадша, нїединогоже иного ѡбꙗвленїа искати ѿ семъ, но токмо казнити. Волно же есть моужеви въ своей женѣ, ꙗкоже хощеть,

μβ′. Ὁ τὸν μοιχὸν μετὰ τῆς ἰδίας γαμετῆς ἐν συμπλοκῇ καταλαβών, εἰ συμβῇ αὐτὸν ἀνελεῖν, οὐκ εὐθύνεται ὡς ἀνδροφόνος. Εἰ δέ τις ὡς εἰκὸς ὑποπτεύσει τινὰ βούλεσθαι τῇ τῆς ἰδίας γυναικὸς συμπαῖξαι[1] σωφροσύνῃ, καὶ παραγγελίας αὐτῷ ἐγγράφους τρεῖς ἐκπέμψει, ἐχούσας μαρτυρίας ἀνδρῶν ἀξιοπίστων, καὶ μετὰ ταύτας τὰς τρεῖς ἐγγράφους διαμαρτυρίας εὕροι αὐτὸν συντυγχάνοντα τῇ αὐτοῦ γαμετῇ, εἰ μὲν εἰς τὸν ἴδιον οἶκον ἢ τὸν ταύτης τῆς γυναικὸς ἢ τοῦ μοιχοῦ, ἢ ἐν προπίναις ἢ ἐν προαστείοις, εἶναι ἄδειαν τῷ ἀνδρὶ ταῖς οἰκείαις χερσὶ τὸν τοιοῦτον ἀνελεῖν, οὐδένα κίνδυνον ἐντεῦθεν εὐλαβουμένῳ. Εἰ δὲ ἐν ἄλλῳ τόπῳ τὸν τοιοῦτον εὕροι μετὰ τῆς αὐτοῦ γαμετῆς διαλεγόμενον, ἢ ἐν ἐκκλησίᾳ, οὐκ ἔλαττον τῶν τριῶν ἀξιοπίστων μαρτύρων συγκαλουμένων, δι' ὧν ἀποδεῖξαι δύναται, ὅτιπερ αὐτὸν μετὰ τῆς ἑαυτοῦ γαμετῆς εὗρε, τῷ ἄρχοντι παραδιδότω, τῷ τὰ ἐγκλήματα ἐξετάζοντι· ἐκεῖνον δὲ ταῖς ἀληθείαις γινώσκοντα μετὰ τὰς τρεῖς ἐγγράφους διαμαρτυρίας τῇ τοιαύτῃ γυναικὶ τὸν τοιοῦτον συνευρεθέντα, τὸν μὲν τοιοῦτον, ὡς ἐκ μόνου τού-

---

[1] Нужно читать имѣющ.

чикъ, очевидно, читалъ также, какъ стоитъ въ нашемъ спискѣ. Остальная половина статьи не выписана, такъ какъ ея нѣтъ въ славянскомъ переводѣ. — [1] Славянскій переводчикъ вѣроятно читалъ συμπλέξαι (приплести), какъ и стоитъ въ одномъ спискѣ у Цахаріэ (Prochir. p. 243, not. 79).

[в]ины ѿбывливати по законоу и доводити.

του τῷ τῆς μοιχείας ἐγκλήματι ὑποπεσόντα, μηδεμιᾶς ἄλλης ζητουμένης ἀποδείξεως, τιμωρεῖσθαι· ἄδειαν δὲ εἶναι τῷ ἀνδρὶ, ὡς ἂν βούληται, τῆς ἰδίας γαμετῆς κατηγορεῖν, καὶ κατὰ τοὺς νόμους τῷ ἐγκλήματι ἐπεξιέναι.

27. Жена моужета[1] съ своимъ рабомъ прелюбодѣйствовавши, ѿна оубѡ біема и ѿстрижена, но̏са оурѣжють ей; да ѿгнана боудеть из̓ града ѿного или веси, в нейже пребываютъ, всего стяжанїа своего поуста ѿстанеть; прелюбодѣйство же створивый с нею рабъ мечемъ казненъ боудеть.

μγ΄. Γυνὴ ὕπανδρος τῷ ἰδίῳ δούλῳ μοιχευθεῖσα, αὐτὴ μὲν τυπτομένη καὶ κουρευομένη ῥινοκοπείσθω, ἀπελαυνομένη δὲ καὶ τῆς πολιτείας, ἐν ᾗ κατοικεῖ, ἐκ πάσης τῆς οἰκείας ἐκπιπτέτω περιουσίας· ὁ μέντοιγε μοιχεύσας δοῦλος ξίφει τιμωρείσθω.

28. Жена не имоущи мѹжа, своемоу рабоу примѣсившися, аще оубѡ не имѣвши дѣтий се̏ створила боудеть, бьема и ѿстрижема, и таковый рабъ біемый и ѿстриженъ и да проданъ боудеть, и цѣна его приложена боудеть к̓ каз̓ноу господскѹ копїчюю. Аще ли же имѣюще дѣти се̏ створила боудеть, имѣнїе ей все во ѿбласть во-т[ъ]мас дѣтемъ да боудеть, и непремѣнно съблюдено боудеть: о чем ей жити токмо, то ей дано боудеть; цѣна же рабоу, сдѣявшомоу то̏, дѣтемъ боудеть.

μδ΄. Γυνὴ μὴ ἔχουσα ἄνδρα τῷ ἰδίῳ δούλῳ μιγεῖσα, εἰ μὲν μὴ ἔχουσα παῖδας τοῦτο διαπράξεται, τυπτέσθω καὶ κουρευέσθω, καὶ ὁ τοιοῦτος δοῦλος τυπτόμενος καὶ κουρευόμενος πιπρασκέσθω, καὶ ἡ τιμὴ αὐτοῦ εἰσκομιζέσθω· εἰ δὲ ἐπὶ παισὶ τοῦτο διαπραχθῇ, καὶ ἡ ὑπόστασις αὐτῆς πᾶσα κατὰ δεσποτείας τρόπον παραυτίκα τοῖς πασὶν ἀνεκποιήτως φυλαττέσθω, τῆς χρήσεως μόνης παῤ αὐτῇ μενούσης, καὶ ἡ τιμὴ δὲ τοῦ δούλου διαπραθέντος τοῖς παισὶν ἀνήκει.

29. Аще ли закономъ брака смѣситсѧ съ своимъ рабомъ, то дво̏ [женца[2] запрещение при-

[1] У Башилова: мужата.

[2] Здѣсь, вслѣдствіе утраты листа, обрывается текстъ въ спискѣ гр. Уварова до начала 46-й статьи. Пробѣлъ

имутъ, и їмѣние жъ прьваго мужа дѣтемъ да хранится, и всего своего да отпадетъ: обругала оубо а҃-го мужа вторымъ бракомъ.

30. Прелюбодѣеве бьеми и остриженi, и носы ихъ оурѣжють; ходатаеви же и сдѣлници таковому безаконию бывшеи, бьеми и остриженi, воину поточени да бывають.

31. Иже судьинымъ[1] повелѣниемъ, или прошениемъ истьца, роту дасть волею, честнаго Евангелия прикасаяся, потомже клятвопреступникъ бывъ обличенъ, языка ему урѣжютъ; тоже и о лживыхъ послусѣхъ будеть.

32. Братъ на брата великую вещь подвизати не можетъ: понеже ї не оуслышанъ боудетъ, и поточениемъ осуженъ будетъ.

33. Иже землю восхыщая, или прелагая межи, сугубо восхыщение да возвратитъ.

34. Аще кто до судьина осуждения[2] возметь вещь какову либо, или товаръ, аще оубо его будетъ былъ, да отпадетъ отъ него: аще лї же чюже, да отдасть тое восхыщеное и цѣну его.

35. Аще кто конь чюжиї приемъ до оуреченаго мѣста, онъ же оуреченаго мѣста дале прошедъ, аще оубо коневи кая пакость оучинится, или оумреть,

μέ. Οἱ μοιχοὶ τυπτόμενοι καὶ κουρευόμενοι, ῥινοκοπείσθωσαν· οἱ δὲ μέσοι καὶ οἱ ὑπουργοὶ τῷ τοιούτῳ ἀσεβήματι γεγονότες, τυπτόμενοι καὶ κουρευόμενοι, διηνεκῶς ἐξοριζέσθωσαν.

μς΄. Ὁ ἐκ δικαστικῆς ψήφου ἢ ἐξ αἰτήσεως τοῦ ἀντιδίκου ὅρκον ὑπέχων ἐπ᾽ ἐξουσίᾳ, τῶν ἀχράντων ἐφαπτόμενος εὐαγγελίων, ἐπιορκεῖν δὲ μετὰ ταῦτα ἐλεγχθεὶς, γλωσσοκοπείσθω· τὸ αὐτὸ καὶ ἐπὶ τῶν μαρτύρων.

μδ΄. Ἀδελφὸς κατὰ ἀδελφοῦ μέγα ἔγκλημα κινεῖν οὐ δύναται, ἐπείτοιγε καὶ οὐκ εἰσακουσθήσεται καὶ ἐξορίᾳ ὑποβληθήσεται.

μή. Ὁ ἁρπάζων γῆν ἢ μετατιθεὶς ὅρια διπλὴν τὴν ἁρπαγὴν δίδωσιν.

μθ΄. Ἐὰν χωρὶς δικαστικῆς ἀποφάσεως ἀφέληταί τις πρᾶγμα, εἰ μὲν ἴδιον αὐτοῦ εἴη, ἐκπίπτει τῆς αὐτοῦ δεσποτείας· εἰ δὲ ἀλλότριον, παρεχέτω αὐτὸ τὸ πρᾶγμα καὶ τὴν διατίμησιν αὐτοῦ.

ν΄. Ὁ κεχρημένος ἵππῳ ἕως ὡρισμένου τινὸς τόπου, τὸν δὲ ὁρισθέντα τόπον τοῦτον ὑπερβὰς, τῆς ὡς εἰκὸς γινομένης ἐπ᾽ αὐτῷ βλάβης ἢ τοῦ θανάτου, αὐτὸς τὸν λόγον ὑπέχει, καὶ τὸ ἀζήμιον τῷ κυρίῳ τοῦ ἵππου περιποιεῖται. Ἐὰν μέντοιγε ἐντὸς τοῦ [ὁρισθέν-

этотъ восполненъ изъ Башиловскаго изданія (стр. 23—26).

[1] Башиловъ прочиталъ: судъ инымъ.

[2] У Башилова: до судьи на осуждение.

то долженъ есть слово дати, и цѣну коня осподарю исполнитъ; аще ли же внутрь оуреченого мѣста пакость оучинится коневи или смерть, без работы пребудеть наймовавый, аще токмо не небреженіемъ или навѣтомъ еже о кони покость (sic) створилъ будетъ.

τος] [1] τόπου βλάβη ἐπιγένηται τῷ ἵππῳ ἢ θάνατος, ἀζήμιος ὁ κεχρημένος διατηρεῖται, εἰ μὴ ἄρα ἐξ ἀμελείας ἢ ἐξ ἐπιβουλῆς τὸ περὶ τὸν ἵππον εἰργάσατο πάθος.

36. Запрѣвый чюжіи овци, и голодомъ оуморивъ, или инако нѣкакъ оубивъ, сугубо осуженъ будетъ.

να΄. Ὁ ἐναποκλείσας ἀλλότρια θρέμματα καὶ τροφῆς ἐνδείᾳ διαφθείρας, ἢ ἄλλως πως ἀνελὼν, εἰς τὸ διπλάσιον καταδικάζεται.

37. Бараномъ, или воломъ, или конемъ, или вепремъ, или овцамъ смѣсившимся, аще убо кое отъ нихъ наскочитъ на иныхъ, и оубьено будетъ, неповиненъ есть оубившаго осподарь; аще ли же оубіетъ нашедшее, виновенъ будетъ осподарь оубившаго, и оубьеное заплатитъ.

νβ΄. Κριῶν, ἢ βοῶν, ἢ ἵππων, ἢ χοίρων, ἢ ἄλλων τινῶν θρεμμάτων συνεληλυθότων, εἰ μὲν ὁ πρῶτος ἐπελθὼν τοῖς ἄλλοις ἀναιρεθείη, ἀνεύθυνός ἐστιν ὁ τοῦ ἀνελόντος δεσπότης· εἰ δὲ ἀνέλῃ ὁ ἐπελθὼν, ὑπεύθυνος γίνεται ὁ δεσπότης τοῦ ἀνελόντος, καὶ [ἢ ἐκδίδωσι τὸ ζῶον τῷ δεσπότῃ τοῦ ἀναιρεθέντος, ἢ] [1] τὸ ἀζήμιον αὐτῷ περιποιεῖται.

38. Иже на войнѣ крадущихъ, аще оубо оружия крадуть, повѣлеваемъ ѕѣло бити ихъ; аще ли же крадутъ кони, руки ихъ оусѣчи.

νγ΄. Τοὺς ἐν φοσσάτῳ κλέπτοντας, εἰ μὲν ὅπλα, σφοδρῶς προστάττομεν τύπτεσθαι· εἰ δέ τι τῶν ὑποζυγίων, χειροκοπεῖσθαι.

39. Иже в которомъ либо градѣ или селѣ крадущеі, единою оубо се створшихъ повелѣваемъ, аще оубо от имѣющихъ и свободныхъ сущихъ, къ количьству оукраденаго и сугубу отдадятъ татбу пострадавшему; аще ли же оубози суть се створшеи, бьеми да поточени будутъ; аще ли же не единою, но паче множи-

νδ΄. Τοὺς ἐν οἱαδήποτε πολιτείᾳ κλέπτοντας, ἅπαξ μὲν τοῦτο ποιοῦντας, θεσπίζομεν, εὐπόρους μὲν καὶ ἐλευθέρους ὑπάρχοντας, πρὸς τῇ ἀποκαταστάσει τοῦ κλαπέντος, καὶ διπλὴν ποσότητα καταβάλλειν τῷ τὴν κλοπὴν ὑπομείναντι· εἰ δὲ ἄποροι εἶεν οἱ τοῦτο διαπεπραχότες, τυπτόμενοι ἐξοριζέσθωσαν·

[1] Въ синодальномъ спискѣ нѣтъ поставленнаго въ скобки.

цею в татбѣ яти будутъ, руки ихъ отсѣчи.

ἐὰν δὲ οὐχ ἅπαξ, ἀλλὰ πολλάκις ἐπὶ κλοπῇ ἁλῶσι, χειροκοπείσθωσαν.

40. Аще чиї рабъ тать будетъ, господарь его заплатитъ оукраденое; аще ли же сего не въсхочетъ створити, рабъ той отданъ будеть тому, оу негоже кралъ есть.

νε΄. Ὁ τοῦ κλέπτου δούλου δεσπότης ἢ τὸ ἀζήμιον τῷ τὴν κλοπὴν ὑποστάντι περιποιείτω, ἤ, εἰ μὴ βούλοιτο τοῦτο ποιεῖν, τὸν δοῦλον εἰς τελείαν δεσποτείαν παραδίδωσι τῷ τὴν κλοπὴν ὑποστάντι.

41. Чюжиї чрѣды разганяющиихъ, аще оубо се единоя творипа, бьеми будутъ; въ другыи жъ аще сътворятъ се, поточени да будутъ; аще ли же и третье явятся се дерзнувше, руки ихъ оусѣчени будутъ, погубленое отъ чрѣды первѣе заплативше.

νς΄. Τὰς ἀλλοτρίας ἀγέλας οἱ ἀπελαύνοντες, ἅπαξ μὲν τοῦτο ποιοῦντες, τυπτέσθωσαν, ἐκ δευτέρου δὲ διαπραττόμενοι, ἐξοριζέσθωσαν· εἰ δὲ καὶ τρίτον φωραθεῖεν τὸ τοιοῦτον κατατολμῶντες, χειροκοπείσθωσαν, τῆς ἀπελαθείσης ἀγέλης τῇ ἰδίᾳ δεσποτείᾳ δηλονότι παῤ αὐτῶν ἀποκαθισταμένης.

42. Иже мертвыхъ въ гробѣхъ лупящеи, руки ихъ оусѣчени да будутъ.

νζ΄. Οἱ τοὺς νεκροὺς ἐν τοῖς τάφοις ἐκδύοντες χειροκοπείσθωσαν.

43. Иже в жертвеникъ входящеи, или во дни или в ночи, еже тамо священныхъ что емлющеи, ослеплени да будутъ. Аще ли же кромѣ жертвенника от церкви что вземъ, бьемъ и остриженъ и поточенъ да будетъ.

νη΄. Οἱ ἐν θυσιαστηρίῳ ἐνἡμέρᾳ ἢ ἐν νυκτὶ εἰσιόντες καὶ τῶν ἐν αὐτῷ ἱερῶν τι ἀφελόμενοι τυφλούσθωσαν· ὁ δὲ ἔξω τοῦ θυσιαστηρίου ἐκ τοῦ ἄλλου ναοῦ ἀφελόμενος, τυπτόμενος καὶ κουρευόμενος ἐξοριζέσθω.

44. Имѣяй жену и блудя ві-ю перемѣнь да оуцѣломудрится.

νθ΄. Ὁ ἔχων γυναῖκα καὶ πορνεύων, διὰ δώδεκα ἀλλακτῶν σωφρονιζέσθω.

45. Иже жену имѣя и своей рабѣ примѣшается, обьявлену такову дѣлу бывъ[1], сий оубо биемъ да оуцѣломудрится; а иже на мѣсте волостель, приемъ рабу ту, внѣ тоя власти да продасть,

ξ΄. Ὁ μέντοι γε γυναῖκα ἔχων καὶ τῇ ἰδίᾳ δούλῃ μιγνύμενος, διαγινωσκομένης τῆς πράξεως, οὗτος μὲν τυπτόμενος σωφρονιζέσθω· ὁ δὲ κατὰ τὸν τόπον ἄρχων ἀναλαμβάνων τὴν δούλην, ὑπὲρ ἐπαρχίαν αὐτὴν πιπρασκέτω, τῆς τιμῆς αὐ-

[1] Нужно читать: бывшу.

и цѣну ея в долю обчая казны да приложитъ.

46. А иже с чюжею рабою блудитъ, аще оубо и домовитъ есть, да дастъ по той винѣ господину] рабы тоѧ тритцать и ѕ҃ перперовъ; аще ли же оубогъ есть, да бїенъ боудеть, и елико можеть противъ тритцати и ѕ҃ перперовъ дасть по силѣ.

47. **Иже** черниць [1], или попадьи, или дьѧконихъ [2] ѿскверняющей ихъ [3], носы ихъ оурѣзаны боудоуть, и тѣмъ иԫже примѣсїшасѧ [4].

48. **Иже** своей коумѣ именемъ брака приведъ, или инако нѣкакъ плотьскымъ примѣшенїемъ примѣсивсѧ, ѡбоимъ носы оурѣзати, прѣже разлоучивъ ихъ; аще ли же моужатоую коумоу се сдѣеть, казнь оубо тоую прїиметь, ѩкоже рѣхомъ, ктомоу же и бьени боудоуть [5].

49. **Иже** въ прелюбоудѣанїи своѥ женоу свѣды и волю даѧ ей, бьемъ и ѡстриженъ, поточенъ да боудеть [6]; прелюбодѣеви [7] же с любодѣйцею носы има [8] оурѣжють.

50. **Иже** дѣвѣ ѡтроковици

ξα΄. Ὁ δὲ εἰς ἀλλοτρίαν δούλην πορνεύων, τῶν μὲν εὐπόρων ὑπάρχων, παρεχέτω ὑπὲρ τοῦ πταίσματος τῷ δεσπότῃ τῆς δούλης νομίσματα λς΄· εἰ δὲ εὐτελὴς εἴη, τυπτέσθω, καὶ καθόσον εὐπορεῖ κατὰ ἀναλογίαν τῶν λς΄ νομισμάτων διδότω [1].

ξβ΄. Οἱ ταῖς μοναζούσαις ἢ ταῖς διακονίσσαις ἢ ταῖς ἀσκητρίαις ἐνασελγαίνοντες, ὡς εἰς τὴν νύμφην Χριστοῦ ἐκκλησίαν ὑβρίζοντες, ῥινοκοπείσθωσαν αὐτοί τε καὶ αἷς οὗτοι προσεφθάρησαν.

ξγ΄. Ὁ τῇ ἰδίᾳ συντέκνῳ ἢ ὀνόματι γάμου ἀγαγόμενος, ἢ ἄλλως σαρκικῶς συμπλεκόμενος, ἅμα αὐτῇ ῥινοκοπείσθω, δηλονότι πρότερον ἀπ᾽ ἀλλήλων διισταμένων. Εἰ μέντοι εἰς ὕπανδρον σύντεκνον τοῦτο διαπράττοι, ἡ μὲν ποινὴ ὡσαύτως προβήσεται· πρὸς τούτοις δὲ, καὶ τυπτέσθωσαν.

ξδ΄. Ὁ μοιχείαν τῇ ἰδίᾳ συνειδὼς γυναικὶ καὶ παραχωρῶν, τυπτόμενος καὶ κουρευόμενος [2], ἐξοριζέσθω· ὁ δὲ μοιχὸς καὶ ἡ μοιχαλὶς ῥινοκοπείσθωσαν.

ξε΄. Ὁ παρθένῳ κόρῃ μιγνύμενος, ἐκείνης μὲν προαιρέσει, ἀγνοούντων δὲ τῶν γονέων, τῆς πρά-

---

[1] черници К. — [2] дїаконици. — [3] кто ѡсквернитъ К. — [4] и смѣсившимисѧ ихъ К. — [5] Въ К. статья изложена сокращено: Аще коумъ коумѹ поймет или в коумовьствѣ смѣсатсѧ, разлоучивъ ихъ, носы имъ оурѣзати. — [6] и заточинъ боудетъ К. — [7] прелюбодѣю К. — [8] има нѣтъ въ К.

[1] Въ рукописи эта глава не отдѣлена отъ предыдущей.

[2] καὶ κουρευόμενος нѣтъ у Цахаріэ.

примѣшаюсѧ по еѧ воли, не вѣдоущимъ же родителемъ еѧ, дѣѧнію оубо ѿвличеноу бывшоу, аще оубо въсхощеть поѧти еѧ въ женоу и пристаноуть к томоу и родители, да бꙋдеть покончаніе. Аще ли же едина страна родителей, еже есть ѡбою лицю, не въсхощеть, аще оубо богатъ есть растливый дѣвицю, дасть растлитой девици литроу злата; аще ли же оубогъ есть, половиноу дасть своего стѧжаніа; аще ли же ѿиноудь безъсиленъ есть, бьемъ и ѡстриженъ, поточенъ да бꙋдетъ.

ξεως διαγινωσκομένης, εἰ μὲν θέλει αὐτὴν λαβεῖν εἰς γυναῖκα καὶ συναινέσουσι καὶ οἱ γονεῖς, γινέσθω τὸ συνάλλαγμα· εἰ δὲ ἓν μερος τῶν γονέων, τουτέστιν ἑκατέρου προσώπου, οὐ θελήσει, εἰ μὲν εὔπορός ἐστιν ὁ φθορεὺς, διδότω τῇ φθαρείσῃ κόρῃ χρυσίου λίτραν μίαν· εἰ δὲ παντελῶς εἴη ἀνεύπορος, τυπτόμενος καὶ κουρευόμενος ἐξοριζέσθω.

51. **Поноужаѧй**[1] дѣвоу и растлѣваѧ еѧ, носа емоу оурѣжють; дасть же ей и стретью долю стѧжаніа своего.

ξς'. Ὁ βιαζόμενος κόρην καὶ φθείρων αὐτὴν ῥινοκοπείσθω, διδοὺς αὐτῇ καὶ τὸ τρίτον τῆς ὑποστάσεως αὐτοῦ.

52. **Растливаѧй** дѣвоу преже възраста, еже есть преже ГІ лѣтъ, носа емоу оурѣжють, и половина всего стѧжаніа его дадѧть растлѣтой дѣвѣ.

ξζ'. Ὁ φθείρων κόρην πρὸ τῆς ὕβης, ἤγουν πρὸ τοῦ τρισκαιδεκάτου ἔτους ῥινοκοπείσθω, καὶ τὸ ἥμισυ τῆς ὑποστάσεως αὐτοῦ παρεχέτω τῇ φθαρείσῃ κόρῃ.

53. **Иже** чюжюю ѿброученицю растливый, аще оубо изволеніемъ дѣвы бысть, носа ѥмоу оурѣжють; аще ли же не по еѧ изволенію, по таковой казни и третью долю стѧжаніа его[2] дадѧть растлитой[3].

ξη'. Ὁ τὴν ἀλλοτρίαν μνηστὴν φθείρων, εἰ μὲν προαιρέσει τῆς κόρης, ῥινοκοπείσθω· εἰ δὲ ἀπροαιρέτως, μετὰ ταύτην τὴν ποινὴν, καὶ τὸ τρίτον τῆς ὑποστάσεως αὐτοῦ παρεχέτω τῇ φθαρείσῃ.

54. **Кровомѣсьцы**, еже [есть][4]

ξθ'. Οἱ αἱμομῖκται, εἴτε γονεῖς πρὸς τέκνα, εἴτε τέκνα πρὸς γονεῖς, ἢ ἀδελφοὶ πρὸς ἀδελφὰς, ξίφει τιμωρείσθωσαν[1]. Οἱ δὲ κατὰ

---

[1] Статьи 51—52 въ К. слиты въ одну такимъ образомъ: Поноужаѧй дѣвоу и растлѣваѧ преже ГІ лѣт носа емоу оурѣжют; дасть же ѥи житіа своего треть. — [2] треть житіѧ его К. — [3] растлѣнной К. — [4] есть прибавлено въ соотвѣтствіе съ двумя случаями такого чтенія въ этой же самой статьѣ.

---

[1] Здѣсь оканчивается глава въ рукописи. Дальнѣйшее составляетъ особую главу.

родители къ дѣтемъ, или дѣти к' родителемъ, или братьꙗ к' сестрамъ, мечемъ да казнениї бѫдѫть. Ащє ли же по иномоу племѧни дроугъ съ дроугомъ растливаютсѧ, еже есть ѿць съ женою снa своего, или снъ с' женою ѿнею, еже есть мачеха [1], или ѿчимъ с' падъчерицею, или братъ с женою братнею [2], или дѧдѧ съ братаною или съ сестричною, или братаничь или сестричичь съ теткою, или съ двѣма сестрама, или съ матерьею чюжею и съ ея дчерiю въ вѣданiи смѣшаюсѧ, таковiи бьеми [3] носы ихъ оурѣзати с тѣми, имиже растлѣвахоусѧ.

55. Иже двѣ женѣ имѣти коушаюсѧ [4] не по законоу, нъ и преизволенiе[мъ], добрѣ подоиметь прелюбодѣянiа казнь; а ѩже послѣ с нимъ поємшiасѧ, аще не вѣдала боудеть имѣюща того законъноую женоу, непокинiна боудеть.

56. Аще ли жена непразъдна боудеть, и навѣтоеть своемоу чрѣвоу, еже потерѧти зачатое, бьема поточена да боудеть.

57. Иже бракомъ смѣшающенсѧ или инако плотьскы сплетающенсѧ братоу чады и иже ѿ нихъ ражающiисѧ дѣти токмо, или ѿць и снъ к' матерi и к'

[1] мащеха К. — [2] братнию К. — [3] бьени К и прибав. и. — [4] У Башилова: покушаяся.

ἄλλην συγγένειαν πρὸς ἀλλήλους συμφθειρόμενοι, τουτέστι πατὴρ πρὸς γυναῖκα υἱοῦ, ἢ υἱὸς πρὸς γυναῖκα πατρὸς, ἤγουν μητρυιὰν, ἢ πατρῶος εἰς προγονὴν, ἢ ἀδελφὸς εἰς γυναῖκα ἀδελφοῦ, ἢ θεῖος εἰς ἀνεψιὰν, ἢ ἀνεψιὸς εἰς θείαν, ἢ εἰς δύο ἀδελφὰς, ἢ εἰς μητέρα ξένην καὶ τὴν αὐτῆς θυγατέρα ἐν εἰδήσει μιγνύμενοι, οἱ τοιοῦτοι τυπτόμενοι ῥινοκοπείσθωσαν αὐτοί τε καὶ αἱ αὐτοῖς συνεφθάρησαν.

ο΄. Ὁ δύο γυναῖκας ἔχειν πειραθεὶς, οὐ νόμῳ ἀλλὰ φάκτῳ καὶ προαιρέσει, καλῶς ὑποστήσεται τῷ τῆς μοιχείας ἐγκλήματι· ἡ δὲ ὕστερον αὐτῷ γαμηθεῖσα, εἰ ἠγνόει αὐτὸν ἔχειν νόμιμον γαμετὴν, συγγνωσθήσεται.

οα΄. Ἐὰν γυνὴ ἔγκυος [1] γένηται καὶ ἐπιβουλεύσῃ τῇ ἰδίᾳ γαστρὶ πρὸς τὸ ἐκτρῶσαι, τυπτομένη ἐξοριζέσθω.

οβ΄. Οἱ πρὸς γάμον συναπτόμενοι, ἢ ἄλλως σαρκικῶς συμπλεκόμενοι ἐξάδελφοι καὶ οἱ ἐξ αὐτῶν τικτόμενοι παῖδες, καὶ μόνον, ἢ καὶ πατὴρ καὶ υἱὸς πρὸς μητέρα καὶ θυγατέρα, ἢ δύο ἀδελφοὶ εἰς δύο

[1] Въ рукописи ἔγγυος.

чери, или два брата къ двѣма сестрама, или братаничь или сестричичь къ дѧдинѣй женѣ, или дѧдѧ къ братанича или сестричича своего женѣ, аще кто ѿ сихъ в таковое впадеть, первѣе разлоучени да боудоуть, потомже бьеми.

58. Аще кый свободь или рабъ, нѣкоеѧ ради вины, дасть зелье комоу [1], или жена моужеви [2], или моужь женѣ, или раба госпожи, или рабъ ѡсподарю, и [3] таковоѧ [4] ради вины в недоугъ впадеть [5] иже таковое зелье растворивый, и слоучитсѧ ѿ него оумрети [6], мечемъ казненъ боудеть [7].

59. Иже г҃лемаѧ хранителнаѧ и наоузькы [8] творѧщеи на съблюденїе прилоучшомоусѧ ч҃лкоу, ѡграблены, поточени да боудоуть.

60. Аще кто оунъ, сирѣчь семи лѣтъ, или пакы вѣшеный оубїиство створѧ, не подлежа смерти.

61. Волное оубїиство створивый, кѡего либо възраста аще боудеть, мечемъ казненъ боудеть.

62. Аще ѿць вины положить

---

[1] комоу нѣтъ въ К. — [2] мѹжоу К. — [3] и нѣтъ въ К. — [4] таковы — [5] впасти К. — [6] Вмѣсто иже..... оумрети, К: или смертїю оумрети. — [7] Въ К статья эта отдѣлена отъ статей «закона о казнѣхъ» и поставлена въ концѣ статей «о послухахъ» (см. ниже гл. IV). — [8] Башиловъ прочиталъ: на оузькый.

ἀδελφὰς, ἢ ἀνεψιὸς εἰς τὴν τοῦ θείου γυναῖκα, εἴτε θεῖος εἰς τὴν γεγενημένην τοῦ ἀνεψιοῦ γυναῖκα, πρὸς τῷ χωρισμῷ καὶ τυπτέσθωσαν.

οζʹ. Εἴ τις ἐλεύθερος ἢ δοῦλος ἐπὶ οἱαδήποτε προφάσει δώσει ποτὸν, εἴτε γυνὴ ἀνδρὶ, εἴτε ἀνὴρ γυναικὶ, εἴτε δούλη δεσποίνῃ, εἴτε δοῦλος δεσπότῃ, καὶ διὰ τῆς τοιαύτης προφάσεως ἀσθενείᾳ περιπέσῃ ὁ τὸν ποτὸν ἐκπιὼν, καὶ συμβῇ αὐτὸν ἐκ τούτου καταρρεῦσαι καὶ ἀποθανεῖν, ξίφει τιμωρείσθω.

οηʹ. Οἱ τὰ λεγόμενα ποιοῦντες φυλακτὰ ἐπὶ φιλίᾳ τὸ δοκεῖν ἀνθρώπων, δημοσιευόμενοι ἐξοριζέσθωσαν.

πʹ. Οὔτε ἴνφανς [2], τουτέστιν ἑπταέτης, οὔτε μαινόμενος φονεύων ὑπόκειται θανάτῳ.

οθʹ. Ὁ φονεύων ἑκουσίως, οἵας ἂν εἴη ἡλικίας, ξίφει τιμωρείσθω.

παʹ. Ἐὰν πατὴρ κατηγορήσῃ τινὸς περὶ φόνου τοῦ παιδὸς αὐτοῦ καὶ ἀποφανθῇ κατὰ συκοφαντίαν κινήσας, οὐκ ἀτιμοῦται.

---

[1] Въ рукописи ἴμφας.

на кого ѿ оубїиствѣ дитѧти своѥго, и ѡ҃бывитсѧ, ꙗко поклепомъ подвиже сѐ, неповиненъ есть.

63. **Иже** мечемъ оударить кого, аще до смерти оубїеть, мечемъ казненъ боудеть; аще ли же оудареный не оумреть, иже раноу давый роукы его ѿсѣчени боудоуть, понеже всѧко съ мечемъ оударити дерзноу.

πβ΄. Ὁ μετὰ ξίφους πλήττων τινὰ, ἐὰν φονεύσῃ, ξίφει τιμωρείσθω· εἰ δὲ ὁ πληγεὶς οὐ τελευτήσει, ὁ τὴν πληγὴν δεδωκὼς χειροκοπείσθω, διότι ὅλως μετὰ ξίφους δοῦναι ἐτόλμησεν.

64. Свароу и битїю[1] промежи нѣкыхъ бывшю, аще слоучитьсѧ смерти быти, да смотрѧть соудїи ѡроужїа, имиже смерть съдѣꙗсѧ; и аще ѡбрѧщоуть деревомъ свершенымъ или каменемъ великимъ, или пьханїемъ оубїист[в]оу бывшю, роукы ихъ оусѣкноуть; аще ли же легкымъ чимъ смерти бывши, бьемї и поточени да боудоуть.

πγ΄. Μάχης μεταξὺ τινῶν[1] γενομένης, ἐὰν συμβῇ θάνατον προελθεῖν, τηρείτωσαν τὰ ὄργανα οἱ ἀκροαταὶ, δι᾽ ὧν ἐπράχθη ὁ θάνατος· καὶ εἰ μεν εὕρωσι διὰ ξύλων τελείων ἢ λίθων μεγάλων ἢ λακτισμάτων τὸν φόνον γεγενημένον[2], χειροκοπείσθωσαν·[3] εἰ δὲ δι᾽ ἐλαφροτέρων τινῶν[4] συμβῇ γενέσθαι τὸν θάνατον, τυπτέτωσαν τοῦτον καὶ ἐξοριζέτωσαν.

65. **Аще** свароу бывшоу, роукою бьеть кто, и оубїиство створить, бьемъ поточенъ да боудеть.

πδ΄. Ἐὰν ἐν μάχῃ μετὰ χειρὸς τύψῃ τὶς καὶ φονεύσῃ, τυπτόμενος ἐξοριζέσθω.

66. **Аще** кто своего раба ременемъ или палицею бьеть, и слоучитсѧ ѿ сего ѡномоу оумрети, не ѡсоуженъ бываеть ꙗко оубїица; аще ли же бес числа ѥго оумоучи, или зельемъ оуби, или зажеже, ꙗко доушегоубьство створивый да казненъ боудеть.

πε΄. Ἐάν τις τὸν ἴδιον οἰκέτην λώροις ἢ ῥάβδοις τύψῃ, καὶ ἐκ τούτου συμβῇ ἐκεῖνον τελευτῆσαι, οὐ κατακρίνεται ὡς ἀνδροφόνος· εἰ δὲ ἀμέτρως αὐτὸν ἐβασάνισεν, ἢ φαρμάκῳ ἀνεῖλεν, ἢ προσέκαυσεν, ὡς φόνον πεποιηκὼς τιμωρεῖται.

67. **Иже** на съпротивныꙗ побѣдоу поставившей, и користѣмъ нѣкымъ ѡбрѣтшимсѧ,

Οἱ κατὰ πολεμίων τρόπαιον

---

[1] У Башилова: оубитїю.

---

[1] Въ рукописи τινές. — [2] У Цахаріэ прибавлено: τὸν τοῦτο διαπραξάμενον. Славянскій переводчикъ не читалъ этихъ словъ въ своемъ подлинникѣ. — [3] У Цахаріэ χειροκοπείτωσαν. — [4] Въ рукописи ποινῶν

шестой токмо доли ѿдѣленѣ к' обчей казнѣ, еже есть ко кнѧзю, ровными же чѧстьми владоущей оубѡ и ѿвладаѥми прочее все раздѣлѧть: доволѣваеть бо властелемъ честь и власти, ꙗже ѿ кнѧзѧ. Аще ли же ѡбрѧщютсѧ нѣцїи ѿ боꙗръ моужьствовавше, воѥвода ѿ реченоꙗ доли ѡбчеꙗ казны ѡбласть имѣеть подарити ихъ.

στήσαντες, σκύλων τινῶν ὡς εἰκὸς εὑρισκομένων, τοῦ ἕκτου μέρους μόνον ἀφαιρουμένου τῷ δημοσίῳ, ἐξ ἴσης μοίρας οἵ τε ἄρχοντες καὶ [οἱ] ἀρχόμενοι τὸ λοιπὸν ἅπαν μεριζέτωσαν· ἀρκεῖ γὰρ τοῖς ἄρχουσιν ἡ προσθήκη τῶν ῥογῶν αὐτῶν. Εἰ δὲ εὑρεθῶσί τινες ἐκ τῶν αὐτῶν ἀρχόντων διαφερόντως ἀνδρισάμενοι, ὁ στρατηγὸς ἐκ τοῦ εἰρημένου μέρους τοῦ δημοσίου ἄδειαν ἐχέτω φιλοτιμεῖσθαι αὐτούς [1].

68. Аще кто смертью ѡсоужень боудеть, ѿ того часа, ѿ негоже дань[—нъ] боудеть ѡ немъ ѿвѣтъ, дѣти его свободны да боудоуть.

Ἐὰν καταδικασθῇ τις θανάτῳ, ἅμα τῇ ἀποφάσει γίνονται οἱ παῖδες αὐτεξούσιοι [2].

III

Ѡ раздѣленіи бракомъ[1].

1 *. Понеже древнихъ ѡбрѣтохомъ вины, имиже благовременнѣ бракомъ раздрѣшеніа бывають, сихъ ради позрѣхомъ ѿ сихъ събрати нѣкаꙗ, ꙗже

Περὶ διαλύσεως γάμου [3].

ά. Ἐπειδὴ πολλὰς ἐν τοῖς παλαιοῖς νόμοις εὕρομεν αἰτίας, ἐξ ὧν εὐχερῶς αἱ τῶν γάμων διαλύσεις γίνονται, τούτου ἕνεκα συνείδομεν ἐκ τούτων περιελεῖν τινας, αἵπερ ἡμῖν ἀνάξιοι πρὸς τὸ διαλύειν γάμους ἐφάνησαν, καὶ ταύτας μόνον ὀνομαστὶ τῷ παρόντι ἐντάξαι νόμῳ, ὑπὲρ ὧν εὐλόγως τοὺς γάμους δίχα ποινῆς ἔξεστι διαλύειν·

---

[1] У Башилова: браковъ.

* Въ нашемъ спискѣ и въ изданіи Башилова порядокъ главъ закона «о раздѣленіи бракомъ», сравнительно съ греческимъ подлинникомъ, измѣненъ: сначала идутъ тѣ главы, которыя у насъ стоятъ подъ №№ 11—16, а потомъ — настоящія до № 10-го включительно. Мы рѣшились слѣдовать порядку греческаго подлинника въ томъ вѣроятномъ предположеніи, что въ прототипѣ нашего и Башиловскаго списковъ листы были перебиты.

---

[1] Prochiron tit. XL. Синод. ркп. л. 108 об. — 109.

[2] Tit. XXVI, cap. 2. Синод. ркп. л. 88.

[3] Prochiron, tit. XI. Синод. рукопись, л. 68 об. — 70.

намъ сличпа еже разлоучати бракы явленѣ, и сїа оубѡ имѣнемъ настоящомоу оучинихомъ законоу, ѿ нихже благословенѣ бракы, кромѣ казни, достоитъ разлоучати.

2. Разрѣшаетсѧ бракъ по винѣ ноужнѣй и не бесловеснѣй, внегда ктѡ не можетъ жити с̓ женою, еже по естествоу моужемъ даное дѣати, но трилѣтъное времѧ прошедъ ѿ брачнаго веремени, и по истинѣ, яко моужь есть, не покажеть, волно есть женѣ или еѧ родителемъ разрѣшати съжительство тѡ, и посылати разлоучепїе, аще и не хочетъ сѐ сжитель, и приданоѐ с нею все въслѣдоуетъ женѣ, и ѿдасть ей все моужь, еже аще прияль боудеть. А иже брака ради, еже есть преже брака, даръ ѡстаетъ оу моужа, ничтѡ ѿ семъ ѡтщетѣвайсѧ.

β΄. Διαλύεται ὁ γάμος κατὰ πρόφασιν ἀναγκαίαν τε καὶ οὐκ ἄλογον, ὅταν τὶς οὐχ οἷός τε εἴη συνιέναι τῇ γυναικὶ καὶ τὰ παρὰ τῆς φύσεως ἀνδράσι δεδομένα πράττειν, ἀλλὰ τριετία μὲν παραδράμοι ἐκ τοῦ τῶν γάμων καιροῦ, ὁ δὲ, ὅτι ταῖς ἀληθείαις ἔστιν ἀνὴρ, οὐ δεικνύοι· πάρεστι γὰρ τῇ γυναικὶ ἢ τοῖς γε αὐτῆς πατράσι διαζευγνύναι τὸ συνοικέσιον καὶ στεῖλαι διάλυσιν, κἂν εἰ μὴ βούλοιτο τοῦτο ὁ συνοικῶν· κἀνταῦθα ἡ μὲν προῖξ, ἥτις ἔστιν ὅλως ἐπιδεδομένη, ἀκολουθήσει τῇ γυναικὶ καὶ ἀποδώσει ταύτην ὁ ἀνὴρ, εἴ γε τύχοι λαβών· ἡ δὲ διὰ τὸν γάμον[1] ἤτοι πρὸ τῶν γάμων δωρεὰ μένει παρὰ τῷ ἀνδρὶ, οὐδὲν οἴκοθεν ζημιουμένῳ.

3. Вины, имиже моужь, разлоучайсѧ с̓ женою, приданое с̓ женою наслѣдовати можеть, съблюдаёмо во ѡбласть иже ѿ того брака дѣтемъ, или, дѣтемъ не соущимъ, прїметъ та во ѡбласть свою, сихъ быти оуставлѧй:

ε΄. Τὰς αἰτίας, ἐξ ὧν ὁ ἀνὴρ χωριζόμενος τὴν προῖκα τῆς γυναικὸς ἀποκερδαίνειν δύναται, φυλαττομένης τῆς ἐπ᾽ αὐτῇ δεσποτείας τοῖς ἐκ τοῦ αὐτοῦ γάμου παισὶν, ἢ παίδων οὐκ ὄντων ἀπολαύειν αὐτὸν καὶ τῆς δεσποτείας, ταύτας εἶναι διατυποῦμεν·

4. Аще на цр҃ѧ или на кнѧзѧ гадають нѣцїи, свѣдоущи женѣ, и своемоу моужеви не ѡбьявить; аще ли же моужь, сѐ ѿ жены въвѣщенъ, оумолчить,

ϛ΄. Εἰ κατὰ τῆς βασιλείας βουλευομένοις τισὶ σύνοιδεν ἡ γυνὴ, καὶ τῷ ἰδίῳ ἀνδρὶ μὴ φανερώσει.

[1] Въ рукописи: διὰ τῶν γάμων.

достоить женѣ кымъ либо[1] ѿбразомъ сѐ възвѣстити ц҃реві или кнѧзю, ꙗко да моужеви нѝ ѐдин҆ же извѣтъ ѿ таковоꙗ вины разрѣшеніе[2] брака ѿбрѧщѐ[3].

5. Аще въ прелюбодѣйствѣ моужь творѧ [сѧ] мочи свою женоу ѿбличити, достоить моужеви первѣе ѿписати женоу или любодѣꙗ; и аще такова вещь истинно ѿбличитсѧ, абіе разлоученію бывшоу, имѣти моужеви къ преже брака даромъ[4] и вѣно; и к҆ симъ, аще дѣтїи не имають, толико прїимати ѿ иного жены стѧжанїа, ёлико вѣна третьꙗ долѧ познаваѐтсѧ, ꙗко да въ ѐго ѿбласть и вѣно и еже нами повелѣнаꙗ казнь оутвердитсѧ. Аще же дѣтий имѣють ѿ того ѐжитьꙗ, повелѣваемъ и вѣно и иноѐ жены стѧжанїе по первѣмоу (sic)[5] оуставленыхъ законъ дѣтемъ [да] съблюдено боудеть, и тако прелюбодѣꙗ по законоу ѿбличена ѐкоупѣ с женою казнити. И аще оубѡ имѣеть прелюбодѣй женоу, прїимати тѡи своѐ приданоѐ [и] еже ѿ брацѣхъ даровъ, ꙗко аще дѣтї имѣеть, единоꙗ токмо женѣ потреба прїи-

Εἰ δὲ ὁ ἀνὴρ τοῦτο παρὰ τῆς γυναικὸς προσαγγελϑὲν σιωπήσει, ἔξεστι τῇ γυναικὶ δἰ οἱουδήποτε προσώπου τοῦτο προσαγγέλλειν τῇ βασιλείᾳ, ὥστε τὸν ἄνδρα μηδεμίαν ἐκ ταύτης τῆς αἰτίας λύσεως γάμου εὑρεῖν πρόφασιν.

ζ΄. Εἰ περὶ μοιχείας ὁ ἀνὴρ νομίσει δύνασϑαι τὴν ἑαυτοῦ γαμετὴν ἐλεγχϑῆναι, προσήκει τὸν ἄνδρα πρότερον ἐγγράφεσϑαι τὴν γυναῖκα ἢ καὶ τὸν μοιχόν· καὶ εἴπερ ἡ τοιαύτη κατηγορία ἀληϑὴς ἀποδειχϑῇ, τηνικαῦτα χωρισμοῦ γενομένου ἔχειν τὸν ἄνδρα πρὸς τῇ πρὸ γάμου δωρεᾷ καὶ τὴν προῖκα, καὶ πρὸς τούτοις, εἰ παῖδας μὴ ἔχοι, τοσοῦτον λαμβάνειν ἐκ τῆς ἄλλης τῆς γυναικὸς περιουσίας, ὅσον τῆς προικὸς τὸ τρίτον μέρος εἶναι γινώσκεται· ὥστε τῇ αὐτοῦ δεσποτείᾳ καὶ τὴν προῖκα καὶ τὴν παῤ ἡμῶν ὁρισϑεῖσαν ποινὴν προσκυροῦσϑαι. Εἰ γὰρ παῖδας ἔχοιεν ἐκ τοῦ αὐτοῦ συνοικεσίου, κελεύομεν καὶ τὴν προῖκα καὶ τὴν ἄλλην τῆς γυναικὸς περιουσίαν κατὰ τοὺς ἔμπροσϑεν ὡρισμένους νόμους τοῖς παισὶ φυλάττεσϑαι, καὶ οὕτω τὸν μοιχὸν νομίμως ἐλεγχόμενον, ἅμα τῇ γυναικὶ τιμωρεῖσϑαι. Καὶ εἰ μὲν ἔχοι ὁ μοιχὸς γυναῖκα, λαμβάνειν αὐτὴν τὴν ἰδίαν προῖκα καὶ τὴν διὰ τοὺς γάμους δωρεὰν, ὥστε, εἰ παῖδας ἔχοιεν, μόνης τὴν γυναῖκα τῆς χρήσεως ἀπολαύειν τῆς δωρεᾶς, τῆς δεσποτείας κατὰ τοὺς νόμους τοῖς παισὶ φυλαττομένης· τὴν δὲ ἄλλην τοῦ ἀνδρὸς περιουσίαν τοῖς αὐτῶν παισὶ δωρούμεϑα.

---

[1] Башиловъ прочиталъ: достоитже нѣкымъ или бо.

[2] Читай: разрѣшеніѧ или разрѣшенію.

[3] Читай: ѡбрѧщетсѧ.

[4] Въ подлинникѣ: даровъ; исправлено по смыслу.

[5] Читай: по первѣе.

мати тѣхъ даровъ, ѡ҃бласти[1] же по закону дѣтемъ соблюдаемѣ, иного же моужна стѧжанїа ихъ дѣтемъ дароуемъ. Дѣтемъ же не соущимъ, прежебрачныхъ даровъ ѡ҃бласть женѣ ѿдѣлити повелѣваемъ; иного ж моужна стѧжанїа всего въ господскоую казноу по древнимъ закономъ прилагати.

Παίδων δὲ μὴ ὑπόντων, τὴν μὲν τῆς προγαμιαίας δωρεᾶς δεσποτείαν τῇ γυναικὶ διαφέρειν θεσπίζομεν, τὴν δὲ ἄλλην τοῦ ἀνδρὸς περιουσίαν πᾶσαν τῷ φίσκῳ κατὰ τοὺς παλαιοὺς προσκυροῦσθαι νόμους.

6. Аще кымъ либо ѡ҃бразомъ жена моужнѧ живота навѣтоуеть, или инѣхъ сё творѧщихъ свѣсть, и моужеви не ѡ҃бьявить.

η΄. Ἐὰν οἱῳδήποτε τρόπῳ ἡ γυνὴ τῇ ζωῇ τοῦ ἀνδρὸς ἐπιβουλεύσῃ ἢ ἄλλοις τοῦτο ποιοῦσι συνειδυῖα τῷ ἀνδρὶ μὴ φανερώσῃ.

7. Аще жена, моужеви ѐѧ не хотѧщоу ни велѧщ꙯, съ инѣми моужми шествоуеть, или в́ мовници ходить.

θ΄. Ἐὰν ἀνδράσι μὴ βουλομένου τοῦ ἀνδρὸς ἐξωτικοῖς συμποσιάζῃ ἢ συλλούηται.

8. Аще не хотѧщоу моужеви, жена внѣ дома прелегаѐть, токмо аще прилоучитсѧ въ своихъ родителїи.

ι΄. Ἐὰν μὴ βουλομένου τοῦ ἀνδρὸς ἔξω τοῦ οἴκου μείνῃ, εἰ μήγε τυχοῦσα παρὰ τοῖς ἰδίοις γονεῦσιν.

9. Аще на коньскаꙗ оурискании, или плѧсанїа, или ловленїꙗ поидеть жена съмотрити, невѣдоущю или възбранѧющю моуж꙯ ѐѧ.

ια΄. Ἐὰν ἱππικοῖς ἢ θεάτροις ἢ κυνηγίοις παραγενήσηται ἐπὶ τῷ θεωρῆσαι, ἀγνοοῦντος ἢ κωλύοντος τοῦ ἀνδρός.

10. Аще ли же слоучитсѧ комоу, кромѣ единоꙗ прежереченыхъ [винъ], свою женоу своѥго домоу изгнати, ꙗкѣ ѡ҃ной не имоущи родитель, идѣже сличню есть спасти, по н꙯жи вънѣ нощь ѡ҃ноу пребыти, повелѣваемъ нї единоꙗ ѡ҃бласти моужевї имѣти, ради таковыꙗ вины,

ιβ΄. Ἐὰν δὲ συμβῇ τινὰ δίχα μιᾶς τῶν προειρημένων αἰτιῶν τὴν ἑαυτοῦ γαμετὴν τοῦ ἰδίου οἴκου ἐξωθήσασθαι, ὥστε ἐκείνην μὴ ἔχουσαν γονεῖς, πρὸς οὓς δύναται μένειν, ἐξανάγκης ἔξω τὴν νύκτα διάγειν, κελεύομεν μηδεμίαν εἶναι τῷ ἀνδρὶ ἄδειαν διὰ ταύτην τὴν αἰτίαν χωρισθῆναι τῆς γυναικός,

[1] Въ рукописи: ѡ҃власть.

своеѝ жены разлоучитисѧ, занеж самъ семꙋ виновенъ бысть.

11. Вины, имиже благословнѣ можеть жена с моужемъ разлоучитисѧ, и имиже можеть приданое ѐсе свое поймати и брачныѝ дары истѧзати, ѐкоупѣ же дѣтемъ ѐблюдены боудоуть во ѡбласть дары тыѝ; аще ли же дѣтей не боудеть, имѣеть ѡбласть же над тѣми всѣми. Соуть же сіа:

12. Аще ктѡ на цр҃ѧ гадаѐть, или на кнѧзѧ, или паки нѣкыхъ гадающихъ свѣсть, не ѡбьѧвить црви или кнѧзю или самъ собою, или инѣмь нѣкымъ лицемъ.

13. Аще каковымъ либо ѡбразомъ моужь навѣтоуеть на животъ своеѝ жены, или иныхъ сѐ гадающихъ свѣсть, не ѡбьявить своей женѣ и не потщитсѧ по законоу ѿмьстити.

14. Аще моужь на цѣломоудріе своеѝ жены коромолить, иномоу прелюбодѣйствоу тоую начнеть предати.

15. * Аще моужь на свою женоу прелюбодѣйство възведеть, и прелюбодѣйства не възможеть ѡбьѧвити, волно женѣ, хотѧщиї и ѿ таковой винѣ разлоучитисѧ с моужемъ, и пріимати свое приданое, пріимати же и прежебрачныѝ [дары]; и ѿ

διότιπερ αὐτὸς τούτου αἴτιος γίνεται [1].

ιγ'. Τὰς αἰτίας, δι' ὧν εὐλόγως δύναται ἡ γυνὴ τοῦ ἀνδρὸς χωρισθῆναι, καὶ ἐξ ὧν δύναται τήν τε προῖκα λαμβάνειν, καὶ τὴν διὰ τοὺς γάμους ἀπαιτεῖν δωρεάν, ὁμοίως τοῖς παισὶ φυλαχθησομένης τῆς ἐπὶ τῇ δωρεᾷ δεσποτείας, ἢ παίδων μὴ ὄντων, ἔχειν καὶ τὴν ταύτης δεσποτείαν, ταύτας εἶναι διατυποῦμεν·

ιδ'. Ἐὰν κατὰ τῆς βασιλείας ἢ αὐτὸς βούληταί τι, ἢ τοῦτό τισι βουλομένοις συνειδὼς, μὴ φανερώσῃ τῇ βασιλείᾳ ἢ δι' ἑαυτοῦ ἢ δι' ἑτέρου οἱουδήποτε προσώπου.

ιε'. Ἐὰν οἱῳδήποτε τρόπῳ ὁ ἀνὴρ ἐπιβουλεύσῃ τῇ ζωῇ τῆς γυναικὸς, ἢ ἄλλων τοῦτο βουλομένων εἰδὼς μὴ φανερώσῃ τῇ γυναικὶ καὶ σπουδάσῃ κατὰ τοὺς νόμους ἐκδικῆσαι.

ιϛ'. Ἐὰν ὁ ἀνὴρ τῇ τῆς γυναικὸς σωφροσύνῃ ἐπιβουλεύων ἄλλοις αὐτὴν ὑπὲρ τοῦ μοιχευθῆναι ἐπιχειρήσῃ προδοῦναι.

ιζ'. Ἐὰν ὁ ἀνὴρ περὶ μοιχείας τῆς γυναικὸς αὐτοῦ ἐγγράφηται καὶ τὴν μοιχείαν μὴ ἀποδείξῃ, ἐξεῖναι τῇ γυναικὶ βουλομένῃ καὶ ὑπὲρ ταύτης τῆς αἰτίας χωρίζεσθαι τοῦ ἀνδρὸς, καὶ ἀπολαμβάνειν μὲν τὴν ἰδίαν προῖκα, κομίζεσθαι δὲ καὶ τὴν προγαμιαίαν δωρεάν·

* Въ нашемъ оригиналѣ и у Башилова надъ этою статьею стоитъ особое оглавленіе ѿ прелюбодѣйствѣ.

[1] Въ рукописи глава эта не отдѣлена отъ предыдущей.

таковомъ поклепѣ, аще дѣтий не имѣють ѿ таковаго съжительства, толико прiимати ей ѿ иного стѧжанїа моужнѧ, елико прежебрачныхъ даровъ третьѧ долѧ познаваетсѧ. Аще бо дѣти имѣеть, повелѣваемъ моужнего стѧжанїа дѣтемъ съблюдати, оутверженомъ соущимъ оубω [съ] прежебрачныхъ дароxъ[1] пребыванїемъ ѿбьдрьжащимъ закономъ, сѐ оубω иже[2] за възведенный прелюбодѣйства поклепъ, и не доведеный, таковыми казньми моужа ѿвложити, ихже хотѧше жена подъяти, аще таковое слово доведено бы съ исправою на ню.

І 6. Аще моужъ въ своемъ домоу, в' немже съ своею женою живеть, презирая еѧ, съ иною живеть, въ томъ домоу пребываеть, или в' томъ градѣ, идѣже пребываеть, въ иномъ домоу со иною сходѧсѧ ѿбличенъ боудеть, единою и двоежда заказано боудеть емоу или своими его родителми или жены его родителми, или инѣми достовѣрными свидѣтельми, таковой скверны не ѿстоупить, вольно есть женѣ и ѿ таковой винѣ раздрѣшати бракъ и прiимати все приданое и прежебрачныи дары, и ѿ таковой досадѣ

καὶ ὑπὲρ τῆς τοιαύτης συκοφαντίας, εἰ παῖδας μὴ ἔχοιεν ἐκ τοῦ αὐτοῦ συνοικεσίου, τοσοῦτον λαμβάνειν αὐτὴν ἐκ τῆς ἄλλης τοῦ ἀνδρὸς περιουσίας, ὅσον τῆς προγαμιαίας δωρεᾶς τὸ τρίτον μέρος εἶναι γινώσκεται [1]. Εἰ γὰρ παῖδας ἔχει, κελεύομεν πᾶσαν τὴν τοῦ ἀνδρὸς περιουσίαν τοῖς παισὶ φυλάττεσθαι, βεβαίων μενόντων τῶν περὶ τῆς προγαμιαίας δωρεᾶς τῶν τοῖς ἄλλοις περιεχομένων νόμοις, οὕτω μέντοιγε, ὥστε [2] καὶ διὰ τὴν ἐπαχθεῖσαν τῆς μοιχείας κατηγορίαν καὶ μὴ ἀποδεχθεῖσαν κἀκείναις τὸν ἄνδρα ταῖς τιμωρίαις ὑποβληθῆναι, ἃς ἔμελλεν ὑπομένειν ἡ γυνή, εἴπερ ἂν ἡ τοιαύτη ἀπεδείχθη κατηγορία.

ιη'. Ἐὰν ὁ ἀνὴρ ἐν τῷ αὐτοῦ οἴκῳ, καθ' ὃν μετὰ τῆς αὐτοῦ γυναικὸς συνοικῇ, περιφρονῶν αὐτῆς, μεθ' ἑτέρας εὑρίσκηται ἐν τῷ αὐτῷ οἴκῳ μένων, ἢ καὶ κατὰ τὴν αὐτὴν πόλιν διάγων ἐν ἑτέρῳ οἴκῳ μετ' ἄλλης γυναικὸς συνεχῶς μένων ἐλέγχηται, καὶ ἅπαξ καὶ δὶς ἐγκληθεὶς ἢ διὰ τῶν ἑαυτοῦ γονέων, ἢ διὰ τῶν τῆς γυναικός, ἢ δι' ἑτέρων τινῶν ἀξιοπίστων μαρτύρων, τῆς τοιαύτης ἀσελγείας μὴ ἀπόσχηται, ἐξεῖναι τῇ γυναικὶ καὶ ὑπὲρ ταύτης τῆς αἰτίας διαλύειν τὸν γάμον, καὶ ἀναλαμβάνειν τὴν δεδομένην προῖκα καὶ τὴν πρὸ γάμου δωρεάν, καὶ ὑπὲρ τῆς τοιαύ-

---

1 Въ рукописи: даровъ.
2 По смыслу нужно читать: еже.

1 Здѣсь конецъ главы въ рукописи.
2 ὥστε нѣтъ въ синодальной рукописи.

третьѐ цѣны, ѭже творѧть прежебрачны дары, ѿ иного ѐго стѧжанїа прїимати.

17. Иже аще кто̑ ѿ ст҃го крещенїꙗ кого въспрїиметь, не можеть того потомъ бракомъ привести, ꙗко сн҃а емоу бывша, ниже матери его, или д҃черь, нїже сн҃ъ его; понеже инако никако̑ сице можеть привести ѡ҃чьское предложенїе и праведноѐ брака възбраненїе, занеже [1] сѐй сооузъ [2], б҃гоу ходатайствовавшоу, дш҃ѧ ихъ сприлеплѧютсѧ.

18. Понеже древними ѿложено ѡбрѣтохомъ приѡбщенїе наложницамъ к [3] хотѧщемоу ей приѡбщитисѧ, не ꙗвисѧ намъ беспамѧтно ѡставити таковоѐ законоположенїе, да не ѡскверняетсѧ наше жительство бракы неподобными. Ѿноудоуже и повелѣваемъ ѿнынѣ никомоуже, оунегоже ѡбрѣтаетсѧ наложница, въ своемь имѣти домоу: малымъ бо или ничимже различно блоуженїа ихъ вмѣнѧемъ. Аще же въсхочеть приѡбщатисѧ ей, брачно да створитъ к ней ѡброученїе по законномоу ѡпаствоу. Аще ли же недостойноу собѣ соудить таковꙋю женоу законноу назвати, ни единоже к ней по съвокоупленїю имѣти

[1] Читай: ꙗкоже. — [2] Тутъ для смысла и по требованію греческаго текста нужно прибавить относительное мѣстоименіе: нмже. — [3] У Башилова: и.

της ὕβρεως [τὸ] τρίτον μέρος τῆς διατιμήσεως, ἣν ἡ προγαμιαία ποιεῖ δωρεά, ἐκ τῆς ἄλλης αὐτοῦ περιουσίας λαμβάνειν.

Ὁ μέντοιγε ἀπὸ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος τινὰ δεξάμενος οὐ δύναται αὐτὴν ὕστερον πρὸς γάμον ἀγαγέσθαι, ὡς δῆθεν θυγατέρα αὐτοῦ γενομένην, οὐδὲ τὴν ταύτης μητέρα ἢ θυγατέρα· ἀλλ' οὐδὲ ὁ υἱὸς αὐτοῦ· ἐπειδὴ οὐδὲν ἄλλο οὕτω δύναται εἰσαγαγεῖν πατρικὴν διάθεσιν καὶ δικαίαν γάμου κώλυσιν, ὡς ὁ τοιοῦτος δεσμὸς, δι' οὗ θεοῦ μεσάζοντος αἱ ψυχαὶ αὐτῶν συνάπτονται [1].

Ἐπειδὴ παρὰ τοῖς παλαιοῖς ἀνειμένην εὕρομεν τὴν κοινωνίαν τῆς παλλακῆς πρὸς τὸν βουλόμενον αὐτῇ κοινωνεῖν, οὐκ ἔδοξεν ἡμῖν ἀμνημόνευτον ἐᾶσαι ταύτην τὴν νομοθεσίαν, ἵνα μὴ καταχραίνηται ἡμῶν ἡ πολιτεία γάμοις οὐκ εὐπρεπέσιν. Ὅθεν καὶ κελεύομεν ἀπὸ τοῦ νῦν μηδενὶ ἐξὸν ὑπάρχειν, παλλακίδα ἐν τῷ ἰδίῳ κατέχειν οἴκῳ· μικρὸν γὰρ ἢ οὐδὲν διαφέρειν τῆς πορνείας αὐτῶν νομίζομεν. Ἀλλ' εἰ βούλοιτο αὐτῇ κοινωνεῖν, γαμικὸν ποιείτω πρὸς αὐτὴν συνάλλαγμα κατὰ τὴν τοῦ νόμου ἀκρίβειαν· Εἰ μέντοιγε ἀναξίαν αὐτῷ ταύτην κρίνοιτο τὴν γυναῖκα ἔννομον κεκλῆσθαι, μηδεμίαν πρὸς αὐτὴν κατὰ συνουσίαν ἐχέτω κοινωνίαν, ἀλλὰ ταύτην ἀποδιωκέτω,

[1] Prochiron, tit. VII, cap. 28. Синод. ркп. л. 65 об. (гл. 32)

прищвищенїе, но̑ таковоую ѿгонати, и поиметь по законоу каковоуже аще соудить собѣ сличноу. Аще ли же цѣломоудреноу житиоу произволѧе́ть, благо се и намъ ꙗвисѧ.

καὶ λήψοιτο ἣν ἂν ἑαυτῷ κρίνοι λυσιτελές. Εἰ δὲ σωφρόνως βιοῦν αἱρεῖται, εὐκταῖον ἡμῖν τοῦτο [1].

19. Аще кто̑ плененоую, такоже и жена се̑ створши [1], коупить, и̑ той примѣситсѧ, ꙗко женѣ, виною [2], мню, простити ей цѣноу, въ естьственое благородїе ѥѧ пращаеть, и ꙗже ѿ неꙗ раждающаꙗсѧ дѣти ꙗко законныꙗ да и̑мѣеть.

Ὁ αἰχμάλωτον ἀγοράσας καὶ ταύτῃ μιγεὶς ὡς γυναικί, ὡς προλήψει δοκῶν αὐτῇ συγχωρεῖν τὸ τίμημα, εἰς τὴν φυσικὴν εὐγένειαν αὐτὴν ἀνατρέχειν συγχωρεῖ, καὶ τοὺς ἐξ αὐτῆς τικτομένους παῖδας νομίμους ἔχει [2].

20. Никтоже тайно да вѣнчеваетсѧ, не соущимъ многымъ: се̑ бо̀ створити дръзноувый оуцѣломоудренъ боудеть казнїю, ꙗвѣ ꙗко и пресвитероу, к̓ неподобнаꙗ пришедшю, достойныхъ казней прїемшю по цр҃квномоу правилномоу оуставоу.

Μηδεὶς μυστικῶς στεφανούσθω, ἀλλὰ παρόντων πλειόνων· ὁ γὰρ τοῦτο τολμήσας ἐργάσασθαι σωφρονιζέσθω τιμωρούμενος, δηλονότι καὶ τοῦ ἱερέως, ὡς ἐν τοῖς ἀπρεπέσιν [ἑαυτὸν] παραβαλόντος, τὰς ἀξίας εὐθύνας εἰσπραττομένου κατὰ τὴν τῶν ἐκκλησιαστικῶν κανόνων διάταξιν [3].

IV

Главы ѡ послоусѣхъ.

Περὶ μαρτύρων [4].

1. Достойновѣрни да боудоуть послоуси, и не нещїи высоци или богати, нижe нижни,

α΄. Ἀξιόπιστοι ἔστωσαν οἱ μάρτυρες, καὶ μή τινες ἐπιδίφριοι, μηδὲ χαμερπεῖς, μηδὲ παντοίως ἄσημοι.

---

[1] Башиловъ прочиталъ такъ: такожъ иже на се створшіи. Повидимому, слова: «такожє и жена сє створши» въ греческомъ оригиналѣ составляли напольную схолію, внесенную славянскимъ переводчикомъ въ свой текстъ.

[2] У Башилова: якоже не виною.

[1] Prochiron, tit. IV, cap. 26. Синод. ркп. л. 60 об. (гл. 22).

[2] Tit. V, cap. 4. Ркп. л. 61.

[3] Tit. IV, cap. 27. Ркп. л. 60 об. (глава 23.)

[4] Prochiron tit. XXVII. Синод. ркп. л. 84—86.

ни оубози, нижε ѿноуд̾ь пакы неимѣн[ит]іи [1].

2. Невѣдоміи послоуси добрѣ да истѧзани боудоуть.

3. Свидѣтельствоующей ѿ долгохъ списаніемъ да глаголють, ꙗко в̓ томъ заиманіи быша, или в томъ по законоу сложишасѧ, или ѿ семъ токмо призвани быша, ꙗвѣ, ꙗко аще боудоуть пѧть числомъ.

4. Внегда послоуси или промежи себе съпротивлѧютсѧ или инѣмъ послоухомъ, или лжепослоушьствоують, тогда соудіꙗ [2] еже ѿ нихъ достойновѣрныхъ пріиметь, и казнить неправыхъ, аще хытростью ꙗвѧтсѧ злобьствоующе.

5. Да кленоутсѧ преже послоушьства послоухове, и паче же чтнѣйшіи приꙗти да боудоуть; единиже послоушьствоуꙗ да ѿженетсѧ, аще слоучитсѧ емоу и доумци быти.

6. Послоухове слышаніемъ да не послоушьствоують, глаголюще, ꙗко слышахомъ ѿ нѣкого семоу должноу соущю, или сего низлагати [3], аще и ѕѣлѡ истиннѣ боудоуть послоушьствоующей сіа.

[1] Поправлено согласно съ значеніемъ греческаго ἄσημοι. Ср. «закона о казнѣхъ» гл. 15, гдѣ противоположное ἐπίσημοι переведено именитіи.

[2] Въ рукописи: соудіи.

[3] Переводчикъ, очевидно, не понималъ юридическаго значенія глагола καταβάλλεσθαι (solvere—уплатить долгъ) и перевелъ: низлагати.

β΄. Οἱ ἄγνωστοι τῶν μαρτύρων καὶ βασανιζέσθωσαν, εἰ δεήσοι.

γ΄. Οἱ μαρτυροῦντες περὶ χρεῶν ἐγγράφως εἰπάτωσαν, ὡς [1] τῇ καταβολῇ παρῆσαν, ἢ ἐπ᾿ αὐτῆς νομίμως κατέθεντο [2], ἢ [3] ἐπὶ τοῦτο μόνον προσκληθέντες, δηλονότι ἐὰν ὦσι πέντε τὸν ἀριθμόν.

δ΄. Ὅτε οἱ μάρτυρες ἢ ἑαυτοῖς ἐναντιοῦνται ἢ ἄλλοις μάρτυσιν ἢ πλαστῶς μαρτυροῦσι, τότε δεχέσθω ὁ δικαστὴς τοὺς ἐξ αὐτῶν ἀξιοπιστοτέρους, καὶ κολαζέτω τοὺς ὑπόπτους, εἴπερ ἐξεπίτηδες φανεῖεν κακουργοῦντες.

Ὀμνυέτωσαν πρὸ τῆς μαρτυρίας οἱ μάρτυρες, καὶ μάλιστα οἱ τιμιώτεροι προσδεχέσθωσαν· εἷς [δὲ] μόνος μαρτυρῶν ἐκβαλέσθω, κἂν τύχῃ ὢν βουλευτής.

Οἱ μάρτυρες ἀκοὴν μὴ προσμαρτυρείτωσαν λέγοντες, ὡς ἠκούσαμεν ἔκ τινος τόνδε χρεωστεῖν ἢ τόνδε καταβάλλεσθαι, κἂν ταβουλλάριοι ὦσιν οἱ ταῦτα μαρτυροῦντες.

[1] Въ рукописи прибав. εἰ. — [2] Въ рукописи: εἰ ἐπ᾿ αὐτοῖς νομίμως κατέθετο; исправлено согласто съ чтеніемъ одного списка, приведеннымъ у Цахаріэ въ варіантахъ (p. 146, not. 5). — [3] Въ рукописи: εἰ.

7. Послоухове или санъ, или воиньство, или ременьство[1], или торговное имоущей, по истинѣ приꙗтни боудоуть; аще ли же ѡбрꙗщютсꙗ послоухове невѣдомі и неймовѣрно есть ихъ свѣдѣтельство, да изыщють соудіи и съ истꙗзаніемь да прідоуть к ним, ꙗко да истинѣ ѿстанокъ ѡбрꙗщоуть.

8. Мощно есть ѿ града въ градъ посланіемъ соудьнымъ посылати послоушьства, здѣшно[мъ][2] оубо по законоу, во ѡбластехъ оубо ѿ намѣстниковъ, [в]о болшемъ же градѣ ѿ соудій княжихъ.

9. Ѿ винахъ великыхъ ноужа всꙗко представити свидѣтели, а не токмо преголосье ихъ.

10. Ѿ послоухохъ ищетсꙗ достоиньство, и вѣра, и ѡбычай, и твердое: занеже не слꙋшають[сѧ] спротивлꙗющіисꙗ межоу себе послоушьства ѿ себе глаголюще.

11. Ѿ коемждо послоусѣ достоить изысковати перьвѣе, честенъ ли и непороченъ есть, или бесчестенъ и оукоренъ, имѣющь ли, или [не]имѣющь[3], ꙗко да не прибытка ради что съгрѣшить, дрꙋгъ ли есть ищющаго, или

[1] Такъ и у Башилова. Нужно читать: ремесьтво = ἐπιτήδευμα.

[2] Дательный самостоятельный=πραττομένων κατὰ νόμους.

[3] Такъ было поправлено и въ подлинникѣ Башилова.

Οἱ μάρτυρες ἢ ἀξίαν, ἢ στρατείαν, ἢ ἐπιτήδευμα, ἢ εὐπορίαν ἔχοντες, κατὰ πρόσληψιν δεκτέοι τυγχάνουσιν. Εἰ δὲ εὑρεθῶσι μάρτυρες ἄγνωστοι, καὶ ἀμφισβητεῖται τὰ τῆς αὐτῶν μαρτυρίας, κανονιζέτωσαν οἱ δικασταί, καὶ διὰ βασάνων ἐρχέσθωσαν πρὸς αὐτούς, ὅπως τὴν τῆς ἀληθείας κατάληψιν εὕρωσι[1].

ε΄. Δυνατὸν ἀπὸ πόλεως εἰς πόλιν ἐκ διαλαλιᾶς δικαστικῆς στεῖλαι τὰς μαρτυρίας, πραττομένων μέντοιγε κατὰ νόμους ἐν μὲν ταῖς ἐπαρχίαις παρὰ τῷ ἄρχοντι, ἐν δὲ τῇ Κωνσταντινουπόλει παρὰ τοῖς θείοις δικασταῖς.

ϛ΄. Ἐπὶ τῶν ἐγκληματικῶν ἀνάγκη πάντως παραχθῆναι τοὺς μάρτυρας, καὶ μὴ τὰς φωνὰς αὐτῶν.

ζ΄. Ἐπὶ τῶν μαρτύρων ζητεῖται ἡ ἀξία καὶ ἡ πίστις καὶ τὰ ἤθη καὶ ἡ στερρότης. Διόπερ οὐκ ἀκούονται οἱ ἐναντιούμενοι τοῖς ἐν ἐκμαρτυρίᾳ ὑφ' ἑαυτῶν εἰρημένοις.

η΄. Ἐπὶ ἑκάστου μάρτυρος ὀφείλει ζητεῖσθαι, πότερον τίμιος καὶ ἄμεμπτός ἐστιν, ἢ ἄτιμος ἢ ἐπί-

[1] Статьи, оставленныя безъ счета, Цехаріэ нашелъ въ одномъ только спискѣ Прохирона и привелъ ихъ въ варіантахъ подъ текстомъ. См. Prochiron, p. 146, not. 7. Въ синодальной рукописи онѣ, конечно, введены въ счетъ; но, повторяемъ, для удобства читателей, имѣющихъ подъ руками только печатное изданіе Прохирона, мы и здѣсь отступаемъ отъ своего подлинника, тѣмъ болѣе, что принятое въ немъ дѣленіе, а слѣдовательно и счетъ главъ и отличаются правильностію.

врагъ томоу҆, на немже ищють: внегда оу҆бѡ и оу҆мышленїа всѧкого тоу҆жди соу҆ть, тогда послоу҆шьствоу҆ють; а юже ѿ сихъ расоу҆жають соу҆дїа, аще со вниманїемъ словеса простирають и тщатсѧ смысленѣ ѿвѣщевати, и каю равеньства достоить прїимати.

ψογος· εὔπορος, ἢ ἐνδεὴς, ὥστε μὴ διὰ κέρδος τὶ πλημμελεῖσθαι· φίλος τοῦ παράγοντος, ἢ ἐχθρὸς τοῦ καθ' οὗ παρέρχεται· ὅταν γὰρ ὑποψίας ἐστέρηται, τότε μαρτυρεῖ· τὰ δὲ περὶ τούτου διακρίνει ὁ δικαστὴς, εἰ μίαν μεμελετημένην ὁμιλίαν προσφέρουσι, καὶ εἰ πρὸς τὰς πεύσεις πιθανῶς ἀποκρίνονται, καὶ ποῖα τεκμήρια ὀφείλει προσδέχεσθαι.

12. Послоу҆хомъ, а не тѣмъ иже ѿ послоухов слышавши[x][1] вѣровати: в' лице бо испрашаѐми соу҆ть ѿ соу҆дїи послоу҆хове ѿ винахъ великыхъ, и иже[2] не ѿбьꙗвить еже ѿ нѥго предложеное[3], поточенъ да боу҆деть.

ιβ'. Τοῖς μάρτυσι καὶ οὐ τοῖς ἐκμαρτυρίοις πιστευτέον· αὐτοπροσώπως γὰρ ἐρωτῶνται παρὰ τῶν δικαστῶν ἐπὶ τῶν ἐγκλημάτων, καὶ ὁ μὴ δεικνὺς τὸ παρ' αὐτοῦ προτεθὲν ἐξορίζεται.

13. Ѿць и снъ волный и двâ брата подъ ѿвластїю ѿнею[4] могоу҆ть послоу҆шьствовати ѿ вещи: не бо пакостить ѿ единого домоу҆ многымъ ѿ чюжей вещи послоу҆шьствовати.

ια'. Πατὴρ καὶ υἱὸς ὑπεξούσιος καὶ δύο ἀδελφοὶ συνυπεξούσιοι δύνανται μαρτυρεῖν ἐν πράγματι· οὐδὲν γὰρ βλάπτει ἐξ ἑνὸς οἴκου πολλοὺς ἐν ἀλλοτρίῳ πράγματι μαρτυρεῖν.

14. Аще вси послоу҆шьствоу҆ющей тоюже чти и имовѣрїа боу҆доу҆ть, и аще перечать промежи себе, не болшѣй (sic) странѣ вѣровати, нѡ вѣдоу҆щимъ вещи и мнѣнїа, и вражды и дроу҆жбы лишеныхъ и оу҆крѣпленыхъ по души соу҆дьею и по ѿбычаемъ: не бѡ множьствоу҆ достоить вѣровати, нѡ вѣрѣ и цѣлости послоу҆ховъ.

ιγ'. Ἐὰν πάντες οἱ μαρτυροῦντες τῆς αὐτῆς τιμῆς καὶ ὑπολήψεως ὦσι, καὶ ἐναντιωθῶσιν ἀλλήλοις, οὐ πάντως τὸ μεῖζον μέρος πιστεύεται, ἀλλὰ τὸ συμβαῖνον τῇ φύσει τοῦ πράγματος, καὶ ὑπονοίας ἔχθρας ἢ φιλίας ἐστερημένον, καὶ βεβαιούμενον ἀπὸ τῆς ψυχῆς τοῦ δικαστοῦ καὶ τεκμηρίων· οὔτε γὰρ τῷ πλήθει δεῖ πιστεύειν, ἀλλὰ τῇ πίστει καὶ τῇ ἀκεραιότητι τῶν μαρτύρων.

15. Нищїи не послоу҆шь-

κβ'. Οἱ πένητες οὐ μαρτυροῦσι· πένης δέ ἐστιν ὁ μὴ ἔχων πεντήκοντα νομισμάτων περιουσίαν.

---

[1] слышавши Б.— [2] Въ нашемъ подлинникѣ и у Башилова: ниже; исправлено по смыслу.— [3] предложное Б.— [4] отчию. Б.

ствоуеть: нищь бо есть, иже не имѣеть на пятьдесятъ перепе-ровъ имѣніа.

16. Не послоушьствоуеть свободный на Ѿчима или на сна его [1].

17. Не послоушьствоуеть меньши двоюдесяти лѣтъ, ниже иже въ Ѿбщемъ соудилищи Ѿсоуженый, или же во оузахъ бывъ или во Ѿбчюю темницю въверженый, или иже Ѿбличенъ мьздоу пріемъ послоушьствовати, аще и не послоушьствовавъ боудеть.

18. Нѣсть достойновѣренъ послоухъ, иже повелѣнь бывъ мочи послоушьствовати.

19. Рабъ не послоушьствоуеть [2].

20. Ѿсоуженый Ѿ прелюбодѣйствѣ не послоушьствоуеть.

21. Снъ Ѿцю, или Ѿць снoу не послоушьствоуеть Ѿ каковой либо своей вещи.

22. Иже на кого послоушьствовавъ, не послоушьствоуеть пакы Ѿ немъ.

23. И поспѣшьствовавый или ходатайствовавый Ѿ вещи не послоушьствоуеть Ѿ той.

24. Никтоже истяжется на себе послоухы привести, но достоить ищющомоу, якоже хощеть, съставити свое правдословіе.

κγ′. Οὐ μαρτυρεῖ ἀπελεύθερος κατὰ πάτρωνος ἢ παιδὸς αὐτοῦ.

κδ′. Οὐ μαρτυρεῖ ὁ εἴκοσιν ἐτῶν ἥττων, οὔτε ὁ ἐν δημοσίῳ δικαστηρίῳ καταδικασθεὶς καὶ μὴ ἀποκαταστὰς, ἢ ἐν δεσμοῖς ἢ ἐν δημοσίᾳ φρουρᾷ βληθεὶς, οὔτε ὁ ἐλεγχθεὶς λαβεῖν χρήματα ἐπὶ τῷ μαρτυρῆσαι, ἢ μὴ μαρτυρῆσαι.

κε′. Οὐκ ἔστιν ἀξιόπιστος μάρτυς ὁ κελεύεσθαι δυνάμενος ἐπὶ τῷ μαρτυρῆσαι.

κη′. Δοῦλος οὐ μαρτυρεῖ.

κς′. Ὁ καταδικασθεὶς περὶ μοιχείας οὐ μαρτυρεῖ.

κζ′. Ὁ υἱὸς πατρὶ, ἢ πατὴρ υἱῷ οὐ μαρτυρεῖ, οὔτε οἱοσδήποτε ἐν ἰδίῳ πράγματι.

κθ′. Ὁ κατά τινος ἤδη μαρτυρήσας οὐ μαρτυρεῖ πάλιν κατ᾽ αὐτοῦ.

λ′. Ὁ συνηγορήσας ἢ ἐκβιβάσας ἐν ὑποθέσει οὐ μαρτυρεῖ ἐν αὐτῇ.

λα′. Οὐδεὶς ἀπαιτεῖται καθ᾽ ἑαυτοῦ μάρτυρας ἀγαγεῖν· ἀλλὰ χρὴ τὸν ἐνάγοντα, ὡς βούλεται, συστῆσαι τὰς ἰδίας δικαιολογίας.

---

[1] своего К. — [2] на осподаря — замечательно прибавляетъ К.

25. Оудръжанъ есть послоушьствовати младый възрастомъ, рабъ, глоухъ, нѣмъ, лихымъ недоугомъ ѿдръжимый, блоудникъ, сы҆нъ под ѡ҆власті҆ю сы҆й, внегда ѿц҃ь его инымъ написанъ боудеть наслѣдникъ.

26. Аще кто единого человѣка предъложеніе списаніемъ приноситъ, непріятно есть таковоє послꙋшьство [1].

27. Родители и чада, дроугъ на дроуга глаголюще, да не приꙗти боудоуть.

28. Ниже [ѿ] ѡ҆сподари, ниже на ѡ҆сподарѧ рабъ или ѡ҆словоженый да не послоушьствоуеть.

29. Да не поноуженъ боудеть никтоже на себе приводити послоуховъ.

30. Послоухове, ѿ соудїи къ послоушьствоу приводими [2], первѣе оубо бес клѧтвы в двоих и҆ли в трих и҆стѧзаніи, еже вѣдаю да гл҃ють: и҆ аще ѿ и҆ско[мѣ]мъ ѡ҆бращутсѧ гл҃ще что, тогда и҆ кленоутсѧ.

31. Далече пребывающе послоухове в господскых слоужбах, в мѣстѣх да не понꙋжени бꙋдꙋт прїити, но посланикы к нимъ посылаемы, ꙗ҆же имꙋт вѣдати, тѣ приказавъ послоушествують.

---

[1] Въ началѣ этой статьи у Башилова и въ нашемъ подлинникѣ стоятъ слова: Єдинъ послоухъ. Это, очевидно, особое оглавленіе къ статьѣ.

[2] Здѣсь, т. е. на слогѣ при обрывается текстъ въ нашемъ подлинникѣ и у Башилова. Конецъ этой и слѣдующая глава взяты изъ сборника Барсова.

λγ΄. Κωλύεται μαρτυρεῖν ἄνηβος, οἰκέτης, κωφὸς, ἄλαλος, μαινόμενος, ἄσωτος, υἱὸς ὑπεξούσιος, ὅτε ὁ πατὴρ αὐτοῦ παρ᾽ ἄλλου γραφῇ κληρονόμος.

λϛ΄. Ἐάν τις ἑνὸς ἀνθρώπου κατάθεσιν ἐν ἐκσφραγίσματι προφέρῃ, οὐ δεκτή ἐστιν ἡ τοιαύτη μαρτυρία.

Οἱ γονεῖς καὶ τὰ τέκνα κατ᾽ ἀλλήλων λέγοντες μὴ προσδεχέσθωσαν.

Μήτε ὑπὲρ δεσπότου, μήτε κατὰ δεσπότου δοῦλος ἢ ἀπελεύθερος μαρτυρείτω.

Μὴ ἀναγκαζέσθω τὶς καθ᾽ ἑαυτοῦ παράγειν μάρτυρας.

Οἱ μάρτυρες ἐπὶ τῶν δικαστῶν εἰς μαρτυρίαν ἀγόμενοι πρῶτον μὲν ἄνευ ὅρκου ἐπὶ β΄ ἢ γ΄ ἀνακρίσεσι τὰ τῆς εἰδήσεως αὐτῶν λεγέτωσαν, καὶ ἐὰν περὶ τοῦ ζητουμένου εὑρεθῶσι λέγοντες τίποτε, τότε ὀμνύτωσαν.

Οἱ μακρὰν διάγοντες μάρτυρες ἐν ταῖς χρηματικαῖς ὑποθέσεσι κατὰ τὸν τόπον μὴ ἀναγκαζέσθωσαν παραγίνεσθαι, ἀλλὰ δι᾽ ἐντολέων πρὸς αὐτοὺς στελλομένων τὰ τῆς εἰδήσεως αὐτῶν μαρτυρείτωσαν [1].

---

[1] Ненумерованныя главы взяты изъ Эклоги tit. XIV, capp. 2—6.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Таблица, показывающая параллельныя мѣста греческаго текста Земледѣльческаго устава въ нашемъ изданіи и въ Шестокнижіи Арменопула по изданію Геймбаха.

Наше изданіе.	Арменопулъ.		Наше изданіе.	Арменопулъ.	
Глава.	Титулъ.	Глава.	Глава.	Титулъ.	Глава.
1	I	1	28	III	6
2	»	2	29	»	7
3	»	4	30	II	2
4	»	3	31	VII	2
5	»	5	32	»	1
6	»	6	33	II	3
7	»	9	34	»	4
8	»	8	35	»	5
9	»	20	36	I	19
10	»	21	37	»	18
11	»	10	38	IV	1
12	»	22	39	VI	1
13	»	23	40	»	2
14	»	25	41	II	6
15	»	24	42	»	7
16	»	11	43	VI	3
17	»	12	44	»	4
18	»	13	45	IX	1
19	»	14	46	»	2
20	»	7	47	»	3
21	X	1	48	IV	3
22	II	1	49	»	4
23	III	2	50	»	5
24	»	1	51	»	6
25	»	3	52	VI	5
26	»	4	53	IV	7
27	»	5	54	Нѣ	тъ *

* Источники статей, которыхъ нѣтъ у Арменопула, указаны въ нашемъ изданіи въ примѣчаніяхъ къ ихъ тексту.

Наше изданіе.	Арменопулъ.		Наше изданіе.	Арменопулъ.	
Глава.	Титулъ.	Глава.	Глава.	Титулъ.	Глава.
55.	VI	10	74.	IX	5
56.	VIII	1	75.	I	16
57.	»	2	76.	VI	12
58.	»	3	77.	»	11
59.	VII	4	78.	»	8
60.	II	8	79.	»	9
61.	»	9	80.	V	1
62.	»	10	81.	»	2
63.	»	11	82.	VII	3
64.	VIII	4	83.	X	6
65.	»	5	84.	»	7
66.	I	15	85.	»	8
67.	II	12	86.	»	9
68.	Нѣтъ.		87.	IV	8
69.	Нѣтъ.		88.	Нѣтъ.	
70.	Нѣтъ.		89.	Нѣтъ.	
71.	II	13	90.	Нѣтъ.	
72.	V	4	91.	X	4
73.	IX	4	92.	V	3

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
3	23	Оустиніановыхъ	Оустіановыхъ.
6	24	въ первый	въ первой
20	6	вякосе	всякое.
26	2	въ главѣ 53-й	въ главѣ 59-й.
48	7	неповнинъ	неповиненъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVIII, № 4.

ВЗГЛЯДЪ
НА УЧЕБНУЮ ЧАСТЬ ВЪ РОССІИ
ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ ДО 1782 ГОДА.

Графа Д. А. ТОЛСТАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1885 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Начало учрежденія свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи совпадаетъ съ началомъ XVIII-го столѣтія. Въ 1703 году пасторъ Глюкъ открылъ въ Москвѣ училище, съ курсомъ, приближавшимся къ плану европейскихъ гимназій того времени; послѣ его смерти, оно перешло въ завѣдываніе магистра философіи Іенскаго университета Іогана Вернера Паузе, но уже въ 1706 году уничтожилось.

Въ Петербургѣ существовали въ 1711 году четыре такъ называвшіяся «разноязычныя нѣмецкія школы». Не сохранилось свѣдѣній объ ихъ устройствѣ, но несомнѣнно, что оно было также гимназическое; видно это изъ того, что въ школѣ, состоявшей въ завѣдываніи Павла Веселовскаго, было на 38 учениковъ 9 учителей [1]). Это доказываетъ, что то было не начальное училище, а среднее учебное заведеніе. И эти училища просуществовали, по видимому, не долго: никакого слѣда о нихъ не сохранилось.

Цыфирныя школы.

Первая общая мѣра по народному образованію, долженствовавшая распространяться на всю имперію, относится къ 1714

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2389.

году, когда велѣно было учредить во всѣхъ губерніяхъ такъ называвшіяся цыфирныя школы, для обученія дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, всѣхъ сословій, кромѣ однодворцевъ, ариѳметикѣ и первоначальной геометріи. Эти школы приказано было открыть въ архіерейскихъ домахъ и въ болѣе зажиточныхъ монастыряхъ; ученіе было безплатное, но съ каждаго ученика, кончившаго курсъ и получившаго на то свидѣтельство, учитель, получавшій впрочемъ казенное содержаніе, могъ брать по рублю.

Императоръ Петръ намѣревался ввести этимъ способомъ обязательность ученія въ Россіи, и съ этою цѣлью запретилъ непрошедшимъ этого курса жениться [1]).

Къ сожалѣнію, мѣры исполненія вовсе не соотвѣтствовали широтѣ намѣренія: не было ни учителей, ни надлежащаго помѣщенія для школъ, не было для завѣдыванія ими и спеціальныхъ педагоговъ. Адмиралу графу Апраксину вмѣнено было въ обязанность послать въ каждую губернію по два учителя изъ учениковъ навигаторской школы, прошедшихъ курсъ геометріи и географіи [2]). Очевидно, что двухъ учителей на цѣлую губернію было далеко не достаточно.

Кромѣ того, изъ общности этой мѣры, съ самаго же начала, стали дѣлаться исключенія, именно въ 1716 году освобождены были отъ этого ученія дворянскія дѣти [3]), а въ 1720 году купеческія, или дѣти посадскихъ людей. Если и были нѣкоторыя основанія сдѣлать исключеніе для дворянства, обязаннаго тогда военною службою, съ которою соединялась необходимость грамотности и нѣкоторыхъ познаній въ наукахъ математическихъ, на которыхъ основаны военныя, то для купечества такихъ причинъ не существовало. Оно выставляло предлогомъ, что дѣти его въ школьномъ возрастѣ учатся практически купечеству въ лавкахъ, что отвлеченіе ихъ отъ промысловъ поведетъ за со-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 2762 и 2778.
[2]) Тамъ же № 2979.
[3]) Тамъ же.

бою упадокъ торговли, что будто они сами учатъ своихъ дѣтей [1]). Наконецъ, съ учрежденіемъ Сѵнода, изъяты были изъ этой мѣры дѣти духовенства, на томъ основаніи, что для нихъ будутъ учреждены семинаріи и духовныя училища. Но мѣра эта осуществилась не скоро: въ первое время семинарія была только въ Новгородѣ.

Такъ какъ цыфирныя школы заведены были лишь въ немногихъ городахъ, то приходилось посылать дѣтей для обученія на дальнее разстояніе; такъ изъ Каргополя отсылали ихъ въ Новгородъ, изъ Устюга въ Вологду, изъ Калуги въ Москву, и т. п., и, для предупрежденія побѣговъ, не рѣдко содержали ихъ въ тюрьмахъ или подъ карауломъ.

Цыфирныя школы состояли подъ вѣдомствомъ адмиралтействъ-коллегіи, потому что учителей для нихъ доставляло навигаторское училище. Въ царствованіе Петра, начальникъ этого училища полковникъ и отъ бомбардиръ капитанъ поручикъ Скорняковъ-Писаревъ завѣдывалъ и цыфирными школами. Часто жаловался онъ Сенату на то, что онѣ пусты, и просилъ о понужденіи родителей отдавать въ нихъ своихъ дѣтей. Такъ въ 1719 году онъ писалъ, что изъ приписанныхъ въ Петербургской губерніи школъ Псковской, Новгородской и Ярославской провинцій только въ Ярославской учатся 26 церковно-служительскихъ дѣтей, а «въ прочія школы и ничего учениковъ въ высылкѣ не было». Сенатъ подтверждалъ о принудительной посылкѣ дѣтей въ школы, «дабы, за невысылкою учениковъ, учители безъ дѣла не были и даромъ жалованья не брали» [2]); но эти понужденія не имѣли никакого практическаго результата. Въ слѣдующемъ году въ Московской губерніи было только 70 учениковъ, а въ прочихъ губерніяхъ и того менѣе. Съ самаго учрежденія цыфирныхъ школъ, съ 1714 года по 1722 въ нихъ перебывало всего 1389 учениковъ, а окончило курсъ лишь 93, «а за тѣмъ оставшіе, едва

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 3573.
[2]) Тамъ же № 3447.

не всѣ синодальной команды бѣжали»[1]). По видимому, безуспѣшныя настоянія ревностнаго Скорнякова-Писарева надоѣли Сенату, и онъ запретилъ ему къ себѣ обращаться, а указалъ на адмиралтействъ-коллегію[2]).

Видно, что правительство не знало, что предпринять съ этими цыфирными школами и старалось всячески отъ нихъ отдѣлаться. Въ 1723 году ему удалось передать эти школы въ Новгородской губерніи духовному вѣдомству, по тому уваженію, что въ нихъ было болѣе 500 учениковъ духовнаго званія, тогда какъ всѣхъ другихъ сословій считалось не болѣе 30, что грамматическое ученіе духовныхъ училищъ полезно слить съ ариѳметическимъ, и что единство управленія выгодно для школъ. На этомъ основаніи цыфирныя школы въ Новгородской губерніи соединены были съ архіерейскими. Сенатъ желалъ пойдти далѣе, именно обобщить эту мѣру слiянія обоего рода, по правдѣ сказать, не дѣйствительно существовавшихъ, а только предполагавшихся школъ во всей имперіи, но не могъ этого сдѣлать, потому что Сѵнодъ сообщилъ, что «въ прочихъ епархіяхъ архіерейскія школы еще не опредѣлены»[3]).

Уже въ царствованіе Императрицы Екатерины I мѣра эта была принята, но не исполнена. Сенатъ находилъ, что въ цыфирныхъ школахъ учениковъ весьма мало, да и тѣ почти всѣ духовнаго происхожденія, что убыточно производить вдвойнѣ жалованье учителямъ какъ въ этихъ, такъ и особо въ архіерейскихъ школахъ, и нанимать или строить для нихъ двойныя помѣщенія; потому въ 1726 году соединилъ цыфирныя школы со школами духовнаго вѣдомства и передалъ ихъ въ вѣдѣніе Сѵнода[4]). Однако это распоряженіе не было приведено въ исполненіе, Сѵнодъ взглянулъ на дѣло иначе, и нашелъ, что «тѣ школы

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 4975.
[2]) Тамъ же № 3703.
[3]) Тамъ же № 4326.
[4]) Тамъ же № 4975.

до духовнаго правительства не подлежатъ»[1]). Такимъ образомъ, эти школы оставались нѣкоторое время какъ бы внѣ всякаго вѣдѣнія, пока въ 1731 году не были переданы опять въ управленіе адмиралтействъ-коллегіи[2]). Наконецъ, въ 1744 году цыфирныя школы соединены были съ гарнизонными[3]), о которыхъ скажемъ ниже.

И такъ, широко задуманный Императоромъ Петромъ планъ всеобщаго обязательнаго обученія не удался, потому что не было принято никакихъ мѣръ для его исполненія, и въ теченіе 30-ти лѣтъ цыфирныя школы существовали почти лишь по имени.

Между тѣмъ, для кипучей государственной дѣятельности Петра нужны были люди, и этихъ людей требовалось приготовить поскорѣе.

Съ этою утилитарною цѣлью учреждены были навигацкая и инженерная школы, предписано было въ 1719 году послать къ доктору Блументросту, для приготовленія въ лѣкаря, 30 солдатскихъ дѣтей, подготовленныхъ нѣсколько въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ[4]). Въ 1721 году велѣно было учредить школу для приготовленія къ гражданской службѣ, куда помѣщать дѣтей приказныхъ, и обучать въ ней грамотности (стилю письма), ариѳметикѣ и счетоводству, съ тѣмъ, чтобы только окончившіе въ ней курсъ имѣли право на опредѣленіе въ службу[5]). Едва-ли, впрочемъ, училище это было открыто, потому что впослѣдствіи никакого упоминанія о немъ не встрѣчается. Въ 1725 году предписано было прислать изъ главнѣйшихъ городовъ въ Петербургъ 35 купеческихъ дѣтей, и раздать ихъ капиталистамъ для того, чтобы подъ ихъ руководствомъ изучали торговлю[6]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 9054.
[2]) Тамъ же № 5788.
[3]) Тамъ же № 9054.
[4]) Тамъ же № 3375.
[5]) Тамъ же № 3845.
[6]) Тамъ же № 4731.

Въ тѣхъ же практическихъ видахъ, выписывались иностранцы изъ чужихъ краевъ и русскіе посылались за границу. Въ 1715 году поручено было генералу Вейде вызвать изъ иностранныхъ государствъ, а также и изъ Лифляндіи, образованныхъ практическихъ юристовъ, для опредѣленія ихъ въ коллегіи [1]).

Въ 1716 году приказано было выбрать въ московскихъ латинскихъ школахъ пять хорошихъ учениковъ и отправить ихъ въ Персію къ посланнику Волынскому, для изученія тамъ языковъ арабскаго, турецкаго и персидскаго [2]). Въ томъ же году приказано было послать въ Кенигсбергъ 40 подъячихъ, отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ отъ роду, «молодыхъ робятъ добрыхъ и ученыхъ, которые бы могли науку воспріять», и тамъ учить ихъ по нѣмецки, «дабы удобнѣе въ коллегіумѣ были, и послать за ними надзирателя, чтобы они не гуляли» [3]).

Академія Наукъ.

Самое важное по учебной части учрежденіе, задуманное Императоромъ Петромъ и приведенное въ исполненіе его преемницею, было основаніе Академіи Наукъ. Страна вовсе не была подготовлена для высшаго ученаго учрежденія; государь сознавалъ это, въ указѣ объ основаніи Академіи прямо говорится: «прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ нѣтъ, въ которыхъ бы молодые люди началамъ обучиться, и потомъ выше градусы наукъ воспріять, и угодными себя учинить могли»; точно также видѣлъ государь, что недостаточно имѣть одни среднія учебныя заведенія, что должны быть и высшія, то есть университеты, какъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ; и не смотря на все

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2928.
[2]) Тамъ же № 2978.
[3]) Тамъ же № 2997.

это рѣшился учредить прямо Академію Наукъ. Онъ полагалъ возможнымъ достигнуть разомъ трехъ цѣлей, именно созданіе высшаго ученаго, высшаго учебнаго и средне-учебнаго заведенія — въ одной Академіи Наукъ, дабы, какъ сказано въ указѣ объ ея основаніи, «такимъ бы образомъ одно зданіе, съ малыми убытками, тое же бы съ великою пользою чинило, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія чинятъ».

Академическая гимназія.

Гимназія была раздѣлена на два отдѣленія—низшее и высшее; первое называлось нѣмецкою школою и состояло изъ трехъ классовъ, второе носило названіе латинской школы, заключавшей въ себѣ два, а иногда три класса. Такъ какъ учители долгое время были нѣмцы, то и преподаваніе въ низшихъ классахъ происходило на нѣмецкомъ языкѣ, а въ старшихъ на латинскомъ, съ помощію нѣмецкаго. Устава гимназіи никогда издано не было; сами директоры составляли уставы, по своему усмотрѣнію, и это право предоставлялось имъ контрактами, заключавшимся съ ними при вызовѣ ихъ изъ заграницы. Предметы преподаванія то прибавлялись, то уменьшались; такъ напримѣръ, введены были итальянскій и англійскій языки, а одно время и фортификація. Управленіе гимназіею усложнялось подчиненіемъ ея Академіи: обыкновенно одинъ изъ академиковъ назначался главнымъ начальникомъ гимназіи съ званіемъ инспектора, и, кромѣ него, были еще ректоръ и конректоръ, обязанности и отношенія коихъ между собою не были точно опредѣлены. Впослѣдствіи въ помощь учителямъ назначались студенты, еще продолжавшіе ученье въ университетѣ. Ученики не обязаны были проходить полный гимназическій курсъ, а, по желанію своихъ родителей, выбирали изъ него только нѣкоторые предметы, обыкновенно новые языки. Въ первые годы учрежденія гимназіи въ нее поступали дѣти хорошихъ фамилій, но это продолжалось недолго, гим-

назія наполнялась учениками изъ низшихъ сословій, и въ особенности солдатскими дѣтьми, которыхъ иногда назначали изъ гвардейскихъ полковъ по наряду; позже стали принимать въ нее семинаристовъ; поступавшіе въ гимназію были иногда 20-ти лѣтніе. Но всѣ эти принудительныя мѣры не умножали значительно числа учениковъ гимназіи, и изъ нихъ весьма немногіе поступали въ университетъ. Съ цѣлію укомплектованія гимназіи, открыто было при ней въ 1765 году малолѣтнее отдѣленіе, но изъ него немного учениковъ переходило въ гимназію. Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ открытія гимназіи, въ ней было только 70 учениковъ [1]).

Академическій университетъ.

Университетъ былъ безъ профессоровъ и безъ студентовъ. Академики, долгое время исключительно иностранцы, отрываемые отъ своихъ ученыхъ трудовъ чтеніемъ лекцій, весьма неохотно занимались преподаваніемъ. Изъ Германіи выписаны были въ 1726 году восемь студентовъ, содержавшихся на казенный счетъ, изъ нихъ пять сдѣлались впослѣдствіи извѣстными учеными, именно: Миллеръ, Крафтъ, Вейпрехтъ, Крамеръ и Гмелинъ. Для наполненія аудиторій, профессора ходили на лекціи другъ къ другу, адъюнкты увеличивали также число слушателей [2]). Всѣ исходившія отъ президентовъ понужденія академиковъ къ преподавательской дѣятельности ни къ чему не приводили. Въ 1747 году введены были въ составъ Академіи отдѣльные пять профессоровъ собственно для преподаванія, но и эта мѣра оказалась также безуспѣшною.

Послѣ 1726 по 1732 годъ не встрѣчается въ протоколахъ Академіи ни упоминанія о студентахъ, ни опредѣленій о выдачѣ имъ содержанія, конечно потому, что по распредѣленіи при-

---

[1]) См. Протоколы Академіи Наукъ.

[2]) Müller. Zur Geschichte der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. (Рукопись).

везенныхъ изъ Германіи студентовъ къ разнымъ должностямъ,— такъ называемый университетъ въ дѣйствительности не существовалъ. И гораздо позже находимъ то же явленіе; такъ въ протоколахъ Академіи за 1753 годъ читаемъ: «при университетѣ никакихъ лекцій нѣтъ, кромѣ лекцій профессора Броуна». Въ 1757 году Президентъ Академіи графъ Разумовскій писалъ: «Отъ давняго уже времени ни одинъ профессоръ въ университетѣ лекцій не читаетъ, и академическіе студенты находятся безъ всякаго ученія».

Однако, такъ какъ университетъ долженствовалъ быть по уставу Академіи, то стали набирать студентовъ изъ немногихъ бывшихъ тогда духовно-учебныхъ заведеній, именно изъ Александровской и Новгородской семинарій, и въ особенности изъ Московской славяно-греко-латинской Академіи, по большей части мало подготовленныхъ для высшаго преподаванія, такъ что имъ приходилось доучиваться въ гимназіи, «ибо они отъ профессоровъ «принимать лекціи не гораздо еще въ хорошемъ состояніи». Въ 1733 году взято было въ студенты 12 учениковъ изъ Московской Спасской школы; лучшіе изъ нихъ посланы были въ ученую экспедицію въ Камчатку, а остальные оставались безъ призрѣнія и безъ лекцій. Въ 1736 году вновь набрано было въ той же школѣ 12 воспитанниковъ, и точно также ничему не обучались, потому что академики ничего не преподавали. Они жаловались на это Сенату, который и вмѣнилъ въ обязанность академикамъ читать лекціи, «что̀ нѣсколько времени и продолжалось», пишетъ Ломоносовъ, «и по экзаменѣ даны имъ добрые аттестаты, для показу; а произведены лучшіе въ переводчики, и прочіе жъ распредѣлены по другимъ мѣстамъ, и лекціи почти совсѣмъ прекратились».

Въ 1743 году при Академіи въ дѣйствительности не было никакого университета. При вступленіи въ президенты Академіи графа Разумовскаго, изъ прежнихъ академическихъ воспитанниковъ оставалось только двое.

24 іюня 1747 года изданъ былъ регламентъ Академіи

Наукъ, по которому въ академическомъ университетѣ положено было 12 каѳедръ и 30 студентовъ. Въ слѣдующемъ году поручено было Тредіаковскому выбрать въ это число студентовъ учениковъ изъ семинарій Новгородской, Александро-Невской и изъ Московскихъ училищъ Спасскаго монастыря, что̀ и было имъ исполнено. Шесть академиковъ назначены были къ чтенію лекцій: теоретической и практической астрономіи, анатоміи, физіологіи, химіи, механики и ботаники. Въ 1748 же году составленъ былъ Тепловымъ проектъ устава этого университета, который былъ утвержденъ графомъ Разумовскимъ 10 августа 1750 года.

Но уставъ не исполнялся. Въ концѣ царствованія Императрицы Елизаветы, когда учебныя заведенія Академіи поручены были Ломоносову, онъ соединилъ студентовъ въ общежитіе, обязалъ пять академиковъ читать лекціи, и побудилъ графа Разумовскаго объявить 14 февраля 1760 года правила для университета, раздѣленнаго на три факультета: философскій, юридическій и медицинскій.

И это мало помогло дѣлу. Ломоносовъ находилъ причину всѣхъ неустройствъ этого, такъ называемаго, университета въ томъ, что онъ не имѣлъ привилегій, и потому хлопоталъ о дарованіи разныхъ правъ учащимся, а главное учащимъ, какъ-то: чиновъ, пенсій, и т. п. Заинтересовавъ въ этомъ И. И. Шувалова, онъ былъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣ своихъ ходатайствъ до такой степени, что сочинилъ уже и рѣчь на случай торжественнаго открытія привилегированнаго университета: но кончина Императрицы Елизаветы положила конецъ этимъ надеждамъ.

Извѣстный академикъ, и исторіографъ Миллеръ находилъ: 1) «что прежде привилегіи, надлежитъ опробовать университетскій регламентъ, потому что объ ономъ въ привилегіи упоминается, яко объ опробованномъ, 2) что прежде инавгураціи, стараться должно о снабденіи университета довольнымъ числомъ профессоровъ во всѣхъ факультетахъ, потому что во всѣхъ факультетахъ градусы давать предложено; что надобно стараться

о умноженіи числа студентовъ, а особливо такое учрежденіе учинить, дабы и дворянство могло пріохочивано быть къ отдачѣ своихъ дѣтей въ университетъ, для обученія ученыхъ языковъ и наукъ, 3) а прежде какъ университетъ въ такомъ состояніи будетъ, не думаю я, что инавгурацію учинить должно, потому что она значитъ полнаго университета совершенство» [1]).

Но до этого было весьма далеко: университетъ существовалъ только по имени. «При Академіи Наукъ», писалъ Ломоносовъ, «не только настоящаго университета не бывало, но еще ни образа, ни подобія университетскаго не видно» [2]).

Въ сороковыхъ годахъ обязали академиковъ читать публичныя лекціи, разосланы были печатныя о томъ объявленія: но публика на нихъ не являлась [3]).

Занятія профессоровъ со студентами были, такъ сказать, индивидуальныя, по одиночкѣ; иногда, вмѣсто университета, студенты ходили ихъ слушать къ нимъ на дому. Этимъ способомъ академики готовили себѣ помощниковъ, и нерѣдко изъ нихъ образовывались весьма достойные ученые. По окончаніи курса, студентъ производился прямо въ адъюнкты Академіи, и посылался иногда въ германскіе университеты, для дальнѣйшаго образованія.

Этимъ какъ бы буквально исполнялось одно изъ положеній Академіи Наукъ при ея учрежденіи, чтобы академики «нѣкоторыхъ «людей при себѣ обучали, которые бы молодыхъ людей первымъ «фундаментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли».

Число студентовъ не превышало 20-ти, обыкновенно же ихъ было менѣе: чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ учрежденія университета, студентовъ было почти столько же, сколько при его открытіи, именно 9 человѣкъ.

---

[1]) Билярскаго, Матеріалы для біографіи Ломоносова. СПб. 1865 г. стр. 409.

[2]) Чтенія Общества исторіи и древностей россійскихъ. 1865 г. кн. 1, стр. 59.

[3]) Пекарскаго, Исторія Академіи Наукъ. Томъ 2. СПб. 1873 г. стр. 326, 328, 337, 359, 360.

Въ царствованіе Императрицы Елизаветы, академическій университетъ оставался въ прежнемъ жалкомъ состояніи, почти пустымъ, такъ что, по одному свидѣтельству, въ 1763 году университета уже вовсе не было [1]). Въ 1782 году въ университетѣ было только два студента; а въ слѣдующемъ 1783 году княгиня Дашкова, при назначеніи ея Президентомъ Академіи Наукъ, нашла въ университетѣ также только двухъ студентовъ, «которые» прибавляетъ она, «еще ничего не могли переводить даже съ нѣмецкаго» [2]).

Грубость нравовъ того времени, особенно въ средѣ, изъ которой выходили студенты, влекла за собою и грубость обращенія съ ними: студентовъ сѣкли розгами, отдавали въ матросы, а за менѣе важные проступки переводили учениками въ гимназію, съ правомъ однако слушать лекціи въ университетѣ; въ сущности это было денежное взысканіе, такъ какъ содержаніе гимназиста было меньше оклада студента [3]).

И такъ, академическій университетъ былъ въ сущности фикція, а гимназія крайне неудовлетворительная. Но если бы оба эти учрежденія и были устроены правильно и осуществились не на бумагѣ только, а на дѣлѣ, очевидно, что и тогда одна гимназія не могла бы доставить достаточный контингентъ для университета, а одинъ университетъ не былъ бы въ состояніи подготовить достаточное число ученыхъ для Академіи. Нельзя поэтому не признать, что мысль соединенія въ Академіи Наукъ высшаго и средняго учебнаго заведенія была ошибочна, что и подтвердилось послѣдствіями. — Но это еще не самый дурной результатъ неправильно составленнаго плана: если бы только не удались два учебныя заведенія, съ этимъ легко можно было бы примириться. Гораздо хуже неправильное направленіе, данное этимъ учрежденіемъ всему народному образованію: имѣя Академію, университетъ, гимназію, общество пріучилось смотрѣть

---

[1]) Георги, Описаніе столичнаго города Санктпетербурга, стр. 334.
[2]) Архивъ князя Воронцова. Книга 21, стр. 393—394.
[3]) Протоколы Академіи Наукъ.

на себя какъ на европейски образованное, не замѣчая что изъ Европы взята одна внѣшность, одно подобіе образованія, а не его сущность, и такое направленіе продолжалось и впослѣдствіи; оно, къ сожалѣнію, видно и доселѣ; этимъ-то объясняется сопротивленіе извѣстной части общества всякому серьезному ученію, и, если угодно, исторически даже оправдывается, — таково теченіе нашей образованности; идти провивъ него значитъ идти противъ теченія.

Утилитарность, практическая непосредственная примѣнимость ученія для государственныхъ потребностей, составлявшія сущность всѣхъ начинаній Петра по учебной части, продолжали и послѣ него руководствовать правительствомъ.

Гарнизонныя школы.

Въ 1731 году учрежденъ былъ шляхетный кадетскій корпусъ. Въ 1732 году положено было основаніе гарнизонныхъ школъ, при пѣхотныхъ гарнизонныхъ полкахъ, для обученія солдатскихъ дѣтей, отъ 7-ми до 15-ти лѣтъ, для того, чтобы изъ этихъ кантонистовъ набирать впослѣдствіи солдатовъ, «дабы впредь польза государству и въ рекрутахъ облегченіе было» [1]). Школы эти разсчитаны были на 4000 учениковъ, и состояли въ вѣдѣніи комендантовъ. Гарнизонныя школы учреждены были въ Петербургѣ, Кронштадтѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ, Выборгѣ, Кексгольмѣ, Москвѣ, Казани, Смоленскѣ, Астрахани, Воронежѣ, Бѣлгородѣ, въ крѣпости св. Анны и въ Сибири. Съ этими-то гарнизонными школами соединены были въ 1744 году цыфирныя школы, прекратившія такимъ образомъ свое эфемерное существованіе [2]).

Въ 1752 году велѣно было устроить школы на Украинской линіи при шести поселенныхъ тамъ полкахъ: тамбовскомъ, слободскомъ, ефремовскомъ, орловскомъ, бѣлевскомъ и козловскомъ, при которыхъ поселены были однодворческія слободы для одно-

---

[1]) Полное Собр. Зак. № 6188.
[2]) Тамъ же № 9054.

дворческихъ дѣтей, всего на 150 учениковъ, полагая по 25-ти на школу. Учителемъ въ школу назначался оберъ-офицеръ расположеннаго въ слободѣ полка, а помощникомъ ему опредѣлялся ротный писарь или унтеръ-офицеръ; инженерные и артиллерійскіе офицеры должны были обучать въ нихъ своимъ спеціальностямъ [1]).

Приготовленіе лѣкарей и повивальныхъ бабокъ.

Лѣкаря и аптекаря приготовлялись, по прежнему, практически при госпиталяхъ и аптекахъ, подъ руководствомъ иностранныхъ медиковъ, которые преподавали на латинскомъ языкѣ. Въ открытомъ въ 1707 г. въ Москвѣ госпиталѣ вызванный изъ Голландіи врачъ Бидлоо, до самой смерти своей въ 1735 г., обучалъ, преимущественно практически, наглядно, набранныхъ изъ славяно-греко-латинской академіи учениковъ; ихъ полагалось имѣть 50 человѣкъ, но рѣдко комплектъ этотъ наполнялся, вслѣдствіе затрудненій, встрѣчавшихся отъ духовнаго вѣдомства, нуждавшагося въ своихъ ученикахъ для потребностей церкви. Въ 1733 г. устроены были медицинскія школы въ Петербургѣ при госпиталяхъ сухопутномъ и морскомъ на 20 учениковъ; въ Кронштадтскомъ госпиталѣ содержалось ихъ сначала 8, а въ 1735 г. прибавлено еще 7. Въ эти школы поступали обыкновенно дѣти петербургскихъ иностранныхъ мастеровыхъ и ремесленниковъ [2]). Въ 1754 году приказано было прислать въ госпитали и аптеки студентовъ изъ семинарій Кіевской, Харьковской, Черниговской и Переяславской и изъ Московской славяно-греко-латинской академіи [3]).

Въ томъ же году, по предложенію лейбъ-медика Кондоиди, положено было открыть по одной школѣ въ Москвѣ и Петербургѣ, для образованія присяжныхъ повивальныхъ бабокъ, и

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 9972.
[2]) См. Чистовича, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 10196.

назначить въ нихъ преподавателями по одному доктору и по одному лѣкарю, съ наименованіемъ первыхъ профессорами «бабичьяго дѣла», а вторыхъ акушерами. Въ Москвѣ полагалось имѣть 15, а въ Петербургѣ 10 повивальныхъ бабокъ, а потомъ, когда число ихъ умножится, опредѣлить по одной бабкѣ въ каждый губернскій городъ, а позже и въ каждый провинціальный городъ, «дабы современемъ ими все государство удовольствовать» [1]).

Число учениковъ въ петербургскомъ госпиталѣ увеличено было въ 1765 году до 50-ти.

Въ 1755 году учрежденъ былъ Московскій университетъ, но плоды его ученой дѣятельности явились гораздо позже.

Недоросли изъ дворянъ подвергались, по прежнему, экзамену въ разные сроки, смотря по ихъ возрасту до 20-ти лѣтъ, когда опредѣлялись въ службу [2]).

Проектъ И. И. Шувалова объ учрежденіи гимназій и школъ.

И. И. Шувалова озабочивало безпомощное положеніе дворянскихъ дѣтей, какъ въ учебномъ, такъ и въ служебномъ отношеніи. Не получая никакого образованія, и теряя напрасно первые юношескіе годы, они поступали потомъ на службу солдатами, подвергались побоямъ за неисправности по службѣ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ производились въ унтеръ-офицеры, да и къ этой должности не всегда были подготовлены, «по снисхожденію командировъ, ибо всякому совѣстно, взыскивая строгую исправность, бить своего брата дворянина за малый проступокъ».

Въ ноябрѣ 1760 года Шуваловъ вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ о томъ, чтобы не требовать дворянскихъ дѣтей на службу до 18-ти лѣтняго возраста, чтобы до тѣхъ поръ они учились, а, по выдержаніи экзамена, производились прямо въ офицеры, какъ ученики кадетскаго корпуса.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 10214.
[2]) Тамъ же № 7171.

Но какъ и гдѣ могли они учиться? Въ этомъ именно и было непреодолимое затрудненіе: немногія учебныя заведенія существовали только въ двухъ столицахъ, да только что открылась гимназія въ Казани, а дворянскія дѣти разсѣяны были по всей имперіи. При томъ, и малочисленныя тогда училища были вообще не въ цвѣтущемъ состояніи.

«По всевысочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ, по представленію Правительствующаго Сената», писалъ Шуваловъ, «я удостоенъ быть куратором московскаго университета. Съ крайнимъ сожалѣніемъ представить долженъ, что успѣхи не соотвѣтствуютъ Императорскаго Величества волѣ; многія тому препятства, которыхъ я отвратить не въ состояніи, если основаніе воспитанія перемѣнено не будетъ, о чемъ одинъ приступъ имѣю честь представить Правительствующему Сенату».

Этотъ именно *приступъ* и составляетъ существенную заслугу Шувалова по народному образованію: онъ первый понялъ, въ свое время, что единичныхъ, на перечетъ тогда бывшихъ учебныхъ заведеній недостаточно для просвѣщенія обширнаго государства, что образованіе нужно обобщить, сдѣлать всѣмъ доступнымъ, всеобщимъ, по крайней мѣрѣ, для дворянства, которое одно тогда училось, и что система образованія должна быть обще-европейская.

Шуваловъ предложилъ учредить въ большихъ городахъ гимназіи, а въ малыхъ городахъ—школы грамотности, въ которыхъ можно было бы приготовлять дѣтей къ гимназіямъ. По окончаніи гимназическаго курса, юноши должны были переходить въ кадетскій корпусъ или въ университетъ, и, по окончаніи тамъ образованія, поступать въ военную или гражданскую службу.— «И когда дворяне», прибавлялъ Шуваловъ, «выучась, по примѣру европейскихъ государствъ, прямо чины офицерскіе получать станутъ, не служа солдатами и унтеръ-офицерами, то польза будетъ слѣдующая: употреблять способныя свои лѣта къ полезному ученію, получать чины, сходные съ ихъ рожденіемъ, и не будутъ штрафованы неприличнымъ дворянину наказаніемъ». Шуваловъ

полагалъ, что учрежденіе цѣлаго такого ряда учебныхъ заведеній, по тогдашней дешевизнѣ жизни во внутреннихъ губерніяхъ, не обойдется слишкомъ дорого», впрочемъ прибавлялъ: «да если бы оное и великаго содержанія стоило, но, въ разсужденіи изъ того великой пользы, ни за что почесть должно».

Въ наше время, этотъ проектъ, конечно, представляется односторонним, узкимъ, сословнымъ, исключительно дворянскимъ, но въ эпоху его составленія только одно дворянство, и то въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, было въ состояніи цѣнить образованіе, и если бы плодами его воспользовалось это сословіе, то можно было бы сказать, что оно распространилось на всю страну, разумѣя подъ этимъ именемъ всѣхъ тѣхъ, которые сознавали потребность въ просвѣщеніи.

Сенатъ, одобривъ патріотическое усердіе Шувалова, предоставилъ ему развить его мысль, представивъ подробности устройства и содержанія предполагавшихся имъ гимназій и школъ, и для того уполномочилъ его обратиться ко всѣмъ учрежденіямъ, которыя могутъ быть полезными въ этомъ дѣлѣ, и въ томъ числѣ въ Академію Наукъ [1]).

По порученію Сената, И. И. Шуваловъ просилъ академиковъ составить ему свои соображенія: 1) въ какихъ именно городахъ должны быть учреждены гимназіи и школы, и 2) какимъ наукамъ слѣдуетъ въ нихъ обучать.

На эти вопросы отвѣчали академики Браунъ, Цейгеръ, Фишеръ, Котельниковъ и адъюнктъ академіи Протасовъ. Академики Миллеръ, Эпинусъ и Модерахъ присоединились къ мнѣніямъ Брауна и Цейгера, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ со стороны Эпинуса.

Впрочемъ, на первый вопросъ не послѣдовало положительнаго отвѣта: одни извинялись незнаніемъ Россіи, другіе указывали, въ общихъ выраженіяхъ, на обширные портовые и вообще зна-

---

[1]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1858 г. Книга 3, въ Отдѣлѣ «Смѣсь», стр. 113—121. Полное Собраніе Законовъ № 11144.

чительные города, въ которыхъ много дворянъ, чиновниковъ и богатыхъ купцовъ, и въ окрестностяхъ коихъ живетъ дворянство, гдѣ слѣдовало бы открыть гимназіи; академикъ Фишеръ назвалъ прямо Казань, но тамъ уже въ то время гимназія была учреждена.

Что касается до курса, который слѣдовало бы установить для гимназій и школъ, и до связи обоего рода этихъ учебныхъ заведеній между собою, то, по видимому, сословное значеніе, которое давалъ имъ Шуваловъ, подало поводъ и академикамъ предложить для нихъ курсъ не общій для всѣхъ учениковъ, а видоизмѣняющійся, соотвѣтственно съ тѣмъ званіемъ, къ которому каждый себя готовилъ. Всѣ они, за исключеніемъ Котельникова, полагали особые планы преподаванія для учениковъ, предназначавшихся къ высшему образованію, какъ дворяне и желающіе быть учеными, и другой курсъ для купеческихъ дѣтей, также различный для мальчиковъ низшихъ сословій. Для первыхъ считали необходимымъ изученіе не только латинскаго, но и греческаго языка, для купцовъ — англійскаго и голландскаго языковъ, для будущихъ военныхъ нѣкоторыя военныя науки, какъ-то—фортификацію, артиллерію и т. п. Съ наибольшею опредѣленностію разъяснилъ эту мысль академикъ Цейгеръ: онъ предлагалъ раздѣлить какъ школу, такъ и гимназію на отдѣлы (Abtheilungen oder Stufen), изъ которыхъ каждый заключалъ бы въ себѣ нѣсколько классовъ; въ нижнемъ отдѣлѣ всѣ предметы преподаванія, въ томъ числѣ латинскій языкъ, должны быть обязательными для всѣхъ учениковъ; въ слѣдующемъ—второмъ отдѣлѣ только не многіе ученики освобождались изъ изученія нѣкоторыхъ предметовъ; въ третьемъ отдѣлѣ приготовлять будущихъ ученыхъ основательнымъ ученіемъ латинскаго и греческаго языковъ и ихъ литературы, и въ четвертомъ—тѣхъ, которые предназначаютъ себя для службы.

Неосновательность этого взгляда такъ очевидна, что не стòитъ на ней и останавливаться: ни въ какомъ ребенкѣ нельзя предвидѣть что изъ него выйдетъ, потому-то общее образованіе и должно быть для всѣхъ одинаковое.

Исходя изъ той же идеи сословности, и находя нужнымъ доставить разнымъ сословіямъ различные пути къ образованію, академикъ Фишеръ указывалъ болѣе практическій путь для осуществленія этой мысли, именно не бифуркацію курса, а учрежденіе особыхъ школъ для разныхъ сословій, какъ-то: для крестьянъ, для купцовъ, дѣти которыхъ должны обучаться въ городахъ; дворяне, приготовляющіеся къ военной службѣ, учатся въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ и т. п.

Курсъ гимназій предлагался весьма разнообразный и многопредметный; въ него включались, напримѣръ, и права естественное и международное и политика, а въ такъ называемыхъ академическихъ гимназіяхъ всѣ вообще юридическія науки, и даже медицина. Но всѣ академики сходились въ томъ, что основаніемъ подготовленія для высшихъ наукъ должны служить studia humanitatis.

Всѣ они также находили, что школы, которыя имѣлись въ виду для небольшихъ городовъ, слѣдуетъ устроить такъ, чтобы онѣ, кромѣ общихъ началъ грамотности, для всѣхъ необходимыхъ, служили бы и подготовительными училищами для гимназій, или низшими ихъ классами, по нынѣшнему были бы прогимназіями, изъ которыхъ ученики переходили бы въ гимназіи, почему всѣ вводили въ ихъ курсъ латинскій языкъ, кромѣ Эпинуса, который, вѣроятно, смотрѣлъ на нихъ, какъ на простыя школы грамотности.

Фишеръ и Протасовъ обратили вниманіе и на выборъ учителей: первый указывалъ, что ихъ слѣдуетъ испытывать въ Академіи, дабы дурнымъ преподаваніемъ несвѣдущихъ людей не вселить въ ученикахъ отвращенія къ наукамъ, а другой настаивалъ на томъ, чтобы они были природные русскіе, что̀, конечно, было желательно, но, по тогдашнему состоянію нашего просвѣщенія, неисполнимо.

Всѣ эти разсужденія изложены лишь въ общемъ видѣ, а не въ формѣ подробнаго положенія, не приложено ни числа уроковъ, ни штатовъ, однимъ словомъ, это были только мысли, не получившія положительной опредѣленности.

Остались онѣ безъ результатовъ, вѣроятно, за послѣдовав-

шею вскорѣ кончиною Императрицы Елизаветы, имѣвшею последствіемъ удаленіе отъ государственныхъ дѣлъ Шувалова. Но за нимъ остается несомнѣнная заслуга предъявленія впервые мысли объ образованіи цѣлаго сословія, что̀ въ то время, какъ уже сказано, было однозначительно со всеобщимъ просвѣщеніемъ страны, гдѣ тогда стояли особнякомъ, единицами, и то только въ столицѣ, нѣкоторыя учебныя заведенія, со спеціальнымъ, по большей части, назначеніемъ [1]).

Въ такомъ положеніи застала учебную часть Императрица Екатерина II; вся она заключалась только въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому мы и постараемся представить ихъ, такъ сказать, біографію.

Морской кадетскій корпусъ.

14 января 1701 года изданъ былъ указъ объ учрежденіи въ Москвѣ, въ Сухаревой башнѣ, въ вѣдѣніи Оружейной палаты, школы «математическихъ и навигацкихъ, то есть мореходныхъ хитростно искуствъ ученія». Директоромъ этой школы назначенъ былъ Фарварсонъ (Farwarson), профессоръ Абердинскаго университета, котораго въ 1698 году Императоръ Петръ I, бывши въ Лондонѣ, пригласилъ перейти въ русскую службу.

Учебный курсъ для этой школы, составленный самимъ Государемъ, вмѣстѣ съ Фарварсономъ, состоялъ изъ ариѳметики, геометріи, тригонометріи, съ ихъ практическими приложеніями къ геодезіи, и въ особенности къ мореплаванію, для чего включены были въ оный навигація и часть астрономіи. Ученики, числомъ 500, поступали въ школу отъ 12-ти до 17-ти лѣтъ, иногда даже до 20-ти. Въ первое время, кромѣ Магницкаго,— всѣ учители были англичане, худо знавшіе русскій

[1]) Дѣла Архива Академіи Наукъ за декабрь 1760 г., подъ № 258. Эти отзывы академиковъ напечатаны у Сухомлинова, *Исторія Россійской Академіи*, Выпускъ 3. Спб. 1876 г. 54—56, 87—90, 328—332, 333—335.

языкъ. Эта школа, въ то время единственное правительственное свѣтское училище въ Россіи, должна была приготовлять молодыхъ людей не только къ морскому дѣлу, но и ко всѣмъ родамъ службы, даже просто обучать грамотѣ. И дѣйствительно изъ нея выходили не только моряки, но и артиллеристы, инженеры, преподаватели во вновь учреждаемыя училища, геодезисты, архитекторы, гражданскіе чиновники, даже писаря и мастеровые.

Этотъ энциклопедизмъ легъ въ основаніе учебныхъ плановъ и впослѣдствіи открытыхъ военныхъ училищъ, перешелъ потомъ всецѣло въ учебный курсъ шляхетнаго кадетскаго корпуса, и, къ сожалѣнію, остался даже въ нихъ и въ наше время.

Въ такомъ составѣ и съ такимъ планомъ ученія навигацкая школа просуществовала 15 лѣтъ. Нѣкоторые изъ окончившихъ въ ней курсъ посылались, подъ именемъ навигаторовъ, на службу въ иностранные флоты, для практическаго пріученія къ морю.

1-го октября 1715 года открыта была въ Петербургѣ морская академія, а московская навигацкая школа осталась какъ бы приготовительнымъ для нея училищемъ, съ однимъ общимъ первоначальнымъ курсомъ, состоявшимъ изъ русской грамоты, ариѳметики, геометріи и тригонометріи, а всѣ спеціальные предметы перенесены были въ курсъ морской академіи. Впрочемъ, курсъ обоихъ училищъ не былъ строго разграниченъ, потому что приходилось принимать вовсе не подготовленныхъ юношей и въ морскую академію, почему при ней, какъ и при навигацкой школѣ, устроены были простыя школы грамотности, такъ называемыя цыфирныя и русскія, гдѣ учили чтенію, письму и ариѳметикѣ. Какъ въ морской академіи, такъ и въ навигаціонной школѣ, науки математическія и морскія долгое время преподавались на англійскомъ языкѣ; даже въ 1739 году находили нужнымъ имѣть для нихъ англичанина, «понеже оныя науки состоятъ на англійскомъ языкѣ».

Морская академія, помѣщенная въ домѣ бывшемъ Кикина, на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго Дворца, состояла изъ 300 юношей, раздѣленныхъ на шесть отдѣленій или бригадъ, по 50-ти въ

каждой, поступившихъ въ нее, по бо̀льшей части, изъ московской навигацкой школы. Въ 1732 году эта академія переведена была въ домъ князя Алексѣя Долгорукова, гдѣ теперь находится академія художествъ.

Съ кончиною Императора Петра I началось паденіе нашего флота, а съ нимъ и морскихъ учебныхъ заведеній. Число учениковъ ихъ постепенно уменьшалось, а такъ какъ въ ученіе назначались тогда недоросли по принужденію, по наряду, то на долю флота стали отводить дѣтей самыхъ бѣдныхъ родителей; ничтожныя суммы, опредѣленныя на содержаніе морскихъ училищъ, не всегда отпускались съ исправностію, и иногда бѣдные ученики не имѣли возможности ходить въ классы, такъ какъ общежитія тогда не было, за неимѣніемъ одежды и обуви. Въ 1731 году, по представленію адмирала Сиверса, число учениковъ въ морской академіи уменьшено было на половину (вмѣсто 300—150), а въ навигацкой школѣ въ пять разъ (вмѣсто 500—100). Но и этотъ комплектъ не наполнялся, и морскія училища постепенно пустѣли [1]). Поддерживалъ ихъ только морской духъ, вдохновенный во флотъ Петромъ, и два выбранныя имъ человѣка, при самомъ учрежденіи училищъ—Фарварсонъ, перешедшій въ морскую академію при самомъ ея открытіи, и Магницкій, оставшійся въ навигаціонной школѣ; оба они отдали имъ всю свою жизнь, около 40 лѣтъ своей дѣятельности (оба они умерли въ 1739 году).

15 декабря 1752 года основанъ былъ морской шляхетный кадетскій корпусъ, въ которомъ слились морская академія и навигаціонная школа; бо̀льшая часть учениковъ ихъ въ него и была переведена; помѣщенъ онъ былъ въ домѣ бывшемъ Мюнниха, въ которомъ и теперь находится; въ началѣ царствованія Императрицы Елизаветы тамъ расположена была придворная итальянская трупа. На содержаніе корпуса назначено было ежегодно 46000 руб.

[1]) Въ 1745 году въ обоихъ училищахъ было только 102 ученика, въ 1746 г.—148.

Въ морскомъ корпусѣ положено было содержать 360 кадетъ, раздѣленныхъ на три роты, а въ учебномъ отношеніи на три класса, но такъ, что въ слѣдующій классъ переводили по экзамену только на открывающіяся вакансіи, отчего нѣкоторые ученики, хотя и достаточно подготовленные, должны были оставаться лишнее время въ томъ же классѣ.

Учрежденіе этого учебнаго заведенія составляло дѣйствительное и весьма важное преобразованіе въ способахъ приготовленія морскихъ офицеровъ; это было существеннымъ улучшеніемъ морскихъ училищъ, пришедшихъ въ совершенный упадокъ. Морской корпусъ является устроеннымъ учебнымъ заведеніемъ, съ обширнымъ интернатомъ. Къ сожалѣнію, образцомъ при организаціи его принятъ былъ сухопутный шляхетный корпусъ, почему и всѣ недостатки его вошли и въ морской, въ которомъ находимъ и ту же многопредметность, и то же многочасіе уроковъ. Кромѣ математическихъ и морскихъ предметовъ, необходимыхъ для этого спеціальнаго училища, въ немъ преподавались и политика, и геодезія, и геральдика, и «прочія шляхетныя науки», и на всѣ эти неспеціальные предметы назначено было только два учителя. Впослѣдствіи число преподаваемыхъ предметовъ еще увеличилось: съ 1764 года находимъ тамъ и философію, и пять иностранныхъ языковъ: французскій, нѣмецкій, англійскій, шведскій и датскій. Въ 1783 году прибавлены были еще: гражданскіе законы, итальянскій языкъ, по случаю частыхъ посылокъ въ Средиземное море, и латинскій для тѣхъ учениковъ, которые, какъ и въ сухопутномъ корпусѣ, готовились на преподавательскія должности, на томъ основаніи, что «нѣтъ ни одного учителя искуснаго, который бы не снискивалъ-бы великаго успѣха въ словесныхъ наукахъ отъ чтенія латынскихъ древнихъ писателей». Такимъ образомъ, со включеніемъ русскаго языка, въ морскомъ корпусѣ преподавались восемь языковъ,—достаточное условіе, чтобы ученики не знали ни одного основательно. Вѣроятно, это и было впослѣдствіи сознано, потому что въ 1792 году исключены были изъ курса гражданскіе

права и языки датскій и шведскій; за то прибавлена была гражданская архитектура. Учебные часы назначены были: отъ 7 до 11-ти утра и отъ 2-хъ до 6-ти, то есть по восьми уроковъ въ день, какъ въ сухопутномъ корпусѣ.

23 мая 1771 года былъ на Васильевскомъ островѣ сильный пожаръ, отъ котораго выгорѣла съ 7-й до 21-й линіи почти половина острова, въ томъ числѣ и зданія Морскаго корпуса. Тогда онъ былъ переведенъ въ Кронштадтъ, что̀ было неблагопріятно для преподаванія, потому что лучшіе преподаватели не могли оставить Петербурга. Въ 1792 году Императрица пожаловала корпусу Ораніенбаумскій дворецъ; но пока производились тамъ пристройки и передѣлки, Императрица скончалась, а по вступленіи на престолъ Императора Павла, Морской корпусъ переведенъ былъ опять изъ Кронштадта въ Петербургъ.

Комплектъ учениковъ корпуса и штатъ его постепенно увеличивались въ продолженіе всего Екатерининскаго царствованія: въ 1764 году прибавлено было на содержаніе корпуса 20000 р., въ 1783 году по случаю увеличенія нашихъ морскихъ силъ, комплектъ корпуса опредѣленъ былъ въ 600 человѣкъ, а штатъ его увеличенъ почти на 46000 р.; въ 1792 году прибавлено еще 75000 р., такъ что годовое содержаніе корпуса обходилось уже въ 187000 руб.

Изъ морскаго кадетскаго корпуса выпущено было: съ 1753 по 1763 годъ 307 человѣкъ а съ 1763 по 1797 годъ 2149 человѣкъ [1]).

Не смотря на заботливость правительства о морскомъ корпусѣ, первая турецкая война показала, что въ русскомъ флотѣ нѣтъ достаточнаго числа искусныхъ и опытныхъ моряковъ, потому не только морскихъ офицеровъ, но и адмираловъ приходилось искать въ иностранныхъ флотахъ, особенно въ англійскомъ

---

[1]) Веселаго. Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса, съ приложеніемъ списка воспитанниковъ за 100 лѣтъ. Спб. 1852 года.

и датскомъ. Случалось, что сухопутный офицеръ командовалъ кораблемъ, а никогда не служившій во флотѣ А. Г. Орловъ не только начальствовалъ надъ цѣлою эскадрою, но и прославилъ флотъ Чесменскою побѣдою. И во вторую турецкую войну, и въ шведскую, недостатки по морской части были очевидны, и иностранцы по прежнему предводительствовали русскими эскадрами; и это понятно, потому что цѣлый рядъ царственныхъ женщинъ, хотя между ними была и Екатерина, не могли замѣнить собою для флота Петра, его создателя и вдохновителя, его руководителя.

Артиллерійскій и инженерный кадетскій корпусъ.

Въ царствованіе Императора Петра I учреждены были въ Москвѣ и Петербургѣ инженерныя школы, въ которыхъ училось также нѣсколько артиллерійскихъ учениковъ, и, кромѣ того, устроены были артиллерійскія школы при бомбардирской ротѣ и при артиллерійскомъ полку, гдѣ обучали ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, черченію, фортификаціи и артиллеріи. Эти школы, послѣ смерти Петра, пришли въ упадокъ.

Въ 1730 году Мюнпихъ устроилъ въ Петербургѣ, на Литейной, артиллерійскую школу на 60 человѣкъ солдатскихъ «пушкарскихъ» дѣтей, извѣстную впослѣдствіи подъ названіемъ артиллерійской ариѳметической школы; но въ ней не обучали ни артиллеріи, ни даже геометріи, приготовляла же она только писарей и мастеровыхъ.

Бывшій послѣ Мюнниха, генералъ-фельдцейхмейстеромъ, принцъ Людвигъ-Вильгельмъ Гессенъ-Гомбургскій учредилъ въ 1735 году въ Петербургѣ «чертежную артиллерійскую школу», соединивъ ее съ Мюнниховскою артиллерійскою школою. Около этого времени открыта была такая же школа въ Москвѣ, близь Сухаревой башни.

Назначенный въ 1756 году генералъ-фельдцейхмейстеромъ, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ соединилъ въ 1758 году

Петербургскую артиллерійскую школу съ инженерною. Въ этой соединенной школѣ было тогда, кромѣ своекоштныхъ, 150 учениковъ изъ дворянъ въ «дворянской школѣ», или «дворянской ротѣ». Въ видѣ отдѣльнаго учебнаго заведенія существовала «соединенная солдатская школа», образовавшаяся изъ соединенія артиллерійской ариѳметической школы съ подобною же инженерною школою.

Въ 1762 году Императрица подтвердила прежній проектъ устройства этого учебнаго заведенія, составленный и выполненный графомъ Шуваловымъ (онъ умеръ въ царствованіе Петра III), съ нѣкоторыми измѣненіями, сдѣланными генералъ фельдцейхмейстеромъ Вильбуа, и наименовала это училище артиллерійскимъ и инженернымъ шляхетнымъ кадетскимъ корпусомъ, опредѣливъ штатъ кадетъ въ 146 человѣкъ.

Кромѣ кадетскаго корпуса, изъ артиллерійской и инженерной школы образовалось еще одно учебное заведеніе, находившееся въ связи съ корпусомъ, именно «школа художества», бывшая «соединенная солдатская школа». Школа эта была назначена для приготовленія артиллерійскихъ унтеръ-офицеровъ и мастеровыхъ, и называлась впослѣдствіи «солдатскою ротою» [1]).

И такъ, впродолженіе полувѣка, инженерныя и артиллерійскія школы не имѣли устойчивости: то созидались онѣ, то уничтожались, или, по крайней мѣрѣ, замирали, то соединялись вмѣстѣ, то раздѣлялись.

Въ 1783 году начальникъ этого корпуса, артиллеріи генералъ-поручикъ Мелиссино представилъ Императрицѣ проектъ преобразованія этого корпуса. 15 іюля 1783 года Государыня поручила Коммисіи объ учрежденіи училищъ обсудить этотъ проектъ. Коммисія отдала его на предварительное разсмотрѣніе Янковича, а потомъ истребовавъ уставъ этого училища и другія о немъ свѣдѣнія, пригласила въ свое засѣданіе П. И. Мелиссино.

---

[1]) Историческій очеркъ образованія и развитія артиллерійскаго училища. 1820—1870 г. Спб. 1870 г. Два тома.

Ознакомившись съ этимъ учебнымъ заведеніемъ, Коммисія нашла, что въ него принимаютъ учениковъ по лѣтамъ, а не по степени учебной подготовки, точно также и переводятъ изъ класса въ классъ, и выпускаютъ кадетовъ по возрасту, а не по ихъ успѣхамъ въ наукахъ, что рота солдатскихъ дѣтей не приноситъ пользы, и что вообще учебный планъ слѣдовало бы составить на болѣе правильныхъ началахъ.

Не касаясь внутренней организаціи и хозяйственной части корпуса, какъ непорученныхъ ея изслѣдованію; Коммисія ограничилась одною учебною ея частью, и предложила: 1) согласно мнѣнію директора, роту солдатскихъ дѣтей упразднить, и вмѣсто нея устроить роту изъ благородныхъ офицерскихъ дѣтей, но съ тѣмъ, чтобы не отдѣлять ее отъ дворянской роты корпуса, и отличать учениковъ между собою «токмо по личнымъ достоинствамъ и успѣхамъ самихъ кадетовъ, а не по дворянству ихъ»; 2) принимать въ корпусъ, переводить изъ класса въ классъ и выпускать учениковъ не по лѣтамъ, а «по способностямъ и знанію»; 3) допускать въ корпусъ своекоштныхъ воспитанниковъ, и наконецъ 4) раздѣливъ кадетъ на три возраста, оставить два младшіе возраста только на время, до тѣхъ поръ, пока разовьются и распространятся народныя училища, а потомъ вовсе ихъ уничтожить, и въ корпусъ принимать только получившихъ достаточную подготовку въ общихъ школахъ, другими словами, обратить корпусъ въ спеціальное учебное заведеніе, согласно прямой цѣли его учрежденія. «Корпусъ въ состояніи чрезъ то будетъ», представляла Коммисія, «на мѣсто малолѣтнихъ и сомнительныхъ кадетъ первыхъ двухъ возрастовъ, содержать тѣмъ бо̀льшее число надежнѣйшихъ въ третьемъ» [1]).

Предположенія Коммисіи были утверждены Императрицею 21-го февраля 1784 года [2]). На дѣлѣ же, не всѣ онѣ были исполнены: самое главное изъ нихъ — объ обращеніи этого училища въ

---

[1]) Журналы Коммисіи объ учрежденіи училищъ (Архивъ Министерства. Народнаго Просвѣщенія).

[2]) Полн. Собр. Зак. № 15934.

исключительно специальное, съ закрытіемъ классовъ двухъ низшихъ возрастовъ—не осуществилось, и въ кадеты принимались, по прежнему, дѣти отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, рота солдатскихъ дѣтей также осталась на прежнемъ основаніи. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ пріемъ и переводъ учениковъ изъ класса въ классъ основывались уже не на однихъ ихъ лѣтахъ, но на ихъ познаніяхъ и успѣхахъ въ наукахъ. Въ концѣ царствованія Екатерины, въ корпусѣ было 60 своекоштныхъ пансіонеровъ, которые производились въ офицеры на ряду съ кадетами [1]).

По штату 1784 годи число кадетъ увеличено до 400.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины, выпущено изъ этого корпуса болѣе тысячи человѣкъ. Кромѣ того, изъ роты солдатскихъ дѣтей выпущено въ унтеръ-офицеры и другія званія около 600.

Шляхетный кадетскій корпусъ.

Шляхетный кадетскій корпусъ учрежденъ былъ указомъ 29 іюля 1731 года на 200 человѣкъ дворянъ, 150 русскихъ и 50 лифляндскихъ и эстляндскихъ, отъ 13-ти до 18-ти лѣтъ отъ роду, и помѣщенъ на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ князя Меншикова.

Мысль объ учрежденіи этого учебнаго заведенія принадлежитъ фельдмаршалу Мюнниху: онъ же приводилъ ее въ исполненіе, бывши главнымъ его начальникомъ въ царствованіе Императрицы Анны.

До этого времени офицеры не получали вовсе правильнаго образованія, а выучивались своему дѣлу только практически, въ полкахъ; потому созданіе такого училища не могло не принести огромной пользы для арміи, что̀ вскорѣ и сдѣлалось очевиднымъ

---

[1]) Георги, Описаніе столичнаго города Санктпетербурга 1794 г. стр. 379, 380, 381.

черезъ длинный рядъ военныхъ подвиговъ и отличій его питомцевъ.

По уставу корпуса, утвержденному 15 ноября 1731 года, кадеты раздѣлены были на двѣ роты, по сто человѣкъ въ каждой. Число ихъ, черезъ годъ послѣ основанія корпуса, увеличено было до 360-ти, и, съ теченіемъ времени, все возрастало; такъ, по штату 2 декабря 1760 года ихъ полагалось уже 490, раздѣленныхъ на пять ротъ: гренадерскую, три мушкатерскія, и одну конную. Въ царствованіе Императрицы Екатерины, по штату 29 августа 1762 года, ихъ было уже 600 человѣкъ, и въ концѣ ея царствованія это число дошло до 700.

Съ поступленіемъ корпуса 7 марта 1765 года въ главное завѣдываніе И. И. Бецкаго, управлявшаго имъ до февраля 1773 года, онъ подвергся существенному преобразованію, въ сходственность съ идеями о воспитаніи, которыя проводилъ Бецкій по всѣмъ, подчиненнымъ ему училищамъ, и состоявшимъ въ томъ, чтобы съ младенческихъ лѣтъ отдѣлить дѣтей отъ грубой среды ихъ семействъ, и дать имъ правильное, по его мыслямъ, образованіе, безъ помѣхи со стороны ихъ семей. По плану Бецкаго, корпусъ предполагалось раздѣлить на пять возрастовъ, и принимать въ него дѣтей не старѣе шести лѣтъ отъ роду. Въ эти лѣта ребенокъ поступалъ въ первый возрастъ, и чрезъ каждые три года переходилъ въ слѣдующій возрастъ, такъ что каждый ученикъ долженъ былъ пробыть въ корпусѣ пятнадцать лѣтъ. Кадеты перваго возраста подчинены были женскому надзору, а въ четырехъ остальныхъ — воспитателямъ изъ военныхъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ [1]). Для разсмотрѣнія проекта Бецкаго, Императрица назначила, подъ предсѣдательствомъ графа Н. И. Панина, Коммисію изъ Петра Ивановича Панина, князей Голицыныхъ, генерала (впослѣдствіи фельдмаршала) и вице-канцлера, графа З. Г. Чернышева, ге-

---

[1]) Александра Висковатова. Краткая исторія перваго кадетскаго корпуса. СПб. 1832 г.

нералъ-поручика Муравьева, и статсъ-секретаря Олсуфьева. Коммисія одобрила предположенія Бецкаго[1]), и они были утверждены Императрицею 11 сентября 1766 года[2]),

Не смотря на всю пользу, принесенную войскамъ учрежденіемъ шляхетнаго корпуса, самая его организація не была правильна. Она грѣшила въ главныхъ своихъ основахъ тѣмъ, что, съ самаго начала, преслѣдовала двѣ цѣли: приготовлять не только военныхъ офицеровъ, но и гражданскихъ чиновниковъ; эта педагогическая ошибка отразилась неблагопріятно на всемъ строѣ этого учебнаго заведенія. Мюнnихъ разсуждалъ, что не всякій склоненъ къ военной службѣ, а потому слѣдуетъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ приготовлять и къ гражданской, что̀, конечно, съ бо̀льшимъ удобствомъ и бо̀льшею правильностію могло бы быть достигнуто предоставленіемъ имъ возможности переходить въ гражданскія учебныя заведенія. На основаніи такого неправильнаго взгляда и введены были въ корпусъ юридическія и политическія науки и другіе предметы, вовсе ненужные для приготовленія къ военному званію, или вовсе недостаточные по своимъ размѣрамъ, какъ напр., необязательное и въ маломъ числѣ часовъ изученіе латинскаго языка, и это спеціальное военное училище, съ самаго своего основанія, сдѣлалось энциклопедическимъ, что̀, естественно, не могло не умалить пользы отъ него для арміи, и не быть совершенно недостаточнымъ для другихъ отраслей государственнаго управленія. Многопредметность была такова, что ученики одолѣть ее не могли, и потому освобождались отъ изученія многихъ наукъ, даже самыхъ необходимыхъ. Изъ рапорта о состояніи корпуса, поданнаго въ 1733 году Мюнnихомъ видно, что обязательными для всѣхъ кадетъ предметами были только три: законъ Божій, ариѳметика и

---

[1]) Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ 10, стр. 100—101.

[2]) Лалаева, Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ главному ихъ управленію, отъ основанія въ Россіи военныхъ школъ до исхода перваго двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича 1700—1880. СПб. 1880 г.

военныя упражненія [illegible] въ караулахъ и лагеряхъ [illegible] кто хотѣлъ. Такъ изъ [illegible] русскихъ кадетовъ только [illegible] учились русскому языку, французскому [illegible], латинскому [illegible], нѣмецкому 2[illegible], изъ нихъ геометріи учились [illegible], географіи [illegible], исторіи 2[illegible], фортификаціи [illegible].

Задача кадетскаго корпуса [illegible] еще тѣмъ, что въ 1761 году велѣно было обучать тамъ [illegible] солдатскихъ и мѣщанскихъ дѣтей для снабженія ими мастеровыми, и число ихъ вскорѣ было увеличено до [illegible]-ти. Въ 17[illegible] году они были переформированы и замѣнены [illegible] учениками, которыхъ стали приготовлять въ учителя корпуса.

Мало того, въ учебныя программы корпуса введены были такъ называемыя [illegible], [illegible], [illegible], дѣланіе статуй и т. п.

Съ Сумароковымъ [illegible] корпусъ сдѣлался и колыбелью русскаго театра; сценическія представленія много занимали кадетъ, отвлекая ихъ отъ изученія наукъ.

Однимъ словомъ, нельзя было устроить болѣе энциклопедическаго учебнаго заведенія, нежели [illegible] съ временемъ сталъ шляхетный кадетскій корпусъ. Не военныхъ только людей приготовлялъ онъ, но и гражданскихъ чиновниковъ, и педагоговъ, и артистовъ, даже актеровъ. Воспитанниковъ его [illegible] встрѣчали на всѣхъ поприщахъ, во всѣхъ отрасляхъ гражданской службы. Понадобились-ли межевщики, и въ 17[illegible] году [illegible] кадетъ отправлены были для межеванія земель въ Ингерманландію, а въ 17[illegible] году [illegible] выпущенныхъ изъ корпуса кадетъ помѣщены въ межевую канцелярію для черченія картъ и межеванія земель. Нужны ли были дипломатическіе чиновники, и кадеты по выпускѣ опредѣлялись въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, для изученія языковъ не только тѣхъ европейскихъ, которые преподавали въ корпусѣ, но и восточныхъ. Гражданская служба всѣхъ вѣдомствъ должна была въ немъ же искать своего контингента изъ тѣхъ кадетовъ.

---

[1] Соловьева. Исторія Россіи. Томъ 25, стр. 232.

которые къ ней приготовлялись, освобождены были отъ занятія другими науками и отъ фронта.

Въ царствованіе Императрицы Елизаветы Сенатъ вмѣнилъ въ обязанность шляхетному корпусу приготовить для гражданской службы 24 кадета, напоминалъ объ этомъ начальству корпуса, запретилъ занимать такихъ кадетовъ военными упражненіями, но не мало былъ удивленъ, узнавши впослѣдствіи, что такихъ кадетовъ вовсе нѣтъ [1]). Значитъ, расчитывать на этотъ источникъ было нельзя. Еще въ царствованіе Анны Іоановны учреждены были при Сенатѣ и нѣкоторыхъ другихъ присутственныхъ мѣстахъ школы, въ которыхъ приготовлялись, конечно исключительно практически, чрезъ производство письменныхъ дѣлъ, такъ называемые «коллегіи и титулярные юнкеры», которыхъ велѣно было обучать также ариѳметикѣ, геометріи, геодезіи и грамматикѣ [2]); но въ 1763 году эти школы были упразднены, и ученики ихъ распредѣлены въ Московскій университетъ и кадетскіе корпуса, а частію помѣщены на службу, и Сенату вмѣнено въ обязанность предувѣдомлять начальство шляхетнаго корпуса сколько понадобится ему чиновниковъ, для обученія соотвѣтственнаго числа кадетъ юриспруденціи [3]), не смотря на то, что предъидущія царствованія могли бы убѣдить въ ненадежности такой подготовки.

Пока корпусъ былъ въ рукахъ военныхъ людей, какъ знаменитый полководецъ Мюнnихъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ принцъ Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій (съ 1743 года), даже великій князь Петръ Ѳедоровичъ (съ 12 февраля 1759 года), столь пристрастный ко всему военному, а впослѣдствіи (съ марта 1763 года) князь Н. В. Репнинъ, то военный духъ преобладалъ въ корпусѣ. Но съ назначеніемъ 7 марта 1765 года главнымъ его начальникомъ И. И. Бецкаго, своеобразныя его педагогическія

---

[1]) Соловьева, Исторія Россіи. Томъ 22, стр. 333.
[2]) Тамъ же. Томъ 20, стр. 233.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 11989. 15 декабря 1763 г.

идеи взяли верхъ надъ прямымъ назначеніемъ военно-учебнаго заведенія, и оно стало еще болѣе энциклопедическимъ, потому что, разумѣется, нѣтъ никакой возможности предугадать военныя склонности и способности, даже степени здоровья въ шестилѣтнемъ ребенкѣ — возрастъ, въ которомъ только и принимали въ корпусъ; при томъ, Бецкій былъ военный только по имени, то есть по чину, но вовсе не по призванію и не по знанію военнаго дѣла; онъ былъ, такъ сказать, штатскій военный.

Такое направленіе воспитанія не могло, конечно, не отразиться на его питомцахъ. «Офицеры, которые выходили изъ прежняго кадетскаго корпуса», писалъ въ 1789 году графъ С. Р. Воронцовъ своему брату, «были хорошими военными, и только военными, тѣ же, которые образовались подъ руководствомъ Бецкаго, играли хорошо комедію, писали стишки, однимъ словомъ, знали все, кромѣ того, что нужно знать офицеру» [1]. Къ сожалѣнію, неправильная постановка учебной части въ корпусѣ не только не сознавалась правительствомъ, но Императрица даже хвалилась тѣмъ, что несомнѣнно слѣдовало бы порицать и исправить. «Наставьте же г-на Кошена», писала она въ 1767 году Фальконету, «онъ думаетъ, что мои кадеты приготовляются единственно для войны; можетъ быть, Парижская военная школа ввела его въ это заблужденіе. Мои кадеты сдѣлаются всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пожелаютъ быть, и выберутъ себѣ поприще по своимъ вкусамъ и наклонностямъ» [2].

26 марта 1784 года П. В. Завадовскій объявилъ Коммисіи объ учрежденіи училищъ, что Императрица, оставшись довольною тѣми преобразованіями учебной части, которыя сдѣланы были Коммисіею въ Смольномъ, изъявила желаніе, чтобы разсмотрѣны были безотлагательно учебный планъ и состояніе преподаванія въ шляхетномъ корпусѣ, и что чѣмъ скорѣе это сдѣлается, тѣмъ будетъ пріятнѣе Ея Величеству.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова. Книга 9, Часть 2. стр. 146.
[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 17, стр. 3.

Коммисія пригласила въ свое засѣданіе только что назначеннаго главнаго директора корпуса, генералъ-поручика графа де-Бальмена, и, истребовавъ отъ него нужныя свѣдѣнія о преподаваемыхъ наукахъ, раскрыла настоящее положеніе дѣла.

Въ то время было въ корпусѣ 661 кадетъ, раздѣленныхъ на пять возрастовъ. Въ корпусѣ преподавались, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, между прочимъ, науки юридическія, политическая экономія (экономія государственная), астрономія, наутика, или «свѣдѣніе о морскомъ искуствѣ», гравированіе, ваяніе, дѣланіе статуй, и проч. — Первый возрастъ состоялъ изъ дѣтей отъ 5-ти и 6-ти до 9-ти лѣтъ, и раздѣленъ былъ на шесть классовъ, такъ какъ въ немъ находилось 141 дѣтей. Къ каждому классу приставлена была воспитательница. Главнымъ предметомъ ученія въ этомъ возрастѣ былъ французскій языкъ, на который употреблялось 14 часовъ въ недѣлю, на русскій же только 6; на танцы назначено было также 6 часовъ. Общее число часовъ въ недѣлю въ этомъ возрастѣ составляло 34. Законъ Божій не преподавался вовсе. Второй возрастъ состоялъ изъ мальчиковъ отъ 9-ти до 12 лѣтъ, ихъ было 136. Общее число уроковъ простиралось въ этомъ возрастѣ до 42-хъ въ недѣлю, то есть по семи часовъ въ день. «Въ томъ же полученномъ извѣстіи», сказано въ журналѣ Коммисіи, «значитъ, что, ради слабаго понятія и употребленія большаго времени на изученіе языковъ, нельзя было преподавать кадетамъ сего возраста: географіи, исторіи, миѳологіи, геометріи, началъ славянскаго языка», которые, однако, положены были по учебному плану. Въ третьемъ возрастѣ были ученики отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ, въ числѣ 134. Для этого возраста положены были, между прочимъ, и латинскій языкъ, «кто захочетъ», и «бухгалтерство»; «географіи обучаются по диктуемой учителями». «По полученному извѣстію», читаемъ въ журналѣ Коммисіи, «воспитанники сего возраста не обучаются: 1) хронологіи, потому что она вмѣстѣ съ исторіею показана будетъ, и 2) исторіи, за недовольнымъ знаніемъ географіи, ко-

торая еще во второмъ возрастѣ съ исторіею предписана, 3) геометріи, за недовольнымъ знаніемъ ариѳметики до 15-ти лѣтняго возраста, 4) латинскому языку, потому что не оказались къ тому склонными, 5) основанію военной и гражданской архитектуры, за незнаніемъ ариѳметики и геометріи, 6) бухгалтерству, за неокончаніемъ ариѳметики, и недостаткомъ времени». Къ четвертому возрасту причислялись юноши отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ; ихъ было 134. Число недѣльныхъ часовъ въ этомъ возрастѣ положено было 45, и въ число учебныхъ предметовъ включены были, между другими, *краснорѣчіе* и *философія*. «Въ семъ возрастѣ», сказано въ журналѣ Коммисіи, «не преподаютъ ни одной науки, предписанной собственно возрасту сему, для того, что хронологія будетъ сопряжена съ исторіею, къ латинскому языку не оказалось въ кадетахъ склонности; основанія же воинской и гражданской архитектуры, которыя предписаны еще въ третьемъ возрастѣ, но оставлены были за незнаніемъ геометріи, оставлены и здѣсь, за незнаніемъ оныя же». Въ пятомъ возрастѣ были молодые люди отъ 18-ти лѣтъ до 21-го года. Число учебныхъ часовъ назначено было 45. «Латинскому языку», говорится въ журналѣ Коммисіи, «не обучаются за тѣмъ, что желающихъ нѣтъ, а гражданскія науки будутъ, по окончаніи россійской исторіи, сопряжены съ россійскою статистикою. А для чего прочимъ наукамъ не обучались, самимъ приставникамъ кадетскаго корпуса не извѣстно».

Всѣхъ учителей въ корпусѣ было 43, и изъ нихъ 14 для французскаго языка.

Ознакомившись съ положеніемъ учебной части въ корпусѣ, Коммисія пришла къ такому заключенію: «хотя при числѣ 43-хъ учителей и можно бы надѣяться, что каждый возрастъ всѣмъ въ уставѣ предписаннымъ наукамъ могъ быть совершенно обученъ, а особливо когда кадеты въ нѣкоторыхъ возрастахъ болѣе семи часовъ въ день обучалися; но какъ при всемъ томъ видно, что воспитанники, достигая пятаго возраста, гдѣ бы имъ всѣ науки оканчивать уже должно, оныя вмѣсто того лишь начинаютъ,

то и неудивительно, что еще многія другія остаются безъ всякаго преподаванія, какъ, напримѣръ, гражданскія науки всѣ. Причина же таковаго запущенія воспослѣдовала очевидно отъ одного возраста на другой чрезъ откладываніе ученія, ибо не видно ни въ одномъ, начиная съ самаго перваго и до послѣдняго, чтобы всѣ тѣ науки были точно преподаваемы, какія которому уставомъ предписаны, менѣе же всего въ какомъ либо порядкѣ и распоряженіи, такъ что и тѣ самыя, которыя преподаются, преподаваемы были во всѣхъ почти возрастахъ не всѣмъ кадетамъ, возрастъ тотъ составляющимъ, но нѣкоторой токмо части онаго, безъ всякаго плана, по книгамъ, иногда вовсе къ предмету науки не относящимся. Почему воспитанникамъ, препроведшимъ такимъ образомъ первые четыре возраста, и нѣтъ уже болѣе возможности совершить себя въ пятомъ, гдѣ обременены будучи вдругъ множествомъ различныхъ наукъ, и отчаяваяся успѣть во всѣхъ, ни къ одной за тѣмъ по видимому не прилѣпляются, и не въ одной не успѣваютъ».

Коммисія предложила значительно сократить число уроковъ, оставивъ отъ 30-ти до 32-хъ недѣльныхъ часовъ въ каждомъ классѣ; вовсе исключить изъ курса нѣкоторые предметы, именно: наутику, химію и всѣ «художества», какъ-то: живопись, гравированіе, ваяніе и дѣланіе статуй; на латинскій языкъ положить въ первыхъ трехъ возрастахъ по четыре, а въ двухъ старшихъ по два часа; первоначально предполагала она обязать преподавать на латинскомъ языкѣ всѣ юридическія науки, какъ это дѣлалось въ тогдашнихъ университетахъ, но впослѣдствіи отступила отъ этой мысли. Въ трехъ низшихъ возрастахъ Коммисія находила возможнымъ примѣнить способы и методъ преподаванія, принятые въ народныхъ училищахъ.

Существенную же фальшь учебнаго курса корпуса, то есть совмѣщеніе въ немъ, съ науками военными, юридическихъ, и двойственность цѣли этого учебнаго заведенія, состоявшую въ приготовленіи не только офицеровъ, но и гражданскихъ чиновниковъ, Коммисія оставляла незатронутою. Только академикъ

Эпинусъ указалъ на этотъ главный въ организаціи корпуса вопросъ. Въ засѣданіи 27 іюля онъ заявилъ, что кадетскій корпусъ долженъ готовить только военныхъ людей, что всѣ несвойственные съ этою цѣлію предметы должны быть исключены изъ плана его ученія, что этимъ облегчится курсъ, и корпусъ не будетъ болѣе обязанъ терять напрасно время для воспитанія кадетовъ, неспособныхъ къ военной службѣ, а такихъ въ немъ очень много, и всегда такъ будетъ, ибо, при пріемѣ 5-ти и 6-ти лѣтнихъ дѣтей, никогда нельзя предвидѣть, будутъ ли они годны для строя. Поэтому Эпинусъ предлагалъ не занимать напрасно такихъ учениковъ предметами, не соотвѣтственными ихъ наклонностямъ и способностямъ, а переводить ихъ въ гражданскія учебныя заведенія, при переходѣ въ четвертый возрастъ, и мѣста ихъ въ корпусѣ предоставлять другимъ; въ такомъ случаѣ, весь учебный планъ корпуса могъ бы быть направленъ къ специальной его цѣли—приготовленія военныхъ людей, а общеобразовательные предметы преподавались бы въ немъ въ размѣрахъ, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка. Коммисія не могла не согласиться съ правильностію этого взгляда, но не рѣшилась однако-же его принять изъ чисто формальнаго предлога, что такое существенное измѣненіе курса кадетскаго корпуса не соотвѣтствовало бы его уставу, что измѣнять уставъ она не имѣетъ права, а уполномочена Императрицею только улучшить учебный планъ, не касаясь главныхъ основаній утвержденной организаціи корпуса.

Въ дѣлахъ Коммисіи объ учрежденіи училищъ не сохранилось свѣдѣнія: были-ли одобрены государынею ея предположенія относительно шляхетнаго корпуса; но слѣдуетъ думать, что они остались безрезультатными, потому что и въ концѣ царствованія Екатерины находимъ въ распредѣленіи предметовъ преподаванія въ корпусѣ и ту же многопредметность, и то же непомѣрное число недѣльныхъ уроковъ, такъ называемыя «художества» исключены не были, и въ каждомъ классѣ бывало ежедневно по четыре двухчасовыхъ уроковъ, то есть по восьми

часовъ въ день [1]). Такимъ образомъ, неправильный курсъ шляхетнаго кадетскаго корпуса удержался въ продолженіе всего царствованія Императрицы.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины, въ шляхетномъ корпусѣ получили воспитаніе болѣе 4000 кадетовъ, изъ коихъ болѣе 3000 окончили курсъ.

Московскій университетъ.

Московскій университетъ учрежденъ былъ 12 января 1755 года съ десятью профессорскими каѳедрами, именно: по три въ факультетахъ юридическомъ и медицинскомъ, и четыре въ философскомъ. Этотъ послѣдній факультетъ былъ полнѣе по преподавательскимъ силамъ, потому что, по примѣру германскихъ университетовъ, онъ составлялъ основу всего университетскаго образованія: студентъ обязывался сначала окончить курсъ словесныхъ наукъ, въ которомъ преобладали языки латинскій и греческій, а потомъ уже остаться не менѣе трехъ лѣтъ въ избранномъ имъ факультетѣ.

Профессора въ университетъ выписаны были изъ Германіи; Академія Наукъ, Тюбингенъ, Штутгартъ, Вѣна, Лейпцигъ и Геттингенъ доставили Московскому университету первыхъ ея наставниковъ. Лекціи читались по латыни или по французски; для студентовъ, не понимавшихъ достаточно латинскій языкъ, на которомъ читали лекціи большинство профессоровъ, приставлены были такіе студенты, которые были въ состояніи переводить профессорскія лекціи на русскій языкъ. Всѣ протоколы университетской конференціи писались на французскомъ языкѣ. Даже оффиціальныя рѣчи произносились на иностранныхъ языкахъ; такъ въ 1760 году директоръ университета И. И. Мелиссино привѣтствовалъ новаго куратора Веселовскаго рѣчью

---

[1]) Георги. Описаніе столичнаго города Санктпетербурга. Спб. 1794 года стр. 371.

на французскомъ языкѣ и Веселовскій отвѣчалъ ему также по французски.

Студентовъ набрали преимущественно изъ семинаристовъ; въ 1758 году ихъ было сто человѣкъ.

Не смотря на легкость замѣщенія иностранцами профессорскихъ каѳедръ, и на незначительное ихъ число, каѳедры эти долгое время не были заняты: Дильтей, основатель юридическаго факультета въ Московскомъ университетѣ, не только во все царствованіе Императрицы Елизаветы, но вплоть до семидесятыхъ годовъ, одинъ преподавалъ всѣ юридическія науки; Керстенъ же, даже въ началѣ царствованія Екатерины, читалъ въ медицинскомъ факультетѣ, также одинъ, всѣ науки.

Ученье не составляло тогда потребности общественной; родители не только не поощряли къ нему своихъ сыновей, но нерѣдко мѣшали ихъ занятіямъ, принуждая оставить университетъ до окончанія курса, для поступленія на службу. И. И. Мелиссино представилъ куратору И. И. Шувалову разсчетъ занятныхъ дней студентовъ, изъ котораго видно, что, если исключить праздничные дни и вакаціи, то студентъ занимается въ году не болѣе ста дней, а отсутствующій подъ разными предлогами — едва сорокъ или тридцать дней. Въ концѣ 1759 года графъ С. Р. Воронцовъ писалъ своему отцу изъ Москвы: «Осмѣлюсь вамъ представить, милостивый государь батюшка, что Воронцовы, которые въ университетѣ учатся, лучше, ежелибъ вы съ ними милость сдѣлали, чтобъ взять ихъ въ Петербургъ, и отдать куда нибудь въ пансіонъ, или въ кадетскій корпусъ, за тѣмъ что учитель дядюшкинъ, который весьма знающій есть человѣкъ, ихъ экзаменовалъ, и сказалъ, что они совсѣмъ ничего не знаютъ. Нечему и дивится, когда учители пьяницы, а ученики самые подлые поступки имѣютъ. Человѣкъ самого лучшаго воспитанія тамъ испортиться можетъ, не токмо чтобы научиться» [1]).

---

[1]) См. Архивъ князя Воронцова. Книга 16, стр. 4—5.

Такое положенiе новооткрытаго университета не могло быть неизвѣстнымъ Императрицѣ Екатеринѣ, и въ первые годы своего царствованiя, едва справившись съ внутренними смутами и утвердивъ свою власть, она обратила на него свое вниманiе. Въ концѣ 1765 года она поручила профессорамъ Московскаго университета представить свое мнѣнiе объ улучшенiи состоянiя университета; повидимому, мысль эта сильно ее тогда занимала, потому что она дала имъ срока только три недѣли. На этотъ вызовъ Императрицы семь профессоровъ потребовали полной автономiи университету, а профессорамъ увеличенiе содержанiя, назначенiе пенсiй, пожалованiе университету подмосковныхъ деревень, которыя управлялись бы не университетскимъ начальствомъ, а самими профессорами, и т. п. [1]). Объ улучшенiи учебной части, о замѣщенiи пустующихъ каѳедръ не было и рѣчи. Само собою разумѣется, что такого рода проектъ не могъ имѣть никакого практическаго значенiя, а только, какъ кажется, охладилъ Императрицу къ университетскому вопросу, и съ тѣхъ поръ, во все ея царствованiе, нѣтъ слѣдовъ о ея какихъ-либо особыхъ заботахъ относительно Московскаго университата.

Въ царствованiе Императрицы Екатерины, Московскiй университетъ началъ пополняться русскими профессорами: 1767 года, кромѣ профессора Барсова, было уже въ немъ пять русскихъ молодыхъ ученыхъ, которые образовались изъ его питомцевъ, отправленныхъ Шуваловымъ, въ концѣ царствованiя Елизаветы, въ заграничные университеты. Когда указомъ 4 марта 1784 года Императрица повелѣла учредить Коммисiю, подъ предсѣдательствомъ графа Андрея Петровича Шувалова, для составленiя записокъ о древней исторiи Россiи, то въ составъ ея вошли два профессора Московскаго университета Барсовъ и Чеботаревъ.—Съ 1765 года протоколы университетской конференцiи стали составляться на латинскомъ, а не на французскомъ языкѣ, какъ было прежде.

[1]) См. Чтенiя въ обществѣ исторiи и древностей россiйскихъ 1875 г. Книга 2, въ отдѣлѣ «Смѣсь» стр. 189—212.

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ тѣхъ немногихъ каѳедръ, которыя положены были въ этомъ университетѣ по его уставу, долгое время оставались незанятыми и не имѣли необходимыхъ научныхъ пособій; такъ наприм., въ первые годы царствованія Екатерины анатомія преподавалась исключительно теоретически, потому что нельзя было доставать труповъ для анатомическаго театра. Науки медицинскія не имѣли еще значительнаго развѣтвленія, и, даже въ концѣ царствованія Екатерины, многія изъ нихъ соединялись въ одномъ профессорѣ. Во время свирѣпствованія въ Москвѣ чумы въ 1771 году дѣйствовали только два профессора медицинскаго факультета, Зыбелинъ и Веніаминовъ, въ качествѣ членовъ медицинскаго совѣта, образованнаго для прекращенія язвы.

При такомъ недостаткѣ ученыхъ силъ и при понятномъ желаніи правительства удостовѣриться въ способностяхъ лицъ, предназначавшихся къ гражданской службѣ, естественно, что Московскій университетъ въ теченіе долгаго времени не пользовался исключительнымъ правомъ возводить въ ученыя степени. На экзаменъ юридическаго факультета назначался обыкновенно генералъ-прокуроромъ одинъ изъ оберъ-секретарей Московскихъ департаментовъ сената, которые составляли и экзаменные вопросы, или темы, на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Только указомъ 29 сентября 1791 года дано было право медицинскому факультету производить въ степень доктора медицины, но съ условіемъ, чтобы экзамены производились при депутатахъ отъ медицинской коллегіи; правомъ этимъ воспользовался, во все царствованіе Екатерины, только одинъ врачъ, въ 1794 году. Ученыя медицинскія степени выдавались медицинскою коллегіею, гдѣ врачи и сдавали экзамены.

По крайне ограниченному числу студентовъ, не предстояло часто и экзаменовать ихъ на ученыя степени; такъ въ 1765 году во всемъ юридическомъ факультетѣ былъ только одинъ студентъ; также и медицинскій факультетъ имѣлъ 1768 года одного представителя-студента. Когда въ 1767 году взято было 18 студен-

товъ въ коммисію сочиненія проекта новаго уложенія, то конференція университета заявила, что университетъ опустѣлъ, что на всѣхъ курсахъ юридическаго факультета осталось всего четыре студента, потому и было назначено перевести въ этотъ факультетъ пять студентовъ изъ философскаго факультета.

Оставленіе университета до окончанія курса было обыкновеннымъ явленіемъ: изъ актовъ конференціи 1770 года видно что 300 студентовъ вышли изъ университета, не окончивъ курса, и что только двое юристовъ вполнѣ его докончили. Черезъ тридцать почти лѣтъ послѣ основанія Московскаго университета, въ немъ было менѣе студентовъ, чѣмъ при его учрежденіи, именно въ 1758 году ихъ считалось 100, а въ 1787 году 82. Такому студенческому малолюдству содѣйствовало, конечно, и то обстоятельство, что тогда университетское образованіе не давало никакихъ правъ на чинопроизводство.

Гимназія при университетѣ.

Ломоносовъ, получивъ отъ И. И. Шувалова, для прочтенія, проектъ учрежденія въ Москвѣ университета, объяснилъ ему, что при университетѣ необходимо устроить гимназію, «безъ которой университетъ какъ пашня безъ сѣмянъ». Шуваловъ принялъ эту мысль, и, единовременно съ университетомъ, открылъ въ Москвѣ двѣ гимназіи.

Въ сущности, гимназія была одна и подъ начальствомъ одного директора, но подраздѣлена была на два отдѣленія — дворянское и недворянское, какъ подраздѣленъ былъ впослѣдствіи на благородное и мѣщанское отдѣленіе Смольный. Тогда, и гораздо позднѣе, дворяне не рѣшались дозволить своимъ сыновьямъ обучаться вмѣсть съ дѣтьми другихъ сословій.

Съ самаго начала гимназія поставлена была на прочныхъ основаніяхъ, на изученіи древнихъ языковъ и ихъ литературъ; греческій языкъ введенъ былъ при самомъ открытіи гимназіи.

Первымъ ея директоромъ былъ венгерецъ Шаденъ, полу-

чившій основательное филологическое образованіе въ Германіи; онъ преподавалъ древніе языки въ старшихъ классахъ гимназіи. Въ продолженіе 25-ти лѣтъ онъ оставался директоромъ, и можно сказать, былъ настоящимъ создателемъ Московской гимназіи.

Въ низшихъ классахъ гимназіи латинскій и греческій языки соединены были въ рукахъ одного преподавателя. Исторія и географія читались на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, потому что учители этихъ предметовъ были иностранцы, не знавшіе по русски. Въ гимназіи введены были воинскія упражненія, и преподавалась даже воинская архитектура. Въ свободное отъ ученія время, учители должны были читать съ учениками старшихъ классовъ газеты. Всѣхъ преподавателей въ гимназіи было 36, изъ нихъ 16 русскихъ и 20 иностранцевъ.

Въ 1772 году Шадена замѣстилъ также основательно образованный магистръ Лейпцигскаго университета Маттеи; въ теченіе 12-ти лѣтъ онъ управлялъ гимназіею. Послѣ него, ректоромъ гимназіи былъ Мелльманъ.

Уже въ 1759 году гимназія доставила изъ своихъ учениковъ студентовъ университету. Если впослѣдствіи число студентовъ было весьма не большое, то это происходило не отъ недостатка учениковъ въ гимназіи, а оттого, что сознаніе необходимости высшаго образованія не проникло еще въ общество. Гимназія, имѣвшая въ 1760 году всего сто учениковъ, насчитывала ихъ болѣе тысячи въ 1787 году, что̀ доказываетъ хорошее ея состояніе и довѣріе къ ней родителей.

Въ 1779 году учрежденъ былъ при университетѣ вольный благородный пансіонъ на 50 учениковъ, которыхъ принимали не моложе 9-ти и не старше 14-ти лѣтъ [1]).

Гимназія въ Казани.

Мысль объ учрежденіи гимназіи въ Казани принадлежитъ Московскому университету, который въ 1758 году пред-

---

[1]) Шевыревъ. Исторія Императорскаго Московскаго университета, написанная къ столѣтнему его юбилею. Москва 1855 г.

ставлялъ, что двухъ гимназій, въ Москвѣ и Петербургѣ, мало, что для университетовъ Московскаго и академическаго необходимо устроить и въ другихъ городахъ гимназіи, гдѣ молодые люди получали бы надлежащее подготовленіе къ университетскимъ наукамъ [1]).

Указъ объ учрежденіи гимназіи послѣдовалъ 21 іюля 1758 года. Она поставлена была въ зависимость отъ Московскаго университета, доставившаго ей и нѣсколькихъ преподавателей, изъ окончившихъ въ немъ курсъ студентовъ.

Къ сожалѣнію, выборъ первыхъ директоровъ ея былъ мало удаченъ, и они не съумѣли поставить ее на твердыхъ научныхъ основаніяхъ, какъ это удалось Московской гимназіи, благодаря дѣльности и основательности образованія ея руководителей. Для устройства гимназіи, посланъ былъ Московскимъ университетомъ въ Казань капитанъ Траубенталь, но вскорѣ былъ оттуда отозванъ. Замѣнилъ его ассесоръ университета Веревкинъ, мало пригодный для этой должности, занимавшійся легкою литературою, переводами, и т. п., болѣе чѣмъ своимъ дѣломъ. Веревкинъ оставался на этомъ мѣстѣ до 1761 года, и имѣлъ своимъ преемникомъ магистра Московскаго университета Савича. Въ 1763 году онъ умеръ, и директоромъ гимназіи назначенъ былъ Кожинъ, остававшійся въ этой должности только одинъ годъ. Наконецъ въ 1765 году получила эта гимназія болѣе дѣльнаго директора — Юлія Ивановича Каница, воспитавшагося въ шляхетномъ корпусѣ и выпущеннаго изъ него офицеромъ въ 1751 году. Онъ сохранилъ эту должность до самой своей смерти, въ 1781 году.

Не смотря на то, что къ открытію гимназіи Московскій университетъ послалъ въ Казань бòльшую часть учителей, недостатокъ въ нихъ чувствовался съ самаго начала; даже учителя русскаго языка пришлось искать въ Казанскихъ присут-

---

[1]) Шевыревъ. Исторія Императорскаго Московскаго университета, написанная къ столѣтнему его юбилею. Москва. 1855 г., стр. 53.

на французскомъ языкѣ и Веселовскій отвѣчалъ ему также по французски.

Студентовъ набрали преимущественно изъ семинаристовъ; въ 1758 году ихъ было сто человѣкъ.

Не смотря на легкость замѣщенія иностранцами профессорскихъ каѳедръ, и на незначительное ихъ число, каѳедры эти долгое время не были заняты: Дильтей, основатель юридическаго факультета въ Московскомъ университетѣ, не только во все царствованіе Императрицы Елизаветы, но вплоть до семидесятыхъ годовъ, одинъ преподавалъ всѣ юридическія науки; Керстенъ же, даже въ началѣ царствованія Екатерины, читалъ въ медицинскомъ факультетѣ, также одинъ, всѣ науки.

Ученье не составляло тогда потребности общественной; родители не только не поощряли къ нему своихъ сыновей, но нерѣдко мѣшали ихъ занятіямъ, принуждая оставить университетъ до окончанія курса, для поступленія на службу. И. И. Мелиссино представилъ куратору И. И. Шувалову разсчетъ занятныхъ дней студентовъ, изъ котораго видно, что, если исключить праздничные дни и вакаціи, то студентъ занимается въ году не болѣе ста дней, а отсутствующій подъ разными предлогами — едва сорокъ или тридцать дней. Въ концѣ 1759 года графъ С. Р. Воронцовъ писалъ своему отцу изъ Москвы: «Осмѣлюсь вамъ представить, милостивый государь батюшка, что Воронцовы, которые въ университетѣ учатся, лучше, ежелибъ вы съ ними милость сдѣлали, чтобъ взять ихъ въ Петербургъ, и отдать куда нибудь въ пансіонъ, или въ кадетскій корпусъ, за тѣмъ что учитель дядюшкинъ, который весьма знающій есть человѣкъ, ихъ экзаменовалъ, и сказалъ, что они совсѣмъ ничего не знаютъ. Нечему и дивится, когда учители пьяницы, а ученики самые подлые поступки имѣютъ. Человѣкъ самого лучшаго воспитанія тамъ испортиться можетъ, не токмо чтобы научиться» [1]).

---

[1]) См. Архивъ князя Воронцова. Книга 16, стр. 4—5.

числамъ и измѣренію безъ доказательствъ, музыкѣ безъ нотъ. Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали» [1]).

9 сентября 1785 года послѣдовалъ изъ Сената указъ Императрицы о подчиненіи гимназіи въ Казани тамошнему приказу общественнаго призрѣнія, и о порученіи Коммисіи объ учрежденіи училищъ составить для нея планъ ученія примѣнительно къ правиламъ о народныхъ училищахъ [2]).

Вытребовавши вѣдомости о состояніи гимназіи, Коммисія нашла, что научный уровень этой гимназіи не выше курса главнаго народнаго училища, открытаго въ Казани; даже, по ея мнѣнію, онъ былъ ниже, ибо, если, кромѣ общихъ для обоихъ учебныхъ заведеній предметовъ, въ гимназіи преподаются языки французскій и нѣмецкій, то за то въ главномъ народномъ училищѣ введены науки, не положенныя въ гимназіи, именно: физика, естественная исторія, механика и архитектура; что татарскій языкъ можно преподавать и въ народномъ училищѣ, что фортификаціи учится въ гимназіи только одинъ ученикъ, что хотя въ гимназіи обучаютъ музыкѣ, но безъ нея легко можно обойтись.

Путемъ такого сравненія учебныхъ плановъ обоихъ учебныхъ заведеній, Коммисія пришла въ 1789 года къ заключенію, что гимназія въ Казани вовсе не нужна, что ученики ея могутъ съ бо̀льшею пользою продолжать свое ученіе въ мѣстномъ главномъ народномъ училищѣ, а приказъ не станетъ болѣе тратиться на содержаніе учителей (весь расходъ на жалованье 10 учителей составлялъ 1410 р. въ годъ).

Въ этомъ постановленіи Коммисіи нельзя не замѣтить крайняго пристрастія къ ея собственнымъ, излюбленнымъ народнымъ училищамъ, и при этомъ не пожалѣть о прискорбномъ закрытіи полезнаго учебнаго заведенія въ такое время, когда въ Россіи было всего три гимназіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Казанская гимназія

---

[1]) Гротъ. Сочиненія Державина. Томъ 8, стр. 59.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 16248.

была въ неудовлетворительномъ состояніи. Слѣдовало его улучшить, а не понижать уровень образованія превращеніемъ второстепеннаго учебнаго заведенія въ третьестепенное, нужно было сдѣлать шагъ впередъ, а не шагъ назадъ.

Казанскій приказъ, разсчитывавшій только свои расходы, нашелъ невозможнымъ для себя содержать и гимназію, и высшее народное училище, и, не дождавшись даже рѣшенія Коммисіи, поспѣшилъ передать гимназическіе дома и классныя принадлежности гимназіи народному училищу, и гимназія закрылась сама собою, а бо̀льшая часть ея учениковъ перешла въ это училище. Въ то время въ гимназіи было только 52 ученика, и изъ нихъ 41 казенныхъ.

Пажескій корпусъ.

Пажи введены Императоромъ Петромъ I; въ началѣ было всего два камеръ-пажа и 24 пажа; они постоянно находились во дворцѣ, и не составляли учебнаго заведенія. 25 октября 1759 года учрежденъ былъ Императрицею Елизаветою пажескій корпусъ, по плану француза барона Шуди, назначеннаго гофмейстеромъ пажей.

Въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины (1762 года) полагалось 6 камеръ-пажей и 40 пажей, а въ 1786 году комплектъ ихъ опредѣленъ: камеръ-пажей 18, а пажей 60 [1]).

Указомъ 5 февраля 1785 года [2]) Императрица повелѣла Завадовскому разсмотрѣть планъ ученія пажескаго корпуса, и составить новый, что и было имъ въ скорости исполнено, 26 февраля того же года Императрица одобрила представленный За-

---

[1]) Графъ Милорадовичъ. Матеріалы для исторіи пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса. Кіевъ. 1876 г.

Георги. Описаніе столичнаго города Санктпетербурга. СПб. 1794 г. стр. 395.

[2]) Пол. Собр. Зак. № 16149.

вадовскимъ проектъ устройства въ немъ учебной части, и сама приказала прибавить латинскій и греческій языки [1]).

Съ этого времени завѣдываніе пажескимъ корпусомъ въ учебномъ отношеніи перешло къ Завадовскому, называвшемуся «управляющимъ науками пажескаго двора Его Императорскаго Величества корпуса», и къ Коммисіи объ учрежденіи училищъ, которые и назначали преподавателей корпуса.

Въ 1789 году напечатана была для пажей составленная учителемъ пажескаго корпуса Филоновымъ краткая греческая грамматика [2]).

Смольный.

Еще бывши великой княгиней, Екатерина думала о жен скомъ образованіи, и о подражаніи въ этомъ отношеніи Санъ-Сиръ, давно извѣстному въ Россіи: еще вь 1717 году осматривалъ его Императоръ Петръ. Такъ какъ внутреннее устройство этого учебнаго заведенія сохранялось во Франціи въ тайнѣ, то ей казалось, что всего лучше было бы обратиться непосредственно къ французскому правительству съ просьбою доставить его уставы и вызвать изъ Санъ-Сира преподавательницу, которой поручить одну или двухъ сиротъ, для приготовленія къ педагогической дѣятельности; эти современемъ стали бы приготовлять другихъ, и такимъ образомъ образовалась бы цѣлая группа учительницъ [3]).

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Императрица учредила въ Петербургѣ Общество благородныхъ дѣвицъ при воскресен-

---

[1]) Пол. Собр. Зак. № 16158.

[2]) Въ книжныхъ каталогахъ этого руководства не значится, но что оно дѣйствительно было издано, видно изъ журнала Коммисія объ учрежденіи училищъ 31 марта 1789 г., въ которомъ записано: «По изволенію Коммисіи объ учрежденіи училищъ, напечатана въ типографіи содержателя Вейтбрехта краткая греческая грамматика, сочиненная пажескаго корпуса учителемъ Филоновымъ, не токмо по предопредѣленію г-на Т. С. сенатора и кавалера Петра Васильевича Завадовскаго, для онаго корпуса, но» и т. д.

[3]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 7, стр. 82.

скомъ монастырѣ, называемомъ Смольнымъ. Въ этой мѣстности, въ началѣ XVIII вѣка, находилась деревня *Смольная*, въ которой устроенъ былъ дегтярный заводъ, отъ чего она и получила свое названіе; близъ этой деревни Императоръ Петръ I построилъ въ 1720 году загородный дворецъ, который сталъ также называться Смольнымъ. Въ немъ проживала обыкновенно лѣтомъ великая княжна Елизавета Петровна, а, по вступленіи ея на престолъ, дворецъ опустѣлъ, и въ 1748 году обращенъ былъ подъ помѣщеніе воскресенскаго женскаго монастыря.

5 мая 1764 года утвержденъ былъ уставъ этого учебнаго заведенія, а открытіе его послѣдовало 28 іюня.

Положено было содержать въ немъ 200 воспитанницъ дворянскаго происхожденія, раздѣленныхъ на четыре возраста, по 50-ти въ каждомъ: первый возрастъ отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ, второй отъ 9-ти до 12-ти, третій—отъ 12-ти до 15-ти, четвертый — отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ. Дѣвицы этихъ четырехъ возрастовъ различались цвѣтомъ платья: первый возрастъ носилъ коричневыя, второй — голубыя, третій — сѣроватыя, четвертый — бѣлыя. Пріемъ назначенъ чрезъ каждые три года, и при этомъ родители обязывались не брать изъ училища своихъ дочерей до окончанія ими курса; вообще, задачею училища поставлено было возможное удаленіе дѣтей отъ ихъ родителей, для избѣжанія дурныхъ примѣровъ.

Курсъ ученія былъ такой: въ первомъ возрастѣ преподавались языки русскій и иностранный, и ариѳметика, во второмъ— географія и исторія, въ третьемъ— словесныя науки, часть архитектуры и геральдики. Зачѣмъ эти двѣ послѣднія науки помѣщены были въ планъ женскаго образованія, въ настоящее время понять трудно; объясняется это только неправильностію и сбивчивостью учебныхъ курсовъ той эпохи; такъ, напримѣръ, и ариѳметикѣ обучались воспитанницы только «для содержанія впредь въ добромъ порядкѣ домашней экономіи». Въ четвертомъ возрастѣ занятія были исключительно практическія: ежедневно двѣ

ученицы этого класса обучали дѣвицъ младшаго возраста, «дабы отъ сей практики навыкнуть заблаговременно, какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ, и въ собственномъ своемъ воспитаніи найдутъ себѣ великое вспоможеніе, въ какомъ бы состояніи имъ жить не случилось».

На каждый возрастъ назначено было по одной надзирательницѣ, а на всѣ четыре 12 учительницъ, которыя должны были обучать дѣвицъ говорить и писать на иностранныхъ языкахъ. Такъ какъ бо̀льшая часть учительницъ были иностранки, то эта цѣль достигалась легко, и тѣмъ болѣе, что онѣ преподавали не только языки, но и всѣ учебные предметы; но отъ этого страдалъ русскій языкъ, сдѣлавшійся для воспитанницъ совершенно чужимъ. Учителя, или какъ они названы въ указѣ «мастера», допускались только въ видѣ исключенія, когда не было возможности найти учительницу. Впрочемъ, это продолжалось не долго, и число учителей постепенно увеличивалось.

Направленіе, такъ сказать, тонъ этого учебнаго заведенія, далъ самый его уставъ: дѣвицъ пріучали, прежде всего, къ свѣтскости, къ избѣжанію застѣнчивости, къ хорошимъ манерамъ, и для этого обязательно, по самому его учрежденію, устраивались въ немъ собранія, концерты, театральныя представленія, и т. п. Въ уставѣ читаемъ, напримѣръ, такое правило: «буде которая дѣвица сдѣлаетъ какое остроумное примѣчаніе» (то есть остроту скажетъ, какъ говорится, красное словцо), «то, съ дозволенія, имѣетъ она сообщить о томъ всему классу, ибо изрядно и кстатѣ сказанное слово будетъ для другихъ наставленіемъ, и поощреніемъ къ подражанію».

По просьбѣ Императрицы, Вольтеръ обѣщалъ, но не исполнилъ обѣщанія, написать сценическую пьесу для дѣвицъ Смольнаго. Напоминая ему объ этомъ въ 1772 году, Екатерина такъ характеризуетъ институтское образованіе: «не знаю, произведетъ-ли этотъ дѣвичій батальонъ, какъ вы его называете, амазонокъ; но мы весьма удалены отъ мысли сдѣлать изъ нихъ монахинь; напротивъ того, мы воспитываемъ ихъ такъ, чтобы

онѣ сдѣлались радостью семействъ, въ которыя вступятъ, желаемъ, чтобы онѣ не были ни излишне застѣнчивы, ни кокетливы, но любезны, и были бы въ состояніи воспитать сами своихъ дѣтей и вести домашнее хозяйство» [1]).

Впослѣдствіи, Императрица обращалась съ такою же просьбою къ Дидро, который ограничился также однимъ обѣщаніемъ [2]).

Начальницею Общества благородныхъ дѣвицъ назначена была княжна Анна Долгорукова, а помощницею къ ней, или, какъ она названа въ уставѣ, «правительницею» вдова Д. С. С. Софья де-ла-Фонъ [3]).

21 ноября 1764 года Императрица посѣтила въ первый разъ это учебное заведеніе; впослѣдствіи она часто въ немъ бывала, и знала почти всѣхъ воспитанницъ по имени [4]).

Первый выпускъ изъ Смольнаго былъ 30 апрѣля 1776 года; пять изъ выпущенныхъ дѣвицъ взяты были ко двору.

Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ открытія Общества благородныхъ дѣвицъ, учреждено было, 31 января 1765 года, при немъ особое училище, такъ называемое мѣщанское его отдѣленіе, для воспитанія молодыхъ дѣвушекъ, дочерей чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ, подъ управленіемъ той же начальницы, на 240 учениць, раздѣленныхъ на четыре возраста.

Курсъ ученія его былъ попроще: учили только русскому и иностраннымъ языкамъ и ариѳметикѣ. Цѣль же учрежденія опредѣлена та же, именно: «производить новое порожденіе, отъ котораго бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли, въ сходствіе высочайшаго намѣренія Ея Императорскаго Величества» [5]).

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. 13, стр. 226.

[2]) Sept lettres de Diderot à l'Impératrice Catherine II, publiées sous les auspices de la Société Impériale pour l'histoire de Russie, par J. Grot. 33-й Томъ Сборника Русскаго Историческаго Общества. Спб. 1881 г. стр. 27.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 12154.

[4]) Ст. Лядова, Историческій очеркъ столѣтней жизни Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Санктпетербургскаго александровскаго училища. Спб. 1864 г.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 12323.

Въ 1766 году Императрица пожаловала $2^1/_2$ милліона рублей, съ процентовъ коихъ должны были содержаться воспитываемыя въ новодѣвичьемъ монастырѣ дворянскія и мѣщанскія дѣвицы [1]).

Былъ ли похожъ Смольный на Сенъ-Сиръ, какъ того желала когда-то Екатерина, и какъ многіе думаютъ и доселѣ? Это разъяснитъ намъ происхожденіе и дальнѣйшее развитіе Сенъ-Сирскаго института.

Онъ учрежденъ былъ въ 1686 году въ деревнѣ Сенъ-Сиръ, отстоящей менѣе одной мили отъ Версальскаго дворца, для дочерей лицъ стариннаго дворянства, преимущественно служившихъ въ военной службѣ. Дѣвочки, общимъ числомъ 250, принимались въ это учебное заведеніе отъ 7-ми до 12-ти лѣтъ, раздѣлены были на четыре возраста, и каждый возрастъ имѣлъ одежду извѣстнаго цвѣта: красный (для младшихъ), зеленый, желтый, и синій (для старшихъ).

Сенъ-Сиръ было созданіе г-жи Ментенонъ, которая посвятила ему тридцать лѣтъ своей жизни: когда она проживала въ Версалѣ, то ѣздила туда ежедневно, и часто оставалась цѣлый день, съ шести часовъ утра до вечера, присутствовала при вставаніи ученицъ, маленькихъ сама одѣвала и причесывала, исполняла должность классной дамы въ разныхъ классахъ и входила во всѣ подробности училища.

Въ 1689 году посѣтилъ Людовикъ XIV въ первый разъ Сенъ-Сиръ, и присутствовалъ на представленіи трагедіи Есѳирь (Esther), нарочно написанной Расиномъ для его воспитанницъ, былъ въ восторгѣ отъ ихъ игры, и чрезъ три дня повезъ туда свой дворъ на второе представленіе этой трагедіи; впослѣдствіи, еще нѣсколько разъ играли эту пьесу. Послѣ этого Расинъ написалъ для тѣхъ же воспитанницъ трагедію Гоѳолія (Athalie); но такъ какъ было замѣчено, что эти сценическія представленія развивали въ дѣвицахъ тщеславіе и излишнюю свѣтскость, то имъ дозволено было играть эту пьесу не иначе, какъ безъ сцены, безъ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 12652.

декорацій, безъ костюмовъ. Вскорѣ всякія представленія запрещены были въ Сенъ-Сирѣ, и это учебное заведеніе постепенно обращалось изъ свѣтскаго училища въ духовную общину, и наконецъ превратилось въ настоящій женскій монастырь.

Свѣтскіе священники замѣнены были въ немъ монахами-лазаристами, которые съ 1691 года поселились въ Сенъ-Сирѣ въ числѣ десяти человѣкъ. Воспитательницы, причисленныя къ ордену августіанокъ, должны были принимать торжественные обѣты монашества, и въ 1692 году Сенъ-Сиръ обращенъ былъ въ женскій августіанскій монастырь; сначала оставлено имъ было свѣтское платье, съ большимъ крестомъ на шеѣ, но въ 1707 году онѣ должны были принять полное одѣяніе августіанокъ. Монахини были исключительными преподавательницами всѣхъ предметовъ, и свѣтскіе учителя, конечно, ни въ какомъ случаѣ, не допускались. Въ 1694 году ихъ положено имѣть 80, считая въ томъ и новиціекъ, поступавшихъ изъ числа воспитанницъ.

Курсъ ученія былъ весьма ограниченный: священная исторія, катихизисъ, французскій языкъ съ грамматикою, исторія, географія, миѳологія, музыка и танцы. Вообще на ученье употреблялось мало времени; оно преимущественно посвящалось на молитву и на церковныя службы; воспитанницы читали почти исключительно сочиненія духовнаго содержанія, и иногда, оканчивая курсъ, не знали порядочно собственнаго языка. Монашескій духъ до того преобладалъ въ Сенъ-Сирѣ, что около четвертой части обучавшихся въ немъ, въ теченіе вѣка, дѣвицъ, поступили въ монастырь [1]).

Сравнивая Сенъ-Сиръ со Смольнымъ, найдемъ въ нихъ только то сходство, что оба учебныя заведенія составляли интернатъ для дочерей потомственныхъ дворянъ, что въ оба принимались дѣвочки малолѣтнія, раздѣлены были на четыре возраста, каждый возрастъ имѣлъ платья особаго цвѣта. Этимъ и ограни-

---

[1]) Théophile Lavallée, Madame de Maintenon et la maison royale de Saint-Cyr. Paris 1862.

вадовскимъ проектъ устройства въ немъ учебной части, и сама приказала прибавить латинскій и греческій языки [1]).

Съ этого времени завѣдываніе пажескимъ корпусомъ въ учебномъ отношеніи перешло къ Завадовскому, называвшемуся «управляющимъ науками пажескаго двора Его Императорскаго Величества корпуса», и къ Коммисіи объ учрежденіи училищъ, которые и назначали преподавателей корпуса.

Въ 1789 году напечатана была для пажей составленная учителемъ пажескаго корпуса Филоновымъ краткая греческая грамматика [2]).

Смольный.

Еще бывши великой княгиней, Екатерина думала о жен скомъ образованіи, и о подражаніи въ этомъ отношеніи Санъ-Сиръ, давно извѣстному въ Россіи: еще вь 1717 году осматривалъ его Императоръ Петръ. Такъ какъ внутреннее устройство этого учебнаго заведенія сохранялось во Франціи въ тайнѣ, то ей казалось, что всего лучше было бы обратиться непосредственно къ французскому правительству съ просьбою доставить его уставы и вызвать изъ Санъ-Сира преподавательницу, которой поручить одну или двухъ сиротъ, для приготовленія къ педагогической дѣятельности; эти современемъ стали бы приготовлять другихъ, и такимъ образомъ образовалась бы цѣлая група учительницъ [3]).

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Императрица учредила въ Петербургѣ Общество благородныхъ дѣвицъ при воскресен-

---

[1]) Пол. Собр. Зак. № 16158.

[2]) Въ книжныхъ каталогахъ этого руководства не значится, но что оно дѣйствительно было издано, видно изъ журнала Коммисія объ учрежденіи училищъ 31 марта 1789 г., въ которомъ записано: «По изволенію Коммисіи объ учрежденіи училищъ, напечатана въ типографіи содержателя Вейтбрехта краткая греческая грамматика, сочиненная пажескаго корпуса учителемъ Филоновымъ, не токмо по предопредѣленію г-на Т. С. сенатора и кавалера Петра Васильевича Завадовскаго, для онаго корпуса, но» и т. д.

[3]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 7, стр. 82.

тельницы, обучающія этимъ наукамъ, сами не знаютъ ихъ основательно, и что въ институтѣ нѣтъ даже распредѣленія уроковъ по днямъ и часамъ.

По этому Коммисія ввела преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, неспособныхъ учительницъ замѣнила приготовленными учителями, сосредоточивъ сродные предметы въ рукахъ однихъ и тѣхъ же преподавателей, установила точное распредѣленіе уроковъ по днямъ и часамъ, и ввела свой методъ преподаванія. 10 апрѣля 1783 года всѣ эти предположенія Коммисіи были уже одобрены государынею.

Вслѣдъ за тѣмъ, Коммисія установила для Смольнаго такой учебный планъ: въ первомъ возрастѣ, въ первые два года, 23 часа ученія въ недѣлю, а въ третій годъ 24 часа, въ томъ числѣ на русскій и французскій языки всего болѣе уроковъ, именно по семи часовъ, во второмъ возрастѣ 27 часовъ, и всего болѣе на русскій языкъ (5 часовъ), въ третьемъ и четвертомъ возрастахъ по 29-ти часовъ.

Для наблюденія за исполненіемъ этого плана назначенъ былъ Коммисіею особый инспекторъ, или «надзиратель ученія», для котораго Янковичъ составилъ инструкцію, или «настáвленіе», утвержденное Коммисіею.

Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ преобразованіемъ принесена была существенная польза учебному дѣлу Смольнаго. Но нельзя не сказать, что Коммисія, такъ много содѣйствовавшая введенію правильнаго ученія, увлекалась иногда весьма непрактичными идеалами. Такъ, напримѣръ, исходя изъ правильнаго взгляда, что дѣвицы должны быть воспитаны такъ, чтобы могли сдѣлаться со временемъ хорошими хозяйками, вѣрными женами и попечительными матерями, она предположила составить руководство, въ которомъ изложить не только педагогическія правила о воспитаніи дѣтей, что, конечно, весьма полезно, но и наставленія, какъ вести себя во время беременности и грудокормленія, что вовсе не соотвѣтствуетъ возрасту воспитанницъ.

Коммисія навѣщала Смольный довольно часто въ полномъ

своемъ составѣ, присутствовала на экзаменахъ, даже производила ихъ иногда не въ урочное время.

Опредѣленіе, увольненіе и награды учителей Смольнаго зависѣли отъ Коммисіи.

Все это, разумѣется, не могло нравиться главному начальнику Смольнаго И. И. Бецкому, который, однако, впослѣдствіи, долженъ былъ примирится со всѣми сдѣланными въ его учебномъ заведеніи, помимо его, столь существенными измѣненіями. «Въ новость тебѣ скажу», писалъ въ 1787 году предсѣдатель Коммисіи П. В. Завадовскій графу А. Р. Воронцову, «Бецкій обратился ко мнѣ своимъ благоволеніемъ, зоветъ часто къ себѣ, и я у него бываю. Началъ тѣмъ, что онъ меня любилъ отлично. Я отвѣчалъ: сіе я самъ знаю, а только того не вѣдаю: за что онъ меня ненавидѣлъ» [1]).

Во все царствованіе Екатерины, выпущено было изъ Смольнаго окончившихъ курсъ дѣвицъ: въ благородномъ отдѣленіи 440, въ мѣщанскомъ около 410.

Всѣхъ же воспитывавшихся въ обоихъ отдѣленіяхъ въ этотъ періодъ времени было 1316 [2]).

Горное училище.

Въ древней Россіи знатоки горнаго дѣла выписывались изъ за границы. Императоръ Петръ I послалъ въ 1724 году 22 учениковъ морской и артиллерійской школъ въ Швецію для обученія на рудникахъ. Въ его же царствованіе устроены были двѣ горныя школы: въ Олонцѣ и на Уралѣ; въ Олонцѣ извѣстный горный инженеръ Геннингъ завелъ механическую школу; въ ней приготовлялись артиллеристы и инженеры, которые, по окончаніи ученія, практиковались на Олонецкихъ заводахъ; управлявшій

---

[1]) См. Архивъ князя Воронцова. Книга 12. Москва. 1877 г. стр. 40.

[2]) Георги. Описаніе столичнаго города Санктпетербурга. Спб. 1794 г. 3 части, стр. 394.

Уральскими горными заводами В. Н. Татищевъ открылъ двѣ такъ называемыя ариѳметическія школы, въ которыхъ обучали горному искуству, въ Кунгурѣ и въ Уктусскомъ заводѣ, которыя вскорѣ были соединены въ одну горную школу въ Екатеринбургѣ. Школы эти имѣли преимущественно практическій характеръ.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, Татищевъ, назначенный вторично управляющимъ Уральскими горными заводами, желалъ распространить Екатеринбургскую школу, расширивъ ея курсъ введеніемъ въ него механики, пробирнаго дѣла, и языковъ латинскаго и нѣмецкаго, но встрѣтилъ затрудненія въ невозможности достать учителей. Школа эта постепенно упадала, и горное вѣдомство, по необходимости, должно было довольствоваться практикантами, безъ спеціальнаго научнаго подготовленія: изъ артиллерійской и инженерной школы посылалось на Уральскіе заводы нѣсколько учениковъ, которые и производились потомъ въ горные офицеры.

Потребность въ горномъ учебномъ заведеніи была чувствительна: въ семидесятыхъ годахъ царствованія Екатерины однихъ частныхъ металлическихъ заводовъ считалось уже 169 кромѣ казенныхъ заводовъ, а порядочно устроенной горной школы не было. — Пермскіе рудопромышленники изъявили готовность участвовать въ содержаніи такого училища. Бергъ-коллегія составила уставъ предполагавшагося горнаго училища, и представила его Сенату, который поручилъ разсмотрѣть его оберъ-прокурору М. Ф. Соймонову, завѣдывавшему тогда, послѣ смерти президента оберъ-коллегіи Мусина-Пушкина, бергъ-коллежскими дѣлами.

Соймоновъ составилъ свой проектъ устройства горнаго училища на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) принимать въ него студентовъ Московскаго университета, обученныхъ нѣмецкому, французскому и латинскому языкамъ, также ариѳметикѣ, геометріи и начальнымъ основаніямъ химіи, 2) содержать въ немъ 24 казеннокоштныхъ и 30 своекоштныхъ студентовъ, 3) по-

ручать чтеніе лекцій, кромѣ профессоровъ, и горнымъ офицерамъ, прибавивъ имъ содержаніе, 4) курсъ ученія назначался четырехлѣтній, и состоялъ изъ ариѳметики, алгебры, геометріи, маркшейдерскаго искуства, минераологіи, металлургіи, химіи, механики, гидравлики, физики и рисованія.

Докладъ Сената объ учрежденіи горнаго училища при бергъ-коллегіи утвержденъ былъ Императрицею 21 октября 1773 года [1]), а дѣйствительное открытіе его послѣдовало 28 іюня 1774 года, потому что нужно было употребить нѣсколько мѣсяцевъ для перестройки купленныхъ для его помѣщенія, между 21 и 22-ю линіями Васильевскаго острова, двухъ домовъ графа П. Б. Шереметева. Въ училище поступило 23 студента.

Въ профессора училища поступили отчасти академики, отчасти иностранные ученые, почему въ первое время нѣкоторые предметы читались на нѣмецкомъ языкѣ. Между преподавателями были выдающимися: академикъ Крафтъ, читавшій физику, и въ особенности Ренованцъ, преподававшій маркшейдерское искуство и бывшій впослѣдствіи инспекторомъ училища и оберъ-бергмейстеромъ Колывано-воскресенскихъ заводовъ [2]).

Окончивъ курсъ горныхъ наукъ въ Фрейбергской горной Академіи (въ Саксоніи), Ренованцъ поступилъ въ русскую службу въ 1772 году бергъ-пробиреромъ, и участвовалъ въ составленіи устава горнаго училища. Онъ составилъ учебные кабинеты, сдѣлалъ подробное имъ описаніе и устроилъ на дворѣ училища примѣрный рудникъ, въ формѣ горы, въ 332 сажени длины и 30 сажень ширины; въ этой горѣ помѣщена была рудокопная модель, на 101 сажень длины и три сажени глубины съ шахтами, штольнями, воротами и проч. Гора эта привлекла

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 14048.

[2]) См. Renovanz, russisch-Kaiserl. Oberbergmeister von Kolywanischen Staat, Inspektor und Lehrer der Bergwerkswissenschaften bei der Kaiserl. Bergschule zu St. Petersburg. — Mineralogisch-geographische und andere vermischte Nachrichten von den Oltaischen Gebürgen russisch-Kaiserlichen Antheils. Reval 1788.

много любопытныхъ, и рѣдкій иностранецъ, бывшій въ Петербургѣ, не осматривалъ ее. Вскорѣ послѣ открытія горнаго училища, устроена была при немъ типографія, и учреждено учебное собраніе. Хотя эта ученая коммисія существовала всего четыре года, но она положила начало ученой разработки горныхъ наукъ: издано было семь книгъ «Горнаго Словаря», и вызваны ученыя силы къ разработкѣ предметовъ горнаго дѣла. Между ними особое вниманіе специалистовъ заслужилъ трудъ горнаго инженера Франца-Людвига Канкрина (Cancrenus), отца будущаго министра финансовъ [1]). Нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ студентовъ посылались, для дальнѣйшаго образованія, въ германскія горныя училища.

Въ 1766 году, то есть два года послѣ открытія училища, сдѣлано было существенное преобразованіе въ его организаціи: открыты были въ немъ низшіе классы, съ гимназическимъ курсомъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ пріемъ студентовъ прекратился.

Передъ уничтоженіемъ въ 1784 году бергъ-коллегіи, и передачи ея дѣлъ казеннымъ палатамъ, что̀ отразилось весьма невыгодно на горномъ дѣлѣ въ Россіи, горное училище перешло въ 1783 году въ вѣдѣніе Петербургской казенной палаты; но въ слѣдующемъ 1784 году поступило въ управленіе начальника кабинета П. А. Соймонова, который завѣдывалъ имъ до 1792 года, увеличилъ число воспитанниковъ и сумму на содержаніе училища. Послѣ него училище перешло опять въ руки его основателя М. Ф. Соймонова [2]).

Хорошее устройство горнаго училища заслужило ему довѣріе общества, и многіе родители помѣщали туда своихъ дѣтей, такъ что, кромѣ 70 казенныхъ воспитанниковъ, въ немъ было около 50 пансіонеровъ [3]).

---

[1]) Первыя основанія искуства горныхъ и соляныхъ производствъ, сочиненныя коллежскимъ совѣтникомъ Францомъ-Людвигомъ Канкринымъ. — Переведена капитаномъ Рощениковымъ. СПб. 1785 г.

[2]) Научно-историческій Сборникъ, изданный горнымъ институтомъ ко дню его столѣтняго юбилея. СПб. 1873 г.

[3]) Георги. Описаніе столичнаго города Санктпетербурга. Стр. 141.

Учрежденіе горнаго училища составляетъ эпоху въ развитіи горнаго производства въ Россіи; оно снабдило горные заводы учено-подготовленными спеціалистами изъ русскихъ, и сдѣлало возможными всѣ дальнѣйшія усовершенствованія въ этой столь важной части государственнаго хозяйства.

Греческая гимназія, или греческій кадетскій корпусъ.

Во время первой турецкой войны и Морейской экспедиціи, набирались въ Греціи греческіе мальчики, преимущественно стараніями Моцениго (съ 1784 года онъ былъ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Флоренціи, а съ 1787 года посланникомъ въ Туринѣ), и отправлялись въ Италію, гдѣ ихъ содержали и обучали на счетъ русскаго правительства.

По заключенію мира съ Турціею, они посланы были въ Петербургъ. Первоначально въ 1774 году думали помѣстить ихъ въ Ораніенбаумѣ[1]), но мысль эта вскорѣ была оставлена, и Императрица поручила инженеръ-генералу и строенія государственныхъ дорогъ директору Мордвинову устроить для нихъ гимназію, при артиллерійскомъ и инженерномъ кадетскомъ корпусѣ, съ тѣмъ, чтобы и впослѣдствіи наши единовѣрцы могли пользоваться ею для воспитанія своихъ дѣтей.

Мордвиновъ представилъ проектъ устройства училища на 200 учениковъ, отъ 12-ти до 16-ти лѣтъ, съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Въ этомъ училищѣ полагались слѣдующіе предметы: ариѳметика, алгебра, геометрія, исторія, географія, рисованіе, языки: русскій, нѣмецкій, французскій, итальянскій, турецкій и греческій, но въ такой постепенности, чтобы учащіеся не изучали одновременно болѣе двухъ языковъ, «дабы множествомъ чужестранныхъ словъ не затмить понятіе, а тѣмъ не отнять способности къ изученію другихъ полезныхъ наукъ». По окон-

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 27, стр. 5.

чаніи этого курса, ученики должны были поступать въ разныя спеціальныя учебныя заведенія, какъ-то: морской и артиллерійскій кадетскій корпусъ, въ училище Академіи Наукъ, и т. п. 17 апрѣля 1775 года Императрица утвердила эти предположенія [1]), и приказала отпускать на содержаніе греческой гимназіи ежегодно по 41,613 р. [2]).

Учебною частію въ греческой гимназіи завѣдывалъ съ 1776 по 1783 годъ академикъ Румовскій, въ званіи инспектора. Ученики жили не обширнымъ, общимъ интернатомъ, а въ каждой комнатѣ по семи человѣкъ, и, что всего замѣчательнѣе, не смотря на рѣзкую перемѣну климата, рѣдко подвергались болѣзнямъ, такъ что въ лазаретѣ гимназіи обыкновенно бывало мало, а иногда и вовсе не было больныхъ.

Вскорѣ училище это пріобрѣло, направленіемъ воспитанія и ученія, даннымъ ему съ самаго начала, довѣріе петербургскаго общества, и многія русскія дворянскія семейства стали помѣщать въ него своихъ дѣтей [3]).

Въ 1779 году, то есть черезъ четыре года послѣ учрежденія этой гимназіи, послѣдовалъ первый изъ нея выпускъ, и по этому случаю издана была «Ода Ея Императорскому Величеству Государынѣ Екатеринѣ II, самодержицѣ всероссійской, истинной покровительницѣ грековъ, сочиненная на елино-греческомъ языкѣ греческой гимназіи ученикомъ Георгіемъ Балдани, а съ онаго имъ же на россійскіе стихи переложенная» [4]).

Ни въ морскомъ, ни въ артиллерійскомъ кадетскихъ корпусахъ не нашлось свободныхъ мѣстъ для желавшихъ поступить туда грековъ, окончившихъ гимназическій курсъ; потому въ началѣ 1779 года велѣно было имъ слушать курсъ военныхъ наукъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 14299.
[2]) Тамъ же № 14300.
[3]) Георги. Описаніе столичнаго города Санктпетербурга. стр. 387.
[4]) Bakmeister. Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland. 6-ter Band. 2 u. 3 Stück. S. 304—314.

въ греческой гимназіи [1]). Въ слѣдующемъ 1780 году послѣдовалъ первый выпускъ изъ этой гимназіи въ офицеры арміи [2]).

По политическимъ соображеніямъ, рѣшено было въ 1783 году, послѣ смерти Мордвинова, перевести греческую гимназію въ Херсонъ, вѣроятно, для бо̀льшей близости ея учениковъ къ ихъ родинѣ, и 31 января послѣдовалъ уже указъ о томъ на имя Потемкина, которому она была предоставлена въ управленіе [3]). Указъ этотъ однако не былъ приведенъ въ исполненіе: греческая гимназія осталась въ Петербургѣ. Въ 1799 году Потемкинъ назначилъ ея директоромъ Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, который расширилъ ея курсъ. И по смерти Потемкина, она осталась въ завѣдываніи Мусина-Пушкина [4]) во все остальное время царствованія Императрицы Екатерины.

Медико-хирургическія училища и школы.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины, медицинскія школы продолжали сначала существовать, по прежнему, при госпиталяхъ; въ 1780 году убавлена изъ прежде бывшихъ одна въ Петербургѣ, гдѣ на два госпиталя оставлена одна школа.

Въ 1787 году послѣдовало по медицинскому учебному вѣдомству весьма важное преобразованіе, заключавшееся въ томъ, что медицинскія школы отдѣлены были отъ госпиталей, и сдѣлались самостоятельными учебными заведеніями, съ болѣе теоретическимъ преподаваніемъ, подъ названіемъ медико-хирургическихъ училищъ. Еще болѣе существенное измѣненіе въ этихъ училищахъ замышлялъ въ 1795 году директоръ медицинской коллегіи Васильевъ, проектъ переустройства учебной части ихъ былъ уже изготовленъ, подъ названіемъ «Предварительное по-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 14830.

[2]) Тамъ же № 15059.

[3]) Тамъ же № 15659. Этотъ указъ перепечатанъ въ 27 Томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества. Стр. 230—231.

[4]) Георги. Стр. 385.

становленіе о должностяхъ учащихъ и учащихся», но, по случаю кончины Императрицы въ слѣдующемъ году, не было утверждено.

Кромѣ того, въ это царствованіе устроены были медицинскія школы при Калинкинской больницѣ, и въ Елизаветградѣ при учрежденномъ тамъ княземъ Потемкинымъ госпиталѣ [1]).

Императрица Екатерина II вполнѣ сознавала, что нѣсколько учебныхъ заведеній, сосредоточенныхъ въ столицѣ, не могутъ принести существенной пользы для образованія обширной имперіи. Мысль объ общеніи и распространеніи образованія никогда не покидала ее, и мы попробуемъ представить оставшіеся слѣды этой общей мысли.

Объ учебной части въ Коммисіи о составленіи проекта новаго уложенія.

Въ наказѣ Коммисіи, послѣ разсужденій о пользѣ образованія, обращено особенное вниманіе на домашнее воспитаніе въ семействахъ; въ немъ сказано именно: «невозможно дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ». По этому въ наказѣ изложены совѣты родителямъ о томъ, чтобы воспитывать дѣтей своихъ въ страхѣ божіемъ, вселять въ нихъ любовь къ отечеству, почитать установленныя власти, самимъ остерегаться предъ ними дурныхъ поступковъ, какъ-то: брани, клятвы, лжи, дракъ, и т. п.; наконецъ дословно выписаны изъ доклада Бецкаго о воспитаніи обоего пола юношества нѣсколько правилъ о воспитаніи. Однимъ словомъ, наказъ ограничился одними общими наставленіями о домашнемъ воспитаніи [2]).

---

[1]) См. Чистовича, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. СПб. 1883 г.

[2]) Наказъ Коммисіи о составленіи проекта новаго уложенія, подписанный Императрицею 30 іюля 1767 года, статьи 348—356.

Если бы занятія Коммисіи ограничились этими предѣлами, то не возникали бы въ ней даже и вопросы по учебной части, и кромѣ словъ и общихъ мѣстъ ничего бы отъ нея и не осталось. Но восемь мѣсяцевъ послѣ наказа вышло «Начертаніе о приведеніи къ окончанію Коммисіи о составленіи проекта новаго уложенія» [1]). Оно пошло далѣе домашняго воспитанія, устанавливая образованіе общественное; въ немъ означены три рода или степени учебныхъ заведеній: низшія, среднія и высшія (верховныя училища), то есть начальныя школы, гимназіи и университеты. Въ числѣ 18-ти спеціальныхъ Коммисій, образованныхъ при такъ называемомъ «Большомъ Собраніи», учреждена была «Коммисія о училищахъ и призрѣнія требующихъ».

Въ маѣ 1768 года зашла впервые рѣчь въ Большомъ Собраніи объ училищахъ; депутатъ отъ пахатныхъ солдатъ Нижегородской провинціи просилъ открыть для ихъ дѣтей школы. Ему возражалъ депутатъ отъ города Пензы, что онъ не видитъ для нихъ въ томъ необходимости, что многіе Пензенскіе пахатные солдаты, содержащіе тамъ ландъ-милицію, и безъ школъ выучились грамотѣ и вышли въ секретари и прочіе приказные служители, и сдѣлались взяточниками, а отведенныя имъ земли забросили; потому онъ находилъ, что нѣтъ надобности заводить для нихъ школъ, что «земледѣльцу не слѣдуетъ учиться несходственнымъ съ его состояніемъ наукамъ, кромѣ россійской грамотѣ, но и то по собственному чьему желанію». Мнѣніе Нижегородскаго депутата отъ пахатныхъ солдатъ поддерживали такой же депутатъ отъ нихъ изъ Пензы и Серпейскій депутатъ отъ дворянствъ графъ Александръ Строгановъ. Но польза просвѣщенія низшаго сословія въ понятіяхъ графа Строгонова представлялась въ смыслѣ сословномъ, дворянскомъ. «На что», писалъ онъ, «намъ далеко искать примѣровъ, до какихъ бѣдствъ доводитъ насъ невѣжество? Безъ ужаса представить сему не могу плачевное позорище умерщвленныхъ своими собственными

---

[1]) Это «Начертаніе» подписано было Императрицею 8 апрѣля 1768 года.

крестьянами помѣщиковъ. Еще годъ не минулъ, какъ подобный злоумыселъ почти въ глазахъ нашихъ предпріемлемъ и совершенъ былъ: сіи злодѣи, подобные дикимъ звѣрямъ, не токмо господина своего разлучивъ, умертвили, но жену его и нерожденнаго еще младенца изъ нѣдръ ея вырвали. Я увѣренъ, почтенное собраніе, что если бы просвѣщеніе сей родъ людей былъ, то конечно бы подобныхъ свирѣпствъ мы свидѣтелями не были. И такъ вы сами видите, сколь училища для крестьянства полезны. И когда оные изъ тьмы невѣжества выйдутъ, тогда и достойными себя сдѣлаютъ пользоваться собственностію и вольностію». Графа Строганова поддерживалъ Клинскій депутатъ отъ дворянства Орловъ, заведшій школу для крестьянскихъ дѣтей своего имѣнія, а Обоянскій депутатъ отъ дворянства Глазовъ возражалъ ему тѣмъ, что содержаніе школъ было бы отяготительно для народа, и предлагалъ устроить при всѣхъ церквахъ училища, въ которыхъ обучать дѣтей духовныхъ лицъ, купцовъ, отставныхъ унтеръ-офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей; «владѣльцы же», прибавлялъ онъ, «если пожелаютъ отдавать обучать праздношатающихся, коихъ содержать должны на своемъ коштѣ, безъ принужденія» [1]).

Этими немногими предложеніями и возраженіями и окончились всѣ разсужденія о народномъ образованіи въ Большомъ Собраніи.

Гораздо подробнѣе разобраны были если не всѣ, то многія стороны этого важнаго дѣла, въ учебной коммисіи.

Въ эту коммисію избраны были въ маѣ 1768 года членами депутаты: Кіевскаго полка, повѣтовъ Козелецкаго и Остерскаго отъ шляхетства Владиміръ Золотницкій, отъ города Переяславля Угрюмовъ, отъ Дерпта Урсинусъ и отъ Тульскаго дворянства Алексѣй Ивашкинъ; Угрюмовъ и Ивашкинъ вскорѣ изъ нея вышли, и въ сентябрѣ избранъ былъ членомъ депутатъ юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Фин-

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 32, 1881 г. стр. 52, 55, 66, 73—74, 101, 113, 398, 411—412, 430—432, 457, 520—522, 533—534.

ляндскихъ дѣлъ Тимоѳей Клингштетъ, а генералъ-прокуроромъ назначенъ депутатъ Уфимской провинціи отъ государственныхъ крестьянъ Беклешовъ. Кромѣ того, маршалъ собранія назначилъ отъ себя членомъ въ эту коммисію депутата медицинской коллегіи барона Георга Аша [1]), извѣстнаго въ то время врача, отличившагося впослѣдствіи по своей спеціальности въ первую турецкую войну, и въ особенности во время чумы въ Москвѣ (род. 1727 году, умеръ 1807 года). Онъ остался въ коммисіи до конца 1768 года, когда долженъ былъ отправиться въ походъ. Въ началѣ 1769 года коммисія усилена была двумя членами, депутатами отъ Курскаго дворянства Стролинсовымъ и города Мензелинска отъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и драгунъ Леонтьевымъ. Въ августѣ 1769 года Золотницкій отправился на войну, а на его мѣсто выбранъ былъ депутатъ города Погары Хоминскій.—Въ августѣ 1771 года Клингштетъ уволенъ былъ въ годовой отпускъ за границу.

Въ самомъ началѣ занятій училищной коммисіи, переданы были ей изъ дирекціонной коммисіи два проекта объ учрежденіи въ Россіи училищъ, а впослѣдствіи поступили еще три записки: 1) отъ депутата новокрещенной Мордвы въ Пензенской провинціи, 2) изъ наказа Калужскому и Медынскому депутату князю Борису Голицыну о заведеніи въ Россіи училищъ, и 3) проектъ отъ депутата города Ряжска объ опредѣленіи, на счетъ дворянства, учителя для обученія дѣтей бѣдныхъ дворянъ грамотѣ, математикѣ, фортификаціи и артиллеріи. Кромѣ того, въ коммисіи читались уставы существовавшихъ тогда въ Россіи учебныхъ заведеній, и положенія о разныхъ иностранныхъ училищахъ, какъ-то: о двухъ англійскихъ университетахъ, объ ирландскихъ учебныхъ заведеніяхъ, о прусскихъ начальныхъ училищахъ и т. п.

Клингштетъ, Урсинусъ и баронъ Ашъ были дѣятельными членами коммисіи, Золотницкій принималъ также участіе

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 32, стр. 86, 91, 98, 231, 341.

въ ея работахъ. Сначала каждый изъ нихъ составилъ свой планъ; но такъ какъ всѣ эти планы состояли изъ однихъ оглавленій и возбудили пререканія между членами, то найдено было болѣе практичнымъ написать проекты уставовъ учебныхъ заведеній. Эти проекты сохранились въ черновомъ видѣ, и нѣкоторые со значительными помарками; они касались низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Всего было изготовлено четыре проекта: 1) о нижнихъ деревенскихъ училищахъ (8 главъ), 2) о нижнихъ городскихъ училищахъ (7 главъ), 3) о среднихъ училищахъ (8 главъ), 4) проектъ училищъ для иновѣрцевъ.—Мысль объ учрежденіи городскихъ училищъ принадлежала Клингштету; въ дѣлахъ сохранилась написанная имъ по нѣмецки и потомъ переведенная на русскій языкъ записка, въ которой онъ доказываетъ, что однѣхъ гимназій и начальныхъ школъ недостаточно, что между ними должны быть поставлены срединныя учебныя заведенія, городскія училища (Trivial Schulen), которыя приготовляли бы своихъ учениковъ къ практической жизни, а также и облегчали бы ихъ поступленіе въ гимназіи пріуготовительнымъ обученіемъ. Это же видно изъ дневныхъ записокъ коммисіи 2-го ноября 1770 года и 8 марта 1771 года. Предположенія объ образованіи инородцевъ составлены были барономъ Ашемъ, Золотницкимъ и Урсинусомъ [1]).

---

[1]) Это видно изъ того, что нѣкоторыя мысли объ образованіи инородцевъ, изложенныя въ запискѣ барона Аша и Урсинуса, совершенно соотвѣтствуютъ съ проектомъ устройства иновѣрческихъ училищъ. Въ этой запискѣ именно сказано: «При чемъ разсуждать такожде объ ученіи иновѣрческихъ дѣтей тѣмъ больше мы себѣ за должность почитаемъ, чѣмъ они немалую часть подданныхъ Ея Императорскаго Величества составляютъ, и столько же имѣютъ участія въ благоутробіи Всемилостивѣйшія Матери отечества, сколько и прочіе, державѣ Россійской подвластные. Если же произвесть сіе въ дѣйство нѣсколько трудно покажется, то тѣмъ ревностнѣе должны мы прилагать стараніе объ отвращеніи таковыхъ препятствій. Внушеніе всякому правилъ естественнаго закона не заключаетъ въ себѣ никакого принужденія вѣры, но можетъ оное вмѣстительно быть со всякою вѣрою. Училища народныя, какъ-то общественныя школы, какъ написано въ начертаніи, заключаютъ уже въ себѣ училища для всѣхъ народовъ Россійскаго государства, хотя бы мы и не упомянули точно о единовѣрцахъ въ планѣ».

Объ устройствѣ деревенскихъ школъ.

Училищная коммисія, по мысли Урсинуса, предполагала, по примѣру прусскихъ начальныхъ школъ [1]), ввести обязательное обученіе для всего мужескаго народонаселенія, но только чтенію, а не письму. Съ этою цѣлію она назначала школу въ каждомъ селѣ, а также и въ большихъ деревняхъ, далеко отстоящихъ отъ села, по такому разсчету, чтобы на каждыя 100—250 семей было по одной школѣ, которая могла бы вмѣщать въ себѣ до 30-ти учащихся; если число семей превышало 500, то должно было устроить двѣ школы; тамъ, гдѣ ихъ было менѣе ста, все таки должна была существовать для нихъ школа. Постройка училищныхъ домовъ и содержаніе школъ относились на счетъ прихожанъ. Крестьяне обязывались отдавать въ школы своихъ мальчиковъ отъ 8-ми до 12-ти лѣтняго возраста, которые и оставались бы въ школѣ четыре года, а запоздавшіе началомъ ученія «до выучки». Дѣвочки избавлялись отъ обязательности ученія, и принимались въ школы только по желанію ихъ родителей. Продолжительность учебнаго курса опредѣлялась восьмимѣсячная, то есть отъ окончанія полевыхъ работъ въ сентябрѣ, до начала ихъ, въ маѣ.—Ученіе должно было происходить по особо составленному для того Сѵнодомъ руководству, которое включало бы въ себѣ церковную и гражданскую азбуку, нѣко-

---

[1]) Въ дневной запискѣ 2-го іюня 1769 года сказано: «Разсматривали проектъ о нижнихъ училищахъ.... соображаясь съ планомъ о учрежденіи во всей Россійской имперіи, на равномъ основаніи, учрежденныхъ королемъ прусскимъ въ его государствѣ нижнихъ училищъ».

2-го іюля 1769 года: «Читали проектъ о нижнихъ училищахъ, сочиненный г. депутатомъ Яковомъ-Іоганомъ Урсинусомъ, о которомъ имѣли свои разсужденія, и оный утверждали».

Въ дневной запискѣ 21-го октября 1770 года записано: «Господинъ депутатъ и членъ сей коммисіи пришедъ въ присутствіе отъ города Дерпта Яковъ Іоганъ Урсинусъ въ 10 часовъ, и, по подписаніи дневной записки прошедшаго собранія, соображалъ свой проектъ о деревенскикъ школахъ съ учрежденіемъ прусскаго короля о училищахъ».

торыя молитвы, краткій катихизисъ и изложеніе обязанностей крестьянина. Надзоръ надъ школами поручался священникамъ, но такъ какъ, по своимъ приходскимъ обязанностямъ, они часто отлучаются изъ своихъ домовъ, то и не обязывались учить; въ учители же предназначались діаконы, а гдѣ ихъ не было, дьячки; наконецъ, въ случаѣ недостатка церковнослужителей, допускались и свѣтскіе преподаватели. Главное завѣдываніе сельскими школами предоставлялось архіерею, совмѣстно съ губернаторомъ, мѣстное же ими управленіе ввѣрялось дворянамъ, выбраннымъ уѣзднымъ дворянствомъ въ каждомъ стану въ должность начальниковъ надъ школами; они обязаны были разъ въ два мѣсяца осматривать всѣ школы своего стана и экзаменовать учениковъ; имъ давалось право не только наказывать, но и смѣнять учителей, и назначать на ихъ мѣсто другихъ. Какъ умѣренно было содержаніе, полагавшееся учителямъ, видно изъ того, что, при дачѣ натурою трехъ четвертей ржи, священнику опредѣлялось въ годъ два рубля жалованья, учителю изъ духовныхъ, пользовавшихся землею, 4 рубля, а изъ свѣтскихъ, не имѣвшихъ земельныхъ участковъ, 6 рублей. Такой незначительный расходъ, конечно, не могъ быть тягостенъ для прихожанъ, а потому и повсемѣстность обученія не встрѣтила бы затрудненій въ денежномъ отношеніи.

Въ мартѣ 1770 года проектъ о деревенскихъ школахъ былъ готовъ [1]).

Нижнія городскія училища.

Въ городахъ предлагалось ввести также обязательность ученія, усиливъ ее тѣмъ, чтобы не только мальчики городскихъ жителей, но и дочери ихъ начиная съ семи лѣтъ должны были учиться, съ тою разницею, что для мальчиковъ дѣлались обяза-

---

[1]) Въ дневной запискѣ 2-го марта 1770 года сказано: «Господа депутаты продолжали чтеніе проекта о нижнихъ деревенскихъ училищахъ, которое оконча, утвердили».

тельными не только чтеніе, но и письмо, а для дѣвочекъ одно только чтеніе. На каждыя сто семействъ полагалась одна школа; постройка школьныхъ домовъ и содержаніе школъ относились на счетъ городскихъ жителей. Способъ надзора и составъ учителей полагались такіе же, какъ и въ сельскихъ школахъ. Кромѣ этихъ школъ грамотности, для городовъ, въ которыхъ не было ни высшаго, ни средняго учебнаго заведенія, находили необходимымъ учредить ариѳметическія школы. То же двоевластіе управленія, какъ и сельскими школами, полагалось и для городскихъ: онѣ ставились въ зависимость какъ отъ архіерея, такъ и отъ губернатора.

Составители этихъ проектовъ сознавали, что, при обязательности обученія, становятся необходимыми денежныя взысканія за несоблюденіе положенныхъ о немъ правилъ; потому училищная коммисія просила коммисію о правосудіи опредѣлить наказанія, слѣдующія съ родителей за неприсылку въ школы дѣтей опредѣленнаго возраста, съ прихожанъ за неуплату школьной суммы, и съ помѣщиковъ за припятствіе принадлежащимъ имъ крестьянамъ отдавать въ школы своихъ дѣтей, или уплачивать слѣдующій съ нихъ школьный сборъ. Впрочемъ, коммисія о правосудіи не почла себя въ правѣ устанавливать штрафы за неисполненіе училищныхъ постановленій [1]).

Проектъ училищъ для инородцевъ.

Мысль объ образованіи инородцевъ принадлежитъ барону Ашу, къ которому присоединился Золотницкій; они представили въ коммисію записку, въ которой доказывали, что нужно стремиться къ сближенію инородцевъ съ остальнымъ народонаселеніемъ, и для этого завести для нихъ училища, и въ нихъ преподаваніе особымъ способомъ, соображаясь съ родомъ ихъ жизни и вѣры. Заявленіе это было принято сочувственно ком-

---

[1]) Дневная записка 14 октября 1770 года.

мисіею; она пригласила въ свои засѣданія инородческихъ депутатовъ сибирскихъ и татарскихъ, для уясненія себѣ ихъ вѣры, обрядовъ и обычаевъ, записала ихъ, истребовала отъ Сѵнода статистическія свѣдѣнія о распредѣленіи инородцевъ по епархіямъ [1]), однимъ словомъ, вошла во всѣ подробности этого важнаго вопроса, и изучала его, такъ сказать, на живыхъ экземплярахъ, на представителяхъ инородцевъ.

Вслѣдствіе такого изученія, положено было для осѣдлыхъ инородцевъ устроить особыя училища, не принуждая ихъ впрочемъ посѣщать ихъ, и ввести въ эти училища руководство, которое составлено было бы Сѵнодомъ, такъ, чтобы оно не касалось никакой частной религіи, а заключало бы въ себѣ только общія понятія о божествѣ, свойственное всѣмъ людямъ и почерпаемое изъ чудесъ твореній, а также обязанности подданнаго. Для тѣхъ инородческихъ племенъ, которыя не имѣютъ азбуки, напечатать это руководство русскими буквами, перевести его на русскій языкъ и нѣсколько инородческихъ мальчиковъ помѣстить въ русскія школы, гдѣ они, по этому руководству, ознакомившись съ русскимъ языкомъ, могли бы быть впослѣдствіи учителями своихъ единовѣрцевъ. Вообще полагалось, что учителями инородцевъ должны быть исключительно ихъ единоплеменники.

Въ іюлѣ 1770 года проекты о нижнихъ училищахъ были представлены въ дирекціонную коммисію [2]).

Проектъ о среднихъ училищахъ.

Единственнымъ типомъ средняго учебнаго заведенія коммисія признавала гимназію, и, не находя нужды въ другихъ ро-

---

[1]) Дневныя записки 11 сентября и 29 декабря 1768 г., 2 января, 17 февраля 7 и 23-го апрѣля 1769 года.

[2]) Въ дневной запискѣ 15 іюля 1770 г. сказано: «Пошли въ дирекціонную коммисію, для поданія сочиненнаго ими проекта о нижнихъ деревенскихъ и городскихъ училищахъ, и, подавши оный, возвратились оттуда обратно въ свою коммисію».

дахъ среднихъ училищъ, предлагала уничтожить духовныя семинаріи; въ гимназіяхъ должны были учиться какъ свѣтскія лица, такъ и готовящіеся къ духовному званію. Подъ помѣщеніе гимназій коммисія думала обратить большіе монастыри. Мысль эта была довольно общая въ то время; ее находимъ, напримѣръ, въ наставленіи, данномъ Малороссійскою коллегіею — выбранному въ коммисію о составленіи уложенія депутату [1]).

Уничтожая семинаріи, относя образованіе духовенства къ задачамъ гимназіи, коммисія не могла устранить отъ завѣдыванія ими епархіальныхъ архіереевъ, потому не только *продолжила* и для управленія средними учебными заведеніями то же двоевластіе, принятое ею для низшихъ школъ, но и довела его до такихъ размѣровъ, которые доказывали съ полною очевидностью неисполнимость такого управленія. Именно губернаторы и епархіальные архіереи назначались совмѣстно главными директорами (т. е. попечителями) надъ гимназіями, а такъ какъ въ то время предѣлы епархій не совпадали съ границами губерній, и бывали губерніи, въ которыя входили двѣ и болѣе епархій, то тамъ главнымъ директоромъ полагался тотъ архіерей, въ чьей епархіи находилась гимназія, прочіе же архіереи получали годовые отчеты отъ гимназіи и имѣли право посылать на экзамены довѣренныхъ отъ себя лицъ.

Непосредственныхъ начальниковъ надъ гимназіею или ректоровъ полагалось также два: архимандритъ, или игуменъ, назначенный Сѵнодомъ, и свѣтскій ректоръ, опредѣляемый университетомъ. Учители также отнесены къ двумъ категоріямъ,—духовныхъ и свѣтскихъ, и съ тѣмъ же порядкомъ назначенія отъ Сѵнода и отъ университета. При гимназіи учреждался совѣтъ, состоявшій изъ обоихъ ректоровъ и четырехъ старшихъ учителей, назначаемыхъ главными директорами. Преподаваніе должно было производиться по утвержденнымъ руководствамъ.

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ 1858 г. Книга 3. Смѣсь стр. 51—70, 71—102.

Предполагавшійся учебный курсъ отличался крайнею многопредметностію: кромѣ общепринятыхъ въ гимназіи наукъ, съ латинскимъ и греческимъ и двумя новѣйшими языками, находимъ въ немъ еврейскій и англійскій, теоретическую философію, метафизику, механику, геодезію, архитектуру гражданскую и военную, коммерцію, политику, юриспруденцію и медицину. Составители проекта сознавали, что ученики не въ состояніи одолѣть такого сложнаго и разнообразнаго курса, потому и не обязывали ихъ проходить этотъ курсъ во всемъ его составѣ: совѣтъ гимназіи избиралъ для казенныхъ учениковъ предметы, которые каждый изъ нихъ долженъ изучать, а для своекоштныхъ учениковъ предоставлялось это родителямъ, съ согласія совѣта.

Гимназіи полагались закрытыми учебными заведеніями, на 120 человѣкъ казенныхъ учениковъ каждая; ученики отпускались изъ гимназіи только на каникулы; въ гимназіи принимались какъ дѣти дворянъ, такъ и разночинцевъ, которые пользовались тѣмъ же содержаніемъ, но дворяне вездѣ были отдѣлены отъ дѣтей другихъ сословій какъ въ помѣщеніи, такъ и въ классахъ и за столомъ, — одни сидѣли вмѣстѣ по одну сторону, другіе по другую [1]).

Очевидно, проектъ средняго учебнаго заведенія былъ самый слабый изъ всѣхъ проектовъ, составленныхъ училищною коммисіею; онъ просто былъ невозможенъ и неисполнимъ. Проектъ этотъ составленъ былъ Золотницкимъ [2]), но его не успѣли представить [3]), за закрытіемъ коммисіи.

Устройство университетовъ подвергалось также обсужденію коммисіи, равно какъ и проектъ университетскаго штата, со-

---

[1]) Архивъ II Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи; дѣла подъ №№ 42, 43, $^{12}/_{145}$, связка 356.

[2]) Въ дневной запискѣ 22 іюня 1770 г. сказано: «Приступая къ положенію проекта о среднихъ училищахъ, разсматривали проектъ объ оныхъ депутата Владиміра Золотницкаго, и разсуждали, чтобы во всякой губерніи быть одной гимназіи».

[3]) Дневныя записки 20 и 25-го октября 1771 г. Засѣданіе 25 октября было послѣднимъ, и въ немъ дѣлались еще возраженія на этотъ проектъ.

ставленный профессорами Московскаго университета [1]); но такъ какъ къ составленію университетскаго устава приступлено было только въ октябрѣ 1771 года, то-есть передъ самымъ закрытіемъ коммисіи, то этотъ проектъ и не былъ оконченъ. Напротивъ того, мысли ея членовъ объ устройствѣ сельскихъ и городскихъ училищъ, также объ образованіи инородцевъ, были такъ здравы, что не только опередили своё время, но и наше. И доселѣ мы не дошли до убѣжденія, что единственно вѣрное средство для всеобщаго образованія народа есть обязательность начальнаго обученія для всѣхъ, что единичные случаи учрежденія начальныхъ школъ, столь же часто открывающихся, какъ и произвольно закрывающихся, мало вліяютъ на распространеніе образованія въ обширной Имперіи, и что безъ правительственнаго принужденія къ ученію, русскій народъ, видящій въ указаніяхъ правительства тотъ путь, которому онъ долженъ слѣдовать, на долгое время останется въ невѣжествѣ, самъ собою не сознавая пользы образованія; конечно, есть и будутъ исключенія, но не болѣе. Легко себѣ представить какія благодѣтельныя послѣдствія имѣло бы принятіе правительствомъ, болѣе вѣка тому назадъ, начала обязательности ученія: теперь почти весь русскій народъ былъ бы грамотенъ, какъ германскій, и общій уровень образованности страны, вліяющій на все ея положеніе, какъ духовное, такъ и экономическое, былъ бы гораздо выше. То же можно сказать и объ идеяхъ относительно образованія инородцевъ, имѣющаго у насъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, какъ по ихъ многочисленности и племенной разнообразности, такъ и потому, что они занимаютъ всѣ окраины государства, составляя политически слабую его сторону. Только въ послѣднее время началось образованіе инородцевъ, положены главныя начала, такъ сказать, инородческой системы образованія, учреждено нѣсколько инородческихъ учительскихъ семинарій, и т. п. Но все это не болѣе какъ при-

[1]) Дневныя записки 23 апрѣля и 5 мая 1769 г. и 7 октября 1771 г.

ступъ къ дѣлу, и очень многое остается недодѣланнымъ. Вѣрность взглядовъ членовъ училищной коммисіи въ этомъ вопросѣ поразительна: они предлагали именно такія мѣры, которыя въ наше время специалистами признаны единственно возможными для правильнаго образованія инородцевъ. Къ нимъ относятся и введеніе русскаго алфавита для книгъ тѣхъ инородцевъ, которые не имѣютъ собственной литературы, и совмѣстное съ ихъ нарѣчіемъ изученіе русскаго языка, и правило о томъ, чтобы учители для нихъ назначались изъ ихъ соплеменниковъ. Многое изъ этой вѣрной системы и доселѣ не могло быть выполнено за разными мѣстными и другими затрудненіями.

Проекты училищной коммисіи остались не только неосуществленными, но до сего времени и вовсе никому неизвѣстными, и, въ теченіе цѣлаго столѣтія, столь важные вопросы, какъ обязательность народнаго обученія и образованіе инородцевъ, никѣмъ не поднимались. И такъ, практически труды ея не имѣли никакого значенія, они исчезли; но не должны исчезнуть изъ историческаго воспоминанія тѣ просвѣщенныя мысли, которыя ихъ внушили; онѣ были не только выше своего времени, но и нашего. Не можетъ быть сомнѣнія, что Императрица не видѣла работъ коммисіи и не слыхала о нихъ; иначе было бы невѣроятно, чтобы такая умная и энергическая Государыня, дѣйствительно желавшая просвѣщенія Россіи и обращавшаяся ко многимъ лицамъ и вдалекѣ за совѣтами по учебной части, не воспользовалась тѣмъ, что у нея было подъ рукою.

Академія Наукъ представила въ большое собраніе Коммисіи о составленіи уложенія «статьи, содержащія въ себѣ то, что сдѣлать надлежитъ прежде учрежденія училищъ» [1]). Академія пред-

---

[1]) Подписали: Г. В. Орловъ, Штелинъ, Леонгардъ Эйлеръ, Іванъ Фишеръ, Семенъ Котельниковъ, I. Албрехтъ Ейлеръ, Степанъ Румовскій, C. F. Wolff, Georgius Mauritius Lowitz, Joseph Gärtner, Алексѣй Протасовъ, Петръ Иноходцовъ. См. Архивъ II Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи.

ставленный профессорами Московскаго университета [1]); но такъ какъ къ составленію университетскаго устава приступлено было только въ октябрѣ 1771 года, то-есть передъ самымъ закрытіемъ коммисіи, то этотъ проектъ и не былъ оконченъ. Напротивъ того, мысли ея членовъ объ устройствѣ сельскихъ и городскихъ училищъ, также объ образованіи инородцевъ, были такъ здравы, что не только опередили своё время, но и наше. И доселѣ мы не дошли до убѣжденія, что единственно вѣрное средство для всеобщаго образованія народа есть обязательность начальнаго обученія для всѣхъ, что единичные случаи учрежденія начальныхъ школъ, столь же часто открывающихся, какъ и произвольно закрывающихся, мало вліяютъ на распространеніе образованія въ обширной Имперіи, и что безъ правительственнаго принужденія къ ученію, русскій народъ, видящій въ указаніяхъ правительства тотъ путь, которому онъ долженъ слѣдовать, на долгое время останется въ невѣжествѣ, самъ собою не сознавая пользы образованія; конечно, есть и будутъ исключенія, но не болѣе. Легко себѣ представить какія благодѣтельныя послѣдствія имѣло бы принятіе правительствомъ, болѣе вѣка тому назадъ, начала обязательности ученія: теперь почти весь русскій народъ былъ бы грамотенъ, какъ германскій, и общій уровень образованности страны, вліяющій на все ея положеніе, какъ духовное, такъ и экономическое, былъ бы гораздо выше. То же можно сказать и объ идеяхъ относительно образованія инородцевъ, имѣющаго у насъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, какъ по ихъ многочисленности и племенной разнообразности, такъ и потому, что они занимаютъ всѣ окраины государства, составляя политически слабую его сторону. Только въ послѣднее время началось образованіе инородцевъ, положены главныя начала, такъ сказать, инородческой системы образованія, учреждено нѣсколько инородческихъ учительскихъ семинарій, и т. п. Но все это не болѣе какъ при-

[1]) Дневныя записки 23 апрѣля и 5 мая 1769 г. и 7 октября 1771 г.

ступъ къ дѣлу, и очень многое остается недодѣланнымъ. Вѣрность взглядовъ членовъ училищной коммисіи въ этомъ вопросѣ поразительна: они предлагали именно такія мѣры, которыя въ наше время спеціалистами признаны единственно возможными для правильнаго образованія инородцевъ. Къ нимъ относятся и введеніе русскаго алфавита для книгъ тѣхъ инородцевъ, которые не имѣютъ собственной литературы, и совмѣстное съ ихъ нарѣчіемъ изученіе русскаго языка, и правило о томъ, чтобы учители для нихъ назначались изъ ихъ соплеменниковъ. Многое изъ этой вѣрной системы и доселѣ не могло быть выполнено за разными мѣстными и другими затрудненіями.

Проекты училищной коммисіи остались не только неосуществленными, но до сего времени и вовсе никому неизвѣстными, и, въ теченіе цѣлаго столѣтія, столь важные вопросы, какъ обязательность народнаго обученія и образованіе инородцевъ, никѣмъ не поднимались. И такъ, практически труды ея не имѣли никакого значенія, они исчезли; но не должны исчезнуть изъ историческаго воспоминанія тѣ просвѣщенныя мысли, которыя ихъ внушили; онѣ были не только выше своего времени, но и нашего. Не можетъ быть сомнѣнія, что Императрица не видѣла работъ коммисіи и не слыхала о нихъ; иначе было бы невѣроятно, чтобы такая умная и энергическая Государыня, дѣйствительно желавшая просвѣщенія Россіи и обращавшаяся ко многимъ лицамъ и вдалекѣ за совѣтами по учебной части, не воспользовалась тѣмъ, что у нея было подъ рукою.

Академія Наукъ представила въ большое собраніе Коммисіи о составленіи уложенія «статьи, содержащія въ себѣ то, что сдѣлать надлежитъ прежде учрежденія училищъ» [1]). Академія пред-

---

[1]) Подписали: Г. В. Орловъ, Штелинъ, Леонгардъ Эйлеръ, Іванъ Фишеръ, Семенъ Котельниковъ, І. Албрехтъ Ейлеръ, Степанъ Румовскій, C. F. Wolff, Georgius Mauritius Lowitz, Joseph Gärtner, Алексѣй Протасовъ, Петръ Иноходцовъ. См. Архивъ II Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи.

ставленный профессорами Московскаго университета [1]); но такъ какъ къ составленію университетскаго устава приступлено было только въ октябрѣ 1771 года, то-есть передъ самымъ закрытіемъ коммисіи, то этотъ проектъ и не былъ оконченъ. Напротивъ того, мысли ея членовъ объ устройствѣ сельскихъ и городскихъ училищъ, также объ образованіи инородцевъ, были такъ здравы, что не только опередили своё время, но и наше. И доселѣ мы не дошли до убѣжденія, что единственно вѣрное средство для всеобщаго образованія народа есть обязательность начальнаго обученія для всѣхъ, что единичные случаи учрежденія начальныхъ школъ, столь же часто открывающихся, какъ и произвольно закрывающихся, мало вліяютъ на распространеніе образованія въ обширной Имперіи, и что безъ правительственнаго принужденія къ ученію, русскій народъ, видящій въ указаніяхъ правительства тотъ путь, которому онъ долженъ слѣдовать, на долгое время останется въ невѣжествѣ, самъ собою не сознавая пользы образованія; конечно, есть и будутъ исключенія, но не болѣе. Легко себѣ представить какія благодѣтельныя послѣдствія имѣло бы принятіе правительствомъ, болѣе вѣка тому назадъ, начала обязательности ученія: теперь почти весь русскій народъ былъ бы грамотенъ, какъ германскій, и общій уровень образованности страны, вліяющій на все ея положеніе, какъ духовное, такъ и экономическое, былъ бы гораздо выше. То же можно сказать и объ идеяхъ относительно образованія инородцевъ, имѣющаго у насъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, какъ по ихъ многочисленности и племенной разнообразности, такъ и потому, что они занимаютъ всѣ окраины государства, составляя политически слабую его сторону. Только въ послѣднее время началось образованіе инородцевъ, положены главныя начала, такъ сказать, инородческой системы образованія, учреждено нѣсколько инородческихъ учительскихъ семинарій, и т. п. Но все это не болѣе какъ при-

---

[1]) Дневныя записки 23 апрѣля и 5 мая 1769 г. и 7 октября 1771 г.

ступъ къ дѣлу, и очень многое остается недодѣланнымъ. Вѣрность взглядовъ членовъ училищной коммисіи въ этомъ вопросѣ поразительна: они предлагали именно такія мѣры, которыя въ наше время спеціалистами признаны единственно возможными для правильнаго образованія инородцевъ. Къ нимъ относятся и введеніе русскаго алфавита для книгъ тѣхъ инородцевъ, которые не имѣютъ собственной литературы, и совмѣстное съ ихъ нарѣчіемъ изученіе русскаго языка, и правило о томъ, чтобы учители для нихъ назначались изъ ихъ соплеменниковъ. Многое изъ этой вѣрной системы и доселѣ не могло быть выполнено за разными мѣстными и другими затрудненіями.

Проекты училищной коммисіи остались не только неосуществленными, но до сего времени и вовсе никому неизвѣстными, и, въ теченіе цѣлаго столѣтія, столь важные вопросы, какъ обязательность народнаго обученія и образованіе инородцевъ, никѣмъ не поднимались. И такъ, практически труды ея не имѣли никакого значенія, они исчезли; но не должны исчезнуть изъ историческаго воспоминанія тѣ просвѣщенныя мысли, которыя ихъ внушили; онѣ были не только выше своего времени, но и нашего. Не можетъ быть сомнѣнія, что Императрица не видѣла работъ коммисіи и не слыхала о нихъ; иначе было бы невѣроятно, чтобы такая умная и энергическая Государыня, дѣйствительно желавшая просвѣщенія Россіи и обращавшаяся ко многимъ лицамъ и вдалекѣ за совѣтами по учебной части, не воспользовалась тѣмъ, что у нея было подъ рукою.

Академія Наукъ представила въ большое собраніе Коммисіи о составленіи уложенія «статьи, содержащія въ себѣ то, что сдѣлать надлежитъ прежде учрежденія училищъ» [1]). Академія пред-

[1]) Подписали: Г. В. Орловъ, Штелинъ, Леонгардъ Эйлеръ, Іванъ Фишеръ, Семенъ Котельниковъ, I. Албрехтъ Ейлеръ, Степанъ Румовскій, C. F. Wolff, Georgius Mauritius Lowitz, Joseph Gärtner, Алексѣй Протасовъ, Петръ Иноходцовъ. См. Архивъ II Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи.

лагала учредить особое учебное вѣдомство, которе находилось бы въ собственномъ вѣдѣніи Государя, ни отъ кого не зависѣло и не давало бы никому, кромѣ Государя, никакого отчета. Это вѣдомство, или «Правительство», состоитъ изъ девяти лицъ, изъ коихъ три изъ «знатныхъ просвѣщенныхъ любителей наукъ», а остальные изъ ученыхъ; по выбытіи кого-либо изъ членовъ, выбирать трехъ кандидатовъ, и представлять Императрицѣ объ утвержденіи одного изъ нихъ. Оно должно было завѣдывать всѣми учебными заведеніями низшими, средними и высшими, безъ исключенія, представить общій планъ учрежденія учебныхъ заведеній, и составить для нихъ уставы. Члены этого «правительства» должны были попеременно объѣзжать учебныя заведенія и осматривать ихъ.

Эти весьма дѣльныя предположенія Академіи оживили бы учебное дѣло, придали бы ему энергію и единство дѣйствій. Училищная коммисія не сознавала важности центральнаго учебнаго управленія, и полагала подчинить училища всеправящему Сенату [1]).

Планъ устройства учебной части въ Россіи, предложенный Дидро.

Въ бытность Дидро въ Петербургѣ, Императрица, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ, не разъ касалась вопросовъ народнаго образованія и просила его изложить свои мысли о томъ, какъ бы можно было наилучше устроить въ Россіи училища различныхъ степеней.

По возвращеніи въ Парижъ, Дидро исполнилъ порученіе Императрицы, и въ 1775 году прислалъ ей «планъ университета для русскаго правительства, или проектъ народнаго образованія

---

[1]) Дневная записка 3-го августа 1770-го года: «Обще господа члены разсуждали какое учредить главное правленіе надъ училищами, и, разсуждая, положили, чтобы особливаго правленія не дѣлать, а подчинить оныя Правительствующему Сенату».

во всѣхъ наукахъ». Университетъ принятъ здѣсь во французскомъ смыслѣ этого слова, то есть какъ совокупность разныхъ учебныхъ заведеній, въ родѣ нашего учебнаго округа. Подъ именемъ университета Дидро разумѣлъ начальную школу, на которой, впрочемъ, не останавливался, среднее учебное заведеніе, дополнительный въ немъ, или переходный къ университету курсъ, и особенно университетъ, организація котораго, какъ сейчасъ увидимъ, не представляла рѣзкихъ особенностей противъ устройства европейскихъ университетовъ того времени.

Оригинальность, можно сказать, эксцентричность проекта Дидро заключалась въ учебномъ планѣ предполагавшагося имъ средняго учебнаго заведенія, которымъ замѣнялась гимназія. По его мысли, оно должно было состоять изъ восьми классовъ, и первые пять лѣтъ ученія посвящались бы исключительно наукамъ математическимъ и естественнымъ; ни одна словесная наука не допускалась въ курсъ этихъ классовъ. Такимъ образомъ, естественное развитіе учениковъ направлялось на путь пространства, величины и количества, этихъ основъ математики; всѣ остальныя функціи ума оставались не затронутыми; воображеніе, вкусъ, чувство изящнаго, воля, однимъ словомъ, всѣ нравственныя качества человѣка, составляющія его нравственную природу, какъ бы не признавались, и не получали ни пищи, ни удовлетворенія; для нихъ не отведено въ планѣ Дидро вовсе мѣста. Если бы такой учебный планъ былъ примѣненъ, ученики получили бы, конечно, самое неправильное умственное развитіе.

Но и въ этомъ узкомъ направленіи, учащіеся не могли бы идти успѣшно, по несоотвѣтственности учебныхъ требованій съ ихъ возрастомъ и силами. Для поступленія въ такое среднее учебное заведеніе, дѣти должны были только умѣть читать, писать и знать цифры, а съ перваго же года имъ преподавали бы уже, кромѣ ариѳметики, алгебру, съ теоріею вѣроятностей, и геометрію. Во второмъ классѣ 9-ти 10-ти лѣтніе мальчики должны были проходить физику, механику и гидравлику; въ третьемъ—систему мірозданія, астрономію; въ четвертомъ—естественную

исторію и экспериментальную физику; въ пятомъ—химію и анатомію. Одолѣть всѣ эти науки, усвоить ихъ себѣ конечно не по силамъ 14—15-ти лѣтнему мальчику; не развить его могли бы онѣ, а забить въ немъ всякія умственныя способности, сдѣлать изъ него нравственно какого-то урода.

Словесныя науки допускаются Дидро только съ шестаго класса, гдѣ онѣ представляются: логикою, *критикою* и общею грамматикою (la grammaire générale et raisonnée) Языки отечественный и славянскій удалены на седьмой годъ ученія; до тѣхъ же поръ русскія дѣти не обязывались знать своего языка. Иностранные языки не полагались вовсе. Наконецъ, только на послѣднемъ, восьмомъ году ученія, и только на одинъ годъ, появляются языки латинскій и греческій, вмѣстѣ съ краснорѣчіемъ и поэзіею. И такъ 17—18-ти лѣтній юноша принимался бы за азбуку древнихъ языковъ, легко понять съ какою готовностію изучить ихъ, и въ одинъ годъ пройти обѣ ихъ грамматики и литературы, и при томъ такъ, чтобы могли сознательно оцѣнить достоинства древнихъ писателей (этого именно требуетъ Дидро).

Въ дополнительномъ, или второмъ курсѣ, преподавались бы, по проекту Дидро, въ первый годъ, главныя основанія метафизики и религія, съ объясненіемъ двухъ естествъ Спасителя и существованія Божія. Впрочемъ, эти религіозные предметы вмѣщались въ курсъ только по снисходительности къ Императрицѣ, какъ уступка ея мнѣнію. «Ваше Величество», писалъ Дидро, «не раздѣляете взгляда Байля, который полагаетъ, что гражданское общество атеистовъ можетъ быть устроено также хорошо, какъ общество деистовъ, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ сборище изувѣровъ. Вы не думаете, какъ Плутархъ, что религіозный фанатизмъ болѣе опасенъ по своимъ послѣдствіямъ и болѣе оскорбляетъ божество, чѣмъ безвѣріе. Вы не называете религію, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, изувѣрствомъ, допущеннымъ законами, а изувѣрство—религіею, ими запрещаемой. Вы полагаете, что страхъ загробныхъ наказаній имѣетъ большое вліяніе на образъ дѣйствій людей, и что злодѣянія, не останавливаемыя висѣлицею,

могутъ быть остановлены боязнію отдаленнаго наказанія. Не смотря на неисчислимыя бѣдствія, которыя принесли человѣчеству религіозныя вѣрованія, не смотря на неудобства системы, подчиняющей народы духовнымъ лицамъ, всегда соперничающимъ съ государственною властію, системы, которая навязываетъ государямъ духовнаго главу и установляетъ законы болѣе твердые, болѣе священные, чѣмъ ихъ собственные, не смотря на все это, вы убѣждены, что сумма ежедневныхъ благъ, доставляемыхъ религіею всѣмъ слоямъ общества, превышаетъ сумму зла, производимаго въ народѣ религіозными сектами, а въ сношеніяхъ народовъ между собою религіозною нетерпимостію, этимъ трудно излѣчаемымъ умоизступленіемъ. И такъ, остается только сообразоваться съ Вашимъ взглядомъ при обученіи Вашихъ подданныхъ, и допустить, чтобы имъ объясняли два естества въ І. Христѣ, существованіе Божіе, безсмертіе души и будущую жизнь, но только какъ введеніе въ науку нравственности».

Во второмъ классѣ дополнительнаго курса полагались: исторія, географія, политическая экономія и домоводство, или домашнее хозяйство. При преподаваніи исторіи, Дидро проводитъ также своеобразный взглядъ. «Думаю», говоритъ онъ, «что изученіе исторіи нужно начать съ своего отечества, и при томъ такъ, чтобы, при изложеніи какъ отечественной исторіи, такъ и исторіи другихъ народовъ, начинать съ ближайшаго къ намъ времени, нисходя постепенно къ вѣкамъ побасёнокъ и миѳологіи. Таково мнѣніе Гроціуса. Вообще, говоритъ онъ, не слѣдуетъ начинать съ событій, давно минувшихъ, для насъ нелюбопытныхъ, но съ болѣе вѣрныхъ, близкихъ фактовъ, и идти отъ нихъ шагъ за шагомъ до начала временъ». Другими словами — преподавать исторію на выворотъ.

Дидро получилъ классическое образованіе. «Многіе годы», говоритъ онъ, «передъ сномъ, я также обязательно читалъ пѣснь Гомера, какъ священникъ — свой молитвенникъ. Съ юности я сосалъ молоко Гомера, Горація, Теренція, Анакреона, Платона и Еврипида, перемѣшанное съ млекомъ Моисея и пророковъ».

И къ какимъ же пришелъ онъ выводамъ? «Къ вопросу: кому дѣйствительно необходимы древніе языки? Почитаю себя въ правѣ отвѣчать на этотъ вопросъ: никому и развѣ только поэтамъ, ораторамъ, ученымъ и записнымъ литераторамъ, то-есть классу общества, наименѣе полезному». Но нѣсколько строкъ далѣе, онъ самъ себѣ противорѣчитъ, истина пробивается противъ его воли, незамѣтно для него самого. «Языкъ Гомера», пишетъ тотъ же врагъ классическаго образованія, «это языкъ поэзіи. Да извинится мнѣ тотъ слабый ѳиміамъ, который я сожигаю передъ статуею учителя, которому я обязанъ тѣмъ, что есть, если чего нибудь стою. Но когда я это почувствовалъ, воспользовался этимъ? Между двадцатью и двадцатью четырьмя годами моей жизни». Казалось бы, можно быть этимъ довольнымъ: плоды образованія сознаются обыкновенно не въ школѣ, а послѣ выхода изъ нея, въ жизни, и въ продолженіе всей жизни. Чѣмъ же думалъ замѣнить Дидро произведенія древнихъ писателей? Переводами ли ихъ на современныя нарѣчія, какъ проповѣдуютъ теперешніе реалисты? Нѣтъ! «Лучшіе переводы древнихъ авторовъ», весьма основательно замѣчаетъ онъ, «безцвѣтныя и безжизненныя копіи; судить о древнихъ по такимъ образцамъ, это все равно что судить Рафаеля или Тиціана по описаніямъ». Такое сознаніе идетъ въ разрѣзъ съ его утвержденіемъ о безполезности древнихъ языковъ, что едвали и было искренно съ его стороны.

Повидимому, при составленіи плана объ устройствѣ учебныхъ заведеній въ Россіи, онъ задался мыслію быть какъ можно оригинальнѣе, не походить на другихъ педагоговъ; онъ съ полнымъ правомъ сказалъ о себѣ: «я возстаю противъ системы образованія, освященной опытомъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ націй». Это не помѣшало ему, однако, совѣтовать Императрицѣ обратиться по этому предмету къ ученому филологу, профессору греческой и латинской словесности въ Лейпцигскомъ университетѣ Ернести (род. 1707 † 1781), извѣстному изданіемъ греческихъ и латинскихъ классиковъ, съ своими коментаріями. Конечно, Ернести не предложилъ бы такого безобразнаго учебнаго плана. Онъ

принадлежитъ всецѣло Дидро, котораго можно почитать праотцемъ современныхъ ультра-реалистовъ; онъ довелъ эту систему до крайнихъ ея предѣловъ, до послѣдняго ея слова, до полной нелѣпости.

Явившись ненавистникомъ классическаго образованія, Дидро не допускаетъ, конечно, въ составѣ университета и философскаго факультета, основывающагося главнѣйше на языкахъ и литературахъ латинской и греческой, и въ организацію университетовъ включаетъ только три факультета: медицинскій, юридическій и богословскій, но этотъ послѣдній съ извѣстными предосторожностями невѣрующаго энциклопедиста. Болѣе всего опасался этотъ атеистъ вліянія римской церкви на греческую, и старался оградить отъ ея покушеній православіе, и потому предписывалъ: «не допускать ничего, что способствовало бы къ сближенію греческой церкви съ римскою; наука, быть можетъ, отъ того и выиграла бы, но это было бы опасно для государственнаго спокойствія. Безразсудно было бы дозволять, чтобы такое вліятельное въ государствѣ сословіе, какъ духовное, признавало, какимъ бы то ни было образомъ, иноземное главенство; это было бы источникомъ постояннаго разъединенія Церкви съ Сенатомъ (!!). Окончательное рѣшеніе спорныхъ духовныхъ дѣлъ должно принадлежать Государю; никакъ не допускать Собора внѣ предѣловъ имперіи, никакъ не терпѣть, чтобы предсѣдателемъ Собора былъ кто либо иной, кромѣ Государя». Дидро возлагалъ большія надежды въ этомъ направленіи православнаго богословія на архіепископа Платона. «Архіепископу Платону», говоритъ онъ, «предлежитъ разсмотрѣть эту сторону народнаго образованія; онъ долженъ согласовать ее съ обычаями, законами, нравами и потребностями русской имперіи, а за Ея Императорскимъ Величествомъ останется право исправленія всего того, что сословная ревность, тайно властвующая даже надъ самыми образованными и самыми благонамѣренными людьми, можетъ заставить архіепископа Платона предпріять вреднаго или опаснаго для государства». «Я не оставилъ бы священниковъ»,

говоритъ Дидро, «какъ представителей истины, не только какъ помѣху возможнымъ, еще болѣе чудовищнымъ заблужденіямъ, не какъ наставниковъ для здравомыслящихъ людей, но какъ стражей сумасшедшихъ; ихъ же церкви сохранилъ бы я какъ пріюты, или сумасшедшіе дома для извѣстнаго рода полоумныхъ, которые стали бы неистовствовать, если не обратить на нихъ вниманіе». Вотъ какъ понималъ Дидро церковь, духовенство и духовную науку, и на какой путь предлагалъ обратить православіе!

Въ медицинскомъ факультетѣ Дидро указалъ на дѣйствительно слабую сторону преподаванія наукъ во всѣхъ почти европейскихъ университетахъ въ XVIII столѣтіи, именно на недостатокъ учебныхъ пособій и медицинской практики; справедливо замѣчалъ онъ, что «молодой врачъ производитъ первые свои опыты на насъ, и дѣлается впослѣдствіи искуснымъ медикомъ, только послѣ произведенныхъ имъ нѣсколькихъ убійствъ». Въ это время клиническихъ каѳедръ не существовало во французскихъ университетахъ. Дидро совѣтовалъ завести въ медицинскихъ факультетахъ анатомическіе театры, гдѣ бы профессоръ хирургіи, въ продолженіе всей зимы, читалъ лекціи надъ трупами, и устроить, подлѣ университетовъ, госпитали, съ двумя покоями, изъ 25-ти кроватей каждый, одинъ для острыхъ болѣзней, другой для хроническихъ, гдѣ студенты упражнялись бы практически, одинъ годъ надъ острыми болѣзнями, другой—надъ хроническими. Продолжительность курса на медицинскомъ факультетѣ Дидро полагалъ въ семь лѣтъ.

Курсъ юридическаго факультета онъ назначалъ четырехлѣтній, и вводилъ въ этотъ факультетъ каѳедру гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, что было новостью для большинства тогдашнихъ университетовъ.

Въ проектѣ Дидро объ университетахъ встрѣчаемъ и нѣкоторыя другія дѣльныя мысли. Онъ находилъ, напримѣръ, полезнымъ учреждать университеты въ небольшихъ городахъ, которые получали бы матеріальныя выгоды отъ жительства въ

нихъ молодежи, а не въ столицахъ и не въ обширныхъ торговыхъ портовыхъ городахъ, потому что въ столицѣ присутствіе государя все поглощаетъ, а многолюдство и движеніе въ такихъ городахъ доставляютъ молодымъ людямъ слишкомъ много развлеченій. Онъ находилъ полезнымъ ввести гонорарій, который вносили бы студенты своимъ профессорамъ по семестрамъ: «даровое обученіе», прибавляетъ онъ, «испортило нашихъ профессоровъ; въ самомъ дѣлѣ, какое имъ дѣло, много или мало у нихъ слушателей, хорошо или дурно исполняютъ они свою обязанность? Труда имъ меньше, а вознагражденіе то же. Другое удобство этого маленькаго взноса со стороны студентовъ заключалось бы въ томъ, что такою мѣрою уменьшилось бы ихъ число, а оно всегда будетъ слишкомъ велико, каковы бы ни были въ будущемъ обстоятельства и положеніе государства. Легкость поступленія въ учебныя заведенія, самолюбіе родителей, ихъ скупость, наклоняющая ихъ избирать такую подготовку дѣтей, которая ничего не стоитъ, вытягиваютъ множество дѣтей изъ сословія ихъ родителей, большіе торговые дома угасаютъ, значительныя фабрики упадаютъ или ухудшаются, промышленность сокращается, и для чего? для того, чтобы выдѣлать одного ученаго доктора».

Дидро находилъ нужнымъ, чтобы правительство удостовѣрялось объ успѣхахъ студентовъ на экзаменахъ, чтобы даже сама Императрица присутствовала на переводныхъ испытаніяхъ, что, конечно, немыслимо и невозможно, и чтобы на этихъ экзаменахъ были депутаты или представители отъ Сената. «Когда тѣ же самыя лица», говорилъ Дидро, «которыя преподаютъ, выдаютъ также и свидѣтельства, удостовѣряющія о способности получающихъ ихъ занимать мѣста на государственной службѣ и въ судахъ, когда въ ихъ волѣ расточать удостовѣренія объ учености и разные дипломы, они недостаточно заботятся о преподаваніи». Независимо отъ экзаменовъ внутри университетовъ, Дидро полагалъ необходимымъ, чтобы поступающіе на службу выдерживали особый экзаменъ въ коммисіи, со-

ставленной изъ лицъ того вѣдомства, къ которому они желаютъ быть причисленными[1]).

Посылая этотъ учебный проектъ Императрицѣ, Дидро писалъ ей, что ему представляются два рода затрудненій для его исполненія—недостатокъ учебныхъ руководствъ и неимѣніе преподавателей, но что эти кажущіяся препятствія легко преодолѣть, поручивъ членамъ Петербургской Академіи Наукъ и другимъ европейскимъ ученымъ составленіе этихъ руководствъ, а какъ скоро они будутъ готовы и переведены на русскій языкъ, то не потребуется уже болѣе вызывать въ Россію, для занятія профессорскихъ и учительскихъ должностей, ученыхъ иностранцевъ; тогда они найдутся и между русскими: всякій понимающій что написано въ учебникѣ въ состояніи преподавать по оному дѣтямъ, по мнѣнію Дидро. Нужно сознаться, что такой способъ преподаванія чрезъ учителей-автоматовъ столь же оригиналенъ, какъ и устройство его своеобразной гимназіи[2]).

Получивъ проектъ Дидро, Императрица писала Гримму, что займется имъ тогда, когда дойдетъ очередь до учрежденія въ Россіи университетовъ[3]), положила этотъ проектъ въ свой портфель, и никогда его оттуда не вынимала; это самое лучшее употребленіе, которое она могла изъ него сдѣлать.

Инструкція Императрицы Н. И. Салтыкову о воспитаніи Великихъ Князей.

13-го марта 1784 года Императрица дала Н. И. Салтыкову, назначенному воспитателемъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей, «инструкцію» и «наставленіе», какъ

---

[1]) Oeuvres complètes de Diderot, par Assézat. Tome troisième. Paris. 1875.

[2]) Sept lettres de Diderot à l'Impératrice Catherine II, publiées sous les auspices de la Société Impériale pour l'histoire de Russie, par J. Grot. 33 Томъ. СПб. 1881. стр. 24—26.

[3]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 23, стр. 38, 42.

ихъ воспитывать. Въ этихъ педагогическихъ трактатахъ, ею самою написанныхъ, изложены весьма просвѣщенные взгляды на воспитаніе физическое и нравственное, а также набросанъ, въ общихъ чертахъ, и курсъ ученія, заслуживающій вниманіе. Въ самомъ изложеніи наставленія можно указать на тотъ недостатокъ, что въ немъ перемѣшаны различные возрасты воспитывающихся, хотя въ указѣ Салтыкову они, какъ и слѣдуетъ, раздѣлены; оттого всѣ правила отнесены безразлично ко всѣмъ возрастамъ, что̀, конечно, не сообразно.

Въ прошломъ столѣтіи педагогическія сочиненія Локка продолжали пользоваться въ обществѣ большимъ вліяніемъ; въ 1760 году они были переведены на русскій языкъ [1]), и потому весьма естественно, что Императрица ими пользовалась и во многомъ имъ слѣдовала.

Локкъ былъ замѣчательнымъ педагогомъ XVII вѣка (род. 1632, умеръ 1704 года), и притомъ не теоретическимъ только, но практическимъ педагогомъ, что̀ именно и придаетъ особую цѣнность его наставленіямъ о воспитаніи, возвышающуюся преимущественно еще тѣмъ, что они исходили отъ глубокомысленнаго философа и отъ ученаго, прошедшаго курсъ медицинскихъ наукъ; такимъ образомъ отъ него можно было ожидать изученія дѣтскаго возраста во всѣхъ отношеніяхъ. Окончивъ курсъ въ Оксфордскомъ университетѣ, Локкъ поступилъ въ 1667 году въ семейство лорда Ашлея воспитателемъ третьяго его сына, впослѣдствіи лорда Шефтсбюри; съ 1677 года онъ занимался, въ продолженіе двухъ лѣтъ, воспитаніемъ сына богатаго купца Банкса; впослѣдствіи воспитывалъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, сына своего воспитанника, лорда Шефтсбюри, съ 9-ти до 12-ти лѣтняго его возраста. Письма о воспитаніи написаны имъ были въ Голландіи, гдѣ онъ скрывался отъ пре-

---

[1]) Іоанна Локка о воспитаніи дѣтей. Перевелъ съ французскаго профессоръ Николай Поповскій,. Москва. 1760. Вторымъ изданіемъ вышло въ Москвѣ въ 1788 г.

слѣдованій своего правительства, и изданы въ 1693 году, съ посвященіемъ его пріятелю Эдуарду Кларку. Служа потомъ въ министерствѣ торговли, онъ представилъ проектъ учрежденія ремесленныхъ школъ для рабочаго населенія, извѣстныхъ подъ именемъ «working schools».

Императрица заимствовала у Локка, какъ видно изъ приложенныхъ здѣсь выписокъ [1]), много мыслей и педагогическихъ правилъ, иногда даже буквально переведенныхъ изъ его сочиненія; но нерѣдко она ихъ развивала и дополняла. Притомъ же, эти заимствованія относились лишь до физическаго и нравственнаго воспитанія дѣтей, да и тутъ она не всегда сходилась въ мысляхъ съ этимъ педагогомъ; такъ напримѣръ, Локкъ совѣтуетъ употреблять, для исправленія дѣтей, побои и вообще тѣлесныя наказанія, Императрица же допускаетъ только одни нравственныя средства, какъ-то: вразумленіе, пристыживаніе и главное—донесеніе о дурныхъ поступкахъ Бабушкѣ, которой они обязаны были безусловнымъ повиновеніемъ. Въ наставленіи сказано: «поваживать воспитанниковъ къ непрекословному послушанію Намъ и Императорской Нашей власти. Да будетъ то, что Бабушка приказала, непрекословно исполнено; что запретила, того отнюдь не дѣлать, и чтобъ имъ казалось столько же трудно то нарушить, какъ перемѣнить погоду по ихъ хотѣнію».

По учебной части Екатерина не взяла ничего изъ Локка; всѣ правила по ней составлены ею самостоятельно, и, нужно сказать, взгляды Императрицы на планъ ученія основательнѣе оригинальныхъ, но не всегда вѣрныхъ воззрѣній анлійскаго мыслителя. Не своеобразная ли, напримѣръ, странность изгонять вовсе изъ преподаванія грамматику всѣхъ иностранныхъ языковъ, какъ совѣтуетъ Локкъ? Вся методика преподаванія различныхъ предметовъ, подробно изложенная Локкомъ, опущена Императрицею. Было и болѣе существенное съ нимъ раз-

---

[1]) См. приложеніе.

личіе въ ея взглядахъ: Локкъ видитъ въ древнихъ языкахъ одно лишь утилитарное ихъ значеніе, смотря по сословію, къ которому воспитанникъ принадлежитъ, и вовсе вычеркиваетъ изъ плана ученія греческій языкъ, предоставляя изученіе его волѣ желающихъ. Напротивъ того, по мнѣнію Императрицы, греческій языкъ долженъ почитаться главнѣйшимъ «изъ тѣхъ языковъ, кои ихъ Высочествамъ полезны быть могутъ, ибо посредствомъ его могутъ они пріобрѣсть многое знаніе. Сверхъ великаго числа писателей, коихъ красота въ переводахъ потеряна, не столько отъ неискуства переводчиковъ, сколько слабостію и недостаткомъ другихъ языковъ, сей имѣетъ преимущество предъ другими столько же своею пріятною гармоніею и игрою мыслей, сколько и изобиліемъ. Техническія его слова, къ наукамъ и художествамъ принадлежащія, означаютъ существо самой вещи и приняты во всѣ другіе языки». Нельзя объяснять выдающееся педагогическое значеніе, данное Императрицею греческому языку, тѣмъ, что она имѣла въ виду для втораго своего внука престолъ греческой имперіи, которую думала возможнымъ возстановить, ибо она находила древній греческій языкъ необходимымъ для обоихъ своихъ внуковъ; объ обученіи же новому греческому языку Великаго Князя Константина Павловича она даетъ особое указаніе, выраженное въ словахъ: «со старшимъ питомцемъ англичанамъ говорить по англійски, а съ младшимъ грекамъ говорить по гречески».

Кромѣ того, взглядъ Императрицы и тѣмъ различается отъ воззрѣній Локка, что ея наставленіе о воспитаніи примѣнено къ высокому положенію двухъ воспитанниковъ, къ ихъ національности и будущему призванію. Такимъ образомъ, ученіе географіи должно было начинаться съ географіи Россіи; когда слѣдовало приступить къ изученію наукъ юридическихъ и политическихъ, то, вмѣсто предлагаемыхъ Локкомъ сочиненій Гроціуса «De jure belli et pacis» и Пуффендорфа «De jure naturali et gentium», Великимъ Князьямъ должно было объяснить Наказъ Коммисіи уложенія и учрежденія для управленія губер-

ній, составленные Императрицею, и излагать русскіе гражданскіе законы, ибо, какъ сказано въ наставленіи, «не знавъ оныхъ, и порядка, коимъ правится Россія, знать не могутъ». Съ 11-ти до 15-ти лѣтъ Великіе Князья должны были посвящать нѣсколько часовъ въ день на изученіе России. «Сіе знаніе столь важно для Ихъ Высочествъ и для самой имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно. Карта всея Россіи, и особо каждой губерніи съ описаніемъ, каковы присланы отъ генералъ-губернаторовъ, къ тому служить могутъ, чтобъ знать слой земли, произрастенія, животныхъ, торги, промыслы и рукодѣлія; также рисунки и виды знаменитыхъ мѣстъ, теченіе рѣкъ судоходныхъ, съ назначеніемъ береговъ, гдѣ высоки, гдѣ поемны, большія и проселочныя дороги, города и крѣпости и строенія знаменитыя, описаніе народовъ, въ каждой губерніи живущихъ, одежду и нравы ихъ, обычаи, веселія, вѣры, законы и языки». О преподаваніи русской исторіи сказано: «исторію россійскую имъ знать нужно и для нихъ сочиняется», какъ извѣстно, самою Императрицею. Наконецъ, они должны были изучать военныя науки и военное хозяйство.

Думаютъ, что Императрица, составляя свое наставленіе о воспитаніи, не только дѣлала заимствованія изъ Локка, но и пользовалась для этого сочиненіями Монтеня[1]). Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Монтень (род. 1533, умеръ 1592) былъ не педагогъ, а своеобразный философъ, въ полномъ смыслѣ слова вскормленный древностію (ребенкомъ научился онъ говорить по латыни, прежде чѣмъ зналъ слово по французски); на каждой страницѣ его сочиненій, чисто философическаго содержанія, находимъ или выписки изъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, или подлинныя изъ нихъ цитаты. Никогда не занимался онъ специльно педагогіею, и касался вопросовъ о воспитаніи лишь мимоходомъ; онъ не могъ ихъ обойти, потому что почти не было общеполез-

---

[1]) Николая Лавровскаго, *О педагогическомъ значеніи Екатерины Великой*. Харьковъ. 1856 года.

наго предмета, о которомъ онъ не говорилъ бы въ своихъ сочиненіяхъ, и когда приходилось ему разсуждать о воспитаніи дѣтей, то высказывалъ о немъ, какъ почти обо всемъ, не только здравыя, но и глубокія для его времени понятія, но, повторяемъ, лишь вскользь, лишь между прочимъ; въ его сочиненіяхъ находимъ только одно письмо къ графинѣ Гюрзонъ о воспитаніи дѣтей [1], и изрѣдка, кое гдѣ разсѣянныя о томъ мысли, не заключающія впрочемъ въ себѣ ничего выдающагося. Прежде всего, Монтень былъ наиоригинальнѣйшій философъ, и если кто подражалъ ему, то конечно не Екатерина, а скорѣе Руссо въ его Confessions: за два вѣка до Руссо, Монтень написалъ своего рода исповѣдь, разбросанную по всему его сочиненію, не только съ такою же откровенностію, но и съ такимъ же, какъ у Руссо, цинизмомъ.

Достойно примѣчанія, что инструкція и наставленіе, подписанныя Императрицею 13 марта 1784 года, явились вскорѣ послѣ открытія Коммисіи объ учрежденіи училищъ. Весьма возможно, что педагогическія убѣжденія нѣкоторыхъ членовъ этой Коммисіи имѣли вліяніе на взгляды Императрицы относительно воспитанія дѣтей, а, быть можетъ, и дали ей мысль объ этомъ трудѣ. Что занятія Коммисіи не были ею при этомъ забыты, видно, между прочимъ, изъ того, что она указываетъ, для преподаванія закона Божія Великимъ Князьямъ, на катихизисъ, составленный Янковскимъ и одобренный Коммисіею: «для народныхъ школъ сочиненный катихизисъ тутъ весьма полезенъ быть можетъ, ибо составленъ какъ удобенъ быть можетъ для дѣтей».

---

[1]) Essais de Michel de Montaigne. Paris. 1865. 4 volumes. Въ первомъ томѣ, на стр. 186—239 помѣщено «Lettre à madame Diane de Foix, comtesse de Gurso».

Обобщеніе учебной части на всю имперію относится къ 1782 году, когда стала дѣйствовать, подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, Коммисія объ учрежденіи училищъ, создавшая городскія училища во многихъ городахъ. Лишь съ этого времени начинается, собственно говоря, исторія просвѣщенія Россіи; до тѣхъ же поръ были одни къ тому попытки, которыя и представлены вкратцѣ въ предыдущемъ изложеніи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Инструкція, данная 13 марта 1784 года Императрицею Екатериною II Н. И. Салтыкову, при назначеніи его къ воспитанію Великихъ Князей. (Сочиненія Императрицы Екатерины II. Изданіе Смирдина 1849 г. Томъ I).	Сочиненіе Локка: **Some thoughts concerning education.** Cambridge, 1880.
Да будетъ одежда Ихъ Высочествъ лѣтомъ и зимою не слишкомъ теплая, не тяжелая, не перевязанная, не гнетущая наипаче грудь (стр. 203).	The first thing to be taken care of, is, that children be not too warmly clad or covered, winter or summer (стр. 2). Your son's clothes be never made strait, especially about the breast (стр. 8).
Пища и питіе да будутъ простыя и просто заготовленныя (стр. 203).	As for his diet, it ought to be simple (стр. 9).
Буде кушать захотятъ между обѣда и ужина, давать имъ кусокъ хлѣба (стр. 203).	If he at any time calls for victuals between meals, use him to nothing but dry bread. (стр. 10). And if betwixt these, which I call meals, he will eat, let him have, as often as he calls for it, good dry bread (стр. 11).
Запрещается имъ давать вина инако, какъ развѣ по докторскому предписанію (стр. 203).	They ought never to drink any strong liquor, but when they need it as a cordial, and the doctor prescribes it (стр. 13).
Чтобы не пили холоднаго вспотѣвши, или когда разгорячены, и,	If he be very hot, he should by no means drink; at least a good piece of

вспотѣвши, не пили инако, какъ скушавъ напередъ кусокъ хлѣба.

Чтобъ какъ возможно Ихъ Высочества лѣтомъ и зимою чаще были на вольномъ воздухѣ, когда сіе не можетъ вредить ихъ здоровью. Зимою же колико возможно рѣже быть имъ возлѣ огня.

Чтобъ лѣтомъ играли на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ, на вѣтру. На огаръ лица и рукъ отъ солнца не смотрѣть (стр. 204).

Вспотѣвши, не ложиться на мокрой травѣ (стр. 204).

Поважпвать ихъ, чтобъ часто ноги мыли въ холодной водѣ.... Сіе, начавъ съ весны или лѣтомъ, и продолжая во всякое время года, предупредитъ многія простуды (стр. 205).

bread first to be eaten.... Not being permitted to drink without eating (стр. 12).

Another thing, that is of great advantage to every one's health, but especially children's, is, to be much in the open air, and very little, as may be, by the fire, even in winter (стр. 6).

If I should advise him to play in the wind and sun without a hat, I doubt whether it could be born. Yet I will take the liberty to say, that the more they are in the air, without prejudice to their faces, the stronger and healthier they will be (стр. 7).

Playing in the open air has but this one danger in it, that I know: and that is, that when he is hot with running up and down, he should sit or lie down on the cold or moist earth (стр. 7).

I would also advise his feet to be washed every day in cold water..... And he that considers how mischievous and mortal a thing, taking wet in the feet is, to those who have been bred nicely, will wish he had, with the poor people's children, gone barefoot; who, by that means, come to be so reconciled by custom, to wet their feet, that they take no more cold or harm by it, than if they were wet in their hands (стр. 4). But begin first in the spring with luke-warm, and so colder and colder every time, till in a few days you come to perfectly cold water, and then continue it so, winter and summer (стр. 5).

Чтобъ Ихъ Высочества спали не мягко, но на тюфякахъ, какъ привыкли, а отнюдь не на перинахъ (стр. 205).

Let his bed be hard, and rather quilts than feathers (стр. 16).

Спать имъ, чтобъ ночью голова не была покрыта или закутана (стр. 205).

It is best that by night a child should also lie without one (a cap) (стр. 3).

Когда ихъ будить нужно, тогда оное чинить не вдругъ, но съ осторожностію, дабы не испугались, кликая ихъ по имени не громко (стр. 206).

But great care should be taken in waking them (the children), that it be not done hastily, nor with a loud or shrill voice, or any other sudden violent noise (стр. 16).

Не запрещать имъ играть сколько хотятъ, лишь бы въ игру не входило имъ самимъ, или жизнь имѣющему, вредное (стр. 206).

It must be permitted children not only to divert themselves, but to do it after their own fashion, provided it be innocently, and without prejudice to their health (стр. 87).

Колико возможно рѣже приступать къ употребленію имъ лекарства, и отнюдь не давать имъ лекарства, аки ради осторожности, и будто для упрежденія болѣзни тогда, когда здоровы; словомъ, вовсе не давать имъ лекарства безъ крайней нужды. Употребленіе лекарствъ не ко времени дѣтямъ болѣе притягать можетъ болѣзни, нежели отвращать оныя (стр. 207).

Perhaps it will be expected from me, that I should give some directions of physic, to prevent diseases: for which, I have only this one, very sacredly to be observed: never to give children any physic for prevention. Have a great care of tampering that way, lest, instead of preventing, you draw on diseases. Nor even upon every little indisposition is physic to be given, or the physician to be called to children (стр. 19).

Въ случаѣ дѣйствительной болѣзни, и когда легчайшіе способы не предуспѣли, тогда уже совѣтъ врача потребовать полезно быть можетъ (стр. 208).

When such a gentle treatment will not stop the growing mischief, nor hinder it from turning into a formed disease, it will be time to seek the advice of some sober and discreet physician (стр. 20).

Буде единожды приставники дѣтямъ отказали въ чемъ, то чтобъ крикомъ и плачемъ не могли выпросить (стр. 211).

This ought to be observed as an inviolable maxim, that whatever once is denyed them, they are certainly not to obtain by crying or importunity (стр. 26).

Не допускать Ихъ Высочества до того, чтобъ мучили или убивали невинныхъ животныхъ, какъ то: птицъ, бабочекъ, мухъ, собакъ, кошекъ, или иное подобное, или портили что умышленно (стр. 214).

One thing I have frequently observed in children, that, when they have got possession of any poor creature, they are apt to use it ill; they often torment and treat very roughly young birds, butterflies, and such other poor animals, which fall into their hands, and that with a seeming kind of pleasure. This, I think, should be watched in them; and if they incline to any such cruelty, they should be tought the contrary usage (стр. 100).

Буде кто изъ нихъ солжетъ, то первый разъ оказать о томъ удивленіе, какъ о поступкѣ странномъ, неожиданномъ, неслыханномъ и неприличномъ. Буде же паки найденъ будетъ во лжи, то чинить ему выговоръ и смотрѣть на него и обходиться съ нимъ холодно и съ презрѣніемъ всѣмъ тѣмъ, кои о томъ знаютъ. Буде, паче чаянія, не уймется, то почесть ложь за упрямство; упрямство же влечетъ за собою наказаніе (стр. 215).

When he is first found in a lie, or any ill-natured trick, the first remedy should be to talk to him of it as a strange monstruous matter, that it could not be imagined he would have done, and so shame him out of it (стр. 64). If that keeps him not from relapsing, the next time he must be sharply rebuked, and fall into the state of great displeasure of his father and mother, and all about him, who take notice of it. And if this way work not the cure, you must come to blows; for, after he has been thus warned, a premeditated lie must always be looked upon as obstinacy, and never be permitted to escape unpunished (стр. 114).

Отдалять надлежитъ отъ глазъ и слуха въ младенчествѣ и отъ отроковъ въ первые годы все то, что мысли устращать можетъ, какъ то: всякія пугалища, душу и умъ утѣсняющія, которыми обыкновенно дѣтей стращаютъ, и отъ коихъ дѣлаются они робки, такъ что не могутъ остаться одни, боятся своей

The first step to get this noble and manly steadiness, is, what I have above mentioned, carefully to keep children from frights of all kinds, when they are young. Let not any fearful apprehensions be talked into them, nor terrible objects surprise them (стр. 96). If children were let alone, they would be no more afraid in the dark,

тѣни, или дрожать въ темнотѣ. Всѣ таковыя пугалища и въ рѣчахъ употреблять не надлежитъ (стр. 217).

than in broad sun-shine; they would in their turns as much welcome the one for sleep, as the other to play in: there should be no distinction made to them, by any discourse, of more danger, or terrible things in the one than the other. But, if the folly of any one about them should do them this harm, and make them think there is any difference between being in the dark and winking, you must get it out of their minds as soon as you can (стр. 118).

Учтивость много зависитъ отъ ловкости и благопристойности, которая замыкается и соединяется во взглядѣ, голосѣ, словахъ, поступкѣ, движеніи, обращеніи человѣка, почему пріятно съ нимъ обходиться, и обхожденіемъ тѣмъ онъ дѣлаетъ то, что другіе имъ довольны (стр. 218—219).

From the one, men are called civil; from the other, well-fashioned. The latter of these is that decency and gracefulness of looks, voice, words, motions, gestures, and of all the whole outward demeanour, which takes in company, and makes those with whom we may converse, easy and well-pleased (стр. 121).

Четыре вещи суть совершенно противны учтивости:

I shall take notice of four qualities that are most directly opposite to this first and most taking of all the social virtues. And from some one of these four it is, that incivility commonly has its rise. I shall set them down, that children may be preserved or recovered from their ill influence.

1. Природная грубость та, которая безъ снисхожденія къ другимъ людямъ не смотритъ ни на склонности, ни на сложеніе, ни на состояніе человѣка. Неучтивый человѣкъ не смотритъ на то, что другимъ, которые съ нимъ, нравится или не нравится.

1. The first is a naturel roughness, which makes a man uncomplaisant to others, so that he has no deference for their inclinations, tempers, or conditions. It is the sure badge of a clown, not to mind what pleases or displeases those he is with; and yet one may often find a man, in fashionable clothes, give an unbounded swing to

his own humour, and suffer it to justle or over-run any one that stands in its way, with a perfect indifferency how they take it.

2. Пренебреженіе къ людямъ, непочтеніе, которое оказывается взглядами, словами, поступками и движеніями.

2. Contempt, or want of due respect, discovered either in looks, words, or gesture.

3. Осужденіе словами и насмѣшкою поступковъ ближняго, умышленные споры и непрерывное противорѣчіе.

3. Censoriousness, and finding fault with others, has a direct opposition to civility.

4. Нравъ, занимающійся мелкостями, который находитъ въ оныхъ всегда что ни есть, къ чему привязаться, осуждать и пересужать; также и лишняя учтивость несносна въ обществѣ (стр. 219—220).

4. Raillery is the most refined way of exposing the faults of others (стр. 121—122).

Буде въ дѣтяхъ свободность духа не будетъ угнетаема приставниками, то отъ игры къ ученію приступать они будутъ столь же охотно, какъ къ игрѣ. Когда учиться будутъ непринужденно, но добровольно, тогда такожде охотно учиться будутъ, какъ играть. Не принуждая Ихъ Высочествъ къ ученію, сами просить будутъ, и приходить къ ученію, какъ къ игрушкамъ (стр. 224).

Whereas, were matters ordered right, learning any thing they should be taught, might be made as much a recreation to their play, as their play is to their learning (стр. 53). Get them but to ask their tutor to teach them, as they do often their play-fellows, instead of his calling upon them to learn; and they being satisfied that they act as freely in this, as they do in other things, they will go on with as much pleasure in it, and it will not differ from their other sports and play (стр. 54).

Виршамъ и музыкѣ учить не для чего; тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искуства (стр. 228).

It (music) wastes so much of a young man's time, to gain but a moderate skill in it..... that many think it much better spared: and I have, amongst men of parts and business, so seldom heard any one commended or esteemed for having an excellency

in music, that amongst all those things, that ever came into the list of accomplishments, I think I may give it the last place (стр. 174).

Склонность всякаго человѣка почти влечетъ его къ какому ни есть дѣлу, или ремеслу. Буде Ихъ Высочества окажутъ охоту точить, или къ иному рукодѣлію, или ремеслу, то отъ онаго ихъ не отвращать, черезъ что отъ праздности отвращены будутъ и время займется, питая въ Ихъ Высочествахъ добрую волю, свободность духа, веселость нрава и прилежаніе (стр. 229).

The busy inclination of children being always to be directed to something that may be useful to them, the advantages proposed from what they are set about may be considered of two kinds: 1. Where the skill itself, that is got by exercise, is worth the having. Thus skill not only in languages and learned sciences, but in painting, turning, gardening, tempering and working in iron, and all other usefull arts, is worth the having. 2. Where the exercise itself, without any consideration, is necessary or usefull for health (стр. 177). To the arts above mentioned may be added perfuming, varnishing, graving and several sorts of working in iron, brass and silver (стр. 182).

О вещахъ сверхъ понятія ихъ, о коихъ спросятъ, сказать надлежитъ, что со временемъ свѣдаютъ, или что то не по ихъ лѣтамъ (стр. 237).

If by chance their curiosity leads them to ask what they should not know, it is a great deal better to tell them plainly, that it is a thing that belongs not to them to know, than to pop them off with a falshood, or a frivolous answer (стр. 106).

Буде кто изъ дѣтей извиняется, тогда смотрѣть, говоритъ ли правду, или закрываетъ вину ложью. Буде вину ложью закрываетъ, тогда уговаривать его тихо къ сказанію истины. Буде же не скажетъ, то стыдить его. Буде же скажетъ правду и неправды не усмотрится, тогда, ради чистосердечія, простить ему вину

If therefore, when a child is questioned for any thing, his first answer be an excuse, warn him soberly to tell the truth; and then, if he persists to shuffle it off with a falshood, he must be chastised; but, if he directly confess, you must commend his ingenuity, and pardon the fault, be it what it will; and pardon it so, that

и о томъ, что прощено, уже не упоминать (стр. 240).

you never so much as reproach him with it, or mention it to him again (стр. 114).

Полезно будетъ дѣтямъ вдругъ не давать болѣе одной вещи, и когда захотятъ имѣть другую, тогда отбирать первую. Послѣ семи лѣтъ буде захотятъ новыхъ игрушекъ, то пускай сами сдѣлаютъ, или помогаютъ дѣлать (стр. 244).

Play-things, I think, children should have, and of diverse sorts; but still to be in the custody of their tutors, or somebody else, whereof the child should have in his power but one at once, and should not be suffered to have another, but when he restored that.... How then shall they have the play-games you allow them, if none must be bought for them? I answer, they should make them themselves, or at least endeavour it, and set themselves about it (стр. 112).

Буде приставники примѣтятъ иногда въ которомъ изъ воспитанниковъ равнодушіе ко всему, неохоту или пренебреженіе къ знанію или упражненію, тогда смотрѣть, таковъ ли ко всему, и къ игрѣ, или только къ ученію; если же къ одному ученію безъ охоты, а въ игрѣ живъ, движимъ и продолжителенъ въ своихъ намѣреніяхъ и не лѣнивъ, и неприлежаніе къ ученію происходитъ отъ одной неохоты, тогда можно ему съ доброжелательствомъ тихо и безъ пѣни говорить: колико здравому разсудку противно терять время на бездѣлушки тогда, когда могъ оное употребить съ пользою и что послѣ малаго труда сама забава ему будетъ пріятнѣе. Буде сіе не поможетъ, тогда стыдить, обращая въ смѣхъ лѣнь и нерадѣніе, испрашивая у него безъ людей, но почаще, сколько времени употребилъ онъ на ученіе,

If you are satisfied, by his earnestness at play, or any thing else he sets his mind on, in the intervals between his hours of business, that he is not of himself inclined to laziness, but that only want of relish of his book makes him negligent and sluggish in his application to it; the first step is to try, by talking to him kindly of the folly and inconvenience of it, whereby he loses a good part of his time, which he might have for his diversion: but be sure to talk calmly and kindly, and not much at first, but only these plain reasons in short. If this prevails, you have gained the point in the most desirable way, which is that of reason and kindness. If this softer application prevails not, try to shame him out of it, by laughing at him for it, asking every day, when he comes to table, if there be no strangers there, «how long he was that

чему учился и во сколько времени? и обходиться съ нимъ похолоднѣе на то время, грозя отнять у него книги, учителей и ученіе, дабы понапрасну не терять время и досугъ учителей на его наставленіе, и что его оставятъ съ однѣми игрушками; и въ самомъ дѣлѣ заставить его играть поутру и ввечеру въ уреченный часъ; и въ то время за нимъ смотрѣть, чтобъ заподлинно игралъ до тѣхъ поръ, пока игры наскучатъ ему, и самъ проситься будетъ учиться (стр. 246—247).

day about his business?» And if he has not done it, in the time he might be well supposed to have dispatched it, expose and turn him into ridicule for it; but mix no chiding, only put on a pretty cold brow towards him, and keep it till he reform; and let his mother, tutor, and all about him, do so too. If this work not the effect you desire, then tell him, «he shall be no longer troubled with a tutor to take care of his education: you will not be at the change to have him spend his time idly with him: but since he prefers this or that (whatever play he delights in) to his book, that only he shall do»; and so in earnest set him to work on his beloved play, and keep him steadily, and in earnest to it, morning and afternoon, till he be fully surfeited, and would at any rate, change it for some hours at his book again: but when you thus set him his task of play, you must be sure to look after him yourself, or set somebody else to do it, that may constantly see him employed in it, and that he be not permitted to be idle at that too. I say, yourself look after him (стр. 107—108).

Стараться узнать главную склонность лѣниваго, и, узнавъ, ее употребить въ пользу. Буде любитъ похвалы, или играть, или наряды, или опасается боли, или гнѣва, и тѣмъ разбудить отъ сна лѣпости или нерадѣнія. Буде и сіе не успѣло, тогда предпринимать съ нимъ какую ни есть работу въ уреченные часы,

Inform yourself, what it is he is most pleased with; and if you can find any particular tendency his mind hath, increase it all you can, and make use of that to set him on work, and to excite his industry. If he loves praise, or play, or fine clothes, etc., or, on the other side, dreads pain, disgrace, or your displeasure, etc., whatever

чтобъ привести въ движеніе по малу. Соскучивъ оною, охотнѣе примется за книги и ученье, наипаче когда та работа съ трудомъ и стыдомъ соединена (стр. 247).

it be that he loves most, except it be sloth (for that will never set him on work), let that be made use of to quicken him, and make him bestir himself.... But, because this is an invisible attention, and no-body can tell when he is, or is not idle at it, you must find bodily employments for him which he must be constantly busied in, and kept to; and, if they have some little hardship and shame in them, it may not be the worse, that they may the sooner weary him, and make him desire to return to his book (стр. 109).

Буде желательно дѣтей отвадить отъ игры, то на то вѣрный способъ есть—принуждать ихъ нѣсколько часовъ сряду ежедневно играть тою игрушкою (стр. 248).

Observe what play he is most delighted with; enjoin that, and make him play so many hours every day, not as punishment for playing, but as if it were the business required of him. This, if I mistake not, will, in a few days, make him so weary of his most beloved sport, that he will prefer his book (стр. 110).

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVIII, № 5.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГИМНАЗІЯ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ,

ПО РУКОПИСНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ АРХИВА АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Графа Д. А. ТОЛСТАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

цомъ въ академической администраціи, въ званіи совѣтника академической канцеляріи.

По свидѣтельству Мюллера, кромѣ оффиціально записанныхъ въ гимназію учениковъ, въ ней обучались тогда нѣкоторымъ предметамъ, въ особенности у преподавателей Крамера и Шванвица, дѣти лучшихъ фамилій, между которыми онъ называетъ Новосильцева и Адама Васильевича Олсуфьева, впослѣдствіи статсъ-секретаря Императрицы Екатерины[1]).

На основаніи заключеннаго контракта, Байеръ раздѣлилъ гимназію на два отдѣла: нѣмецкую школу, или приготовительную, подраздѣленную на три класса, и латышскую, состоявшую изъ двухъ классовъ. Нѣмецкая школа необходима была потому, что преподаватели были нѣмцы, не знавшіе русскаго языка, и ученики не могли бы ихъ понимать, не выучившись по нѣмецки.

Въ 1727 году поступило въ гимназію уже гораздо меньше учениковъ, чѣмъ въ предыдущемъ году, именно 58. Между ними былъ сынъ артиллерійскаго генерала Писарева и сынъ контръ-адмирала Синявинъ.

Съ самаго учрежденія этой гимназіи, въ нее принимали учениковъ какъ для прохожденія всего гимназическаго курса, такъ и для изученія только нѣкоторыхъ предметовъ, въ особенности новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Этимъ только можно объяснить значительную разницу въ лѣтахъ учащихся, что конечно было вовсе не педагогично; такъ напримѣръ принятымъ въ этомъ году Синявину и Делену было 6 лѣтъ, а нѣкоему Тодорскому 24 года, и противъ него было означено: «пріѣхалъ по нѣмецки учиться».

Въ декабрѣ 1726 года опредѣлена была въ гимназію надзирательница, «для смотрѣнія надъ дѣтьми, которые при помянутой гимназіи обрѣтаются».

Въ 1728 году вступило въ гимназію еще менѣе, всего 26, а многіе вышли не кончивъ курса. Байеръ писалъ Шумахеру:

---

[1]) Müller. Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg. (Рукопись).

«Отъѣздъ императорскаго двора (Петра II) въ Москву нанесъ здѣшней гимназіи ударъ, потому что ея ученики, и особенно изъ знатныхъ, всѣ почти уѣхали туда же съ своими родителями». Въ числѣ принятыхъ въ гимназію были сынъ вице-адмирала Синявина, братъ извѣстнаго адмирала, командовавшаго въ царствованіе Императрицы Екатерины II, въ первую турецкую войну, азовскою флотиліею, и три сына графа Карла Скавронскаго, брата Императрицы Екатерины I, изъ коихъ средній, Мартынъ, въ царствованіе Екатерины, былъ оберъ-гофмейстеромъ. Скавронскіе поручены были надзирателю Генингеру. Обязанности его, при самомъ учрежденіи Академіи, опредѣлены были слѣдующимъ образомъ: «Юноши благородные, въ академическомъ домѣ живущіе, надзирателя и правителя ученія своего имѣть будутъ—Іоанна Конрада Генингера; ибо надлежитъ гражданству, чтобы тѣ, которые къ знатнѣйшимъ на санъ государства достоинствамъ рождены, не токмо разными науками обучалися, но ко всякой учтивости и къ пріятному обхожденію съ людьми привыкали». По словамъ Мюллера, надзоръ Генингера ограничился тремя Скавронскими, которые не долго остались въ гимназіи.

Въ 1728 году гимназія понесла также чувствительный уронъ въ своихъ преподавателяхъ: изъ нея вышли адъюнкты академіи Мюллеръ, преподававшій латынскій языкъ, исторію и географію, Крафтъ и Вейтбрехтъ, обучавшіе математикѣ; они получили другое назначеніе, и были замѣнены не адъюнктами, а учителями.

Въ 1729 году пріемъ въ гимназію былъ гораздо значительнѣе, именно поступило въ нее 74 мальчика. Но для этого принята была искуственная мѣра наполненія гимназіи дѣтьми такихъ родителей, которые вовсе не нуждались для своихъ сыновей въ гимназическомъ образованіи, именно приняты были сыновья нѣсколькихъ солдатъ, столяра, крестьянина князя Меншикова, семи плотниковъ, кузнеца, трехъ адмиралтейскихъ десятскихъ и одного господскаго человѣка. Такіе ученики, по бо̀льшей части, не оканчивали курса, и для гимназіи составляли ненужный и за-

труднительный балластъ, а стали отвлекать отъ нея дѣтей высшихъ сословій. Впрочемъ и впослѣдствіи поступали иногда въ гимназію и дѣти изъ образованныхъ семействъ; такъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ же 1730 году, когда всего было только 14 поступившихъ въ гимназію учениковъ, принятъ былъ Иванъ Меллесино. Имя его сдѣлалось весьма извѣстнымъ въ царствованіе Императрицы Екатерины: въ 1763 году онъ назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ синода, а съ 1771 года по смерть свою, въ 1795 году, былъ кураторомъ Московскаго университета, при коемъ учредилъ благородный пенсіонъ.

Меллесино.

Положеніе о гимназіи Байера 1731 года.

9 сентября 1731 года Байеръ ввелъ въ дѣйствіе составленное и собственноручно написанное имъ положеніе о гимназіи, подъ заглавіемъ: Gegenwärtige Einrichtung des Gymnasiums. Этимъ положеніемъ подтверждалось существовавшее дѣленіе гимназіи на двѣ школы — нѣмецкую и латынскую и назначались каникулы, когда наступаетъ большая жара, на четыре недѣли, изъ коихъ въ первый и послѣдній день вовсе не было ученья, а въ остальные дни только половина уроковъ.

Между тѣмъ гимназія все падала какъ по числу, такъ и по составу учениковъ. Учрежденіе же въ 1731 году шляхетскаго кадетскаго корпуса нанесло ей такой ударъ, отъ котораго она никогда не могла поправиться. Кадетскій корпусъ давалъ оканчивающимъ въ немъ курсъ чины, гимназія же не представляла своимъ абитуріентамъ никакихъ правъ на службѣ, почему всѣ стремились въ корпусъ и избѣгали гимназію. «Съ основанія кадетскаго корпуса», говоритъ Мюллеръ, «гимназія должна была довольствоваться учениками одного средняго сословія. Дѣти иностранцевъ, непринимаемыхъ въ кадетскій корпусъ, въ достаточномъ еще числѣ поступаютъ въ гимназію, для приготовленія себя къ гражданской службѣ».

Проектъ устройства гимназіи, представленный Фишеромъ въ 1733 году.

Баронъ Кейзерлингъ, въ кратковременное свое президентство въ Академіи Наукъ, въ 1733 году, обратилъ вниманіе на неустройство гимназіи, и поручилъ адъюнкту Академіи Фишеру, бывшему лекторомъ въ гимназіи, представить соображенія объ

ея улучшеніи. Въ представленной 7 августа 1733 года запискѣ, Фишеръ прежде всего старался опредѣлить значеніе гимназическаго ученія и различіе гимназіи отъ простой школы даже съ латынскимъ языкомъ, тѣмъ именно, что гимназія предназначается для гуманистическаго образованія, почему въ курсъ ея должны быть необходимо введены, кромѣ латынскаго языка и греческій, также чтеніе римскихъ поэтовъ, правила ораторскаго искуства и логики. Вообще записка его отличается здравыми педагогическими понятіями; такъ напримѣръ онъ требовалъ, чтобы древнихъ писателей изучали не разомъ многихъ, но одного послѣ другаго, во всякомъ случаѣ не болѣе двухъ, но разнородныхъ, именно одного поэта и оратора, или же историка. Онъ оставлялъ также въ составѣ гимназіи и нѣмецкую школу, говоря: «Когда русскіе ученики познакомятся нѣсколько съ нѣмецкимъ языкомъ, ихъ можно переводить въ латынскую школу». Для наполненія гимназіи надежными учениками, Фишеръ не видѣлъ другаго средства, какъ учрежденіе при ней по крайней мѣрѣ 30-ти стипендій, что, по тогдашнимъ цѣнамъ, стоило-бы казнѣ не болѣе 1,600 рублей и доставило бы большую пользу государству, такъ какъ изъ этихъ стипендіатовъ можно было бы приготовлять не только чиновниковъ, но и учителей въ школы, которыя со временемъ неминуемо должны были возникнуть, а это было бы гораздо лучше и дешевле, чѣмъ выписывать съ этою цѣлію иностранцевъ. И съ этимъ новымъ расходомъ, содержаніе гимназіи не превышало бы 4,000 р. Вмѣсто четырехнедѣльныхъ, какъ мы видѣли, полувакацій (половину недѣли гимназисты учились), онъ предлагалъ установить двухнедѣльныя полныя вакаціи. Гимназія находилась на Васильевскомъ островѣ, а за проходъ по мосту чрезъ Неву платились мостовыя деньги, что было обременительно для гимназистовъ, по бо́льшей части бѣдныхъ; поэтому Фишеръ просилъ освободить такихъ отъ этой платы и пропускать ихъ безплатно чрезъ мостъ по билетамъ, выдаваемымъ гимназіею. Зданіе гимназіи было крайне неудобно: проходные классы, помѣщеніе въ ней цѣлыхъ се-

мействъ служителей, происходившіе отъ этого шумъ и крики, плачъ дѣтей, мѣшавшихъ преподаванію. На все это обращалъ Фишеръ вниманіе президента; но баронъ Кейзерлингъ занималъ эту должность не болѣе полугода, въ 1734 году онъ перешелъ на дипломатическую службу, и гимназія осталась въ прежнемъ положеніи.

14 сентября 1734 года, президентомъ Академіи назначенъ былъ баронъ Іоганнъ Альбертъ Корфъ, учившійся въ свои молодые годы въ Іенскомъ университетѣ.

Представленіе Президента Академіи барона Корфа о содержаніи въ гимназіи казеннокоштныхъ учениковъ.

Для наполненія гимназіи учениками, баронъ Корфъ, вѣроятно по внушенію того же Фишера, находилъ также необходимымъ содержаніе нѣкотораго числа изъ нихъ на казенный счетъ. Въ протоколѣ 24 января 1735 года записано: «По указу Ея Императорскаго Величества во Академіи Наукъ, обрѣтающій главный командиръ, дѣйствительный камергеръ баронъ фонъ Корфъ приказалъ въ Правительствующій Сенатъ внесть доношеніе, и объявить: Понеже въ прошломъ 1724 году, по учиненному блаженныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Великаго о Академіи Наукъ прожекту подтверждено, что обрѣтающіеся при оной профессоры не токмо собственными своими изобрѣтеніями науки въ бо̀льшее совершенство приводить, но притомъ и молодыхъ людей въ оныхъ обучать долженствуютъ; что они первое намѣреніе исполнили, явствуютъ печатныя при академіи книги; а оная причина принята, для которой они вторую часть своей должности въ дѣйство привести не могли, происходитъ оттого, что они способныхъ учениковъ не имѣли. И дабы въ семъ высочайшему намѣренію Ея Императорскаго Величества, послѣдовано было, то надлежитъ при Академіи сначала тридцать человѣкъ молодыхъ людей добраго нрава и довольныя надежды выписывать и содержать, и не токмо въ приличныхъ, но и вышнихъ наукахъ, по намѣренію Его Императорскаго Величества Петра Великаго такъ обучать что бы они со временемъ государству полезныя услуги показывать могли. Содержаніе оныхъ станетъ, по исчисленію, въ три тысячи шесть сотъ семьдесять во-

семь рублевъ... И понеже оттого весьма много зависитъ, чтобы юношество добрымъ порядкомъ обучено было, того ради избранъ къ тому наилегчайшій и въ изрядно учрежденныхъ школахъ наиупотребительнѣйшій способъ, которому Правительствующему Сенату впредь для апробаціи предложить, при томъ же требовать, дабы повелѣно было на содержаніе означенныхъ учениковъ вышеписанную сумму опредѣлить, для того, что нынѣшняя академическая сумма, какъ Правительствующему Сенату извѣстно, что и на случающіеся нужные расходы не довольна». Сенатъ назначилъ на это по 3,000 р. ежегодно, и приказалъ принять въ Академію 20 учениковъ изъ Московскаго Спасскаго училищнаго монастыря; но оттуда прислано было только 12 человѣкъ. Баронъ Корфъ просилъ сенатъ приказать прислать еще учениковъ «изъ другихъ училищныхъ монастырей», то есть изъ семинарій, но это не было сдѣлано.

Ректорство Фишера и Шванвица (1735—1736 года).

Въ началѣ 1735 года Фишеръ назначенъ былъ ректоромъ гимназіи, а Байеръ инспекторомъ. Но Фишеръ оставался недолго одинъ въ этой должности: въ слѣдующихъ 1736—1738 годахъ встрѣчаемъ на ней уже Шванвица, бывшаго преподавателя, о которомъ упоминаетъ Мюллеръ; какъ ни странно можетъ показаться, они были ректорами гимназіи въ одно и тоже время. Конректоромъ гимназіи опредѣленъ былъ въ 1736 году Геллертъ, спеціалистъ по химіи и физикѣ, оказавшій впослѣдствіи, по возвращеніи его въ 1744 году въ Германію, значительныя услуги горно-заводскому дѣлу въ Саксоніи.

Изъ рапортовъ Шванвица Академической Канцеляріи видно, что въ 1736 году учениковъ въ гимназіи было только 28, и что многіе изъ нихъ не ходили въ классы, такихъ бывало до 12-ти, а иногда и до 20-ти. Библіотекарь Шумахеръ не рѣдко вытребовалъ гимназистовъ на работы въ типографіи, или употреблялъ ихъ на занятія по Академической Канцеляріи. Съ сентября до конца года бо́льшая часть учениковъ перестала вовсе ходить въ гимназію, такъ что въ классахъ бывало отъ 8-ми до 15-ти учениковъ.

При такой незначительной ихъ численности, ректора жаловались на тѣсноту помѣщенія гимназіи, и объясняли этимъ почему они будто бы не могутъ преподавать въ гимназіи, а учатъ гимназистовъ въ своихъ квартирахъ, для отопленія коихъ просили и получили казенныя дрова. Вотъ относящійся до этого любопытный протоколъ Академіи 27 сентября 1736 года: «По указу Ея Императорскаго Величества, въ Академіи Наукъ, обрѣтающійся главный командиръ, дѣйствительный камергеръ баронъ фонъ Корфъ приказалъ выдать ректорамъ Мартыну Шванвицу, да Фишеру дровъ долгихъ каждому по пяти саженей, для того, что сего сентября 18 дня профессоръ Бэръ объявилъ, что имъ въ гимназіи, за утѣсненіемъ учениковъ, обучать невозможно, для чего оныхъ обучаютъ они ректоры въ своихъ квартирахъ, а понеже уже время осени, того ради для топленія имъ ректорамъ означенныя дрова и выдать».

Въ 1737 году гимназія состояла всего изъ 19-ти учениковъ, изъ коихъ многіе не ходили въ классы; бывали дни, что въ гимназіи находили только одного ученика, а разъ случилось что ни одного не было.

Гимназія разрушалась; нужно было возобновить ее. Съ этою цѣлію учреждена была въ 1737 году Академіею Наукъ, во время президентства барона Корфа, особая коммисія изъ 4 лицъ— юстицъ-совѣтника, академика по математикѣ Гольдбаха, только что назначеннаго тогда совѣтникомъ академическаго правленія, а прежде бывшаго воспитателемъ Императора Петра II, потому имѣвшаго репутацію основательнаго педагога, и профессоровъ Байера, Эйлера и Крафта, въ распоряженіе которой предоставлены были всѣ документы, касающіеся до гимназіи.

Коммисія, учрежденная въ 1737 году для улучшенія гимназіи.

Байеръ предлагалъ раздѣлить гимназію на два отдѣленія: высшее и низшее, и низшее отдѣленіе подраздѣлить еще на два отдѣла — для русскихъ и для нѣмцевъ; когда одни изучатъ нѣмецкій, а другіе русскій языкъ, то въ высшемъ, или латинскомъ отдѣленіи, они проходили бы курсъ вмѣстѣ. Высшее отдѣленіе онъ полагалъ составить изъ трехъ, а низшее изъ двухъ клас-

совъ и назначить продолжительность ученія въ каждомъ классѣ двухлѣтнюю, то есть ввести 10-ти лѣтній курсъ, за исключеніемъ особо даровитыхъ учениковъ, которыхъ переводить изъ класса въ классъ и ранѣе. Особенно пространна записка, поданная Эйлеромъ. Въ сущности, его взгляды сходятся съ мыслями Байера: онъ предлагалъ также раздѣлить гимназію на два отдѣленія: русское и нѣмецкое и назначалъ такую же продолжительность курса, то есть десятилѣтнюю; въ каждомъ классѣ онъ полагалъ 26 недѣльныхъ часовъ ученья. Эйлеръ составилъ и подробный планъ преподаванія всѣхъ предметовъ. Съ нимъ согласился Крафтъ.

Въ эту коммисію представилъ свое мнѣніе и Фишеръ, какъ ректоръ гимназіи. Въ запискѣ его находимъ, между прочимъ, слѣдующій основательный взглядъ его объ отдѣленіи нѣмецкой школы отъ гимназіи: «Нѣмецкій языкъ», говоритъ онъ, «необходимъ до тѣхъ поръ, пока русское юношество обучается нѣмецкими преподавателями; для этого можно было бы завести отдѣльную нѣмецкую школу, и оттуда переводить въ гимназію наиболѣе даровитыхъ учениковъ, хорошо изучившихъ нѣмецкій языкъ». Но въ особенности оригинально въ его запискѣ различіе взглядовъ на гимназическое образованіе въ Россіи и другихъ государствахъ «Многіе ученые», говоритъ онъ, «трудились надъ составленіемъ плана народнаго образованія; но мысли ихъ легче было изложить на бумагѣ, чѣмъ привести въ исполненіе. Многіе выдаютъ свои воззрѣнія за непремѣнныя правила, но когда посмотримъ на нихъ по-пристальнѣе, то онѣ окажутся далеко не удовлетворительными и даже педантичными. Обстоятельства мѣста и времени и національныя особенности столь различны, что невозможно въ подобныхъ предметахъ начертить общія правила; такъ напримѣръ, то, что высоко цѣнится въ Германіи, далеко не на столько же уважается въ Россіи: въ Германіи процвѣтаютъ языки латынскій, греческій и еврейскій, Аристотелева философія, римское право и спекулятивное богословіе; все это мало цѣнится въ Россіи, за исключеніемъ латынскаго языка.

Здѣсь напираютъ главнымъ образомъ на практичность, въ особенности на науки математическія, полезныя для страны въ военное и мирное время. По этому при учрежденіи гимназіи въ Россіи нужно въ особенности сообразоваться съ этими взглядами». Читая эти строки, невольно припоминаешь полемику нашихъ реалистовъ противъ классическаго образованія въ началѣ семидесятыхъ годовъ, утверждавшихъ также, что русскія дѣти не способны къ тому ученію, которое получаетъ юношество въ другихъ государствахъ, и что будто русскій національный геній какой то особенный, болѣе практичный. Нужно сознаться, что въ теченіе полуторавѣка извѣстная часть общества не далеко ушла впередъ въ учебномъ дѣлѣ, даже попятилась назадъ, ибо прежде, какъ видно, всѣми признавалась въ Россіи по крайней мѣрѣ польза латынскаго языка, а наши реалисты и ее отвергаютъ.

Изъ представленныхъ въ коммисію мнѣній и записокъ составленъ былъ уставъ гимназіи, озаглавленный: «Reglament des Gymnasii bey der Kaiserl. Academie der Wissenschaften in St. Petersburg»; но дальнѣйшаго хода ему дано не было.

Инспекторство Крафта (1738—1743 года).

Въ 1738 году Байеръ умеръ отъ горячки, и на мѣсто его назначенъ былъ академикъ по физикѣ Крафтъ инспекторомъ гимназіи. Онъ былъ извѣстенъ составленными имъ для гимназіи руководствами, по которымъ долгое время преподавались въ ней математическая географія и геометрія, именно: 1) Einleitung zur mathematischen und natürlichen Geografie, nebst dem gebrauche der Erdkugeln und Landkarten zum Nutzen der russischen studirenden Jugend. 1738. Русскій переводъ изданъ въ 1739 году. 2) Einleitung zur Geometrie. 1738 года (Русскій переводъ вышелъ въ 1762 году).

Составленный Крафтомъ въ 1738 году уставъ гимназіи.

Въ 1738 же году Крафтъ составилъ и представилъ Академіи свой уставъ для гимназіи. По этому уставу гимназія раздѣлена была на шесть классовъ, три низшихъ, русскіе, и три высшихъ, латынскіе, гдѣ преподавался и греческій языкъ, и увеличено число начальствующихъ лицъ: кромѣ ректора и ин-

спектора, явились конректоръ и проректоръ. Число же учениковъ оставалось, по прежнему, незначительное: въ началѣ 1738 года 13, изъ коихъ въ классы ходили три-четыре. «Бо̀льшая часть учениковъ адмиралтейства», доносилъ Крафтъ, «не посѣщаютъ гимназію, потому что у нихъ нѣтъ платья, и вотъ уже девять мѣсяцевъ какъ адмиралтейство не выдаетъ имъ содержанія». Самое большое число учениковъ въ 1739 году было 33; изъ нихъ половина, иногда и болѣе, не ходила въ классы. Эйлеръ составилъ на нѣмецкомъ языкѣ и напечаталъ въ 1738 году руководство къ ариѳметикѣ «Anleitung zur Arithmetic», для гимназіи [1]). Но учитель ариѳметики не былъ въ состояніи воспользоваться руководительствомъ знаменитаго ученаго: ариѳметику преподавалъ одинъ студентъ, а геометрію танцмейстеръ, пока въ 1740 году Академическая Канцелярія не поручила оба эти предмета адъюнкту Ададурову. Французскій языкъ преподавалъ въ гимназіи съ 1739 года академикъ Леруа. Вмѣсто того, чтобы улучшить составъ учителей, Крафтъ старался объ уменьшеніи ихъ числа: въ 1742 году сократилъ одну учительскую должность въ нѣмецкомъ отдѣленіи гимназіи, а въ 1743 году хотѣлъ уволить изъ гимназіи еще трехъ преподавателей: Генриха Мюллера (брата исторіографа † 1783 году), Германа и Фишера, замѣнивъ ихъ студентами. «Мюллеръ и Германъ», писалъ Крафтъ, «обучаютъ по латыни и для того двумъ у одного дѣла быть не надобно, а россійскаго языка ничего не знаютъ, чего ради ту должность, для лучшаго понятія россійскому народу, во обученіи, исправлять могутъ переводчики, или студенты, что и прожекты Государя Императора Петра Великаго повелѣваютъ. . . . — Фишеръ такожъ во обученіи россійскаго народа довольнаго искуства не имѣетъ и россійскаго языка мало знаетъ, къ тому же глухъ и мало видитъ и сверхъ того,

---

[1]) Руководство это переведено было на русскій языкъ Ададуровымъ и напечатано подъ заглавіемъ: «Руководство къ ариѳметикѣ, для употребленія въ гимназіи Спб. Академіи Наукъ, соч. г. Эйлера; перевелъ съ нѣмецкаго Василій Ададуровъ. 2 ч. Спб. 1750—1760 г.».

весьма часто при своемъ дѣлѣ бываетъ пьянъ, въ чемъ ему ученики всегда почти смѣются». Противъ увольненія изъ гимназіи этихъ учителей протестовала въ сильныхъ выраженіяхъ академическая конференція, и учителя эти остались на своихъ мѣстахъ.

Въ первые 13 лѣтъ съ учрежденія гимназіи, православные ученики ея не получали вовсе наставленія въ догматахъ ихъ вѣры, и только въ 1739 году подумали о томъ, чтобы пригласить для этого законоучителя, назначивъ ему два часовыхъ урока въ недѣлю. Сѵнодъ назначилъ въ эту должность іеромонаха Арсенія Мацѣевича, впослѣдствіи митрополита сибирскаго, а потомъ ростовскаго, столь извѣстнаго по своему протесту, въ царствованіе Императрицы Екатерины, противъ отобранія въ казну церковныхъ имуществъ.

Ректорство Магницкаго въ 1739 г.

Въ 1739 году академикъ Фишеръ, бывшій ректоромъ гимназіи, предпринялъ путешествіе въ Сибирь, а должность его предоставлена была Магницкому, который занималъ ее не болѣе года, и замѣненъ былъ проректоромъ Мерлингомъ.

Ректорство Мерлинга 1739—1741 г.

О Мерглинѣ (Moerling) и дѣятельности его въ гимназіи не сохранилось никакихъ свѣдѣній; извѣстно только, что въ 1736 году онъ назначенъ былъ адъюнктомъ Академіи, и въ то же время проректоромъ гимназіи. Судя по напечатаннымъ въ 1737 году въ академической типографіи его «предика» и «кармена» на шведскомъ языкѣ, можно предположить, что онъ былъ шведскій пасторъ. Крафтъ остался инспекторомъ гимназіи до 1743 года, а въ слѣдующемъ 1744 году избранъ былъ профессоромъ математики въ Тюбингенскомъ университетѣ.

Инспекторство Леруа 1743—1748 г.

Въ гимназіи замѣстилъ его академикъ по новой исторіи Леруа, онъ остался инспекторомъ гимназіи до 1748 года.

Отношенія президента Академіи графа К. Г. Разумовскаго къ академической гимназіи были чисто формальныя. Онѣ изображены характерно въ слѣдующемъ протоколѣ Академіи 30 іюня 1746 года. «По указу Ея Императорскаго Величества, дѣйствительный камергеръ, орденовъ святаго Александра и святыя Анны кавалеръ и Академіи Наукъ президентъ, графъ Кирилла

Григорьевичъ Разумовскій, слушавъ присланное отъ инспектора гимназіи и профессора Леруа на имя его сіятельства письмо текущаго мѣсяца отъ 13 числа, опредѣлилъ: оное письмо отослать къ нему Леруа чрезъ канцеляриста Албома назадъ, съ такимъ объясненіемъ, дабы онъ впредь о дѣлахъ Ея Императорскаго Величества подавалъ его сіятельству репорты на россійскомъ языкѣ на цѣломъ листѣ, а не на поллистахъ, формою письма писанные, ибо и къ нему Леруа за подписаніемъ руки его сіятельства посланъ ордеръ, а не партикулярное письмо. А ежели ему инспектору гимназіи, или другому кому изъ профессоровъ о дѣлахъ Ея Императорскаго Величества потребно будетъ его сіятельству репорты подавать, то бы въ заглавіи репортовъ на цѣломъ листѣ такимъ образомъ писать: Ея Императорскаго Величества дѣйствительному камергеру, орденовъ святаго Александра и святыя Анны кавалеру и Академіи Наукъ президенту, сіятельному графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому отъ такого именемъ профессора репортъ, а не такъ, какъ отъ него инспектора писано письмомъ. О чемъ чрезъ сіе всѣмъ господамъ профессорамъ, для вѣдома и исполненія сообщается».

Въ 1747 году, для помѣщенія университета и гимназіи нанятъ былъ на шесть лѣтъ на Васильевскомъ островѣ домъ бароновъ Строгановыхъ.

Мальчики низшихъ сословій составляли, по прежнему, главный контингентъ академической гимназіи, такъ: въ 1731 году приняты были восемь сыновей плотниковъ, въ томъ числѣ шестерыхъ адмиралтейскихъ; въ 1735 году поступили въ гимназію сыновья писаря, шкипера, боцмана, крѣпостнаго князя Куракина, а также контръ-адмирала Мишукова и гофъ-интенданта Мошкова; въ 1737 году прислано было въ гимназію изъ полковой канцеляріи преображенскаго полка 19 кантонистовъ, и 13 солдатскихъ сыновей принято по прошеніямъ; въ 1747 году помѣщенъ былъ въ гимназію сынъ камердинера президента графа К. Г. Разумовскаго, а въ 1748 году приняты были сыновья нѣсколькихъ солдатъ, придворныхъ кучеровъ и конюховъ, сто-

рожа, столяра, повара. Слѣдуетъ замѣтить, что въ 1741 году, въ числѣ солдатскихъ дѣтей, поступилъ въ гимназію Котельниковъ, впослѣдствіи извѣстный академикъ.

Ученики, принятые въ гимназію въ 1736—1746 г.

Но и дѣти образованныхъ семействъ не переставали однако поступать въ гимназію, хотя и въ весьма небольшомъ числѣ, такъ въ 1733 году приняты были сынъ контръ-адмирала Синявина и братъ академика Фишера, въ 1736 году Дидрихъ Христіанъ Остервальдъ, въ 1739 году сынъ почтъ-директора Георгъ Томасъ Ашъ, въ 1740 году сынъ президента адмиралтейства, генералъ-кригсъ-коммисара флота Михаилъ Соймоновъ, въ 1745 году три сына генералъ-казначея въ Малой Россіи Скоропадскаго и сынъ бунчукова товарища Хоненко, въ 1746 году сынъ совѣтника Петръ Бакунинъ; какъ хорошо подготовленный, онъ поступилъ въ старшій классъ.

Нѣкоторые изъ нихъ были впослѣдствіи весьма полезными дѣятелями въ царствованіе Императрицы Екатерины, потому стóитъ о нихъ вспомнить, и остановиться на нихъ.

Остервальдъ.

Остервальдъ преподавалъ Великому Князю Павлу Петровичу исторію, географію, русскій и нѣмецкій языки; впослѣдствіи былъ сенаторомъ.

Ашъ.

Георгъ Томасъ Ашъ окончилъ въ 1750 году курсъ медицинскáго факультета въ Геттингенскомъ Университетѣ, въ царствованіе Императрицы Екатерины былъ во время первой турецкой войны, генералъ-штабъ-докторомъ арміи, отличился въ особенности во время чумы въ Москвѣ; впослѣдствіи онъ былъ старшимъ членомъ медицинской коллегіи. Онъ принималъ участіе въ коммисіи о составленіи проекта новаго уложенія, именно въ ея подкоммисіи по учебной части.

Соймоновъ.

Михаилъ Федоровичъ Соймоновъ былъ оберъ-прокуроромъ Сената, ему же поручены были дѣла бергъ-коллегіи; въ 1773 году назначенъ былъ сенаторомъ; затѣмъ управлялъ горнымъ училищемъ до 1776 года, и съ 1794 по 1801 годъ снова завѣдывалъ имъ. По восшествіи на престолъ Императора Павла, уничтоженная Екатериною бергъ-коллегія была возстановлена, и

Соймоновъ назначенъ ея президентомъ, съ званіемъ главнаго директора горныхъ и монетныхъ дѣлъ.

Петръ Васильевичъ Бакунинъ былъ, въ царствованіе Императора Петра III, довѣреннымъ секретаремъ канцлера графа Михаила Илларіоновича Воронцова и не рѣдко работалъ съ самимъ Императоромъ. Онъ былъ женатъ на родной племянницѣ канцлера, Аннѣ Сергѣевнѣ Татищевой. Въ царствованіе Императрицы Екатерины, Бакунинъ, въ должности члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сдѣлался, такъ сказать, правою рукою канцлера графа Панина. Онъ обладалъ прекраснымъ дѣловымъ перомъ; имъ написана знаменитая декларація о вооруженномъ нейтралитетѣ, надѣлавшая столько шума въ Европѣ, и столь непріятная для Англіи. Бакунинъ.

24 іюня 1747 года утвержденъ былъ новый уставъ Академіи Наукъ, а 25 сентября того же года и штатъ гимназіи, въ которомъ положены были, кромѣ ректора и конректора, слѣдующіе учители: 1) учитель первыхъ основаній латынскаго языка, 2) учитель читать и писать, 3) учитель нѣмецкаго языка, 4) учитель ариѳметики и геометріи и 5) учитель рисовальный. «За науку ни отъ кого и никому ничего не требовать», сказано въ этомъ уставѣ, другими словами, установлено безплатное обученіе, и положено было имѣть въ гимназіи 20 казенныхъ стипендіатовъ, чтобы число студентовъ могло всегда пополняться. Всѣ учителя гимназіи должны были преподавать на русскомъ языкѣ, и латынскому языку обучать обязывались порусски, не употребляя для этого ни французскаго, ни нѣмецкаго языка. Съ самаго же начала требованіе это оказалось не исполнимымъ, за неимѣніемъ русскихъ учителей, знающихъ основательно древніе языки. 12 января 1749 года записано въ протоколѣ академической канцеляріи: «Хотя канцелярія всячески старалась пріискать искусныхъ учителей, которые бы могли помянутымъ образомъ обучать, но такихъ сыскать не могла; того ради представить его высокографскому сіятельству, Академіи Наукъ г. президенту: не благоволено ли будетъ приказать, чтобы въ гимназіи по преж- Штатъ гимназіи 1747 г.

нему учили, до тѣхъ поръ пока сыщутся искусные учителя». Представленіе это осталось безъ разрѣшенія президента; но составъ учителей и языкъ преподаванія, какъ увидимъ ниже, сохранились прежніе.

Проектъ устройства гимназіи Фишера въ 1748 году.

Въ слѣдующемъ 1748 году ректоръ гимназіи Фишеръ представилъ свой проектъ устройства гимназіи, озаглавивъ его: «Расположеніе гимназіи въ 1748 году». По этому проекту предполагалось, оставивъ гимназію по прежнему раздѣленную на два отдѣла, нѣмецкую и латынскую школы, образовать въ каждомъ отдѣлѣ по два класса, опредѣливъ продолжительность курса въ высшемъ нѣмецкомъ классѣ одинъ годъ, а во всѣхъ остальныхъ по два года, такъ чтобы весь гимназическій курсъ продолжался семь лѣтъ. Такое раздѣленіе гимназіи на четыре класса вынуждалось, по видимому, недостаткомъ помѣщенія, потому что въ нанимаемомъ у барона Строганова домѣ отведено было подъ гимназію только четыре комнаты. Въ проектѣ своемъ Фишеръ распредѣлилъ подробно часы преподаванія по всѣмъ классамъ, отводя на болѣе важные предметы, именно на нѣмецкій языкъ въ нѣмецкой школѣ и на латынскій въ латынской школѣ, наиболѣе уроковъ, и назначивъ эти уроки весьма педагогично въ предъобѣденное время, такъ какъ «большаго размышленія требуютъ» [1]).

Положеніе о гимназіи графа Разумовскаго 1750 года.

10 августа 1750 года послѣдовало «учрежденіе о университетѣ и гимназіи, за подписаніемъ Академіи Наукъ господина президента». По этому «учрежденію», высшее завѣдываніе гимназіею поручено ректору университета, совмѣстно съ ректоромъ гимназическимъ, и они сообща должны были назначать часы преподаванія и учебныя руководства; гимназія состоять должна была, по прежнему, изъ шести классовъ, т. е. трехъ нѣмецкихъ и трехъ латынскихъ; но если будутъ ученики способные и желающіе продолжать дальше свое ученіе, «то учредить еще латынскій классъ, въ которомъ толковать труднѣйшихъ авторовъ,

---

[1]) См. приложеніе 1.

какъ въ прозѣ, такъ и стихами, также и греческому языку обучать». По всей вѣроятности, это дозволеніе учредить въ гимназіи высшій классъ послѣдовало вслѣдствіе сдѣланнаго въ 1749 году Мюллеромъ, тогдашнимъ ректоромъ академическаго университета, представленія о необходимости прибавить въ гимназіи верхній, ректорскій классъ, гдѣ доучивались бы студенты. Въ гимназіи можно было по прежнему учиться только тѣмъ предметамъ, которые выберутъ ученики, или ихъ родители, а прохожденіе полнаго гимназическаго курса, съ обоими древними языками, требовалось только отъ предназначавшихъ себя къ высшему университетскому образованію; это выражено въ § 28 этого «учрежденія» такимъ образомъ: «Ежели кто изъ вольныхъ въ наукахъ преуспѣвать и въ университетѣ на профессорскія лекціи ходить пожелаетъ, тотъ, по предписанному образцу, долженъ учиться латинскому и греческому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и геометріи, а ежели кто не отъ наукъ содержаніе свое имѣть похочетъ, тому учиться въ гимназіи тѣмъ наукамъ, которыя служатъ къ его намѣренію». Это «учрежденіе» или уставъ утвержденъ былъ президентомъ Академіи графомъ Разумовскимъ.

Ректорство Крашенинникова и Ротгакера (1750—1755 года).

Въ 1750 году ректоромъ гимназіи былъ профессоръ Крашенинниковъ. Онъ сдѣлался извѣстенъ въ ученомъ мірѣ, еще бывши студентомъ, участвовавъ во второй камчатской экспедиціи Беринга, съ 1736 по 1743 годъ. Составленное имъ «Описаніе земли Камчатки» издано было Мюллеромъ въ 1755 году, и переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Онъ сдѣлалъ также «Ботаническое описаніе растеній по Ингерманландіи», переведенное на латышскій языкъ и изданное въ 1761 году Гертеромъ, подъ заглавіемъ: «Flora ingrica». Кромѣ того, онъ перевелъ и напечаталъ въ 1750 году исторію объ Александрѣ Великомъ Квинта Курція. Въ 1750 году Крашенинниковъ назначенъ былъ профессоромъ ботаники. Опредѣленіе Крашенинникова ректоромъ гимназіи не помѣшало академической канцеляріи назначить и втораго ректора, знающаго основательно

древніе языки, и на эту должность былъ выписанъ изъ Тюбингена магистръ Ротгакеръ.

Способъ пополненія гимназіи учениками не измѣнился: въ 1749 году академическая канцелярія просила военную коллегію дозволенія взять въ гимназію 15 малолѣтнихъ учениковъ изъ Петербургской гарнизонной школы, и получивъ ея согласіе, поручила профессору Штелину и тогдашнему ректору гимназіи, Фишеру, «чтобы какъ возможно, они старались, по ихъ усмотрѣнію, удобныхъ и самыхъ хорошихъ и надежныхъ къ понятію наукъ и художествъ выбрать изъ тѣхъ учениковъ пятнадцать человѣкъ».

Гимназія состояла, какъ и прежде, преимущественно изъ солдатскихъ дѣтей, вполнѣ неимущихъ. Изъ учениковъ гимназіи только 20, какъ мы видѣли, были стипендіатами, получая отъ Академіи по рублю въ мѣсяцъ. Вскорѣ стало очевиднымъ, что такое число стипендіатовъ недостаточно для пополненія университета. «Гимназистъ каждый», разсуждала академическая канцелярія, «опредѣляется въ науки лѣтъ еще несовершенныхъ, которыхъ достоинство, понятіе и прилежность вдругъ усмотрѣть никакъ невозможно, ибо иной сначала кажется остръ и для преда къ наукамъ надеженъ, а потомъ сдѣлаетъ себя лѣнивымъ и совсѣмъ не понятнымъ и хотя бы таковыхъ чрезъ наказаніе отъ лѣности отбивать, а къ понятію привлекать надлежало, однако не всякому то поможетъ и въ такомъ случаѣ принуждено лѣнивыхъ и непонятныхъ отрѣшать, а на ихъ мѣсто другихъ, да и такихъ же малолѣтнихъ опредѣлять. Изъ двадцати человѣкъ учениковъ, кои еще несовершенныхъ лѣтъ, весьма довольно было, ежели изъ нихъ добрыхъ, понятныхъ и къ превышнимъ наукамъ надежныхъ половина осталась, чего же однако чаять не возможно». На основаніи этихъ справедливыхъ доводовъ, число академическихъ стипендіатовъ въ гимназіи увеличено было въ 1750 году сначала до 30, а въ концѣ этого года до 40.

Но и эта мѣра признавалась недостаточною, и въ то же время «для ободренія ихъ, чтобы они изъ одного класса въ другой

скоро происходить старались», назначено было, по ходатайству Крашенинникова, стипендіатамъ особое мѣсячное жалованье по классамъ, именно постепенно возвышавшееся: въ старшемъ латынскомъ классѣ, въ которомъ впрочемъ въ 1750 году не было ни одного ученика, по 3 рубля, въ среднемъ латынскомъ классѣ, состоявшемъ всего изъ одного гимназиста, по 2 рубля 50 коп., въ высшемъ нѣмецкомъ классѣ, гдѣ было 9 учениковъ, по 1 рублю 50 коп., и въ низшемъ нѣмецкомъ классѣ, съ 7 учениками, по 1 рублю.

Кромѣ того, въ 1750 году возобновлено было, и также безуспѣшно, поступившее еще въ 1733 году отъ Фишера, какъ мы видѣли, ходатайство объ освобожденіи бѣдныхъ учениковъ гимназіи отъ платы мостовыхъ денегъ за проходъ чрезъ Невскій мостъ: академическая канцелярія требовала отъ адмиралтействъ-коллегіи прислать въ ея распоряженіе 60 даровыхъ билетовъ для прохода чрезъ мостъ бѣднымъ ученикамъ гимназіи, которые, не будучи въ состояніи уплачивать этотъ сборъ «отъ наукъ отстаютъ», потому и просила отъ него ихъ освободить, «чтобы тѣмъ растущія науки не пресѣчь».

Неуспѣшности ученія въ гимназіи способствовало и то, что ученики принимались не въ опредѣленный срокъ, а въ теченіе всего года, отчего и происходило, что они «непрестанно вновь прибываютъ и всѣ учатъ разное, а именно иные читать, иные грамматику, иные переводить».

Инспекторство Модераха (1750—1761 года).

Главнымъ дѣятелемъ въ гимназіи и распорядителемъ ея обыкновенно бывалъ не ректоръ, имѣвшій общее надъ нею наблюденіе, а инспекторъ, непосредственно ею завѣдывавшій. При Крашенинниковѣ, инспекторомъ гимназіи былъ адъюнктъ Академіи Модерахъ, педагогъ, содержавшій у себя частный пансіонъ для дворянскихъ дѣтей, и хорошо владѣвшій какъ русскимъ, такъ и нѣкоторыми иностранными языками. Когда исторіографъ Мюллеръ замышлялъ учрежденіе приготовительной школы для образованія переводчиковъ, то именно указывалъ на Модераха, какъ на такого по этой части спеціалиста, который

былъ бы въ состояніи организовать и вести ее. «Я часто совѣтовалъ», писалъ онъ въ 1766 году Эйлеру, «сдѣлать распорядителемъ такой пріуготовительной школы г. профессора Модераха, котораго познанья въ русскомъ языкѣ чрезвычайно обширны; при чемъ обязать его, чтобы онъ показывалъ переводчикамъ какъ ихъ промахи, такъ и дѣйствительно хорошую сторону переводовъ. Однажды даже послѣдовало такое распоряженіе, но многія обстоятельства повредили пользѣ отъ того. Мой совѣтъ вамъ, хорошенько переговорите съ нимъ объ этомъ предметѣ. Онъ безъ сомнѣнія очень способный человѣкъ, и если будетъ принужденъ оставить академію, скоро можетъ найдти себѣ мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ». Графъ Разумовскій имѣлъ полное довѣріе къ Модераху, и потому поручилъ ему представлять о всѣхъ недостаткахъ гимназіи и о способѣ ихъ исправленія. Модерахъ находилъ, и совершенно основательно, что главное неустройство гимназіи происходитъ отъ того, что не всѣ ученики ея проходятъ обязательно весь гимназическій курсъ, какъ это установлено въ иностранныхъ гимназіяхъ, что почти втрое большее число ихъ поступаютъ въ гимназію только для изученія какого либо языка, или другаго предмета, которые могутъ быть имъ полезны впослѣдствіи въ жизни, отчего происходитъ раздѣленіе учениковъ на двѣ категоріи, изъ коихъ каждая требуетъ особаго распредѣленія преподаванія.

Представленный Модерахомъ проектъ усовершенствованія гимназіи.

Составъ учителей, по справедливому мнѣнію Модераха, могъ быть улучшенъ только требованіемъ предварительнаго ихъ экзамена въ академической конференціи и недопущеніемъ къ преподаванію студентовъ университета.

Главная же причина малоуспѣшности большей части гимназистовъ, взятыхъ изъ простонародья, по замѣчанію Модераха, происходила отъ недостатка воспитанія и надзора за ними ихъ родителей, тратившихъ непроизводительно и деньги, отпускаемыя академіею на степендіатовъ; поэтому онъ находилъ необходимымъ принимать въ гимназію дѣтей необразованныхъ сословій съ бо́льшею разборчивостію, не отпускать денегъ на руки

родителей, а устроить для стипендіатовъ интернатъ при гимназіи. Главные недостатки гимназіи, по мнѣнію Модераха, заключались въ смѣшеніи дѣтей изъ порядочныхъ семействъ съ сыновьями людей низшихъ сословій, отъ которыхъ они перенимаютъ дурныя привычки, отчего лица высшаго сословія избѣгаютъ помѣщать въ нее своихъ сыновей, а также и въ небрежности преподавателей, или вовсе не приходящихъ на свои уроки, опаздывающихъ, или уходящихъ съ нихъ до окончанія урока, на что жалуются многіе родители: осенью и весною, по колѣно въ грязи, приходятъ ученики въ гимназію, и не находятъ учителей. Въ заключеніе, Модерахъ представилъ о необходимости изданія устава гимназіи, въ которомъ опредѣлены были бы обязанности инспектора, преподавателей и учениковъ, распредѣленіе предметовъ и часы преподаванія, учебныя руководства, и наконецъ взысканія, дабы каждый зналъ въ точности свои обязанности [1]).

Всѣ эти дѣльныя мысли и предложенія остались неосуществленными. Конечно, Модерахъ старался, по возможности, примѣнять ихъ къ дѣлу, пользуясь своимъ положеніемъ въ гимназіи; но, при существовавшемъ ея устройствѣ, нельзя было улучшить ее, безъ кореннаго преобразованія. Вѣроятно, въ этихъ видахъ, послѣдовало въ 1750 году паліативное распоряженіе академической канцеляріи слѣдующаго содержанія: «обучающимся въ гимназіи изъ шляхетства и другихъ знатныхъ чиновъ людей дѣтямъ сидѣть за особеннымъ столомъ, а которые незнатныхъ отцовъ дѣти, тѣхъ особливо отдѣлить».

До какой степени требовалось опредѣлитъ въ точности обязанности начальствующихъ въ гимназіи лицъ, оказалось вскорѣ изъ распоряженія президента Академіи относительно ректора гимназіи Ротгакера. Въ 1757 году, когда графъ Разумовскій былъ въ Москвѣ, къ нему присланы были жалобы на Ротгакера отъ нѣкоторыхъ дворянъ, сыновья коихъ учились въ гимназіи,

---

[1]) См. Приложеніе 2.

на строгость къ нимъ ректора, въ особенности при ученіи древнихъ языковъ. По этому поводу, графъ Разумовскій написалъ совѣтнику Шумахеру: «ректоръ Ротгакеръ человѣкъ новопріѣзжій, ни языка, ни права нашихъ молодыхъ людей не знающій, и потому весьма неспособенъ къ надзиранію за поступками и обычаями студентовъ и гимназистовъ. Сверхъ того, онъ, кромѣ латынскаго, греческаго и еврейскаго языка, не знаетъ, то и для дворянскихъ дѣтей полезенъ быть не можетъ. А понеже жалобы уже ко мнѣ произошли нѣкоторыхъ знатныхъ людей, которыхъ дѣти въ гимназіи обучаются, яко бы, по моемъ отъѣздѣ, въ гимназіи замѣшательство сдѣлалося и ученіе происходитъ не съ такимъ плодомъ, того ради извольте опредѣлить въ канцеляріи моимъ именемъ: 1) г-ну Ротгакеру, яко ректору, въ наукахъ обучать свой вышній классъ латынскаго языка, въ которомъ давать наставленія гимназистамъ, на концѣ академическомъ обучающимся и другимъ желающимъ, въ чистотѣ языка латынскаго, въ языкѣ греческомъ, въ первыхъ основаніяхъ реторики и логики и въ сложеніи стиховъ латынскихъ, и свои лекціи такимъ образомъ учредить, чтобы изъ его учениковъ могли достойные происходить студенты, для слушанія высокихъ наукъ. А для помочи ему, конректоръ раздѣлить съ нимъ можетъ лекціи. Сверхъ же сего труда, ему Ротгакеру ни какимъ инымъ трудомъ заняту быть не надлежитъ и ни до чего не касаться; ибо ректоръ гимназіи санктпетербургской не можетъ быть такъ учрежденъ, какъ въ городахъ нѣмецкихъ, при церквахъ, потому что наши гимназисты, по большей части, языковъ только желаютъ обучаться и дворянскихъ наукъ. 2) г-ну адъюнкту Модераху быть у прежняго своего дѣла безъ всякой отмѣны; впрочемъ, онъ состоитъ только подъ вѣдѣніемъ канцелярскимъ, а ректору до него, кромѣ добрыхъ совѣтовъ, никакими распорядками не касаться, развѣ что касаться будетъ до обученія латынскаго языка, понеже Модерахъ самъ такіе мериты имѣетъ, которыми не меньше пользы и чести Академіи принести можетъ, нежели Ротгакеръ, и человѣкъ въ томъ званіи и должности въ

которыхъ находится, отмѣнное искуство имѣетъ». Такимъ образомъ, ректоръ гимназіи низведенъ былъ на степень преподавателя древнихъ языковъ въ старшемъ классѣ гимназіи, а инспекторъ объявленъ независимымъ отъ высшей въ гимназіи власти. Это письмо графа Разумовскаго вполнѣ характеризуетъ взгляды времени на систему образованія: у насъ дискать, въ Россіи, гимназіи не могутъ быть устроены такъ, какъ вездѣ въ иностранныхъ государствахъ; у насъ серьезно учиться должны только бѣдняки, чтобы получать потомъ высшее образованіе, а съ нимъ и кусокъ хлѣба впослѣдствіи, у насъ есть какія-то невѣданныя въ другихъ странахъ *дворянскія науки*, состоящія изъ новыхъ языковъ и нѣкоторыхъ другихъ болѣе легкихъ предметовъ, пригодныхъ для практической жизни. Удивляться ли послѣ этого, что такія педагогическія воззрѣнія, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, преемственно дошли до нашего времени, и такъ рельефно выразились въ борьбѣ реалистовъ противъ классическаго образованія? Какъ не сказать, что наши реалисты стояли на исторической почвѣ: за исключеніемъ сословности, не тоже ли самое говорилось 120 лѣтъ тому назадъ!

Инспекторство Крашенинникова вмѣстѣ съ Модерахомъ (1751 года).

Въ 1751 году Крашенинниковъ назначенъ былъ ректоромъ университета, а изъ ректора гимназіи переименованъ былъ ея инспекторомъ; такимъ образомъ, вмѣсто двухъ ректоровъ, явились два инспектора гимназіи. Въ это же время конректоромъ гимназіи былъ Штенгеръ.

Положеніе Ротгакера, заключеннаго въ одинъ старшій классъ, сдѣлалось критическимъ, потому что въ этомъ классѣ не было ни одного ученика, значитъ некого было и обучать древнимъ языкамъ. Этому пособили тѣмъ, что низвели 12 студентовъ университета въ этотъ гимназическій классъ: «Хотя нынѣ изъ гимназистовъ академическихъ, способныхъ къ обученію вышнихъ авторовъ латынскаго языка и греческаго и нѣтъ», читаемъ въ протоколѣ 31 мая; «но однако, какъ видно изъ поданнаго репорта отъ профессора г-на Крашенинникова, что изъ студентовъ ко обученію греческаго языка есть охотниковъ до двѣнадцати

человѣкъ, то оныхъ ему Ротгакеру нынѣ и обучать, а какъ и изъ гимназистовъ къ тому способные ученики будутъ, то и оныхъ обучать тоже».

Курсъ гимназіи измѣнялся также произвольно и случайно, какъ и составъ гимназическихъ властей. Въ 1748 году опредѣленъ былъ въ гимназію учителемъ французскаго языка итальянецъ Годенди, и ему было предписано: «ежели сыщутся ученики, то обучать ему нѣсколько часовъ въ недѣлю и по итальянски». Съ тѣхъ поръ итальянскій языкъ, случайно вошедшій въ курсъ гимназіи, сохранился въ немъ до конца прошлаго столѣтія. Въ 1751 году понадобилось, неизвѣстно почему, ввести въ гимназическій курсъ фортификацію. «Весьма есть нужно», говорится въ протоколѣ 12 января, «для пользы учащихся въ гимназіи академической, чтобъ имъ обучаться фортификаціи, а такого человѣка при академіи не находится, а шляхетнаго кадетскаго корпуса адъюнктъ математики Генрихъ Мейртъ поданною на Высочайшее имя въ канцелярію Академіи Наукъ челобитною объявляетъ, что онъ довольно упражнялся въ геометріи и фортификаціи, въ чемъ свидѣтельствованъ въ канцеляріи кадетскаго корпуса, въ присутствіи господъ офицеровъ, знающихъ инженерную науку»; онъ и былъ опредѣленъ учителемъ фортификаціи. Но фортификація не долго оставалась въ гимназическомъ курсѣ; она была исключена изъ него въ 1755 году, «понеже усмотрѣно, что оной науки обучать дальной нужды нѣтъ, да и по академическому регламенту фортификаціи обучать не положено».

Едва-ли успѣшно могло происходить обученіе гимназистовъ Закону Божію, потому что постояннаго законоучителя въ гимназіи не было, а, по распоряженію петербургской духовной консисторіи, два ключаря петропавловскаго собора преподавали погодно, то есть каждый годъ перемѣнялись.

Составъ учителей гимназіи былъ, по прежнему, не удовлетворительный. Въ 1750 году Крашенинниковъ представлялъ: «Въ нѣмецкомъ и французскомъ классахъ ученіе отправляется

не съ такою пользою, какой бы ожидать надлежало, ибо учитель Герварт, который нынѣ обучаетъ нижній французскій и вышній нѣмецкій классы, во французскомъ языкѣ не токмо не силенъ, но и весьма худое имѣетъ произношеніе; да и въ нѣмецкомъ почти такое же; и по крайней мѣрѣ сіе правда, что онъ обучаетъ учениковъ нѣмецкому языку такъ безпорядочно, что нѣтъ ни малой надежды, чтобы отъ его ученія можно было понять свойство онаго языка; не старается же онъ и о томъ, чтобы ученики правильному произношенію словъ привыкали, а для того они такъ понѣмецки читаютъ, что не токмо произношеніе ихъ, знающимъ оный языкъ противно, но и чтеніе неуразумительно, и сію причину подало, что нѣкоторые изъ вольныхъ учениковъ, отъ безплодной при такомъ наставленіи траты времени, принуждены были отстать отъ гимназіи, и на сторонѣ обучаться за плату, къ предосужденію гимназіи. И не соблаговолено ли де будетъ учинить нѣкоторую перемѣну при гимназіи, въ большую пользу учащихся, прибавя учителей нѣмецкаго и французскаго языковъ». Вслѣдствіе этого представленія, Гервартъ отрѣшенъ былъ отъ преподаванія въ гимназіи французскаго языка, и на его мѣсто опредѣленъ былъ учитель кадетскаго корпуса Сужи; нѣмецкій же языкъ остался временно за нимъ, съ помощію информатора Эстерлена и самаго Модераха, которому поручено было пріискать на этотъ предметъ другаго преподавателя. Модерахъ рекомендовалъ на эту должность уроженца Гданска Кожина, который и былъ опредѣленъ. Удаленіе изъ гимназіи Герварта ускорено было его ссорою съ Модерахомъ: «Герварта за его неспособность и безпокойное житіе», писалъ графъ Разумовскій Шумахеру, «а особливо, что онъ письменно ругаетъ и поноситъ Модераха, какъ я самъ изъ собственноручнаго Гервартова письма усмотрѣлъ, отрѣшить отъ Академіи». Другимъ учителемъ нѣмецкаго языка назначенъ былъ бывшій студентъ академическаго университета, англичанинъ Букеръ, чисто говорившій порусски и легко переводившій съ одного языка на другой. Въ 1753 году

опредѣленъ былъ учителемъ нѣмецкаго языка въ нижній нѣмецкій классъ студентъ изъ русскихъ, «которую де должность онъ отправить въ состояніи, ибо онъ по нѣмецки лучше всѣхъ студентовъ знаетъ». Въ томъ же году опредѣленъ былъ въ конректорскій классъ (средній латынскій) также студентъ Герасимовъ, потому что преподававшій въ этомъ классѣ конректоръ Штенгеръ не зналъ русскаго языка, и ученики его переводили съ латынскаго на нѣмецкій; обязанность Герасимова состояла въ томъ, чтобы, помогая Штенгеру, онъ заставлялъ учениковъ переводить на русскій языкъ, что составляло двойной переводъ, сначала на нѣмецкій, а потомъ на русскій языкъ. «Въ пользу гимназіи необходимо потребно», писалъ Крашенинниковъ, «чтобы изъ студентовъ одинъ обучалъ учениковъ Штенгерова класса переводамъ на россійскій языкъ, и то бы самое переводить приказывалъ, что они у Штенгера съ латынскаго на нѣмецкій языкъ переводятъ; ибо усмотрѣно имъ, что ученики, разумѣя совершенно содержаніе автора латынскаго, гдѣ имъ толковано, по нѣмецки переводятъ, а по русски перевесть не могутъ. А ежели такой человѣкъ къ нимъ опредѣлится, то они и способнѣе по латыни научатся, и заблаговременно къ переводамъ привыкнутъ».

Обращеніе учителей съ учениками было грубое. Всего рельефнѣе обрисовывается оно въ подлинныхъ протоколахъ академической канцеляріи. Такъ въ протоколѣ 31 октября 1752 года записано: «Сего числа профессоръ университета, ректоръ и гимназіи инспекторъ г-нъ Крашенинниковъ репортомъ канцеляріи представлялъ коимъ образомъ конректоръ Штенгеръ поступалъ съ учениками въ наказаніи, увѣча ихъ палкою, что одинъ изъ нихъ Илья Аврамовъ около двухъ недѣль былъ боленъ, о чемъ онъ доносилъ словесно въ канцеляріи, и ему Штенгеру за то учиненъ выговоръ и запрещено отнюдь не употреблять трости; но онъ Штенгеръ сего октября 30 числа ученика Веденскаго не токмо увѣчилъ своею тростью, но и глазъ оною подшибъ опасно. А понеже де отъ такихъ наказаній не столько

исправленіе учениковъ, сколько вреда ожидать должно, для того что такіе увѣчья могутъ въ нихъ и охоту къ наукамъ угасить, и здравію молодыхъ оныхъ дѣтей неисцѣльный вредъ нанесть и великому ущербу ожиданной отъ нихъ пользы, тѣмъ наипаче, что у него учатся лучшіе изъ жалованныхъ учениковъ, которые не только ариѳметику, геометрію, тригонометрію и географію обучили, но и въ фортификаціи нѣсколько успѣли, а по нѣмецки столько знаютъ, что латынскому языку въ классѣ его посредствомъ нѣмецкаго обучаются, ибо онъ Штенгеръ по русски не разумѣетъ. И требовалъ онъ профессоръ, чтобъ его Штенгера отъ такихъ предосудительныхъ своевольствъ унять, и за ослушаніе команды положить на него штрафъ, чтобы какъ ему, такъ и другимъ впредь быть преслушникомъ неповадно было. Ежели же положеннаго штрафа нести онъ не пожелаетъ, то Академіи немного убытку будетъ, когда онъ Штенгеръ службу оставитъ; ибо на его мѣсто много достойнѣйшихъ его и искуснѣйшихъ изъ россійскихъ студентовъ. И по тому онаго профессора репорту въ канцеляріи Академіи Наукъ опредѣлено: конректора Штенгера, призвавъ въ канцелярію, учинить выговоръ, дабы онъ впредь съ академическими и вольными учениками поступалъ добропорядочно; и такъ какъ въ репортѣ профессорскомъ объявлено, палкою не наказывалъ, и тѣмъ ихъ не увѣчилъ, а за вины, съ докладу профессору, наказывать впредь розгами. А ежели онъ Штенгеръ впредь ему профессору въ чемъ явится ослушенъ, или непорядочнымъ образомъ учениковъ станетъ наказывать, въ такомъ случаѣ отъ Академіи будетъ отрѣшенъ, или по винѣ штрафованъ быть имѣетъ вычетомъ изъ жалованья». Вскорѣ оказалось, что и розгами можно увѣчить учениковъ точно также, какъ и палкою. Въ протоколѣ 24 апрѣля 1753 года читаемъ: «Сего апрѣля 22 дня Модерахъ подалъ отъ себя доношеніе, коимъ объявилъ, что де онъ Сужи (учитель французскаго языка) предъявленному, полковника Грана сыну, учинилъ прежестокое, и дворянскимъ дѣтямъ совсѣмъ неприличное наказаніе, и одинъ изъ истопниковъ, прищемя оному Грану голову, держалъ, а

другой лозою сѣкъ такъ немилосердно, что онъ нѣсколько дней не могъ ни сидѣть, ни лежать; чего для онъ Модерахъ его Сужи призывалъ къ себѣ и учинилъ ему, яко подчиненному, за такую продерзость выговоръ, котораго онъ тѣмъ болѣе казался ему достойнымъ, ибо де отъ г-на профессора Крашенинникова и отъ него учителямъ при гимназіи многократно подтверждено, чтобъ они, безъ общаго ихъ вѣдома, или позволенія, дворянскихъ и знатныхъ отцевъ дѣтей бить отнюдь не дерзали. Но понеже нѣкоторые изъ оныхъ учителей люди такъ разсудливые, что ежели имъ въ томъ дать дозволеніе, то гимназія въ скоромъ времени будетъ пуста. При томъ, де оный Сужи не одного токмо Грана, но и разныхъ другихъ учениковъ больно сѣкъ чрезъ того же истопника, котораго онъ заставляетъ бить нарочно, для того, что онъ сильно бьетъ, за что Сужи самъ публично его и хвалитъ, и какъ ученики его сказываютъ, за такую знатную услугу, даетъ на вино деньги. А такіе де поступки пристойны ли гимназическому учителю, и отъ такого безразсуднаго наказанія не можетъ ли быть нареканіе Академіи, оное де оставляется на разсмотрѣніе канцеляріи Академіи Наукъ».

Конректоръ гимназіи Поповскій (1753 года).

Въ 1753 году умеръ безвластный ректоръ гимназіи Ротгакеръ, а конректоръ Штенгеръ вышелъ въ отставку. Крашенинниковъ представилъ на его мѣсто студента Герасимова, и прибавилъ, что «уповаетъ, что россійское юношество скорѣе обучаться имѣетъ латынскому языку, для того что онъ чрезъ россійскій языкъ толковать будетъ, вмѣсто того что прежде надлежало дѣтямъ сперва научиться по нѣмецки, чтобы посредствомъ нѣмецкаго языка обучаться латынскому». Но графъ Разумовскій написалъ: «опредѣляется конректоромъ гимназіи студентъ Николай Поповскій». Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Поповскій былъ ученикомъ Ломоносова въ русской словесности, и скоро показалъ свою даровитость переводами съ иностранныхъ языковъ на русскій, прозою и стихами. Онъ перевелъ стихами и издалъ въ 1753 году письмо Горація о стихотворствѣ и нѣсколько его одъ. Потомъ перевелъ стихами

же съ французскаго языка «Опытъ о человѣкѣ» Попе, и напечаталъ въ 1757 году; этотъ переводъ имѣлъ шесть изданій. Имъ переведено было также съ французскаго языка сочиненіе Локка «о воспитаніи дѣтей» и издано въ 1760 году. Вскорѣ открылся Московскій университетъ, и Поповскій назначенъ былъ профессоромъ элоквенціи. Онъ первый началъ издавать принадлежащія университету Московскія вѣдомости.

Графъ Разумовскій сознавалъ неудовлетворительное состояніе гимназіи, напоминалъ учителямъ ихъ обязанности, и въ 1757 году приказалъ составить для нея уставъ. Въ данной имъ 13 февраля этого года инструкціи академической канцеляріи сказано: «При гимназіи всячески наблюдать, чтобы учители были люди способные и рачительные, и должности свои исполняли прилежно. Которые же явятся не способны, лѣнивы и положенные для ученія дни и часы прогуливать будутъ, о таковыхъ, такъ и генерально о состояніи гимназіи, инспектору Модераху репортовать въ канцелярію, для надлежащаго по тому опредѣленія, и дабы какъ учители, такъ и учащіеся свѣдомы были о ихъ должностяхъ, то разсмотрѣть прежній регламентъ гимназіи, и что въ ономъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, требовать будетъ перемѣны, или пополненія, оное немедленно исправить, и такимъ образомъ поставя на твердомъ основаніи, прислать ко мнѣ для апробаціи».

Ограниченное 40 человѣками число гимназическихъ стипендіатовъ расширено было въ 1752 году постановленіемъ, что оно можетъ быть увеличиваемо безъ опредѣленія нормы, если только достаточно будетъ академическихъ суммъ. Не смотря на это, въ 1758 году гимназистовъ на казенномъ содержаніи было всего 44. Для пополненія гимназіи учениками, переводились на нѣкоторые предметы гимназическаго курса студенты университета. Такъ въ 1758 году, при произведенномъ Штенгеромъ, Таубертомъ и Брауномъ экзаменѣ гимназистовъ, оказался въ старшемъ латынскомъ классѣ только одинъ ученикъ; «а въ добавокъ къ нему», постановила академическая канцелярія, «можно

опредѣлить изъ студентовъ нижняго класса, которые въ латинскомъ языкѣ не сильны». Въ 1757 году въ верхнемъ нѣмецкомъ классѣ, вмѣстѣ съ гимназистами, обучались нѣмецкому языку и студенты университета.

Главный контингентъ гимназическихъ учениковъ состоялъ, по прежнему, изъ мальчиковъ низшихъ сословій, въ особенности солдатскихъ дѣтей. Не мало было также въ гимназіи сыновей служителей графа Разумовскаго, и на нихъ начальство обращало особое вниманіе; такъ въ 1752 году обучалось въ гимназіи четверо сыновей дворовыхъ его людей, учились они дурно, и академическая канцелярія предписала учителямъ заняться ими, «ибо надлежитъ отъ его высокографскаго сіятельства ожидать немалаго репріемента, когда уже г-да учители такое небреженіе дѣлаютъ людьми главнаго своего командира, то какое отъ нихъ уже рачѣніе будетъ для прочихъ учениковъ».

Ученики, поступившіе въ гимназію въ 1750—1751 году.—Графъ Мюнихъ. — Князь Григорій Волконскій.

Однако и нѣкоторыя лица извѣстныхъ фамилій продолжали помѣщать своихъ сыновый въ гимназію; такъ поступили въ нее: въ 1750 году графъ Бурхардъ Христіанъ Мюнихъ, сынъ оберъ-гофмейстера и внукъ извѣстнаго фельдмаршала, и сынъ оберъ-прокурора Св. Синода князя Якова Петровича Шаховскаго, Федоръ, въ 1751 году сыновья камергера Хитрово и генералъ-провіантмейстера князя Волконскаго, Григорій, тогда 8-ми лѣтній ребенокъ, впослѣдствіи оренбургскій генералъ - губернаторъ (дѣдъ нынѣшняго Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, князя Михаила Сергѣевича).

Въ 1756 году гимназія переведена была изъ дома барона Строгонова въ нанятый домъ Троицкой Сергіевской лавры, въ 15 линіи Васильевскаго острова.

Порученіе гимназіи въ управленіе Ломоносова (1758 г.).

18 августа 1758 года графъ Разумовскій поручилъ завѣдываніе ученою и учебною частію въ Академіи Ломоносову, подчинивъ ему вполнѣ какъ университетъ, такъ и гимназію. Академическія учебныя заведенія давно занимали Ломоносова, и еще прежде онъ старался придумать мѣры къ ихъ улучшенію. Въ 1755 году онъ обращалъ вниманіе на слабые успѣхи уче-

никовъ и на малочисленность ихъ въ гимназіи, предлагалъ увеличить число казенныхъ стипендіатовъ, и принимать въ гимназію сыновей лицъ, записанныхъ въ подушный окладъ. «Школьники въ гимназіи», писалъ онъ, «не по пропорціи студентовъ положены. Сочинитель не имѣлъ никакого понятія о человѣческомъ родѣ, не зналъ: 1) что молодыхъ больше умираетъ, нежели старыхъ, такъ что едва сороковой человѣкъ до тридцати лѣтъ доживаетъ, для чего школьниковъ много больше надобно, нежели студентовъ, 2) не разсудилъ того, что не всякій школьникъ въ студенты годенъ, по разности понятія и прилежанія; 3) хотя иной остроуменъ, да по разнымъ обстоятельствамъ далѣе произойти не можетъ. По всему сему должно было положить больше школьниковъ, нежели студентовъ. Однако въ штатѣ положено студентовъ 30, школьниковъ 20 человѣкъ. Ежели сочинитель думалъ о безжалованныхъ школьникахъ, то долженъ былъ думать и о безжалованныхъ студентахъ; а жалованные должны имѣть всегда свою между собою пропорцію. Другія европейскія государства наполнены людьми учеными всякаго званія, однако ни единому человѣку не запрещено въ университетахъ учиться, кто бы онъ ни былъ, и въ университетѣ тотъ студентъ почтеннѣе, кто больше научился, а чей онъ сынъ, въ томъ нѣтъ нужды. Здѣсь, въ россійскомъ государствѣ, ученыхъ людей мало; дворянамъ, для безпорядку ранговъ, нѣтъ ободренія; въ подушный окладъ положеннымъ запрещено въ Академіи учиться. Можетъ быть, сочинитель думалъ, что россійскому государству великая тягость, ежели оно сорокъ алтынъ въ годъ потеряетъ для полученія ученаго россіянина. Да пускай хотя бы и сорокъ алтынъ жаль было, а не жалѣть бы 1800 рублей, чтобы иноземца выписать; однако чѣмъ тѣ виноваты, которые, состоя въ подушномъ окладѣ, имѣютъ такой достатокъ, что на своемъ囲 коштѣ дѣтей своихъ въ науку отдать могутъ? И для чего выключены всѣ глухо, не различивъ хорошихъ людей посадскихъ отъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ? Довольно бъ и того выключенія, чтобы не принимать дѣтей холопскихъ». Академикъ Мюллеръ былъ

совершенно противуположнаго мнѣнія: онъ находилъ, что академическая гимназія испорчена тѣмъ, что состояла преимущественно изъ мальчиковъ низшаго сословія, и предлагалъ обучать ихъ отдѣльно отъ дворянскихъ дѣтей. 17 іюля 1756 года произошли въ академическомъ собраніи жаркія объ этомъ пренія, до такой степени, что Ломоносовъ, Штелинъ и Поповъ вышли изъ залы; вопросъ этотъ остался неразрѣшеннымъ. Въ 1758 году Ломоносовъ представлялъ графу Разумовскому о дурномъ состояніи гимназіи.

Получивъ гимназію въ полное свое распоряженіе, Ломоносовъ тотчасъ же завелъ при ней пансіонъ на 40 казеннокоштныхъ воспитанниковъ, что, какъ мы видѣли, еще прежде предлагалъ Модерахъ, и полагалъ увеличить впослѣдствіи ихъ число до 60, что и было сдѣлано въ 1760 году. 22 февраля 1760 года напечатано было въ петербургскихъ вѣдомостяхъ объявленіе, что число содержащихся въ гимназіи на казенномъ счету учениковъ увеличено втрое, а потому родители приглашаются отдавать своихъ дѣтей въ гимназію. Это объявленіе о числѣ казенныхъ учениковъ вѣрно только по отношенію къ 20-ти положеннымъ по академическому уставу 1747 года; но уже въ 1750 году оно было удвоено, а въ 1752 году разрѣшено было, какъ мы видѣли, принимать неограниченное число учениковъ на казенное содержаніе, лишь бы дозволяли денежныя средства Академіи.

Въ гимназіи Ломоносовъ устроилъ нижніе русскіе классы, вмѣсто нѣмецкихъ. Въ 1759 году онъ представилъ, что для гимназистовъ старшаго класса полезно было-бы, передъ вступленіемъ въ университетъ, имѣть понятіе о всѣхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ университетѣ, для избранія себѣ факультета, потому находилъ необходимымъ, чтобы по каждому предмету университетскаго преподаванія составленъ и напечатанъ былъ краткій конспектъ, и по его требованію и предписано было: «дабы г-да профессоры учинили то безъ всякаго замедленія».

Но они не учинили этого вовсе и едва ли можно о томъ сожалѣть, потому что пользы отъ того было бы мало [1]).

Въ томъ же 1759 году Ломоносовъ составилъ «узаконенія» для учащихся въ гимназіи, въ которыхъ изложены были правила о томъ, какъ ученики должны были вести себя въ отношеніи учителей и другъ съ другомъ. Правила эти не болѣе какъ общія мѣста, не имѣющія практическаго значенія.

Въ томъ же 1759 году составлены были Ломоносовымъ регламенты университета и гимназіи, но они не сохранились.

Составъ учителей гимназіи былъ, по прежнему, не удовлетворительный; ихъ набирали преимущественно изъ недоучившихся студентовъ, которые, конечно, преподавали по русски, но не имѣли достаточныхъ познаній. Въ протоколѣ 12 декабря 1758 года изложено было слѣдующее: «Академіи Наукъ адъюнктъ и инспекторъ г-нъ Модерахъ репортомъ представляетъ, что нѣкоторые изъ студентовъ находятся при гимназіи въ должности учителей и обучаютъ разные классы, а именно: Игнатій Терентьевъ — ариѳметическій, Семенъ Веденскій—

---

[1]) Н. А. Лавровскій полагаетъ, что Ломоносовъ имѣлъ при этомъ въ виду собственно составленіе обзора содержанія пройденныхъ гимназистами наукъ, для того, чтобы они могли припомнить прежде ими изученное, а главное, понять общій смыслъ и цѣльность содержанія каждаго усвоеннаго ими въ гимназіи предмета. (О Ломоносовѣ. По новымъ матеріаламъ. Харьковъ. 1865 года. Стр. 200—201). Если бы это было такъ, то предложенныя мѣры были бы дѣйствительно полезны; въ настоящее время, по гимназическому уставу 1870 года, онѣ и примѣнены въ 8-мъ классѣ гимназіи, предназначенномъ преимущественно на сознательное повтореніе прежде пройденнаго курса. Но не то желалъ ввести Ломоносовъ: онъ находилъ, что оканчивающимъ курсъ гимназистамъ «надлежитъ имѣть понятіе о *всѣхъ* наукахъ, которымъ въ Академіи (т. е. въ университетѣ) обучаютъ, дабы они могли себѣ избрать, вездѣ по своей склонности, къ которой употребить главное свое упражненіе». Ясно, что Ломоносовъ имѣлъ при этомъ въ виду вовсе не повтореніе гимназистами изученныхъ ими предметовъ, такъ какъ весьма многія науки, преподаваемыя въ университетѣ, вовсе не входятъ въ курсъ гимназіи, а облегченіе имъ выбора факультета, что совершенно излишне, ибо всякій взрослый гимназистъ знаетъ и безъ того составъ наукъ избираемаго факультета. Да и самый объемъ требовавшихся Ломоносовымъ конспектовъ не допускаетъ и мысли о столь сжатомъ изложеніи всего пройденнаго предмета: онъ опредѣлилъ именно, чтобы обзоръ каждой науки не превосходилъ печатнаго полулиста.

средній россійскій, Иванъ Прыткой—нижній россійскій классъ. Оные же студенты желаютъ и просятъ, чтобъ ихъ изъ числа студентовъ выключить, и опредѣлить настоящими при гимназіи учителями, съ произвожденіемъ жалованья противъ прочихъ учителей, дабы они тѣмъ побуждаемы были къ наивящей ревности и прилежанію въ отправленіи положенной на нихъ должности. А по мнѣнію его, оныхъ студентовъ справедливо и для гимназіи полезнѣе, что бы они опредѣлены были учителями; также смотря на ихъ состояніе, кажется, что большей въ томъ надобности нѣтъ, что имъ остаться дольше въ студентахъ, ибо отъ Терентьева и Прыткова, какъ по ихъ лѣтамъ, такъ и по природнымъ ихъ дарованіямъ, нельзя ожидать дальнихъ и великихъ въ наукахъ успѣховъ, а Семену Веденскому, хотя нынѣ и опредѣленъ будетъ учителемъ, сія должность не помѣшаетъ упражняться долѣе въ наукахъ, къ которымъ онъ, по остротѣ его ума, предъ другими способенъ. А по справкѣ въ академической канцеляріи объявленные студенты при Академіи находятся: Терентьевъ съ 1748 года, Веденскій съ 1749, Прыткой съ 1748 года и жалованье имъ производится помѣсячно. А понеже онымъ студентамъ вновь учрежденные г-омъ коллежскимъ совѣтникомъ и профессоромъ Ломоносовымъ классы необходимо обучать должно, того ради приказали: имъ всѣмъ троимъ быть гимназіи учителями и изъ студентовъ ихъ выключить». Другими словами: засидѣвшіеся въ университетѣ, по неспособности, студенты признавались способными занять мѣсто преподавателей въ гимназіи. На дѣлѣ оказалось, что самый способный изъ этихъ трехъ студентовъ, Семенъ Веденскій, вовсе не соотвѣтствовалъ званію гимназическаго наставника. «1760 года декабря 11 дня», записано въ протоколѣ, подписанномъ Ломоносовымъ, «по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ приказали: гимназіи учителя Семена Веденскаго, который съ 28 ноября сего года въ классы хожденія не имѣлъ, снявъ шпагу, держать подъ карауломъ впредь до резолюціи при Академіи, а вмѣсто его, для обученія его класса,

выбрать г-ну профессору Модераху способнаго изъ студентовъ, и о томъ къ г-ну Модераху послать ордеръ, а о держаніи онаго Веденскаго подъ крѣпкимъ карауломъ прапорщику Галлу приказать». Наказаніе не исправило однако этого студента-учителя. Въ протоколѣ 9 сентября 1762 года, подписанномъ тоже Ломоносовымъ, вмѣстѣ съ совѣтникомъ Таубертомъ, читаемъ: «Академія Наукъ, слушавъ репорта, поданнаго отъ профессора и гимназіи инспектора Котельникова, которымъ представилъ, что учитель Семенъ Веденскій отъ пьянства и гулянія ходитъ въ классы рѣдко, а когда и приходитъ, дѣло свое лѣниво исправляетъ, беретъ переводы исправлять на домъ, да не токмо не поправляетъ, но и тетради ученическія затрачиваетъ, какъ де то сами ученики на него жалуются, да и ученики весьма малые у него имѣютъ успѣхи, и по многократнымъ увѣщеваніямъ и выговорамъ, ни мало не показалъ исправленія. А ордеромъ его сіятельства Академіи господина президента графа Кириллы Григорьевича Разумовскаго, даннымъ Академической канцеляріи, велѣно о искорененія пьянства и гулянія употреблять всевозможные способы, и которые ни увѣщеваніемъ, ниже строгостію наказанія не поправятся, тѣхъ отрѣшать, не принимая никакихъ извиненій и предстательствъ за нихъ, дабы прочіе, видя таковые примѣры, должности свои тѣмъ исправнѣе наблюдали. А понеже оный Веденскій, за пьянство и гулянье, часто былъ содержанъ подъ арестомъ, но, какъ видно, что то ему не помогало, и отъ худыхъ поступокъ не унялся, чрезъ что и учащимся у него, вмѣсто добрыхъ примѣровъ и честному житью наставленія, преподаетъ склонности ко всякимъ неистоствамъ, того ради приказали: слѣдуя означенному его высокографскаго сіятельства повелѣнію, онаго учителя Семена Веденскаго, за пьянство и гуляніе, и неприлежаніе къ должности его, отъ Академіи отрѣшить, и, выдавъ заслуженное его жалованье, отослать для опредѣленія въ другую команду, куда способенъ окажется, въ герольдмейстерскую контору при промеморіи; а на мѣсто его Веденскаго въ его классѣ для обуче-

нія, выбрать господину профессору Котельникову способнаго изъ студентовъ, и состоянія добраго, которому, сверхъ употребляемаго на него содержанія, производиться имѣетъ награжденіе».

Не одинъ такой наставникъ изъ студентовъ былъ въ гимназіи. Десять дней спустя, инспекторъ гимназіи представилъ, «чтобъ сверхъ учителя Семена Веденскаго, еще гимназіи учителей Павла Веденскаго и Осипа Полидорскаго, за непорядочное въ классы хожденіе, а паче за непохвальное и учителямъ непристойное поведеніе, а именно пьянство, отъ гимназіи отставить, а на мѣсто де ихъ, къ обученію учениковъ, опредѣлить студентовъ Дмитрія Мокѣева, Петра Иноходцева, Аѳанасья Горина, и, для ободренія оныхъ студентовъ, опредѣлить за труды ихъ въ гимназіи награжденіе».

Студентамъ, преподававшимъ въ гимназіи, платили по два рубля въ мѣсяцъ. Они обучали не только въ низшихъ, но и въ латынскихъ классахъ; такъ въ 1764 году опредѣлено было «для обученія въ низшемъ латынскомъ классѣ выбрать изъ академическихъ студентовъ».

Въ 1761 году, по требованію Ломоносова, отпущены были изъ книжной лавки, и выписаны изъ-за границы учебныя руководства гимназистамъ, «ибо де инымъ не всѣ, а другимъ никакихъ не выдано, отчего де въ ученіи дѣлается не малая остановка».

Ломоносовъ заботился преимущественно о наполненіи опустѣвшей гимназіи учениками, мало обращая вниманія на ихъ качества, точно также, какъ видѣли, и на достоинства учителей. Въ 1760 году въ гимназіи было всего 37 учениковъ, изъ нихъ 22 солдатскихъ дѣтей, не предназначавшихся конечно для высшаго образованія. Въ 1761 году всѣхъ гимназистовъ было 46, изъ нихъ 30 солдатскія дѣти. Такъ какъ въ академической гимназіи не было обязательно проходить весь гимназическій курсъ, и можно было выбирать предметы обученія, то неудивительно встрѣтить, напримѣръ, слѣдующее постановленіе: «1764 года сентября 3 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, кан-

целярія Академіи Наукъ, по слушаніи промеморіи изъ Государственной Адмиралтейской Коллегіи, приказали: присланныхъ при оной малолѣтнихъ пищиковъ двадцать пять человѣкъ обучать въ академической гимназіи правописанію».

Хотя число казеннокоштныхъ учениковъ опредѣлено было имѣть 60, но это число никогда не наполнялось, по недостатку желающихъ поступить въ гимназію: въ 1762 году пансіонеровъ было 32, въ 1763 — 34. Для удержанія учениковъ въ гимназіи придуманы были принудительныя мѣры: обязывали родителей не брать назадъ своихъ сыновей изъ гимназіи, отдавая ихъ всецѣло академіи навсегда, а малолѣтнихъ учениковъ приводили къ присягѣ. Для примѣра, приведемъ слѣдующія два постановленія академической канцеляріи: 1) «1764 года сентября 4 дня въ канцеляріи Академіи Наукъ польской націи шляхтичъ Емельянъ Сидоровъ сынъ Хоревскій далъ сію подписку въ томъ, что малолѣтняго его сына (ему было 11 лѣтъ) Андрея Емельянова, который, по прошенію его, принятъ для обученія иностранныхъ языковъ и наукъ въ академическую гимназію на казенное содержаніе, по обученію, изъ Академіи не брать, и о опредѣленіи въ другое мѣсто не просить, а единственно оставляетъ онъ того своего сына вѣчно въ службѣ академической и въ томъ подписуется». 2) 1765 года февраля 1 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ, слушавъ прошенія капитана лейтенанта Егора Карпова сына Ашбалова о опредѣленіи оставшагося послѣ маіора Петра Малевицкаго сына его Венедикта, которому отъ роду шестой годъ, для обученія иностранныхъ языковъ и наукъ въ академическую гимназію на казенное содержаніе, приказали: оному маіорскому сыну быть для обученія иностранныхъ языковъ и наукъ въ академической гимназіи и включить его въ штатное число гимназистовъ и производить ему противъ прочихъ казенное содержаніе, и привести его къ присягѣ».

При неудовлетворительномъ составѣ преподавателей и несоотвѣтственномъ наборѣ учениковъ, плохи были и успѣхи гимна-

зистовъ; такъ въ августѣ 1764 года произведенъ былъ экзаменъ казеннымъ ученикамъ гимназіи, и изъ 13-ти учениковъ низшаго класса переведено было въ средній только три, а изъ 10-ти учениковъ средняго переведенъ въ старшій только одинъ.

Ломоносовъ надѣялся придуманными имъ мѣрами поправить гимназію. Въ 1760 году писалъ онъ, и нужно сказать, безъ излишней скромности: «Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы». Онъ убѣжденъ былъ даже, что привелъ гимназію въ порядокъ; «всѣми силами стараюсь о ученыхъ россіянахъ», писалъ онъ въ 1760 году И. И. Шувалову, «сочинилъ регламенты, привелъ въ порядокъ гимназію». Не всѣ академики раздѣляли однако это мнѣніе. Въ 1761 году Мюллеръ писалъ вліятельному секретарю графа Разумовскаго, Теплову: «Повѣрьте мнѣ, милостивый государь, Ломоносовъ — бѣшеный, съ ножемъ въ рукахъ. Онъ разоритъ всю Академію, если его сіятельство не возстановитъ скоро порядка. Мы видимъ печальный тому примѣръ на университетѣ и гимназіи, которыми онъ исключительно управляетъ: они никогда не были въ такомъ плохомъ положеніи, какъ теперь».

Мы познакомились уже выше съ педагогическими взглядами инспектора гимназіи Модераха, который желалъ для гимназіи иного контингента учителей, и другаго состава учениковъ. Ломоносовъ имѣлъ, какъ видно, другія воззрѣнія, не сошелся съ Модерахомъ, винилъ его въ дурномъ состояніи гимназіи, и наконецъ, въ 1761 году потребовалъ удаленія его отъ должности, и, не ожидая рѣшенія президента, не бывшаго тогда въ Петербургѣ, удалилъ Модераха отъ должности, а на его мѣсто назначилъ профессора Котельникова. Въ это время графъ Разумовскій жилъ въ Малороссіи. Онъ давно зналъ и цѣнилъ Модераха; но съ другой стороны, отдавъ гимназію въ полное распоряженіе Ломоносова, не могъ противиться ему въ выборѣ

главнаго ея дѣятеля; онъ долго медлилъ отвѣтомъ, наконецъ согласился на представленіе Ломоносова, но какъ бы условно и нехотя. Это видно изъ подлиннаго протокола академической канцеляріи. «Сего марта 6 дня», записано въ немъ, «поданнымъ въ канцелярію академическую г-нъ профессоръ и гимназіи инспекторъ Модерахъ представилъ, что онъ въ службѣ академической состоитъ девятнадцатый годъ и контракту его срокъ минулъ, и нынѣ болѣе при академіи служить не желаетъ, и проситъ чтобы его изъ академической службы, по прошествіи шести мѣсяцевъ, какъ о томъ въ контрактѣ его написано, или какъ заблагоразсуждено будетъ, уволить и дать апшитъ. А г-нъ коллежскій совѣтникъ Ломоносовъ письменно предложилъ канцеляріи, что его, Модераха, какъ иностраннаго человѣка, за прошествіемъ контракта, принудить къ академической службѣ неможно, да и присмотрѣно де имъ, что онъ, Модерахъ, въ смотрѣніи надъ ученіемъ и поступками молодыхъ людей не заботится, и для того бъ дать ему апшитъ, а на мѣсто его, Модераха, опредѣлить гимназіи инспекторомъ профессора Котельникова, и поручить ему смотрѣніе надъ студентами, поколѣ будетъ университетъ съ гимназіею состоять вмѣстѣ». Только 28 іюня послѣдовалъ слѣдующій ордеръ графа Разумовскаго. «Многократно мнѣ представлено было отъ совѣтника коллежскаго г-на Ломоносова, что, по порученному ему отъ меня правленію университетомъ санктпетербургскимъ, усмотрѣлъ онъ крайное нерадѣніе къ своей должности профессора Модераха, яко опредѣленнаго инспектора надъ гимназіею, и что необходимость требуетъ заблаговременно его перемѣнить другимъ, къ чему и представленъ былъ отъ него профессоръ Котельниковъ. И хотя профессоръ Модерахъ напротиву того приносилъ многія жалобы о нападеніяхъ и обидахъ себѣ причиненныхъ отъ помянутаго совѣтника; но то писано было не ко мнѣ, а партикулярно и сторонне, а между тѣмъ я ожидалъ, что канцелярія Академіи Наукъ, видѣвши, что г-нъ Ломоносовъ, право или не право, объявляетъ о худыхъ поступкахъ въ должности своей, профессора

Модераха, по крайней мѣрѣ о справедливости того или другаго, имѣя довольно власти, могла бы въ такомъ случаѣ сторонними развѣдать, и представить мнѣ о сихъ происхожденіяхъ, и тѣмъ вывести меня изъ сумнительства, въ которомъ я столь долговременно не давалъ на представленія совѣтника Ломоносова резолюціи, находился. Но, вмѣсто того, я только получилъ, за руками всѣхъ членовъ, отъ марта 17 дня репортъ, которымъ представлено мнѣ, что профессоръ Модерахъ, окончивъ свой контрактъ, проситъ своего увольненія отъ Академіи. И для того я немогу теперь иной резолюціи дать, какъ только по тому, что мнѣ изъ представленія канцелярскаго извѣстно, а именно, что совѣтникъ г-нъ Ломоносовъ отъ университета отрѣшилъ профессора Модераха за непорядки, которыхъ въ репортѣ не оправлено, а на его мѣсто профессора Котельникова опредѣлилъ, то тому быть такъ до времени. А что профессоръ Модерахъ проситъ увольненія отъ Академіи, по одному, какъ видно изъ стороннихъ писемъ, огорченію, въ томъ до прибытія моего въ Санктпетербургъ удержаться; ибо ежели онъ прямо обиженъ, то я самъ, по разсмотрѣнію дѣла, и удовольствіе ему учиню. А до тѣхъ поръ канцелярія можетъ дать ему дѣло по Академіи, какое она заблагопотребно по его способности усмотритъ. Ежели же профессоръ Модерахъ не желаетъ ничего иного, какъ только отпуску своего отъ Академіи, то ему, такъ какъ человѣку свободному, и контрактъ свой выслужившему, въ томъ не препятствовать, почему канцелярія, по примѣру какъ съ другими профессорами до сего поступаемо было и абшитъ дать имѣетъ». Модерахъ не пожелалъ остаться въ службѣ при Академіи, гдѣ занимался съ 1749 года, и былъ отъ нея уволенъ. Ломоносовъ поторопился выгнать его изъ казенной квартиры, давъ, въ качествѣ совѣтника академической канцеляріи, такое предписаніе: «ежели онъ Модерахъ будетъ противиться, въ такомъ случаѣ у тѣхъ покоевъ, въ которыхъ онъ жительство имѣетъ, оконницы и двери выставить вонъ, и тѣмъ его выѣхать принудить».

Инспекторство Котельникова (1761—1766 года).

Котельниковъ былъ несомнѣнно человѣкъ дѣльный и старательный, но исправить гимназію не могъ. Онъ употреблялъ давно испытанныя, недѣйствительныя средства: выгонялъ изъ гимназіи учениковъ (такъ въ 1764 году исключено было 8 гимназистовъ), увольнялъ негодныхъ учителей изъ студентовъ, но замѣнялъ ихъ тоже студентами. Такъ въ протоколѣ 19 августа 1765 года записано: «При академическомъ университетѣ находится студентъ Петръ Степановъ съ 1750 года, лейбъ-гвардіи семеновскаго полку изъ деньщичьихъ дѣтей, и сперва обучался въ гимназіи, потомъ произведенъ студентомъ въ 1761 году, а въ нынѣшнемъ 1765 году въ маѣ мѣсяцѣ профессоръ и гимназіи инспекторъ Котельниковъ спискомъ о находящихся при университетѣ студентахъ, въ томъ числѣ о немъ Степановѣ объявилъ, что онъ рѣдко ходилъ на лекціи за пьянствомъ, учился по нѣмецки и мало геометріи, и по общему профессорскому экзамену, положено отъ Академіи уволить. А онъ, Степановъ, объявя доношеніемъ, что онъ, болѣе не имѣя склонности и охоты учиться вышнимъ наукамъ, остаться при университетѣ не намѣренъ, просилъ, чтобъ его опредѣлить въ гимназію геометріи или ариѳметики учителемъ; на которомъ его доношеніи упомянутый профессоръ Котельниковъ подписалъ: оный де студентъ Степановъ атестованъ отъ него ко хмѣлю склоннымъ; но какъ сей порокъ не природный, то можетъ быть что исправится, и ежели де способенъ явится, то опредѣлить его, съ такимъ условіемъ, чтобъ велъ себя трезво и порядочно, а въ гимназіи въ ариѳметическомъ и геометрическомъ классахъ учители надобны; почему іюня 17 числа сего года опредѣленіемъ канцеляріи Академіи Наукъ и велѣно ему Степанову, на мѣсто студента Петра Иноходцова, который посланъ за море, быть при обученіи гимназистовъ въ ариѳметическомъ и геометрическомъ классѣ. А поданнымъ нынѣ репортомъ вышеупомянутый профессоръ Котельниковъ объявилъ, что оный Степановъ, хотя и рекомендованъ имъ учителемъ въ ариѳметическій и геометрическій классъ, въ надеждѣ той, что онъ исправился и повелъ себя хорошо и подавалъ было о себѣ впредь

надежду; но онъ опять гулять началъ, и за невоздержаніе отъ пьянства учителемъ быть недостоинъ, и представлялъ, чтобъ на мѣсто его опредѣлить достойнаго учителя, а между тѣмъ, тотъ классъ поручить другому студенту. Приказали: его Степанова, за невоздержность отъ пьянства, выключа изъ Академіи, отослать Пр. Сената въ герольдмейстерскую контору при промеморіи, а на мѣсто его въ ариѳметическій и геометрическій классъ, для обученія, выбрать г-ну профессору Котельникову изъ студентовъ состоянія добраго и воздержнаго, и по опредѣленіи учителемъ, представить канцеляріи».

Ректорство Киница (1764 года.)

Въ 1764 году Котельниковъ просилъ о назначеніи ректоромъ гимназіи конректора академической типографіи Киница, который прежде былъ въ Гданскѣ конректоромъ; президентъ поручилъ профессорамъ Фишеру, Брауну и Котельникову проэкзаменовать Киница, и онъ былъ опредѣленъ ректоромъ гимназіи.

Помѣщеніе гимназіи не соотвѣтствовало также правильно устроенному учебному заведенію. «Учители въ зимнее время», представлялъ Котельниковъ, «даютъ лекціи въ классахъ одѣвшись въ шубу, разминаясь вдоль и поперегъ по классу, и ученики, не снабженные теплымъ платьемъ, не имѣя свободы встать съ своихъ мѣстъ, дрогнутъ, отчего дѣлается по всему тѣлу абструкція, и потомъ рождается корчета и скорбутъ, которыхъ ради болѣзней принуждены оставить хожденіе въ классы; чего ради не дивно, ежели успѣхи ученическіе не соотвѣтствуютъ приложенному старанію учителей».

Домъ Троицкаго подворья нанятъ былъ въ 1756 году для гимназіи первоначально только на одинъ годъ; но, вмѣсто того, гимназія осталась въ немъ восемь лѣтъ. Наконецъ, домъ этотъ пришелъ почти въ совершенное разрушеніе, какъ это видно изъ слѣдующаго рапорта Котельникова академической канцеляріи 6 августа 1764 года «Со вступленія моего въ гимназіи инспекторомъ подавалъ я каждый годъ въ канцелярію Академіи Наукъ репорты о починкѣ дому, въ которомъ гимназія, всегда забла-

говременно; но починка начиналась очень поздо, и никогда не приходила къ окончанію, отчего домъ безпрестанно приходилъ въ большое разрушеніе, и живущіе въ немъ претерпѣвали зимою отъ холоду нужду. Часто учители, ради нестерпимой стужи, не окончивъ лекцій, выходить принуждены и учениковъ распускать. Двери во всемъ домѣ такъ ветхи, что не токмо не можно плотно затворить и запереть, но и замка и петель прибить нельзя. Окончины такожде, ради ветхости стеколъ не держутъ, которые часто выбиваетъ, чего ради въ покояхъ учениковъ и студентовъ, такожде и въ классахъ, принуждены сторожа зимою окны трепицами и рогожами завѣшивать, которыя лѣтомъ стоятъ полы, какъ то и теперь еще можно видѣть. Въ сѣняхъ не токмо стеколъ, но и окончинъ нѣту; двери весьма ветхи, которыя ни запереть, ни затворить не можно. Подъ кровлею, въ слуховыхъ окнахъ, ставни индѣ худы, индѣ вовсе нѣту. Зимою набиваетъ снѣгъ, какъ подъ кровлею на потолки, такъ и въ сѣни, отъ котораго въ оттепели подопрѣваетъ у потолковъ подмазка и обваливается. Такожде и въ покояхъ подмазка весьма худа. Разъ убила было мою жену, а въ другой дѣтей. О передѣлкѣ кухни, гдѣ на студентовъ и гимназистовъ стряпаютъ, подавъ мною репортъ уже третьяго году. Она такъ худа, что зимою тѣсто въ квашнѣ мерзнетъ». Въ 1764 году купленъ былъ для гимназіи, на сумму книжныхъ доходовъ, домъ бароновъ Строгановыхъ за 9,900 рублей.

Ломоносовъ думалъ и утверждалъ, что онъ устроилъ гимназію какъ слѣдуетъ. Уже въ царствованіе Императрицы Екатерины, сравнивая положеніе этого учебнаго заведенія, въ какомъ онъ его засталъ, съ тѣмъ какъ его поставилъ, онъ писалъ: «Въ гимназіи хотя не мало было гимназистовъ, однако въ весьма бѣдномъ и безполезномъ состояніи, за тѣмъ что жалованье имъ давалось въ руки, которое брали къ себѣ ихъ родители или свойственники, и держали больше на себя, нежели на школьниковъ, такъ что въ школы приходили въ бѣдныхъ рубищахъ, претерпѣвали наготу и стужу и стыдно было ихъ показать по-

стороннимъ людямъ. При томъ же, пища ихъ была весьма бѣдная и одинъ иногда хлѣбъ съ водою. Въ такихъ обстоятельствахъ наука мало шла имъ въ голову. Да и времени имъ къ тому не было, затѣмъ что дома должны были служить отцу и матери, для бѣдности, а въ гимназію ходя, по дальнему разстоянію, теряли лучшіе часы и всегда случай имѣли рѣзвиться и отъ школы отгуливать. Итакъ не дивно, что чрезъ семь лѣтъ не было произведено изъ гимназіи въ университетскіе студенты ни единаго человѣка. Но послѣ порученія оной гимназіи совѣтнику Ломоносову въ единственное смотрѣніе, всѣ оныя неудобствія отвращены и пресѣчены, ибо гимназисты соединены, какъ и студенты, въ общежитіе, снабжены приличною одеждою и общимъ довольнымъ столомъ, по мѣрѣ опредѣленнаго имъ жалованья, не теряютъ времени, ни ходьбою на домъ, ни службою родителямъ, ниже заочною рѣзвостію, будучи у инспектора гимназіи и у нарочныхъ надзирателей передъ глазами въ одномъ домѣ».

Не такъ смотрѣла Академія на сдѣланныя Ломоносовымъ улучшенія въ Академической гимназіи. Въ протоколѣ 21 августа 1765 года читаемъ: «Въ прошломъ 1760 году, опредѣленіемъ его сіятельства Академіи г-на президента графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго велѣно въ Академической гимназіи учениковъ содержать въ общежитіи 60 человѣкъ, полагая на каждаго по 36 рублевъ въ годъ, въ силу котораго опредѣленія и находилось учениковъ отъ 45 до 50 человѣкъ. И хотя съ того времени разные опыты собраніемъ въ общежитіи тѣхъ гимназистовъ учинены, но ни мало не соотвѣтствовали намѣренію, дабы изъ нихъ произвесть людей способныхъ къ наукамъ и къ принесенію такой пользы отечеству, которая хотя бы нѣсколько замѣняла употребленный на нихъ и на содержаніе учителей и другихъ нижнихъ чиновъ коштъ. А какъ изъ поданныхъ въ канцелярію о состояніи университета и гимназіи репортовъ усмотрѣно, что между студентами и гимназистами нашлась почти половина отчасти пьяницъ, забіякъ, лѣнивыхъ, непонятныхъ, и

въ ученіи никакого успѣха по нынѣ не оказавшихъ, а сіе паче происходило оттого: 1) оные ученики принимаемы были болѣе для скорѣйшаго наполненія числа, не разсматривая при томъ ихъ лѣтъ, состоянія и способности къ наукамъ, и набираемы были изъ самой подлости, почему не имѣли добраго воспитанія, а въ общежитіи о поправленіи сего недостатка никакого попеченія не приложено, особливо что и надзиратели сами были люди, всякими пороками зараженные. 2) Между гимназическими учениками многіе такіе находились, которые при неспособности своей и худыхъ поступкахъ достигли уже 20-ти лѣтняго возраста, а иные оный и превзошли, признавая ученіе себѣ крайнимъ принужденіемъ и тягостію». Съ своей стороны, можемъ привести доказательство справедливости этого факта: 25 мая 1765 года принятъ былъ въ низшій классъ гимназіи Андрей Корьяченко, 25-ти лѣтъ.

Въ 1766 году Мюллеръ писалъ Эйлеру: «Дѣло заключается не въ одной Академіи, но и въ рѣшительномъ преобразованіи такъ называемаго университета и гимназіи, и особенно въ доведеніи этой послѣдней до такого совершенства, чтобы и значительные родители отдавали въ нее воспитывать дѣтей своихъ».

Достигнуть этого было трудно, потому что гимназія не предоставляла никакихъ правъ, а родители заботились преимущественно о будущей служебной карьерѣ своихъ сыновей; значитъ нужно было придумать другія мѣры для улучшенія состава учащихся въ гимназіи.

Примѣръ этому поданъ былъ именно въ то время И. И. Бецкимъ, который находилъ, что отъ существовавшихъ тогда въ Россіи учебныхъ заведеній «мало, буде совсѣмъ ничего существительныхъ плодовъ собрано». Система воспитанія Бецкаго извѣстна: онъ находилъ необходимымъ удалять дѣтей, съ самаго нѣжнаго возраста и вплоть до совершеннолѣтія, изъ грубой среды ихъ родителей, и тѣмъ предостеречь ихъ отъ дурныхъ навыковъ, и такимъ образомъ создать изъ нихъ *«новую породу»*,

или новыхъ отцевъ и матерей, которые могли бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бы паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки»! «Великое сіе намѣреніе исполнить», писалъ онъ, «нѣтъ совсѣмъ инаго способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣ, какъ по пятому и по шестому году...... Итакъ, о воспитаніи юношества пещися должно неустанными трудами, начиная, какъ выше показано, отъ пятаго и шестаго до осемнадцати и двадцати лѣтъ безвыходнаго въ училищахъ пребыванія. Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые ближніе сродники, хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не инако какъ въ самомъ училищѣ и то въ присутствіи ихъ начальниковъ». Составленное Бецкимъ «Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества» утверждено было Императрицею 12 марта 1764 года.

Въ 1765 году, уѣзжая изъ Петербурга, графъ Разумовскій далъ 19 апрѣля инструкцію академической канцеляріи, въ которой сказано было: «Университетъ и гимназію съ принадлежащими къ онымъ профессорами, учителями, студентами и учениками, учредить на такомъ основаніи, чтобъ сходствовало съ Высочайшимъ намѣреніемъ Ея Императорскаго Величества о воспитаніи и обученіи россійскаго юношества» (т. е. по системѣ Бецкаго)..... «а дабы вслѣдствіе того никакого затрудненія не было, то въ нужной перемѣнѣ прежнихъ распорядковъ полагается на разсмотрѣніе канцеляріи».

За двѣ недѣли передъ тѣмъ, именно 4 апрѣля, умеръ Ломоносовъ, «который имѣлъ единственное надзираніе и смотрѣніе надъ академическими студентами и гимназистами».

Учрежденіе при гимназіи малолѣтняго отдѣленія въ 1765 году.

Слѣдуя инструкціи президента Академіи, Таубертъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: «Какъ Ея Величество въ публикованномъ генеральномъ планѣ сама Высочайше предписать соизволила порядокъ какимъ образомъ воспитаніе обоего пола россійское

юношество, чему по апробованнымъ отъ Ея Величества какъ Академіи Художествъ, такъ и благородныхъ дѣвицъ регламентомъ учинено въ обоихъ оныхъ мѣстахъ благополучное и впредь всякую надежду подающее начало; того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія академическая за должность свою признаваетъ и при Академіи о воспитаніи назначеннаго къ наукамъ юношества учинить точно такое-жъ учрежденіе, а именно: 1) изъ находящихся нынѣ при гимназіи сорока семи учениковъ выбрать тридцать человѣкъ лучшихъ, какъ въ разсужденіи нравовъ, такъ и способности къ наукамъ, а достальныхъ непорядочнаго поведенія и превосходящихъ надлежащія лѣта, а притомъ никакой надежды о себѣ впредь не подающихъ отчасти вовсе отрѣшить, а отчасти распредѣлить къ художествамъ, если къ онымъ способные явятся; 2) набрать вновь и содержать, на основаніи закона воспитательнаго училища при Академіи Художествъ, тридцать человѣкъ молодыхъ ребятъ, возрастомъ пяти и шести, а отнюдь не свыше семи лѣтъ, которыхъ принимать какъ изъ бѣдныхъ дворянъ, буде пожелаютъ, такъ и изъ разночинцевъ; о пріемѣ оныхъ публиковать при газетахъ печатнымъ листочкомъ, и во всѣ команды разослать, а между тѣмъ, покуда происходить будетъ сей наборъ учениковъ, сдѣлать къ ихъ содержанію штатъ и какія для того окажутся надобности немедленно приготовить и исправить такимъ образомъ, что, буде возможно, къ первому числу будущаго августа сего года къ дѣйствительному принятію и содержанію сихъ для воспитанія къ наукамъ вновь принимаемыхъ тридцати учениковъ все въ готовности было и ученіе ихъ въ тоже время начаться могло». Публикація въ газетахъ была сдѣлана, съ прописаніемъ въ ней, въ видѣ справки, правилъ о пріемѣ дѣтей въ Академію Художествъ. Желающихъ поступить въ гимназію дѣтей явилось 64; по троекратномъ осмотрѣ ихъ Таубертомъ, профессоромъ Протасовымъ и докторомъ Иберкампферомъ, принято изъ нихъ было 30 «надежду къ обученію подающихъ», а отъ представившихъ ихъ отцевъ и родственниковъ отобраны были подписки въ томъ, что они «вовсе

отъ нихъ отказываются, и ни подъ какимъ видомъ впредь требовать не будутъ». Для обученія ихъ грамотѣ опредѣлены были подканцеляристъ Карякинъ и ученикъ географическаго департамента Матвѣевъ. Мальчики эти были, по большей части, сыновья чиновниковъ, писарей и солдатъ.

Надзирательницы Миллеръ и Ремеръ (1765 года).

Въ августѣ открытъ былъ при гимназіи пансіонъ, раздѣленный на два отдѣленія, порученныхъ классным дамамъ, по 15-ти дѣтей каждой. Эти классныя дамы или надзирательницы не были пріисканы, а вызывались также публикаціями въ газетахъ. Въ протоколѣ 17 августа записано: «По учиненнымъ отъ Академіи Наукъ публикамъ для опредѣленія при оной къ надсматриванію и обученію малолѣтнихъ 30-ти гимназистовъ, явились въ канцелярію Академіи Наукъ, между прочими, нижеписанныя мадамы: 1) саксонской націи вдова Софія Шарлотта Миллерша, 2) бывшаго придворнаго живописца Ремерса жена его, вдова Катерина Лизавета Ремерсша, которыя къ тому и признаны за способныхъ».

Между тѣмъ, Императрицѣ донесли, что Таубертъ завелъ, безъ всякаго будто спроса, самовольно, и «въ дѣйствіе произвелъ» при гимназіи пансіонъ для малолѣтнихъ дѣтей отъ 5 до 6 лѣтъ «всякаго чина, кромѣ крѣпостныхъ» какъ онъ объявилъ, «для поправленія худаго состоянія университета и гимназіи», и набралъ въ него 30 малолѣтнихъ мальчиковъ разночинцевъ. Императрица, какъ видно знавшая, но не любившая Тауберта, велѣла его спросить: по какому праву онъ это сдѣлалъ. Не желая выдавать графа Разумовскаго, распоряженіе котораго приведено выше, Таубертъ отвѣчалъ, что слѣдовалъ примѣру Академіи Художествъ, то есть Бецкаго. На его запискѣ Екатерина написала: «Il est extrêmement singulier de dire *произвелъ*: chacun qui viendra changera à cet établissement tout ce qu'il voudra, parceque l'approbation de Mr. Taubert ne fait pas loi, et que c'est bâtir sur le sable que d'agir ainsi *самовольно*, et sans approbation». Однако, малолѣтнее отдѣленіе осталось при гимназіи во все царствованіе Императрицы.

Вскорѣ оказалось, что принятыя черезъ газеты и наскоро надзирательницы, или какъ онѣ названы «мадамы», вовсе не соотвѣтствуютъ своему назначенію. 20 декабря 1766 года состоялось слѣдующее постановленіе академической канцеляріи: «Имѣя разсужденіе, что находящіяся при Академіи для обученія малолѣтныхъ гимназистовъ мадамы Миллерша и Ремерсша, сколько извѣстно, были прежде худаго состоянія, да и нынѣ бываютъ у нихъ частые стороннихъ людей съѣзды и компаніи, и въ ночное время, а потому весьма ненадежно, чтобъ малолѣтные дѣти воспитаны и научены были хорошему поведенію, и съ желаемою пользою, того ради: 1) онымъ мадамамъ объявить, что онѣ далѣе перваго числа будущаго генваря при гимназіи содержаны не будутъ, и для того бы къ тому времени изъ дому казеннаго выѣхали. 2) надъ дѣтьми имѣть смотрѣніе впредь до резолюціи учителямъ Корякину и Матвѣеву, у которыхъ быть въ командѣ какъ лакеямъ, такъ и нянькамъ, а главное надзираніе во всемъ имѣть инспектору Бакмейстеру..... А дабы желающая изъ природныхъ россійскихъ женщина, имѣющая о своемъ поведеніи и качествахъ надежныя одобренія, опредѣлиться надзирательницею явилась въ коммиссію, объявить чрезъ газеты».

Надзирательница Мальтицъ (1767 года).

На этотъ разъ газетныя публикаціи были удачны: на нихъ явилась весьма достойная женщина «егермейстерша» Мальтицъ, которой и было поручено нераздѣльно и вполнѣ всё малолѣтнее отдѣленіе гимназіи. «Опредѣлено», говорится въ протоколѣ, «инспектору Бакмейстеру, по вступленіи ея, ни во что не вступаться... учителямъ Корякину и Матвѣеву остаться при прежней ихъ должности, то есть при обученіи гимназистовъ россійской грамотѣ, и пока при томъ пробудутъ, быть имъ у оной госпожи Мальтицы во всякомъ послушаніи и чинить благопристойное почтеніе».

Къ этому времени слѣдуетъ отнести сохранившуюся въ бумагахъ Академіи Наукъ «Инструкцію для женской особы», которой смотрѣніе надъ тридцати малолѣтними дѣтьми поручено будетъ»[1]).

[1]) См. приложеніе 3.

Въ этой инструкціи излагается какъ нужно обращаться съ дѣтьми и дается, между прочимъ, такое наставленіе: «ей (смотрительницѣ) дозволяется наказывать ослушниковъ, смотря по винѣ; однако должно ей имѣть осторожность въ томъ, чтобъ въ гнѣвѣ не бить по щекамъ, ниже кулакомъ или палкою, но въ такихъ случаяхъ наказывать токмо лозою; также, при исправленіи дѣтскихъ нравовъ, ограничиваться ей всякихъ поносныхъ и подлыхъ бранныхъ словъ». Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ дурнаго поведенія прежнихъ надзирательницъ, предписывалось смотрительницѣ «подозрительныхъ гостей въ отведенную ей квартиру не принимать, а особливо ночныхъ бесѣдъ не имѣть».

Г-жа Мальтицъ обратила вниманіе на учителей своего отдѣленія; это видно изъ протокола 16 ноября 1767 года, въ которомъ сказано: «находящемуся при малолѣтныхъ гимназистахъ учителю Сергѣю Матвѣеву объявить съ подпискою, чтобъ онъ отъ пьянства и худыхъ поступокъ воздержался и къ должности своей былъ прилѣженъ; а если хотя въ маломъ какомъ поступкѣ впредь окажется, то никакого извиненія и обѣщанія его принято отъ него не будетъ, и будетъ отъ Академіи отрѣшенъ съ безчестнымъ атестатомъ». Но онъ не исправился, и въ 1770 году замѣненъ былъ другимъ. Къ обязанности этого учителя относилось обученіе дѣтей, по средамъ и субботамъ, съ 9 до 11 часовъ, молитвамъ и чтенію церковныхъ книгъ, и въ остальные дни съ 9 до 12 — ариѳметикѣ, а съ 3 до 5 русской грамотѣ.

Въ 1770 году 15 мальчиковъ малолѣтняго отдѣненія были уже достаточно подготовлены, и переведены въ гимназію.

Къ сожалѣнію, достойная смотрительница г-жа Мальтицъ оставалась недолго на этомъ мѣстѣ: въ 1770 году, совершенно неожиданно для Академіи, она была назначена Императрицею гофмейстериною надъ фрейлинами, и замѣщена временно женою учителя Антонова. Въ это время директоръ Академіи графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ былъ въ отсутствіи, и академическая канцелярія распорядилась слѣдующимъ образомъ: «Чтобы малолѣтные гимназисты, пока прислана будетъ надле-

жащая надзирательница, на мѣсто отбывшей отъ оныхъ статской совѣтницы г-жи Мальтицъ, не токмо не позабыли того знанія, которое они подъ ея предводительствомъ, пріобрѣли въ нѣмецкомъ языкѣ, также въ исторіи и географіи, но могли бы въ оныхъ еще и болѣе успѣвать, препоручить обучать ихъ на то время учителю Шульцу четыре дни въ недѣлю, употребляя на то въ каждый день по два часа послѣ полудни..... А смотрѣніе надъ опредѣленными при тѣхъ гимназистахъ учителями, чтобъ они порядочно отправляли свою должность, поручить до прибытія его сіятельства, Академіи Наукъ господина директора, графа Владиміра Григорьевича Орлова, инспектору Бакмейстеру».

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, графъ Орловъ назначилъ смотрительницею малолѣтняго отдѣленія г-жу Кабритцъ, предоставивъ ей тѣ же права надъ учителями и дѣтьми, какими пользовалась ея предмѣстница, и отстранивъ вовсе инспектора гимназіи отъ завѣдыванія этимъ пансіономъ. 14 февраля 1772 года г-жа Кабритцъ умерла, а на ея мѣсто назначена была ея дочь Маргарита Кабритцъ. Надзирательницы Кабритцъ (1771 года).

Въ 1773 году поручено было академикамъ Котельникову и Румовскому сдѣлать экзаменъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи, и послѣ экзамена, шесть мальчиковъ переведены были изъ этого отдѣленія въ гимназію. На мѣсто ихъ принято было семь малолѣтнихъ, «а что вышепоказанныхъ оныхъ дѣтей», вновь повторено было, «отцы отдаютъ ихъ въ службу академическую добровольно и впредь о увольненіи ихъ отъ Академіи въ другую какую либо команду ни подъ какимъ видомъ требовать не будутъ, въ томъ вышепомянутыхъ отцовъ ихъ обязать подписками». На счетъ обученія этихъ малолѣтнихъ, переведенныхъ въ гимназію, новымъ иностраннымъ языкамъ, состоялось 1 мая 1773 года такое постановленіе: «На представленіе инспектора Бакмейстера въ разсужденіи недавно переведенныхъ ко взрослымъ 6 малолѣтнихъ, также и въ разсужденіи переведенныхъ туда же за нѣсколько уже лѣтъ прежде сего другихъ 15 гимназистовъ, изъ коихъ однако ни одинъ еще не учится по французски, но только по

нѣмецки: французскому ли, или нѣмецкому языку обучаться новопереведеннымъ онымъ 6, и учиться также французскому языку прежнимъ тѣмъ 15 гимназистамъ? Объявить ему Бакмейстеру, чтобы онъ приказалъ не только переведенныхъ тѣхъ 6, но и тѣхъ, которые сверхъ ихъ еще вновь переведены быть имѣютъ туда жъ 7 человѣкъ изъ малолѣтныхъ же, обучать французскому и нѣмецкому языку, къ которому кто изъ нихъ больше окажетъ охоты и склонности, и притомъ обучать ихъ всѣхъ и латынскому языку, равно какъ и прежнихъ 15 французскому, хотя понемногу; но русскій языкъ для всѣхъ ихъ до нѣкотораго времени отставить».

Повидимому, Маргаритою Кабритцъ не были довольны, и въ октябрѣ 1773 году она была уволена отъ должности, а надзоръ надъ малолѣтнимъ отдѣленіемъ порученъ былъ временно учителю Корякину. Учителемъ нѣмецкаго языка, ариѳметики и географіи назначенъ былъ въ 1774 году въ это отдѣленіе Кинъ, съ обязательствомъ преподавать четыре дня по три часа, т. е. 12 часовъ въ недѣлю.

Надзирательница Христенекъ (1774 года).

Смотрительницею надъ малолѣтнимъ отдѣленіемъ назначена была г-жа Христенекъ, и по ея представленію въ 1775 году шесть малолѣтнихъ переведены были въ гимназію, съ извѣстнымъ обязательствомъ для родителей не брать ихъ изъ гимназіи, но прибавлено «до 18 лѣтъ возраста ихъ». Вскорѣ г-жа Христенекъ занемогла, и просила уволить ее отъ должности, и въ 1775 году малолѣтнее отдѣленіе вновь поручено было временно учителю Корякину.

Надзирательница Новакъ (1775 года).

Г-жа Христенекъ рекомендовала на свое мѣсто жену гимназическаго эконома Новакъ, которая и была опредѣлена. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ей было предписано, «чтобъ она къ находящимся подъ ея смотрѣніемъ малолѣтнымъ гимназистамъ ни родственниковъ, ни присылаемыхъ отъ нихъ слугъ для свиданія никогда бы, кромѣ что въ праздничные дни, не пускала, и крѣпко бы того смотрѣла, чтобы приходящіе къ нимъ люди никакихъ съѣстныхъ вещей не приносили; да и самимъ симъ дѣтямъ, когда

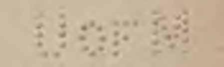
случиться отпустить ихъ въ праздничные дни къ родителямъ для свиданія, ночевать у нихъ никогда бы не дозволяла».

Въ 1776 и 1777 годы переведены были въ гимназію изъ малолѣтняго отдѣленія по четыре мальчика.

Мы видѣли, что только одинъ разъ два академика экзаменовали дѣтей этого пансіона, и отмѣтили достойныхъ къ переводу въ гимназію; обыкновенно же ихъ переводили туда по рекомендаціямъ смотрительницъ, и нерѣдко вовсе не подготовленныхъ къ прохожденію гимназическаго курса. Это видно изъ слѣдующаго протокола 26 іюня 1777 года: «Его высокородіе, двора Ея Императорскаго Величества господинъ камеръ-юнкеръ и Академіи Наукъ директоръ, Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ усмотрѣлъ, что переведенные сверху ко взрослымъ, малолѣтные гимназисты, разсуждая по бывшему, столь долговременному, подъ смотрѣніемъ надзирательницы, пребыванію, весьма мало успѣли въ ихъ наукѣ, такъ что, не упоминая о весьма маломъ ихъ знаніи въ языкахъ, и по сіе время почти еще и писать хорошо не умѣютъ. И какъ сіе происходитъ, конечно или отъ нерадѣнія учительскаго, или отъ худаго распоряженія въ обученіи таковыхъ мальчиковъ, того ради приказалъ: объявить о томъ надзирательницѣ Новакшѣ, а учителямъ Кину и Карякину, которые при оныхъ гимназистахъ находятся, наказать, чтобы они въ обученіи ихъ прилагали всевозможное стараніе, въ противномъ же случаѣ, ежели усмотрѣны будутъ впредь толь же малые успѣхи, какъ то понынѣ было въ оныхъ гимназистахъ, то они Карякинъ, Кинъ и Новакша отрѣшены будутъ отъ своихъ должностей».

Въ 1778 году переведены были изъ малолѣтняго отдѣленія въ гимназію девять мальчиковъ.

3 ноября 1778 года директоръ Академіи отдалъ малолѣтнихъ гимназистовъ, отъ которыхъ до тѣхъ поръ инспекторъ былъ устраненъ, въ распоряженіе инспектора гимназіи, академика Лепехина, «поелику, для общей пользы всей гимназіи, нужно благовременнѣе провидѣть ихъ способность и свойства,

чрезъ что ему, господину академику, самому облегчится будущее оными управленіе въ ихъ возрастѣ, а при томъ почти всѣ они вышли уже изъ младенческихъ лѣтъ, и способны воспріять основательные начатки ученія у учителей». Это распоряженіе вызвано было безпорядками, открытыми въ малолѣтнемъ отдѣленіи: оказалось, что у малолѣтнихъ гимназистовъ проживаетъ «вдвое противъ ихъ числа невѣдомо какихъ постороннихъ людей», что собственно говоря даже малолѣтнихъ дѣтей тамъ болѣе и не было, «поелику оные гимназисты всѣ уже перешли тѣ лѣта, въ кои нужно было смотрѣніе надъ ними женщинъ». Поэтому г-жа Новакъ была уволена, а малолѣтнее отдѣленіе поручено было учителю Петрассу, которому предписывалось «особливо приложить все свое стараніе о поселеніи какъ охоты къ наукамъ, такъ ясныхъ и правильныхъ началъ въ юношествѣ, и дать имъ всѣ понятія, кои, по ихъ лѣтамъ, они принять могутъ, какъ то: первыя правила ариѳметики, исторіи, географіи и миѳологіи... Въ бытность же его Петрасса въ классахъ внизу (т. е. въ гимназіи), быть во всѣ тѣ часы при помянутыхъ гимназистахъ учителю письменнаго класса Карякину». Такимъ образомъ, малолѣтнее отдѣленіе какъ бы вошло въ составъ гимназіи, въ видѣ приготовительнаго класса, хотя при этихъ дѣтяхъ продолжали держать нянекъ.

Возвратимся къ гимназіи, которую мы оставили на 1765 году.

Въ это время, при учрежденіи малолѣтняго отдѣленія, въ которомъ думали найдти единственно надежный разсадникъ для гимназіи въ будущемъ, изъ прежнихъ гимназистовъ, какъ сказано выше, оставлено было только 30 лучшихъ. Отъ нихъ взята была слѣдующая подписка: «Чувствуя Высочайшее Ея Императорскаго Величества къ намъ милосердіе, и желая соотвѣтствовать намѣренію пекущихся о будущемъ нашемъ благополучіи, обѣщаемъ мы отнынѣ исправить свою жизнь, и, при крайнемъ прилежаніи къ ученію, удаляясь отъ всякихъ пороковъ и подлыхъ поступокъ, другъ друга поощрять къ благонравію и чест-

ному поведенію. Ежели же между нами окажется умышленный, и никакими увѣщаніями неисправляемый пренебрегатель сего нашего обѣщанія, то мы сами просить будемъ, дабы оный, въ страхъ и примѣръ другимъ, съ публичнымъ безчестіемъ изверженъ былъ изъ нашего числа и общежитія. Въ Санктпетербургѣ ноября 1 дня 1765 года. Въ исполненіе сего обще подписуемся». (Слѣдуютъ 26 подписей, въ томъ числѣ будущихъ адъюнктовъ Академіи Василія Зуева и Михаила Головина).

Подтягивая учениковъ, нужно было подтянуть и учителей, и самое гимназическое начальство. Котельниковъ не жилъ въ гимназіи и рѣдко въ ней бывалъ; ему предлагалось посѣщать гимназію по крайней мѣрѣ въ тѣ дни, когда онъ бывалъ въ Академіи, и кромѣ того, отъ времени до времени заходить туда. Съ учителями были менѣе деликатны: имъ предписывалось повиноваться ректору, приходить въ классы за четверть часа до урока, а выходить изъ нихъ по звонку, доносить о своей болѣзни, поручать свои уроки, въ случаѣ невозможности быть въ гимназіи, одному изъ своихъ товарищей, не исполнявшимъ эти распоряженія угрожали вычетомъ изъ жалованья. Въ заключеніе, возлагалось на ректора, вмѣстѣ съ преподавателями старшихъ классовъ, составленіе новаго плана ученія гимназіи и распредѣленіе часовъ преподаванія. Вотъ этотъ протоколъ 23 ноября: «Понеже канцеляріи извѣстно учинилось, что нѣкоторые учители гимназіи приходятъ въ классы не точно въ то время, когда имъ быть надлежитъ, а нѣкоторые иногда и совсѣмъ не приходятъ, не давъ о себѣ знать, и не показывая законной причины своему отлученію, отчего ученики въ ихъ классахъ находятся праздны; а какъ сіе всемѣрно требуетъ исправленія, дабы, сколько возможно, отвести нареканіе, якобы Академія никакого раченія не имѣла о обученіи съ дѣйствительнымъ успѣхомъ учащагося въ гимназіи юношества. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ приказали: къ г-ну профессору Котельникову послать ордеръ, въ которомъ напи-

сать: 1) Гимназіи учителямъ съ строгостію подтвердить, чтобъ всегда за четверть часа до предписаннаго имъ времени приходили въ классы и по колоколу выходили. 2) Если котораго класса учителю, за болѣзнію, къ должности своей придти невозможно, то чтобъ благовременно попросилъ одного изъ своихъ товарищей, чтобъ смотрѣлъ за учениками его; а если болѣзнь можетъ быть продолжительна, то чтобъ немедленно репортовалъ инспектору, для учиненія по тому надлежащаго распорядка. 3) Педелю приказать таковыхъ не объявившихъ о отлученіи своемъ учителей записывать, и еженедѣльно подавать репорты, для вычету изъ ихъ жалованья, въ силу указовъ за нехожденіе. 4) Приказать учителямъ равное попеченіе имѣть о наставленіи какъ казенныхъ, такъ и вольныхъ учениковъ, потому что какъ тѣ, такъ и сіи учатся съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ, пришедъ въ лѣта, служить съ пользою своему отечеству. 5) Должны всѣ учители генерально, подъ инспекторскимъ надзоромъ, въ послушаніи быть у ректора гимназіи, какъ то вездѣ водится при гимназіи. 6) Сочинить ректору Киницу, приглася въ совѣтъ верхнихъ классовъ учителей, новый распорядокъ ученія въ гимназіи и расположеніе часамъ, дабы по тому начать исполненіе чинить съ новаго года, который планъ, разсмотря напередъ самому ему г-ну профессору Котельникову, обще съ г-мъ Киницомъ, представить какъ наискорѣе на апробацію академическому собранію. 7) Признаваетъ академическая канцелярія за весьма нужное, чтобъ г-нъ профессоръ Котельниковъ, для лучшаго во всемъ при гимназіи успѣха, и чтобъ какъ учителей, такъ и учащихся чрезъ то принудить къ вящему прилежанію, то чаще туда хожденіе имѣлъ, на что употребить можетъ тѣ дни, когда въ Академію къ собранію пріѣздъ имѣетъ; но притомъ должно по перемѣнамъ иногда и на то посмотрѣть съ какимъ порядкомъ и раченіемъ послѣ полудня ученіе въ классахъ происходитъ; однимъ словомъ, неотмѣнно требуется, чтобъ прежніе недостатки въ гимназіи поправлены и всѣ причины къ жалобамъ, сколько возможно, отвращены были. Передъ наступленіемъ по-

ваго года, должно, такъ какъ и о университетѣ, весь распорядокъ ученія публиковать печатными листами, а какъ немного уже времени къ тому остается, то все сіе распорядить должно какъ наискорѣе».

Назначеніе Бакмейстера инспекторомъ (въ 1766 году).

Академическая канцелярія не расчитывала, повидимому, на исполненіе своихъ строгихъ письменныхъ предписаній, и въ первые дни января 1766 года удалила Котельникова отъ должности, подъ предлогомъ предстоявшей ему ученой командировки, а инспекторомъ гимназіи назначенъ былъ педагогъ Бакмейстеръ. Въ протоколѣ 2 января 1766 года записано: «По исправленіи нынѣ, сколько возможно было, прежняго худаго состоянія университета и гимназіи, и по установленіи какъ ученія студентовъ и гимназистовъ, такъ и ихъ содержанія на добромъ и для будущихъ успѣховъ надежномъ состояніи, неотмѣнно требуется, дабы главнымъ надзирателемъ не только надъ ученіемъ, но и надъ поступками и благонравнымъ поведеніемъ учащагося при Академіи на казенномъ содержаніи юношества опредѣленъ былъ такой человѣкъ, который бы, живучи въ этомъ же домѣ, безпрестанно ихъ въ глазахъ своихъ имѣлъ, и являющіеся недостатки и неисправности тотчасъ поправить могъ, и притомъ бы и всю учрежденную для нихъ экономію содержалъ во всегдашнемъ добромъ порядкѣ. А какъ г-нъ профессоръ Котельниковъ, которому сіе до нынѣ поручено было, во первыхъ, отъ той должности имѣлъ себѣ великое препятствіе въ подлежащихъ ему, яко академику, ученыхъ упражненіяхъ, второе, за неимѣніемъ въ университетскомъ домѣ довольныхъ покоевъ, съ фамиліею тамъ жить не можетъ, и третіе, представленъ Правительствующему Сенату для осмотру прожектованной коммуникаціи рѣки Волги съ Дономъ, куда ожидаетъ себѣ въ скоромъ времени отправленія. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ, принявъ въ уваженіе сколь нужно, дабы въ должность инспектора надъ гимназіею и воспитываемымъ къ наукамъ юношествомъ опредѣленъ былъ человѣкъ единственно въ томъ упражняющійся, и никакимъ другимъ

дѣломъ необязанный, разсудила за необходимо нужно опредѣлить въ упомянутую инспекторскую должность впредь до указу рекомендованнаго ей, и въ воспитаніи знатныхъ отцовъ дѣтей уже довольно искусившагося юриспрудента г-на Людовика Бакмейстера».

Ученые труды Бакмейстера.

Бакмейстеръ, родомъ изъ Мекленбурга, пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Германіи въ 1762 году; тогда ему было 35 лѣтъ. Въ то время онъ извѣстенъ былъ въ ученомъ мірѣ только изданными имъ извѣстіями о бывшихъ въ Дерптѣ и Перновѣ университетахъ. Впослѣдствіи имъ переведено было на нѣмецкій языкъ нѣсколько ученыхъ сочиненій, относящихся до исторіи Россіи, имено: русская исторія Ломоносова (1768 года), жизнеописаніе фельдмаршала графа Шереметева, написанное Мюллеромъ, Дневникъ Петра Великаго (въ изданіи подъ заглавіемъ: «Beyträge zur Geschichte Peters des Grossen» 1774—1784).

Съ 1771 по 1774 года онъ издавалъ «Топографическія извѣстія, служащія для полнаго описанія Россійской Имперіи». Входя въ мысль Императрицы, занятой программою собиранія словъ для сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ, онъ напечаталъ въ 1773 года самостоятельный трудъ, подъ заглавіемъ: «Idea et desiderata de colligendis linguarum speciminibus». Самое замѣчательное его изданіе было предпринятое въ 1772 году подъ заглавіемъ: «Russische Bibliothek, zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland». Это былъ ученый журналъ, въ которомъ разбирались почти всѣ выходившія сочиненія, относившіяся до Россіи, какъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, такъ и переведенныя на русскій, что возможно было при маломъ числѣ существовавшихъ тогда въ Россіи типографій; онѣ были только въ шести пунктахъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Ригѣ, Ревелѣ и Оберпаленѣ, въ Эстляндіи. Въ этомъ изданіи излагалось, съ точностію и правдивостію, безъ всякой ѣдкой критики, содержаніе сочиненій о столь многочисленныхъ въ то время и столь замѣчательныхъ ученыхъ путешествіяхъ; трудовъ, относящихся до русской исторіи, до

географіи Россіи; въ немъ разсмотрѣны достойныя вниманія топографическія описанія разныхъ провинцій, географическія карты губерній, переводы лучшихъ иностранныхъ произведеній на русскій языкъ, для чего Императрица учредила, какъ извѣстно, особую коммиссію, и т. п. Въ «Russische Bibliothek» помѣщались постоянно свѣдѣнія о русскихъ ученыхъ обществахъ и учебныхъ заведеніяхъ: объ Академіи Наукъ, съ краткими біографіями ея членовъ, о Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, Академіи Художествъ, Московскомъ университетѣ, съ ежегоднымъ перечнемъ читаемыхъ въ немъ лекцій, о Московской Духовной Академіи (Заиконоспасскомъ монастырѣ), о московскомъ воспитательномъ домѣ, и даже о второстепенныхъ, среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ напримѣръ: о греческой гимназіи въ Петербургѣ, о семинаріяхъ Тверской, Рязанской, Архангельской и т. д.; также извѣстія изъ остзейскихъ губерній. Во времена войны и общественныхъ народныхъ бѣдствій, выбирались сочиненія, которыя могли интересовать публику по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, такъ: въ первую турецкую войну приведены были сочиненія, касавшіяся до военныхъ дѣйствій, или описывавшія страны, гдѣ они происходили; во время чумы — книги, въ которыхъ эта эпидемія описана и т. п. Однимъ словомъ, не было политическаго или литературнаго явленія въ Россіи, сколько нибудь замѣчательнаго, которое не нашло бы себѣ мѣста въ этомъ изданіи, и выраженная редакторомъ въ предисловіи надежда осуществилась, что со временемъ всѣ занимающіеся исторіею просвѣщенія Россіи за этотъ періодъ времени найдутъ въ его трудѣ руководную нить, которую никогда не выпустятъ изъ рукъ. Императрица поощрила издателя пожалованіемъ ему золотой табакерки, наполненной 250 червонцами. Въ этомъ изданіи участвовали: Арндтъ (онъ помогалъ также Бакмейстеру въ переводѣ Дневника Петра Великаго), извѣстные академики Георги и Гюльденштедтъ, пасторы Гротъ и Гупель, академикъ Крафтъ, астрономъ Лексель, исторіографъ Мюллеръ, знаменитый Палласъ, акаде-

мики Штелинъ, Стриттеръ, Вольфъ и др. Въ теченіе 16-ти лѣтняго существованія этого изданія, въ немъ разобрано было 1,100 сочиненій, вполнѣ хладнокровно и безпристрастно. «Ни одинъ правдивый читатель», говоритъ Бакмейстеръ, «не станетъ отрицать, какъ теперь, такъ и впослѣдствіи, пользы этой Библіотеки: изъ нея можно почерпнуть свѣдѣнія о состояніи литературы въ Россіи начиная съ 1770 года и о постепенномъ ея ростѣ, объ укорененіи въ странѣ различныхъ отраслей знанія, о бо̀льшей части вышедшихъ сочиненій и брошюръ, о самыхъ писателяхъ и ихъ занятіяхъ, и о столь многихъ другихъ предметахъ достойныхъ вниманія. Въ этой библіотекѣ собраны данныя, которыя впослѣдствіи трудно будетъ отъискать; даже теперь нѣкоторыя довольно замѣчательныя литературныя произведенія уже всѣ разошлись, и едва-ли не въ одной этой Библіотекѣ останется ихъ слѣдъ». Все это совершенно вѣрно. Къ сожалѣнію, въ 1788 году Бакмейстеръ долженъ былъ прекратить свое полезное изданіе, за недостаткомъ денежныхъ средствъ: ему нужно было нѣсколько сотъ рублей въ годъ, для покупки разбираемыхъ имъ книгъ, и никто не пришелъ ему на помощь.

Ознакомившись съ гимназіею, Бакмейстеръ представилъ въ августѣ 1766 года записку о положеніи, въ которомъ онъ ее нашелъ [1]). Тогда въ ней было 88 учениковъ, изъ нихъ 30 пансіонеровъ и 58 приходящихъ. Такъ какъ по возрасту они были чрезвычайно различны и притомъ такъ называемые вольные ученики, могли учиться чему хотѣли, смотря по будущему ихъ предназначенію, то приходилось подраздѣлять классы по языкамъ отъ трехъ до пяти отдѣленій, а по наукамъ отъ двухъ до трехъ. Соотвѣтственно съ этимъ, недоставало учителей: ихъ всего было 15. Притомъ многіе изъ нихъ жили далеко отъ гимназіи, и почти всѣ получали незначительное содержаніе: самый большой окладъ былъ въ 400 руб., почему учителя должны были искать другихъ

---

[1]) См. приложеніе 4.

оплачиваемыхъ занятій. Самое зданіе гимназіи было до того тѣсно, что одинъ классъ помѣщался въ столовой. Бакмейстеръ просилъ увеличить число учителей, прибавить имъ жалованье, или же дать казенныя квартиры вблизи гимназіи, гдѣ жили только три надзирателя. Ходатайство Бакмейстера не было уважено.

По этому курсъ гимназіи оставался тотъ же. Однако, въ нее принимали учениковъ нѣсколько подготовленныхъ, по крайней мѣрѣ, знавшихъ русскую грамоту. Это видно изъ слѣдующаго протокола: «Іюля отъ 28 числа сего 1765 года, при указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената въ канцелярію Академіи Наукъ присланъ представленный въ Герольдію недоросль Варламъ Менделеевъ, для опредѣленія при Академіи въ положенное число, по именному Ея Императорскаго Величества Высочайшему декабря 15 числа прошлаго 1763 года о штатахъ указу, учениковъ на казенное содержаніе, который и посланъ былъ въ гимназію на пробу на два мѣсяца. А репортомъ г-нъ профессоръ и гимназіи инспекторъ Котельниковъ объявилъ, что оный недоросль Менделеевъ россійской грамотѣ не обученъ, *а въ гимназіи такихъ классовъ, гдѣ бы обучали россійской грамотѣ не имѣется*, и представлялъ, чтобъ его прежде обучить россійской грамотѣ, и потомъ смотрѣть на способность къ другимъ языкамъ и наукамъ. Почему призванъ былъ въ канцелярію типографіи факторскій помощникъ Федотъ Невской, и приказано ему, чтобъ онъ его Менделеева, для обученія россійской грамотѣ, читать и писать, также и содержать пищею и одеждою, взялъ въ свое смотрѣніе, съ тѣмъ что производимо ему будетъ за все оное по 3 руб. на мѣсяцъ, на что онъ Невской и согласился».

Составъ гимназическихъ учителей продолжалъ пополняться студентами университета, но иногда они обязывались не прерывать своего университетскаго курса. Такъ въ январѣ 1766 года инспекторъ студентовъ, профессоръ Румовскій представилъ, что студентъ Антоновъ «къ продолженію наукъ въ университетѣ охоты болѣе не имѣетъ, а желаетъ быть при гим-

назіи учителемъ математическаго класса, пока заблагоразсуждено будетъ опредѣлить его къ другой какой должности. Студентомъ находится съ 1763 года. Приказали: упомянутому студенту Семену Антонову, по засвидѣтельствованію о способности его господъ профессоровъ Котельникова и Румовскаго, быть въ должности учителя математическаго класса, и изъ университета выключить, ... а чтобы онъ къ ученію въ гимназіи математическихъ наукъ тѣмъ больше могъ сдѣлать себя способнымъ, то ему, по прежнему, ходить на математическія и физическія лекціи, и сверхъ того, стараться собственнымъ упражненіемъ и читаніемъ, по совѣту профессоровъ, полезныхъ о сихъ наукахъ книгъ пріобрѣсть большее въ томъ совершенство, и когда черезъ годъ какъ о прилежаніи и дальнѣйшихъ успѣхахъ, такъ и добропорядочныхъ поступкахъ представитъ себѣ атестаты, тогда опредѣленъ будетъ и настоящимъ учителемъ».

Конректоръ Стриттеръ (1766 года).

Бакмейстеръ старался однако улучшить преподавательскій персоналъ гимназіи по крайней мѣрѣ по главнымъ предметамъ гимназическаго курса, то есть филологическимъ, и, послѣ смерти конректора гимназіи Герасимова, представилъ о необходимости, «для ученія юношества словеснымъ наукамъ и языкамъ, выписать изъ чужихъ краевъ конректора, съ жалованьемъ по 360 рублевъ въ годъ, и съ выдачею ему на проѣздъ 100 рублевъ». Объ этомъ написано было въ Геттингенъ Шлецеру, и по его рекомендаціи, Стриттеръ опредѣленъ былъ конректоромъ. Уроженецъ городка Идстейна, въ Нассау-Зигенѣ, онъ пріѣхалъ въ Россію совершенно молодымъ человѣкомъ, ему было 26 лѣтъ отъ роду, но онъ уже прошелъ весьма основательный филологическій курсъ въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ и посвятилъ себя спеціально изученію византійской исторіи. Съ 1771 по 1779 годъ онъ напечаталъ въ Петербургѣ, въ четырехъ большихъ томахъ, на лытынскомъ языкѣ, замѣчательное свое сочиненіе: «Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, Mare Caspium et inde magis ad septentrionem incolentium, e scriptoribus historiae by-

zantinae erutae et digestae ab Ioanne Gottlieb Strittero»; сокращеніе этого сочиненія, относящееся до русской исторіи, сдѣлано было на русскомъ языкѣ Свѣтовымъ, и напечатано въ 1774 году подъ заглавіемъ: «Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія исторію россійскую древнихъ временъ и переселенія народовъ». Въ 1779 году Стриттеръ переведенъ былъ на службу въ Московскій Архивъ Иностранной Коллегіи, а въ 1783 году, послѣ смерти Мюллера, назначенъ былъ начальникомъ этого Архива.

Увольненіе Бакмейстера отъ должности въ 1767 году.

Едва прошелъ годъ со времени назначенія Бакмейстера инспекторомъ гимназіи, какъ академическая канцелярія, неизвѣстно почему, отрѣшила его отъ должности; въ протоколѣ 6 февраля 1767 года лаконически сказано, что нѣкоторые учители были излишни, «потому оныхъ отпустить... а именно: инспектора Бакмейстера, учителей Михайлу Студинскаго, Меллера и Готфрена».

Порученіе гимназіи въ завѣдываніе Фишера (1767 года).

Четыре дня спустя, именно 10 февраля, объявлено было такое распоряженіе: «Для лучшаго распорядка ученія, въ академической гимназіи быть главнымъ инспекторомъ г-ну профессору Фишеру; чего ради какъ ректору Киницу, такъ и прочимъ учителямъ, кромѣ уволенныхъ, завтрешній день по утру собраться всѣмъ въ классы, гдѣ объявить имъ сочиненное расположеніе, по которому какъ ректору, такъ и учителямъ поступать во всемъ непремѣнно, и оному г-ну Фишеру быть послушнымъ». Еще черезъ четыре дня, 14 февраля, предписывалось: «г-ну профессору Фишеру дать ордеръ, чтобъ учители, по предписанному штату, начали ученіе съ понедѣльника первой недѣли великаго поста, а вмѣсто того, дана имъ будетъ свобода па третьей недѣли». Что была за причина такой необычайной, лихорадочной дѣятельности академической канцеляріи, заставившей даже учить и учиться, когда обыкновенно говѣли и уроковъ не бывало, остается неизвѣстнымъ. Канцелярія поторопилась въ то же время усилить пріемныя требованія для поступленія въ гимназію: «къ г-ну профессору Фишеру», записано въ

протоколѣ 26 февраля, «послать ордеръ, которымъ велѣть, чтобъ въ гимназію принимать для ученія такихъ, которые бы знали не только что одну россійскую грамоту хорошо, да чтобъ умѣли хотя нѣсколько читать на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, то есть на латынскомъ, нѣмецкомъ или французскомъ, дабы ученіе происходило съ желаемымъ успѣхомъ и пользою».

Увольненіе Стриттера (1767 года).

14 марта уволенъ былъ и Стриттеръ отъ «надзиранія за учениками», то есть отъ конректорства, подъ предлогомъ его занятій византійскою исторіею.

Сталъ Фишеръ водворять порядокъ въ гимназіи. «Г-нъ профессоръ Фишеръ», читаемъ въ протоколѣ 12 іюня, «словесно въ коммиссіи представлялъ, что находящіеся у смотрѣнія надъ большими гимназистами учители Шульцъ и Петровской почасту со двора отлучаются, а гимназисты, оставаясь безъ присмотру, дѣлаютъ непристоинства и шалости, и не порѣдку приходятъ къ нимъ посторонніе люди. Почему въ коммиссіи разсуждено означеннымъ учителямъ чрезъ инспектора Киница подтвердить, чтобъ они оба въ одно время со двора не сходили, и гимназистовъ безъ присмотру не оставляли; а если кому либо случится нужда, то сходить одному, а другому оставаться дома, и за всѣми гимназистами имѣть наиприлежнѣйшее смотрѣніе, чтобъ они никакихъ шалостей и непристоинства не дѣлали и ни съ кѣмъ съ посторонними людьми сообщенія не имѣли, о чемъ и гимназистамъ объявить».

Мѣры, принятыя Фишеромъ, не только не упорядочили гимназіи, но еще болѣе ее разстроили; 23 октября случилось небывалое въ ней явленіе: гимназисты подожгли гимназію. Въ протоколѣ 25 октября записано такъ: «По поданнымъ отъ ректора Киница и экзекутора Герасимова репортамъ о учинившемся въ академическомъ Строгоновскомъ домѣ, гдѣ гимназія, сего октября 23 числа, то есть во вторникъ къ вечеру, пожарѣ оказалось, что зажигали гимназисты Тихонъ Шпилевскій и Василій Замараевъ. Разсуждено какъ оныхъ гимназистовъ, также буде отъ нихъ показано будетъ на другихъ кого, то и

оныхъ допросить въ присутствіи, а если дойдетъ и до очныхъ ставокъ, то и оныя дать, и потомъ, учиня изъ того экстрактъ, съ надлежащимъ обстоятельствомъ, послать на разсмотрѣніе, съ требованіемъ резолюціи, къ его сіятельству графу Володимеру Григорьевичу Орлову при репортѣ. Между тѣмъ: 1) упомянутыхъ гимназистовъ Шпилевскаго и Замараева содержать подъ крѣпкимъ карауломъ при коммиссіи, а прочихъ, до кого касаться будетъ, со двора спущать не велѣть, и 2) для предосторожности впредь какъ отъ подобнаго сему злодѣянія, такъ и для другихъ обстоятельствъ, поставить караулъ, сверхъ находящагося у воротъ того двора и въ сѣняхъ, и о томъ экзекутору приказать». Эти два гимназиста и еще три ученика были исключены изъ гимназіи.

Грубость нравовъ учениковъ гимназіи всюду проявлялась: они царапали другъ друга, рвали свою одежду и т. п. Наказанія, на нихъ налагаемыя, были столь же грубы какъ ихъ поступки: ихъ сѣкли розгами, и налагать такое наказаніе предоставлено было наконецъ каждому изъ надзирателей. Въ протоколѣ 16 января 1768 года записано: «Сего числа въ присутствіи гимназіи учитель Петровскій представилъ нѣсколько изодранныхъ тулуповъ, которые вновь сдѣланы, и взрослымъ гимназистамъ розданы только еще три недѣли, то есть минувшаго декабря 24 числа и требовалъ, чтобъ оные приказано было починить. Но какъ коммисія усмотрѣла, что овчины оныхъ такъ изодраны, что другихъ и починить почти не можно, а, по призывѣ тѣхъ гимназистовъ, чьи тулупы, усмотрѣно, что и лица у нихъ изцарапаны, да и платье изорвано, что происходитъ не отъ чего инаго, какъ отъ чрезвычайной ихъ рѣзвости и небреженія, въ чемъ какъ они, такъ и учители ихъ не меньше виновны, потому что рѣзвости гимназистовъ происходятъ отъ ихъ слабаго и неприлежнаго смотрѣнія: того ради разсуждено учинить: 1) всѣхъ тѣхъ гимназистовъ, у которыхъ тулупы чрезъ такое короткое время изодраны, во первыхъ, наказать розгами, при собраніи прочихъ гимназистовъ, и сверхъ того, выдержать каждаго за

штрафныхъ столомъ въ обѣдъ и ужинъ на хлѣбѣ и водѣ по три дни; во вторыхъ, въ отвращеніе впредь происходимыхъ рѣзвостей и непорядочнаго житія, дозволяется гимназистовъ наказывать, по разсмотрѣнію винъ, собственно учителямъ: ибо имъ, какъ они живутъ въ однихъ съ ними покояхъ, всегдашніе поступки ихъ видимы, и ректору Киницу усмотрѣть всего не можно. А гимназистамъ объявить, чтобъ они учителямъ во всемъ были послушны и ничего безъ ихъ воли не дѣлали; да и учителямъ объявить же съ крѣпкимъ выговоромъ, чтобъ за гимназистами имѣли крѣпкое во всемъ смотрѣніе, а въ противномъ случаѣ взыскано будетъ на нихъ. И о томъ за извѣстіе какъ къ г-ну профессору Фишеру, такъ и ректору Киницу дать съ сего копіи».

Увольненіе Киница отъ ректорства (1768 года).

За всѣ эти безпорядки Киницъ уволенъ былъ отъ должности. «Ректора Киница», сказано въ протоколѣ 21 февраля, «котораго поступками въ гимназіи коммиссія будучи недовольна, разсудила отъ Академіи его уволить, а въ квартирѣ пробыть ему дозволяетъ не далѣе недѣли, по которое время и жалованье ему произвесть, да сверхъ того, выдать ему еще на мѣсяцъ. А надъ гимназистами имѣть смотрѣніе учителямъ Петровскому и Шульцу».

Увольненіе Фишера и назначеніе Бакмейстера вновь инспекторомъ гимназіи (1768 года).

Фишеръ также освобожденъ былъ отъ управленія гимназіею. Пришлось вновь обратиться къ Бакмейстеру.

Не желая зависѣть отъ произвола академической коммиссіи, уже разъ лишившей его безпричинно должности, Бакмейстеръ рѣшился вновь принять ее не иначе, какъ на основаніи особеннаго письменнаго условія. По этому контракту, всѣ учителя и ученики подчинялись исключительно инспектору, который зависѣлъ только отъ Академіи, и кромѣ нея не долженъ былъ имѣть другаго начальства; Бакмейстеру же предоставлялось и самое устройство гимназіи[1]).

---

[1]) См. Приложеніе 5.

Отправленіе гимназистовъ въ ученыя экспедиціи (1768 года).

Бакмейстеръ обратилъ особое вниманіе на старшій классъ гимназіи. Въ 1768 году 16 гимназистовъ отправлены были въ ученыя экспедиціи, въ помощъ академикамъ, предпринявшимъ изслѣдованіе восточнаго края имперіи: губерній Оренбургской и Астраханской. Во главѣ этихъ экспедицій были академики Палласъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Гильденштетъ и Фалькъ. Гмелину дано было четыре гимназиста, остальнымъ академикамъ по три, въ томъ числѣ весьма замѣчательный впослѣдствіи академикъ Озерецковскій прикомандированъ былъ къ Лепехину.

Университетскій курсъ въ гимназіи (1770 года).

Въ 1770 году Бакмейстеръ ввелъ для лучшихъ учениковъ старшаго класса университетское преподаваніе, на латынскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, начальныхъ основаній математики и прикладныхъ ея частей, также естественныхъ наукъ, и призналъ способными къ слушанію этихъ лекцій, возложенныхъ на академиковъ, только шесть гимназистовъ, которые должны были продолжать изучать въ гимназіи латынскій языкъ и логику. «Для поданія представленнымъ отъ инспектора Бакмейстера гимназистамъ общаго понятія о наукахъ, въ которыхъ они при Академіи впредь упражняться должны», сказано въ протоколѣ 17 февраля, «учредить, на латынскомъ или нѣмецкомъ языкѣ лекціи, въ коихъ начальныя основанія математики, также и прочихъ ея прикладныхъ частей, какъ то: механики, оптики, вообще взятой, и астрономіи преподавать имъ адъюнкту Лекселю, исторіи натуральной, академику Гертнеру, химіи, академику Вольфу. И оныя лекціи продолжать имъ по два раза въ недѣлю, употребляя на каждую лекцію по одному часу. А въ какіе точно дни и часы, о томъ согласиться имъ между собою. Но при томъ продолжать онымъ гимназистамъ обучаться еще далѣе въ гимназіи чистотѣ латынскаго языка, также и логикѣ, которымъ обучать ихъ инспектору Бакмейстеру. Къ слушанію же оныхъ лекцій за способныхъ признаются слѣдующіе гимназисты (6 фамилій). А (7 гимназистовъ, поименованныхъ по фамиліямъ), поелику онѣ, за слабостію ихъ въ помянутыхъ языкахъ, слушать оныхъ лекцій съ надлежащимъ успѣхомъ еще не въ состояніи,

оставить по прежнему на нѣкоторое еще время въ гимназіи, для снисканія въ оныхъ языкахъ и въ прочихъ словесныхъ наукахъ большаго знанія».

Въ слѣдующемъ 1771 году предположено было расширить этотъ курсъ, почему и предложено было Бакмейстеру «сдѣлать планъ чему, когда и сколько часовъ обучаться имъ у академиковъ, и подать оный въ коммиссію на разсмотрѣніе».

Бакмейстеръ представилъ такое распредѣленіе лекцій: 1) математическія по два раза въ недѣлю, и на каждую лекцію по два часа, поручить академику Лекселю; 2) лекціи по естественной исторіи читать академикамъ Вольфу или Лаксману три раза въ недѣлю, выбравъ для нихъ такіе дни, въ которые гимназисты не имѣли уроковъ послѣ обѣда; 3) на преподаваніе теоретической физики, пока не будутъ изготовлены инструменты для экспериментальной, употреблять два часа въ недѣлю, а когда инструменты будутъ готовы, то четыре часа въ два дня. Физику долженъ былъ преподавать академикъ Крафтъ. Академическая коммиссія утвердила этотъ планъ преподаванія, прибавивъ: «остающіеся за симъ расположеніемъ въ разсужденіи оныхъ шести гимназистовъ прочіе часы въ недѣлю для гимназическихъ упражненій оставить на распоряженіе инспектора Бакмейстера, которому при томъ наказать, чтобы онъ въ расположеніе оныхъ часовъ для гимназическихъ упражненій наипаче смотрѣлъ на латынскій языкъ и рисованіе, поелику прочія въ гимназіи упражненія для тѣхъ шести гимназистовъ не столь уже нужны, какъ для прочихъ. Впрочемъ, которые часы и на какія именно упражненія назначитъ онъ имъ, о томъ подать ему въ коммиссію репортъ». Самые дни и часы для лекцій, равно какъ и учебныя руководства предоставлено было избрать самимъ преподававшимъ академикамъ. При этомъ было сдѣлано одно только замѣчаніе: «въ разсужденіи представленія г. академика Вольфа, чтобы обучать оныхъ гимназистовъ препараціямъ, или самой практикѣ анатомической, объявить ему г. Вольфу, чтобы онъ не упражнялъ ихъ въ оной практикѣ, но показалъ бы имъ нынѣ начальныя

только теоретическія основанія сей науки, не вступая въ дальнія ея тонкости; то жь ему г. Вольфу дать знать и въ разсужденіи ботаники, то есть, чтобы онъ принялъ на себя трудъ показать имъ ея первыя начала, дабы они могли получить хорошее объ оныхъ наукахъ понятіе».

Этимъ шести гимназистамъ даны были шпаги, какія носили тогда студенты университета, «въ знакъ ихъ отличнаго предъ прочими своими товарищами знанія въ наукахъ, также и для поощренія ихъ къ большимъ въ оныхъ успѣхамъ». Имъ отведено было въ гимназіи и особое помѣщеніе, во флигелѣ», «чтобъ они могли спокойнѣе упражняться въ ихъ ученіи».

Въ 1772 году потребовано было отъ этихъ гимназистовъ, чтобы сдѣлали письменныя заявленія къ какому именно изъ преподаваемыхъ имъ предметовъ они чувствуютъ болѣе склонности, и какою наукою желали бы заниматься впослѣдствіи, а отъ профессоровъ извѣщенія «какъ они находятъ вышеупомянутыхъ гимназистовъ въ разсужденіи ихъ прилежности и успѣховъ въ преподаваемыхъ имъ наукахъ, и которые изъ нихъ оказываютъ къ онымъ больше склонности и способности».

Между тѣмъ эти гимназисты уволены были отъ уроковъ математики въ гимназіи, а дабы они могли продолжать учиться латынскому языку и рисованію, преподаваніе коихъ совпадало иногда съ профессорскими лекціями, часы этихъ лекцій были измѣнены. Вообще, академическая коммиссія держалась и впослѣдствіи строго правила, чтобы уроки, назначенные въ гимназіи, не пропускались изъ за лекцій, и отказывала тѣмъ изъ профессоровъ, которые предполагали назначить свои чтенія въ дни и часы, опредѣленные для ихъ слушателей на уроки въ гимназіи.

Въ 1773 году поручено было академику Лаксману упражнять этихъ гимназистовъ въ лѣтнее время ботаникою, осенью же и зимою они должны были ходить на анатомическія лекціи къ академику Вольфу. Крафтъ отдѣлялъ нѣсколько часовъ въ недѣлю, изъ положенныхъ для преподаванія физики, на алгебру, для тѣхъ «кои въ состояніи слушать оную на латынскомъ языкѣ».

Въ 1775 году за академикомъ Крафтомъ оставлены математическія лекціи, а физическія перешли къ адъюнкту Иноходцову; въ томъ же 1775 году лекціи Крафта и Иноходцова обращены были въ публичныя, въ аудиторіи гимназіи, причемъ Иноходцову вмѣнено было директоромъ Домашневымъ въ обязанность читать по французски. Химію преподавалъ академикъ Лаксманъ. Лаксманъ читалъ курсъ ботаники только одинъ годъ, и въ 1774 году замѣненъ былъ Лепехинымъ. Въ полное распоряженіе Лепехина отданъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ботаническій садъ. Въ протоколѣ 30 апрѣля записано: «Его сіятельство дѣйствительный камергеръ и Академіи Наукъ г. директоръ графъ Володимеръ Григорьевичъ Орловъ приказалъ: преподаваніе ботаническихъ лекцій для гимназистовъ, которые къ слушанію оныхъ способность и охоту имѣютъ, поручить г. академику Лепехину. А какъ оныя лекціи должно необходимо преподавать въ самомъ ботаническомъ саду, да и г. академикъ Вольфъ, въ смотрѣніе котораго порученъ былъ оный садъ на время, до возвращенія котораго либо изъ путешествующихъ господъ профессоровъ натуральной исторіи, сверхъ надлежащей его должности по анатомическому театру, довольно также упражненъ надзираніемъ при кунсткамерѣ, надъ анатомическими и другими натуральными вещами, то отдать оный садъ въ полное и непосредственное смотрѣніе его же г-на академика Лепехина, съ тѣмъ, чтобы онъ, разсмотрѣвъ немедля тотъ садъ, въ какомъ оный найдетъ состояніи и какія средства къ поправленію и приведенію онаго въ надлежащій порядокъ признаетъ за лучшія, представилъ бы о томъ коммисіи».

Лучшимъ изъ этихъ, такъ сказать, гимназистовъ-студентовъ, объявившимъ, что они желаютъ «посвятить себя единственно наукамъ», дозволялось слушать не весь очерченный выше курсъ, а избрать одинъ изъ него предметъ по своему желанію, и тогда они поручались профессору этой науки; такъ Головинъ, заявившій, что «чувствуетъ въ себѣ особливую склонность и охоту къ физикѣ», отданъ былъ академику Крафту, Флоринскій и

Леманъ, для изученія химіи, Лаксману, Галченко, намѣревавшійся посвятить себя анатоміи — академику Вольфу. Иногда они обязывались изучать двѣ сродныя науки, а болѣе слабые изъ нихъ даже ходить на уроки въ гимназію.

Для этихъ гимназистовъ придумано было особое наименованіе: ихъ назвали *элевами*. Въ протоколѣ 23 октября 1773 года записано: «старшаго гимназиста Михайла Головина, поелику онъ изъ общества гимназистовъ уже вышелъ, переименовать элевомъ, и впредь писаться ему симъ званіемъ и о томъ ему объявить».

Элевъ Моисеенковъ отправленъ былъ въ 1774 году, для усовершенствованія себя въ химіи, въ Фрейбургскую горную Академію. «Элева Федора Моисеенкова», записано въ протоколѣ 29 сентября, «въ разсужденіи особливой его охоты къ химіи, а наипаче металлургической, тако жъ и въ разсужденіи хорошихъ о немъ господъ академиковъ, у которыхъ онъ понынѣ слушалъ лекціи, свидѣтельствъ, что онъ, Моисеенковъ, по отмѣнной его склонности и способности къ физическимъ наукамъ, конечно достигнетъ въ оныхъ до того степени совершенства, какой требуется, послать, по примѣру отправленныхъ нынѣшнимъ лѣтомъ отъ Академіи студентовъ, въ иностранные университеты, и именно въ Фрейбургскую горную Академію, что въ Мисніи, какъ такое мѣсто, которое къ достиженію его намѣренія признано на первый случай предъ прочими за удобнѣйшее..... А потому, какъ онъ, Моисеенковъ, положитъ въ помянутой Фрейбургской Академіи довольное основаніе въ металлургической химіи, списаться съ пребывающимъ отъ здѣшняго двора въ Вѣнѣ полномочному министру князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, и просить Его Сіятельство, чтобъ онъ, для пріобрѣтенія ему, Моисеенкову, большаго въ металлургической наукѣ совершенства, исходатайствовалъ у тамошняго двора дозволенія обучаться оной наукѣ въ Шемницѣ у г. Генкеля».

Кромѣ казеннокоштныхъ гимназистовъ, профессорскія лекціи

дозволялось посѣщать и вольноприходящимъ ученикамъ гимназіи, но желающихъ ихъ слушать было очень мало.

Такой сокращенный университетскій курсъ, низведенный въ среднее учебное заведеніе, и притомъ только для весьма немногихъ учениковъ, не могъ быть полезенъ: онъ не произвелъ ни одного сколько нибудь извѣстнаго ученаго, а гимназіи повредилъ, потому что сосредоточилъ на себя все вниманіе инспектора, который занимался этимъ высшимъ классомъ гораздо болѣе, чѣмъ самою гимназіею. Нельзя не признать, что торопливое окончаніе гимназическаго ученія нѣсколькими учениками, для сообщенія имъ наскоро нѣкоторыхъ энциклопедическихъ и неполныхъ научныхъ свѣдѣній, какъ анатоміи безъ анатомическихъ препаратовъ, и т. п. было педагогическою ошибкою Бакмейстера: этимъ портились разомъ какъ гимназическое ученіе, такъ и университетскій курсъ, а всего болѣе, какъ сказано, сама гимназія, на которой Бакмейстеръ не имѣлъ времени сосредоточиться, особенно при своихъ литературно-ученыхъ занятіяхъ.

Несомнѣнно было желаніе повысить гимназическій курсъ, и съ этою цѣлію напечатано было въ газетахъ сдѣланное уже прежде распоряженіе, что въ гимназію принимаются только мальчики, умѣющіе уже читать и писать по русски. Со времени назначенія Бакмейстера инспекторомъ гимназіи, ежегодно поручалось академикамъ производить экзаменъ гимназистовъ два раза въ годъ: въ іюнѣ и декабрѣ, оттого и назывались эти экзамены: лѣтній и зимній [1]).

---

[1]) Экзамены производили академики: въ 1769 году лѣтній — Котельниковъ и Альбрехтъ Эйлеръ, зимній 1769 года и въ 1770 году Фишеръ и Вольфъ, «потому что они, бывши при послѣднемъ оныхъ гимназистовъ экзаменѣ, могутъ лучше разсудить и о учиненныхъ ими съ того времени успѣхахъ». Въ 1771 году лѣтній — Фишеръ, Румовскій, Вольфъ и Крафтъ. Въ 1772 году (лѣтній и зимній) Альбрехтъ Эйлеръ и Румовскій. Въ 1773 году лѣтній — Румовскій и Лексель, зимній — Котельниковъ, Румовскій, Лаксманъ и Лексель. Въ 1774, 1775, 1776 и 1777 годахъ Лепехинъ, Крафтъ и Лексель. Въ 1777 году велѣно было объявить учителямъ гимназіи, чтобъ они представили въ коммисію «свои методы, какія они употребляютъ въ обученіи ихъ учениковъ».

При Бакмейстерѣ обращено было вниманіе и на учителей. Въ протоколѣ 28 октября 1769 года читаемъ: «Инспектору Бакмейстеру на представленіе его о гимназическихъ учителяхъ, что они, не давая ему знать на передъ, отлучаются отъ дѣлъ своихъ въ учебные дни, приказать, чтобы онъ, сдѣлавъ для сихъ случаевъ мѣсячныя табели, какія прежде сего при гимназіи бывали, записывалъ въ оныя тѣхъ учителей, которые не бываютъ въ надлежащее время при своихъ должностяхъ, и оныя табели, по прошествіи каждаго мѣсяца, подавалъ бы въ коммисію; а учителямъ, между тѣмъ, объявить, что съ тѣми, которые изъ нихъ, не взявъ отъ него Бакмейстера напередъ позволенія, отлучаться будутъ впредь отъ своихъ дѣлъ въ учебные дни, какія бы тому причины не были, поступлено будетъ по данному оному Бакмейстеру отъ бывшей академической канцеляріи прошлаго 1766 года въ іюлѣ мѣсяцѣ указу».

И до этого постановленія академической коммисіи, совершенно негодныхъ учителей увольняли; такъ въ протоколѣ 10 декабря 1768 года прописано: «Гимназическаго учителя Ивана Прыткова, за непорядочные его поступки и ослушаніе командѣ, отрѣшить отъ Академіи, прописавъ сію причину его отрѣшенія и въ его отпускѣ». Но составъ учителей мало измѣнился: набирались они, по большей части, по прежнему, изъ недоучившихся студентовъ.

Конректоромъ гимназіи былъ Петровскій, а по смерти его, назначенъ былъ въ 1771 году на эту должность опять Стриттеръ.

Назначеніе Стриттера вновь конректоромъ (1771 года).

Бакмейстеръ настаивалъ на прежнемъ своемъ представленіи о необходимости увеличить число учителей, и прибавить содержаніе преподавателямъ, но и на этотъ разъ тщетно: академическая коммисія дала уклончивое и неудовлетворительное рѣшеніе. «Въ разсужденіи представленія инспектора Бакмейстера», сказано въ протоколѣ 19 мая 1770 года, «о поправленіи нѣкоторыхъ недостатковъ въ гимназическихъ классахъ, какъ вновь учителей принять, также и нынѣшнимъ прибавить жалованья, до возвращенія Его Сіятельства Академіи Наукъ господина дирек-

тора графа Владиміра Григорьевича Орлова не можно. Послать къ нему г. Бакмейстеру копіи съ контрактовъ нынѣшнихъ учителей, чтобъ онъ ихъ разсмотрѣлъ: не найдетъ ли онъ у сихъ учителей праздныхъ нынѣ часовъ, которые они по контрактамъ ихъ должны употребить на обученіе гимназистовъ, и не можно ли тѣ часы расположить такъ, чтобы оными дополнить показанные имъ г. Бакмейстеромъ въ оныхъ классахъ недостатки, и потому, сдѣлавъ въ тѣхъ часахъ распоряженіе, представилъ бы оное въ коммисію на разсмотрѣніе».

Новые иностранные языки преподавались гимназистамъ несовмѣстно, а одинъ послѣ другаго, и при этомъ наблюдалось педагогическое правило, чтобы не затруднять учащихся изученіемъ разомъ нѣсколькихъ языковъ, и достаточно ознакомившись уже съ латынскимъ. 22 іюня 1771 года академическая коммисія постановила: «Что же касается до обученія французскому языку необучавшихся еще оному гимназистовъ, то велѣть ему (Бакмейстеру) оному обучать тѣхъ изъ нихъ, которые пріобрѣли уже довольное знаніе въ нѣмецкомъ языкѣ, наблюдая при томъ прежнее въ разсужденіи сего установленіе, то есть, чтобы обученіемъ трехъ языковъ вдругъ не обременять памяти учащихся».

Преподаваніе въ гимназіи Закона Божія производилось, какъ мы видѣли, перемѣнными законоучителями; такъ и въ 1769 году петербургскою духовною консисторіею назначены были два ключаря Петропавловскаго собора, и велѣно имъ «съ перемѣною, быть погодно». Наконецъ, 13 сентября 1770 года состоялось слѣдующее постановленіе: «Для обученія гимназистовъ въ учрежденномъ при Академіи училищѣ Закону Божію и для исправленія другихъ потребъ полезнѣе для Академіи имѣть постояннаго іеромонаха, который бы могъ при томъ отправлять для нихъ по праздничнымъ и торжественнымъ днямъ и Божію службу, нежели какъ то по сіе время было, обучающихъ только перемѣнныхъ священниковъ. Къ сему потребно также имѣть при ономъ училищѣ и церковь, но которой не зная точно, что для оной надобно,

самой Академіи устроить не можно. И для того требовать напередъ отъ Святѣйшаго Сѵнода, для исправленія всѣхъ оныхъ дѣлъ, знающаго и кроткаго іеромонаха, который бы потомъ могъ учредить и самую церковь. А какъ коммисія способнымъ къ тому признаетъ находящагося нынѣ при Академіи Художествъ іеродіакона Кирилла, тѣмъ наипаче, что онъ, упражнялся тамъ въ обученіи малолѣтнихъ воспитанниковъ, пріобрѣлъ уже безъ сумнѣнія не малую къ тому способность, то подать въ Святѣйшій Синодъ доношеніе, чтобъ онъ, производя онаго іеродіакона Кирилла въ іеромонахи, опредѣлилъ его въ Академію Наукъ, для исправленія помянутой должности». Кириллъ былъ посвященъ въ іеромонахи, и назначенъ законоучителемъ въ гимназіи, гдѣ онъ устроилъ и церковь. Но вскорѣ Кириллъ умеръ, и Сѵнодъ затруднился пріискать ему преемника изъ чернаго духовенства, по недостатку въ немъ богословски образованныхъ монаховъ, почему Академія просила назначить законоучителя хоть изъ бѣлаго духовенства. «Хотя Св. Пр. Сѵнодъ», сказано въ протоколѣ 29 сентября 1774 года, «по поданному въ оный за шесть мѣсяцевъ уже предъ симъ, и послѣ того не однократно повторенному коммисскому прошенію, для обученія воспитываннаго при Академіи юношества Закону Божію, и для исправленія при томъ другихъ духовныхъ требъ, обѣщалъ, на мѣсто умершаго іеромонаха Кирилла, прислать другаго способнаго къ тому іеромонаха, однако онаго, за недостаткомъ нынѣ таковыхъ въ иноческомъ чинѣ людей, и по сіе время не прислалъ, и по той же причинѣ присылкою онаго, какъ видно, можетъ продлить еще не малое время, а между тѣмъ, воспитанники при гимназіи остаются безъ обученія Закону Божію, и безъ хожденія въ церковь, то послать въ оный Св. Синодъ вновь доношеніе, и онымъ просить, чтобы благоволилъ вмѣсто іеромонаха, прислать хотя изъ свѣтскихъ способнаго къ тому священника». Законоучителемъ назначенъ былъ священникъ Самойловъ.

Утренніе учебные часы въ гимназіи, какъ мы видѣли, назначены были зимою отъ 8-ми до 12-ти, а лѣтомъ отъ 7-ми до

11-ти часовъ. Въ 1772 году введено было преподаванiе какъ лѣтомъ, такъ и зимою, съ 8-ми до 12-ти.

Составъ учащихся былъ, по прежнему, мало удовлетворительный: кромѣ дѣтей изъ низшихъ сословiй, гимназiю стали наполнять, какъ въ давнее время, семинаристами, въ особенности изъ Тверской и Псковской семинарiй, по назначенiю мѣстныхъ преосвященныхъ; 14 ноября 1767 года графъ В. Г. Орловъ писалъ Сѵноду: «Академiи настоитъ теперь нужда въ молодыхъ людяхъ отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, а не болѣе, поведенiя добраго и незадорнаго, и разумѣющихъ латынскiй языкъ, то прошу Св. Правит. Синодъ не угодно ли будетъ приказать дать Академiи таковыхъ качествъ пять человѣкъ изъ Иконоспасской Академiи, десять изъ Троицкой Сергiевой лавры, семь изъ Тверской и пять изъ Псковской семинарiевъ». Эти семинаристы, по большей части, оставались недолго въ гимназiи.

При такомъ контингентѣ учащихся, Академическая коммисiя находила необходимымъ сколь можно бдительнѣе наблюдать за ними; потому 2 марта 1771 года состоялось такое постановленiе: «Инспектору Бакмейстеру приказать, чтобы онъ взрослыхъ казенныхъ гимназистовъ, для свиданiя съ ихъ родителями, однихъ, и больше одного раза въ мѣсяцъ не выпускалъ со двора, и то тогда только, когда родители ихъ сами за ними придутъ, или пришлютъ отъ себя надежныхъ людей, только не холопей, и приводили бы ихъ назадъ родители сами, или бы присылали ихъ съ тѣми же надежными людьми, съ которыми онѣ отпущены будутъ, а съ холопями не отпускать». Эта стѣснительная для гимназистовъ мѣра была вскорѣ отмѣнена. «За нѣсколько дней передъ симъ опредѣлено было», сказано въ протоколѣ 13 апрѣля, «чтобы взрослыхъ гимназистовъ, для свиданiя съ ихъ родителями и сродственниками однихъ и болѣе одного раза въ мѣсяцъ со двора не отпускать. Но какъ въ разсужденiи представленныхъ отъ инспектора Бакмейстера причинъ, отъ строгаго такого ограниченiя могутъ иногда произойти вредныя для оныхъ гим-

назистовъ слѣдствія, то прежнее о томъ опредѣленіе отмѣнить; а кого изъ тѣхъ гимназистовъ, когда и для какихъ нуждъ отпускать со двора, то оставить на волю его Бакмейстера, и поступать ему въ семъ по его разсужденію, какъ то и прежде сего было, однако съ тѣмъ, чтобы младшихъ изъ нихъ, кои въ прошломъ году переведены изъ малолѣтныхъ, однихъ, въ разсужденіи ихъ малолѣтства, не отпускать, но всегда съ проводниками и въ такомъ случаѣ требовать отъ ихъ родителей, или сродниковъ, къ которымъ они для свиданія идти похотятъ, чтобъ они сами за ними приходили и назадъ бы ихъ приводили, или посылали бы за ними надежныхъ отъ себя для провожанія ихъ людей».

Въ 1771 году состоялось опредѣленіе Сената о томъ, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ велись кондуитные списки учащихся, съ означеніемъ въ нихъ ихъ успѣховъ въ наукахъ и поведенія, а при выпускѣ выдавались бы аттестаты. Въ исполненіе этого указа, Академическая коммиссія предписала: «Сдѣлавъ четыре книги бѣлыя, за секретарскою скрѣпою, двѣ изъ оныхъ, съ пріобщеньемъ къ нимъ копіи съ онаго сенатскаго опредѣленія, отослать къ инспектору Бакмейстеру въ гимназію, и съ такимъ предписаніемъ, чтобы инспекторъ Бакмейстеръ велъ по одной изъ данныхъ ему оныхъ книгъ о учащихся въ гимназіи казенныхъ, а по другой о вольныхъ ученикахъ вѣрный журналъ, записывая въ оный время вступленія въ гимназію каждаго ученика, кто изъ нихъ какой природы, съ какимъ понятіемъ и прилежностію ученіе продолжаетъ, сколько времени въ ономъ и въ чемъ именно упражнялся и какое въ ономъ пріобрѣлъ кто знаніе; также и во всю ту свою бытность при гимназіи добропорядочно ль, или съ какими пороками поступалъ. При выпускѣ же казенныхъ и отпускѣ вольныхъ учениковъ изъ гимназіи давать имъ изъ коммиссіи, по его инспектора Бакмейстера свидѣтельствамъ, надлежащіе, со изъясненіемъ всего въ разсужденіи ученія ихъ и поведенія, аттестаты. Но, между тѣмъ, объявить всѣмъ вольнымъ ученикамъ въ гимназіи, что

тѣмъ изъ нихъ, которые впредь отъ сего времени оставятъ гимназію самовольно, а послѣ будутъ просить о бывшемъ ихъ ученіи аттестаты, оный не инако данъ будетъ, какъ съ точнымъ прописаніемъ прилежанія, или нерадѣнія, и самаго того ихъ своевольства, съ которымъ они оставятъ училище свое, въ каковыхъ случаяхъ и поступать ему Бакмейстеру, точно по сему предписанію, безъ всякаго послабленія».

Несмотря на всѣ эти письменныя строгости, многіе гимназисты засиживались въ классахъ, безъ существенной пользы для ихъ ученія. Въ 1775 году Бакмейстеръ обратилъ на это вниманіе Академической коммиссіи, которая 8 мая постановила: «На представленіе инспектора гимназіи г-на Бакмейстера въ разсужденіи казенныхъ гимназистовъ, чтобы сдѣлать общее опредѣленіе: сколь долго, или до какого возраста, или до какого познанія надлежитъ гимназисту быть въ гимназіи, и какое надлежитъ имѣть знаніе какъ тѣмъ, кои оставлены будутъ при Академіи, такъ и тѣмъ, которые, по ихъ прошенію, уволены будутъ отъ Академіи; также что должно дѣлать съ тѣми, кои, хотя еще малолѣтны, но о которыхъ самымъ искусствомъ чрезъ три года, или болѣе, извѣдано будетъ, что они какъ къ изученію языковъ, такъ и къ наукамъ со всѣмъ не способны? Объявить ему г-ну Бакмейстеру, что въ коммисіи Академіи Наукъ заблагоразсуждено, какъ то и опредѣляется симъ: впредь ни одного гимназиста моложе 18 лѣтъ не выпускать изъ гимназіи. Въ разсужденіе же тѣхъ, кои, хотя и малолѣтны, но о которыхъ чрезъ довольное искусство усмотрѣно будетъ имъ г-мъ Бакмейстеромъ, что они къ наукамъ совсѣмъ неспособны, велѣть ему, г-ну Бакмейстеру представлять коммисіи, безъ потерянія времени».

По временамъ исключали за неспособность учениковъ и опредѣляли ихъ, какъ то водилось изстари, въ типографію или въ академическія мастерскія. Такъ въ протоколѣ 29 апрѣля 1773 года означено: Что касается до представленія инспектора Бакмейстера о пяти взрослыхъ гимназистахъ..., которые ни-

какой непоказываютъ способности и склонности къ ученію, и потому большой отъ нихъ пользы отъ обращенія ихъ въ наукахъ ожидать не можно, то опредѣлить, по желанію ихъ, къ другимъ дѣламъ, а именно первыхъ трехъ... въ типографію къ наборному... и въ механическую палату къ инструментальному художеству».

Обыкновенно гимназистовъ старшаго класса, объявившихъ, что они «не имѣютъ болѣе охоты остаться при наукахъ», и выходившихъ потому изъ гимназіи до окончанія въ ней курса, переименовывали въ студенты, и этимъ званіемъ означали ихъ въ выдаваемыхъ имъ аттестатахъ. Это злоупотребленіе особенно часто стало повторяться съ 1773 года.

Гимназія во время директорства въ Академіи Домашнева (1775—1782 г.).

Въ 1775 году директоромъ Академіи назначенъ былъ Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ. Съ самаго начала онъ обратилъ вниманіе на гимназію. Въ первый бывшій при немъ въ 1776 году экзаменъ гимназистовъ старшаго класса, онъ предложилъ производившимъ его Академикамъ, чтобы они задали четыремъ лучшимъ ученикамъ написать сочиненіе на избранную экзаменаторами тэму, на томъ языкѣ, которымъ лучше владѣетъ, и доставили бы ихъ ему. Домашневъ потребовалъ, чтобы инспекторъ гимназіи ежедневно присылалъ къ нему одного гимназиста, съ распредѣленіемъ дневныхъ уроковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая очистить гимназію отъ вредныхъ учениковъ, онъ «приказалъ», какъ сказано въ протоколѣ 5 іюля, «гимназистамъ взрослымъ, которые пробыли уже въ гимназіи 12 лѣтъ, сдѣлать разборъ, и разсмотрѣвъ каждаго успѣхи, тѣхъ изъ нихъ, кои надобны для Академіи, выключить изъ гимназіи, и распредѣлить по мѣстамъ, который къ чему способенъ явится, а прочихъ, кои ненужны для Академіи, отпустить отъ оной, для опредѣленія себя въ службу при другихъ командахъ». Академическая коммиссія поручила этотъ разборъ академикамъ Котельникову, Румовскому, Протасову и Лепехину, съ приглашеніемъ профессоровъ университетскаго курса въ гимназіи. Повидимому, они не сочувствовали крутой мѣрѣ, которую предполагалъ принять Домашневъ, и ознакомившись съ успѣ-

хами въ наукахъ 10-ти учениковъ старшаго класса, нашли, что только двое изъ нихъ не могутъ продолжать ученія. Поэтому Академическая коммисія постановила: «Прочихъ всѣхъ осмерыхъ оставить еще на годъ въ гимназіи, для пріобрѣтенія большихъ успѣховъ въ ихъ знаніяхъ, чтобы они, утвердясь болѣе въ оныхъ, тѣмъ полезнѣйшими обществу и способнѣйшими сдѣлаться могли къ отправленію ихъ должностей, когда на послѣдокъ вступятъ въ дѣйствительную службу, или пользоваться далѣе наставленіями господъ академиковъ. А между тѣмъ, для ободренія и поощренія ихъ и прочихъ учащихся къ большему прилежанію въ наукахъ, четырехъ изъ нихъ (слѣдуютъ фамиліи), какъ отличившихся преимущественно успѣхами своими предъ прочими ихъ товарищами въ наукахъ, переименовавъ студентами, наградить, по примѣрамъ прежде бывшимъ, шпагами, и чтобъ они могли спокойнѣе упражняться въ ихъ ученіи, отдѣливъ ихъ отъ общежитія прочихъ гимназистовъ, дать имъ особливый покой, но въ той же гимназіи, и быть имъ, по прежнему, подъ смотрѣніемъ инспекторскимъ, и когда время придетъ дѣлать на нихъ и на прочихъ гимназистовъ платье, сдѣлать имъ въ ономъ отъ другихъ отмѣну».

Увольненіе отъ должности Бакмейстера и Стриттера въ 1777 г. — Назначеніе инспекторомъ гимназіи академика Лепехина 1777 года.

Взрослые гимназисты не оправдали ожиданій академиковъ, вскорѣ они произвели грубый скандалъ: въ сентябрѣ 1777 года прибили конректора Стриттера. «Для изслѣдованія случившагося въ гимназіи нѣкотораго между конректоромъ Штриттеромъ и взрослыми гимназистами происшествія», Домашневъ учредилъ особый комитетъ изъ академиковъ Румовскаго, Лепехина и Протасова, въ качествѣ секретаря, и Бакмейстера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поручилъ этой коммиссіи «разсмотрѣть расположеніе ученій въ гимназіи, изыскать причину худаго успѣха *всѣхъ учениковъ*, и представить мнѣніе о возможномъ исправленіи». Вслѣдствіе этого положено было: «собираться имъ господамъ академикамъ для сего дѣла по средамъ и субботамъ по утру въ гимназической аудиторіи, и по разсмотрѣніи расположенія ученій въ оной гимназіи, какая окажется причина

худаго успѣха помянутыхъ учениковъ, тако жъ и какимъ образомъ признаютъ они господа академики наилучше исправить оную гимназію, къ полученію надежнѣйшихъ отъ ея успѣховъ, подать о томъ свое мнѣніе». Послѣдствіемъ изысканій этой коммиссіи было увольненіе отъ должности въ декабрѣ 1777 года какъ Бакмейстера, такъ и Стриттера, которому поручено было обученіе верхняго нѣмецкаго класса. «На мѣсто же его, Бакмейстера», сказано въ протоколѣ 8 декабря, «къ отправленію бывшей его при гимназіи должности, выписать изъ чужихъ краевъ другаго, и при томъ такого человѣка, который бы преимущественно зналъ древности и латынскій языкъ, и могъ бы поступить на ректорское при гимназіи мѣсто, преподавать совершенныя наставленія въ ономъ на латынскомъ языкѣ, также въ штилѣ и въ сочиненіяхъ, и притомъ имѣть смотрѣніе надъ казенными въ гимназіи учениками». Домашневъ съ этимъ не согласился, и 18 декабря 1777 года на протоколѣ написалъ: «По способности и усердію господина академика Лепехина, препоручаю ему смотрѣніе надъ гимназіею, надѣясь твердо, что она его раченіемъ выйдетъ изъ сего жалостнаго и развратнаго состоянія, въ каковомъ она находится. По текущимъ надобностямъ имѣетъ онъ подавать записки въ коммиссію, а въ какихъ либо новыхъ учрежденіяхъ требуетъ непосредственно отъ меня наставленія».

Лепехинъ назначенъ былъ въ 1768 году адъюнктомъ Академіи по естественной исторіи, а вскорѣ послѣ этого предпринялъ ученое путешествіе по восточному краю Россіи, продолжавшееся около шести лѣтъ; въ 1771 году онъ былъ произведенъ въ академики, а въ 1773 году отправился въ новое путешествіе въ Бѣлоруссію и въ Псковскую губернію, изъ котораго въ томъ же году возвратился въ Петербургъ.

Вступивъ въ должность инспектора гимназіи, Лепехинъ не сдѣлалъ въ ней никакихъ существенныхъ измѣненій; все, по видимому, осталось въ ней по старому, и какъ прежде, гимназистовъ жаловали въ студенты, оставляя ихъ въ гимназіи. При-

думаны были даже весьма оригинальныя правила производства гимназистовъ въ студенты. Они излагаются въ протоколѣ 23 іюля 1778 года. «Его превосходительство, двора Ея Императорскаго Величества дѣйствительный камергеръ, Академіи Наукъ господинъ директоръ и кавалеръ Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, почитая за нужное установить единожды навсегда вѣрное правило къ произведенію гимназистовъ въ студенты, приказалъ впредь въ таковыхъ случаяхъ поступать по сдѣланному отъ его превосходительства нижеслѣдующему учрежденію: 1) Гимназистовъ въ студенты не производить, покамѣсть они не будутъ въ состояніи слушать на латынскомъ языкѣ всѣхъ профессорскихъ лекцій, и переводить исправно съ французскаго и нѣмецкаго языковъ. 2) Студентами быть три года, по прошествіи которыхъ, опредѣлять ихъ въ переводчики, или въ учители, смотря по нуждамъ Академіи и по ихъ способности. 3) Студентъ въ каждый годъ долженъ перевести книгу, какая ему дана будетъ; но чтобъ не произошло въ семъ злоупотребленія, то назначается величины книги предѣлъ, а именно до ста листовъ печатныхъ въ осмушку. Если же оная превзойдетъ сіе число, то превосходство замѣняется въ другой годъ. Въ число же годоваго урока переводовъ замѣняться имѣютъ и мелкія піесы, которыя имъ даны будутъ для переводу». Но и эти странныя правила не всегда примѣнялись, а какъ и прежде бывало, неокончившаго гимназическаго курса ученика, оставившаго гимназію, переименовывали въ студенты; такъ въ протоколѣ 27 марта 1783 года записано: «по прошенію взрослаго гимназиста Василія Михайлова отца его, Козьмы Васильева, объ отпускѣ онаго сына его отъ Академіи, для опредѣленія въ дѣйствительную Ея Императорскаго Величества службу, отпустить его Михайлова отъ Академіи, переименовавъ студентомъ».

Неудовлетворительное состояніе гимназіи Лепехинъ приписывалъ единственно неисправному отпуску суммъ на ея содержаніе. Въ 1782 году онъ представилъ, между прочимъ, академическому собранію: «Въ остальное время наиболѣе надлежало

мнѣ попечительствовать о испрошеніи денегъ на содержаніе гимназистовъ, ибо экономъ удержаніемъ оныхъ доводимъ былъ часто до крайности. Сіи крайности принуждали меня приносить жалобы между сочленами академическаго собранія, что обучающіеся на казенномъ иждивеніи гимназисты доходятъ до крайности, что малое ихъ число (ибо нынѣ дѣйствительно учащихся только двадцать восемь человѣкъ, а по штату академическому надлежало имъ быть пятдесяти, кромѣ 40 тѣхъ, коихъ Академія, въ силу Высочайшаго именнаго повелѣнія, обязана воспитывать и наставлять въ россійскомъ правописаніи, для наполненія ими приказныхъ мѣстъ) не можетъ удовлетворять тѣмъ ожиданіямъ, каковыхъ отъ сего училища по справедливости требовать надлежитъ. Сіе самое подало поводъ г. академику Крафту, при разсужденіи о задаваемыхъ вопросахъ, замѣтить, что опредѣляемыя за рѣшеніе сихъ вопросовъ деньги лучше употребить на поправленіе, то есть на содержаніе полнаго числа учащихся въ гимназіи, нежели платить чужеземцамъ».

Курсъ гимназіи, сколько можно судить о немъ по весьма немногимъ уцѣлѣвшимъ документамъ, былъ весьма неправиленъ, такъ, напримѣръ, такъ называемые «студенты» гимназіи только *начинали* учиться по гречески; въ протоколѣ 24 августа 1780 года записано: «требуемыя г. академикомъ Лепехинымъ для студентовъ, начавшихъ обучаться греческому языку, книги», и т. д.

Домашневъ налегалъ только на переводы съ новыхъ иностранныхъ языковъ. Такъ въ протоколѣ 8 января 1781 года находимъ, что «опредѣлено, чтобы присланную въ Академію, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества именному повелѣнію, чрезъ его сіятельство, г-на дѣйствительнаго каммергера, тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера, графа Александра Сергѣевича Строганова, для преложенія на россійскій языкъ, книгу: «Spectacle de la nature et des arts», состоящую въ шести частяхъ, перевести какъ возможно скорѣе; то раздать оную въ разныя руки, а именно: при переводческой—переводчикамъ

Ковалеву и Волкову, да при гимназіи студентамъ Лиховому, Киріаку, Васильеву и Петрову, каждому по части, съ такимъ подтвержденіемъ, чтобы каждый изъ нихъ данную ему часть перевелъ непремѣнно въ два мѣсяца, употребляя на то все послѣобѣденное свободное имъ отъ другихъ дѣлъ время».

Гимназія при княгинѣ Дашковой (1783—1796 года).

Княгиня Дашкова, вступивъ въ 1783 года въ должность директора Академіи, потребовала отъ Лепехина именной списокъ всѣмъ находящимся въ гимназіи казеннокоштнымъ ученикамъ, и стала заниматься гимназіею. Она была строга и взыскательна къ учителямъ, и заставляла ихъ болѣе трудиться. Прежде всего она увеличила на одинъ часъ ежедневно учебное время; «Академику Лепехину», предложила она 27 февраля, «какъ учителямъ, такъ и гимназистамъ приказать ходить въ классы съ 1-го числа наступающаго марта мѣсяца въ 7 часовъ поутру, и сей прибылой часъ расположить ему г-ну Лепехину по его усмотрѣнію, въ пользу гимназистовъ въ обученіе». За пропуски учителями уроковъ стали вычитать изъ ихъ жалованья. «Какъ гимназіи конректоръ Гакманъ», находимъ въ протоколѣ 30 сентября 1784 года «не исполняетъ своей обязанности по контракту, и никакихъ наставленій не преподаетъ въ гимназіи, то удержать у него жалованье съ 1 сентября сего 1784 года.» Въ протоколѣ 2 іюля 1795 года означено: «По репортамъ инспектора гимназіи Круглашева, за небытіе въ гимназическихъ классахъ въ назначенные для обученія воспитанниковъ дни: г-на профессора Якова Захарова апрѣля 25 и іюня 20, г-на Роммеля 24, 26 апрѣля и мая 15, г-на Гронскаго и Сентъ-Илера мая 14 числа, по силѣ учиненной сего года марта въ 9 день резолюціи, вычесть, при нынѣшней дачѣ имъ жалованья, за каждое небытіе по недѣлѣ».

Въ курсѣ гимназіи не было сдѣлано никакихъ существенныхъ измѣненій; введенъ былъ только англійскій языкъ, коимъ свободно владѣла княгиня Дашкова. По прежнему, гимназистовъ, даже не окончившихъ курса, жаловали въ студенты. Въ 1783 году встрѣчаемъ два объ этомъ постановленія: 1) 24 октя-

бря. «Вслѣдствіе ея сіятельства Академіи Наукъ директора и кавалера княгини Екатерины Романовны Дашковой приказанія, находящагося въ Академической гимназіи изъ присланныхъ изъ Москвы семинарвстовъ Александра Губина, просящагося къ опредѣленію при другой командѣ, по его желанію, уволить отъ Академіи студентомъ. 2) 30 октября. «Состоящихъ въ Академической гимназіи изъ присланныхъ изъ Москвы семинаристовъ Федора Каменскаго и Петра Соколова, наименовавъ студентами, по объявленнымъ отъ нихъ желаніямъ опредѣлить, ко исправленію письменныхъ дѣлъ, Каменскаго по здѣшней книжной лавкѣ, а Соколова по книжному магазину... Ивана Флоринова, Алексѣя Шестакова и Сергѣя Лаврова (также всѣ трое изъ Московской Академіи), которые желаютъ отправлены быть въ Тобольскъ, въ сходствіе полученнаго въ канцеляріи изъ тамошняго намѣстническаго правленія сообщенія, которымъ требовало о присылкѣ во оное, буде есть, изъ обучающихся въ состоящихъ въ вѣдомствѣ Академіи учениковъ таковыхъ, которые бы могли быть свободными и способными къ опредѣленію въ тамошнія присутственныя мѣста къ исправленію секретарскихъ, канцелярскихъ и прочихъ должностей, съ подлежащими аттестатами, наименовавъ же студентами».

Въ 1785 году четыре гимназиста, наименованные студентами: Кононовъ, Захаровъ, Севергинъ и Павловъ, посланы были въ Геттингенскій университетъ; первые три возвратились въ 1789 году, и тогда же назначены были адъюнктами Академіи; Севергинъ получилъ въ 1793 году званіе Академика.

Въ 1793 году построенъ былъ для гимназіи домъ въ 7-ой линіи, и въ немъ устроена церковь, освященная 20 декабря 1794 года.

Княгиня Дашкова такъ описываетъ состояніе въ которомъ она нашла гимназію и что въ ней сдѣлала въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ своего директорства: «Pour encourager et donner de l'émulation entre les jeunes gens du gymnase, j'ai établi deux examens par an, où des prix en livres et médailles leur sont distri-

bués. Entre les plus avancés j'en ai envoyé quatre pour quatre ans à l'université de Guoettingue aux frais de l'académie. Au gymnase au lieu de 50 élèves qu'il devait y avoir, je n'y ai trouvé que 27, dont trois ne donnant aucun espoir de progrès ont été pris pour l'imprimerie, six ont été renvoyés à leurs parents à cause d'incapacité; il n'en resta que 18, bien petit nombre pour un empire aussi vaste, manquant déjà de gens sachant lire. L'académie même en souffrait, car dans un besoin de gens, elle ne savait d'où en tirer. Il y a à présent à leur place 89 élèves, qui, j'ose le dire, sont infiniment mieux nourris, vêtus, instruits, en un mot mieux entretenus qu'avant. Au lieu des maitres nécessaires qui manquaient, il y avait au gymnase un musicien, qui recevait 350 roubles pour enseigner à jouer du violon; le musicien a été payé et renvoyé; j'ai fait venir à sa place un régent de classe instruit et un maitre de langue italienne et anglaise».

Отдавая полную справедливость заслугамъ княгини Дашковой для Академіи и всѣхъ ея учрежденій, въ томъ числѣ и гимназіи, для которой построенъ былъ ею впослѣдствіи, какъ только что сказано, домъ, нельзя не замѣтить нѣкотораго самообольщенія въ ея словахъ. Что казеннокоштные гимназисты содержались при ней лучше, чѣмъ прежде, этому можно вѣрить: она была заботливая хозяйка. Во всемъ же остальномъ въ гимназіи не видимъ большой разницы съ тѣмъ, что находили въ ней прежде. Со времени инспекторства Бакмейстера, какъ видѣли, производились въ ней два раза въ годъ экзамены академиками. И при Бакмейстерѣ посылали гимназистовъ учиться въ иностранные университеты, что̀ имѣло свою хорошую и свою дурную сторону: несомнѣнно, что въ германскихъ университетахъ молодые люди могли получить болѣе основательное образованіе, чѣмъ тогда въ Петербургѣ, какъ то и доказали посланные княгинею Дашковою, но этимъ самымъ подрывался окончательно и такъ опустѣвшій академическій университетъ. Увеличеніе числа учениковъ не доказываетъ еще благоустройства гимназіи; и прежде, по временамъ, число учащихся въ ней возрастало, а гимназія

оттого не улучшалась; все зависитъ отъ качествъ допускаемыхъ къ гимназическому ученію, а въ этомъ отношеніи не видимъ разницы съ давно бывшимъ. Въ составѣ учителей, въ самомъ курсѣ преподаванія не сдѣлано было, во время управленія княгини Дашковой, никакихъ существенныхъ улучшеній. Все таки однако, нельзя не видѣть ея заботливости о гимназіи, въ смыслѣ порядка и приличнаго ея содержанія.

Академическая гимназія, по времени учрежденія, была первая, и въ теченіе болѣе четверти вѣка — единственная гимназія въ Россіи. Неудивительно по этому, что въ ея устройствѣ и управленіи вкрались недостатки, обыкновенные въ каждомъ новомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ старанія завѣдывавшихъ ею устранить ихъ. Академія Наукъ обращала постоянно на нее вниманіе: учреждала коммиссіи для ея улучшенія, поручала академикамъ экзаменовать гимназистовъ, назначала изъ своей среды ректоровъ и инспекторовъ гимназіи. Многіе академики составляли проекты лучшей организаціи гимназіи, или представляли свои мнѣнія, преподавали въ гимназіи, писали даже учебныя руководства; такъ знаменитый Эйлеръ составилъ учебникъ ариѳметики для гимназистовъ. Президенты и директоры Академіи заботились также о гимназіи: баронъ Кейзерлингъ поручилъ въ 1733 году академику Фишеру составить уставъ для гимназіи; баронъ Корфъ достигъ въ 1735 году учрежденія при ней стипендій; графъ Разумовскій ввелъ въ 1747 году штатъ гимназіи, а въ 1750 году краткій уставъ, и неоднократно вмѣнялъ въ обязанность какъ академическому управленію, такъ и лицамъ, близко стоявшимъ къ гимназіи, устроить ее на правильныхъ началахъ; съ этою цѣлію онъ ввѣрилъ ее въ 1758 году Ломоносову; въ 1765 году велѣлъ составить для гимназіи планъ преподаванія; Фишеръ, Модерахъ и Бакмейстеръ представляли ему проекты объ упорядоченіи гимназіи. Домашневъ учредилъ въ 1777 году особый комитетъ изъ академиковъ, для исправленія

гимназіи. Княгиня Дашкова заботилась также о гимназіи, построила для нея особое зданіе, улучшила содержаніе казенно-коштныхъ учениковъ.

Несмотря на всѣ эти мѣры, академическая гимназія оставалась, въ продолженіе всего прошлаго столѣтія, въ неудовлетворительномъ состояніи, отъ ошибочной постановки въ ней учебнаго дѣла. Органическіе, такъ сказать, ея пороки, состояли въ назначеніи несоотвѣтствующихъ учителей и въ дурномъ составѣ учащихся. Въ первое время по учрежденіи гимназіи, выписаны были, для занятія въ ней учительскихъ мѣстъ, изъ Германіи основательные ученые, сдѣлавшіеся впослѣдствіи извѣстными академиками, Мюллеръ, Крафтъ и др.; но они не знали по русски, и ученики мало понимали своихъ преподавателей. Иностранные учители замѣнены были потомъ, по большей части, русскими, но многіе изъ нихъ не были достаточно подготовленны для преподаванія въ среднемъ учебномъ заведеніи: очень часто назначались они изъ недоучившихся студентовъ. Въ началѣ по открытіи гимназіи, въ нее поступали мальчики изъ достаточныхъ и относительно образованныхъ семействъ; но это продолжалось недолго. Гимназія стала наполняться учениками изъ нисшихъ сословій, съ грубыми нравами и привычками, и притомъ, по своему общественному положенію, вовсе не предназначавшихся къ высшему образованію, для котораго гимназическое ученіе служитъ необходимою ступенью. Явившееся въ 1765 году намѣреніе улучшить составъ учащихся, устройствомъ при гимназіи малолѣтняго отдѣленія, осуществлено было неумѣло и потому не удалось.

Управленіе гимназіею никогда не было организовано правильно. При учрежденіи ея, она отдана была по контракту Байеру, который имѣлъ право устроивать ее, какъ желаетъ, и этимъ правомъ онъ воспользовался въ 1731 году, введя въ гимназію имъ самимъ составленное положеніе. Въ 1738 году инспекторъ Крафтъ ввелъ свой уставъ гимназіи. Тридцать лѣтъ послѣ того, именно въ 1768 году, гимназія, на основаніи пись-

меннаго условія, подобнаго тому, которое заключено было съ Байеромъ при ея открытіи, перешла въ полное распоряженіе инспектора Бакмейстера, которому предоставлялось учредить ее по своему усмотрѣнію, чѣмъ онъ и воспользовался. При такомъ порядкѣ въ гимназіи никогда не было опредѣленнаго курса, да и число классовъ въ ней постоянно измѣнялось, то прибавлялись, то убавлялись классы; произвольно вводились и вычеркивались разные предметы преподаванія. Ученики не обязаны были проходить всего гимназическаго курса, а выбирали науки, по своему желанію или по волѣ своихъ родителей. Пріемъ въ гимназію производился въ теченіе всего учебнаго года, что естественно затрудняло преподаваніе. Лѣта принимаемыхъ учениковъ не были опредѣлены, потому и встрѣчаемъ между ними 5 и 25 лѣтнихъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ.

Начальство гимназіи было слишкомъ многочисленно: кромѣ ректора и инспектора, полагался конректоръ, также главный инспекторъ, назначавшійся обыкновенно изъ академиковъ, по связи гимназіи съ Академіею. Но что всего страннѣе — иногда бывали въ гимназіи въ одно и тоже время два ректора или два инспектора. Обязанности ихъ и взаимныя отношенія не были положительно установлены; оттого и встрѣчаемъ, напримѣръ, такого ректора, какъ Ротгакеръ, у котораго отнята была всякая власть надъ гимназіею.

Академическая гимназія никогда не имѣла правильно утвержденнаго устава; ибо такъ называемый уставъ гимназіи графа Разумовскаго 1750 года состоитъ изъ нѣсколькихъ только статей, не заключающихъ въ себѣ ничего существеннаго.

Педагогическое дѣло, болѣе чѣмъ какое либо другое, требуетъ единства мысли и направленія, и неизмѣнной въ нихъ стойкости, отчего и можетъ идти успѣшно только тогда, когда сосредоточено въ однѣхъ рукахъ, и когда учебная система опредѣлена точно и не зависитъ отъ произвола лицъ. Этого именно и не было въ организаціи академической гимназіи: инспекторы распоряжались ею по своимъ взглядамъ, директоры Академіи—

по своимъ вкусамъ: Домашневъ мѣрилъ успѣхи учениковъ знаніемъ французскаго языка, княгиня Дашкова, говорившая отлично по англійски, ввела въ гимназическій курсъ англійскій языкъ. Академія Наукъ давала дѣльные совѣты для улучшенія гимназіи; но, по самому своему существу, не могла низойти до управленія однимъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ; для нея гимназія была постороннимъ и только обременительнымъ придаткомъ.

Несмотря однако на всю неустроенность гимназіи, она принесла все таки пользу русскому юношеству, приготовивъ нѣсколькихъ ученыхъ и даровитыхъ административныхъ дѣятелей, и доставивъ нѣкоторое образованіе многимъ сотнямъ обучавшихся въ ней учениковъ. Въ исторіи же просвѣщенія Россіи академическая гимназія имѣетъ несомнѣнное значеніе, какъ первая учрежденная въ имперіи гимназія.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

Расположеніе Санктпетербургской гимназіи въ 1748 году.

1.

Гимназія особливо для Русскихъ заведена, дабы они, обучившись какимъ языкамъ и наукамъ, отечеству тѣмъ большую пользу принесть могли.

2.

Потому расположеніе оной отъ другихъ школьныхъ порядковъ столько рознится, сколько потребно оное къ полученію помянутаго намѣренія.

3.

Языки и науки, которымъ въ гимназіи учатъ, кромѣ Православныя вѣры греческаго исповѣданія, числятся:

1. Нѣмецкой языкъ.
2. Французской языкъ.
3. Латинской языкъ.
4. Греческой языкъ.
5. Географія.
6. Исторія.
7. Арифметика.
8. Геометрія.
9. Каллиграфія.
10. Рисованье.
11. Танцованье.

4.

Къ сему потребны одиннадцать учителей, а именно двое нѣмецкаго языка, также географіи и исторіи, одинъ французскаго языка,
трое латинскаго и греческаго языка, также географіи и исторіи
одинъ ариѳметики и геометріи,
одинъ каллиграфіи,
одинъ рисовальной,
одинъ танцовальной, и
одинъ православныя вѣры.

Ежели бы были такіе люди, которые бы многимъ языкамъ, а не одному только, или многимъ наукамъ учить могли, то число учителей убавилось бы.

5.

Надъ всеми сими учителями опредѣленъ Ректоръ, которому какъ за учащими, такъ и за учащимися поручено смотрѣть ихъ понятіе, прилежаніе, т.д. и поступки и неусыпно старатся о приращеніи гимназіи, такожъ о состояніи оныя ежемѣсячно Канцеляріи Академіи Наукъ репортовать велено.

6.

Ученики въ гимназіи есть двоякіе — Русскіе и іноземцы; Русскіе же раздѣляются на учащихся на собственномъ коште, и на жалованныхъ.

7.

Всѣхъ гимназическихъ учениковъ учители безденежно учатъ, и для того они не принуждены при Академіи впредь въ службу вступить, но щастія своего искать могутъ тамъ гдѣ похотятъ; но о жалованныхъ того сказать не можно, ибо ихъ по окончаніи школьнаго ученія въ академическую службу берутъ, и по ихъ заслугамъ опредѣляютъ.

8.

Вольные ученики тѣмъ языкамъ и наукамъ, о которыхъ въ статье третьей упомянуто, учиться могутъ, которымъ они хотятъ; да ихъ же и не держутъ, ежели оные въ гимназіи учится болѣе не похотятъ, буде токмо надлежащимъ образомъ отпустить попросятъ. Но жалованные предъ другими должны латинскому языку,

Ариѳметикѣ и Геометріи со всякимъ прилежаніемъ учиться, дабы они ученіе свое въ Академіи далѣе продолжать могли, ибо изъ сихъ со временемъ въ профессоры, адъюнкты и другіе академическіе члены производить должно, ежели они надлежащую способность въ тѣ чины имѣть будутъ.

9.

Никакова ученика, которому больше 10 лѣтъ отъ роду, и которой еще ни писать, ни читать не умѣетъ, въ академическую службу принимать нельзя; но буде онъ умѣетъ уже читать и писать, то такова и 12 лѣтъ принять можно. Но ежели старѣе будетъ и ничему еще не учился, то нельзя много надѣятся о будущемъ его успѣхе. Правда, есть примѣры, что нѣкоторые хотя поздо учится начали, а однако въ ученіи произошли; но сіе ретко случается, и изъ того до другихъ заключать нельзя.

10.

Гимназія, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, на двѣ школы разделяется, а именно на нѣмецкую и латинскую, нѣмецкая школа раздѣлена на нижней и первой классъ.

11.

Въ нижнемъ нѣмецкомъ классѣ учатъ:

Православному исповѣданію.
Ариѳметикѣ.
Писать и читать по русски, по немецки и по латынски.
Немецкимъ словамъ.
Немецкой грамматикѣ.
Лехкимъ переводамъ изъ Ланговыхъ разговоровъ.
Калиграфіи.
Танцованію.

12.

Въ первомъ немецкомъ классѣ учатъ:

Православному вѣры исповеданію.
Ариѳметику повторяютъ, а Геометрію начинаютъ.
Правила о сочиненіи повторяютъ, и свойства немецкаго языка показываютъ.

Нетруднаго писателя толкуютъ, и изустно переводятъ съ немецкаго языка на русской, а съ русскова на немецкой.

Письменно переводятъ съ нѣмецкаго языка на русской, а съ русскаго на нѣмецкой по образцу и складу въ письмахъ употребительному.

Показываютъ еще употребленіе ландкартъ и исторіи учатъ.

Французскому языку.

Каллиграфіи.

Рисовать.

Танцовать.

13.

Но можетъ кто возразить, что нѣмецкая школа весьма многими лекціями отягощена, и надлежитъ нѣкоторыя изъ нихъ до латинской школы оставить: но мое намѣреніе склоняется присемъ не только до жалованныхъ, но и до вольныхъ учениковъ, изъ которыхъ иные и знатные бываютъ; и хотя не все охоту имѣютъ къ латинскому языку, однако все желаютъ учиться всему тому, что къ пользе ихъ касается. И подлинно, ежели спросятъ, къ которымъ то языкамъ и наукамъ дѣти сего Государства склонность еще имѣютъ, ихъ любятъ, и онымъ учиться охотятся, то оныя числятся нѣмецкой и французской языкъ, ариѳметика, геометрія, каллиграфія, рисовальное художество и танцованье.

14.

При расположеніи часовъ на ученіе напередъ я полагаю, что мальчику довольно, ежели онъ днемъ 6 или по высокой мѣре 7 часовъ у учителей своихъ учиться будетъ; а прочее время оставить ему на отдыхъ, на покой и къ исправленію его уроковъ. Сіи 7 часовъ раздѣляются на часы послѣ полуночи, и на часы послѣ полудня, на ученіе послѣ полуночи опредѣляется 4 часа, а именно съ 9 часа пополуночи до 1 часа послѣ полудни, на ученіе послѣ полудня 3 часа, а именно съ третьяго до шестаго часа.

15.

Потому учебные часы въ нижнемъ классѣ нѣмецкой школы слѣдующимъ образомъ располагаются:

по полуночи

по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ съ 9 до 11 часа ариѳметикѣ, а съ 11 до 1 часа по полудни читать, писать

и нѣмецкимъ лекціямъ, какъ о томъ въ статьѣ 11-й написано; по средамъ и субботамъ съ 9 до 10 православной вѣры исповѣданію, а съ 11 до 1 часа по полудни нѣмецкимъ лекціямъ, какъ и въ другіе дни.

по полудни

по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ съ 3 до 5 часа немецкимъ лекціямъ, а съ 5 до 6 часа каллиграфіи,

по средамъ и субботамъ съ 3 до 6 часа танцованіе.

16.

Изъ сего видно, что русской священникъ 4 часа въ недѣлю Православному вѣры исповѣданію учениковъ учить будетъ, учителю арифметики и геометріи въ немецкой школѣ 8 часовъ опредѣлены: немецкой учитель будетъ 20 часовъ учить; шрейбмейстеръ будетъ учить 4 часа, а танцмейстеръ въ недѣлю два раза, каждый разъ по 3 часа, итого 6 часовъ. Священникъ будетъ учить всехъ Русскихъ учениковъ изо всѣхъ классовъ. Равнымъ образомъ учитель арифметики и геометріи, шрейбмейстеръ и танцмейстеръ всѣхъ учениковъ во всей гимназіи учить будутъ.

17.

Учебные часы въ первомъ классѣ немецкой школы такъ расположены

по полуночи

По понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ съ 9 до 11 часа арифметикѣ и геометріи, съ 11 до 1 часа по полудни немецкимъ лекціямъ, такъ какъ въ 12-й статьѣ показано.

По средамъ и субботамъ
съ 9 до 11 часа Православной вѣры исповѣданіе
съ 11 до 1 часа по полудни географіи и исторіи.

послѣ полудня

по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ
съ 3 до 4 часа французскій языкъ
съ 4 до 5 часа рисовать
съ 5 до 6 часа каллиграфія
по средамъ и субботамъ
съ 3 до 6 часа танцовать.

18.

По силѣ сего росписанія нѣмецкой учитель перваго класса, который притомъ показывать станетъ географію и исторію, учить будетъ только после полуночи, а именно 12 часовъ въ недѣлю; Французской учитель равно какъ и рисовальной учитель учить будетъ всѣхъ учениковъ во всей гимназіи, каждой изъ нихъ будетъ учить 4 раза въ недѣлю, только по одному часу.

19.

Я порядокъ лекціямъ такъ расположилъ, что на важнѣйшія дѣла, и которыя большаго размышленія требуютъ, положилъ утренніе часы, а на лехчайшія, и къ чему ученики и безъ того большую охоту имеютъ, часы по полудни опредѣлилъ, потому я и на рисованіе часы по полудни назначилъ, а именно съ 4 до 5 часа, дабы днемъ еще сіе дело отправлять, ибо при огнѣ рисовать трудно.

20.

Немецкіе учители должны свое ученіе, сколько возможно, на немецкомъ, а не на русскомъ языкѣ предлагать, ибо тутъ дело касается до изученія немецкаго языка, и отъ предлагаемаго на немецкомъ языкѣ ученія школьникъ большую пользу получаетъ, да и помаленьку къ немецкому языку привыкаетъ.

21.

Академическимъ жалованнымъ ученикамъ не больше двухъ годовъ въ нижнемъ классѣ нѣмецкой школы сидѣть, а по прошествіи оныхъ переводить ихъ въ первый классъ немецкой школы, но и тамъ не болѣе года держать, ибо чрезъ то время конечно они столько научатся, что рѣчи латинскаго учителя разумѣть могутъ. Къ томужъ они отъ обхожденія съ немецкими учениками почти больше по немецки научатся, нежели въ немецкихъ классахъ съ своими русскими товарищами, которыхъ никоимъ образомъ къ тому привести нельзя, чтобы они, оставя природный свой языкъ, иностраннымъ, котораго они насилу половину разумѣютъ, между собою говорили.

22.

Латинская гимназическая школа такъ, какъ и немецкая, на два класса раздѣляется, а именно на нижней и первой.

23.

Въ нижнемъ латинскомъ классѣ показывать будутъ начала латинскаго языка. Въ оной классъ потребны изъ книгъ Целларіевъ лексиконъ, краткая мадхическая грамматика, Ланговы разговоры. Въ семъ классѣ учениковъ до того доводить, чтобъ они помянутые разговоры способно по грамматикѣ разбирать и переводить могли.

Въ ономъ же учить еще будутъ

Ариѳметикѣ и Геометріи
Географіи
Французскому языку
рисовать
калиграфіи
танцовать.

24.

Въ первомъ латинскомъ классѣ учить изъ мадхической грамматики красивое и фигурное сочиненіе, и дважды въ недѣлю въ слогѣ или штилѣ упражняться. Въ ономъ классѣ будутъ толковать слѣдующихъ авторовъ, а именно:

Корнелія Непота, Юлія Цезаря, Теренція, Цицероновы грамотки къ разнымъ, евожъ рѣчи и книги должностей, въ семъ же классѣ показывать будутъ начала и греческаго языка по грамматикѣ въ прошедшемъ году въ Кіевѣ напечатанной.

Еще жъ учить будутъ

Исторіи
французскому языку
рисовать
каллиграфію
танцовать

25.

Учебные часы въ нижнемъ классѣ латинской школы слѣдующимъ образомъ расположены:

по полуночи

По понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ съ 10 до 1 часа по полудни началамъ латинскаго языка по показанію въ 23-й статьѣ.

По средамъ и субботамъ
съ 9 до 11 часа ариѳметикѣ и геометріи

съ 11 до 12 часа Целларіевъ лексиконъ, и повторять грамматику.
съ 12 до 1 часа по полудни географія.

по полудни

По понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ
съ 3 до 4 часа французскому языку
съ 4 до 5 часа рисовать
съ 5 до 6 часа каллиграфіи

По средамъ и субботамъ съ 3 до 6 часа танцовать.

26.

По силѣ сего росписанія учитель нижняго класса учить будетъ 16 часовъ въ недѣлю латинскому языку и географіи. Учитель арифметики и геометріи сверхъ 8 часовъ, которые онъ учитъ учениковъ въ нѣмецкомъ классѣ, учить будетъ еще 4 часа, итого всего 12 часовъ будетъ.

27.

Въ первомъ латинскомъ классѣ учить будутъ

по полуночи

По понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ
съ 10 до 12 часа толковать латинскихъ авторовъ, по показанію въ 24 статьѣ
съ 12 до 1 часа по полудни греческому языку.

По средамъ и субботамъ
съ 9 до 11 часа грамматикѣ и геометріи
съ 11 до 12 часа штиль
съ 12 до 1 часа по полудни Курасову краткую исторію толковать.

по полудни

По понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ
съ 3 до 4 часа французскому языку
съ 4 до 5 часа рисовать
съ 5 до 6 часа каллиграфія

По средамъ и субботамъ съ 3 до 6 часа танцовать.

28.

Въ семъ первомъ классѣ будутъ два учителя, латинской и греческой, латинской учить будетъ 12 часовъ, а греческой 4 часа въ недѣлю.

29.

Теперь подъ гимназію въ Строгоновомъ домѣ 4 покоя отведены, которыхъ и довольно, ежели гимназія такъ какъ нынѣ и впредь останется, кромѣ что на танцованіе особливый покой надобенъ, ибо школьные покои къ тому не годятся, понеже оные столами и скамьями заставлены.

30.

Въ каждомъ латинскомъ классѣ учиться ученикамъ по два года, и ежели годы, которые они въ немецкихъ классахъ училися къ тому причислить, то будетъ всего семь летъ, въ семь летъ можно мальчика хорошо наставить, такъ что онъ способенъ будетъ ученіе свое въ Университетѣ далѣе продолжать, и ежели мальчикъ 10 или 11 лѣтъ въ школу придетъ, и оные семь лѣтъ прилежно учиться станетъ, то онъ не старъ еще будетъ къ продолженію ученія.

31.

Ректоръ гимназической съ професоромъ математики экзаменовать будетъ по три раза въ годъ, а именно въ генварѣ, маіѣ и сентябрѣ, и репортовать будетъ о успѣхахъ гимназическихъ учениковъ, а особливо о жалованныхъ Канцеляріи Академіи Наукъ, сверхъ того будетъ еще годовой экзаменъ въ присутствіи Президента Академіи, его членовъ и некоторыхъ професоровъ, которые къ тому выбраны будутъ; послѣ чего тѣхъ, которые предъ другими большее искуство покажутъ, для поощренія и для продолжѣнія впредь ихъ прилежанія школьными книгами дарить. Маия 3 дня 1748 года.

Іоганъ Эбергардъ Фишеръ
Профессоръ исторіи и Гимназіи Ректоръ

ПРИЛОЖЕНІЕ 2.

Unmaßgebliche Gedanken von einigen Mängeln des St.-Peterburgischen Gymnasii, und wie denselben etwa abzuhelfen sey, in die Academische Conference überreichet von Carl Friedrich Moderach Adjunct und Inspector Gymnasii.

Nachdem mir zufolge des von Seiner Hochgräflichen Erlaucht dem Herrn Präsidenten der Academie der Wissenschaften verwichenen 7 März an die academische Conference ergangenen Befehls obliegt von denen Mängeln des Gymnasii, und wie denselben etwa abzuhelfen sey, meine Gedanken zu eröffnen: so habe solche in möglichster Kürtze abgefasset um sie denen Resp. Herrn Professoribus und Mitgliedern gedachter Conference zu fernerer Beprüfung vorzulegen.

Ein Gymnasium heisset sonst eine solche Schule, woinnen junge Leute in Humanioribus und andern nützlichen Wissenschaften unterrichtet, und also zu Anhörung academischer Lectionen fähig gemacht werden.

Da aber bey dem hiesigen Gymnasio außer denjenigen Schülern, welche auf Kosten der Academie unterhalten werden, gar wenige vorhanden sind, welche sich den studiis zu widmen willens wären, die übrigen aber deren Anzahl fast dreymahl so stark ist, als jener, alle mit einander das Gymnasium nur in der Absicht besuchen um in einer oder der andern Sprache und Wissenschaft, welche ihnen etwa bey ihrem künftigen Berufe nöthig oder nützlich seyn mögte, unterrichtet zu werden, so ist leicht zu ersehen, daß dieses Gymnasium nicht vollkommen auf solchen Fuß, wie an andern Orten eingerichtet werden könne, indem die Schüler desselben sich in zwey von einander gantz unterschiedene Classen theilen, deren jede in Betrachtung des verschiedenen Endzweckes bey ihrem Lernen eine besondere Einrichtung der Lectionen erfordert.

Da die academischen Schüler zum Studiren bestimmet, und mit nicht geringen Kosten der Krone unterhalten werden; so ist es meines Erachtens vornehmlich nöthig davor Sorge zu tragen, daß dieselben gründlich, in behöriger Ordnung und mit allem möglichen Fleiße unterrichtet werden. Hierzu wird nun unumgänglich erfordert:

1) Daß man geschickte Informatores beym Gymnasio bestelle, und um von ihrer Fähigkeit desto vollkommener versichert zu seyn, Niemanden mit

einem solchen Dienste versehe der nicht vorher in der academischen Conference genau examiniret und attestiret worden.

2) Halte ich es nicht vor nützlich, daß man Studenten die Information in den Classen übertrage, indem solche dadurch an ihrem Studieren gehindert werden, überdem auch da sie gemeiniglich vor solche Information jährlich nicht mehr als 25 Rubl. statt einer Belohnung erhalten, eben nicht sonderlichen Fleiß anwenden, und diese Interims-Information nur als ein Nebenwerk, nicht aber als eine wesentliche Pflicht ansehen. Wäre aber ein oder der andere Student zur Information geschickt, und hätte Lust dieselbe zu übernehmen, so könnte man denselben mit Beylegung eines hinlänglichen Gehalts zum würklichen Praeceptor bestellen, in welchem Falle er keine Ursache haben würde, seinen Unfleiß unter mancherley Vorwand zu beschönigen.

3) Die vornehmste Ursache aber, warum die academischen Schüler bishero so wenig gelernet, scheint wohl diese zu seyn, daß sie bey ihren Eltern oder Verwandten ohne alle Aufsicht und Zucht in den verschiedenen Theilen dieser weitläuftigen Stadt von einander zerstreuet wohnen. Da dieselben nun fast alle von dem Abschaum des Pöbels genommen worden, so kann sich ein jeder leicht vorstellen, was sie vor eine Erziehung haben, zu was vor einer schönen Lebensart sie sich von Jugend auf gewöhnen und wozu die Gage, welche sie bey der Academie bekommen, von ihren Eltern meistentheils angewandt werde. Es wäre demnach meiner Meinung nach höchst nöthig 1) daß man die Anzahl der academischen Schüler, welche studiren sollen, ein vor allemahl festsetze; 2) daß man so viel möglich darauf sehe, damit dieselbe nicht ohne allen Unterscheid und von dem untersten Pöbel genommen würden; 3) Vornehmlich aber, daß sie alle beysamen in einem Hause unter strenger und genauer Aufsicht wohnten, damit man auf ihre Handlungen und Studien genau acht geben könnte; 4) Müßte man ihnen die Gage, die sie von der Academie erhalten, durchaus nicht in ihre Hände geben; sondern selbige zu ihrer Beköstigung und Kleidung anwenden, so wie solches in dem Land- und Seecadeten-Corps geschiehet. Es stehet zu hoffen, daß wenn sie solcher Gestalt eine gewisse Anzahl Jahre unter genauer und guter Aufsicht gehalten und zu einer ordentlichen Lebensart und fleißiger Beobachtung ihrer Pflichten gewöhnet worden, man dereinst gute Studenten an ihnen haben könne; dahingegen bey den jetzigen jungen Studenten die verderblichen Wirkungen ihrer vorigen Erziehung und Lebensart sich leider sehr öfters und unter vielerley Gestalten äußern, und sind sie eben dadurch, daß man sie zu frühe zu Studenten gemacht und der Schulruthe entzogen, noch mehr verdorben worden. Ich halte demnach davor, daß 30 oder auch nur 20 auf obbemeldete Art mit Sorgfalt bey-

samen erzogene Gymnasiasten der Academie dereinsten mehr Vortheil und Ehre bringen können, als 50, oder 60 solcher, die anjetzo sich selbst gelassen und nach ihrem Belieben in der Stadt herumschwermen und in deren Gemüthern bey ihren gegenwärtigen jungen Jahren allerley Unarten und Gottlosigkeiten so tiefe Wurzel schlagen, daß es hernach sehr schwer oder besser zu sagen, unmöglich fällt dieselben auszurotten.

Nunmehro will ich einiger Mängel erwehnen, welche das Gymnasium überhaupt betreffen, und dem Aufnehmen desselben gar sehr im Wege stehen.

1) Ich rechne zu einem von den Haupt-Mängeln des hiesigen Gymnasii, daß die adelige Jugend mit denen Kindern gantz gemeiner Leute zusammen in einerley Classen sitzet und unterrichtet wird. So lange dieser Stein des Anstoßes nicht aus dem Wege geräumet wird, darf man sich fast keine Rechnung machen, daß unser Gymnasium jemals in blühenden Zustand kommen werde. Denn vornehme Herrn, wie auch alle andere ehrliche Leute, denen die Wolfart ihrer Kinder am Hertzen liegt, scheuen sich dieselben dahin zu schicken. Es ist ihnen solches auch auf keine Art zu verdenken, denn es kann sich Niemand, als der es mit seinen Augen gesehen, vollkommen vorstellen, was vor Ruchlosigkeit, Frevel und Unfug diese gemeinen Jungen begehen, und wie bald können junge Kinder nicht durch solche üble Beispiele verführet und in Grund verdorben werden. Gleich wie es aber der Academie zu nicht geringer Ehre gereichen würde, wenn die adelige Jugend das Gymnasium mit Nutzen und zum Vergnügen ihrer Eltern besuchen könnte, so wäre auch eine solche Absonderung der Schüler gar leicht, und ohne weitere Kosten zu bewerkstelligen, wenn dieser mein unmaßgeblicher Vorschlag nur erst genehmiget worden.

2) Es ist ein großer Fehler bey unserm Gymnasio, daß verschiedene von denen Informatoribus sehr oft aus den Classen bleiben, oder auch nicht zu rechter Zeit hineinkommen. Nun muß ich zwar zu ihrer Entschuldigung anführen, daß da es ihnen unmöglich ist, Quartire in der Nähe des Gymnasii zu finden, und sie auf den verschiedenen Inseln dieser Stadt ihre Wohnungen haben, selbige zuweilen durch das schlechte Wetter, Eisgang und dergleichen gehindert werden in die Classen zu kommen. Inzwischen ist doch aber auch nicht zu läugnen, daß manche von ihnen sehr oft, ohne oberwehnte, oder auch andere gültige Ursachen vorschützen zu können, entweder sehr spät oder gar nicht in die Classen kommen, während der Informations-Zeit aus den Classen herauslaufen und die Schüler müßig sitzen lassen, oder auch zu früh und ehe die Lehrstunde verflossen, gar nach Hause gehen, welches nicht allein dem Nutzen der Lernenden, sondern auch der Ehre des Gymnasii höchst nachtheilig, — indem die Eltern bittere

Klagen darüber führen, wenn ihre Kinder öfters und insonderheit zur Herbst- und Frühjahreszeit bis an die Knie im Kothe zu waten gezwungen sind, ehe sie das Gymnasium erreichen können, und hernach wegen Abwesenheit der Praeceptorum unverrichteter Sache wieder nach Hause kehren müßen. Es wäre also höchst nöthig daß man darauf Bedacht wäre solche Mitteln vorzukehren, wodurch dergleichen muthwilligen Außenbleiben unfleißiger Praeceptorum ins künftige gäntzlich vorgebeuget werden könnte, indem durch selbiges die grösten Unordnungen im Lernen entstehen und dem Gymnasio eine sehr üble Nachrede zuwächst.

3) Wäre es höchst nöthig ein neues Reglement vor das Gymnasium, welches sich vor die Beschaffenheit der hiesigen Umstände am besten schickte, zu verfertigen, und darinnen die Pflichten des Inspectoris, der Praeceptorum und Schüler, die Einrichtung der Classen, die Wahl der Schulbücher, die Informations-Stunden, Strafen und dergleichen genau zu bestimmen, damit ein jeder recht wissen könne, wornach er sich bey seinem Amte zu richten habe.

4) Man könnte auch bey Verfassung eines solchen Reglements außer denen von mir jetzt angeführten Punkten und Vorschlägen, denn ich habe— um alle Weitläufigkeit zu vermeiden—mit Vorsatz nur einige der wichtigsten aufgezeichnet, sonst noch alles dasjenige was etwa dem Aufnehmen des hiesigen Gymnasii beförderlich oder hinderlich seyn kann, einführen und verbesseren, oder auch verändern und abschaffen, damit die Jugend hinführo mit beßerm Erfolg unterrichtet werde.

Carl Friedrich Moderach
Adj. und Insp. Gymnasii.

ПРИЛОЖЕНІЕ 3.

Instruction für diejenige Frauens-Person welcher die Aufsicht über die 30 Academischen Kinder anvertrauet wird.

1. Muß diese Frauens-Person darauf sehen, daß die Kinder täglich die Pflichten ihrer Religion genau beobachten. Sie selbst muß denen selben mit gutem Exempel vorgehen, sich eines tugendhaften und eingezogenen Lebens befleißigen, des unnöthigen Ausgehens sich enthalten, auch in dem ihr angewiesem Quartier keine verdächtige Visiten annehmen, am allerwenigsten aber nächtliche Compagnien halten.

2. Muß dieselbe die übelgesitteten zu bessern suchen, und den zu Lastern geneigten Gemüthern einen Abscheu für dieselben Laster und eine Zuneigung zu den gegenseitigen Tugenden einzuflößen beflissen seyn. Zu diesem Endzweck muß obbenannte Person den Kindern vernünftig zureden und sie mit Freundlichkeit und durch Ehrgeitz zu gewinnen suchen. Wann aber diese gelinden Mittel nicht fruchten wollen, so soll es ihr freistehen diese widerspenstigen nach Verdienst zu bestrafen. Doch soll sie sich hüten dieselben nicht in Eifer zu ohrfeigen, noch viel weniger mit der Faust oder einem Stocke zu schlagen: sondern sie soll sich bey dergleichen vorkommenden Fällen nur der Ruthen bedienen. Auch muß sich dieselbe bey der Correction der Kinder aller häßlichen und pöbelhaften Schimpfwörter enthalten.

3. Soll dieselbe Frauens-Person auf die Aufführung der Kinder genau Achtung geben, und alle Monathe der Commission von dieser Aufführung gewissenhaften und unpartheyschen Rapport abstatten.

4. Muß sie die Kinder in allen Stücken zur Ordnung anhalten.

5. Muß sie auch für die Reinigung der Kinder sorgen; sie muß dieselben alle Wochen zum wenigsten einmahl und wo möglich zweymahl kämmen lassen; sie muß Achtung geben, daß sich die Kinder alle Morgen gebührend waschen, ordentlich ankleiden, alle Woche zweymahl weiße Wäsche anziehen, und sich bey dem Schlaffengehn gehörig wieder ausziehen. Sie muß auch bey allen Lectionen gegenwärtig seyn, und mit den Kindern an einer Tafel speisen.

6. Sie muß sorgen, daß die Betten rein gehalten und von Zeit zur Zeit weiß überzogen werden. Sie muß drey Mägde zur Bedienung und Ausbesserung der Kleidungsstücke in ihre Dienste nehmen.

7. Sie muß auch sorgen daß die Strümpfe, Hemden und überhaupt alle Kleidungen, wenn dieselben zerrissen oder sonsten Schaden gelitten haben, sogleich wieder ausgebessert werden. Dabey aber muß sie sorgfältig Acht haben, daß die Kinder nichts muthwillig zerreissen oder verderben. Ueberhaupt muß sie die Kindern angewöhnen mit den Kleidern wohl umzugehen und dieselben hübsch rein zu halten. Da auch der Oeconomus, zufolge des mit ihm geschloßenen Contracts verbunden ist die Wäsche dieser dreyßig Kinder zu waschen, so wird diese auch sehen jedesmahl die unsaubere Wäsche dem Oeconomo zu hohlen, und solche gehohlt wieder von ihm übernehmen, und zusehen, daß der Oeconomus im Waschen der Wäsche nicht muthwillig verderbe. Sind aber einige Kleidungsstücke gäntzlich unbrauchbar geworden, so kann sie es der Commission anzeigen, damit dieselbe ihr oder jemanden anders auftragen könne neue Kleidungsstücke an der abgenutzten Stelle machen zu lassen. Es müßen keine Ausgaben ohne Vorwissen der Commission gemacht werden.

8. Wird diese Person ein Verzeichniß von allen vorhandenen Kleidungs- und anderen Stücken bekommen, bey welchem sie jedesmahl zuschreiben muß, wenn etwas abgegangen oder hinzugekommen ist.

9. Muß dieselbe die Kinder alle Morgen zur rechten Zeit aufwecken, den Tag über zum Fleiß und zur Arbeit anhalten, und endlich darauf sehen, daß sie des Abends zur gesetzten Stunde wieder zu Bette gehen.

10. Muß sie davor sorgen, daß der Oeconomus denen Kindern ihr gehöriges an Frühstück, Mittag und Abendbrodt gebe, und wenn sie bemerkt, daß den Kindern das gebührende entzogen, oder ungesunde und schlecht zugerichtete Speisen gegeben werden, muß sie solches, ohne sich deswegen mit dem Oeconomo zu zanken, der Commission anzeigen.

11. Hierfür bekommt gemeldte Frauens-Person für sich selbsten sowohl als für ihre drei Mägde freye Feurung und frey Essen. Nebst diesen aber ein ansehnliches Gehalt, damit sie gut auskommen kann.

ИНСТРУКЦІЯ

для женской особы, которой смотрѣніе надъ тридцати малолѣтными дѣтьми поручено будетъ.

1. Сей женщинѣ наблюдать чтобы дѣти ежедневно исполняли точно по должности своей вѣры, она должна быть хорошимъ для нихъ примѣромъ, стараться о добродѣтельномъ и скромномъ житіи, безъ нужды изъ дому не отлучаться, также подозрительныхъ гостей въ отведенную ей квартиру не принимать, а особливо ночныхъ бѣседъ не имѣть.

2. Стараться ей о исправленіи злонравныхъ и склонность имѣющихъ къ порокамъ отвращать и вперять имъ твердой помыселъ къ добродѣтелямъ, для сего долженствуетъ помянутая особа внушать дѣтямъ разумно и стараться чтобы пріобрѣсть оное дружелюбіемъ и любочестіемъ, есть ли же сіи кроткіе способы не возымѣютъ желаемаго дѣйствія, то ей дозволяется наказывать ослушниковъ смотря по винѣ, однако должно ей имѣть осторожность въ томъ, чтобы въ гнѣвѣ не бить по щекамъ, ниже кулакомъ или палкою, но въ такихъ случаяхъ наказывать только лозою; также при исправленіи дѣтскихъ нравовъ удерживаться ей всякихъ поносныхъ и подлыхъ бранныхъ словъ.

3. Имѣть ей прилежное смотрѣніе за поступками дѣтей, и ежемѣсячно подавать въ Коммиссію безпристрастные и обстоятельные репорты о ихъ поведеніи.

4. Пріучать дѣтей къ наблюденію добраго порядка.

5. Стараться ей о чистотѣ при дѣтяхъ, чесать имъ головы дважды а по крайней мѣрѣ одинъ разъ во всякую недѣлю, наблюдать ей рачительно чтобы дѣти во всякое утро по надлежащему умывалися, одѣвалися порядочно и дважды въ недѣлю бѣлье перемѣняли и по надлежащему раздѣвались бы, когда имъ спать ложиться, во время ученія быть при нихъ и кушать съ дѣтьми за однимъ столомъ.

6. Имѣть ей смотреніе, чтобы постели были чисты и какъ зачерненные простыни и наволоки переменять, также имѣть ей трехъ служительницъ для исправленія всякихъ починокъ и платяныхъ работъ.

7. Прилагать ей стараніе, чтобы разодравшіеся рубашки, чулки и всякое одѣяніе тотчасъ было починено, но при томъ наблюдать ей рачительно, чтобы дѣти резвяся платья не драли, вообще должна она детей пріучать, чтобы платье они берегли и содержали въ чистотѣ. Экономъ долженъ, по силѣ заключеннаго съ нимъ контракта, мыть бѣлье на сихъ тридцать человѣкъ малолѣтнихъ, то сія надзирательница долженствуетъ зачерненное бѣлье какъ отдать эконому, такъ и отъ него принимать щетомъ, и ей смотреть, чтобы находящееся въ мытьѣ бѣлье у эконома не было попорчено отъ нерачивости, но есть ли какая одѣжда совсѣмъ износилась, то должна она репортовать о томъ Коммисіи, дабы можно было поручить ей или кому другому здѣлать новое вмѣсто изношеннаго платья, безъ вѣдома Коммисіи ни на какіе расходы денегъ не тратить.

8. Сей женщинѣ дается роспись всемъ находящимся платенымъ и другимъ вѣщамъ, на которой ей должно всегда приписывать что выбыло и что прибыло.

9. Будить ей детей по всякое утро въ настоящее время, и во весь день понуждать ихъ къ прилѣжанію и къ трудамъ, и напослѣдокъ надзирать, чтобы они въ вечеру въ опредѣленной часъ спать ложилися.

10. Смотрѣть ей, чтобъ экономъ давалъ дѣтямъ по надлежащему на завтракъ, обѣдъ и ужинъ, и есть ли она примѣтитъ что дѣтямъ дается менше положенной доли, нездоровое или худо состряпанное кушанье, то репортовать ей о томъ въ Коммиссію, не заводя ссоры съ экономомъ.

11. За такой принятой на себя трудъ дается помянутой женщинѣ съ тремя ея служительницами казенная квартира, дрова и кушанье, и опредѣлено будетъ пристойное жалованье, сверхъ же того, еще выдаваться будетъ некоторая сумма, дабы она свѣчи себѣ покупать и вышепомянутыхъ служительницъ содержать могла.

ИНСТРУКЦІЯ *)

для женской особы, которой поручается смотрѣніе надъ малолѣтними дѣтьми.

1. Наблюдать ей, чтобъ дѣти ежедневно исполняли то, что по должности своей вѣры наблюдать должны; послужить имъ во всемъ хорошимъ примѣромъ, стараться о добродѣтельномъ и скромномъ житіи; безъ крайней нужды отъ нихъ не отлучаться, и подозрительныхъ людей къ дѣтямъ не пускать.

2. Стараться ей о исправленіи злонравныхъ и склонность имѣющихъ къ порокамъ; отвращать и вперять имъ твердой помыслъ къ добродѣтелямъ; для сего должна она внушать дѣтямъ оныя разумно, и стараться преклонить ихъ на оныя дружелюбіемъ и любочестіемъ. Есть ли же сіи кроткіе способы не возъимѣютъ желаемаго дѣйствія, то дозволяется ей наказывать ослушниковъ, смотря по винѣ; однако должно ей имѣть осторожность въ томъ, чтобы въ гнѣвѣ не бить по щекамъ, ниже кулакомъ или палкою; но въ такихъ случаяхъ наказывать только лозою; также при исправленіи дѣтскихъ нравовъ удерживаться ей отъ всякихъ поносныхъ и бранныхъ словъ.

3. Имѣть ей прилѣжное смотрѣніе за поступками дѣтей, и ежемѣсячно подавать въ Коммиссію безпристрастные, обстоятельные репорты о ихъ повѣденіи.

4. Пріучать дѣтей къ наблюденію добраго порядка.

5. Стараться ей о чистотѣ дѣтей, и заставлять чесать имъ головы дважды, а по крайней мѣрѣ одинъ разъ во всякую недѣлю; наблюдать рачительно, чтобъ дѣти по всякое утро по надлежащему умывались, одѣвались порядочно и дважды въ недѣлю бѣлье перемѣняли, и по надлежащему раздѣвались бы, когда имъ спать ложиться. Во время ученія, такъ же и во время стола быть при нихъ

6. Имѣть ей смотрѣніе, чтобы постѣли были чисты, наволочки и простыни перемѣнялись бы въ надлежащее время.

7. Прилагать ей стараніе, чтобы разодравшіеся рубашки, чулки и всякое одѣяніе тотчасъ было починено; но при томъ наблюдать

---

*) Эта инструкція нѣсколько дополнена противъ предъидущей.

рачительно, чтобъ дѣти рѣзвясь платья не драли. Вообще, должна она дѣтей приучать, чтобъ платье бѣрегли и содержали въ чистотѣ.

8. Для исправленія сихъ работъ и платяныхъ всякихъ починокъ опредѣлены двѣ служанки, коимъ она и жалованье помѣсячно по договору платить должна изъ выдаваемой ей на мѣлочные расходы суммы.

9. Съ домостроителемъ заключить договоръ, чтобы мылъ платье на оныхъ дѣтей, съ платежемъ ей ему за то въ годъ по четыре рубли по восьмидесяти копеекъ съ каждаго мальчика; и для этого она г. надзирательница, имѣя въ своемъ смотрѣніи бѣлье ихъ, должна отдавать ему, домостроителю, оное, и принимать отъ него счетомъ, и смотрѣть, чтобъ находящееся въ мытье бѣлье у домостроителя не было попорчено отъ нераченія; но есть ли что изъ онаго совсемъ износится, то должна надзирательница репортовать о томъ въ Коммиссію, дабы можно было поручить ей или кому другому сдѣлать новое, а деньги домостроителю за мытье платить отъ комисара; выдаваемымъ же ей, г. надзирательницѣ на мелочные расходы для порученныхъ въ ея смотрѣніе дѣтей деньгамъ, на что именно оныя издержаны будутъ—вести вѣрную записку, на что ей отъ Коммиссіи дается шнуровая книга.

10. Надзирательницѣ сей дается роспись всѣмъ находящимся платянымъ и другимъ вещамъ, на которой должно ей всегда приписывать, что выбудетъ и что прибудетъ.

11. Будить ей дѣтей по всякое утро въ настоящее время, и во весь день понуждать ихъ къ прилѣжанію и трудамъ, и напослѣдокъ надзирать, чтобы они въ вечеру въ опредѣленный часъ спать ложились, и не прежде отъ нихъ отлучаться, какъ когда дѣти спать лягутъ.

12. Смотрѣть ей, чтобы домостроитель давалъ дѣтямъ по надлежащему на завтракъ, обѣдъ и ужинъ, и есть ли она примѣтитъ, что дѣтямъ дается меньше положенной доли, нездорово и худо состряпанное кушанье, то репортовать о томъ въ Коммиссію, не заводя ссоры съ домостроителемъ.

13. Наблюдать также, чтобы учители въ положенные часы приходили и должность свою прилѣжно исправляли, и въ случаѣ надобности о томъ имъ напоминать; ежели напоминанія ея не будутъ имѣть успѣха, то увѣдомлять о томъ Коммиссію; а въ какіе дни и часы учители наставленія преподавать нынѣ должны, тому сообщается табель при семъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 4.

P. M.

über das Gymnasium der Akademie der Wissenschaften.

Da bei dem Gymnasio der Akademie der Wissenschaften, vermöge des von Sr. Erlaucht dem Präsidenten 1760 verordneten Staates, sechszig Schüler auf Kosten der Krone erzogen werden sollen, um aus selbigen die Universität mit geschickten Studenten zu versehen, so sind im abgewichenen 1765-ten Jahre unter den damaligen Krons-Schülern die untauglichen und übelgesitteten ausgesucht und weggeschafft, und dagegen einige neue angenommen worden, welche mit den zurückgebliebenen zusammen 30 ausmachen. Zu den übrigen 30 sind nach Vorschrift des auf allerhöchsten Befehl publicirten allgemeinen Erziehungs-Planes junge Knaben ausgesucht, welche von jenen ältern Schülern ganz abgesondert, erzogen und unterrichtet werden, mit der Zeit sämmtlich in derselben Stelle treten, und endlich in die Universität versetzt werden.

Die öffentlichen Lehr-stunden des Gymnasii werden nicht allein von jenen 30 ältern Krons-Schülern, sondern auch von den sogenannten Frei-Schülern besucht, die nämlich nach der allerersten Einrichtung des Gymnasii nichts weiter als freien Unterricht geniessen, und deren Anzahl sich itzo auf acht und fünfzig beläuft. Da diese acht und achtzig Knaben sich an Alter und Geschicklichkeit so sehr ungleich sind, so müßen sie auch, vornemlich wegen Verschiedenheit ihrer zukünftigen Lebensart und Bestimmung, einen verschiedenen Unterricht bekommen. Es werden in diesen öffentlichen Stunden die russische, lateinische, deutsche und französische Sprache, das Christenthum, die Arithmetik und Geometrie, Historie, Geographie, das Zeichnen und Tanzen gelehrt. Die Anzahl der Lehrer beläuft sich itzo mit Inbegriff des Geistlichen, des Zeichenmeisters und des Tanzmeisters auf fünfzehn. Das höchste Gehalt ist 400 Rub. Die meisten haben eine so geringe Gage, daß sie genöthiget sind sich noch auf andere Art etwas zu verdienen. Nur drei von ihnen, weil sie die Aufsicht über die Krons-Schüler haben, wohnen in dem Gymnasio, die übrigen fast alle sehr weit davon. Aus allem diesen ergiebt sich, daß an dieser öffentlichen Schule folgendes desiderirt wird, welches bisher wegen des unzureichenden Fonds oder anderer Ursachen nicht hat veranstaltet werden können:

1) Weil Knaben von so sehr verschiedenem Alter in so vielerlei Sachen unterrichtet werden, so ist die gegenwärtige Anzahl der Lehrer zu klein; denn in jeder Sprache müßen 3 bis 5 Classen, und in jeder Wissenschaft 2 bis 3 sein; und in jeder Stunde müssen so viele Classen gehalten werden, daß fast ein jeder Schüler eine unter selbigen findet, die er mit Nutzen besuchen kann.

2) Die Lehrer sollten nahe bei dem Gymnasio wohnen, damit einer ohne die höchste Beschwerlichkeit sowohl Vormittags als Nachmittags Lectionen geben, und bei Krankheiten und andern Hindernissen einer dem andern zu Hülfe kommen könne.

3) Ein jeder Lehrer sollte einen Gehalt haben, von dem er, wo nicht anständig, doch nothdürftig leben könne, damit man ihnen ohne Unbilligkeit mehrere Informations-Stunden auflegen könne; welches doch nicht von denen zu verstehen ist, welchen man nur eine geringe Anzahl von Stunden anweisen kann, als der Tanzmeister u. a. m. Ein Theil der Verbesserung des Gehalts könnte darin bestehen, daß man den Lehrern freie Wohnung in der Nähe des Gymnasii gäbe.

4) Sollte der Zufluß der Freischüler, deren im Anfange dieses Jahres etliche zwanzig waren, itzo aber acht und fünfzig sind, fortdauern, so werden die Zimmer, worin sie itzo unterrichtet werden, bald zu klein sein. Es muß schon itzo eine Classe in dem Speisesaal gehalten werden. Weswegen denn in dieser Absicht ebenfalls eine Änderung gemacht werden müßte.

d. 31 August 1766.

Ludwig Backmeister
Inspector des Gymnasii.

ПРИЛОЖЕНІЕ 5.

23 февраля. Бывшаго при гимназіи инспекторомъ Бакмейстера принять въ гимназію надзирателемъ надъ учителями и гимназистами, а въ чемъ точно должность его состоять будетъ, о томъ видно въ приложенномъ при семъ сочиненіи.

Die Bedingungen, unter welchen ich erbötig bin der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften meine Dienste zu widmen, sind folgende:

1) Ich übernehme die Inspection des von der Akademie abhängigen Gymnasii (worunter jedoch die 30 kleineren Schüler nicht mit begriffen sind), so daß die Einrichtung desselben, in so weit sie nicht durch die Befehle der Akademie bestimmt wird, bloß von meinen Anordnungen abhängt, welche sowohl Lehrer und Schüler, als Bediente, zu befolgen haben; wogegen ich selbst keinem andern (значитъ Фишеру) als den unmittelbaren Befehlen der Akademie unterworfen bin.

2) Ich gebe im Gymnasio wöchentlich 6 Stunden Unterricht.

Подписано: Ludwig Backmeister. 25 Feb. 1768. — Все выписанное собственноручно написано Бакмейстеромъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XXXVIII, № 6.

АКАДЕМИЧЕСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ,

ПО РУКОПИСНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ АРХИВА АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Графа Д. А. ТОЛСТАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ
С.-Петербургъ, Октябрь 1885 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весел*

Вызванные при учрежденіи Академіи Наукъ ученые изъ-заграницы обязаны были, по заключеннымъ съ ними, по большей части, на пять лѣтъ, контрактамъ, читать лекціи въ учреждавшемся тогда же при Академіи университетѣ.

Въ 1725 году приглашены были: на каѳедру математики Германъ, Даніилъ Бернулли, занимавшійся прежде физіологіею, и Гольдбахъ, для химіи Бюргеръ, для физики Бильфингеръ, начавшій свою академическую дѣятельность логикою и метафизикою; для анатоміи и зоологіи Дювернуа, для механики Николай Бернулли, по каѳедрѣ греческихъ и римскихъ древностей Байеръ, для логики и метафизики Мартини, принявшій сначала каѳедру физики, на каѳедру краснорѣчія и церковной исторіи Коль, и на каѳедру правовѣденія Бекенштейнъ. Въ 1726 году прибыли въ Академію два астронома Делиль и Лейтманъ на каѳедру механики и оптики. Еще прежде открытія Академіи пріѣхалъ въ Петербургъ ботаникъ Буксбаумъ. Первые профессора изъ академиковъ (1725–1726 г.)

Нѣкоторые изъ этихъ академиковъ уже пользовались ученою извѣстностью. Германъ назначенъ былъ еще въ 1701 году, по предложенію Лейбница, членомъ Берлинской Академіи Наукъ, а потомъ былъ членомъ Болонской Академіи; въ 1707 году, также по рекомендаціи Лейбница, онъ получилъ каѳедру математики въ Падуанскомъ университетѣ. Германъ первый изъ иностранныхъ ученыхъ поступилъ въ Петербургскую Академію, потому и называли его professor primarius et Matheseos sublimioris. Даніилъ Бернулли, выдающійся математикъ своего времени,

прославился сочиненіемъ: «Гидродинамика», или законы движенія воды, напечатаннымъ въ 1738 году и посвященнымъ Бирону. Іосифъ Делиль, приглашенный по повелѣнію Императора Петра, въ продолженіе 21 года усердно работалъ въ Россіи по части астрономическихъ наблюденій. Бильфингеръ былъ одинъ изъ выдающихся ученыхъ по физикѣ. Байеръ извѣстенъ былъ по обширнымъ своимъ филологическимъ познаніямъ, въ особенности литературы восточныхъ народовъ. На саксонца Лейтмана обратилъ вниманіе самъ Петръ Великій, и приглашалъ его пріѣхать въ Россію; но саксонское правительство тогда его не отпустило; онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ іюлѣ 1726 года. Буксбаумъ принятъ былъ ботаникомъ въ медицинскую коллегію еще въ 1721 году, въ 1724 году отправленъ былъ докторомъ при посольствѣ Александра Ивановича Румянцова въ Константинополь, при чемъ ему были поручены ботаническія изслѣдованія. Академикъ Рупрехтъ говоритъ о немъ: «Въ кратковременную бытность свою при Академіи, онъ составилъ сочиненіе о 500 новыхъ или малоизвѣстныхъ растеніяхъ, собранныхъ имъ какъ въ путешествіяхъ въ окрестностяхъ Константинополя, въ Малой Азіи и около Каспійскаго моря, такъ и вблизи Петербурга». Гольдбахъ былъ хорошій педагогъ, почему и назначенъ былъ воспитателемъ великаго князя Петра Алексѣевича, впослѣдствіи императора Петра II. Изъ всѣхъ приглашенныхъ ученыхъ наименѣе удачнымъ оказался выборъ Мартини, потому и мѣняли поручавшіеся ему предметы: сначала дали каѳедру физики, а потомъ перевели на каѳедру логики и метафизики; по словамъ Мюллера, онъ не былъ достоинъ званія академика. Не оправдалъ также своего назначенія и астрономъ Делиль-де-ла-Кройеръ, братъ Іосифа Делиля. Николай Бернулли умеръ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ іюлѣ 1726 года.

Первые адъюнкты.

По указаніямъ нѣкоторыхъ изъ этихъ академиковъ, вызваны были извѣстные имъ даровитые студенты. Наиболѣе рекомендацій поступило отъ Бильфингера, бывшаго профессора Тюбингенскаго университета. Изъ прежнихъ своихъ слушателей

онъ выбралъ Гмелина и Крафта, и оба они вполнѣ оправдали лестные его о нихъ отзывы, и впослѣдствіи сдѣлались сами академиками. Гмелинъ отправленъ былъ въ 1733 году въ Камчатскую экспедицію, и результатомъ его ученыхъ изысканій въ Сибири было классическое сочиненіе его: «Flora sibirica, sive historia plantarum Sibiriae». 1747—1769 года. Въ этомъ сочиненіи заключается описаніе 1178 растеній и 300 чертежей. Линней говоритъ, что Гмелинъ одинъ открылъ столько растеній, сколько другіе ботаники открыли ихъ вмѣстѣ. Даніилу Бернулли обязана наша Академія рекомендаціею знаменитѣйшаго изъ математиковъ — Леонарда Эйлера, бывшаго студента Базельскаго университета, гдѣ Бернулли былъ профессоромъ. Эйлеръ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1727 году, 20-ти лѣтнимъ юношею, и назначенъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ математики. Уже въ 1723 году онъ получилъ степень магистра въ Базельскомъ университетѣ. Крафтъ имѣлъ также эту ученую степень отъ Тюбингенскаго университета. Эйлеръ написалъ въ теченіе своей жизни до 756 математическихъ сочиненій, а изъ его учениковъ восемь достигли впослѣдствіи званія членовъ академіи, именно: Альбрехтъ Эйлеръ, Котельниковъ, Румовскій, Крафтъ, Лексель, Иноходцевъ, Головинъ и Николай Фуссъ.

Первые студенты.

При такихъ ученыхъ силахъ, казалось возможнымъ открыть новый университетъ. Но для него недоставало слушателей: гимназій, приготовляющихъ къ университету, не было; семинаріи заведены были только въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, по произвольному плану, и вовсе не были приспособлены къ типу предварительной университетской школы; при томъ, языкъ новыхъ преподавателей былъ совершенно непонятенъ для русскихъ учениковъ, а латынскій, на которомъ читались лекціи, мало распространенъ въ странѣ. Оставалось и слушателей выписать изъ за границы, какъ выписаны были оттуда профессора. Нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ прямо обязывались къ этому по письменнымъ условіямъ; такъ Бильфингеръ, по заключенному съ нимъ контракту, дол-

женъ былъ привезти съ собою одного или двухъ студентовъ. «Я примѣтилъ», писалъ въ 1725 году академикъ Коль студенту Мюллеру въ Лейпцигъ, «что здѣсь, при скоромъ открытіи Академіи, потребуется еще нѣсколько студентовъ, изучавшихъ гуманіоры». Изъ Германіи вывезено было восемь студентовъ, изъ которыхъ четыре сдѣлались впослѣдствіи академиками, именно: Мейеръ, Гроссъ, Вейтбрехтъ и Мюллеръ. Мейеръ и Вейтбрехтъ имѣли уже дипломъ магистра отъ Тюбингенскаго университета, но поступили студентами въ новооткрывающійся университетъ. Гроссъ и Мейеръ оставались впрочемъ студентами не долго; 29 января 1726 года состоялось опредѣленіе президента Академіи Блюментроста: «Понеже студентъ Мейеръ разныя пробы искуства своего объявилъ, того ради велѣно онаго въ Академіи Наукъ опредѣлить профессоромъ матезисъ чрезвычайнымъ», то есть экстраординарнымъ. Въ тотъ же самый день студентъ Гроссъ назначенъ былъ профессоромъ «философіи нравоучительныя чрезвычайнымъ». Вейтбрехтъ получилъ каѳедру физіологіи только въ 1731 году. Наконецъ Мюллеръ пріобрѣлъ впослѣдствіи громкую и вполнѣ заслуженную извѣстность своими изысканіями и изданіями по русской исторіи, и получилъ званіе исторіографа[1]).

«Требовалось», говоритъ Мюллеръ, «чтобы Академія имѣла и учениковъ, которые могли и желали бы извлекать пользу изъ ея учрежденій; но ни того, ни другаго не было, какъ иначе это и быть не могло. Низшія школы должны предшествовать высшему образованію. Но чтобы можно было начать лекціи въ назначенный день, то сами профессора стали ходить другъ къ другу на лекціи. Настоящими слушателями были адъюнкты, одни только для вида, другіе на самомъ дѣлѣ. Настоящихъ же студентовъ было очень мало; одинъ Кенигсбергецъ, пріѣхавшій съ профессоромъ Байеромъ, и одинъ голштинецъ, искавшій мѣста при

---

[1]) См. Пекарскаго — Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Томъ I. С.-Петерб. 1870.

великогерцогскомъ дворѣ, остались не долго[1]). «Совершенно справедливо заявлялъ впослѣдствіи академикъ Мартини, что въ Академическомъ университетѣ было болѣе учащихъ, чѣмъ учащихся: выше мы видѣли, что академиковъ было 15 и вскорѣ двое изъ студентовъ назначены профессорами, значитъ преподающихъ, или, по крайней мѣрѣ, обязанныхъ преподавать, считалось тогда 17, студентовъ же было всего 8.

О томъ какъ опредѣляли въ этотъ, такъ называемый университетъ, можетъ дать нѣкоторое понятіе, напримѣръ, Академическій протоколъ 5 февраля 1726 года, въ которомъ записано, что статскій совѣтникъ Макаровъ объявилъ Высочайшее повелѣніе Анахина «опредѣлить въ Академію Наукъ». Вѣроятно, этотъ Анахинъ вовсе не былъ подготовленъ къ слушанію профессорскихъ лекцій, однако онъ былъ принятъ безъ экзамена, и съ такимъ предписаніемъ: «придать онаго, для совершеннаго обученія наукъ, профессору Мейеру», то есть тому молодому ученому, который за недѣлю передъ тѣмъ самъ былъ студентомъ.

При таковомъ недостаткѣ слушателей, ничего не оставалось другаго, какъ обратить профессорскія лекціи въ публичныя, въ надеждѣ, что публика наполнитъ аудиторіи. Но и это ожиданіе не оправдалось. «Когда сдѣлалось явнымъ,» говоритъ Мюллеръ, «что устное преподаваніе не можетъ производиться, по неимѣнію слушателей, то 8 и 14 марта 1727 года объявлено было въ газетахъ, что профессора Бильфингеръ и Дювернуа будутъ читать для всѣхъ желающихъ публичныя лекціи по физикѣ и анатоміи, съ экспериментами. Эти эксперименты Бильфингера, для коихъ выписаны были отъ Мушенбрека изъ Лейдена, по системѣ Гравезанда «Institutionibus philosophiae Newtonianae», необходимые инструменты, еще кое-какъ шли вначалѣ, но нѣсколько недѣль спустя прошла къ нимъ охота публики. Что же

---

[1]) Müller. Zur Geschichte der Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. (Рукопись.)

касается до анатомическихъ демонстрацій, то любителей ихъ нашлось весьма немного; изъ нихъ извлекъ пользу едва ли не одинъ Вейтбрехтъ, который еще въ предъидущемъ году сталъ посѣщать госпиталь на Выборгской сторонѣ».

Случалось, что молодаго человѣка отдавали, такъ сказать, на выучку тому или другому профессору, и тогда онъ состоялъ въ полномъ его распоряженіи. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ протоколѣ 28 марта 1729 года: По указу Его Императорскаго Величества, въ Академіи Наукъ опредѣлено: оной же Академіи господина профессора Лейтмана ученика Матиса Андреяса, что онъ, безъ вѣдома онаго Лейтмана, отъ него отлучался и пьянствовалъ, и не явился шесть дней, бить батогами нещадно, для того дабы ему впредь чинить того было неповадно».

Въ Академію посылали учиться всему, даже и такимъ наукамъ, которыя вовсе не полагались въ академическомъ университетѣ; такъ военная коллегія прислала одного недоросля, чтобы обучить его фортификаціи; не долго думая, его отдали на выучку академическому архитектору, вѣроятно потому, что этотъ архитекторъ преподавалъ математику въ гимназіи. Протоколъ объ этомъ 30 сентября 1731 изложенъ такъ: «По указу Ея Императорскаго Величества, въ Академіи Наукъ, по слушаніи присланной государственной военной коллегіи изъ конторы сего сентября 28 дня промеморіи о опредѣленіи Новгородской губерніи, Псковской провинціи, недоросля Дмитрія Яхонтова въ Академію для науки, и опредѣлено, по силѣ той промеморіи, онаго Яхонтова, для обученія фортификаціи, при указѣ отослать къ архитектору Шеслеру, въ которомъ объявить, дабы онъ Шеслеръ его Яхонтова обучалъ съ прилѣжнымъ радѣніемъ, а какъ оный обучится, о томъ ему въ академическую канцелярію репортовать».

Академическій совѣтникъ Шумахеръ жаловался президенту, что академики уклоняются отъ преподаванія: «Профессора обязаны читать лекціи,» писалъ онъ ему въ 1729 году, «а между тѣмъ, это исполняютъ только Бекенштейнъ, Бернулли

и Мейеръ; другіе даже не помышляютъ о томъ». Несправедливо было обвинять профессоровъ, когда у нихъ не было слушателей: ни студентовъ, ни публики. «Бекенштейнъ былъ бы очень прилѣжный и полезный преподаватель», говоритъ Мюллеръ, «если бы только были у него слушатели», а слушатели эти состояли исключительно изъ немногихъ иностранцевъ.

Разсказывая о положеніи Академіи и ея учрежденій въ 1729 году, Мюллеръ пишетъ: «жалобы профессоровъ на то, что у нихъ нѣтъ слушателей, все продолжались. Еще въ гимназію отдавали родители изъ порядочныхъ семействъ своихъ дѣтей, для изученія новыхъ языковъ. Что же касается до высшаго образованія, то Академія не знала бы что ей дѣлать съ тѣми, которые прошли бы основательно университетскій курсъ. Русское дворянство ищетъ повышеній чинами. Между тѣмъ, знаменитѣйшіе ученые оставались безъ чиновъ, и это въ странѣ, гдѣ всѣ преимущества соразмѣрены съ чинами, гдѣ неимѣющій чина не можетъ показаться ни при какомъ оффиціальномъ представленіи; какой же послѣ этого порядочный человѣкъ рѣшится оставаться при учености, я хочу сказать, сдѣлаться ученымъ по профессіи? Думаю, что я не ошибаюсь, приписывая этому главнѣйшія затрудненія, встрѣчаемыя Академіею быть полезною, сколько можетъ и должна. Правда, Петръ Великій, учреждая Академію, а Императрица Екатерина въ своемъ указѣ 21 декабря 1725 года, коимъ она повелѣвала всѣмъ отдавать своихъ дѣтей для обученія въ Академію, не предоставили чиновъ ни учащимъ, ни тѣмъ изъ учащихся, которые пройдутъ основательно курсъ ученія. Но опытъ показалъ какія были отъ того послѣдствія, и представители Академіи должны были бы достигнуть возвышенія значенія наукъ, если не для своей славы, то для блага страны. Никогда Академія надлежащимъ образомъ объ этомъ не представляла; по этому нельзя винить высшее правительство за то, что оно не приняло во вниманіе столь существенный недостатокъ».

По свидѣтельству Мюллера, въ 1731 году въ университе-

тѣ не было ни одного студента; но, вѣроятно, и гораздо ранѣе университетъ оставался безъ студентовъ, ибо послѣ 1726 года, когда вывезенные изъ Германіи нѣмецкіе студенты получили разныя назначенія, въ академическихъ протоколахъ не встрѣчается ни упоминанія о студентахъ, ни опредѣленій о выдачѣ имъ содержанія. Несмотря на это, составлялись программы лекцій, чтобы показать, по словамъ Мюллера, что «не вина Академіи, что она не можетъ приносить пользы посредствомъ устнаго преподаванія. Одинъ профессоръ издалъ свою программу». Въ слѣдующемъ 1732 году напечатаны были всѣ программы лекцій, съ означеніемъ часовъ чтенія, и прибавлено, что по нимъ профессора станутъ читать лекціи, *если будутъ слушатели.*

Неимѣніе именно этихъ слушателей озабочивало правительство. 11 сентября 1731 года Сенатъ, по собственной инціативѣ, безъ всякаго представленія Академіи, потребовалъ отъ нея отзыва: «коликое число въ Академію потребно къ профессорамъ, къ художникамъ и къ мастеровымъ людемъ учениковъ, и изъ какихъ школъ». «Совѣтникъ Шумахеръ, не посовѣтовавшись съ профессорами», прибавляетъ Мюллеръ, «отвѣчалъ такъ: «Весьма бы полезно, что больше для обученія къ выписаннымъ профессорамъ, къ художникамъ и къ мастеровымъ людемъ учениковъ придано будетъ, тѣмъ болѣе пользы надѣяться надлежитъ, дабы когда оные чрезъ нѣкоторое время у профессоровъ и у художниковъ въ наставленіи пробудутъ, то и оныхъ какъ къ наукамъ, такъ и къ художествамъ способныхъ людей выбрать возможно было, ибо не всѣ изъ учащихся въ наукѣ удаются, для того, что нѣкоторой къ одной, а другой къ другой вещи тщаніе и понятіе имѣетъ. Паче полезно было, чтобы всѣ ученики, которые къ наукамъ и къ художествамъ приданы быть имѣютъ, какой нибудь чужой языкъ, напримѣръ, латинскій, нѣмецкій или французскій умѣли, дабы оные какъ чрезъ обхожденіе съ чужими учеными людьми и художниками знаніемъ языка, такъ и чрезъ чтеніе на чужихъ языкахъ писанныхъ книгъ пользу получить могли. И ежели выписаннаго довольнаго числа уче-

никовъ въ скорости прислать будетъ невозможно, то Правительствующаго Сената требовать, дабы соблаговолено было хотя по меньшей мѣрѣ нынѣ опредѣлить: въ классъ математическій 25 человѣкъ, а именно: ко всякому въ ономъ классѣ обрѣтающемуся профессору по 5-ти человѣкъ, яко профессору вышней математики, двумъ профессорамъ астрономіи, профессору механики и профессору математики генеральныя; въ физическій классъ такожде 25 человѣкъ, яко профессору анатоміи и хирургіи, профессору химіи, профессору ботаники, профессору физики экспериментальной и теоретической, и профессору физіологіи; въ классъ историческій 15 человѣкъ, яко профессору юриспруденціи, профессору логики и метафизики и профессору исторіи, да профессору греческихъ и римскихъ древностей 10 учениковъ, такихъ, которые бы въ греческомъ и латынскомъ языкѣ искусны были». Такимъ образомъ, наименьшее число необходимыхъ для университета студентовъ исчислялось 75 человѣками.

Вмѣсто этого, столь ограниченнаго числа студентовъ, требованныхъ академіею, сенатъ прислалъ въ концѣ декабря 1732 года 12 учениковъ изъ московской славяно-латынской академіи, но не для университета, а для подготовленія ихъ къ предпринимавшейся тогда ученой экспедиціи въ Камчатку. Шестерымъ изъ нихъ велѣно было учиться ежедневно до полудня въ гимназіи, а послѣ полудня, до 5-ти часовъ, обучаться въ канцеляріи академіи русскому и латынскому языкамъ. Только пять изъ этихъ учениковъ могли быть отправлены въ Камчатскую экспедицію, въ томъ числѣ будущій академикъ Крашенинниковъ; объ остальныхъ же академическая канцелярія представила сенату, что они «явились къ наукамъ не понятны», а потому просила, чтобы опредѣлить ихъ къ ремесламъ, «къ разнымъ художествамъ», и прислать изъ московской академіи 12 или 15 «понятныхъ» учениковъ.

Въ 1735 году предложено было професорамъ составить свои программы, на случай, если найдутся слушатели; при этомъ Академія расчитывала, по видимому, на возможность получить

человѣкъ 30 такихъ слушателей изъ шляхетнаго кадетскаго корпуса; [1]) но надежда эта не осуществилась.

Въ 1736 году прислано было изъ Заиконоспаской академіи 10 учениковъ, и профессору Байеру поручено было проэкзаменовать ихъ; онъ донесъ, «что онъ присланныхъ изъ Москвы учениковъ десять человѣкъ свидѣтельствовалъ, а, по свидѣтельству его надлежитъ онымъ ученикамъ нѣсколько времени обучаться въ гимназіи, дабы они къ слушанію профессорскихъ лекцій способными быть могли», потому, вмѣсто университета, они помѣщены были въ гимназію.

Выходъ изъ Академіи лучшихъ академиковъ. (1731—1737 года).

Между тѣмъ, въ академическомъ составѣ произошли значительныя измѣненія: умерли академики Бюргеръ въ 1726 году, Мейеръ въ 1729 году и Лейтманъ въ 1736 году, уволены изъ Академіи въ 1727 году Коль и въ 1728 году Мартини, наименѣе впрочемъ даровитые изъ прибывшихъ ученыхъ, въ 1729 году Буксбаумъ, въ 1731 году Гроссъ. Но существенною потерею для Академіи слѣдуетъ почесть выходъ изъ нея такихъ выдающихся ученыхъ, какъ Германъ и Бильфингеръ, уѣхавшихъ изъ Петербурга въ 1731 году, также Даніила Бернулли, получившаго въ 1733 году каѳедру анатоміи и физіологіи въ Базельскомъ университетѣ; въ 1737 году уволенъ былъ изъ академіи отличный филологъ Байеръ. Съ выходомъ ихъ изъ Академіи понизился существенно ученый ея уровень, и послѣдовавшіе за ними академики, въ большинствѣ случаевъ, не имѣли такой, какъ они, ученой извѣстности.

Леонардъ Эйлеръ. — Вновь принятые академики. (1731—1740 года).

Впрочемъ, въ академіи оставалась еще довольно долго ученая знаменитость — Леонардъ Эйлеръ. Въ 1727 году онъ былъ назначенъ адъюнктомъ высшей математики, въ 1731 году академикомъ на каѳедру физики, на мѣсто Бильфингера, а въ

---

[1]) Въ протоколѣ Конференціи Академіи Наукъ 17 января 1735 года записано: «Die Herren Professores sich erklären sollen was und in welchen Stunden sie künftig zu dociren wollen, wenn auf Ihro Kaiserliche Majästät Ordern, sich discentes in denen allen praeparirten auditoriis einfinden werden: allermassen mit nächsten 30 russische Edellente den Aufang dazu zu machen beordert werden.

1733 году, послѣ отъѣзда Даніила Бернулли, получилъ каѳедру высшей математики. Вновь приняты были въ академію: въ 1731 году Винцгеймъ адъюнктомъ по астрономіи, а въ 1735 году назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ; въ 1733 году Ададуровъ адъюнктомъ по высшей математикѣ, и швейцарецъ Амманъ, занявшій каѳедру ботаники послѣ Буксбаума; въ 1736 году онъ развелъ ботаническій садъ во второй линіи Васильевскаго острова, гдѣ теперь садъ римско-католической духовной академіи; въ 1735 году Ле Руа, наставникъ старшаго сына Бирона, экстраординарнымъ академикомъ по новой исторіи, и Штелинъ — адъюнктомъ по каѳедрѣ поэзіи и краснорѣчія; въ 1737 году, онъ получилъ званіе ординарнаго профессора элоквенціи; въ 1736 году, Вильде — экстраординарнымъ академикомъ по анатоміи, Мулла — адъюнктомъ по высшей математикѣ, а Гейнціусъ — экстраординарнымъ академикомъ по астрономіи, въ помощь старшему астроному Николаю-Іосифу Делилю; въ 1740 году Крузіусъ — адъюнктомъ, а въ 1747 году профессоромъ древностей и исторіи литеральной, далеко уступавшій своему предшественнику Байеру, и Рихманъ—по каѳедрѣ физики; онъ былъ учителемъ сыновей графа Остермана, Ивана, впослѣдствіи вице-канцлера, и Федора; принятъ былъ въ 1735 году студентомъ, въ 1740 году назначенъ адъюнктомъ, а въ 1741 году получилъ должность профессора; онъ занимался преимущественно электричествомъ, въ то время мало извѣстнымъ, и на опытѣ надъ нимъ былъ убитъ электрическимъ токомъ въ 1753 году.

Чтеніе лекцій въ 1738 г.

Въ 1738 году найдено было, что нѣкоторые ученики гимназіи въ состояніи слушать профессорскія лекціи, потому сдѣлано было распоряженіе о возобновленіи публичныхъ лекцій въ университетѣ. Распредѣленіе ихъ между профессорами сдѣлано было протоколомъ академической канцеляріи 31 мая слѣдующимъ образомъ: «Понеже въ бывшемъ преднедавнемъ времени», сказано въ этомъ протоколѣ, «въ обрѣтающейся при Академіи Наукъ гимназіи экзаменѣ не малое число такихъ учениковъ наш-

лось, которые къ слушанію профессорскихъ лекцій довольную способность имѣютъ, того ради оныя публичныя лекціи съ перваго числа іюня сего года начало свое воспріять, и на всякій день въ Академіи Наукъ слѣдующимъ образомъ продолжаться имѣютъ, именно: По утру отъ 7 до 8 часу профессору Винцгейму математическую и физическую географію, отъ 8 до 9 часу доктору Амману ботаники и натуральной исторіи, адъюнкту Ададурову отъ 8 до 11 часовъ россійскому языку учить, въ субботу профессору Крафту отъ 10 до 11 часовъ физику и метафизику съ принадлежащими къ тому экспериментами показывать; отъ 11 до 12 часовъ профессору Стелину—правоученіе; профессору Эйлеру — логику и высшую математику публично учить пополудни отъ 1 до 2 часу; доктору Дювернуа медицинскую практику отъ 2 до 3 часовъ; доктору Вильду анатоміи отъ 3 до 4 часу; профессору Гейнціусу астрономіи отъ 4 до 5 часу; профессору Вейтбрехту физіологіи, а притомъ профессору Лерху — универсальную исторію публично читать, а профессоръ Делиль на здѣшней обсерваторіи, при способномъ случаѣ, означеннымъ студентамъ практическую астрономію показывать будетъ. И для вѣдома о томъ, въ Правит. Сенатъ и въ Св. Правит. Сѵнодъ взнесть доношенія, а въ канцелярію шляхетскаго кадетскаго корпуса, главной артиллеріи, въ фортификаціонную контору, въ экспедицію адмиралтейсъ коллегіи, академіи и школъ послать промеморіи, при которыхъ приложить по одному тѣхъ лекцій каталогу, да и профессорамъ каждому отдать, и для того показанныхъ каталоговъ печатать сто экземпляровъ».

Студенты изъ семинаристовъ (1740 г.).

Въ 1740 году Сенатъ прислалъ восемь учениковъ изъ Московской Заиконоспасской академіи, для опредѣленія ихъ въ академическій университетъ; они были проэкзаменованы, и положено трехъ изъ нихъ готовить въ переводчики, четырехъ «въ математикѣ и астрономіи обучать, дабы они могли быть впредь геодезистами», и одного опредѣлить корректоромъ при типографіи.

Лекціи въ 1742 г.

Излагая исторію Академіи, Мюллеръ такъ описываетъ

1742 годъ: «Такъ какъ публичныя лекціи теперь должны были вновь начаться какъ для студентовъ, которые содержались на счетъ Академіи, такъ и для другихъ слушателей, желающихъ въ нихъ участвовать, то, для составленія и печатанія программъ лекцій, созвано было 10 августа чрезвычайное собраніе Академіи, на которомъ присутствовали Шумахеръ, Вейтбрехтъ, Крафтъ, Винцгеймъ, Ле-Руа, Гейнзіусъ, Вильде, Сигезбекъ, Геллертъ, Мула, Крузіусъ, Тепловъ и Ломоносовъ». Положено было начать чтеніе публичныхъ лекцій съ 1 сентября, а студенты росписаны между профессорами. Въ протоколѣ 3 сентября сказано: «По указу Ея Императорскаго Величества, Академія Наукъ приказали: по учиненному въ собраніи бывшихъ гг. профессоровъ Крафта, Винсгейма и Гейнзіуса росписанію, объявленнымъ во ономъ ученикамъ и студентамъ быть, для слушанія лекцій, каждому у своего профессора и адъюнкта, какъ во ономъ росписаніи явствуетъ, и для вѣдома и исполненія какъ въ конференціи къ г-ну профессору Винсгейму, такъ и къ г-ну унтеръ-библіотекарю Тауберту послать съ опредѣленія копіи, а имъ студентамъ и ученикамъ дать въ семъ общій указъ, съ пріобщеніемъ перевода съ онаго росписанія на россійскомъ языкѣ, чтобъ каждый свое дѣло и профессоровъ зналъ, у которыхъ лекцій слушать, подъ которымъ указомъ всѣмъ имъ во исполненіи потому своеручно подписаться». Изъ этого росписанія[1]) видно, что къ 12-ти преподающимъ профессорамъ и адъюнктамъ могли набрать только 12 студентовъ: семь изъ нихъ присланы были, какъ сказано выше, въ 1740 году изъ Заиконоспасской академіи, три иностранца, и двое только что окончившихъ курсъ въ академической гимназіи, Протасовъ и Котельниковъ, будущіе академики. И съ этими немногими студентами, какъ сейчасъ увидимъ, не занимались профессора какъ слѣдуетъ.

Преподававшій анатомію академикъ Вильде заявлялъ въ

---

[1]) См. приложеніе 1.

1736 году, что не можетъ исполнять данную ему инструкцію относительно чтенія лекцій, за неимѣніемъ слушателей. Астрономъ Делиль доносилъ 19 сентября 1742 года конторѣ Сената: «Хотя отъ самаго моего пріѣзда довольно требовалъ русскихъ студентовъ отъ Академіи, однако получить не могъ». Явилась опять мысль, мелькнувшая было въ 1735 году, комплектовать университетъ кадетами шляхетскаго корпуса. Академическій совѣтникъ Нартовъ представилъ 22 іюня 1743 года Сенату: «Всѣ профессоры тому ужъ близь года, по проекту блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, публичныхъ лекцій въ Академіи не читаютъ, элевовъ, или учениковъ россійской націи при себѣ не имѣютъ и не учатъ», поэтому онъ ходатайствовалъ, чтобъ Сенатъ приказалъ «для обученья имъ (профессорамъ) элевовъ, или учениковъ россійской націи, по проекту блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, пожаловать изъ кадетскаго корпуса семь или восемь человѣкъ такихъ кадетъ изъ шляхетства, которые бы нѣмецкаго, французскаго и латинскаго языку такъ довольно знали, чтобы ученіе и лекціи профессоровъ разумѣть, и отъ часу въ высшія науки простираться могли, которыхъ кадетовъ можно ободрить довольнымъ жалованьемъ и обѣщаніемъ ранговъ». Сенатъ однако не далъ кадетовъ университету.

Между тѣмъ, профессора уклонялись, какъ уже выше замѣчено, отъ занятій и съ тѣми студентами, которые посылались къ нимъ Академическою канцеляріею. Кромѣ только что приведеннаго свидѣтельства Нартова, въ октябрѣ 1744 года студенты Протасовъ и Котельниковъ представили въ Академію рапортъ, на нѣмецкомъ языкѣ, такого содержанія: «Во исполненіе послѣдовавшаго 18 октября приказанія канцеляріи Академіи Наукъ, отправились мы къ профессору Вейтбрехту, и заявили ему, что мы присланы къ нему канцеляріею, для слушанія лекцій по анатоміи; на что онъ намъ отвѣчалъ, что онъ профессоръ не анатоміи и медицины (онъ былъ академикомъ по каѳедрѣ физіо-

логіи), поэтому не обязанъ преподавать эту науку; если же Академія Наукъ пожелаетъ заключить съ нимъ на этотъ предметъ новый контрактъ, то онъ согласенъ преподавать анатомію, и въ такомъ случаѣ сдѣлаетъ поэтому соотвѣтствующее представленіе Академіи» [1]). Академическая канцелярія не сдѣлала никакого распоряженія, и объявленныя профессорскія лекціи не состоялись.

И такъ, профессора жаловались на то, что у нихъ нѣтъ студентовъ, студенты на то, что профессора ихъ не учатъ; и то, и другое было справедливо, и требовалось доставить университету какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Такова была, между прочимъ, задача Высочайше утвержденнаго 25 сентября 1747 года Регламента Академіи Наукъ и Художествъ.

Академическій регламентъ 1747 г.

Академики, обязанные преподавать, въ такъ сказать, безстудентномъ университетѣ, стѣснялись этимъ обязательствомъ, отнимавшимъ у нихъ время отъ ученыхъ, чисто академическихъ занятій, и нерѣдко не исполняли его, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, привыкшихъ къ преподаванію на каѳедрахъ германскихъ университетовъ. Регламентъ подраздѣлилъ академиковъ на двѣ категоріи: освобожденныхъ отъ преподаванія, и профессоровъ, читающихъ лекціи. Относящаяся до этого статья 1-я регламента изложена такъ: «Видно посему, что такіе люди (академики) заняты безпрестаннымъ трудомъ, чтобъ дѣлать свои примѣчанія, читать книги и вновь сочинять ихъ; чего ради имъ времени мало остается на то, чтобъ обучать другихъ публично. И такъ опредѣляются особливые академики, которые составляютъ Академію и никого не обучаютъ, кромѣ приданныхъ имъ адъюнктовъ и студентовъ, и особливые профессоры, которые учить должны въ университетѣ, о которыхъ подъ учрежденіемъ университета опредѣлено будетъ. Но ежели нужда востребуетъ и время допуститъ, и академику трудиться въ университетѣ, въ такомъ случаѣ отдается на президентское разсужденіе, чтобы опредѣ-

---

[1]) См. приложеніе 2.

лить онъ могъ и академика по усмотрѣнію для читанія потребныхъ лекцій въ университетѣ».

Университетъ остался, по прежнему, при Академіи, что выражено въ статьѣ 36 регламента. «Россія», сказано въ ней, «не можетъ еще тѣмъ довольствоваться, чтобъ только имѣть людей ученыхъ, которые уже плоды науками своими приносятъ, но чтобы всегда на ихъ мѣста заблаговременно наставлять въ наукахъ молодыхъ людей, а особливо что за первый случай учрежденіе Академическое не можетъ быть сочинено инако, какъ изъ иностранныхъ по большей части людей, а впредь должно оно состоять изъ природныхъ россійскихъ; того ради къ Академіи другая ея часть присоединяется—университетъ». Наполненіе безлюднаго университета студентами уже давно, какъ мы видѣли, озабочивало Правительство. На гимназію, доставившую, въ продолженіе 20-ти лѣтняго своего существованія, лишь весьма не многихъ слушателей въ университетъ, расчитывать было нельзя, если не были бы приняты особыя мѣры, обезпечивавшія комплектъ учащихся. Съ этою цѣлію учреждались казеннокоштные студенты, въ числѣ 30 человѣкъ, съ общежитіемъ, и 20 степендіатовъ въ гимназіи. «Надлежитъ», сказано въ статьѣ 37-й регламента, «выбрать изъ училищъ россійскихъ, гдѣ президентъ за лучшее усмотритъ, тридцать учениковъ способныхъ и знающихъ уже латинскій языкъ, и оныхъ опредѣлить при Академіи, давъ имъ жалованіе и квартиру такую, чтобъ они всѣ могли быть въ одномъ домѣ; а чтобъ впредь сіе число студентовъ могло всегда наполняться, то учредить гимназію, при которой двадцать человѣкъ молодыхъ людей содержать на коштѣ Академическомъ, и годныхъ производить въ студенты, а негодныхъ отдавать въ Академію Художествъ».

Составители регламента сознавали, по видимому, однако, что такое ничтожное число казеннокоштныхъ студентовъ и учениковъ гимназіи не можетъ удовлетворить образовательныхъ потребностей обширнаго государства. «Ежели такимъ образомъ», сказано въ статьѣ 39-й, «заведены науки, то сіе извѣстно, что

въ государствѣ люди способные весьма надобны, и такъ изъ университета не одни только будутъ такіе происходить, которые бы наполняли корпусъ Академической; но то бы весьма не мѣшало, ежели бы во всѣхъ состояніяхъ, какъ военномъ, такъ и гражданскомъ, внутри и внѣ государства были Россійскіе люди ученые». Для этого привлекался и кадетскій корпусъ, въ которомъ надѣялись отъискать тоже слушателей профессорскихъ лекцій. «Для сего надобно изъ кадетскаго корпуса тѣхъ, кто желаетъ и статскихъ наукъ обучаться, на такія лекціи въ университетъ отсылать, которыхъ у нихъ не учатъ, дабы профессоры никогда не были праздны, и тѣмъ не отговаривалися, что у нихъ нѣтъ учениковъ». (статья 40). Доступъ въ университетъ открытъ былъ для лицъ всѣхъ сословій, кромѣ положенныхъ въ подушный окладъ. Университетъ не предоставлялъ прежде никакихъ служебныхъ правъ окончившимъ въ немъ курсъ, какъ другія спеціальныя высшія заведенія, и этимъ объясняли неимѣніе желающихъ поступать въ него. Это препятствіе къ пополненію университета студентами отстранялось отчасти слѣдующимъ постановленіемъ: «Кто обучался на своемъ содержаніи, того Академія въ свою службу удержать не можетъ, и онъ къ корпусу академическому не принадлежитъ; а ежели обучатся такіе люди высокихъ наукъ, о такихъ дѣлать представленіе въ надлежащихъ мѣстахъ, дабы они опредѣлены были въ штатскіе чины по достоинствамъ ихъ, и давать имъ ранги оберъ-офицеровъ армейскихъ». (статья 42).

Точнаго раздѣленія наукъ по факультетамъ не сдѣлано; сказано только, что «лекціи имѣютъ быть трехъ классовъ, какъ то: математическія, физическія и гуманіора» (статья 38). 45 статья исчисляетъ науки, преподаваемыя въ университетѣ. «Науки», сказано въ ней, «въ университетѣ отправляются слѣдующія: 1) латынскій языкъ чрезъ русской, въ который не долженъ мѣшаться никакой иностранный—французскій и нѣмецкій; 2) просодія; 3) языкъ греческій; 4) латинское краснорѣчіе; 5) ариѳметика; 6) рисовать; 7) геометрія и прочія части математики;

8) географія, исторія, генеалогія и геральдика; 9) логика и метафизика; 10) физика теоретическая и экспериментальная; 11) древности и исторія литеральная; 12) права натуральныя и философія практическая, или нравоучительная». На всѣ эти предметы назначено было пять профессоровъ.

Наборъ студентовъ изъ семинаристовъ въ 1748 году.

Предоставленіемъ президенту Академіи выбрать въ университетъ, на основаніи 37 статьи Регламента, «изъ училищъ Россійскихъ 30 учениковъ способныхъ и знающихъ уже латинскій языкъ», ясно указывалось на духовно-учебныя заведенія, въ которыхъ только и учились тогда по латыни. По этому, «въ канцеляріи Академіи Наукъ за благо разсуждено», сказано въ протоколѣ 9 февраля 1748 года, «чтобы тѣ ученики имѣли быть выбраны токмо изъ семинарій Александроневскаго монастыря и изъ Новгородской, да изъ Москвы изъ училищнаго Спасскаго монастыря по пропорціи, того ради опредѣлено: въ Свят. Сѵнодъ взнесть доношеніе, которымъ требовать, егда отъ Академіи для выбору тѣхъ учениковъ опредѣлены будутъ профессоры, и кто изъ учениковъ, по ихъ изобрѣтенію, способенъ въ Академію явится, оныхъ бы изъ тѣхъ мѣстъ отпущать безпрекословно, причемъ бы тѣ учители, у которыхъ выбранные ученики учились, профессорамъ Академическимъ давали бъ о состояніи ихъ и о добронравіи аттестаты». Для выбора семинаристовъ въ Академическій университетъ назначены были: въ Александроневскую семинарію профессора Фишеръ и Броунъ, и адъюнктъ Тепловъ, а въ Московскую славяно-греко-латинскую Академію и въ Новгородскую семинарію посланъ былъ профессоръ Тредьяковскій. Такимъ образомъ, Заиконоспасская Академія, Петербургская и Новгородская семинаріи должны были доставить университету по десяти студентовъ; но Петербургскій архіепископъ Θеодосій, несмотря на настоянія Академіи, согласился уступить изъ своей семинаріи только четырехъ учениковъ, такъ что общее число студентовъ изъ семинаристовъ составило 24 человѣка, и въ числѣ ихъ весьма извѣстный впослѣдствіи академикъ Румовскій. Выбранные въ Александроневской семи-

наріи четыре ученика не были достаточно подготовлены для слушанія профессорскихъ лекцій, потому сдѣлано было распоряженіе «обучаться имъ нѣкоторое время въ гимназіи, ибо оные отъ профессоровъ принимать лекціи не гораздо еще въ хорошемъ состояніи»; кромѣ того, еще двухъ изъ присланныхъ въ студенты семинаристовъ велѣно было «послать на нѣсколько времени въ Академическую гимназію латынскому языку учиться».

Ректорство Мюллера (1748—1750 года).

10 ноября 1747 года Мюллеръ назначенъ былъ ректоромъ университета.

Распредѣленіе лекцій въ 1748 г.

Въ мартѣ 1748 года предложено было профессорамъ представить немедленно ихъ программы, а 18 апрѣля начать чтеніе лекцій; но это не состоялось, какъ видно изъ протокола 14 апрѣля, въ которомъ сказано: «Хотя минувшаго марта отъ 29 числа сего года посланныхъ изъ канцеляріи Академіи Наукъ въ собраніе историческое[1]) указовъ и велѣно, чтобы господамъ профессорамъ читать лекціи студентамъ, и къ началу того назначено 18 число сего апрѣля, но понеже нынѣ какъ для худаго проходу чрезъ рѣку, такъ и за не взятьемъ остальныхъ изъ Невской семинаріи студентовъ, въ предположенное число начать лекціи невозможно, что отмѣняется до будущаго времени, какое назначено будетъ отъ канцеляріи». Несмотря на это, протоколомъ 19 апрѣля сдѣлано было слѣдующее распредѣленіе лекцій: «Понеже въ силу апробованнаго и собственноручно подписаннаго отъ Ея Императорскаго Величества о Академіи регламента», сказано въ этомъ протоколѣ, «профессоры академическіе должны студентамъ потребныя давать лекціи, того ради опредѣлено: 1) профессорамъ Тредіаковскому учить латынской элоквенціи, Крузіусу толковать латынскихъ авторовъ, древности и о чи-

[1]) 24 марта 1748 года опредѣлено быть при Академіи «особливому профессорскому собранію, которое называться должно собраніе историческое. Во ономъ все то прочтено и пересмотрѣно быть имѣетъ, что въ департаментѣ историческомъ сочинено будетъ, такожде и сочиненія, стихотворенія, критическія, философскія, и всѣ гуманіора, а при ономъ и расположенія, касающіяся до университета и гимназіи». Секретаремъ въ это собраніе назначенъ былъ Тредіаковскій.

стотѣ штиля, а при томъ бы и лекціи о исторіи литеральной давать, Фишеру — универсальной исторіи и хронологіи, Броуну давать курсъ философской, Рикману — математической, Вицгейму на обсерваторіи показывать охотникамъ руководство къ астрономіи и географіи, Бургарду читать курсъ анатомическій, Ломоносову — химическій, адъюнкту Крашенинникову учить исторіи натуральной и ботаникѣ, профессору Штрубу изъяснить натуральныя и народныя права, ректору и исторіографу Миллеру написать каталогъ лекціямъ и программу на латынскомъ языкѣ, которую программу перевесть на россійскій языкъ профессору Ломоносову, послѣ чего оное, по апробаціи и подписаніи патентною формою, напечатать. А дабы въ Россійской Имперіи извѣстно было какимъ наукамъ при Академіи въ Санктпетербургѣ въ университетѣ обучаютъ, то тому нѣсколько сочиня экземпляровъ, послать въ Св. Прав. Сѵнодъ, въ Прав. Сенатъ, въ коллегіи, канцеляріи и конторы, а нѣсколько и къ вѣдомостямъ пріобщить. Въ расположеніи дней и часовъ ректору и исторіографу Миллеру смотрѣть того, чтобъ тѣ часы академиковъ не отданы были на лекціи, которые имъ опредѣлены на собраніе, такимъ же образомъ и того же наблюдать и въ разсужденіи членовъ собранія историческаго. А при томъ университетскимъ профессорамъ опредѣлено было по два часа на день для читанія лекцій».

Профессора все таки не начинали лекцій, и студенты оставались безъ занятій; только Тредіаковскій и Крузіусъ изготовили свои курсы, потому и предложено имъ было преподавать порученные имъ предметы. «Понеже для нѣкоторыхъ резоновъ», сказано въ протоколѣ 11 мая, «еще всѣ лекціи при университетѣ начать невозможно, а присланные изъ Москвы и Новагорода студенты до тѣхъ поръ напрасно время свое тратить могутъ, того ради въ канцеляріи опредѣлено: господамъ профессорамъ Тредіаковскому начать свои лекціи съ пятаго на десять числа сего мѣсяца о штилѣ и чистотѣ латынскаго языка, а Крузіусу начать толковать авторовъ классическихъ, исторію

литеральную соединя съ древностями. Господинъ Тредіаковскій имѣетъ читать свои лекціи всѣмъ двадцати студентамъ пополудни отъ втораго по пятой часъ, а Крузіусу поутру отъ девятаго по двѣнадцатой часъ, также для всѣхъ студентовъ. Оныя лекціи такимъ порядкомъ продолжаться имѣютъ по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ, пятницамъ и субботамъ, до тѣхъ поръ, пока генеральное для другихъ профессоровъ и ихъ лекцій распредѣленіе учинено не будетъ. А какихъ авторовъ и какимъ методомъ трактовать помянутыя лекціи профессоры Тредіаковскій и Крузіусъ намѣрены, о томъ имъ подать въ канцелярію репортъ».

Изъ дѣлъ Академической канцеляріи не видно, чтобы постановленное ею распредѣленіе лекцій между профессорами когда либо было приведено въ исполненіе. Между тѣмъ, одинъ изъ двухъ преподававшихъ профессоровъ былъ въ скорости уволенъ. Въ протоколѣ 27 апрѣля 1749 года находимъ: «Указомъ Ея Императорскаго Величества, полученнымъ изъ Москвы отъ главной конторы Академіи Наукъ сего апрѣля отъ 20 числа велѣно: профессора Крузіуса, весьма за худые его и предосудительные къ Академіи поступки, изъ службы Академической отпустить и жалованья ему производить токмо мая по 1 число сего 1749 году, а профессору Фишеру велѣть учить въ университетѣ элоквенціи, а исторіографу Миллеру — исторіи, и при томъ немедленно выписать другаго способнаго и въ латынскомъ штилѣ искуснаго человѣка». Но Фишеръ этого не исполнилъ: «хотя профессору Фишеру», сказано въ протоколѣ 18 іюня 1750 года «велѣно было продолжать лекціи профессора Крузіуса, но того и по нынѣ не учинено, подъ такимъ видомъ, что смотрѣніе надъ студентами и ректорство въ гимназіи столь много труда ему причиняютъ».

Еще прежде увольненія Крузіуса, именно въ февралѣ, прекращены были лекціи Тредіаковскаго о красотѣ латынскаго языка, для того, чтобы доставить студентамъ болѣе времени къ занятію новыми иностранными языками.

Инспекторство Фишера (1748—1750 г.). — Студенческое общежитіе (1748 года).

Студенты обязаны были, по академическому регламенту, жить въ одномъ домѣ; надзоръ за ними порученъ былъ профессору Фишеру, которому отведена была въ томъ же домѣ квартира. «Понеже академическіе студенты», сказано въ протоколѣ 3 августа 1748 года, «жительство свое имѣютъ въ домѣ бароновъ Строгановыхъ въ особливыхъ покояхъ, а надзирателя надъ ними такого, который бы могъ ихъ подъ своимъ всегдашнимъ смотрѣніемъ имѣть, еще не опредѣлено, а за потребно разсуждено всѣхъ студентовъ въ смотрѣніе препоручить г-ну профессору и гимназіи ректору Фишеру, чего ради неотмѣнно надлежитъ ему г-ну профессору и самому, для близости и наивсегдашнему надъ ними надзиранію, жительство имѣть въ томъ же домѣ». Предполагалось принять студентовъ на полное казенное содержаніе; но академическая канцелярія нашла нужнымъ спросить сначала ихъ самихъ: согласны ли они на то. «Понеже канцелярія Академическая», записано въ протоколѣ 15 октября, «имѣетъ намѣреніе, чтобы всѣхъ академическихъ студентовъ содержать какъ пищею, такъ платьемъ и обувью, и прочимъ на коштѣ казенномъ, а жалованья бъ имъ уже такого, какое нынѣ кто получаетъ, не производить; однако могутъ ли то студенты за удовольствіе себѣ почесть, того еще не извѣстно; того ради опредѣлено: къ профессору Фишеру послать ордеръ, чтобъ оный, всѣхъ студентовъ соединя, взялъ отъ нихъ голосы: желаютъ ли они быть на такомъ казенномъ содержаніи, или желаютъ всѣ остаться на нынѣшнемъ содержаніи». Студенты отказались отъ казеннаго содержанія, и мысль объ устройствѣ интерната была оставлена. Въ протоколѣ 26 мая 1749 года значится: «Понеже въ прошломъ 1748 году канцелярія академическая имѣла намѣреніе, чтобъ всѣхъ академическихъ студентовъ содержать на казенномъ провизіею трактаментѣ, чего ради и принятъ былъ въ повары дворцоваго умершаго истопника Аѳанасья Яковлева сынъ его Алексѣй Афанасьевъ, съ жалованьемъ по 50 рублевъ въ годъ, о чемъ и опредѣленіе учинено августа 10 дня 1748 году, а октября 24 числа по нежеланію студен-

товъ быть на казенномъ трактаментѣ, оное канцелярскою резолюціею отмѣнено, чего ради и помянутому Алексѣю Афанасьеву поваромъ уже быть не при чемъ».

Студенты стѣснялись, повидимому, общежитіемъ и старались, подъ разными предлогами, хотя временно изъ него высвободиться; такъ стали они проситься ходить ко всенощной. «Въ канцелярію Академіи Наукъ», сказано въ протоколѣ 10 мая 1749 года, «отъ профессора и гимназіи ректора Фишера репортомъ представлено о студентахъ, что они требуютъ себѣ позволенія ходить къ всенощному бдѣнію, а въ которые дни, тому приложенъ отъ него реестръ, а позволенія онъ имъ въ томъ дать безъ канцеляріи не можетъ. И на оное объявить ему ордеръ, что сіе дѣло весьма за полезное и по закону христіанскому благоугодное почитается, о такомъ ихъ желательствѣ и ревности добрые службы, не токмо въ праздничные, но и въ воскресные дни ко всенощнымъ и къ божественной литургіи желающихъ отпускать дозволяется; только того накрѣпко ему надъ ними наблюдать, чтобъ, по отшествіи всенощной и обѣдни, (о чемъ извѣстно всякому какое время тѣми службами занимается) всѣ единокупно въ настоящій часъ возвратились и въ квартирахъ своихъ были. Надлежитъ же крайне примѣчать, чтобъ, подъ видомъ всенощной или обѣдни, инымъ какимъ случаемъ кто изъ нихъ не пользовался; ежели же, паче чаянія, кто, вмѣсто богомолія, будетъ въ какомъ иномъ мѣстѣ, и явится въ пьянствѣ, или въ иной какой продерзости, о такихъ непремѣнно ему репортовать въ канцелярію».

Академическое начальство имѣло основаніе не довѣрять особой религіозности студентовъ и не полагаться на ихъ добронравіе, потому что еще прежде знало о дурномъ поведеніи многихъ изъ нихъ. Такъ въ протоколѣ 8 февраля 1749 года отмѣчено: «Въ прошломъ 1748 году августа 5 числа, по опредѣленію канцеляріи Академіи Наукъ, посланъ ордеръ гимназіи къ ректору и профессору г-ну Фишеру, въ которомъ, между прочимъ, написано, чтобъ надъ студентами прилѣжное имѣть смотрѣніе,

дабы въ свободное время отъ лекцій всегда были при своихъ квартирахъ, и крайне наблюдать, чтобъ между ими пьянства не происходило, и въ квартирѣ поступали бъ благочинно. А понеже нынѣ въ канцеляріи увѣдомленось, что студенты по ночамъ гуляютъ и пьянствуютъ, и въ подозрительные домы ходятъ, и оттого опасныя болѣзни получаютъ, и ученіе свое тѣмъ оставляютъ, и, во отвращеніе всего того, послать къ помянутому господину Фишеру въ подтвержденіе ордеръ, чтобъ онъ прежній ордеръ со всякимъ прилѣжаніемъ исполнялъ, и по ночамъ въ квартирахъ всѣхъ студентовъ самъ осматривалъ, не полагаясь въ томъ на старшихъ студентовъ, а къ надзирателю Боку послать ордеръ же, чтобъ онъ въ домѣ Строгановыхъ ворота и калитку, которые къ Демидову дому, также и дверь на крыльцо изъ сѣней палатныхъ къ рѣкѣ на глухо заперъ, чтобъ отнюдь ни мало ходу никому не было, а былъ бы только ходъ въ одни ворота; а часоваго поставить на дворъ въ сѣняхъ и приказать на-крѣпко чтобъ ни одного студента днемъ, а особливо ночью съ двора отнюдь не спускать, а развѣ о которомъ отъ профессора Фишера приказано будетъ».

Фишеръ былъ вспыльчивъ и крайне раздражителенъ, что не могло не быть извѣстнымъ Академіи, послѣ разныхъ эксцентрическихъ его выходокъ во время Сибирскаго путешествія. Онъ не могъ справиться съ 20 студентами, и требовалъ крутыхъ противъ нихъ мѣръ. «Отъ профессора и ректора Фишера марта 20 поданъ репортъ», записано въ протоколѣ 7 апрѣля 1749 года, «которымъ онъ объявляетъ, что студенты день ото дня, отъ часу, хуже себя ведутъ, и ихъ безъ великаго принужденія усмирить не возможно, и для того проситъ дать въ университетѣ шесть или восемь человѣкъ солдатъ, которые бъ были подъ его командою. Но понеже имѣющіеся при Академіи Наукъ караульные солдаты такъ раздѣлены, что ни одного солдата изъ нихъ въ другое мѣсто командировать нельзя, и для наступающей компаніи (тогда дѣлались приготовленія на случай войны съ Швеціею) прибавки оныхъ надѣяться не можно,

то въ канцеляріи Академіи Наукъ опредѣлено: на первый пунктъ первое дать Фишеру ординарца изъ академическихъ солдатъ Астафья Табырева, которому безъотлучно при немъ быть, и всѣ приказанія его, до казенныхъ нуждъ касающіяся, безъ всякой отговорки исполнять; второе, академическому караульному унтеръ-офицеру приказать, что ежели профессоръ Фишеръ чрезъ даннаго ему ординарца потребуетъ солдатъ, и прикажетъ кого нибудь взять подъ караулъ, тобъ учинить ему оное, не спрашиваясь уже канцеляріи, а на другой день репортовать о томъ въ канцелярію, что чинить и профессору Фишеру; на второй пункъ пріискать ему Фишеру двухъ человѣкъ добросовѣстныхъ и трезвыхъ, на которыхъ бы ему положиться можно было, и канцеляріи ихъ представить, а канцелярія, принявши ихъ, ему отдастъ; на третій пунктъ, понеже ему опредѣленъ въ первомъ пунктѣ ординарецъ, то особливый человѣкъ ему уже не надобенъ; на четвертый пунтъ, немедленно подать ему о семъ въ канцелярію свое мнѣніе, послѣ чего воспослѣдуетъ на то опредѣленіе; на пятый пунктъ, часовому стоять не у воротъ, но на крыльцѣ, караульному унтеръ-офицеру послать ордеръ, чтобъ онъ часовымъ отдалъ строгій приказъ, дабы они студентовъ со двора не спускали, и не брали за то съ нихъ окупу, и которые въ томъ приличатся, то бъ по военному порядку жестоко наказаны были».

Вѣроятно, Фишеръ жаловался въ то же время на студентовъ и президенту Академіи графу Разумовскому, находившемуся тогда въ Москвѣ, потому что въ протоколѣ 14 апрѣля сохранилось такое постановленіе: «Указомъ Ея Императорскаго Величества, присланнымъ изъ Москвы, изъ главной канцеляріи[1]) Академіи Наукъ (то есть отъ Теплова, секретаря президента) отъ 6 числа сего апрѣля подъ № 58, здѣсь же полу-

[1]) Въ декабрѣ 1748 года графъ Разумовскій, отправляясь въ Москву, для сопровожденія Императрицы, устроилъ двѣ Академическія канцеляріи: Петербургскую подъ вѣденіемъ Шумахера и главную Московскую, подъ начальствомъ Теплова.

ченнымъ сего-жъ апрѣля 12 числа, велѣно: студентовъ Алексѣя Протасова, Василья Теплова и Антона Барсова, что они прошедшаго февраля 28 числа били студента жъ Козленицкаго, посадить въ карцеръ и держать двѣ недѣли, и давать имъ чрезъ то время одинъ хлѣбъ съ водою, а денегъ имъ не давать больше какъ потребное число во время ихъ сидѣнія и, по освобожденіи, по препорціи, а впредь, смотря по винамъ, штрафовать тѣхъ студентовъ, до апробаціи университетскаго регламента, по разсужденію здѣшней Санкпетербургской канцеляріи Академіи Наукъ.

Занятія студентовъ (1749 года).

Студенты изъ семинаристовъ не знали новыхъ иностранныхъ языковъ; нѣкоторые изъ нихъ пожелали выучиться по французски и по нѣмецки, потому ректоръ Мюллеръ представилъ о преподаваніи имъ этихъ предметовъ учителями гимназіи, что и было разрѣшено. «Указомъ Ея Императорскаго Величества изъ главной канцеляріи Академіи Наукъ», говорится въ протоколѣ 23 февраля 1749 года, «повелѣно: «по репорту г-на профессора Миллера въ университетѣ студентамъ учиться нѣмецкому и французскому языку, ибо безъ разумѣнія оныхъ благопоспѣшества въ наукахъ довольно быть не можетъ, въ назначенные отъ него г-на Миллера часы, чего ради желающимъ студентамъ дать въ томъ волю, а за первый случай, понеже свободнѣе нѣтъ, опредѣлить велѣно изъ гимназіи двухъ учителей, а именно: Герварта для начала французскаго языка и Миллера для нѣмецкаго языка». Прилѣжнѣйшіе изъ студентовъ сами сознавали недостаточную свою подготовленность въ латинскомъ языкѣ и по другимъ предметамъ, и просили дать имъ возможность доучиться по нимъ». Мюллеръ находилъ, что лучше всего было бы учредить для этого при гимназіи старшій, или ректорскій классъ, а до тѣхъ поръ поручить одному изъ профессоровъ заниматься съ ними. Это изложено въ протоколѣ 11 октября 1749 года: «На поданное отъ профессора и исторіографа Миллера сего октября 6 числа доношеніе, въ которомъ онъ представляетъ, что, за недостаткомъ нѣкоторыхъ университет-

скихъ студентовъ въ латынскомъ языкѣ и въ другихъ школьныхъ наукахъ, и по просьбѣ нѣкоторыхъ студентовъ, а именно: (слѣдуютъ десять фамилій, въ томъ числѣ Степанъ Румовскій) дабы приложить стараніе о обученіи ихъ вышеписаннымъ школьнымъ наукамъ, необходимо нужно при гимназіи учредить верхній классъ ректорскій, въ которомъ такіе студенты, вмѣстѣ съ учениками гимназіи обучены быть должны; а пока сіе не сдѣлается, то бъ кого назначить изъ профессоровъ, который бы грамматическія и реторическія правила имъ толковалъ, и задавалъ имъ компановать разныя экзерциціи, до штиля и до ораторіи касающіяся, и оныя экзерциціи поправлялъ бы, съ обстоятельнымъ изъясненіемъ, понеже, безъ такого основанія, всѣ труды ихъ въ вышнихъ наукахъ будутъ втуне, и Академіи впредь осужденіе. Того ради въ канцеляріи Академіи Наукъ опредѣлено: писать о семъ къ профессору и ректору гимназіи Фишеру, и требовать на то отъ него мнѣнія и способовъ какъ помянутыхъ студентовъ, до учрежденія верхняго класса, ректорскаго, должно обучать штилю, дабы они въ своемъ ученіи остановки не имѣли». Нельзя не признать полной основательности мнѣнія Миллера, что, для сознательнаго усвоенія университетскаго курса, молодымъ людямъ необходимо пройдти предварительно серьезную гимназическую школу, чего не сознавали многіе изъ его современниковъ, и что, къ сожалѣнію, не всѣми раздѣляется и въ наше время.

Студенты, болѣе другихъ подготовленные, обучали своихъ товарищей, и ими, между прочимъ, воспользовался президентъ Академіи, чтобы запять студентовъ во время вакацій. Это записано въ протоколѣ 2 августа 1749 года. «Понеже его сіятельство Академіи Наукъ господинъ президентъ графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій отъ 17 числа минувшаго іюля сего года письменно приказалъ, чтобъ студенты, во время вакаціи, совсѣмъ праздны не были, того ради дабы студенты Котельниковъ и Кузнецовъ, также и учители Гервартъ и Шенингъ продолжали ихъ обыкновенныя лекціи; а, сверхъ того,

учителю Андрею Грекову учить оныхъ студентовъ въ недѣлю по четыре раза рисовальному художеству, а въ прочіе дни тѣмъ студентамъ переписывать рѣчь г-на профессора Миллера, состоящую въ двадцати листахъ и исторію камчатскую, сочиненную адъюнктомъ Штеллеромъ, состоящую въ пяти дестяхъ». (Стеллеръ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ естественной исторіи; съ 1737 года путешествовалъ по Сибири, и умеръ на возвратномъ изъ нея пути въ Тюмени въ 1746 году. Составленное имъ описаніе Камчатки издано, на нѣмецкомъ языкѣ, въ 1774 году).

Нѣкоторые студенты преподавали въ гимназіи, что не могло не мѣшать ихъ университетскимъ занятіямъ, и Мюллеръ на это указывалъ, но безуспѣшно. Въ протоколѣ 18 мая 1750 года записано: студенты Волковъ, Сафоновъ и Барсовъ нѣсколько часовъ послѣ полудня учатъ въ гимназіи ариѳметикѣ, а изъ репорта г-на профессора Миллера, поданнаго имъ послѣ экзамена, надлежитъ заключить, якобы, упражняясь въ томъ, имѣли остановку въ настоящемъ своемъ ученіи. А понеже канцелярія Академіи Наукъ никоимъ образомъ допустить не намѣрена, чтобъ студентамъ, подъ какимъ бы то видомъ ни было, могло причиниться какое препятствіе въ ихъ ученіи, того ради г-ну профессору Фишеру симъ повелѣвается выбрать къ тому дѣлу охочихъ, которые бы письменно объявили, что такое дѣло упражняться имъ въ наукахъ не мѣшаетъ, и что такой трудъ добровольно принимаютъ на себя изъ награжденія, и о томъ въ канцелярію немедленно репортовать; почему канцелярія тѣмъ, которые примутъ на себя такое ученіе, опредѣляетъ награжденіе до 24-хъ рублевъ, сверхъ настоящаго ихъ жалованья». Соблазненные, вѣроятно, такимъ вознагражденіемъ, и уговоренные ректоромъ гимназіи, эти студенты согласились продолжать давать уроки въ гимназіи; въ протоколѣ 31 іюня записано: «сего мая 22 числа профессоръ Фишеръ репортомъ представилъ, что къ тому обученію студенты сами охотно желаютъ: Барсовъ, Сафоновъ и Волковъ, съ обѣщаннымъ имъ награжденіемъ, и тому уже обучаютъ».

Вакаціонное время въ университетѣ. (1749 г.).

Въ теченіе трехъ лѣтъ со времени утвержденія Академическаго регламента, послѣдовало относительно профессоровъ университета только одно распоряженіе президента, касающееся до вакацій. Графъ Разумовскій назначилъ было для нихъ время, но оказалось, что профессора еще прежде опредѣлили сами себѣ вакаціонное время и уже воспользовались имъ. Протоколъ 10 августа 1749 года описываетъ это такъ: «Понеже въ полученномъ изъ Москвы отъ ассесора г. Теплова къ совѣтнику г-ну Шумахеру сего августа 9 числа письмѣ написано: Его Сіятельство г-нъ президентъ, въ надеждѣ той, что г-да профессоры, разумѣя довольно силу Академическаго регламента, ничего собою не дѣлаютъ, безъ указа президентскаго, что касается до должности ихъ, и для того отъ 12 числа прошлаго мѣсяца далъ позволеніе имъ вакаціи имѣть до сентября 5 числа. А понеже они, несмотря на власть президентскую, сами себѣ опредѣлили гуляющіе дни, отъ 12 іюля по 12-ое августа, и по тому исполненіе дѣлаютъ; и его сіятельство приказалъ объявить, чтобъ прежній ордеръ о вакаціяхъ и вовсе уничтожить; и съ 13 августа вступить имъ въ свой трудъ неотмѣнно; а по какому указу и по которому регламента Академическаго пункту они сами себѣ, безъ воли главнаго ихъ комендапта, опредѣляютъ себѣ гуляющіе дни, такъ какъ то уже и неоднократно учинили, требовать отъ канцеляріи Санктпетербургской немедленно за ихъ руками отвѣта; ибо когда въ Академическомъ регламентѣ ничего о гуляющихъ дняхъ не упомянуто, а оставлено сіе до регламенту университетскаго, то тѣмъ больше должность ихъ есть или требовать о такихъ вакаціяхъ особливой резолюціи, или ожидать особливыхъ ордеровъ о томъ имъ объявлено будетъ, а предъускорять президентскихъ повелѣній своими опредѣленіями не должно. Того ради опредѣлено: въ академическое и историческое собранія, въ академію художествъ, въ университетъ профессорамъ, съ прописаніемъ о всемъ вышеписанномъ, дабы оные г-да профессоры о томъ немедленно исполненіе учинили, послать указы».

Учрежденіе о университетѣ 1750 г.

Академическимъ регламентомъ предоставлено было президенту академіи утвердить своею властію уставъ для университета. Графъ Разумовскій поручилъ составленіе этого устава Мюллеру, какъ ректору университета. «Понеже г-нъ профессоръ и историографъ Миллеръ опредѣленъ при Академіи Наукъ въ университетѣ ректоромъ» значится въ протоколѣ 13 іюня 1748 года, «а по силѣ регламента академическаго, за собственноручнымъ подписаніемъ Ея Императорскаго Величества конфирмованнаго, должно оному университету предписать особливый регламентъ, именемъ президентскимъ, по которому поступать должны учащіе и обучающіеся; того ради опредѣлено: помянутому г-ну ректору Миллеру сочинить со всякимъ осмотрительствомъ такія регулы для университета, какія бы какъ въ наукахъ, такъ и въ благонравіи учащихся поспѣшествовать могли, и, оныя сочиня, подать въ канцелярію для апробаціи». Когда приступили къ исполненію этого проекта, то убѣдились, что нѣтъ возможности составить университетскій уставъ, потому, что настоящій университетъ въ дѣйствительности не существовалъ, и не изъ чего было его составить, какъ по недостатку профессоровъ, такъ и по крайней незначительности числа студентовъ; поэтому, вмѣсто устава, сочинена была временная инструкція. Графъ Разумовскій объявилъ объ этомъ 10 августа 1750 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Понеже въ академическомъ регламентѣ въ 44 пунктѣ написано всѣ какъ профессоры и учители, такъ студенты и ученики, на академическомъ и своемъ содержаніи обрѣтающіеся, подвержены регламенту, который президентомъ сочиненъ быть долженъ, по примѣру европейскихъ университовъ, какимъ образомъ, и когда чего учить и обучаться; но понеже какъ учащіе, такъ и учащіеся понынѣ не находятся еще въ такомъ состояніи, по которому можно бы было сдѣлать совершенно университетскій регламентъ, а дабы въ семъ не произошло какого упущенія, то за благо я разсудилъ: до сочиненія регламента, учинить инструкцію, или учрежденіе на время о университетѣ и гимназіи».

Это «учрежденіе о университетѣ и гимназіи» не болѣе какъ дисциплинарныя правила, относящіяся какъ до профессоровъ, такъ въ особенности до студентовъ. О профессорахъ сказано въ статьѣ 25-ой: «Понеже съ удивленіемъ извѣщаюсь, что нѣкоторые изъ университетскихъ профессоровъ на лекціи свои безъ важныхъ причинъ либо вовсе не приходятъ, либо и приходятъ, да поздно, то за необходимую нужду почтено на такихъ лѣностныхъ положить штрафъ вычетомъ изъ жалованья, а именно за часъ вычитать дневное жалованье по окладу». Взысканія со студентовъ изложены подробно въ статьѣ 6-й слѣдующимъ образомъ: «Имѣть ему (ректору университета) смотрѣніе за ученіемъ и поступками жалованныхъ (то есть состоящихъ на жалованьѣ, или казенныхъ) студентовъ, и смотрѣть, чтобъ они добропорядочно жили, также и въ наукахъ по надлежащему упражнялись бы. Ежели же кто изъ нихъ въ чемъ провинится, то, по разсмотрѣнію дѣла, приказать ему штрафовать, а въ штрафованіи поступать такъ: 1) Ежели кто ослушаніе главной командѣ академической сдѣлаетъ, или какое либо непочтеніе, о такихъ ему немедленно репортовать въ канцелярію, дабы не упущено было съ ними поступить по указу, а до резолюціи отдать подъ караулъ. 2) Ежели противъ ректора и его адъюнкта, то за ректора на двѣ недѣли въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, а за адъюнкта на недѣлю. 3) Ежели профессоровъ и учителей, то за профессоровъ на недѣлю въ карцеръ, а за учителей на три дни. 4) Ежели обидятъ товарищей, или другаго кого словомъ, то въ карцеръ на день, а рукою, то въ канцелярію репортовать. 5) Ежели напьется пьянъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ, за другой—на двѣ, за третій въ канцелярію репортовать. 6) Ежели безъ вѣдома ректорскаго, или его адъюнкта, съ двора кто сойдетъ, то за первый разъ, по разсужденію ректорскому, посадить въ карцеръ, за другой—вдвое, за третій репортовать. 7) Ежели дома не ночуетъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ, за второй вдвое, за третій репортовать. 8) Ежели не придетъ на лекціи, то за первый разъ въ сѣрый кафтанъ на не-

дѣлю, за второй на двѣ, за третій—на три, и такъ далѣ. 9) Ежели заданаго уроку не выучитъ, то за первый разъ—въ сѣрый кафтанъ на день, за другой—на два, за третій—на три, и такъ далѣ. 10) Ежели въ кражѣ приличится, то репортовать въ канцелярію, а до резолюціи подъ караулъ отдать. 11) Чего ради при университетѣ имѣть нарочно сдѣланныхъ пять сѣрыхъ кафтановъ, и смотрѣть, чтобы штрафованные въ сѣрыхъ кафтанахъ такожде лекцій публичныхъ никакихъ не пропускали».

Ректорство Крашенинникова и инспекторство Модераха (1750—1755 г.).

Еще прежде утвержденія «Учрежденія о университетѣ», именно въ іюнѣ, уволены были Мюллеръ отъ ректорства, а Фишеръ отъ надзора за студентами, а ректоромъ университета назначенъ профессоръ Крашенинниковъ, «и къ нему придать», прибавлено въ протоколѣ 18 іюня, «адъюнкта г-на Модераха такимъ образомъ, чтобъ онъ, въ отсутствіе профессорскаго, подъ его смотрѣніемъ, исправлялъ все, что профессору желать должно».

При введеніи новыхъ правилъ для студентовъ, графъ Разумовскій, желая поощрить ихъ, приказалъ роздать шпаги 12-ти лучшимъ изъ нихъ (въ томъ числѣ Румовскому), что и занесено въ протоколъ 6 сентября такъ: «Его Высокографское Сіятельство, Академіи Наукъ г-нъ президентъ, за прилѣжное обученіе и за добрые поступки, изволилъ пожаловать шпаги нижеписаннымъ академическимъ студентамъ, а именно (слѣдуютъ ихъ фамиліи), и тѣ шпаги сего сентября 6 числа, во время публичной въ Академіи асамблеи, взнесены».

Напротивъ того, новый ректоръ университета дѣйствовалъ мѣрами строгости, какъ относительно профессоровъ, такъ и со студентами.

Прежде всего напалъ онъ на Мюллера, въ подчиненіи коего онъ находился, еще бывши студентомъ, во время сибирскаго путешествія, и выражаясь словами самого Мюллера, Крашенинниковъ «былъ у него подъ батожьемъ». Профессорамъ назначено было начать лекціи 10 сентября, и каѳедра исторіи отведена была Мюллеру; онъ отказался отъ нея, потому что уже

18 лѣтъ какъ не читалъ никакихъ лекцій. Вслѣдствіе этого состоялось 13 сентября слѣдующее постановленіе академической канцеляріи: «Понеже профессору исторіи, по новописанному о университетѣ и гимназіи учрежденію августа 10 дня сего 1750 года, по параграфу 15-му, назначено читать лекціи по понедѣльникамъ, вторникамъ, средамъ, четвергамъ и субботамъ 12 час., и толковать универсальную исторію съ хронологіею, и европейскую исторію, и политическую географію, которое учрежденіе въ университетъ и въ прочія мѣста, до кого оное принадлежитъ, для исполненія, и разослано, а сего сентября 7 числа, какъ объявлено чрезъ записку г-дамъ профессорамъ, чтобъ они начали лекціи сего жъ сентября 10 числа, то профессоръ Миллеръ на той запискѣ своеручно написалъ, что онъ отъ лекцій, по контракту, въ университетѣ уволенъ; и хотя въ контрактѣ его, заключенномъ ноября 20 дня 1747 года, въ 4-мъ пунктѣ, и написано, что онъ отъ лекцій уволенъ, то вмѣсто того отправлять ему ректорскую должность при университетѣ, которой онъ уже не отправляетъ; того жъ контракта во 2-мъ пунктѣ написано, чтобъ ему всякой годъ издать по одной книжкѣ сибирской исторіи, но отъ подписанія кантракта, чему безъ мала по сіе время три года, токмо одну книжку сибирской исторіи выдалъ, да и та не такое удовольствіе имѣетъ, какъ бы ей быть надобно, а жалованье отъ начала контракта получалъ полное, лекціи же опредѣлено ему нынѣ читать, вмѣсто того, къ чему онъ контрактомъ обязался, а нынѣ того не исполняетъ. А въ вышеописанномъ о университетѣ учрежденіи написано, что нѣкоторые изъ университетскихъ профессоровъ на лекціи свои, безъ важныхъ причинъ, либо вовсе не приходятъ, либо и приходятъ, да поздно, то за необходимую нужду почтено на такихъ лѣностныхъ наложить штрафъ вычетомъ изъ жалованья, а именно: за часъ вычитать дневное жалованье по окладу. Того ради, въ силу онаго учрежденія, опредѣлено: у онаго профессора Миллера за небытіе его при каждыхъ лекціяхъ, начиная отъ 10 числа сего сентября, вычитать за каждый часъ дневное его по окладу жалованье, и

когда онъ при лекціяхъ не будетъ, о томъ подавать профессору Крашенинникову въ канцелярію репорты, того ради на сію сентябрьскую треть жалованья ему, Миллеру, безъ особливаго указу не производить, а дабы онъ, Миллеръ, о семъ былъ свѣдомъ, и воли главнаго командира былъ послушенъ, и повелѣнное дѣло прилѣжно отправлялъ, и для того сіе объявить ему въ канцеляріи.» Мюллеръ не подчинился этому постановленію, и не хотѣлъ читать лекцій. — Тогда принесена была канцеляріею на него жалоба президенту, въ которой и исчислялись разныя его вины, основанныя болѣе на личномъ нерасположеніи къ нему вліятельныхъ въ академическомъ управленіи лицъ, и графъ Разумовскій разжаловалъ исторіографа Миллера изъ академиковъ въ адъюнкты. Но кара эта продолжалась недолго: «Понеже адъюнктъ Миллеръ», писалъ графъ Разумовскій 21 февраля 1751 года, «по собственному своему признанію, которое онъ учинилъ въ просительномъ своеручномъ письмѣ ко мнѣ сего 21 числа, что онъ чувствуетъ себя достойна того штрафу, которому онъ самъ случай своими поступками подалъ, того ради, въ надеждѣ его надобности въ Академіи, и ожиданіи многихъ отъ него дѣлъ, на которые не малое уже иждивеніе Ея Императорскаго Величества положено, возвращается ему чинъ его и достоинство по прежнему профессорское, а жалованье ему производить профессорское по тысячѣ рублевъ въ годъ, начавъ сего 21 числа февраля, и отъ всѣхъ дѣлъ его уволить, оставя токмо при одномъ сочиненіи сибирской исторіи, и сколько когда имъ оной на нѣмецкомъ языкѣ написано будетъ, оное подавать ему для переводу на русскій языкъ въ канцелярію».

Въ октябрѣ 1750 года Крашенинниковъ жаловался, что нѣкоторые профессора пропустили свои лекціи. Объ этомъ такъ записано въ протоколѣ 31 октября: «По новоподписанному о университетѣ и гимназіи учрежденію прошедшаго августа отъ 10 числа сего 1750 года по 25 параграфу, за небытіе профессоровъ на лекціяхъ положенъ штрафъ вычетомъ изъ жалованья, а именно за часъ дневное жалованье по окладу, да въ томъ же

учрежденіи, въ 31-мъ параграфѣ, написано: ни профессорамъ, ни учителямъ не имѣть другихъ праздничныхъ дней, кромѣ положенныхъ Св. Пр. Сунодомъ въ табели, въ календарь сообщенной. А сего октября 29 числа профессоръ г-нъ Крашенинниковъ репортуетъ: ученіе въ университетѣ отправляется по силѣ учрежденія, только на лекціяхъ не были 29 числа сентября, а именно профессоры: Фишеръ, за праздникомъ, по нѣмецкому календарю, святаго архангела Михаила, прочіе же профессоры — Рикманъ, Броунъ и Краценштейнъ не читали, въ объявленіи же 29 числа изъ оныхъ Рикманъ извинялся болѣзнію, а прочіе о причинѣ небытности своей не объявляли, а бывшій тогда профессоръ, что̀ нынѣ адъюнктъ, Миллеръ, во весь сентябрь мѣсяцъ, считая съ 10 числа, не давалъ лекцій. Того ради въ канцеляріи Академіи Наукъ опредѣлено: къ объявленію профессорамъ Фишеру, Броуну и Краценштейну (кромѣ профессора Рикмана, который не былъ за болѣзнію) послать ордеръ, и во ономъ написать, чтобъ они поступали въ праздничные дни по русскому календарю, а не по нѣмецкому, а впредь ежели кто на тѣхъ лекціяхъ не будетъ, не объявя законныхъ причинъ, у тѣхъ по силѣ учрежденія, вычетъ чиненъ будетъ, не пріемля никакихъ отговорокъ. Что же касается до адъюнкта Миллера, за небытіе его при лекціяхъ, вычитать, по силѣ учиненнаго опредѣленія сентября 13 дня. И для того онаго опредѣленія изъ сего въ счетное повытье, чтобъ въ спискѣ при дачѣ жалованья отмѣчено было по подаваемымъ отъ профессора Крашенинникова репортомъ, дать копію».

Въ августѣ 1751 года Крашенинниковъ представилъ снова о пропущенныхъ профессорами лекціяхъ, и заявилъ академической канцеляріи, что они ихъ не возобновили послѣ вакацій. Объ этомъ изложено въ протоколѣ 19 августа слѣдующимъ образомъ: «Минувшаго іюня 9, до сего августа 12 числа, профессоръ г-нъ Крашенинниковъ репортами представлялъ: первымъ, что нѣкоторые г-да профессоры не были на лекціяхъ въ іюнѣ мѣсяцѣ: Фишеръ — 11, 15, 18, 26, итого пять дней;

Броунъ—10, 11, итого два дни; ректоръ Ротгакеръ (ректоръ гимназіи)—7, 18, 19, 20, 28, итого пять дней; вторымъ: прошедшаго іюля мѣсяца ученіе въ университетѣ продолжалось по начало каникулъ, а съ того времени никто изъ г-дъ профессоровъ не читалъ лекцій; отъ 1 іюля по 12 число не были при своихъ должностяхъ г-да профессоры: Фишеръ—3, 10 и 11 чиселъ, итого три дни; Броунъ—1 и 2 числа, итого два дни; Краценштейнъ, по окончаніи курса своего, понынѣ не читаетъ лекцій; ректоръ Ротгакеръ не былъ токмо одинъ день, а именно 2 числа іюля. А зачѣмъ оные профессоръ и ректоры не были, причины небытія ихъ не объявили». Канцелярія постановила: «то имъ на первый случай прощается, а впредь, ежели на лекціяхъ университетскихъ кто не будетъ, а законной причины, или о болѣзни, зачѣмъ кому быть невозможно, не объявитъ, у такихъ за ослушаніе, по силѣ учиненнаго его сіятельствомъ учрежденія, учиненъ будетъ вычетъ безъ опущенія».

Однако, всѣ эти угрозы и понужденія не заставили профессоровъ исполнять ихъ обязанности; такъ въ протоколѣ 23 сентября 1753 года находимъ слѣдующее заявленіе: «при университетѣ никакихъ лекцій нѣтъ, кромѣ лекцій г-на профессора Броуна».

Со студентами Крашенинниковъ поступалъ самымъ безобразнымъ образомъ: находя, что заключеніе въ карцеръ и одѣяніе въ сѣрый кафтанъ не достаточно ихъ исправляютъ, онъ предлагалъ сѣчь ихъ розгами, предъ ихъ товарищами, и получалъ на то разрѣшеніе. Повѣствованіе объ этомъ находимъ въ нѣсколькихъ академическихъ протоколахъ. Такъ въ протоколѣ 23 марта 1751 года внесено слѣдующее: «Его высокографское сіятельство Академіи Наукъ г-нъ президентъ, слушавъ поданнаго въ канцелярію Академіи Наукъ отъ профессора и университета ректора г-на Крашенинникова репорта, которымъ представлено: сего мѣсяца 10 числа видѣлъ онъ нѣкоторыхъ студентовъ во время службы Божіей шатающихся по улицамъ, которые изъ университета въ церковь отпущены были, за что

приказалъ онъ посадить ихъ въ карцеръ, и изъ того числа Иванъ Барковъ (довольно извѣстный впослѣдствіи эротическій писатель, † 1768 году), ушелъ изъ университета безъ позволенія, пришелъ къ нему, Крашенинникову, въ домъ, съ крайнею наглостію и невѣжествомъ, учинилъ ему прегрубые и предосадные выговоры съ угрозами, будто онъ его напрасно штрафуетъ, а наконецъ, сказавъ, что онъ радъ сидѣть въ карцерѣ, токмо онъ писать на него будетъ, и хлопнувъ дверью такъ, что она отворилась настежъ, ушелъ; и тою наглостію не удовольствовавшись, бѣгалъ онъ по нѣкоторымъ изъ г-дъ профессоровъ, и клеветалъ на него, г-на профессора, и на своихъ товарищей. И ежели сей поступокъ отпущенъ ему будетъ безъ штрафа, то другимъ подастся поводъ къ бо̀льшимъ наглостямъ, а карцеръ и сѣрый кафтанъ, чѣмъ они штрафуются, ни мало ихъ отъ того не удерживаетъ. И въ разсужденіи онаго представленія, что оные студенты отъ такого штрафа сажаніемъ въ карцеръ и надѣваніемъ сѣраго кафтана ни мало отъ худыхъ поступокъ воздерживаются, изволилъ приказать: показаннаго студента Баркова за такую учиненную имъ продерзость, въ страхъ другимъ, при собраніи всѣхъ студентовъ, высѣчь розгами; да и впредь, ежели кто изъ оныхъ студентовъ явится въ такихъ же худыхъ поступкахъ, оныхъ по тому жъ наказывать розгами, кто бы како̀го возраста не былъ. О наказаніи же помянутаго студента Баркова къ вышеписанному г-ну профессору Крашенинникову послать ордеръ, въ которомъ написать, чтобъ онъ впредь о являющихся въ продерзостяхъ, достойныхъ таковому наказанію, студентахъ представлялъ канцеляріи, откол̀ѣ о учиненіи того наказанія посылать ордеры, а безъ вѣдома канцеляріи никого тѣмъ штрафомъ не наказывать». Въ протоколѣ 18 января 1752 года занесено: «Сего 1752 года генваря 15 числа профессоръ Крашенинниковъ репортомъ представляетъ: Сего де генваря 13 числа велѣно было посадить въ карцеръ двухъ студентовъ, а именно: Фадея Охтенскаго да Петра Добротворскаго, за то что Охтенской пришелъ въ университетъ поздно, мертвъ

пьянъ, а Добротворскій, репортуясь больнымъ, не ходитъ на лекціи, а со двора почти ежедневно ходитъ безъ спросу и вѣдома; но оба помянутые студенты оказали себя непослушными, и столь наглыми, что Охтенской, разругавъ г-на Модераха, сказалъ, что онъ перваго того заколетъ, кто его подъ караулъ брать будетъ, а Добротворской заперся въ лазаретѣ, и не пошелъ же въ карцеръ, и ночью ушелъ со двора безъ вѣдома, и гдѣ былъ неизвѣстно. И за такіе оныхъ студентовъ худые и командѣ противные поступки опредѣлено: въ страхъ другимъ, въ силу объявленнаго отъ его сіятельства Академіи Наукъ г-на президента опредѣленія, высѣчь ихъ въ университетѣ, при собраніи всѣхъ студентовъ, розгами нещадно, при присутствіи г-на Крашенинникова и адъюнкта г-на Модераха..., а ежели впадутъ паки въ какія продерзости, то, по жесточайшемъ наказаніи, имѣютъ отосланы быть въ матросскую службу». Въ протоколѣ 10 іюня 1753 года записано: «Яремскаго (студента) за кричаніе караула, за пьянство и за драку высѣчь, при собраніи всѣхъ студентовъ, розгами нещадно». 12 іюля 1754 года Академическая канцелярія представляла графу Разумовскому: 1753 года сентября 20 дня г-нъ профессоръ Крашенинниковъ репортомъ представилъ, что Братковскій (студентъ) въ университетѣ не ночуетъ нѣсколько ночей, и въ пьянствѣ потерялъ шпагу, за что изъ университета выключенъ, и опредѣленъ въ географическій департаментъ, гдѣ будучи, къ дѣлу своему нѣсколько дней хожденія не имѣлъ, и казенный мундиръ пропилъ, и за то высѣченъ розгами, и содержанъ былъ не малое время подъ карауломъ». Кромѣ того, Крашенинниковъ придумалъ отнимать у провинившихся студентовъ мундиры и шинели, что и изложено въ протоколѣ 23 сентября 1752 года такъ: «Профессоръ г. Крашенинниковъ репортомъ представилъ: Сего де сентября 16 числа объявлено ему отъ адъюнкта господина Модераха, что съ 14 на 15 число въ ночи происходила драка между студентами Полидорскимъ и Охтенскимъ, которые, какъ думать можно, были пьяны; однако начинатель

ссоры былъ Полидорскій, для того, что Охтенскаго, уже сонна́го, по щекѣ ударилъ; а понеже ему, профессору, о такихъ случаяхъ велѣно доносить канцеляріи письменно, а при томъ онъ проситъ, чтобъ Полидорскаго изъ университета вывесть, для того, что онъ ни на какія лекціи не ходитъ, токмо худымъ житіемъ своимъ другихъ портитъ. А которые студенты часто въ пьянствѣ и въ другихъ порокахъ приличатся, то, по его мнѣнію, чувствительнѣе будетъ наказаніе, ежели у нихъ мундиры и епанчи (плащи) отбираны будутъ до исправленія. А чѣмъ будутъ они въ платьѣ недостаточнѣе, тѣмъ уповательно скорѣе исправятся, ибо примѣчено имъ, что карцеръ не доволенъ къ ихъ исправленію. И ежели оное канцелярія апробуетъ, то бъ дать ему о томъ указъ, или ордеръ. И по тому онаго профессора репорту канцелярія Академіи Наукъ опредѣлила: студента Полидорскаго, который находится въ географическомъ департаментѣ, изъ университета вывесть и впредь его туда ни подъ какимъ видомъ не допущать, а что онъ въ такихъ худыхъ поступкахъ явился, за то у него убавить жалованья.... Что-жъ касается до поступокъ съ прочими студентами, оныхъ профессору г-ну Крашенинникову, по разсмотрѣнію ихъ винъ, въ силу его высокографскаго сіятельства, Академіи Наукъ г-на президента опредѣленія, наказывать розгами, карцеромъ, такожъ, какъ онъ представилъ, отбирать у нихъ мундиры и епанчи».

Хотя всѣ эти унизительныя для студентовъ наказанія закрѣплены именемъ президента Академіи, но позволительно думать, что графъ Разумовскій не сочувствовалъ имъ, и имѣлъ о молодежѣ лучшее понятіе. «О студентахъ и ихъ наукахъ», писалъ онъ 1 августа 1751 года Шумахеру изъ Глухова, «какъ возможно прилагать извольте тщаніе, понеже сіе учрежденіе есть наилучшій плодъ трудовъ академическихъ. Когда не будутъ профессоры изъ нихъ, то могутъ быть изъ нихъ добрые и исправные переводчики, или учители въ гимназію первыхъ классовъ латынскаго языка. Что же до ихъ шалостей касается въ житіи, въ томъ, разсуждая ихъ молодые лѣта, не вовсе над-

лежитъ отчаяваться, а стараться сколько возможно о ихъ исправленіи, когда уже не малый коштъ и время на нихъ потеряно».

Относительно учебныхъ занятій студентовъ сдѣлано было, при Крашенинниковѣ, нѣсколько распоряженій. Подтверждено было введенное Мюллеромъ обученіе ихъ новымъ иностраннымъ языкамъ, но не въ гимназіи, какъ прежде, что̀ оказалось неудобнымъ, а черезъ особыхъ учителей. Протоколъ 15 іюля 1751 года излагаетъ это такъ: «Сего іюля 9 дня профессоръ, университета ректоръ, а гимназіи инспекторъ г-нъ Крашенинниковъ репортомъ въ канцелярію Академіи Наукъ представляетъ: Понеже студентамъ необходимо надлежитъ обучаться нѣмецкому и французскому языкамъ, да и сами они того желаютъ, но по утрамъ, будучи заняты профессорскими лекціями, не могутъ ходить въ классы (то есть въ гимназію), а пополудни языкамъ не обучаютъ (въ гимназіи), то не соблаговолено ли будетъ пріискать для нихъ особливыхъ учителей помянутыхъ языковъ, или бы приказать академическимъ информаторамъ, которые къ тому способны, обучать ихъ пополудни, съ обѣщаніемъ награжденія. А понеже ко обученію тѣхъ студентовъ охоту имѣютъ обучать академическіе учители: Кожинъ — нѣмецкому, Сужи — французскому языкамъ (оба они были учителями гимназіи), и, по призывѣ въ канцелярію, объявили, чтобъ за то, яко сверхъ ихъ должности, обученіе дано бы было имъ пристойное награжденіе, и назначить бы имъ часы; того ради опредѣлено: оныхъ студентовъ обучать, а именно: Кожину — нѣмецкому языку, по понедѣльникамъ и по четвергамъ по два часа, пополудни пятый и шестой часы; Сужи — французскому языку, по вторникамъ и пятницамъ тѣ же часы пополудни, и за тотъ ихъ излишній трудъ, сверхъ гимназическаго, дать въ награжденіе каждому по шести рублевъ на мѣсяцъ, сверхъ ихъ жалованья..., а каково оные информаторы при обученіи тѣхъ студентовъ поступать будутъ, и съ добрымъ ли успѣхомъ, о томъ профессору университета, ректору, а гимназіи инспектору г-ну Крашенин-

никову во вся мѣсяцы канцеляріи репортовать». Крашенинниковъ замѣтилъ также, что большинство студентовъ слабы въ русскомъ языкѣ, и находилъ необходимымъ упражнять ихъ въ русскихъ сочиненіяхъ и переводахъ, принимая это на себя. Въ протоколѣ того же 15 іюля говорится: «Сего іюля 8 числа профессоръ, университета ректоръ, а гимназіи инспекторъ г-нъ Крашенинниковъ репортомъ въ канцелярію представлялъ: Понеже усмотрѣно имъ, что большая часть студентовъ лучше по латынѣ пишутъ, нежели по русски, и, разумѣя совершенно латынскаго автора, силы его не могутъ выразить на природномъ языкѣ, и чтобъ соблаговолено было оныхъ студентовъ по нѣскольку часовъ въ недѣлю обучать россійскому штилю и переводамъ; а понеже къ той должности нынѣ опредѣлить некого, то оный г-нъ Крашенинниковъ обученіе россійскаго штиля и переводамъ самопроизвольно пріемлетъ на себя по понедѣльникамъ и по пятницамъ, девятый и десятый часы. Того ради опредѣлено: россійскому штилю и переводамъ обучать ему, г-ну профессору, въ показанные дни и часы». Введено было также обученіе танцованію, «которое для нихъ необходимо потребно, дабы могли знать какимъ образомъ себя въ люди показывать; того ради», сказано въ протоколѣ 10 октября 1750 года, «въ пользу студентовъ и гимназистовъ, а въ славу академическую, сыскать танцовальнаго искуснаго учителя, которому въ новомъ каталогѣ дать два дня въ недѣлю». Сначала приглашенъ былъ для этого танцмейстеръ шляхетнаго кадетскаго корпуса Нестеровъ, но вскорѣ его замѣнили придворнымъ танцмейстеромъ Литровымъ. Студенты занимались также другъ съ другомъ, нѣкоторые изъ нихъ продолжали читать лекціи своимъ товарищамъ. Лучшіе изъ студентовъ имѣли позволеніе находиться въ профессорскихъ собраніяхъ, «сидѣть за стульями, и разговорами ихъ (профессоровъ) пользоваться», какъ сказано въ протоколѣ 12 декабря 1757 года.

Распредѣленіе лекцій въ 1753 году.

Въ январѣ 1753 году лекціи распредѣлены были между профессорами и студентами слѣдующимъ образомъ: 1) «г-ну Кра-

шенинникову выбрать нѣкоторыхъ изъ студентовъ перваго класса, кои бы студентамъ нижняго класса въ своей наукѣ лекціи читать могли; 2) профессору г-ну Броуну прочитать перваго класса философскія лекціи, въ коихъ продолжать философскую исторію, а напротивъ того имъ (то есть студентамъ перваго класса) обучать другихъ студентовъ первымъ основаніямъ философіи; 3) профессору г-ну Фишеру читать Плавта тѣмъ, кои наипаче опредѣлили себя къ гуманіорамъ и къ поэзіи,и уже хорошіе успѣхи въ латынскомъ языкѣ оказали, а которые въ ономъ языкѣ не столь достаточны, или къ помянутымъ наукамъ охоту имѣютъ, тѣмъ обучаться штилю латынскаго языка у ректора г-на Ротгакера, въ его классѣ (то есть въ гимназіи) дотолѣ, сколько намѣренію ихъ довольно будетъ; 4) при нынѣшнемъ состояніи Академіи, не можно студентамъ опредѣлить себя къ медицинѣ, ибо г-дъ профессоровъ другаго класса, въ коемъ обыкновенно также медики бываютъ, нынѣ медиками почесть невозможно, кромѣ анатомика; но оный лекціи давать въ медицинѣ охоты не имѣетъ, къ чему онъ, по силѣ своего контракта, не думаетъ быть обязанъ; 5) профессору г-ну Крашенинникову выбрать одного изъ студентовъ, который искуснѣе прочихъ въ переводѣ, и опредѣлить его въ Штенгеровъ классъ (конректорскій классъ въ гимназіи), чтобъ онъ съ нимъ, Штенгеромъ, въ томъ классѣ былъ вмѣстѣ, и обучалъ бы учениковъ россійскому переводу». Это распредѣленіе лекцій не было однако выполнено въ дѣйствительности, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ лекціи не читались вовсе.

Въ январѣ 1753 года произведенъ былъ экзаменъ всѣмъ 20-ти студентамъ. Семь изъ нихъ признаны были окончившими курсъ, въ томъ числѣ Румовскій. Канцелярія Академіи нашла, что тѣ изъ окончившихъ курсъ, которые предназначаютъ себя къ наукамъ математическимъ и физическимъ, могутъ быть назначены адъюнктами; тѣхъ же, которые думали посвятить себя наукамъ философскимъ и словесности, произвести въ магистры. Долго не получалось разрѣшенія на это отъ президента; въ сен-

тябрѣ Крашенинниковъ вновь объ этомъ ходатайствовалъ, и наконецъ только въ декабрѣ объявлено было согласіе на то графа Разумовскаго. «Сего декабря 18 числа, при ордерѣ отъ его высокографскаго сіятельства, то мнѣніе канцеляріи обратно сюда получено, на которомъ его высокографское сіятельство апробацію подписать изволилъ, съ тѣмъ резономъ, что оное больше согласуетъ съ регламентомъ академическимъ, по которому канцелярія поступить имѣетъ. Чего ради во исполненіе того его высокографскаго сіятельства повелѣнія, сего декабря 23 дня, по опредѣленію канцеляріи Академіи Наукъ, и велѣно студентовъ Барсова, Яремскаго (въ промежутокъ между представленіемъ и его утвержденіемъ, именно въ іюнѣ, какъ означено выше, онъ высѣченъ былъ розгами), Поповскаго и Константинова произвесть въ магистры, а Софронова и Румовскаго въ адъюнкты; а нынѣ въ силу того его высокографскаго сіятельства повелѣнія, опредѣлено: студентамъ Григорію Павинскому и Ивану Федоровскому быть при переводахъ ученыхъ дѣлъ, Михайлу Студинскому быть гимназіи учителемъ въ ариѳметическомъ классѣ, на мѣсто студента, что нынѣ магистръ, Барсова.

Въ 1759 году Софроновъ разжалованъ былъ изъ адъюнктовъ въ студенты. Объ этомъ записано въ протоколѣ такъ: «1759 году сентября 1 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ приказали: адъюнкта Михаила Софронова, за его пребезмѣрное пьянство, въ которомъ онъ съ давняго времени находится и по многому увѣщанію не покидаетъ, чѣмъ Академіи наводитъ не токмо стыдъ, но и самое безчестье, пока онъ отъ того не исправится и недобропорядочныхъ поступокъ не оставитъ, изъ числа адъюнктовъ исключить, и написать въ студенты, съ жалованьемъ по сту рублевъ въ годъ, и о томъ ему Софронову объявить съ подпискою, съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, чтобъ онъ пьянство покинулъ и велъ себя порядочно, подъ опасеніемъ вящаго штрафа».

Между тѣмъ, въ концѣ 1753 года произведенъ былъ экза-

менъ въ старшемъ классѣ гимназіи, и, по представленію Крашенинникова, восемь гимназистовъ приняты были въ университетъ студентами, въ томъ числѣ Полѣновъ (будущій юристъ). «Они столько знаютъ по нѣмецки», писалъ Крашенинниковъ, «что могутъ разумѣть книгу и разговаривать, знаютъ ариѳметику, геометрію, тригонометрію и часть фортификаціи, въ практикѣ геометрической и въ черченіи фортификаціи имѣютъ нарочитое искуство, какъ можно видѣть изъ сообщенныхъ плановъ и изъ сообщенныхъ нынѣ чертежей; латынскій же языкъ столько же почти знаютъ, сколько знали набранные по разнымъ городамъ студенты, котораго де имени гимназисты тѣмъ достойнѣе, что набранные ничего въ началѣ не знали, кромѣ малаго основанія латинскаго языка».

Кромѣ нихъ, Крашенинниковъ отмѣтилъ еще нѣсколько учениковъ гимназіи, которые въ скоромъ времени могли бы быть приняты въ университетъ. «Что жъ до прочихъ учениковъ касается», прибавилъ онъ, «то чрезъ полгода, или много чрезъ годъ, до 15-ти человѣкъ и болѣе въ студенты годныхъ представится». Нѣкоторые изъ нихъ произведены были предварительно въ студенты, съ оставленіемъ въ гимназіи, собственно для увеличенія ихъ содержанія, такъ какъ студентъ получалъ такъ называемаго жалованья болѣе, чѣмъ гимназистъ. Ссылаясь на это, стали принимать въ гимназію и со стороны на томъ же основаніи, то есть называя такихъ гимназистовъ студентами. Такъ, напримѣръ, сохранился слѣдующій документъ: «Апрѣля 1 дня сего 1755 году поданнымъ въ канцелярію Академіи Наукъ малороссіянинъ Федоръ Козельскій челобитствомъ просилъ о опредѣленіи его въ академическій университетъ студентомъ на жалованьѣ, который въ его наукахъ и освидѣтельствованъ въ академическомъ и историческомъ собраніи, и явился для университетскихъ лекцій еще недостаточенъ, и ровенъ съ тѣми, которыхъ въ 1753 году велѣно было производить въ студенты, и которые нынѣ еще учатся въ гимназіи; чего ради ему, Козельскому, отъ канцеляріи объявлено было: ежели онъ желаетъ

обучаться въ гимназіи, то въ Академію опредѣленъ будетъ; на что онъ объявилъ, что онъ въ гимназіи обучаться желаетъ, токмо бы опредѣленъ былъ студентомъ, и съ жалованьемъ противъ тѣхъ студентовъ. Того ради опредѣлено: оному малороссіянину Федору Козельскому быть студентомъ и обучаться въ академической гимназіи иностраннымъ языкамъ и другимъ предметамъ, а Ея Императорскаго Величества жалованья производить ему, Козельскому, противъ выше объявленныхъ студентовъ, по 42 рублевъ».

25 февраля 1755 года умеръ Крашенинниковъ, и университетъ и гимназія «препоручены въ смотрѣніе» адъюнкту Модераху.

Распредѣленіе лекцій въ 1757 году.

Въ университетѣ давно не было лекцій. Въ 6-мъ пунктѣ данной 13 февраля 1757 года графомъ Разумовскимъ инструкціи академической канцеляріи сказано: «Понеже отъ давняго уже времени ни одинъ профессоръ въ университетѣ лекцій не читаетъ, и академическіе студенты находятся безъ всякаго ученія, того ради въ общемъ собраніи академиковъ и профессоровъ сочинить каталогъ лекціямъ, въ которомъ назначить по скольку дней въ недѣлѣ и въ какіе часы каждому изъ принадлежащихъ къ университету профессоровъ читать лекціи въ университетскомъ домѣ. Тоже разумѣется и о академикахъ, которые опредѣляемымъ къ нимъ студентамъ должны равномѣрно читать порядочныя лекціи и подавать имъ всякое руководство и наставленіе. А оный каталогъ прислать ко мнѣ напередъ, для апробаціи, и съ перваго мая сего года непремѣнно начать упомянутыя лекціи. Которые академики и профессоры въ томъ должности своей исполнять не будутъ, и такимъ образомъ регламенту и моему опредѣленію учинятся противными, о таковыхъ ко мнѣ репортовать, а между тѣмъ отъ канцеляріи жалованья имъ не производить».

Представляя графу Разумовскому росписаніе лекцій, академическая канцелярія писала: «1) О г-нѣ профессорѣ Броунѣ. Понеже изъ опредѣленныхъ къ профессорскимъ лекціямъ студен-

товъ большая часть не слушали еще прежнихъ частей философіи, передъ тою, которую г-нъ профессоръ Броунъ нынѣ начать и продолжать намѣренъ, то не соблаговолено ли будетъ приказать, чтобъ онъ снова началъ курсъ философіи, ибо весьма вѣроятно, что, за давнымъ нечитаніемъ лекцій, и прежніе студенты много изъ того забыли, что слышали. 2) О г-нѣ Фишерѣ, чтобъ положенное на него сочиненіе экстракта изъ сибирской исторіи продолжалъ по прежнему, а вмѣсто древностей читалъ бы лекціи о краснорѣчіи, задавая притомъ студентамъ на домъ всякія элабораціи, и употреблялъ бы на сіе столько же часовъ, сколько прочіе университетскіе профессоры. 3) О г-нѣ Штраубе, чтобъ, вмѣсто гражданскихъ правъ, началъ бы сперва толковать права натуральныя. 4) О г-нѣ Тредіаковскомъ, чтобъ его уволить отъ лекцій, а вмѣсто того опредѣлить единственно къ переводамъ, или, ежели ему читать лекціи, то развѣ поручить толкованіе древностей и новой исторіи, которое онъ и на русскомъ языкѣ отправлять можетъ. 5) О г-нѣ Поповѣ, чтобъ началъ курсъ астрономическій на русскомъ языкѣ, дабы, сверхъ нашихъ студентовъ, и изъ другихъ мѣстъ, яко морской Академіи и кадетскаго корпуса слушатели его наставленіемъ пользоваться могли. 6) О г-нѣ Цейгерѣ, чтобъ по искуству своему въ употребленіи инструментовъ, и что экспериментальная физика заключаетъ въ себѣ немалую часть механики, показывалъ бы во время лѣтней половины года дважды въ недѣлю упомянутую экспериментальную физику». Графъ Разумовскій утвердилъ это представленіе. Въ сентябрѣ того же года лекціи эти дополнены были предписаніемъ академической канцеляріи: 1) Г. Эпинусу, чтобъ онъ читалъ студентамъ лекціи по сокращенной Вольфовой экспериментальной физикѣ. 2) Г-ну Цейгеру, чтобъ онъ лекціи читалъ по Крафтовымъ экспериментамъ, ибо по онымъ книгамъ прежде того отъ здѣшнихъ профессоровъ лекціи читаны, и инструменты для оныхъ заготовлены приличные. А какіе къ тому инструменты въ добавокъ потребны, и что поправить должно, о томъ, пересмотрѣвъ оные, подать въ канцелярію репортъ. 3) Къ

г-ну Сальхову, чтобъ онъ, обще съ лабораторомъ Клементьевымъ, химическіе эксперименты дѣлалъ. А чтобъ студенты къ онымъ профессорамъ на лекціи хожденіе имѣли, въ томъ ихъ понуждать г-ну адъюнкту Модераху».

Дисциплинарныя мѣры относительно студентовъ не измѣнились; къ нимъ прибавлена была одна новая: студентовъ стали низводить въ гимназисты, съ цѣлію уменьшать ихъ стипендію, но съ обязательствомъ слушать, по прежнему, профессорскія лекціи. Такъ въ протоколѣ 17 ноября 1757 года находимъ: «Опредѣлено: студентовъ Введенскаго и Терентьева, за вышеписанныя ихъ продерзости (пьянство и буйство) написать въ ученики гимназическіе впредь до усмотрѣнія, какъ исправными себя окажутъ, съ убавкою у нихъ жалованья по половинѣ, а производить только Введенскому по 1 р. 75 коп., Терентьеву по три рубли въ каждый мѣсяцъ сего ноября съ перваго числа, и высѣчь ихъ, при собраніи прочихъ студентовъ, розгами нещадно . . . , и ходить имъ на лекція профессорскія съ прочими студентами по прежнему, и сидѣть ниже всѣхъ. А чтобъ они отъ пьянства и отъ худыхъ поступокъ впредь могли унятъся, подтвердить имъ накрѣпко, что, ежели въ чемъ явятся виновны, то, не смотря ни на что, безъ всякаго къ нимъ послабленія, вѣчно въ матросскую службу отосланы быть имѣютъ».

По сохранившимся свѣдѣніямъ, въ университетѣ было студентовъ: въ 1752 году — 20, въ 1753 — 18, въ 1751 — 18, въ 1758 — 16. Нельзя не согласиться съ Ломоносовымъ, что «при Академіи Наукъ не токмо настоящаго университета не бывало, но еще ни образа, ни подобія университетскаго не видно».

Препорученіе университета въ завѣдываніе Ломоносова (1758—1765 г.).

24 марта 1758 года завѣдываніе университетомъ и гимназіею поручено было президентомъ Ломоносову. «По силѣ генеральнаго регламента, и по моему опредѣленію», писалъ графъ Разумовскій, «раздѣлены г-дамъ канцелярскимъ членамъ разные академическіе департаменты въ особливое смотрѣніе, между коими г-ну коллежскому совѣтнику Ломоносову поручены дѣла

до наукъ касающіяся». Вмѣстѣ съ тѣмъ, по вызову Ломоносова, графъ Разумовскій поручилъ ему написать проекты уставовъ (регламентовъ) для университета и гимназіи. Составленные имъ проекты переданы были въ 1759 году на разсмотрѣніе коммиссіи изъ академиковъ и профессоровъ: Мюллера, Фишера, Броуна и Модераха, но, не ожидая ихъ заключенія и утвержденія этихъ уставовъ (чего никогда и не было), Ломоносову предоставлено было вводить ихъ. Для него это было тѣмъ легче, что въ 1760 году президентъ отдалъ университетъ въ полное его распоряженіе. «Понеже чрезъ разные опыты я усмотрѣлъ», писалъ въ январѣ 1760 года графъ Разумовскій академической канцеляріи, «что учрежденію и распорядку, а особливо сочиненію регламентовъ гимназіи и университета, отъ несогласія разныхъ мнѣній, также и надлежащему происхожденію сихъ департаментовъ чинится остановка, и уже многіе годы минули не съ такимъ успѣхомъ и пользою, каковыхъ бы, по справедливости, ожидать должно было; и сверхъ того сумма, опредѣленная на университетъ, исходила по сіе время, по большей части, на другіе расходы, такъ что академическое коммисарство должно стало университету многія тысячи. Того ради прошедшаго 1758 году данъ былъ отъ меня ордеръ господину коллежскому совѣтнику Ломоносову, чтобы онъ сочинилъ регламенты для университета и гимназіи, которые имъ сочинены, и, по ордеру моему отданы въ канцелярію, для общаго разсмотрѣнія, и для поданія мнѣ на апробацію. Но какъ я еще вижу, что дѣло сіе, по прежнему, отъ несогласныхъ мнѣній претерпѣваетъ остановку, а господинъ Ломоносовъ, между тѣмъ, по сочиненному отъ него регламенту гимназіи, поступая съ моего позволенія, привелъ своимъ стараніемъ гимназію во много лучшее состояніе передъ прежнимъ, того ради, по данной мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества власти, поручаю учрежденіе и весь распорядокъ университета и гимназіи единственно одному господину совѣтнику Ломоносову, по сочиненнымъ отъ него регламентамъ, полагаясь на его знаніе и усердіе, и уповая, что онъ въ произведеніи до

цвѣтущаго состоянія оныхъ двухъ департаментовъ, по должности сына отечества, со всякимъ прилѣжаніемъ и усердіемъ поступать будетъ. И потому академической канцеляріи чинить ему въ произведеніи сей на него единственно положенной должности всякое снисхожденіе, чтобы никакой больше остановки не учинилось въ семъ нужномъ дѣлѣ къ приращенію наукъ въ отечествѣ, а особливо, чтобы опредѣленную на университетъ сумму не токмо не употреблять на никакіе другіе расходы, но и недоимочную на прошлые годы, въ случаѣ надобности для помянутаго учрежденія, выдавать по частямъ изъ академической суммы, или изъ книжныхъ лавокъ въ разные термины, чтобы въ двѣнадцать лѣтъ расходъ на университетъ съ прочими департаментами пришолъ въ равновѣсіе противъ штата. А оный господинъ Ломоносовъ имѣетъ мнѣ репортовать о всемъ онаго происхожденіи на каждую треть года, дабы я могъ видѣть всего онаго дѣла теченіе и успѣхъ».

Ломоносовъ не только настоялъ на томъ, чтобы отпускалась вся положенная на университетъ и гимназію сумма, но и выхлопоталъ въ 1760 году увеличеніе ея на 5,000 руб.; именно съ этого времени, вмѣсто ассигновавшихся прежде на нихъ 10,300 р., назначено было 15,248 р. Въ томъ же 1760 году, по его представленію, число казеннокоштныхъ студентовъ было увеличено десятью человѣками (вмѣсто 20-ти положено было содержать 30), и всѣ они приняты на полное казенное содержаніе пищею и платьемъ, съ назначеніемъ на каждаго по сто рублей въ годъ. Гимназія и университетъ были выведены изъ дома Троицкаго подворья, и для нихъ въ 1764 году купленъ былъ домъ Строгановыхъ, и по настоянію Ломоносова, въ этомъ домѣ не размѣщены разныя академическія учрежденія, какъ домогалась того Академическая канцелярія, а весь домъ предоставленъ былъ этимъ двумъ учебнымъ заведеніямъ. «Сего сентября 13 дня», значится въ протоколѣ, «его сіятельство, Академіи Наукъ г-нъ президентъ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій, въ полномъ присутствіи Академической канцеляріи членовъ, приказалъ купленный подъ Академію домъ Строга-

новыхъ, для прописанныхъ въ представленіи статскаго совѣтника Ломоносова резоновъ, отдать подъ университетъ и гимназію, и о томъ учинить обстоятельное опредѣленіе. А въ ономъ представленіи онаго г-на статскаго совѣтника Ломоносова резоны, для коихъ оный домъ подъ университетъ и гимназію потребенъ и необходимо нуженъ, показаны слѣдующіе: 1) что по близости къ Академіи удобнѣе имѣть можно смотрѣніе главнымъ командирамъ надъ сими двумя департаментами, 2) что Троицкое подворье весьма тѣсно, и отъ Академіи удалено, что надзиранію и чтенію лекцій препятственно, 3) что оное подворье весьма обветшало, и наступающею зимою университету и гимназіи остаться тамъ невозможно».

Студенты перемѣщены были во вновь купленный домъ уже послѣ смерти Ломоносова, именно въ сентябрѣ 1765 года. Въ протоколѣ 13 сентября записано: «Изъ дому Свято-Троицкой Сергіевой лавры какъ студентовъ, такъ и находящихся тамъ гимназистовъ, кромѣ назначенныхъ къ выпуску, съ ихъ классами, перевесть въ оный Строгановскій домъ, и расположить студентовъ въ среднемъ, а гимназистовъ въ нижнемъ апартаментахъ, а классы во флигелѣ».

Такъ называемые регламенты для университета и гимназіи, сочиненные Ломоносовымъ, не сохранились, а немногіе ихъ слѣды остались лишь въ возраженіяхъ на нихъ академика Фишера, который возставалъ противъ допущенія въ эти учебныя заведенія лицъ записанныхъ въ подушный окладъ, не видѣлъ надобности въ увеличеніи числа казеннокоштныхъ студентовъ и гимназистовъ, и находилъ недостаточнымъ отводимое время на гимназическій курсъ, а въ особенности на латынскій языкъ. На всѣ эти возраженія отвѣчалъ Ломоносовъ въ слѣдующемъ, съ крайнимъ раздраженіемъ написанномъ отзывѣ: «Его сіятельство Академіи Наукъ господинъ президентъ, вѣдая коль великія и безполезныя несогласія и шумы были въ академическихъ собраніяхъ, когда онъ, по силѣ академическаго регламента, приказалъ въ профессорскихъ собраніяхъ сочинить

регламентъ для университета и гимназіи, изволилъ поручить господину коллежскому совѣтнику Ломоносову оныхъ составленіе, дабы отъ неосновательныхъ и пристрастныхъ способовъ не произошло по прежнему въ томъ препятствія и потери времени, въ которое бы могло россійское юношество пользоваться добрымъ обоихъ оныхъ департаментовъ учрежденіемъ. И такъ, по лучшимъ примѣрамъ университетовъ и гимназій, и по приличности нашего государства, съ возможнымъ раченіемъ и вниманіемъ сочинивъ онъ такіе регламенты, представилъ его сіятельству, которые, по ордеру его сіятельства, велѣно разсмотрѣть въ канцеляріи прочимъ членамъ, обще съ нимъ, господиномъ совѣтникомъ; по которыхъ совѣту, повелѣно было, сверхъ того, на оные регламенты сдѣлать примѣчанія господамъ профессорамъ Миллеру, Фишеру, Броуну и Модераху. И такъ, по даннымъ изъ канцеляріи наукъ указамъ, оные господа профессоры учинили слѣдующее: господинъ Миллеръ отозвался репортомъ на сочиненные имъ прежде сего такіе регламенты; господа Броунъ и Модерахъ подали свои примѣчанія, настоящимъ и пристойнымъ образомъ, изъ коихъ нѣкоторыя вниманія достойны. Господинъ Фишеръ хотя также подалъ годныя примѣчанія, однако не столько старался о истинно полезныхъ поправленіяхъ, или прибавленіяхъ, сколько искалъ при многихъ пунктахъ случая какъ бы употребить грубыя и язвительныя насмѣшки, изъ которыхъ нѣсколько здѣсь, для примѣру, присовокупляются: 1) Во первыхъ, удивленія достойно, что не впалъ въ умъ господину Фишеру, какъ знающему латынь, Горацій и другіе ученые и знатные люди въ Римѣ, которые были выпущенные на волю изъ рабства, когда онъ толь презрѣнно уволенныхъ помѣщичьихъ людей отъ гимназіи отвергаетъ. Не вспомнилъ того, что они въ Римѣ не токмо въ школахъ съ молодыми дворянами, но и съ ихъ отцами за однимъ столомъ сидѣли, съ государями въ увеселеніяхъ имѣли участіе и въ знатныхъ дѣлахъ повѣренность. Сихъ и нынѣшнихъ примѣровъ видно знать онъ не хотѣлъ. Однако того бы нельзя было ему

просмотрѣть, что въ § 4-мъ гимназическаго регламента написано о службѣ дворянъ въ арміи вмѣстѣ съ крѣпостными бывшими людьми. Но, не упоминая при семъ пунктѣ о прочихъ его пустыхъ и издѣвочныхъ, излишнихъ окрестностяхъ, не могу преминуть о порицаніи россійскихъ дворянъ, которыхъ онъ въ присутственномъ мѣстѣ и еще письменно вообще невѣждами, или неучью называетъ, не разсуждая того, сколько попеченіемъ Петровымъ и его наслѣдниковъ, а особливо нынѣ, россійское дворянство пріобрѣло просвѣщенія. — 2) Шестьдесятъ гимназистовъ и тридцать студентовъ почитаетъ за излишнюю казнѣ тягость, а паче всего спрашиваетъ: куда ихъ дѣвать? Его ли о томъ попеченіе? Ему велѣно было смотрѣть регламентъ, а не штатъ. Его ли дѣло располагать академическою суммою? И ему ли спрашивать куда дѣвать студентовъ и гимназистовъ? О томъ есть кому имѣть и безъ него попеченіе. Мы знаемъ и безъ него куда въ другихъ государствахъ такихъ людей употребляютъ, и также куда ихъ въ Россіи употребить можно. Сіе есть ясное доказательство его невниманія къ разсмотрѣнію регламента, и что онъ только старался вступиться въ разсужденія, гдѣ бы для оказанія своего шпинства привязаться. 3) Во многихъ мѣстахъ смыслъ худо выразумѣвъ, и въ иныхъ напрасно сдѣлавъ ложныя заключенія, выводитъ до самой матеріи и до прямаго дѣла не принадлежащія издѣвки. Напримѣръ, экзамены и произведенія въ классахъ положены на всякой годъ дважды, а изъ верхняго въ студенты однажды (гдѣ онъ приписалъ ложно, якобы и въ студенты изъ верхняго класса дважды). Также положено учить въ верхнемъ классѣ краткія основанія краснорѣчія, философіи, универсальной исторіи, и толковать латынскихъ авторовъ, и расположены всѣ по мѣрѣ годоваго времени, такъ что остраго понятія молодой человѣкъ можетъ въ оное пріобрѣсти о наукахъ доброе обще понятіе, ибо надлежаще учиться остаются студентскіе годы, а совершенства достигать могутъ еще и въ адъюнктахъ. А ежели кто не такъ довольно понятенъ, остаться еще долженъ на годъ въ верхнемъ

классѣ, что разумѣется и о прочихъ классахъ. Но господинъ Фишеръ сдѣлалъ очевидное ложное заключеніе, якобы опредѣлено и положено было въ регламентѣ происходить въ полтора года въ студенты изъ начинающихъ по латынѣ учиться. Притомъ, для показанія мнимой въ сочиненіи оплошности, написалъ многія имена наукъ и авторовъ, якобы ихъ всѣхъ сквозь основательно толковать было въ регламентѣ положено. Сіи ложныя слѣдствія и вымыслы сдѣлалъ онъ для того, чтобы написать слѣдующую ругательную издѣвку надъ россійскимъ юношествомъ письменно, не разсуждая присутственнаго мѣста: «Ежели де сіе возможно, то я поздравляю Россію, въ которой чудеса творятся, въ другихъ земляхъ невозможные. По послѣдней мѣрѣ онаго еще не оказалось по сіе время: гимназисты, имѣющіе самую ближнюю надежду быть студентами, препроводивъ въ гимназіи восемь лѣтъ, еще не много позабыли». (его издѣвошнымъ штилемъ научились?)» Такія язвительныя слова оставляя до разсужденія, сіе напомянуть должно, чтобы господинъ Фишеръ представилъ себѣ коль много подобные ему проворствомъ наставники успѣть могутъ, не клалъ вины на учащихся. Сихъ трехъ примѣровъ довольно къ доказательству, что господинъ Фишеръ нарочно и умышленно старался дѣлать ругательные кощуны, не только не наблюдая точно по ордеру и по должности надобное дѣло, но насмѣхаясь шпынски дворянству и понятности россійскаго юношества. И понеже такимъ непристойнымъ и насмѣшническимъ образомъ писалъ онъ въ отвѣтъ къ своей командѣ на то, на что ему въ разсужденіи даннаго ему отъ оной повелѣнія съ подобающимъ почитаніемъ отвѣтствовать должно было о самомъ настоящемъ дѣлѣ. Того ради должно вышеписанное принять въ разсужденіе, дабы и другіе впредь не отваживались на подобные поступки».

При составленіи университетскаго регламента, Ломоносовъ болѣе всего старался выхлопотать разныя преимущества и служебныя права учащимъ и учащимся, и придать особую торжественность открытію университета, созданнаго по его пла-

ну, посредствомъ такъ называемой инавгураціи. Оффиціально университетъ существовалъ уже 35 лѣтъ, значитъ нечего было и открывать его; въ дѣйствительности же его не было, потому что три-четыре профессора, по временамъ читавшіе лекціи, и человѣкъ 20 студентовъ не могли составить университета, подраздѣленнаго на факультеты. Очевидность указывала на то, что прежде всего нужно доставить университету преподавателей, а для нихъ слушателей. Вмѣсто того, Ломоносовъ думалъ только о томъ, чтобы получить для профессоровъ «пристойные ранги и по генеральной табели на дворянство дипломы», а также пенсіи; для студентовъ, окончившихъ курсъ,—права по службѣ, для магистровъ—чинъ поручика, для доктора—капитана и т. п. Но еще болѣе озабочивала его, повидимому, мысль какъ бы придать поболѣе торжественности объявленію этихъ дарованныхъ университету привилегій. Онъ такъ увѣренъ былъ, что всѣ эти привилегіи будутъ дарованы, что уже дѣлалъ всѣ приготовленія къ такому торжеству; въ протоколѣ 11 января 1760 года Академической канцеляріи, которою онъ тогда заправлялъ, будучи ея совѣтникомъ, записано: «въ собраніи художествъ учинить на приготовленную привилегію Академическому университету лаврамъ приличествующимъ наукамъ проекты, на четырехъ страницахъ, и, нарисовавъ, подать въ канцелярію при репортѣ, и о томъ въ собраніе послать указъ». Инавгурація должна была происходить слѣдующимъ образомъ: «*Пріуготовленіе:* 1) публичной гимназической экзаменъ гимназистовъ верхняго класса къ произведенію въ студенты, 2) экзаменъ въ градусы (то есть на ученыя степени) и 3) избраніе проректора и относящіяся сюда диспуты и рѣчи, 4) программа, 5) расположеніе мѣстъ. *Дѣйствіе*: обѣдня съ концертомъ и проповѣдью, 2) чтеніе привилегій, 3) благодарной молебенъ съ пальбою и музыкою, 4) рѣчь благодарственная Ея Императорскому Величеству, 5) назначеніе проректора и декановъ, 6) произвожденіе въ градусы, 7) обѣдъ съ пальбою и музыкою. *Слѣдствіе*: 1) напечатаніе всего дѣйствія, 2) поздравленіе на домахъ, 3) розсыл-

ка копій съ привилегій и протчаго по всѣмъ университетамъ». Весьма основательно возражалъ Мюллеръ: 1) «что прежде привилегіи, надлежитъ апробовать университетскій регламентъ, потому что объ ономъ въ привилегіи упоминается, яко объ апробованномъ; 2) что прежде инавгураціи стараться должно о снабденіи университета довольнымъ числомъ профессоровъ во всѣхъ факультетахъ, потому что во всѣхъ факультетахъ градусы давать предложено; что надобно стараться о умноженіи числа студентовъ, а особливо такое учрежденіе учинить, дабы и дворянство могло пріохочиваемо быть къ отдачѣ своихъ дѣтей въ университетъ для обученія ученыхъ языковъ и наукъ; 3) а прежде какъ университетъ въ такомъ состояніи будетъ, не думаю я, что инавгурацію учинить должно, потому что она значитъ полнаго университета совершенство». Прося всѣхъ этихъ привилегій для университета, существовавшаго лишь по имени, Ломоносовъ расчитывалъ на покровительство И. И. Шувалова, и такъ увѣренъ былъ въ успѣхѣ, что сочинилъ уже и рѣчь для торжественнаго собранія; но Императрица Елизавета скончалась, и проектъ этотъ былъ оставленъ.

Въ учебной части университета, во время управленія Ломоносовымъ, не было сдѣлано никакихъ улучшеній; все шло по старому, не смотря на то, что ему предоставлено было президентомъ, какъ упомянуто выше, вводить имъ составленный, хотя и неутвержденный уставъ, чѣмъ онъ и воспользовался. Онъ подраздѣлилъ университетъ на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій, но на всѣхъ этихъ факультетахъ лекціи читали только пять профессоровъ: Фишеръ, Броунъ, Эпинусъ, Котельниковъ и Козицкій. Нѣкоторые изъ нихъ иногда не читали лекцій въ университетѣ, а заставляли студентовъ приходить къ себѣ на домъ; такъ 29 февраля 1760 года велѣно было «университетскимъ студентамъ, которые у господина профессора Фишера лекціи слушаютъ, за болѣзнію его, ходить къ нему, г-ну Фишеру, на домъ, пока онъ не выздоровѣетъ». Число студентовъ также не увеличилось: ихъ было все-

го 18, по большей части изъ солдатскихъ дѣтей. Этотъ мнимый университетъ выставлялся передъ публикою какъ бы настоящій. «1760 года ноября 14 дня», записано въ протоколѣ, «по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ приказали: въ Академическомъ университетѣ быть около 18 числа декабря публичному диспуту, и для того, отобравъ господамъ профессорамъ Броуну и Модераху лучшихъ студентовъ, чинить приватно экзерцицію, а въ гимназіи быть ораторской экзерциціи публично, и для того къ тому же времени приготовиться адъюнкту Козицкому».

Инспекторство Котельникова. (1761—1766 г.).

Инспекція надъ студентами поручена была въ 1761 году, когда уволенъ былъ Модерахъ, профессору Котельникову.

Несмотря на то, что университетъ предоставленъ былъ въ непосредственное распоряженіе Ломоносова, президентъ ограничивалъ, однако, иногда его власть относительно студентовъ. Такъ въ 1760 году Ломоносовъ исключилъ изъ университета двухъ студентовъ, Лобысевича и Дѣвовича, за то, что они не ходили на лекціи. Исключенные студенты пожаловались графу Разумовскому, и онъ прислалъ изъ Батурина такой ордеръ: «Студенты Академическіе, Лобысевичъ и Дѣвовичъ, передъ отъѣздомъ моимъ изъ С.-Петербурга, просили меня, при многихъ своихъ атестатахъ, что они въ произведеніи передъ прочими оставлены. Я, увидѣвши тогда справедливость ихъ жалобы, словесно приказалъ г-ну совѣтнику Ломоносову имъ сдѣлать справедливое удовольствіе. А нынѣ каковое они доношеніе ко мнѣ прислали, оное въ оригиналѣ при семъ въ канцелярію посылаю, и канцелярія имѣетъ, немедленно давъ имъ на прогоны, не въ зачетъ ихъ жалованья, надлежащія деньги, ко мнѣ прислать въ Глуховъ обоихъ. А между тѣмъ, объявить г-ну Ломоносову, что я весьма удивляюся по чьему учрежденію таковой, противу воли ихъ, отпускъ имъ безъ моей апробаціи сдѣланъ, да, какъ вижу, и безъ вѣдома канцеляріи, изъ службы Академической, а паче такимъ людямъ, которые въ Академію приняты по моему собственному опредѣленію, и которые атеста-

ты объ успѣхахъ ихъ мнѣ самому довольно извѣстны. Сколько мнѣ памятуется, я такъ далеко власти г-ну Ломоносову не давалъ. Чего ради и впредь изъ студентовъ, безъ моего собственнаго опредѣленія, никого канцелярія, тѣмъ меньше самъ собою г-нъ Ломоносовъ, высылать изъ академической службы не долженъ. Какое же опредѣленіе о сихъ студентахъ, Лобасевичѣ и Дѣвовичѣ, учинить надобно, о томъ впредь отъ меня будетъ писано. А заслуженное имъ жалованье безъудержно выдать, разумѣя ихъ дѣйствительно въ той же службѣ, въ которой они до сего были».

Въ ноябрѣ 1765 году профессоръ Котельниковъ освобожденъ былъ отъ инспекціи въ университетѣ, «а студентовъ, чтобъ оные во-всемъ поступали благопристойно и жили порядочно», сказано въ протоколѣ 11 ноября, «поручить до указу въ смотрѣніе г-ну профессору Румовскому». Впрочемъ, Румовскій исправлялъ эту должность менѣе двухъ мѣсяцевъ, а потомъ она была поручена вновь назначенному тогда инспекторомъ гимназіи Бакмейстеру, но съ нѣкоторыми ограниченіями. «Какъ г-нъ профессоръ Румовскій», значится въ протоколѣ 2 января 1766 года, «только на малое время принялъ на себя смотрѣніе надъ университетскими студентами, то, по сложеніи имъ, равномѣрно и оное на себя принять, поколику касается до экономическаго содержанія и добропорядочнаго оныхъ студентовъ поведенія; ибо распоряженія ихъ наукъ принадлежатъ собранію университетскихъ профессоровъ, такъ какъ и наказаніе за случающіеся иногда противные поступки».

Въ 1765 году число студентовъ, составлявшее всего 18 человѣкъ, разомъ сократилось на половину: 9-ть изъ нихъ вышли изъ университета, а одинъ опредѣленъ былъ учителемъ гимназіи. «Мая 25 дня сего 1765 года поданными въ канцелярію Академіи Наукъ нижеобъявленные академическіе студенты 9 человѣкъ доношеніями объявя, что они, не имѣя склонности болѣе обучаться наукамъ, просятъ, чтобъ ихъ изъ университета выключить, а распредѣлить къ нижеписаннымъ должностямъ....

Студентъ же Петръ Степановъ доношеніемъ проситъ, чтобъ его опредѣлить при гимназіи, на мѣсто бывшаго студента Иноходцева, для обученія учениковъ ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи; на которомъ его доношеніи профессоръ Котельниковъ подписалъ, что, если онъ способенъ явится, опредѣлить его съ такимъ условіемъ, чтобъ велъ себя трезво и порядочно, а въ показанномъ де классѣ учители надобны.... Опредѣлено: Степанову, по желанію его, и по атестату Котельникова, быть въ гимназіи при обученіи гимназистовъ въ ариѳметическомъ классѣ».

Въ томъ же 1765 году два студента, Свѣтовъ и Венедиктовъ, посланы были въ Геттингенскій университетъ для обученія подъ руководствомъ Шлецера. Графъ Разумовскій приказалъ собрать предварительно о нихъ свѣдѣнія «благопристойно ли вели себя въ поступкахъ и не присмотрѣно ли за ними какихъ пристрастій», а также «каково кто изъ нихъ въ языкахъ и наукахъ знаніе имѣетъ, и можно ль ихъ въ разсужденіи ихъ наукъ, для окончанія оныхъ, за море отправить». Инструкція для нихъ составлена была Шлецеромъ [1]).

Распредѣленіе лекцій въ 1765 году.

Послѣ смерти Ломоносова, Таубертъ составилъ планъ занятій студентовъ и распредѣленіе лекцій, и предложилъ на разсмотрѣніе профессоровъ Фишера, Броуна, Попова, Котельникова и Протасова, которые ихъ одобрили. Протоколъ 25 ноября 1765 года излагаетъ это такимъ образомъ: «Сего числа въ канцеляріи Академіи Наукъ г-нъ статскій совѣтникъ Таубертъ подалъ предложеніе, чтобъ о наставленіи достальныхъ нынѣ при Академіи студентовъ учиненъ былъ иной распорядокъ, дабы 1) сіи на казенномъ содержаніи состоящіе студенты времени своего напрасно не теряли, но чрезъ рачительное о нихъ попеченіе Академіи могли сдѣлаться полезными людьми для своего отечества; 2) чтобъ и вольные студенты, если какіе случатся, тѣмъ поохочены были пользоваться наставленіями уни-

---

[1]) См. приложеніе 3.

верситетскихъ г-дъ профессоровъ, и при томъ объявилъ, что оное его предложеніе въ чрезвычайномъ г-дъ университетскихъ профессоровъ собраніи сего ноября 25 числа читано, и оными профессорами подписано. Предложеніе господамъ университетскимъ профессорамъ: неотмѣнно требуется, чтобъ о наставленіи достальныхъ нынѣ при Академіи студентовъ учиненъ былъ иной распорядокъ, дабы, первое, сіи на казенномъ содержаніи состоящіе студенты времени своего напрасно не теряли, но чрезъ рачительное о нихъ попеченіе Академіи, могли сдѣлаться полезными людьми для своего отечества; второе, чтобъ и вольные студенты, если какія случатся, тѣмъ поохочены были пользоваться наставленіями университетскихъ г-дъ профессоровъ. А для сего, по моему мнѣнію, надлежитъ: 1) Предъ окончаніемъ нынѣшняго года лекцій, каждаго изъ нынѣшнихъ студентовъ не слегка, но съ надлежащею строгостію во всемъ, что всякій вступающій въ университетъ студентъ знать долженъ, такъ и въ томъ, что онъ, по вступленіи въ университетъ, пріучилъ, проэкзаменовать предъ Академическимъ собраніемъ такимъ образомъ, чтобъ онъ не только на предлагаемые ему отъ каждаго экзаменатора словесные вопросы отвѣтствовалъ, но и сдѣлалъ бы небольшія элабораціи безъ всякой сторонней помощи, дабы чрезъ то несомнѣнно удостовѣриться о способности каждаго, и на семъ основаніи распорядя надлежащее для будущаго ихъ въ наукахъ наставленіе, сочинить каталогъ лекціямъ на предбудущую первую половину года. 2) Каждый изъ господъ профессоровъ, читавшій въ университетѣ лекціи, долженъ подать письменно: а) въ какіе дни и часы онъ въ нынѣшней половинѣ года читаетъ лекціи, и точно ль такъ, какъ въ печатномъ каталогѣ лекцій предписано, и по какой причинѣ что отмѣнено; б) по какому автору читаетъ и какой при томъ употребляетъ методъ; в) какія части его науки каждый изъ выписанныхъ казенныхъ студентовъ у него окончилъ, и какіе его въ томъ успѣхи, дабы по тому и экзаменъ учинить. — 3) Вмѣсто того, что господа университетскіе профессоры прежде читали только по одному часу въ день,

надлежитъ имъ читать по два часа, употребляя часть сего времени на краткое повторенie прежней лекцiи, распрашивая каждаго студента, а прочее на новую лекцiю. 4) Назначить авторовъ, по которымъ господа университетскie профессоры читать должны, дабы студенты могли запастись тѣми книгами. 5) Каждую часть науки расположить такимъ образомъ, чтобы окончена была порядочно въ полгода, какъ то во всѣхъ другихъ университетахъ водится. 6) Господамъ профессорамъ отправлять лекцiи свои тѣмъ порядкомъ и по тѣмъ авторамъ, какie каждому изъ нихъ отъ всего собранiя предписаны будутъ, а не такъ, какъ всякой самъ хочетъ. 7) Нынѣшнie студенты, не упоминая о продолженiи ученiя нѣмецкаго и французскаго языковъ, весьма недостаточны и въ сочиненiяхъ, и переводахъ на природномъ ихъ языкѣ; а какъ, сверхъ латынскаго, и въ сихъ трехъ языкахъ прилежное упражненie имъ не меньше нужно, то предлагаю, 8) чтобъ въ нѣмецкомъ языкѣ, сверхъ историческихъ лекцiй, наставленie имъ подавалъ, по два дня въ недѣли и по два часа въ день, г-нъ профессоръ Федоровичъ (юристъ, уволенный въ 1770 году); 9) въ россiйскомъ штилѣ и въ переводахъ — г-нъ профессоръ Протасовъ, также по два дня и по два часа въ недѣлѣ, кромѣ академическихъ своихъ лекцiй; 10) во французскомъ языкѣ и штилѣ — академическiй переводчикъ Поазо, который, по знанiю латынскаго языка, совершенно къ тому способнымъ признается. 11) Выбрать между собою одного въ должность ректора университета, который бы, будучи перемѣняемъ, или продолжаемъ послѣ каждой половины года, наблюдалъ надлежащiй порядокъ во всемъ, что касается до должности каждаго по университету. 12) Дабы студенты слушанныя лекцiи повторять и обстоятельнѣйшiя понятiя получить могли, а особливо бы имѣли случай чтенiемъ полезныхъ книгъ препровождая время свое, распространять и свои знанiя, то при университетѣ учреждена будетъ небольшая библiотека».

Эти правила, очевидно взятыя изъ германскихъ университетовъ, какъ ни строги они къ преподавателямъ и учащимся, осно-

вательны по своимъ требованіямъ отъ студентовъ, но едва ли были современны и не излишни, такъ какъ въ то время въ университетѣ было всего 9 студентовъ. Ректоромъ университета избранъ былъ профессоръ Броунъ, который принялъ на себя и составленіе программъ лекцій. Экзаменъ студентовъ назначенъ былъ на 12 декабря.

Съ этого времени и до конца столѣтія не находимъ болѣе въ академическихъ протоколахъ никакихъ распоряженій объ университетѣ, ни распредѣленія профессорскихъ лекцій для студентовъ.

Университетъ при княгинѣ Дашковой (1783—1796 года).

Вступивъ въ должность директора Академіи, княгиня Дашкова нашла въ университетѣ только двухъ студентовъ, и то такихъ, прибавляетъ она, которые ничего не могли перевести съ иностранныхъ языковъ, даже съ нѣмецкаго. Она сама принялась ихъ учить, какъ можно заключить изъ перваго ея распоряженія: «Въ Ея сіятельства приказаніи», въ протоколѣ 30 января 1783 года написано: «Изъ студентовъ приказать, чтобъ понедѣльно одинъ при мнѣ дежурилъ, чтобъ я чрезъ то могла узнать каждаго способности и поведеніе. Должность на первый случай имъ объявляется нижеслѣдующая: являться ко мнѣ въ 8 часовъ поутру, и быть упражнену въ письмѣ, или переводѣ, какъ я прикажу; до 2-хъ часовъ пополудни, да отъ 4-хъ часовъ пополудни до 7-ми приказанные мною ордера разсылать съ вѣстовымъ, и пещись, донесены ли оные въ слѣдующія къ исполненію по онымъ руки. Съ ордеровъ копіи въ то же самое время вносить въ мою канцелярію, а до учрежденія оной, ко мнѣ самой». Этимъ и ограничились всѣ мѣры, принятыя княгинею относительно университета и студентовъ.

Дѣятельность профессоровъ обращена была на чтеніе публичныхъ лекцій. Начиная съ 1785 года, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, читали публичныя лекціи: Котельниковъ — математическія, адъюнктъ Соколовъ — химическія и Озерецковскій — по естественной исторіи.

Въ концѣ директорства княгини Дашковой въ университе-

тетѣ осталось всего три студента. Университетъ угасъ..... Не даромъ сказалъ Татищевъ Блюментросту: «Напрасно ищете сѣмянъ, когда земля, на которую сѣять, не приготовлена». Справедливо и мнѣніе Болтина: «Захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣка; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія».

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

Реестръ тѣмъ студентамъ и ученикамъ, которымъ при Академіи Наукъ лекціи слушать.

Минъ Шишкаревъ Чадовъ Ковринъ Старесовъ	Слушать имъ г-на профессора Гейнсіуса и г-на Муллу къ астрономіи и географіи.	у профессора Гейнсіуса, Крафта и Мулла. проф. Винсгеймъ, проф. Рикманъ.
Лебедевъ Голубцовъ Поповъ Фрейгангъ	у переводовъ	Слушать имъ г-на Крузіуса и Геллерта, а Голубцову, кромѣ того, ходить для лекцій къ проф. Гейнзіусу и Муллѣ.
Клейнфельдсъ	при анатоміи	Ему слушать г-дъ докторовъ Вейнбрехта и Вильдъ, да адъюнкта Ломоносова.
Протасовъ Котельниковъ	еще никуда не опредѣлены	Ходить имъ для лекцій къ адъюнктамъ Теплову, Крузіусу, да къ профессорамъ Леруа и Рикману.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2.

Acad. Cancel. Raporten. 1746.

Въ октябрѣ 1744 г. Протасовъ и Котельниковъ представили въ Академію слѣдующій рапортъ: „Vermöge des den 18-ten October von der Canceley der Academie der Wissenschaften erhaltenen Befehls, sind wir zu dem Prof. Weitbrecht gegangen, und haben ihm gemeldet, daß wir von der Canceley zu ihm geschickt wären Collegia bey ihm über die Anatomie zu hören; worauf er uns zur Antwort gegeben, er sey nicht Professor von der Anatomie und Medicin, und wäre folglich auch nicht verbunden über gedachte Wissenschaft zu dociren; würde aber die Academie der Wissenschaften desfalls mit ihm einen neuen Contract schließen wollen, so wäre er bereit über die Anatomie zu lesen, und er würde auch der Academie dieserhalb gehörige Vorstellung thun. Welches wir also hiemit der Canceley der Academie der Wissenschaften haben rapportiren wollen".

ПРИЛОЖЕНІЕ 3.

Инструкція двумъ въ Геттингенской Университетъ для продолженія наукъ отправляемымъ студентамъ:

Regula, ad quam ut studia sua in Universitate Göttingensi dirigant Basilius Swetow atque Basilius Venedictov, Philologiae Historiarumque studiosi, jussit Academia Scientiarum Imperialis Petropolitana. Petropoli d. Maii 1765.

I.

Hoc agite Basili Swetow et Basili Venedictov; huc convertite omnem curam cogitationemque vestram, ut ad spem expectationemque Academiae, quae vos eduxit, quae itineri, quod nunc studiorum causa ad exteros instituitis, sumtus suggerit haud illiberaliter, eventus respondeat. Quocirca in historiarum scientiam, quam non nostra vobis auctoritate injunctam, sed vestro ipsorum delectam judicio, colere

spopondistis, ea animi contentione atque constantia incumbite, quae grata Academiae sit, honoraria vobis, patriaeque universae olim fructuosa.

Tres annos vertentes licebit vobis Musarum Göttingensium consuetudine frui. Non est per se exiguum hocce studiorum curriculum, quod vobis circumscribit Academia: verum date operam, ut industria vestra illud etiam extendatis. Jam ea estis aetate, quae non desidiam modo, sed ne languorem quidem fert. Praeterea ad eam Universitatem ablegamini, ubi certe non campus, non materia deerit, in qua se exerceat ostendatque virtus vestra. Reliquum est, ut duo adhibeatis, diligentiam ac consilium: primum *diligentiam*, ne effluere vobis absque linea, quod aiunt, non menses, non hebdomades, sed ne dies quidem patiamini, plurium enim dierum jacturae paulatim in summam excrescunt; deinde *consilium*, ut ordinis atque rationis via procedat diligentia vestra, sitque tota ad hanc Regulam directa, quam hic vobis rite praescribimus.

Princeps studium ponetis in Historia. At cum nequeat illa percipi sine linguarum adminiculis, neque debeat perdisci alio fine, quam ut ad usum vitae agendique prudentiam omnis referatur: necesse habebitis, et Historiam, et Philologiam, et Philosophiam pari studio et diligentia aeque dispertita colere.

I. Historiae ipsius amplissimus campus est. Universe in antiquam dividitur atque recentiorem: quarum utraque aut origines resque gestas imperiorum perpetua continentique narratione tradit (*Historia* proprie sic dicta), aut formam eorum ac statum docet, cum quo modo constituta sint (*Jus publicum*), tum qua ratione administrentur (*Statistica*). Qui historiam antiquam profitentur, solent haec omnia iisdem acroasibus conjuncta proponere, nisi quod interdum a reliquo historiae corpore eam partem sejungunt, quae de forma rerum publicarum antiquarum ac de consuetudinibus populorum privatis exponit (*Antiquitates*). Pari modo ab utriusque historiae, tam antiquae quam recentioris, corpore litterarum atque religionis fata divellunt, unde *Litteraria* historia existit atque *Ecclesiastica*.

II. Linguarum multarum facultas non honoraria tantum Historiarum consulto est, verum quoque prorsus necessaria. Ac vetustatis quidem memoria monimentis graecis atque latinis continetur: *graece* igitur ac *latine* doctus historicus sit. Qui populi vero nunc Europae regna tenent, hi omnes fere perscripserunt historias suas eo sermone, qui cuique genti patrius est. Horum igitur ut historiae ita quoque linguae perdiscendae sunt, si non omnium, at eorum certe, quorum in

genere historico studium maxime eminuit, tamquam *Germanorum*, *Gallorum* atque *Anglorum*.

III. Philosophia historiae finis est. Acta enim generis humani annalibus condita sunt, atque ex iis cognoscuntur, non propter solam delectationem, sed ad vitae tum privatae tum civilis usum. Informare hominem debet historia primo ut sapiens (*Philosophia moralis*), dein ut justus (*Jus naturae*), postremo ut bonus civis sit (*Politica*).

Has scientias omnes oportet vos non cursim, non tumultuario studio colere, sed tota mente omnique animi impetu in eas incumbere. Neque tamen est, quod earum numerus vos perterrefaciat: *trium* enim *annorum* pensa a vobis exigimus. Ex omnibus scientiis, quas commemoravimus, nulla fere est, cujus initia semestri spatio non absolvant doctores Göttingenses. Jam cum vehementer ignavum oportet eum esse, qui quatuor aut quinque auditiones obire singulis diebus, recuset: facillime poteritis triennio quatuor et viginti scientiarum elementa percipere.

II.

Ante omnia vobis germanicae atque latinae linguae paranda facultas est, quo colere cum fructu auditiones publicas possitis. Quod ad *Germanicam* attinet, simul ac tangetis Germaniam, ipsa hominum consuetudo vobis vice magistri erit, praesertim si accesserit diligens lectio librorum. *Latinae* linguae facultatem adjuvabunt maxime collegia disputatoria, quae pluribus ex caussis longe utilissima vobis futura, ita frequentabitis, ut primo anno alios tantum disputantes audiatis, postea vero, in litteris aliquando confirmatiores, ipsi disputando vestri faciatis periculum.

Cum spes sit, fore, ut extremo Junio, adeoque tres menses ante hybernarum auditionum initium, Göttingae adveniatis: debebitis juxta germanicae atque latinae linguae studium omne illud tempus Geographiae impendere. Ea enim carere in historia nemo potest; at scholarum relicta subselliis a Professoribus Göttingae non traditur.

Ab his praesidiis instructi poteritis Octobri mense ipsum studiorum Academicorum curriculum ingredi, atque deinceps eas auditiones obire, quas vobis hic annumeramus.

Semestri I hiberno 1765—1766.

duce Achenwall......	1 *Historia recentior*
	2 *Antiquitates romanae*
Duce Heyne..........	3 Lingua *latina*
	4 Lingua *germanica*

Semestri II aestivo 1766.

Duce **Murray**	1 *Historia recentior* iterum
.... **Beckmann**	2 *Logica*
	3 lingua *latina*
	4 lingua *graeca*.

Semestri III hiberno 1766—1767.

Gatterer	1 *Historia antiqua*
Putter	2 Historia *Germaniae*
	3 *Philosophia moralis*
	4 Lingua *graeca*
	5 Lingua *gallica*.

Semestri IV aestivo 1767.

Duce **Achenwall**......	1 *Statistica*
.... **Achenwall**......	2 *Historia recentior* tertio
.... **Beckmann**......	3 *Jus naturae*
	4 Lingua *gallica*.

Semestri V hiberno 1767—1768.

Achenwall	1 *Politica*
Pütter	2 *Jus publicum Germaniae*
Walch	3 *Historia Ecclesiastica*
	4 *Heraldica*, *Numismatica* et *Diplomatica*.

Semestri VI aestivo 1768.

Hamberger..........	1 Historia *litteraria*
Büsching............	2 *Statistica*
	3 Lingua *Anglica*
Heyne	4 Lingua *graeca*.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVIII, № 7.

КЪ ИЗДАНІЮ ИЛІАДЫ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ ГНѢДИЧА.

С. И. ПОНОМАРЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1886.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

КЪ ИЗДАНІЮ ИЛІАДЫ, ВЪ ПЕРЕВОДѢ ГНѢДИЧА.

(С. И. ПОНОМАРЕВА).

Ошибки и недостатки прежнихъ изданій; составъ Гнѣдичевскаго гекзаметра, сравнительно съ гекзаметромъ Жуковскаго въ Одиссеѣ; нѣсколько объясненій къ переводу Гнѣдича; Гомеровская библіографія на Руси.

«Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.»
Пушкинъ.

Черезъ два года исполнится *четыреста лѣтъ со времени перваго печатнаго изданія всѣхъ твореній Гомера.* (Какъ извѣстно, оно появилось во Флоренціи въ 1488 году, въ двухъ фоліантахъ, и посвящено было сыну знаменитаго Лаврентія Медичи Петру, бывшему потомъ главою государства). Ученый міръ всего свѣта, конечно, отзовется на этотъ юбилей; не отстанетъ, безъ сомнѣнія, и Россія; навѣрно явится и новое изданіе Иліады, въ переводѣ Гнѣдича, достойное поэта и юбилея. Въ этой надеждѣ мы представляемъ теперь обзоръ изданій Гнѣдичевской Иліады; трудъ нашъ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ данью и памяти Гнѣдича, для котораго мы такъ непростительно мало сдѣлали въ его недавній столѣтній юбилей.

Біографъ Гнѣдича (М. Лобановъ) разсказываетъ намъ, что «Гнѣдичъ глубоко вникалъ въ каждый стихъ, въ каждый звукъ Иліады. Она была собесѣдницею, спутницею, услажденіемъ всей

его жизни. Ни болѣзни, ни страданія не охладили въ немъ этой любви»... Какъ же мы отнеслись къ его двадцатилѣтнему труду? Какъ выполняется изданіе его у насъ?

I.

До настоящаго времени вышло уже пять изданій Гнѣдичевскаго перевода: первое—въ 1829 году, еще при жизни Гнѣдича, изданіе Россійской Академіи (что̀ нынѣ Второе Отдѣленіе); второе—въ 1839 году, изданіе книгопродавца Лисенкова, напечатанное съ экземпляра, *исправленнаго переводчикомъ* и хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ; третье — въ 1862 году, изданіе того же Лисенкова; четвертое и пятое явились разомъ въ 1884 году (не потому впрочемъ, чтобы въ нихъ была настоятельная нужда, а потому лишь, что прошло уже 50 лѣтъ по смерти Гнѣдича, и право изданія Иліады стало собственностію каждаго); это были—изданіе товарищества М. О. Вольфъ въ собраніи сочиненій Гнѣдича (т. 2-й и 3-й) и наконецъ—изданіе А. С. Суворина.

Можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, что *второе изданіе рѣзко отличается отъ перваго;* но къ великому сожалѣнію, Гнѣдичъ не успѣлъ сдѣлать *втораго* изданія при своей жизни; явилось оно спустя уже шесть лѣтъ послѣ его смерти. Остальныя три изданія печатались со *втораго* (1839 г.). Посмотримъ же, что̀ это за изданіе, которому такъ довѣрчиво слѣдуютъ позднѣйшія, хотя впрочемъ не во всемъ.

II.

Еще въ 1839 году «Отечественныя Записки» говорили объ немъ: «*многіе дюжинные романы издаются у насъ съ большею отчетливостію*» (№ 3, критика, стр. 66). Издатель Лисенковъ самъ отчасти видѣлъ это, потому что приложилъ къ своему изданію списокъ 95-ти типографскихъ опечатокъ. Но *кромѣ указанныхъ имъ* встрѣчается еще столько же, изъ коихъ иныя искажаютъ и стихъ и смыслъ: тамъ пропущены слова, тамъ поста-

влены другія; запятыя иногда отдѣляютъ подлежащее отъ сказуемаго (голову отъ тѣла), а иногда ихъ вовсе нѣтъ; родительный падежъ *ея* пишется *ее;* вмѣсто самого видимъ самаго; слово *ринуться* почти вездѣ является рынуться; союзъ *но* отдѣляется запятою очень часто безъ всякаго основанія, и пр. и пр. Значительная часть этихъ ошибокъ повторяется въ изданіяхъ позднѣйшихъ, которыя допустили еще и множество новыхъ ошибокъ, такъ напр. въ изданіяхъ 1884 года оказывается въ одномъ 248, въ другомъ 255 крупныхъ опечатокъ, *искажающихъ стихъ или смыслъ.* Впрочемъ, изданіе Суворинское все-таки исправнѣе Вольфовскаго, которое допустило даже пропуски по цѣлому стиху, пропускало слова, а разъ прибавило лишнее слово (IX, 477, 687—688; I, 224). Очевидно, что никто изъ издателей не имѣлъ предъ собою ни рукописи переводчика, ни его исправленнаго печатнаго экземпляра, и потому *ни одного изданія нельзя признать исправнымъ.*

III.

Эллинисты говорятъ намъ, что у Гомера періодической рѣчи почти не существуетъ; предложенія у него не подчиняются одно другому, а связываются одно съ другимъ. Почти каждый отдѣльный гекзаметръ у него представляетъ законченную цѣлую мысль; рѣдко у него мысль выражается въ двухъ или въ трехъ гекзаметрахъ. Гнѣдичъ понималъ это и старался въ своемъ переводѣ почаще отдѣлять предложенія, ставя запятыя и точки съ запятыми даже предъ тѣми предложеніями, которыя начинаются союзомъ *и*, но имѣютъ совершенно другое, самостоятельное подлежащее. Эта пунктуація еще сохраняется во второмъ изданіи, но позднѣйшія совершенно напрасно не сохранили ее. Въ изданіи Суворинскомъ встрѣчаются періоды *въ 10 и 14 строкъ*; въ немъ иногда точки замѣняются запятыми; предложенія съ различными подлежащими, но соединенныя союзомъ *и*, запятыми не отдѣляются, отчего затемняется самый смыслъ рѣчи; напримѣръ:

«Рекъ и послушался Гектора сынъ знаменитый Анхизовъ»...
«Такъ говорила и тихо осклабилась Гера богиня»..

Здѣсь въ *каждомъ* стихѣ по *два особыхъ* подлежащихъ и потому предложенія должны бы отдѣляться запятыми для ясности рѣчи, для легкости чтенія. Кажется, спору быть не можетъ, что въ произведеніяхъ серьезныхъ мы должны сохранять пунктуацію автора или переводчика, а тѣмъ болѣе въ поэтическомъ произведеніи, написанномъ гекзаметрами разнообразнаго состава. Впрочемъ Суворинское изданіе исправило нѣкоторыя очевидныя ошибки въ пунктуаціи прежняго изданія. Какъ бы ни было, корректуру Иліады нельзя держать какому нибудь грамотею, а непремѣнно литератору, знающему механизмъ стиха вообще и гекзаметра въ особенности.

IV.

Ни одно изъ послѣднихъ изданій Иліады не снабжено удареніями въ самыхъ затруднительныхъ мѣстахъ; а эти ударенія положительно необходимы для правильнаго чтенія гекзаметровъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ стихахъ Гнѣдича одно и тоже слово, иногда на одной и той же страницѣ, имѣетъ *двоякое* удареніе, смотря по составу гекзаметра. Изъ такихъ словъ у Гнѣдича мы замѣтили слѣдующія: *битвы*, *броню*, *быстро*, *возвышенный*, *высоко*, *вѣнчанная*, *граждане*, *далеко*, *дарyютъ*, *добыли*, *добычу*, *должно*, *дротомъ*, *жестоко*, *за ногу*, *идутъ*, *издали*, *или*, *коней*, *крови*, *льняныя*, *мѣдяный*, *назвалъ*, *обнялъ*. *обоихъ*, *отдалъ*, *повѣствуютъ*, *подалъ*, *поднялъ*, *попранный*, *придетъ*, *призвалъ*, *противу*, *родила*, *сидя*, *смотря*, *собралъ*, *сорвалъ*, *среди*, *стоя*, *стрѣлу*, *суждено*, *узритъ*, *чтобы*, *широко* и пр. Кромѣ того, ударенія необходимы и для правильности чтенія гекзаметра, какъ это ясно будетъ изъ слѣдующихъ примѣровъ:

«Гекторъ увидѣлъ, и взялъ его страхъ; больше не могъ онъ». (XXII, 136).

Читая этотъ стихъ, вы безъ сомнѣнія произнесете слово *«страхъ»* съ удареніемъ, а въ такомъ случаѣ у васъ четвертая стопа явится изъ *одного слога*; между тѣмъ какъ для стиха надо читать *«страхъ»* безъ ударенія, усиливая это удареніе на словѣ

«его»: только въ такомъ случаѣ и гекзаметръ выйдетъ правильнымъ, и смыслъ рѣчи выставится ярко:

«Гекторъ увидѣлъ, и|взялъ е|го̀ страхъ|; больше не могъ онъ...

Третья и четвертая стопа здѣсь—хорей; а смыслъ тотъ, что даже Гекторъ устрашился Ахиллеса.

Другой примѣръ:

«Дай мнѣ любви, Афродита, дай мнѣ тѣхъ сладкихъ желаній,
«Коими ты покоряешь сердца» . . . . (XIV, 198—99).

Вы навѣрно прочтете съ удареніемъ второе *«дай»*; а смыслъ рѣчи (очевидный изъ послѣдующаго стиха) требуетъ ударенія на второмъ «мнѣ»:

«Дай мнѣ любви, Афродита, дай|*мнѣ* тѣхъ|сладкихъ желаній,
«Коими *ты* покоряешь сердца»...

Значитъ, здѣсь четвертая стопа—хорей.

И такихъ гекзаметровъ съ двойственнымъ смысломъ въ Иліадѣ не мало. Затруднителенъ въ чтеніи 748 стихъ XXIII пѣсни:

«Царь Ахиллесъ и ту чашу выставилъ, чествуя друга».

Въ немъ можно признать хореемъ или вторую стопу, или третью; — въ первомъ случаѣ слово «чашу» окажется безъ ударенія. Мы признаемъ хорей въ 3-й стопѣ.

Необходимы ударенія и потому еще, что у Гнѣдича часто встрѣчаются и двусложныя слова, которыя надо читать безъ всякаго ударенія, напр. *чтобы* I, 182; *его* I, 249; *они* I, 270; *тебя* I, 280; *передъ* I, 329; *скажетъ* IV, 182; *между* IV, 316; *еще* I, 396; V, 254; *твое* V, 472; *поры* V, 842; *противъ* VII, 197; *нижѐ* X, 91; *мимо* X, 350; *или* VI, 2, XI, 410; *либо* XII, 305; *послѣ* XVI, 55; *въ него* XVI, 332; *если* XVIII, 180; *когда* XVIII, 465; *среди* XVIII, 604; *свою* XX, 412; *уже* XXI, 266; *меня, только, ему* XXI, 82, 103, 596; *подлѣ* XXIII, 338; *моихъ* XXIV, 506; и многія другія, *по нѣскольку разъ каждое.* А союзъ *«и»* у Гнѣдича иногда требуетъ для себя непремѣнно выдающагося ударенія; вотъ примѣръ, въ которомъ двусложное слово

«скажетъ» должно произносить безъ ударенія, а за нимъ союзъ *«и»* съ замѣтнымъ удареніемъ:

«Такъ скажетъ,—и́ тогда разступися земля подо мною! (IV, 182).

Почти совершенно подобный стихъ есть и въ другомъ мѣстѣ (VIII, 150), гдѣ надъ *«и»* уже вовсе не надо ударенія:

«Скажетъ хвалясь, — и тогда́ разступися земля подо мною!»

Встрѣчаются также стихи, гдѣ *два* слова лишены ударенія, напр. XXII, 42:

«Сколько мнѣ: о давно бъ уже трупъ его псы разстерзали».

Здѣсь слова «уже» и «его» безъ ударенія.

Иногда одно и тоже слово повторяется въ стихѣ, безъ ударенія и съ удареніемъ, напр.: XX, 456: «Тотъ, зашатавшись, у нóгъ его палъ; но егó онъ оставилъ».

Здѣсь первое «его» безъ ударенія, а второе—съ удареніемъ.

Еще болѣе необходимы ударенія надъ собственными именами, которыхъ такъ много въ Иліадѣ и которыя такъ мало знакомы русскому уху, а у Гнѣдича они слышатся иногда съ двоякимъ удареніемъ, напр. *Архилохъ* II, 822 и XIV, 463; *Ѳракіянъ* II, 844 и IV 537; *Гикетаонъ* III, 147 и XX 238; *Ликіянъ* V, 482 и 673; *Эвней Язонидъ* VII, 468 и XXI, 41; *Скиросъ* IX, 668 и XIX, 326; *Илиѳія* XI, 270 и XVI, 187; Дардана XX 215 и 460 и проч.

V.

Давнымъ-давно уже всѣ убѣждены, что переводъ Иліады не можетъ обойтись безъ разнородныхъ объяснительныхъ примѣчаній; безъ нихъ нельзя понять и десятой доли ея. За границею, гдѣ классическое образованіе несравненно шире и глубже, чѣмъ у насъ, переводы Иліады англійскіе, итальянскіе, нѣмецкіе, французскіе снабжены такою массою примѣчаній, миѳологическихъ, археологическихъ, историческихъ, что своимъ объемомъ эти примѣчанія иногда превосходятъ самый текстъ поэмы. А у насъ?... Гнѣдичъ еще въ 1826 году сознавалъ необходимость

подобныхъ примѣчаній, но время и болѣзнь не позволили ему приготовить ихъ; онъ успѣлъ напечатать только одинъ отрывокъ. Прошло послѣ того 60 лѣтъ, явилось у насъ множество профессоровъ и преподавателей греческаго языка, классицизмъ водворился широко въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, — а переводъ Гнѣдича все еще издается безъ всякихъ примѣчаній, и въ объясненіе Иліады у насъ не явилось ни одной статьи. *Пять* изданій уже вышло Иліады,—и ни одно изъ нихъ не догадалось приложить у себя хотя отрывокъ примѣчаній Гнѣдича, напечатанный имъ въ Сынѣ Отечества въ 1826 г. (т. CIX); ни одно не воспользовалось ни примѣчаніями И. И. Мартынова, сдѣланными при его переводѣ Иліады (1823 — 1825), ни примѣчаніями Б. И. Ордынскаго въ Отеч. Запискахъ 1850 и 1853 гг., никто не предложилъ даже объясненій старинныхъ словъ русскихъ или малоизвѣстныхъ иностранныхъ, кое-гдѣ употребленныхъ Гнѣдичемъ...

«И древняя тьма лежитъ на рощахъ русскаго Ликея!»

VI.

Доселѣ ни одинъ изъ нашихъ еллинистовъ не потрудился сличить переводъ Гнѣдича съ подлинникомъ, хотя бы въ одной пѣсни, какъ сдѣлано П. А. Лавровскимъ съ Одиссеею Жуковскаго. И только нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній предложено было въ Отеч. Запискахъ 1839 (№ 3, стр. 60), да въ книгѣ г. Водовозова «Новая русская литература» (Спб. 1866, стр. 49),— и все тутъ! И объ этихъ замѣчаніяхъ даже не упомянуто въ новыхъ изданіяхъ Гнѣдичевскаго перевода. Короче сказать, трудно найти примѣръ подобнаго незаслуженнаго, обиднаго невниманія, какое оказано у насъ великому труду Гнѣдича, въ теченіе почти 60-ти лѣтъ со дня его изданія. Съ горькимъ чувствомъ можно примѣнить къ трудолюбцу-переводчику стихъ Пушкина:

«Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ *одинъ*...»

VII.

Еще до сихъ поръ не исправлены и даже не замѣчены нѣкоторыя мѣста въ переводѣ, которыя невольно возбуждаютъ сомнѣніе и требуютъ сличенія съ рукописью или печатнымъ экземпляромъ переводчика. Такъ напр., *вопреки неизмѣнному правилу гекзаметра*, пятая стопа является хореемъ, вмѣсто дактиля, въ слѣдующихъ стихахъ:

II, 758. Жили они; предводилъ ихъ въ сраженіе *Проѳой* быстрый...

III, 33. Словно какъ путникъ увидя дракона въ у*щельяхъ* горныхъ...

V, 96. Какъ онъ, крутясь по полямъ, волновалъ предъ со*бой фа*ланги...

V, 287. Празденъ ударъ, ты обманутъ! но вы, я на*дѣюсь*, оба...

IX, 34. Храбрость мою порицалъ ты недавно *передъ* ратью ахейской...

— 38. Скипетромъ власти славиться далъ онъ те*бѣ предъ* всѣми...

— 325. Такъ я подъ Троею сколько ночей прово*дилъ без*сонныхъ...

X, 397. Или уже укрощенные ратною *нашей* силой...

— 496. Царь тяжело застоналъ, у него снови*дѣньемъ* грознымъ...

XI, 486. Сталъ передъ нимъ; а Трояне разсыпались *другъ предъ* другомъ...

— 827. Но спаси ты меня, проводи на ко*рабль мой* черный...

XII. 359. Мчатся туда воеводы ликійскіе, *кои* прежде...

XXII. 349. Псовъ пожирающихъ! Если и въ десять и въ *двадцать* кратъ имъ...

XXIII, 455. Признакъ имѣлъ онъ родимый и какъ *мѣсяцъ* свѣтлый и круглый.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ большинство этихъ стиховъ вкрались грубыя опечатки, которыя однако *повторяются* ненарушимо и въ Суворинскомъ изданіи, а 10 изъ нихъ и въ Вольфовскомъ. Безъ сомнѣнія, надо печатать: III, 33 ущел*іяхъ*; V, 96 собо*ю*; V, 287 надѣю*ся*; IX, 34 *предъ*; IX, 38 и XI 486 *передъ*; X, 397 наше*ю*; X, 496 сновид*ѣніемъ*; XII, 359 *и* прежде (сличи XII, 346 и XVII, 720); XXII, 349 вмѣсто *двадцать* надо *двадесять* и не: *имъ* а: *мнѣ*; XXIII, 455, вмѣсто «и какъ мѣсяцъ свѣтлый», надо: какъ мѣсяцъ и свѣтлый и круглый. Остальныхъ трехъ стиховъ мы не догадываемся исправить (II, 758; IX, 325 и XI, 827). При этомъ, кстати будетъ замѣтить, что подобныхъ промаховъ *ни одного нѣтъ* у Жуковскаго въ цѣлой Одиссеѣ его.

Кромѣ этихъ несомнѣнныхъ ошибокъ, встрѣчаются еще многія другія, возбуждающія разнаго рода сомнѣнія; напр.

Въ I-ой пѣсни, въ 15 стихѣ вѣнецъ является *краснымъ*, а въ 374 стихѣ *свѣтлымъ* (послѣднее ошибочно).

— Въ той-же пѣсни, въ 366 стихѣ читаемъ: «градъ Этіо*новъ*» (у другихъ: Этіо*п*овъ), но это несомнѣнно градъ *Гетіоновъ*, сличи VI, 396; IX, 188; XVI, 153.

— Тамъ же, ст. 415: «безъ слезъ и *печаленъ*». Конечно: печа*лей*, а между тѣмъ во *всѣхъ* изданіяхъ стоитъ печа*ленъ*.

— II, 115. «Въ Аргосъ *безславный* бѣжать» — грубая ошибка, надо: безслав*нымъ*, сличи IX, 22.

— II, 519. «Пиѳо*нъ*», а въ IX, 405 Пиѳо*съ*; первое—ошибка.

— II, 646. «Въ *Гносѣ* живущихъ», а въ XVIII, 591 — *Кноссѣ*, и это одинъ и тотъ же городъ.

— II, 693. «Минета», а должно быть: Минеса, сличи XIX, 296.

— II, 822. Ар*хи*лохъ является въ XIV, 463 Ар*ги*лохъ.

— II, 825. Эзеповы воды въ IV 91 потоки Эсепа.

— III, 268—269. Здѣсь два раза сряду повторяется слово «*жертвы*», а смыслъ затемняется, вѣроятно вслѣдствіе ошибки въ знакахъ препинанія.

— IV, 186—187. «*Поясъ*... а подъ онымъ
Запонъ...

Очевидная ошибка, произшедшая вѣроятно при сверсткѣ набора; должно быть:

«*Запонъ*... а подъ онымъ

«*Поясъ*... (сличи тамъ же 215—216 ст.).

— V, 341. «*Вѣрно бы тамъ и погибнулъ Арей, ненасытимый бранью*».

Стихъ этотъ стоитъ рѣшительно не въ своемъ мѣстѣ, онъ долженъ быть 388-мъ, послѣ стиха:

«Скованъ, тринадцать онъ мѣсяцевъ въ мѣдной темницѣ томился».

Грубѣйшая ошибка эта повторяется и въ изданіи Вольфа; въ изданіи Суворина она исправлена.

— VII, 421. «Солнце лучами новыми чуть *поразило* долины...»

Какъ оно могло новыми (утренними?) лучами *поразить* долины — не понимаемъ.

— VIII, 43. «Золотомъ самъ онъ *одѣлся*...»

Тутъ непремѣнно должно быть: *одѣялся*,— сличи XIII, 25 И постоянно у Гнѣдича глаголъ *одѣять*, а не *одѣть*: IX, 231; X, 21; XII, 464; XVI, 680; XVIII, 451.

— VIII, 128. Арх*ип*толемъ является въ 312 стихѣ Арх*еп*толемъ, а лицо одно и тоже; послѣднее правильнѣе.

XI, 619. *Оба сошли съ колесницы на щѐдропита̀ющу̀ю землю*».

Здѣсь въ *одномъ* словѣ «*щѐдропита̀ющу̀ю*» надо допустить *три* ударенія, чтобы вышелъ правильный гекзаметръ, а при этомъ *пятая* стопа явится *хореемъ* и стихъ выйдетъ семистопнымъ. Въ другихъ пѣсняхъ Гнѣдичъ употребилъ иной эпитетъ, удобный для стиха: «*многоплодящую*» (VII, 486, XII, 158), его надо ввести и здѣсь.

— XI, 651. Самъ узнаю̀; Маха̀она я вижу, владыку народовъ».

Опять стихъ искаженъ типографской перестановкой слова надо бы такъ:

«Самъ узнаю̀, я Махаона вижу... и т. д.

Къ слову о сомнительныхъ мѣстахъ: въ «Запискахъ» своихъ (Сборникъ Отд. Р. Яз. и Сл. т. XXXIII, № 3, с. 76), Гнѣдичъ разсказываетъ сонъ свой о Гомерѣ и, между прочимъ, говоритъ, что Гомеръ и Іисусъ, сынъ Сираховъ, жили почти въ одно время. Присниться это могло, а на дѣлѣ было не такъ. Исторія относитъ Гомера къ X вѣку, а Іисуса, сына Сирахова къ III, и даже къ II вѣку до Р. Хр. Современникомъ Гомера могъ быть только пророкъ и царь Давидъ (1085—1015).

VIII.

Кромѣ этихъ сомнительныхъ мѣстъ, встрѣчаемъ въ изданіи 1839 года много опечатокъ, *искажающихъ стихъ или смыслъ*; для пользы новаго изданія, укажемъ ихъ здѣсь (оставляя въ сторонѣ обыкновенныя, очевидныя для всякаго, а равно и указанныя издателемъ въ концѣ книги).

I, 90. самаго—самого.
II, 36. сѹждено—сужено.
— 500. Элéонъ—Элеòнъ.
— 539. народовъ—народъ.
— 754. Елею—елею.
— 823. сына—сыны.
— 861. варварскихъ—варварскимъ.
III, 65. непороченъ—не пороченъ.
IV, 110. рогодѣлецъ—рогодѣлъ.
— 176. Укажетъ—Скажетъ.
— 445. умиряющихъ—умирающихъ.
V, 419. возбуждая—возбуждали.
— 459. самаго—самого.
— 484. Чтобы—Чтó-бы.
— 860. или—иль.
VI, 89. Такъ—Тамъ.
— 150. объявляю—объявлю.
— 206. Жилъ—Живъ.
VII, 99. погибнете—погибните.

— 409. скончившихъ — окончившихъ.
VIII, 135. воспаленнаго— воспаленная.
— 228. дивные—дивное.
— 422. не замыслитъ— ни замыслитъ.
IX, 80. устремилися— устремились.
— 97. Словно — Слово.
— 108. тебѣ—тебя.
— 375. 559. самаго — самого.
X, 130. или—иль.
— 219. возговорилъ— взговорилъ.
— 277. возмолился—взмолился.
XI, 243. Юный — Юной.
— 426. Харона — Харопса.
XII, 48. не бросится — ни бросится.
— 53. перескаку—перескоку.
— 316. пылающимъ—пылающемъ.
XIII, 113. оскорбилъ—онъ оскорбилъ.
— 492. такъ—какъ.
XIV, 91. захочешь-захочетъ.
— 289. Такъ—Тамъ.
XV, 153. возсѣдѣлъ—возсидѣлъ (или возсѣдалъ).
— 349. Тамъ жь—Тамъ же.
— 481. облочка—оболочка
— 515. Перемедова—Перимедова.
— 543. Рея—Рѣя.
XVI, 229. водой—водою.
— 674. братія—братья и
— 796. суждено — сужено.
XVII, 163. самаго—самого.
— 358. впредъ—впередъ.
— 399. изрекла—изрекли.
— — горящая—горящіе.
— 742. силою—силой.
XVIII, 245. вечерѣ—вечери (т. е. ужинѣ).
— 434. не противилось. ни противилось.
XIX, 192, XX, 171, XXII, 351, XXIV, 198, самаго—самого.
— 222. классовъ — класовъ.
XX, 95. подавшей—подававшей.
— 432. также—такъ же.
XXII, 45. или продавъ—иль продавъ (иначе— въ одномъ и томъ же стихѣ будетъ *йли* и *илй* и стихъ окажется семистопнымъ).
— 310. или — иль.

— 504. удовольствіемъ сердце блистая (?!) удовольствіемъ сердца?).

XXIII, 205. Нѣкогда—Некогда.

— 328. или—иль.

IX.

Кромѣ обычнаго, шестистопнаго гекзаметра, у Гнѣдича встрѣчаются и *семи*стопные и *пяти*стопные. Приводимъ эти стихи, чтобы легче было сличить ихъ кому нибудь изъ служащихъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ съ рукописью Гнѣдича. Семистопные стихи въ изданіи 1839 года (и во всѣхъ другихъ изданіяхъ) слѣдующіе:

I, 45. *Лукъ за плечами неся и колчанъ со стрѣлами отвсюду закрытый.*

— 184. *Дѣву пошлю; но къ тебѣ я приду и изъ кущи твоей Бризеиду...*

— 500. *Герѣ паки немедля отвѣтствовалъ тучегонитель Кроніонъ*

V, 653. *Ихъ отъ меня ты пріимешь и копьемъ симъ поверженный, славу...*

VI, 503. *Тою порою и Парисъ не медлилъ въ высокихъ палатахъ...*

IX, 646. *Сердце мое раздымается гнѣвомъ, лишь вспоминаю о томъ я...*

XV, 495. *Раненъ мечемъ, или стрѣлой роковою постигнется смертью...*

XVII, 559. *Дѣйствуй рѣшительно̀ и всѣ возбуди ополченья Данаевъ...*

XXI, 71. *Иль и теперь ночевать предъ судами намѣрены? Нѣтъ, уповаю...*

— 298. *Сдѣлаешь счастливой супругой, что скоро въ Фтійскую землю*

XXIII, 170. *Тамъ же разставилъ онъ съ медомъ и со свѣтлымъ елеемъ кувшины...*
— 455. *Признакъ имѣлъ онъ родимый и какъ мѣсяцъ свѣтлый и круглый.*

Нѣкоторые изъ этихъ стиховъ легко могутъ сдѣлаться шестистопными, если допустить въ нихъ нѣкоторыя сокращенія, которыя вѣроятно и были въ рукописи Гнѣдича, напр. VI, 503 порой; IX, 646 вспомню; XVII, 559 всѣ (вмѣсто «*и* всѣ»; такимъ образомъ въ томъ же стихѣ въ словѣ «рѣшительно» останется одно удареніе); XXIII 170 съ свѣтлымъ. О послѣднемъ стихѣ мы уже имѣли случай замѣтить, что въ немъ пятая стопа, вопреки основному правилу, является хореемъ, и тамъ же указали его правильный видъ.

Впрочемъ, это небольшое количество замѣченныхъ нами *семи*стопныхъ стиховъ въ переводѣ Гнѣдича далеко уступаетъ тому количеству, какое встрѣчаемъ въ Одиссеѣ Жуковскаго: тамъ семистопныхъ стиховъ 34, которые и указываемъ для любителей гекзаметра: II, 395, 420; IV, 582; V, 171, 261, 331, 428; VI, 167, 280, 296; VII, 231; VIII, 7, 57, 290; IX, 55, 220, 385; X, 92, 312, 350, 517; XI, 55, 186, 243, 294, 395; XII, 205, 255, 268, 392, 430; XIII, 66, 275; XV, 519.

*Пяти*стопныхъ стиховъ у Гнѣдича нашли мы два:

II, 267. *Вдругъ полоса, подъ тяжестью скиптра златого...*
— 522. *Вдоль у Кефиса священной рѣки обитали.*

Тутъ несомнѣнно какой нибудь пропускъ.

А у Жуковскаго въ Одиссеѣ пятистопныхъ стиховъ *двадцать*: V, 362, 478; VI, 177; VII, 276, 288, 319; VIII, 403; IX, 222, 403; X, 167, 333, 467; XI, 364; XII, 78, 203, 331, 381; XIII, 133, 141; XVII, 11.

X.

До сихъ поръ никѣмъ еще не разобранъ составъ гнѣдичевскаго гекзаметра, а онъ заслуживаетъ внимательнаго разсмо-

тренія, по своему разнообразію, по употребленію въ извѣстномъ случаѣ, особенно въ сравненіи съ гекзаметромъ Жуковскаго.

Сдѣлаемъ по этому вопросу что можемъ.

Гекзаметръ въ русской поэзіи обыкновенно является состоящимъ изъ шести стопъ: первыя пять — дактили, а шестая — хорей. Такой составъ гекзаметра преобладаетъ и въ переводѣ Гнѣдича; но у него являются еще и другіе виды гекзаметра, т. е. въ стихъ иногда входятъ 2, 3 и 4 хорея, а дактилей остается 4, 3 и даже 2. Это яснѣе будетъ видно изъ слѣдующаго анализа каждой пѣсни.

Первая пѣснь Иліады.

Въ 1-й пѣсни, кромѣ хорея, *неизмѣннаго въ 6-й стопѣ*, являются еще:

1) Первая стопа хорей въ стихахъ [1]: 1, 12, 19, 49, 70, 71, 82, 97; **140**, 41, 43, 63; **204**, 18, 23, 27, 33, 62, 81; **320**, 28, 39, 70, 78, 91; **426**, 27, 38, 39, 50, 54, 94; **506**, 8, 60, 69, 94, 96; **609** (и того — 39).

2) Вторая стопа хорей: 8, 41, 59; **102**, 29, 35; **221**, 75; **308**; **416**, 96; **518**. (—12).

3) Третья стопа хорей: 26, 63, 80, 88; **177**, 87; **238**, 67, 87; **357**; **440**, 43, 63, 67, 70, 83, 93; **533**, 45, 78, 98; **610**, (—22).

4) Четвертая стопа хорей: 20, 40. 44, 79; **120**, 31; **228**; **472**; **540**, 42, 47, 62, 71, 85 (—14).

5) Первая и вторая стопа хореи: 14, 53; **373**; **435** (—4).

6) Первая и третья стопа хореи: 31, 39; **220**; **432**, 87, 69 (—6).

7) Первая и четвертая стопа хореи: 23; **265**; **377**; **425**; **583** (—5).

8) Вторая и третья стопа хореи: **274**; **309** (—2).

---

[1]) Указывая стихи по мѣсту ихъ въ каждой пѣсни, мы для краткости обозначаемъ *сотни* только *однажды*, отличая каждую *новую* сотню *жирными* цифрами; такимъ образомъ числа наши **140**, 41, 43, 63, значатъ 140, 141, 143, 163 и т. под.

9) Третья и четвертая стопа хореи: 9, 69; 167; 546 (— 4).

10) Первая, третья и четвертая стопа хореи: 605 (—1).

11) Всѣ остальные стихи состоятъ изъ пяти дактилей и одного хорея въ концѣ.

Всѣхъ стиховъ въ 1-й пѣснѣ — 611; изъ нихъ 502 имѣютъ по одному хорею, 87 по два, 21 по три, а 1 — четыре хорея. Въ первой же пѣсни Одиссеи Жуковскаго 440 стиховъ, изъ нихъ 421 по одному хорею, а 19 по два, — и только. Подобное же отношеніе между нашими поэтами встрѣтимъ и въ слѣдующихъ пѣсняхъ. Отсюда уже ясно, что гекзаметръ у Гнѣдича является разнообразнѣе и по тому самому затруднительнѣе для свободнаго и правильнаго чтенія, а у Жуковскаго онъ проще, ровнѣе и легче. Но при искусномъ чтеніи гнѣдичевскаго гекзаметра, сила и картинность стиховъ его выдаются чрезвычайно ярко, и самый смыслъ ихъ становится выразительнѣе; гекзаметры Гнѣдича надо читать приготовившись, или по крайней мѣрѣ обозначивши на нихъ главныя удареніа.

Вторая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей: 11, 50, 99; 107, 18, 25, 74, 87; 257, 63, 65, 70, 81; 308, 13, 14, 17, 20, 29, 32, 83, 85; 407, 8, 26, 50; 508, 16, 34, 45, 46, 49, 69, 70, 82; 607, 17, 28, 37, 42, 43, 49, 75, 86; 707, 14, 21, 24, 48, 54, 56, 71, 99; 800, 14, 29, 36, 45, 64, 67, 69 (итого 61).

2) Вторая стопа хорей: 23, 60, 80, 84; 141, 94; 227, 31, 67, 79; 300, 51, 71; 412, 26, 59, 86; 572; 623, 63, 89; 708 (—22).

3) Третья стопа хорей: 22, 44, 47, 58; 119; 219, 28, 69, 72; 319; 430, 32; 504, 18, 66, 75, 84; 636, 47, 58, 83; 736, 68, 93; 830, 59 (—26).

4) Четвертая стопа хорей: 59, 98; 117, 22, 34, 60, 64, 80; 245, 59; 326, 70; 424, 25, 56, 67, 74; 527, 62; 601, 18, 57, 60, 92, 95; 743, 57, 61, 73, 88, 98; 804, 52 (—33).

5) Первая и вторая ст. хореи: 6, 28, 65 (—3).

6) Первая и третья ст. хореи: 375; 536 (—2).

7) Вторая и третья ст. хореи: 196; 592 (—2).

8) Вторая и четвертая ст. хореи: 497 (—1).

9) Третья и четвертая ст. хореи: 34, 71; 252; 433 (—4).

10) Всѣ остальные стихи — обыкновенные гекзаметры — пять дактилей и хорей.

Изъ 877 стиховъ этой пѣсни 723 имѣютъ по одному хорею, 142 по два, 12 по три. У Жуковскаго во II пѣсни Одиссеи 434 стиха, изъ коихъ 425 съ однимъ хореемъ, а 9 съ двумя.

Третья пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей: 3, 15, 18, 56, 78, 79, 96; 107, 36, 38, 59, 69, 70, 76, 90, 94; 215, 16, 19, 33, 41, 76; 320, 30, 47, 56, 67, 74, 76, 99; 407, 19, 25, 39 (и того 34).

2) Вторая стопа хорей: 13; 189; 213, 47, 78, 95; 306 (—7)

3) Третья ст. хорей: 4, 17, 40; 101, 17, 72, 79; 253, 57, 77; 302, 14, 29, 46 (—14)

4) Четвертая ст. хорей: 21, 64; 123, 39, 52, 57; 293, 317, 32, 34; 449 (—11).

5) Первая и вторая ст. хореи: 178; 264; 340, 52 (—4).

6) Первая и третья ст. хореи: 221 (—1).

7) Первая и четвертая ст. хореи: 63 (—1).

8) Вторая и третья ст. хореи: 246 (—1).

9) Вторая и четвертая ст. хореи: 217 (—1).

10) Третья и четвертая ст. хореи: 125 (—1).

11) Остальные стихи — обычные гекзаметры.

Всего въ III пѣсни 461 стихъ, изъ коихъ 386 съ однимъ хореемъ, 66 съ двумя, а 9 съ тремя. Въ III пѣсни Одиссеи 497 стиховъ: 484 съ однимъ хореемъ и 13 съ двумя.

Четвертая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей: 12, 13, 19, 22, 36, 57, 59, 62; 119, 24, 27, 35, 39, 58, 64, 69, 86, 91; 210, 13, 14, 18, 40, 62, 65, 68, 84; 329,

37, 45, 57, 67, 81; 412, 20, 29, 33, 36, 38, 60, 65, 70; 511, 28 (и того 44).

2) Вторая ст. хорей: 14, 40, 61; 148, 50, 78, 82; 257; 307, 46, 83, 95; 409, 55; 513 (—15).

3) Третья стопа хорей: 66, 71, 68, 90; 194; 242, 63; 350; 426; 526 (—10).

4) Четвертая ст. хорей: 4, 5, 78; 173; 212, 72; 309, 10, 21, 82 (—10).

5) Первая и третья ст. хореи: 131; 379, 96 (—3).

6) Первая и четвертая ст. хореи: 137, 85; 317 (—3).

7) Вторая и третья ст. хореи: 245 (—1).

8) Вторая и четвертая ст. хореи: 75 (—1).

9) Третья и четвертая ст. хореи: 82; 449 (—2).

10) Остальные — обычные гекзаметры.

Изъ 544 стиховъ этой пѣсни: 455 съ однимъ хореемъ, 79 съ двумя и 10 съ тремя. Въ IV пѣсни Одиссеи 847 стиховъ: 838 съ однимъ хореемъ, 9 съ двумя.

Пятая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей: 13, 23, 53, 54, 90; 114, 23, 37, 46, 58, 59, 61, 78, 90; 219, 24, 29, 64; 334, 70, 81, 95; 412, 24, 27, 30, 31, 72, 81; 539, 65, 70, 71; 608, 38, 40, 43, 49, 51, 59, 79, 83, 86, 88; 714, 15, 20, 51, 55, 72, 75; 806, 18, 53, 55, 70, 73, 80, 95 (и того 59).

2) Вторая ст. хорей: 38, 59, 82; 151, 55, 86, 91; 221; 308, 62; 408, 18, 38, 63; 515; 648; 741, 45; 801, 4, 12, 44 (—22).

3) Третья ст. хорей: 61, 75, 79; 120; 243; 356, 59, 90; 604, 38, 94, 95; 700, 19, 77, 83; 851, 63 (—18).

4) Четвертая ст. хорей: 29, 31; 111, 32, 43, 78, 79, 97; 241, 99; 300, 21, 27, 36, 43, 53; 425, 49, 55, 93; 584; 707, 27, 76, 96; 805, 21, 59, 66 (—29).

5) Первая и вторая ст. хореи: 464 (—1).

6) Первая и третья ст. хореи: 171; 461, 660; 800 (—4).

7) Первая и четвертая ст. хореи: 906 (—1).

8) Вторая и третья ст. хорѐи: 478 (—1).

9) Вторая и четвертая ст. хореи: 398 (—1).

10) Третья и четвертая ст. хореи: 230; 653 (—2).

11) Первая, третья и четвертая ст. хореи: 110 (—1).

12) Остальные стихи — обычные гекзаметры.

Въ этой пѣсни 909 стиховъ (она — самая большая въ поэмѣ); изъ этого числа 770 съ однимъ хореемъ, 128 съ двумя, 10 съ тремя и 1 съ четырьмя хореями. Въ V пѣсни Одиссеи 493 стиха: 491 съ однимъ хореемъ, а 2 съ двумя.

Шестая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей: 2, 10, 16, 29, 37, 58, 76, 83, 95; 125, 41, 54, 63, 67, 74, 78, 94, 99; 207, 14, 22, 42, 69, 76, 90, 99; 304, 10, 14, 53, 54, 59, 71, 81, 88, 99; 417, 30, 46, 48, 50, 56, 66, 67, 88, 91; 501, 6, 9, 16, 20 (итого 51).

2) Вторая ст. хорей: 77, 93; 108, 16, 52, 81, 91; 237, 95; 308, 18, 44; 422, 72 (—14).

3) Третья ст. хорей: 44, 54, 63; 144, 92; 219, 45, 49, 83; 364, 93; 402, 62, 76, 87, 99; 503, 14, 18, 21 (—20).

4) Четвертая ст. хорей: 26, 43, 69; 140; 236, 70; 338, 75, 78; 408, 13, 44, 54, 92; 529 (—15).

5) Первая и вторая стопа хореи: 274 (—1).

6) Первая и третья ст. хореи: 500 (—1).

7) Первая и четвертая ст. хореи: 187; 258 (—2).

8) Вторая и третья ст. хореи: 217 (—1).

9) Всѣ прочіе — обычные гекзаметры.

Изъ 529 стиховъ этой пѣсни 424 съ однимъ хореемъ, 100 съ двумя и 5 съ тремя. Въ VI пѣсни Одиссеи 331 стихъ: 328 съ однимъ хореемъ, 3 двумя.

Седьмая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей: 28, 44, 47, 56, 70, 83, 94, 99; 100, 4, 44, 48, 61, 73, 76, 94; 202, 7, 22, 33, 50, 53, 59, 64, 87; 303, 13, 21,

29, 35, 43, 60, 62, 81, 82, 92, 99; 405, 10, 13, 29, 32, 34, 52, 63, 64 (и того 46).

2) Вторая ст. хорей: 58; 248, 58, 97; 421, 27 (—6).

3) Третья ст. хорей: 46, 82; 167, 88, 96; 265, 76, 78, 94; 341, 55; 411, 40, 68 (—14).

4) Четвертая ст. хорей: 125, 59; 247; 332, 84; 406, 23, 82 (—8).

5) Первая и третья ст. хореи: 323, 91; 402 (—3).

6) Третья и четвертая ст. хореи 170, 366 (—2).

7) Остальные стихи—обычные гекзаметры.

Изъ 482 стиховъ этой пѣсни 403 съ однимъ хореемъ, 74 съ двумя, 5 съ тремя. Въ той же пѣсни Одиссеи 347 стиховъ: 345 съ однимъ хореемъ и 2 съ двумя.

Восьмая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 3, 7, 25, 49, 75, 79; 101, 19, 25, 32, 34, 35, 45, 47, 48, 80, 88, 94; 214, 34, 84, 302, 8, 17, 35, 43, 51, 58; 404, 6, 11, 18, 26, 38, 52, 59, 87; 513, 23, 29, 52, 57 (итого 42).

2) Вторая стопа хорей: 73; 105; 384, 89, 98; 442, 44; 528, 48 (—9).

3) Третья стопа хорей 5, 24, 27, 40, 43, 56, 70, 82, 85; 100, 11, 28, 53, 74, 92; 221, 39; 305, 36, 96; 403, 17, 19, 90; (—24).

4) Четвертая ст. хорей 29, 50, 95; 112, 16, 46, 51, 66; 203, 68; 306, 30, 34, 41, 53, 69, 79; 424, 25, 40, 56, 79, 81, 85, 89; 547 (—26).

5) Первая и третья ст. хореи 2, 240; 395 (—3).

6) Первая и четвертая ст. хореи 492 (—1).

7) Вторая и третья ст. хореи 90; 163 (—2).

8) Третья и четвертая ст. хореи 6, 63; 289 (—3).

9) Всѣ прочіе обычные гекзаметры.

Изъ 565 стиховъ этой пѣсни 455 съ однимъ хореемъ, 101 съ двумя, 9 съ тремя. Въ той же пѣсни Одиссеи 586 стиховъ: 585 съ однимъ хореемъ и 1 съ двумя.

Девятая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 2, 16, 25, 31, 32, 45, 71, 72, 77, 84; 103, 23, 59, 64, 72, 98; 207, 14, 17, 65, 99; 357, 61, 64, 83, 94; 404, 5, 6, 16, 33, 57, 69, 74; 502, 5, 16, 26, 29, 51, 58, 71, 87, 90; 643, 55, 62, 64, 76, 78, 96 (итого 51).

2) Вторая ст. хорей 28, 38, 90; 106, 22, 28, 39, 48, 82, 84; 231, 64, 70; 312, 45, 73; 415, 46, 72, 81; 530; 607, 18, 25; 706 (—25).

3) Третья ст. хорей 81, 85; 101, 5, 70, 99; 219, 49; 309, 40, 42, 65, 79; 400, 11, 13, 21, 27, 38, 49, 77, 92, 94; 589, 93, 97; 603, 16, 27, 63, 80; 703 (—32).

4) Четвертая ст. хорей 4, 15, 24, 42, 66, 98; 104, 17, 37, 41, 52, 58, 62, 74, 89; 202, 16, 20, 41, 53, 55, 83, 94; 310, 93; 436, 37, 42, 62, 65, 86, 89; 523, 63, 73; 640, 46, 56, 61, 68, 90 (—41).

5) Первая и вторая ст. хорей 53; 326; 473 (—3).

6) Первая и третья ст. хорей 69, 92; 156; 222, 98; 513; 691 (—7).

7) Первая и четвертая ст. хорей 479; 524 (—2).

8) Вторая и третья ст. хорей 5; 134; 276; 314; 491 (—5).

9) Третья и четвертая ст. хорей 155, 75; 297; 546; 699 (—5).

10) Первая, третья и четвертая ст. хорей 553 (—1).

11) Остальные—обыкновенные гекзаметры.

Всѣхъ стиховъ въ пѣсни 713; изъ нихъ 541 съ однимъ хореемъ, 149 съ двумя, 22 съ тремя и 1 съ четырьмя. Въ IX пѣсни Одиссеи 566 стиховъ, изъ нихъ 563 съ однимъ хореемъ, а 3 съ двумя.

Десятая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 2, 3, 12, 14, 33, 51, 52, 53, 61, 66, 69, 71; 135, 37, 72; 212, 21, 22, 33, 38, 39, 41, 48, 62, 66, 83; 327, 44, 58, 82, 83; 401, 5, 32, 52, 58, 59, 68, 94, 95; 528, 50, 58, 61, 71, 73, 74, 77 (и того 48).

2) Вторая ст. хорей 35, 56, 76, 79, 89; 110, 59, 77; 247, 51, 56; 315, 28, 34, 51; 403, 22, 85; 540 (—19).

3) Третья ст. хорей 4, 22; 131, 32, 56, 96; 252, 55; 335; 426, 98 (—11).

4) Четвертая ст. хорей 17, 20, 29, 36; 102, 28, 43, 63, 68; 218; 314, 21, 54, 74; 404, 7, 30, 51, 87; 502, 27 (—21).

5) Первая и вторая ст. хорей 568 (—1).

6) Первая и третья ст. хорей 48 (—1).

7) Первая и четвертая ст. хорей 60; 543 (—2).

8) Вторая и третья ст. хорей 435; 503 (—2).

9) Вторая и четвертая ст. хорей 425 (—1).

10) Третья и четвертая ст. хорей 67, 242; 570 (—3).

11) Первая, третья и четвертая ст. хореи 477 (—1).

12) Прочіе стихи—обычные гекзаметры.

Изъ 579 стиховъ этой пѣсни 469 съ однимъ хореемъ, 99 съ двумя, 10 съ тремя и 1 съ четырьмя. Въ X-й пѣсни Одиссеи 574 стиха: 570 съ однимъ хореемъ и 4 съ двумя.

Одиннадцатая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 3, 34, 36, 68, 95; 139, 70, 81, 85, 91, 94; 206, 9, 29, 47, 54, 66, 67; 329, 41, 46, 48, 57, 59, 73, 84, 93; 407, 13, 39, 47, 78, 82, 99; 542, 55, 69, 81, 95; 607, 11, 31, 73, 81, 92; 728, 29, 31, 33, 36, 48, 52, 63, 70, 79, 84; 805, 7, 18, 24, 27, 40 (итого 62).

2) Вторая стопа хорей 244; 340; 488; 518, 58, 86; 601; 710, 12, 62, 92; 813 (—12).

3) Третья ст. хорей 67; 200, 45, 87, 94; 369; 505, 35; 600, 77; 785; 812, 36, 39, 42 (—15).

4) Четвертая стопа хорей 51, 55, 103, 4, 10, 29, 74, 92; 226; 317, 60; 485; 516, 66; 608, 20, 68, 95; 719, 47; 834, 45 (—22).

5) Первая и вторая ст. хорей 261 (—1).

6) Первая и третья ст. хорей 225; 325 (—2).

7) Первая и четвертая ст. хорей 418 (—1).

8) Вторая и третья ст. хорей 644 (—1).

9) Вторая и четвертая ст. хорей 338; 639, 55 (—3).

10) Третья и четвертая ст. хорей 751 (—1).

11) Первая, вторая и третья ст. хорей 390 (—1).

12) Первая, третья и четвертая ст. хорей 402 (—1).

13) Прочіе стихи—обычные гекзаметры.

Это самая разнообразная по составу пѣснь; въ ней не достаетъ только одного вида гекзаметра (первая, вторая и четвертая стопа хорей), который встрѣчается у Гнѣдича въ другихъ пѣсняхъ (XVIII и XXII). Всѣхъ стиховъ въ этой пѣсни 847; изъ нихъ 725 съ однимъ хореемъ, 111 съ двумя, 9 съ тремя и 2 съ четырьмя. Въ XI пѣсни Одиссеи 640 стиховъ: 629 съ однимъ хореемъ, 8 съ двумя и *3 съ тремя хореями:* единственный примѣръ во всей Одиссеѣ Жуковскаго, на которомъ необходимо остановиться. Эти три тройки хореевъ встрѣчаются почти рядомъ (XI, 594, 595, 599) и своимъ участіемъ образуютъ превосходнѣйшіе стихи, едва ли не лучшіе во всемъ переводѣ Одиссеи. Въ нихъ разсказывается о казни Сизифа въ аду, и читая ихъ, словно видишь всѣ дѣйствія Сизифа, всю его обстановку, всю его жалкую участь. Ударенія необыкновенно удачно падаютъ тамъ, гдѣ ихъ требуетъ сущность дѣла; составъ стиха то и дѣло измѣняется и притомъ чрезвычайно соотвѣтственно ходу разсказа. Это просто картина движущаяся, и мы нарочно выписываемъ ее здѣсь, тѣмъ болѣе, что критика доселѣ вовсе не обратила вниманія на это истинно образцовое мѣсто:

«Видѣлъ я также Сизифа, казнимаго страшною казнью:
Тяжкій камень снизу обѣими влекъ онъ руками
Въ гору; напрягши мышцы, ногами въ землю упершись,
Камень двигалъ онъ вверхъ; но едва достигалъ до вершины
Съ тяжкой ношей, назадъ устремленный невидимой силой,
Внизъ по горѣ на равнину катился обманчивый камень.
Снова силился вздвинуть тяжесть онъ, мышцы напрягши,
Тѣло въ поту, голова вся покрытая черною пылью.»

Превосходно! Этихъ стиховъ начитаться трудно. Тутъ на каждомъ стихѣ, почти на каждомъ словѣ можно остановиться

любуясь, какъ все умѣстно поставлено. Тутъ поэзія неизмѣримо выше живописи. Никогда живопись не представитъ такой полной картины. А какъ мало мѣста заняла вся эта картина подъ перомъ художника-поэта! Всего *восемь* строкъ, но какихъ яркихъ, животрепещущихъ! Одно только слово *«обманчивый»* при камнѣ намъ кажется не совсѣмъ удачнымъ; не лучше ли было бы *предательскій, измѣнчивый?...* Въ переводѣ Гнѣдичемъ этого отрывка изъ Одиссеи сказано: *«коварный камень»*. Кстати, чтобы видѣть силу Жуковскаго, какъ *художника-переводчика*, сравните эти стихи съ переводомъ ихъ у Гнѣдича (Сочин. Гнѣдича, Спб. 1854, стр. 122). Съ другой стороны, этотъ самый отрывокъ изъ Жуковскаго показываетъ, какъ правъ былъ Гнѣдичъ, вводя почаще хореи въ составъ своего гекзаметра; умѣстное появленіе ихъ придаетъ больше движенія, игры, жизни плавно текущему величавому стиху: надо только быть художникомъ. Востоковъ предлагалъ даже, чтобы *главнымъ* размѣромъ гекзаметра считать пять хореевъ и *одинъ* дактиль (въ пятой стопѣ), напр.:

«Волны моря вставши съ ревомъ хлещутся въ берегъ».

Но съ этимъ трудно согласиться: размѣръ слишкомъ бурный, стучащій, рубленный.

Двѣнадцатая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 11, 13, 15, 25, 32, 48, 70; 157, 67, 99; 207, 14, 21, 34, 54, 56, 59, 75, 81, 83, 87, 95; 302, 13, 52, 57; 421, 35, 41 (итого 29).

2) Вторая ст. хорей: 19, 28, 58, 72, 87, 91; 223, 47, 53; 319; 463 (11).

3) Третья ст. хорей: 44, 135, 49; 232: 366; 402, 16, 20, 22, 46 (—10).

4) Четвертая ст. хорей: 10, 85; 104, 11, 75, 257, 71; 310 (—8).

5) Первая и третья ст. хореи 108 (—1).

6) Первая и четвертая ст. хореи: 95; 372; 432 (—3).

7) Остальные стихи—обычные гекзаметры.

Изъ 471 стиха этой пѣсни 409 съ однимъ хореемъ, 58 съ двумя и 4 съ тремя хореями. Въ той же пѣсни Одиссеи 453 стиха: 450 съ однимъ хореемъ и 3 съ двумя.

Тринадцатая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 21, 32, 34, 41, 66, 67, 86, 98; 145, 69, 72, 74, 90; 221, 39, 93; 315, 47, 83, 94; 407, 10, 44, 73; 504, 18, 22, 40, 64, 76, 86; 603, 48, 60, 94; 749, 63, 96; 807, 14 (итого 40).

2) Вторая ст. хорей 1, 46; 131; 204, 46; 309, 29; 406; 568; 692; 701, 28, 64; 833 (—14).

3) Третья ст. хорей 122, 47, 73, 76; 249, 55, 61, 63; 333, 51, 66, 75; 500, 13, 59, 75, 99; 608, 10, 30, 32; 719, 50 (—23).

4) Четвертая ст. хорей 71, 76, 83, 91; 106, 67, 78, 79, 88, 98; 245, 54, 66; 307, 27, 95; 454; 550; 629, 47, 73, 95; 706, 31; 802 —25).

5) Первая и третья ст. хореи 200; 598 (—2).

6) Первая и четвертая ст. хореи 489 (—1).

7) Вторая и четвертая ст. хореи 463 (—1).

8) Остальные стихи обыкновенные гекзаметры.

Изъ 836 стиховъ этой пѣсни 730 съ однимъ хореемъ, 102 съ двумя и 4 съ тремя. Въ XIII пѣсни Одиссеи 440 стиховъ: 434 съ однимъ хореемъ и 6 съ двумя.

Четырнадцатая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 5, 38, 57, 65, 69, 78, 80; 102, 9, 38, 64, 79, 85, 92, 97; 219, 23, 31, 54, 79; 309, 19, 21, 23, 34, 41, 86; 409, 16, 53; 507 (31).

2) Вторая ст. хорей 123, 53; 233, 95; 339; 404, 62; 519 (—8).

3) Третья ст. хорей 7, 26; 200, 38, 41, 58; 333, 45; 479; 522 (—10).

4) Четвертая ст. хорей 27, 52, 91; 145, 95, 98; 208, 69; 337, 79, 98; 433 (—12).

5) Вторая и третья ст. хореи 39 (—1).

6) Остальные—обычные гекзаметры.

Вотъ наименѣе разнообразная по составу пѣснь: изъ 14 видовъ гекзаметра, употребляемыхъ Гнѣдичемъ, въ нее вошло только 6. Изъ 522 стиховъ ея 460 съ однимъ хореемъ, 61 съ двумя и только одинъ съ тремя. Въ XIV пѣсни Одиссеи 533 стиха: 531 съ однимъ хореемъ, 2 съ двумя.

Пятнадцатая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 2, 5, 16, 35, 40, 48, 58, 87; 101, 2, 3, 20, 23, 37, 95: 205, 17, 20, 29, 35, 37, 63, 73, 96: 320, 32, 33, 38, 51, 66, 79, 95: 407, 10, 30, 41, 69, 70, 72: 510, 49, 70: 621, 29, 47, 66; 725 (итого 47).

2) Вторая ст. хорей 10: 128, 58, 76; 213: 331, 51, 90; 404, 33, 88: 545, 86, 87: 636, 41, 75, 79 —18.

3) Третья ст. хорей 116, 18, 97: 260, 87: 313, 63: 437, 55, 65, 78: 610, 32, 88: 734 —15.

4) Четвертая ст. хорей 66, 86: 130, 47: 261: 318, 25, 42: 547; 612, 49, 64: 702 —13.

5) Первая и вторая ст. хорея 160 —1.

6) Первая и третья ст. хорея 185 —1.

7) Первая и четвертая ст. хорея 250, 82 —2.

8) Вторая и третья ст. хорея 467 —1.

9) Вторая и четвертая ст. хорея 170: 254 —2.

10) Третья и четвертая ст. хорея 334: 339 —2.

11) Первая, третья и четвертая ст. хорея 45 —1.

12) Остальные стихи—обычные гекзаметры.

Изъ 746 стиховъ этой пѣсни 643 съ однимъ хореемъ, 93 съ двумя, 9 съ тремя и 1 съ четырьмя. Въ Одиссеѣ въ той же пѣсни 557 стиховъ 551 съ однимъ хореемъ и 6 съ двумя.

Шестнадцатая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей [illegible] 131, [illegible] 232, [illegible] 362, [illegible] 456, [illegible] 501, 22, 63,

67, 78; 625, 74, 81, 88; 726, 27, 49, 58, 59, 76, 79, 83; 803, 58 (итого 40).

2) Вторая ст. хорей 25, 61; 102, 26, 62, 74, 81; 215; 354; 468; 531, 56, 82; 627, 30, 62, 68; 821 (—18).

3) Третья ст. хорей 2, 15, 26, 38; 113; 224, 58; 314, 23, 25, 53; 436, 87; 529, 84; 651, 56, 65, 80; 702, 22, 62, 89, 96; 808, 60 (—26).

4) Четвертая ст. хорей 7, 14, 29, 39, 40, 53, 81; 120, 35, 41, 42, 53; 230, 54, 61, 97; 350, 98; 424; 523, 81; 640, 70, 77; 743, 57; 810, 12, 28, 30, 66 (—31).

5) Первая и вторая ст. хореи 847 (—1).

6) Первая и четвертая ст. хореи 526; 705, 86 (—3).

7) Вторая и третья ст. хореи 235 (—1).

8) Прочіе—обычные гекзаметры.

Изъ 867 стиховъ этой пѣсни 747 съ однимъ хореемъ, 115 съ двумя и 5 съ тремя. Въ той же пѣсни Одиссеи 481 стихъ: 477 съ однимъ хореемъ и 4 съ двумя.

Семнадцатая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 9, 27, 37, 41, 57, 82; 157, 76, 92; 205, 9, 49, 55, 95; 351, 83, 93; 410, 42, 55, 63, 84, 96; 517, 19, 30, 31, 65; 616, 34, 47, 51, 64; 701, 15, 28, 32, 35, 55 (итого 39).

2) Вторая ст. хорей 170; 238; 408, 54, 77; 502, 38, 91; 625, 86, 88; 705 (—12).

3) Третья ст. хорей 6, 61, 66, 67, 92, 98; 104; 260; 308, 23, 39; 476; 513, 39, 97; 649, 75, 85; 754 (—19).

4) Четвертая ст. хорей 17, 63, 78, 88, 95; 106, 39; 200, 2, 13, 84; 307; 402, 9, 53, 82; 581, 87, 99; 671, 79, 92; 703, 22 (—24).

5) Первая и третья ст. хореи: 21, 96, 97 (—3).

6) Третья и четвертая ст. хореи 389; 563; 646, 60 (—4).

7) Остальные—обыкновенные гекзаметры.

Изъ 761 стиха этой пѣсни 660 съ однимъ хореемъ, 94 съ

двумя и 7 съ тремя. Въ той же пѣсни Одиссеи 606 стиховъ: 598 съ однимъ хореемъ и 8 съ двумя.

Восемнадцатая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 10, 23, 38, 43, 49, 61, 63, 72, 75, 76, 80, 86, 87, 91, 94; 130, 37, 86, 87, 94; 203, 6, 9, 17, 25, 45, 51, 80; 323, 24, 28, 41, 42, 49, 63, 64, 87, 89, 91, 93; 412, 13, 20, 28, 31, 50, 51, 62, 63, 78, 83, 85, 89, 92, 93; 519, 40, 44, 63, 94; 613, 15 (итого 62).

2) Вторая ст. хорей 19, 21, 54; 101, 78, 79; 239, 44; 321, 53, 54, 66; 453, 81, 98; 568, 76; 609 (—18).

3) Третья ст. хорей 22, 70, 85; 115, 24, 47, 83; 221, 49, 52; 310, 13; 418, 45, 82; 515, 53, 60, 61, 71 (—20).

4) Четвертая ст. хорей 1, 11, 15, 81; 136; 255, 65, 86; 316, 50; 407, 23, 34, 56, 76; 506, 7, 14, 41, 42, 74, 84 (—22).

5) Первая и вторая ст. хореи 134 (—1).

6) Первая и третья ст. хореи 597 (—1).

7) Первая и четвертая ст. хореи 177; 332 (—2).

8) Первая, вторая и четвертая ст. хореи 578 (—1).

9) Остальные—гекзаметры по обычаю.

Изъ 616 стиховъ этой пѣсни 489 съ однимъ хореемъ, 122 съ двумя, 4 съ тремя и 1 съ четырьмя. Въ Одиссеѣ въ той же пѣсни 428 стиховъ: 422 съ однимъ хореемъ и 6 съ двумя,

Девятнадцатая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 19, 31, 32, 54, 59; 109, 29, 36, 44, 53, 54; 201, 2, 21, 58; 311, 16, 29, 41, 44, 55; 72, 86; 405, 11, 24 (итого 26).

2) Вторая ст. хорей 8, 68, 81; 118, 24, 40, 47, 61, 88; 200, 37, 42, 48, 60, 69, 74, 82, 85, 87; 404 (—20).

3) Третья ст. хорей 41, 98; 101; 204, 22, 47, 50, 51, 89, 95; 330, 62; 408, 14 (—14).

4) Четвертая ст. хорей 9, 29, 50; 137, 43, 55, 95, 96; 261; 300, 5, 13, 45, 65, 67, 93 (—16).

5) Первая и вторая ст. хореи 270 98 (—2).

6) Вторая и третья ст. хорей 177 (—1).

7) Остальные—обычные гекзаметры.

Пѣснь эта самая меньшая въ Иліадѣ; въ ней 424 стиха: 345 съ однимъ хореемъ, 76 съ двумя, 3 съ тремя. Въ той же пѣсни Одиссеи 604 стиха: 601 съ однимъ хореемъ, 3 съ двумя.

Двадцатая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 9, 12, 22, 24, 37, 41, 47, 64; 199; 200, 5, 23, 39, 44, 49, 51, 65, 72, 74, 97; 331, 56, 68, 70, 75; 430, 31, 48 (итого 28).

2) Вторая ст. хорей 209, 14, 46; 426, 32 (—5).

3) Третья ст. хорей 36, 93; 179, 82; 201, 3, 15, 31, 50, 55, 73, 98; 308, 17, 32; 436, 67, 75 (—18).

4) Четвертая ст. хорей 38, 39, 76; 177, 93; 235; 305, 48, 79; 403, 10, 37, 44 (—13).

5) Первая и третья ст. хореи 447 (—1).

6) Вторая и третья ст. хореи 389 (—1).

7) Вторая и четвертая ст. хореи 491 (—1).

8) Прочіе—гекзаметры по обычаю.

Изъ 503 стиховъ этой пѣсни 436 съ однимъ хореемъ, 64 съ двумя и 3 съ тремя хореями. Въ той же пѣсни Одиссеи 394 стиха: 392 съ однимъ хореемъ и 2 съ двумя.

Двадцать первая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 23, 28, 76; 100, 9, 10, 11, 21, 49, 56, 72, 77, 95, 98, 99; 238, 49, 75, 82, 90; 317, 83; 432, 35, 50, 61, 80, 81, 84; 506, 8, 32, 34, 70, 93 (итого 35).

2) Вторая ст. хорей 105, 51, 66, 73, 84, 86; 237, 79; 340, 69, 75; 413; 512, 73, 79, 98 (—16).

3) Третья ст. хорей 63, 85; 140, 57, 89, 92; 301, 62; 412, 23; 577, 84; 610 (—13).

4) Четвертая ст. хорей 27, 82; 102, 3, 6; 205, 12, 16; 380; 415, 38, 53; 519, 57 (—14).

5) Первая и третья ст. хореи 152; 259; 404, 54 (—4).

6) Третья и четвертая ст. хореи 515 (—1).

7) Остальные стихи—обычные гекзаметры.

Изъ 611 стиховъ пѣсни 528 съ однимъ хореемъ, 78 съ двумя и 5 съ тремя. Въ той же пѣсни Одиссеи 434 стиха: 433 съ однимъ хореемъ и 1 съ двумя.

Двадцать вторая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 25, 34, 42, 54, 65, 90; 100, 4, 12, 26, 51, 61, 82, 97; 223, 32, 33, 47, 50, 61, 91, 93, 97; 364, 76, 85; 406, 31, 97 (итого 29).

2) Вторая стопа хорей 2, 33, 53, 75; 152; 208, 37, 68, 72, 77; 300, 54, 56, 62; 470 (—15).

3) Третья ст. хорей 20, 58, 77, 87; 106, 84; 210, 64; 307, 17, 50, 51, 91; 420, 77, 92 (—16).

4) Четвертая ст. хорей 12, 31, 32, 41, 52, 82, 93; 120, 89, 93; 211, 12, 70, 79; 321, 57, 58; 405, 39, 50, 98 (—21).

5) Первая и третья ст. хореи 170; 340 (—2).

6) Первая и четвертая ст. хореи 105, 69 (—2).

7) Вторая и четвертая ст. хореи 111 (—1).

8) Третья и четвертая ст. хореи 46; 136 (—2).

9) Первая, вторая и четвертая ст. хореи 359 (—1).

10) Остальные—гекзаметры по обычаю.

Изъ 515 стиховъ этой пѣсни 426 съ однимъ хореемъ, 81 съ двумя, 7 съ тремя и 1 съ четырьмя хореями. Въ той же пѣсни Одиссеи 501 стихъ: *всѣ съ однимъ хореемъ*, т. е. обыкновенные гекзаметры.

Двадцать третья пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 10, 35, 43, 44, 46, 49, 72, 73, 94, 97, 98, 99; 122, 62, 73, 82, 96; 226, 27, 38, 51, 58, 61; 322, 35, 43, 50, 73;

450, 68, 87, 90; 510, 12, 16, 18, 20, 83, 88; 607; 39, 75; 720, 21, 51, 65, 68, 73; 819, 28, 33, 42, 64, 74, 92 (итого 55).

2) Вторая ст. хорей 39, 91; 105, 42, 81; 331, 71; 437, 98; 544, 70, 89; 618, 46, 48; 776, 94, 95; 823, 51, 55, 56, 80, 82 (—24).

3) Третья ст. хорей 7, 53, 92; 165; 221, 37, 43, 71, 81; 344, 52, 53; 442, 47, 54, 93; 536, 69, 87, 96; 600, 10, 17, 26, 29, 67, 78; 715, 48, 56, 63, 64, 72, 85, 89, 97; 812, 15, 26, 72, 84 (—41).

4) Четвертая ст. хорей 31, 67, 80, 83, 90; 141, 72, 75; 247, 54, 64, 70, 78; 301, 49, 51, 84; 434; 514, 62, 65, 82, 94; 606, 44, 45, 84; 709, 37, 60; 825, 49, 94 (—33).

5) Первая и вторая ст. хореи 844 (—1).

6) Первая и третья ст. хореи 57; 121; 317; 781 (—4).

7) Первая и четвертая ст. хореи 102, 47, 92 (—3).

8) Вторая и третья ст. хореи 62; 306 (—2).

9) Вторая и четвертая ст. хореи 208; 390 (—2).

10) Третья и четвертая ст. хореи 23 (—1).

11) Третья, четвертая и пятая (?) стопа хореи 455.

Мы уже замѣтили, что считаемъ этотъ стихъ вдвойнѣ ошибочнымъ — и по хорею въ 5-й стопѣ, и по числу стопъ, — и въ счетъ его здѣсь нельзя брать: онъ долженъ войти въ обыкновенные гекзаметры.

12) Всѣ остальные стихи — по обычаю.

Изъ 897 стиховъ этой пѣсни 731 съ однимъ хореемъ, 153 съ двумя, 13 съ тремя. Въ той же пѣсни Одиссеи 372 стиха: *всѣ съ однимъ хореемъ.*

Двадцать четвертая пѣснь Иліады.

1) Первая стопа хорей 2, 32, 50, 54, 58, 70, 83; 105, 7, 55; 239, 45, 59, 73, 99; 334, 43, 44, 75, 91; 418, 37, 43, 45, 58, 75, 90; 513, 14, 27, 53, 67, 82, 90; 649, 55, 63, 66, 67, 76, 78; 727, 54, 62; 802 (итого 45).

2) Вторая ст. хорей 24, 46, 79, 82, 99; 104, 43; 203, 33, 58, 68,

Всѣ итоги 24-хъ пѣсенъ Иліады

ИЛІАДА стопы. пѣсни.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.	X.	XI.
1-я стопа хорей.	39	61	34	44	59	51	46	42	51	48	62
2-я ст.	12	22	7	15	22	14	6	9	25	19	12
3-я ст.	22	26	14	10	18	20	14	24	32	11	15
4-я ст.	14	33	11	10	29	15	8	26	41	21	22
1-я и 2-я стопа хорей.	4	3	4	—	1	1	—	—	3	1	1
1-я и 3-я ст.	6	2	1	3	4	1	3	3	7	1	2
1-я и 4-я ст.	5	—	1	3	1	2	—	1	2	2	1
2-я и 3-я ст.	2	2	1	1	1	1	—	2	5	2	1
2-я и 4-я ст.	—	1	1	1	1	—	—	—	—	1	3
3-я и 4-я ст.	4	4	1	2	2	—	2	3	5	3	1
1-я, 2-я и 3-я ст. хореи.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
1-я, 2-я и 4-я ст.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1-я, 3-я и 4-я ст. хореи.	1	—	—	—	1	—	—	—	1	1	1
5 дактилей, а 6-я ст. хорей.	502	723	386	455	770	424	403	455	541	469	725
Итого:	611	877	461	544	909	529	482	565	713	579	847

V пѣснь. Первая стопа хорей 34; 363.

VI пѣснь. Первая ст. хорей 134; 244. Четвертая ст. хорей 120.

VII пѣснь. Первая стопа хорей 38; 298.

VIII пѣснь. Первая ст. хорей: 215.

IX пѣснь. Первая ст. хорей 275; 523. Третья ст. хорей 179.

X пѣснь. Первая ст. хорей 354, 83; 469, 83.

XI пѣснь. Первая ст. хорей 154; 233, 94; 362, 97; 475; 596, 97. Первая и вторая ст. хорей 594. Первая и третья стопа хореи 599. Вторая и четвертая ст. хореи 595.

XII пѣснь. Первая ст. хорей 65; 197, 403.

XIII пѣснь. Первая ст. хорей 296; 316, 80; 438. Вторая стопа хорей 360. Четвертая ст. хорей 109.

XIV пѣснь. Первая стопа хорей 244; 468.

XV пѣснь. Первая ст. хорей 72; 118; 256; 457. Вторая стопа хорей 257. Третья ст. хорей 438.

XVI пѣснь. Первая ст. хорей 129; 414. Вторая ст. хорей 296. Четвертая ст. хорей 175.

XVII пѣснь. Первая ст. хорей 170, 71, 98; 403, 94; 587. Третья ст. хорей 459. Четвертая ст. хорей 535.

XVIII пѣснь. Первая ст. хорей 109; 208; 321. Третья стопа хорей 59; 388. Четвертая ст. хорей 373.

XIX пѣснь. Первая ст. хорей 107, 52; 341.

XX пѣснь. Первая ст. хорей 73; 276.

XXI пѣснь. Первая ст. хорей 63.

XXII и XXIII пѣсни. Всѣ стихи ихъ — обычные гекзаметры.

XXIV пѣснь. Первая стопа хорей 36; 121, 42, 72; 373; 452.

Всѣ итоги 24-хъ пѣсенъ Иліады мо

ИЛІАДА стопы. / пѣсни.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.	X.	XI.
1-я стопа хорей.	39	61	34	44	59	51	46	42	51	48	62
2-я ст.	12	22	7	15	22	14	6	9	25	19	12
3-я ст.	22	26	14	10	18	20	14	24	32	11	15
4-я ст.	14	33	11	10	29	15	8	26	41	21	22
1-я и 2-я стопа. хорей.	4	3	4	—	1	1	—	—	3	1	1
1-я и 3-я ст.	6	2	1	3	4	1	3	3	7	1	2
1-я и 4-я ст.	5	—	1	3	1	2	—	1	2	2	1
2-я и 3-я ст.	2	2	1	1	1	1	—	2	5	2	1
2-я и 4-я ст.	—	1	1	1	1	—	—	—	—	1	3
3-я и 4-я ст.	4	4	1	2	2	—	2	3	5	3	1
1-я, 2-я и 3-я ст. хореи.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
1-я, 2-я и 4-я ст.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1-я, 3-я и 4-я ст. хореи.	1	—	—	—	1	—	—	—	1	1	1
5 дактилей, а 6-я ст. хорей.	502	723	386	455	770	424	403	455	541	469	725
Итого:	611	877	461	544	909	529	482	565	713	579	847

…тъ выражены въ слѣдующей таблицѣ:

III.	XIV.	XV.	XVI.	XVII.	XVIII.	XIX.	XX.	XXI.	XXII.	XXIII.	XXIV.	Пѣсни. ИЛIАДА итого.
10	31	47	40	39	62	26	28	35	29	55	45	1043
14	8	18	18	12	18	20	5	16	15	24	27	369
23	10	15	26	19	20	14	18	13	16	41	18	449
25	12	13	31	24	22	16	13	14	21	33	18	480
—	—	1	1	—	1	2	—	—	—	1	1	25
2	—	1	—	3	1	—	1	4	2	4	9	61
1	—	2	3	—	2	—	—	—	2	3	2	36
—	1	1	1	—	—	1	1	—	—	2	—	25
1	—	2	—	—	—	—	1	—	1	2	—	15
—	—	2	—	4	—	—	—	1	2	1	—	37
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	2
—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
30	460	643	747	660	489	345	436	528	426	781	684	13141+2549=
36	522	746	867	761	616	424	503	611	515	897	804	15690

Всѣ же виды гекзаметра и отношеніе къ нимъ нашихъ переводчиковъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

№	СТОПЫ.	Число стиховъ.	
		у Гнѣдича.	у Жуковскаго.
1.	Первая стопа хорей............	1043	98
2.	Вторая	369	3
3.	Третья.......................	449	11
4.	Четвертая	480	8
5.	Первая и вторая стопа хореи.....	25	1
6.	Первая и третья................	61	1
7.	Первая и четвертая	36	—
8.	Вторая и третья................	25	—
9.	Вторая и четвертая	15	1
10.	Третья и четвертая	37	—
11.	Первая, вторая и третья ст. хореи.	1	—
12.	Первая, вторая и четвертая ст. хор.	2	—
13.	Первая, третья и четвертая	6	—
	Итого........	2549	123
14.	Пять дактилей и 6-я стопа хорей ..	13141	11983
	Всего........	15690	12106

И такъ Гнѣдичъ пользовался 14-ю видами гекзаметра, Жуковскій только 8-ю [1]).

У того и другаго обыкновенные гекзаметры *(5 дактилей и 6-я стопа хорей)* составляютъ преобладающее большинство.

---

[1]) Да не сочтетъ кто либо гекзаметромъ эпиграфъ къ нашей статьѣ (въ третьей и шестой стопѣ по одному слогу): это *пентаметръ*; подобные стихи встрѣчаются особенно часто въ переводахъ изъ Гете—гг. Струговщикова, Фета, Гербеля и друг.

У Гнѣдича на 15690 стиховъ поэмы явилось 2549 гекзаметровъ различнаго состава; у Жуковскаго на 12106 стиховъ только 123 разнаго состава.

Среди послѣднихъ всего чаще встрѣчается и у Гнѣдича и у Жуковскаго хорей въ *первой* стопѣ, только что у Гнѣдича слишкомъ въ *десять разъ* больше. Поэтому г. Классовскій въ своей «Версификаціи» (Спб. 1863) былъ едва ли правъ, говоря, что вообще въ гекзаметрѣ хорей въ *первой* стопѣ встрѣчается рѣже, чѣмъ въ третьей и въ четвертой (стр. 80).

Затѣмъ всего чаще Гнѣдичъ употреблялъ хорей въ 4-й стопѣ и у него встрѣчается онъ въ *60 разъ* больше, чѣмъ у Жуковскаго.

Хорей во второй стопѣ встрѣчается у Гнѣдича въ 120 разъ чаще, чѣмъ у Жуковскаго.

Стиховъ съ *двумя* хореями у Гнѣдича 2341, у Жуковскаго 120.

Стиховъ съ *тремя* хореями у Гнѣдича 199, а у Жуковскаго только 3.

Стиховъ съ *четырьмя* хореями у Гнѣдича 9, у Жуковскаго—ни одного.

Все это подтверждаетъ выводъ, уже сдѣланный нами при 1 пѣсни, т. е. что гекзаметръ Жуковскаго однообразнѣе, ровнѣе, проще и, благодаря его таланту, изъящнѣе, чѣмъ у Гнѣдича. Однако и у Гнѣдича, при полномъ знакомствѣ съ составомъ его гекзаметра и при искусномъ чтеніи, сила и картинность стиховъ его выдаются разительно. Мы убѣдились въ этомъ, прочитавъ нѣсколько разъ всю Иліаду съ неизмѣннымъ наслажденіемъ, и потому понять не можемъ, какъ это другіе говорятъ, что рѣдкій стихъ въ переводѣ Гнѣдича не обнаруживаетъ сильной борьбы и съ языкомъ и съ размѣромъ (Отеч. Зап. 1849, № 3, критика, стр. 29). Мы глубоко возмущаемся этимъ жестокимъ приговоромъ о человѣкѣ, который отдалъ всю жизнь свою труду и потомству. Бѣдный Гнѣдичъ! А онъ думалъ, что въ его переводѣ нерѣдки стихи хорошіе. Онъ говоритъ въ предисловіи

своемъ: «Часто думалъ я: стихъ, которымъ я внутренно горжуся, можетъ быть, исчезнетъ въ огромной поэмѣ; можетъ быть, никто не обратитъ на него новаго вниманія послѣ того, какъ я прочелъ его съ чувствомъ удовольствія». Но... слышилъ «*божественный* звукъ» въ его переводѣ самъ Пушкинъ; цѣнили его и такіе поэты, какъ Батюшковъ, Крыловъ, Баратынскій, Дельвигъ, Языковъ, такіе судьи изъящнаго, какъ Плетневъ, кн. Вяземскій, Надеждинъ, Полевой, Бѣлинскій, Введенскій, Дружининъ, Тихонравовъ, — и этого весьма достаточно! О Гнѣдичѣ можно сказать нѣсколько измѣненные его же стихи:

«Пророкъ Хіоса вдохновенный
Его безсмертіемъ вѣнчалъ»....

Не въ осужденіе Гнѣдича, но по чувству правды, можно сдѣлать и нѣкоторыя замѣчанія о его стихахъ. Иногда у него встрѣчаются гекзаметры, совершенно правильные по составу, но въ чтеніи неблагозвучные, напримѣръ:

«*Тевкръ со стѣны корабельной бѣду отъ друзей отражая* (XVI, 512).

Этотъ гекзаметръ неблагозвученъ, во 1-хъ, отъ близкаго стеченія двухъ буквъ *д* и двухъ *т*; во 2-хъ, оттого, что въ немъ нѣсколько словъ оканчиваются удареніемъ и начинаютъ собою стопу: стѣны̄, бѣдӯ, друзе̄й.

Въ такомъ же родѣ 334-й стихъ въ XII пѣсни, гдѣ четыре *д*, четыре *т* и 3 ударенія въ концѣ словъ:

Мощныхъ вождей, да поможетъ бѣду отразить отъ дружины».

Или 543 стихъ въ XVI пѣсни, гдѣ близко три *р*, три *м*, два *с* и три слова съ удареніемъ въ концѣ:

«*Мѣдный Арей Сарпедона смирилъ копіемъ Менетида*».

Вообще — нелегко читаются стихи, гдѣ замѣтно стеченіе согласныхъ, одинакихъ или различныхъ; вотъ нѣсколько примѣровъ:

«*Только Ѳерситъ межъ безмолвными*... (II, 212).

Здѣсь рядомъ два звука *ежъ*, *ез* и стеченіе согласныхъ просто загромождаютъ чтеніе.

«*Коней устроить въ ряды и предъ рвомъ ихъ держать неотступно* (XI, 48).

Здѣсь, кромѣ стеченія согласныхъ, пять разъ повторяется буква *р* вообще неблагозвучная въ стихѣ. А есть стихъ съ восьмью *р*. (XXIII, 25).

«*Съ горныхъ вершинъ, съ высочайшей стремнины лѣсистаго Сама* (XIII, 12).

Здѣсь даетъ себя знать семь разъ повторяемое *с*, и сосѣднія *ш*, *ч*, *ш*, *ст*.

«*Съ рвеніемъ равнымъ главы на сраженье несли и какъ волки* (XI, 72).

Тутъ близки три *р*, четыре *а*, три *и*.

«*Грусть обняла Сарпедона, когда отходящаго друга* (XII, 392).

Здѣсь четыре *д*, шесть *о*, шесть *а*.

«*Дай хотя намъ ты самимъ отъ враговъ избѣжать и спастися* (VIII 243). Тутъ три ударенія въ концѣ словъ, четыре односложныхъ слова,—и стихъ звучитъ словно барабанная дробь.

Въ подобномъ же родѣ гекзаметры: I; 303, 553, 555; II, 794; V, 337, 487, 692; VI, 126; VIII, 498, 533; IX, 335, 451; X, 15; XI, 385, 396, 462; XII, 334, 451; XIII, 162, 574; XIV, 81; XV, 450, 552; XVI, 226, 598, 632; XVII, 242, 334, 465, 506; XXIV, 221, 580, 643.

Вотъ чего должны избѣгать любители гекзаметра! Приводимъ это въ примѣръ для пишущей молодежи, которая остритъ свое перо на стихахъ.

Мы замѣтили, что частыя въ стихахъ ударенія въ концѣ словъ нарушаютъ благозвучіе гекзаметра; но для выраженія быстроты они бываютъ весьма кстати, наприм.

«*Онъ, въ колесницу вскочивъ, побѣжалъ, повелѣвъ и троянамъ* (XVI, 657).

Тутъ слышится торопливое бѣгство.

Въ другомъ родѣ негармоничные гекзаметры, когда почти каждое слово образуетъ стопу, напр.

«*Многіе мѣтили копьями, многіе бросили камни*, (III 80).

Въ самую выпуклость верхнюю пикою острой ударилъ (XV, 536).

Многія толпища воиновъ, многія толпища коней (XX, 326).

Вынесли храбраго Гектора съ горестнымъ плачемъ трояне (XXIV, 786).

Подобные же стихи XI, 494; XXI, 301; XXII, 295.

И странно, что подобное неблагозвучіе рѣзче у Жуковскаго, нежели у Гнѣдича, вотъ стихи изъ Одиссеи (IX, 422 и XII, 92):

«*Гибели, многія хитрости, разные способы тщетно*...

«*Частые, острые, полные черною смертью сверкаютъ* ..

Здѣсь что ни слово, то—стопа, и стихъ выходитъ какой-то рваный.

Иногда въ гекзаметрахъ Гнѣдича встрѣчаются парныя стопы, напр.:

«*Грусть нестерпимая самыхъ отважнѣйшихъ духъ поражаетъ* (IX, 3).

Мы равносильные, мы соименные, кои и прежде (XVII, 720).

Боги безсмертные, умеръ Менетіевъ сынъ благородный (XVIII, 12).

Нѣтъ избавленія! Такъ безъ сомнѣнія боги судили (XXII, 301).

Начали шествіе, спереди конные, пѣшіе сзади (XXIII, 133).

Подобные же стихи: II, 203, 337, 810, 818; V, 661; VII, 41; VIII, 42; XI, 63, 167, 483, 554; XII, 409; XIII, 24, 638; XIV, 215, 395, 434; XV, 25; XVI, 565, 802; XVIII, 276; XX, 88; XXI, 541; XXII, 314; XXIII, 252; XXIV, 33, 693.

Есть такіе стихи и у Жуковскаго:

«*О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа*!...

«Боги безсмертные мѣру особую каждому дали... (См. XVII, 605, XVIII, 413, 417; XIX, 336, 593)..

Еще чаще встрѣчаются у Гнѣдича гекзаметры, которые разрываются по поламъ; напр.

«Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронида (I, 529).

Нынѣ ругателя буйнаго онъ обуздалъ велерѣчье (II, 275),

Всѣмъ къ угощенью обилуешь, властвуешь многимъ народомъ (IX, 73).

Гордую душу обуздывай; кротость любезная лучше (IX, 256).

Смертному въ каждомъ дѣяніи быть невозможно отличнымъ (XXIII, 671).

Подобныхъ стиховъ очень много; почти на каждой страницѣ встрѣчается то одинъ, то два, а иногда по два и по три сряду (XXII, 62, 63, 64; XIV, 193, 194), такъ что указать ихъ всѣ было бы трудомъ очень долгимъ и едва ли полезнымъ. (На одной 85-й страницѣ въ 1-й части ихъ семь; на 99-й страницѣ во 2-й части ихъ восемь; на 194-й стр. въ I-й части ихъ девять). Намъ кажется, что такіе гекзаметры нельзя назвать гармоничными, особенно когда они такъ часто встрѣчаются. Много такихъ стиховъ и въ Одиссеѣ Жуковскаго, очень много; довольно указать на XXII пѣснь, гдѣ отъ стиха 161-го до 185-го встрѣчается девять стиховъ половинчатыхъ; а на стр. 135-й ихъ 11.

Гекзаметръ хорошъ тогда, когда въ немъ слова́ связываются стопами, когда онъ льется неразрывно и когда удареніе въ словахъ слышится то въ началѣ слова, то въ срединѣ, то на концѣ; приведемъ нѣсколько примѣровъ:

«Всталъ, всколебался народъ, какъ огромныя волны морскія (II, 144).

«Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышалъ (I, 453).

Всѣ пировали, никто не нуждался на пиршествѣ общемъ (I, 468).

Рѣчи, какъ снѣжная вьюга, изъ устъ у него устремлялись (III, 222).

Молодъ я былъ, а теперь и меня постигнула старость (IV, 321).

Въ ризѣ златистой заря простиралась надъ всею землею (VIII, 1).

На руки дайте воды, сотворите святое молчанье,

«И помолимся Зевсу, да нынѣ помилуетъ насъ онъ (IX, 171, 172).

«Тотъ ненавйстенъ мнѣ, какъ врата ненавистнаго ада.

Кто на душѣ сокрываетъ одно, а вѣщаетъ другое (IX, 312, 313).

Мы бы одни разметали троянскія гордыя башни (XVI, 100).

«Троя святая! сегодня твоя неизбѣжна погибель (XIII, 772).

Къ особенностямъ стиха Гнѣдича можно отнести древнюю форму родительнаго падежа (отраженныя рати, XI, 311) и употребленіе нѣкоторыхъ существительныхъ въ разныхъ родахъ, напр. *облако* (V, 751; XIV, 344; XVIII, 205 и XVII, 591; XVIII, 22), *свѣточь* (XIII 320, XXIV, 647), *эгидъ* (II 349 и 447). Слово *отпоръ*, для стиха, является въ женскомъ родѣ: *отпора* (XXIII, 713). Нѣсколько двойныхъ словъ, составленныхъ имъ, уже было замѣчено въ нашей литературѣ.

Упрекали Гнѣдича еще въ обиліи славянскихъ словъ и выраженій въ его переводѣ, но эти упреки слишкомъ ужь преувеличены: что̀ значитъ какая нибудь сотня славянскихъ словъ на 15,690 стиховъ! Замѣтнѣе выдается славянскій оборотъ — *дательный самостоятельный*; онъ встрѣчается въ слѣдующихъ стихахъ: I, 481; IV 175; V, 150, 773; VI, 175, 297, VII, 313; VIII, 433; IX, 74; X, 224, 302; XII, 200; XV, 72, 190; XVI, 502, 652, 715, XXI, 289; XXII, 383; XXIII, 38. Но надо помнить, что оборотъ этотъ еще до Гнѣдича былъ введенъ въ нашу поэзію Мерзляковымъ, которому послѣдовалъ и Жуковскій.

Иногда встрѣчаемъ у Гнѣдича звукоподражательные гекзаметры, напр. (XV, 452—53):

«На землю грянулся онъ, и обратно ударились кони,
Праздной гремя колесницею.

Здѣсь словно слышится грохотъ опустѣвшаго экипажа.

Или (XV, 683—84): *«... а онъ безпрестанно, и твердо и вѣрно*
Скачетъ, садяся съ коня на коня, на бѣгу ихъ ужасномъ».

Такъ и чуется лошадиный топотъ.

Вотъ отраженіе толкотни военной:

«Воинства будутъ сражаться
Въ страшной столпясь тѣснотѣ, вкругъ Патроклова мертваго тѣла (VIII, 475—76).

Очень хорошъ гекзаметръ пляски хороводной XVIII, 572.

Замѣчательно, какую энергичность гекзаметру придаетъ присутствіе хореевъ; объ этомъ можно бы повести длинную рѣчь, но... ограничимся однимъ примѣромъ, весьма рѣдкимъ по своему составу. Діомедъ говоритъ Парису:

«Ты, у меня лишь пяту̀ оцарапавши, столько гордишься;
«Мнѣ же ничто! какъ бы дѣва ударила, или ребенокъ!
«Такъ тупа стрѣла ничтожнаго, слабаго мужа! (XI, 388—390).

Послѣдній стихъ необыкновенно удачно выражаетъ презрительность рѣчи, энергичность укора, именно благодаря счастливому сочетанію четырехъ хореевъ съ двумя дактилями.

Мы выше говорили о половинчатыхъ стихахъ, но то еще не въ строгомъ смыслѣ половинчатые (въ 1-мъ полустишіи 9 слоговъ, во 2-мъ восемь). Есть у Гнѣдича другіе гекзаметры, рѣшительно половинчатые, которые являются уже прямымъ нарушеніемъ просодіи.

Теорія гекзаметра велитъ, чтобы *третья* стопа отнюдь не была отдѣльнымъ словомъ, составляющимъ хорей, послѣ котораго начиналось бы полустишіе съ долгой (у насъ — ударяемой) стопы, т. е., чтобы такимъ образомъ гекзаметръ не раздѣлялся на два равныя полустишія. Нельзя думать, чтобы Гнѣдичъ не

зналъ этого правила, а между тѣмъ онъ часто нарушаетъ его. Вотъ стихи, въ коихъ третья стопа — хорей и притомъ одно цѣлое слово: I, 287; II, 58, 272, 504; III, 4, 17, 179; IV, 426; V, 120, 390; VI, 476, 514; VII, 196; VIII, 24, 70, 174; IX, 379, 593; XI, 200, 839; XIII, 559, 575, 632; XIV, 258, 333, 345; XV (437) 734; XVI, 796; XVII, 104, 597; XIX, 222; XX, 231; XXI, 157; XXII, 58, 210, 477; XXIII, 442, 493, 715, 748, 815. И того — 42 стиха и встрѣчаются они почти во всѣхъ пѣсняхъ, исключая X, XII, XVIII и XXIV. *У Жуковскаго такихъ стиховъ ни одного во всей Одиссеѣ*; онъ не нарушилъ этого правила ни разу. Любопытно однако, что именно такой размѣръ Карамзинъ рекомендовалъ Дмитріеву: «Два дактиля и хорей, два дактиля и хорей. Напримѣръ:

«*Трубы въ походѣ гремѣли, крики по воздуху мчались*» [1]).

У Гнѣдича, кромѣ указанныхъ 42 стиховъ, есть еще 407 стиховъ, въ коихъ хорей въ 3-й стопѣ является или половиной слова, или частями двухъ словъ; стихи эти вы легко найдете выше, въ указаніи состава гекзаметра каждой пѣсни. У Жуковскаго изъ такихъ стиховъ можно указать только 11, особенно въ III-й пѣсни, ст. 44.

Совершенно случайно, конечно, появились у Гнѣдича и рифмы, недопускаемыя гекзаметромъ: II, 220, 221; VIII, 371, 372. Есть онѣ и у Жуковскаго въ Одиссеѣ: VI, 133, 134; XX, 363—70.

Нерѣдко встрѣчаются у Гнѣдича слова, въ коихъ слышатся *два* ударенія, напр. невозвратимое, произносили (VIII, 130, 230); немилосердая (IX, 572); гостепріимство, засуетились (XIII, 624, 656); наковальни (XVIII, 410), серебряногвоздный (XIX, 372); родоначальникъ, непобѣдимая (XXI, 157, 420) и другія; въ нихъ удареніе слышится въ началѣ и въ срединѣ слова, и это еще мало затрудняетъ чтеніе гекзаметра; но когда удареніе слышно въ срединѣ и на *концѣ* слова, тогда чтеніе представляетъ за-

---

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 10.

мѣтную неловкость, напр.: «Стоя тмочисленныя» (IV, 434); «Дышло серебряное» (V, 729); «Скрытно высматривая» (VII, 243). Еще затруднительнѣе гекзаметръ, когда въ словѣ слышится *три* ударенія, напр. «щедропитающую» XI, 619; распростирающійся», XXII, 221.

Непріятенъ и неблагозвученъ гекзаметръ, если въ немъ постоянно слышится удареніе на первомъ слогѣ каждаго слова, напр. XXIII, 790:

«Сей же изъ прежняго рода, отъ прежняго племени отрасль».

Здѣсь каждое изъ шести удареній на первомъ слогѣ почти каждаго слова, и кромѣ того три на буквѣ *е*. Въ томъ же родѣ гекзаметры VIII, 407; у Жуковскаго въ Одиссеѣ IX, 422; XII, 92.

Иногда вредятъ благозвучію гекзаметра ударенія на предлогахъ, на союзахъ, на отрицаніи, особенно, когда онѣ встрѣчаются въ началѣ стиха. У Гнѣдича такія ударенія нерѣдки, напр. на предлогѣ *за*: XVI, 9; XXI, 120; *изъ*: XI, 632; *отъ*: XIV, 28; *подъ*: XXII, 4; *предъ*: VII, 294; VIII, 561; XVI, 500; на союзѣ *и*: три сряду I, 437—39; IV, 182; XVI, 564; XXIII, 436; всего чаще на союзѣ *но*, особенно въ первой стопѣ; на союзѣ *что* XVII, 427; на отрицаніи *не*: XII, 126; XVI, 602; XVII, 449, и проч.

Въ предисловіи своемъ Гнѣдичъ между прочимъ говорилъ: «Мнѣ совѣтовали, при изданіи Иліады, изложить теорію гекзаметра: трудъ безполезный, когда въ нѣсколькихъ тысячахъ стиховъ не найдутъ ее». Извлекать теорію изъ нѣсколькихъ тысячъ стиховъ дѣло нелегкое, особенно, когда еще не былъ уясненъ и разграниченъ самый составъ этихъ стиховъ; позволяемъ себѣ надѣяться, что анализъ гекзаметра, предложенный на предыдущихъ страницахъ, будетъ не лишнимъ для этой теоріи. А еще важнѣе для этого дѣла было бы приложеніе къ Иліадѣ Гнѣдича двухъ его статей *(доселѣ ни разу не входившихъ въ собраніе его сочиненій)*: 1) письма́ къ Уварову о формахъ измѣненій гекзаметрическихъ (Чтенія въ Бесѣдѣ Любит. Р. Слова, 1813, кн. 13) и рецензіи на книгу Востокова: «Опытъ о русскомъ стихо-

сложенiи» (преимущественно о гекзаметрахъ, въ Вѣстникѣ Европы 1818, № 10, стр. 99 и № 11, стр. 187).

XI.

Кромѣ *примѣчаній* къ переводу Иліады, которыхъ только отрывокъ напечаталъ Гнѣдичъ, онъ хотѣлъ еще приложить къ нему нѣсколько сжатыхъ объясненій, но успѣлъ сдѣлать ихъ подъ текстомъ только девять (ч. I, стр. 82, 114; ч. II, стр. 41, 54, 98, 100 (2), 154, 345). Суворинское изданіе Иліады тоже приложило въ текстѣ, подъ строками, пятокъ объясненій (стр. 4, 9, 25, 96, 122). Но такъ какъ подобныхъ объясненій потребовались бы цѣлыя сотни и такъ какъ многія изъ нихъ неизбѣжно повторялись бы въ разныхъ пѣсняхъ (а безъ повторенія легко бы забывались); то мы думаемъ, что лучше и удобнѣе будетъ для справокъ, если всѣ необходимыя объясненія приведены будутъ въ концѣ текста, въ азбучномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, онѣ не пестрили бы собою текста и меньше бы заняли мѣста. Приготовить *всѣ* объясненія одному—дѣло трудное, но можно и легко сдѣлать ихъ міромъ; приведемъ съ своей стороны тѣ объясненія, которыя наиболѣе необходимы для молодыхъ и непривычныхъ читателей Иліады. Приводимъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, между прочимъ, и потому, что въ этомъ видѣ легче ихъ дополнять.

Аврора (V, 267; XVIII, 255) — утренняя заря, богиня разсвѣта, сестра Солнца и Луны; въ Одиссеѣ: «Эосъ».

Агница (III, 198; VIII, 505) молоденькая овца.

Адрастъ (XXIII, 347) царь Сикіонскій, одинъ изъ семи участниковъ въ походѣ на Ѳивы, котораго спасъ конь Арейонъ.

Аидесъ, Аидъ (I, 4; III, 322; V, 646, 654; VIII, 368) буквально — незримый; адъ; властитель ада, Зевсъ подземный (IX, 457, XV, 188; XX, 61), Плутонъ. Но почему онъ гордится конями (V, 654; XI, 445)—не знаемъ. Извѣстны кони у Зевеса, у Нептуна, но Аидовы нигдѣ у Гомера не упоминаются.

Алалкомена (IV, 8; V, 908) защитница, одно изъ многихъ прозваній Аѳины-Паллады, по городу въ Беотіи.

Александръ (III, 16)—другое имя Париса, сына Пріамова.

Алкеста (II, 714—715) Гомеръ называетъ ее дивной женою, прекраснѣйшей всѣхъ, не потому лишь, что она была миловиднѣйшею всѣхъ, но и потому, что она пожертвовала своею жизнію за мужа (Адмета, царя ѳессалійскаго города Феры).

Алкіона (IX, 563) дочь Эола, жена царя Трахинскаго Цеикса, ставшая отъ скорби, по смерти его, морскою птицей—Гальціоной; см. прекрасный переводъ Жуковскаго, «Цеиксъ и Гальціона», т. II, 140 (1878).

Алоида (V, 386) великаны, дѣти сына Посейдонова Алоея.

Амврозія (V, 369, 777; VIII, 434) божественная пища, сохранявшая (даже въ животныхъ) вѣчную юность и крѣпость. Была и влага амврозическая, которою боги омывались (XIV, 170), которою предохраняли трупы отъ гніенія (XIX, 38, 347, 353). Былъ и сонъ амврозическій (II, 19), божественный, посылаемый богами, равно и ночь амврозическая (II, 56). Была и трава (V, 777).

Амфигіей (XVIII, 462; XXI, 355) оборучный, въ смыслѣ силачъ; эпитетъ Гефеста (Вулкана), бога подземнаго огня, плавильщика.

Амфитріона сынъ (V, 392) Геркулесъ, собственно — сынъ жены Амфитріона—Алкмены, внукъ Алкея и потому Алкидъ.

Аргивяне (I, 42), **Ахеяне** (I, 2), **Ахейцы** (I, 22) **Данаи** (I, 87)—названія греческихъ племенъ, употребляемыя Гомеромъ вмѣсто общаго названія—греки.

Аргоубійца (II, 103; XXIV, 345, 445), а въ Одиссеѣ:

Аргусоубійца (V, 43) Гермесъ (Меркурій), убившій нѣкогда стоглазаго Аргуса, по приказанію Зевеса.

Арей (II, 479; V, 289; XVIII, 309; XXI, 404), богъ войны, Марсъ.

Артемида (XXI, 470) дочь Зевеса, богиня охоты, поражающая мгновенною смертію женщинъ (XXIV, 606) Діана.

Астіанаксъ (VI, 403) царь города; такое имя дали троянцы сыну Гектора, изъ уваженія къ отцу его, защитнику Трои, XXII, 506.

Атридъ (I, 7) Агамемнонъ, сынъ Атрея, верховный вождь всего греческаго ополченія подъ Троею.

Атриды (I, 16) Агамемнонъ и Менелай, дѣти Атрея, царя Микенскаго (I, 17).

Афродита (II, 820, III, 374; IV, 10; XIV, 188; XXI, 416), или **Киприда** (III, 380; XIV, 191; XXI, 424)—одно и тоже лицо, богиня красоты и любви, Венера.

Аѳина (I, 194) въ другихъ стихахъ — Паллада, Алалкомена, Тритогенія, Тритонія—богиня мудрости и искусствъ (Минерва).

Аѳина и Гера негодуя вздыхали (IV, 20): онѣ были раздражены на Париса, что онъ предпочелъ имъ Венеру, отдавъ золотое яблоко ей, какъ *прекраснѣйшей*.

Ахелой царь (XXI, 194) собственно рѣка въ Этоліи; здѣсь разумѣется богъ рѣки, который нѣкогда боролся съ Геркулесомъ.

Ахейцы, см. Аргивяне.

Берцо (XXI, 591) голень, нижняя оконечность ноги.

Богинь оскорбилъ (XXIV, 29), т. е. Аѳину и Геру, см. эти слова.

Богиня, воспой (I, 1) этими словами поэтъ обращается къ Музѣ, чтобы она вдохновила его воспѣть грозный гнѣвъ Ахиллеса. Обращеніе къ Музамъ встрѣчается въ Иліадѣ еще нѣсколько разъ; II, 484, 491, 761; XI, 218; XIV, 508; XVI, 112. Музъ считаютъ дочерьми Зевса и Мнемозины, богинями пѣнія, музыки, поэзіи и вообще изящныхъ искусствъ; сначала ихъ было три, потомъ девять; мѣсто рожденія ихъ — Олимпъ, пребываніе ихъ на вершинахъ Геликона, Парнасса и Пинда, на берегахъ свѣтныхъ источниковъ; во главѣ Музъ стоялъ Аполлонъ; важнѣйшею изъ нихъ почиталась Каллiопа, Муза героической пѣсни.

Бодатели (V, 102) подстрекающіе коней къ бѣгу.

Борей (V, 524; XIV, 54; XXI, 346) сѣверный вѣтеръ.

Бразды (I, 483) слѣды, пóлосы; (III, 311) удилá конскія.

Бріарей (I, 403) Уранидъ, или потомокъ Урана, тяжкій сто-

рукій великанъ, олицетвореніе разъяренной, громящей морской силы.

Вепрь (XIX, 197) дикій кабанъ.

Ве́черя (XVIII, 245) ужинъ; оттуда и глаголъ вечерять (VII, 370).

Взметчивый (XI, 654) придирчивый въ гнѣвѣ, вспыльчивый.

Виталица (XIV, 290) жительница, гнѣздящаяся.

Возатай (XV, 451; XVII, 429), правящій лошадьми.

Возница (X, 138) предводитель, конникъ.

Воня (I, 317) запахъ.

Воронь (XI, 24, 35) чернота на серебрѣ, съ сизымъ отливомъ.

Воспящать (VII, 342) удерживать.

Воя (II, 388; V, 65, 457; XVII, 275) сокращеніе — во́ина; «ни воя»—ни одного воина.

Выпука (XIII, 614; XVI, 106) верхушка, гребень шлема.

Вѣдомецъ (X, 324) развѣдчикъ, соглядатай, шпіонъ.

Вѣно (IX, 146, 288; XVI, 178, 190; XXII, 472) плата отъ жениха за невѣсту ея родителямъ.

Ганимедъ (V, 266) вполнѣ объясняется въ XX пѣсни, стихи 232—235.

Гарпія (XVI, 150) буря олицетворенная, быстроногая; послѣ Гомера подъ именемъ Гарпій разумѣлись жадныя, страшныя богини, каравшія преступныхъ.

Геба (IV, 2) дочь Зевеса и Геры, олицетворенная нестарѣющаяся юность, подносившая верховнымъ олимпійскимъ богамъ небесные напитки и приготовлявшая колесницу для выѣздовъ Геры (V, 722, 905).

Гекатомба (I, 142, 309, 438) жертва богамъ изъ сотни тельцовъ, козъ, иногда и меньше (VI, 93, XXIII, 146).

Геліосъ (III, 277; VIII, 68; XIX, 197) солнце.

Гера (I, 195, 400) верховная супруга Зевеса (Юнона); но когда она была ранена стрѣлой (V, 392) не знаемъ.

Геспéръ (XXII, 318) Вечерняя заря.

Гидра (II, 723) водяная змѣя.

Гиперіонъ (XIX, 398) надъ нами ходящій, высокоходящій — эпитетъ солнца.

Гиппомолги (XIII, 5) доящіе кобылицъ.

Гіакинѳъ (XIV, 348) цвѣтокъ гіацинтъ.

Глезна (IV, 147; XVII, 290; XXII, 397) лодыжка, голень.

Горгона (V, 741; VIII, 349; XI, 36), чудовище, олицетвореніе безграничнаго ужаса, предъ видомъ котораго никакія силы въ бою не могли устоять; извѣстнѣйшее изъ нихъ Медуза.

Горы (V, 749; VIII, 393, 433; XXI, 450) цвѣтущія богини времень года, стоявшія стражею при Олимпѣ и воротахъ въ небо.

Градъ Гетіона (IX, 188; XVI, 153), Ѳивы въ Киликіи (см. 1, 364; VI, 396).

Гридня (VI, 316) пріемная комната, столовая.

Гроздіе (II, 89; IX, 152) виноградная кисть.

Дардане (II, 819; VIII, 154) жители троянскаго города Дарданіи, при подошвѣ Иды (XX, 216).

Дарданіонъ (III, 177) Пріамъ, потомокъ Дардана, сына Зевсова, основателя города Дарданіи.

Деверь (III, 180) братъ мужа, слово общеизвѣстное, но стихъ, въ которомъ оно употреблено, нѣсколько темноватъ; его говоритъ Елена:

«Деверь онъ былъ мнѣ; увы, недостойная, еслибъ онъ былъ имъ»,—

то-есть, если-бы былъ и теперь, если-бы оставался деверемъ, если-бъ я не уѣзжала съ Парисомъ и по прежнему была женою Менелая.

Дедалъ (XVIII, 592) строитель лабиринта въ г. Кноссѣ, на островѣ Критѣ.

Деметра (II, 696; V, 500; XIII, 321; XXI, 76) богиня плодородія, подательница всѣхъ плодовъ, преимущественно хлѣба, оттого она и съ кудрями златыми (Церера).

Денница (I, 493; XIX, 1) утренняя заря, Аврора (XVIII, 255); вечерняя заря въ Иліадѣ—Геснеръ (XXII, 318).

Дерзосердый (X, 41) смѣлый сердцемъ, отважный.

Дискъ (II, 774; XXIII, 431) металлическій кругъ, который бросали вдоль пространства.

Діонисъ (XIV, 325)—Бахусъ, богъ радости и веселья отъ виноградной лозы.

Днешная ночь (IX, 78) сегодняшняя.

Жадали (XVI, 208) сильно желали.

Жéсточь (VIII, 531; XII, 276, 348) старинное слово, нынѣ неупотребительное—жестокій напоръ, ожесточенный натискъ.

Забрало (XII, 258, 263; XVIII, 514; XXII, 3) ограда на стѣнѣ и крышѣ, заборъ, прикрытіе груди; встрѣчается и доселѣ на Востокѣ, на крышѣ всякаго дома.

Зажитникъ (XIX, 44) заготовляющій съѣстные припасы для войска.

Зане (I, 231) такъ-какъ; сравни переводъ этого стиха у Жуковскаго, въ IV томѣ его сочиненій (1878).

Запястье (V, 458, 883) часть ручной кисти между ладонью и локтемъ.

Заширялась (XIII, 820) появилась широко парящая.

Зѐфиръ (II, 147; IV, 423; VII, 63; XI, 304; XIX, 415; XXIII, 200) сѣверозападный и западный вѣтеръ, быстрѣйшій прочихъ.

Златобраздая (VI, 205) золотополосная, свѣтлолучная.

Злосовѣтные знаки (VI, 168) доселѣ толкуются учеными различно: одни думаютъ видѣть въ нихъ письмена; другіе считаютъ ихъ за іероглифическіе знаки; третьи — простое приказаніе, осуждающее на смерть.

Избава (V, 532; XV, 564) избавленье, спасенье; старинное, историческое слово.

Изойти (V, 118) настигнуть.

Илиѳія, Илиѳіи (XI, 270; XVI, 187; XIX, 103, 119) дочери Зевса и Геры, богини-помощницы въ родахъ.

Илъ (X, 415; XI, 166) потомокъ Дардана, основавшій Иліонъ, главный городъ Троянской области; въ XI пѣснѣ въ 371 стихѣ онъ называется «сыномъ Дардана» не буквально: см. XX, 232.

Иней (II, 641; IX, 534) царь Этоліи.

Ириса (II, 786; III, 121; VIII, 398; XI, 185; XV, 53) богиня, златокрылая посланница Зевса и Геры.

Іарданъ (VII, 135) отнюдь не Іорданъ, какъ печатаютъ нѣкоторыя изданія: это греческая рѣка, въ Пелопонесѣ, а не Палестинскій Іорданъ.

Каменной ризой одѣтъ (III, 57) побитъ камнями и погребенъ подъ грудою камней.

Кентавры (II 744), въ 1 пѣснѣ, ст. 268, они называются «лютыя чада горъ», исполинскія существа, спереди человѣкообразныя, сзади — кони (центавры).

Киминда (XIV, 291) ястребъ.

Киперъ (XXI, 351) болотное растеніе, кипрей.

Киприда, см. Афродита.

Киѳара (II, 600; III, 54) цитра, лютня, арфа, лира, на которой аккомпанировали пѣснямъ во славу героевъ (IX, 189); впрочемъ, были пѣсни не только о герояхъ, но и о преступныхъ людяхъ (VI, 358); были славные пѣснопѣвцы и до Гомера (II, 595).

Клевретъ (I, 321; III, 47; V, 165; VI, 52; VII, 121, 382) участникъ, товарищъ; иногда — подчиненный, прислужникъ (XIII, 600; XVII, 165).

Кожи: «Разомъ сразилися кожи» (IV, 447; VIII, 61), т. е. щиты, обшитые воловьей кожей (V, 452; XII, 425).

Козонъ (XXIII, 88) бабка въ игрѣ дѣтской.

Копь (XXI, 259) ложбинка для стока воды.

Котва (I, 436; XIV, 77) якорь.

Кронидъ (I, 405), **Кроніонъ** (I, 508) сынъ Кроноса, Зевесъ.

Кроносъ (XIV, 204), **Кронъ** (IV, 59; VIII, 479) отецъ Зевеса, Геры, Посидона, Аида (Сатурнъ).

Куща (I, 137, 184, 328; IX, 618; XI, 617; XIII, 240) палатка, шатеръ.

Ладонь (IV, 109), мѣра заимствованная у евреевъ (Іезекіиль XLIII, 13).

Лакоть (VI, 319; VIII, 494) локоть, древнѣйшая мѣра у многихъ народовъ; греческій лакоть считаютъ равнымъ 10,14 вершкамъ.

Лань (VIII, 248; XVIII, 320) оленья самка (XXI, 486).

Лектъ (XIV, 284) мысъ противъ острова Лесбоса.

Лета, Латона (I, 9, 36; V, 447; XXI, 497, сокрытая, темная ночь) одна изъ супругъ Зевса, мать свѣта солнечнаго (Аполлона) и луннаго (Артемиды, Діаны).

Лотосъ (II, 776; XIV, 348; XXI, 351) растеніе, лотія, котораго виды — ледвенецъ, клеверъ, купавка, кувшинка.

Лотъ (IX, 206) корыто, ночвы.

Лютыя чада горъ (I, 268) см. **Кентавры**.

Лядвея (XI, 843) верхняя часть ноги до колѣна, ляжка.

Макарова обитель (XXIV, 544) островъ Лесбосъ, принадлежавшій сыну Эола — Мàкару.

Маніе (I, 514; XVII, 209) знакъ рукою или головою, утверждающій или повелѣвающій что нибудь.

Менада (XXII, 460) неистовая, вакханка.

Менетидъ (I, 307; IX, 202), **Менетіадъ** (IX, 190), **Менетіевъ сынъ** (195), Патроклъ.

Мескъ (I, 50; II, 852) помѣсь лошади и осла, мулъ, животное и до нынѣ весьма употребительное на Востокѣ.

Мириковый кустъ (VI, 39; X, 465; XXI, 18, 350) кустарникъ — медвѣжья лапа, восковникъ (тамарискъ).

Мирина (II, 814) амазонка.

Наглезна (III, 331; XI, 18; XVI, 132) застежка обуви.

Накольня (IX, 187) верхняя часть лиры, гдѣ укрѣплены колышки, удерживающіе въ извѣстномъ напряженіи струны. (Ни въ Словарѣ Академическомъ, ни у Даля — нѣтъ).

Наляцать (VIII, 325) напрягать, натягивать; **Наляцатель** (VIII, 266) наводчикъ лука, стрѣлецъ.

Наступъ (XIII, 806) напоръ, натискъ, нападеніе.

Нащечникъ (IV, 142) часть сбруи изъ дощечекъ на щекахъ у лошади.

Нектаръ (I, 598; IV, 3; XIX, 38, 347) розовое благоуханное питье боговъ.

Ненавистенъ всѣмъ небожителямъ (VI, 200) ненавистенъ имъ сталъ Беллерофонтъ послѣ того, когда затѣялъ на Пегасѣ (крылатомъ конѣ) въѣхать въ небо и сравняться съ богами; Зевесъ опрокинулъ его и онъ охромѣлъ.

Нереиды (XVIII, 36) дочери **Нерея** (I, 358, Водянаго) — русалки.

Нимфа (III, 130; XVIII, 39, 86; XX, 8—9) полубогиня — молодая женщина или дѣвица.

Ночь распростеръ (XVI, 567) здѣсь не буквально надо понимать ночь, а въ смыслѣ затмѣнія, мрака; вечеръ и ночь этого дня наступили позже (стихъ 779); подобный *мѣстный* мракъ упоминается XVII, 269, 270, 368; XX, 321, 444 и пр.

Нотъ (II, 145, 395; III, 10) южный сырой вѣтеръ (XI, 306; въ изданіи 1839 г. ошибка: 305; XXI, 334).

Обагровлена (XVIII, 538; XXI, 27) обагренная, окровавленная.

Обрядили (XXIII, 167) очистили тушу убитаго животнаго.

Околичный (III, 215) говорящій много посторонняго, останавливающійся долго на побочныхъ обстоятельствахъ.

Омракъ (V, 354; XXIII, 698) обморокъ, потемнѣніе сознанія.

Осса (II, 93) Молва, вѣстница Зевса.

Очищаться (I, 313) омываться къ молитвѣ и жертвѣ; греки всегда предъ молитвой омывали руки (I, 449; IX, 171; XXIV, 302).

Пардъ (III, 17; X, 29) барсъ, звѣрь кошачьяго рода.

Парки (II, 302), дочери Зевса, завѣдывавшія началомъ, срединою и концомъ жизни человѣка (XXIV, 209).

Пахъ (III, 359; IV, 492) сгибъ ляшки, примыкающій къ брюху.

Пеанъ (I, 473; XXII, 391) гимнъ, побѣдная, благодарственная пѣснь въ честь божества.

Пеліасъ (XX, 187; 190; XXI, 60) ясеневое копье Ахиллеса, съ горы Пеліона (XVI, 143).

Пеонъ (V, 401, 899) врачъ боговъ, Аполлонъ.

Пергамъ (V, 446) цитадель, замокъ въ Иліонѣ.

Переметникъ (V, 889) перебѣжчикъ, измѣнникъ.

Переметный (XVI, 107) передвижной, переводимый съ мѣста на мѣсто.

Пернатая (I, 48; IV, 134; XI, 844) имѣющая на себѣ металлическія перья — стрѣла.

Пернатыя (II, 393, 764) птицы.

Персефонія (IX, 457) супруга Аида, Прозерпина, дочь Деметры.

Перунъ (VIII, 75, 133; IX, 419; XVI, 298; XXI, 198) молнія; громовая стрѣла.

Пиѳосъ (II, 519; IX, 405) старинное названіе г. Дельфъ, гдѣ былъ извѣстный оракулъ, на горѣ Парнассѣ.

Плама (XI, 596) огонь (сравни XIII, 673; XVIII, 1).

Плева (V, 499) мякина.

Плесницы (II, 44; X, 22, 132; XIV, 186; XXIV, 340) обувь, прикрѣпляемая ремнями къ передней части ножной ступни.

Позорникъ (XXIV, 253) безстыдникъ, срамникъ.

Покляпый (XVI, 428) пригнутый при концѣ.

Полба (V, 196; VIII, 564) родъ пшеницы.

Поножи (III, 330; XI, 17; XVI, 131) часть латъ, покрывающая ноги.

Понтъ (I, 350; II, 145, 210; V, 598; VII, 6; XIII, 284) море.

Поперсье (XIX, 393) хомутъ.

Посидаонъ (I, 400), **Посидонъ** (VIII, 200) богъ моря, Нептунъ.

Поспѣшать (XXI, 459) поспѣшествовать, помогать.

Потреба (III, 245) принадлежность.

Препнуть (XIII, 688) удержать, остановить.

Причалъ (I, 436, 476) канатъ, которымъ привязывались суда къ берегу.

Пронзительной мѣдью (XXIII, 803) т. е. копьемъ, пробиваю-

щимъ, прокалывающимъ; въ наше время слово «пронзительный» обыкновенно значитъ — рѣзкій.

Пруги (XXI, 12) саранча.

Пря (XIII, 359) споръ, раздоръ.

Прядать, прянуть (III, 34; IV, 20; V, 772; XI, 423) прыгать, скакать, соскочить.

Рамо, рамена (II, 45; III, 17; XI, 29; XXII, 4), плечо, плечи.

Ратовье (XVI, 111) ратовище, копейное древко.

Рея (XIV, 203; XV, 187) дочь Неба и Земли (плодородіе), супруга Кроноса, мать Зевса, Геры, Посидона, Аида.

Ручни (XI, 69) ручня, горсть.

Селина (II, 776) трава, сельдерей (?); нѣтъ ни въ Академическомъ словарѣ, ни у Даля.

Селлы (XVI, 234) жрецы, предсказатели, додонскіе толкователи воли Зевса.

Сила Гераклова (II, 658; V, 638; XI, 689) особый описательный пріемъ, вмѣсто—«могущественный Геркулесъ» (XIV, 250).

Скейская башня (III, 149), **Скейскія врата** (III, 145, 263; VI, 393; XXII, 6) вели изъ Трои къ греческому лагерю.

Скимнъ (V, 476; XVIII, 319) львенокъ.

Скипетръ (I, 239; XVIII, 505), жезлъ царей, судей, жрецовъ (I, 14), вѣстниковъ. Когда кто хотѣлъ говорить въ народномъ собраніи, вѣстникъ подавалъ ему скипетръ, и всѣ въ безмолвіи слушали; окончивъ говорить, ораторъ отлагалъ скипетръ.

Скраніа (XIII, 188) високъ.

Сминѳей (I, 39) одно изъ многихъ прозваній Аполлона по городу въ Троянской области.

Соль и ячмень подымаютъ (I, 449), т. е. возносятъ ихъ къ небу, какъ жертвенные, посвященные богамъ; ими потомъ осыпали жертву (I, 458; II, 410, 421).

Сперхій (XVI, 174; XXIII, 142) богъ рѣки или города Сперхія, родины Ахиллеса въ Ѳессаліи.

Споспѣшать (VIII, 9) помогать, содѣйствовать.

Стегно (V, 66) бедро, ляжка, верхняя часть ноги до колѣна.

Стиксъ (II, 755; VIII, 369; XV, 37) подземная рѣка, которою клялись боги, въ знакъ ненарушимой клятвы.

Стогна (II, 141; V, 642; VI, 391; XVIII, 493) площадь.

Стотельчіе (II, 449; XXI, 79) сумма, которой стоили сто тельцовъ.

Сулица (II, 774; IV, 469; VI, 135; XI, 260) родъ копья или рогатины.

Сынъ Крона (II, 319; VI, 139) Зевесъ.

Сына его (VIII, 363; XIX, 132) Геркулеса, сына Зевесова отъ Алкмены.

Сѣнница (XI, 623) и

Сѣнь (I, 346; IX, 178; XIX, 3, 190) шатеръ, палатка воинская.

Талантъ (IX, 122; XXIII, 269; XXIV, 232) счетная и вѣсовая единица денежнаго достоинства, но не монета. Золотой талантъ греческій равнялся нашимъ 12,978 р. сер., а вѣсилъ $47^2/_3$ фунта.

Тартаръ (VIII, 13, 481) подземная, бездонная, мрачная пропасть, гдѣ заключены противники Зевса; пропасть не только подъ землею, но и подъ моремъ (XIV, 204).

Твердь (XV, 77; XX, 152; XXI, 447) твердыня, крѣпость.

Титаны (I, 404; XIV, 279) Ураниды, дѣти Геи и Урана (Земли и Неба), древніе боги, низвергнутые Зевсомъ въ тартаръ.

Тифей (II, 782) богъ подземнаго огня и его изверженій.

Тихій (VII, 221) это не русское слово *тихій*, а греческое собственное имя.

Тиѳонъ (XI, 1) любимецъ Авроры, утренней зари, сынъ Лаомедоновъ (XX, 237), которому она исходатайствовала безсмертіе.

Тритогена (XVII, 561; XVIII, 205), **Тритогенія** (IV, 8, 515, V, 260), **Тритонія** (VIII, 39; XXII, 183) рожденная изъ головы Зевеса (по другимъ—при озерѣ Тритонѣ) Аѳина, Паллада.

Тулъ (XXI, 502) колчанъ, трубка съ крышкой для храненія стрѣлъ.

Туръ (XVII, 542) дикій быкъ; **турьимъ** (XVI, 360) изъ дикаго быка.

Уключины (XVI, 170) отверстія въ бокахъ судна, для дѣйствія веселъ.

Ульмы (VI, 419) платаны, дерево съ большими кленовыми листьями (? вязовое, гибкое дерево).

Ураниды (V, 898), см. **Титаны.**

Усмарь (VII, 221) кожевникъ, шорникъ.

Утóкъ (XXIII, 762) нити въ ткани, идущія поперекъ основы.

Фаланга (III, 78; IV, 281, 332; XI, 148; XII, 415) ряды пѣхоты, глубокій строй въ 8, 12 и болѣе рядовъ.

Феба, Фебея (V, 51; VI, 428; IX, 538; XVI, 183) Артемида, сестра Аполлона, богиня охоты, Діана.

Фебъ (I, 9; XX, 39; XXI, 478) сынъ Зевса и Леты, Аполлонъ, богъ свѣта солнечнаго и мгновенной смерти мужей (XXIV, 605).

Феникса дщерь (XIV, 321), дочь царя Ѳивскаго, Европа, отъ которой и наша часть свѣта получила свое названіе.

Филеевъ сынъ (X, 110) Мегесъ, сравни, II, 627—28.

Фіалъ (XXIII, 243) урна,—(270) котелъ.

Фуріи, богини мести, см. **Эриннисъ.**

Хариты (V, 338) граціи, юныя сопутницы Афродиты (XVII, 51).

Химера (VI, 179; XVI, 328) чудовище съ львиной головой, козьимъ туловищемъ и драконовымъ хвостомъ.

Хиронъ (IV, 219; XI, 831) центавръ, справедливѣйшій гадатель, искусный врачъ, воспитатель Ахиллеса.

Хитонъ (II, 42; III, 359; XXIII, 739; XXIV, 231), споднее одѣяніе, безрукавная рубашка.

Хлена (II, 262; XVI, 224; XXIV, 230) теплая верхняя одежда, шерстяная.

Хлябь (XXI, 329) глубина, пропасть, бездна.

Храпали (XII, 51) храпѣли отъ испуга.

Цѣвка (XXIII, 761) катушка, на которую наматывается утокъ (поперечная нить въ тканьѣ, переплетаемая основой).

Цѣвница (X, 13) духовое музыкальное орудіе, сопѣлка.

Чакалъ (XIII, 104) шакалъ, хищный звѣрь изъ рода собакъ.

Чада горъ (I, 268), см. кентавры.

Черенъ (I, 219) рукоятка остроконечнаго орудія.

Эакидъ (IX, 191; XI, 804; XVI, 134) внукъ Эака, Ахиллесъ.

Эакидъ (XVI, 15; XVIII, 433) сынъ Эака, Пелей, отецъ Ахиллеса (Эакъ — одинъ изъ трехъ судей подземнаго царства).

Эвемоновъ сынъ (XVI, 27) Эврипилъ, владѣтель въ Ѳессаліи (II, 736; VII, 167; XI, 808).

Эвръ (II, 145) юговосточный вѣтръ.

Эгеонъ (I, 403) сторукое чудовище морское; такъ называлось оно между людьми, по мѣсту жительства его въ г. Эгѣ, а среди боговъ (т. е. въ древности незапамятной) **Бріарей.**

Эгида или **Эгидъ** (II, 349, 447—49; V, 738; XV, 175, 308—10) щитъ Зевеса, наводившій неотразимый ужасъ въ бою.

Эгіохъ (I, 202; III, 308; XIV, 160; XV, 175; XIX, 107) держащій эгидъ — Зевесъ.

Эніалій (II, 651; VI, 203; VIII, 264; XVII, 259; XXII, 132) бурный, неистовый воитель, Арей, богъ войны (Марсъ).

Эніо (V, 333) сестра или супруга Арея, богиня войны (Беллона).

Энносигей (II, 479; XIV, 355; XV, 173; XXI, 462) колебатель земли, имѣвшій власть производить землетрясенія — Посидонъ.

Эребъ (IX, 572) или **Эревъ** (VIII, 368; XVI, 327) тьма кромѣшная, адъ.

Эрида (XX, 47) Вражда, Распря, богиня раздора (IV, 440; V, 518; XI, 73); она на свадьбѣ Пелея и Ѳетиды подбросила золотое яблоко, съ надписью «прекраснѣйшей».

Эриннисъ, Эринніи (IX, 454; XV, 204; XIX, 87, 418) немилосердныя фуріи, свирѣпо терзающія нераскаянныхъ преступни-

ковъ (олицетвореніе терзаній совѣсти); извѣстнѣйшая изъ нихъ— Мегера. Но такъ какъ онѣ служатъ истинѣ и добру и стало быть въ нихъ дышетъ нравственное начало, то ихъ называли еще **Эвменидами** (благосклонными).

Эріуній (XXIV, 360, 440) приносящій благополучіе, Гермесъ (Меркурій).

Юница (XV, 630; XVII, 4) телица.

Япетъ (VIII, 479) одинъ изъ титановъ, свергнутыхъ Зевсомъ, его дядя.

Яремъ (XXIV, 268) родъ хомута на рабочее животное.

Ѳемиса (XV, 87; XX, 4) Ѳемида, богиня правосудія; она созываетъ собранія народа и боговъ. См. **Одиссею** II, 68—69.

Ѳирсъ (IV, 134) тирсъ, легкій, прямой жезлъ, обвитый плющомъ или виноградной лозой, съ кедровой шишкой на верхнемъ концѣ (впослѣдствіи слово это стало и собственнымъ именемъ, даже въ христіанскомъ мірѣ).

Кромѣ словаря объясненій, предлагаемъ еще четыре указателя: 1) сравненій въ Иліадѣ, 2) описаній моря въ ней, 3) повторяемыхъ стиховъ, иногда составляющихъ эпическіе пріемы пѣвца, (тоже сравнительно сдѣлаемъ и для Одиссеи); четвертый указатель — предметный, къ одной только Иліадѣ. Намъ думается, что такіе указатели могутъ послужить нѣкоторымъ облегченіемъ при ученыхъ и учебныхъ работахъ... Но да не посѣтуютъ на насъ, встрѣчая это увлеченіе поэмами Гомера... Когда-то самъ Гете затѣвалъ-было изданіе Иліады и писалъ этюды о Гомерѣ. А у насъ доселѣ — не было полнаго вниманія.

1) Ни одинъ изъ писателей не прибѣгалъ такъ часто къ сравненіямъ, какъ Гомеръ, и ни у кого они не являются такими яркими, живописными, какъ у Гомера. Сравненія его послужили, между прочимъ, предметомъ для обширной и занимательной статьи профессора И. Я. Кронеберга; но статья его появилась 60 лѣтъ назадъ и давнымъ-давно стала библіографической рѣдкостью. Съ цѣлію вызвать новыя работы о сравненіяхъ у Гомера, мы и

даемъ слѣдующій указатель. Уже при первомъ взглядѣ на него видно, что не во всякой пѣсни онѣ встрѣчаются равномѣрно; есть пѣсни, въ которыхъ насчитывается до 22 сравненій, иногда на *одной* страницѣ 3 и 4 сравненія (часть II, стр. 95—96 и 175), а въ другихъ пѣсняхъ всего 3 и 2 и даже ни одного нѣтъ.

Стихи Иліады въ коихъ встрѣчаются сравненія:

I пѣснь. 47, 249 (—2).
II — 87—90; 144—48; 209—10; 394—97; 455—56; 459—63; 468; *469—71* [1]) 474—75; 480—81; 781—83; 800 (итого 12).
III — 3—7; 10—12; 23—26; 33—35; 151—52; 197—98; 222 (—7).
IV — 75—77; 130—31; 141—45; 244—45; 275—79; 422—26; 433—35; 452—55; 462; 471; 482—87 (—11).
V — 5—6; 87—92; 136—42; 161—62; 499—502; 522—26; 554—58; 560; 597—99; *860—61*; 864—65; 902—3 (—12.
VI — 146—49; *506—11* (—2).
VII — 4—6; 59; 63—64; 208—10; 256—57 (—5).
VIII — 271; 306—7; 338—40; 555—59 (—4).
IX — 4—7; 14—15; 323—24 (—3).
X — 5—8; 183—86; 297; 351—3; 360—62; 437; 485—86 (—7).
XI — 62—63; 66; 67—69; 72; 113—19; 155—57; *172—76*; 239; 269—71; 292—93; 297—98; 305—8; 324—25; 383; 414—418; 474—81; 492—95; *548—55*; 558—562 (—19).
XII — 41—48; 132—34; 146—50; 156—58; 167—70; 278—86; 293; 299—306; 375; 385; 421—23; 433—35; 451—52; 463 (—14).

---

[1]) Курсивныя цифры указываютъ сравненія, которыя почти буквально *повторяются* въ другихъ пѣсняхъ.

XIII — 62—64; 102—4; 137—42; 198—200; 241—43; 334—36; *389—91*; 437; 471—75; 492—93; 571—72; 588—90; 703—7; 753; 794—98 (—15).

XIV — 16—19; *148—49*; 394—99; 414—17 (—4).

XV — 80—82; 170—71; 237—38; *263—68*; 271—76; 323—25; 362—64; 381—83; 410—12; 579—81; 586—88; 605—6; 618—21; 624—28; 630—36; 679—84; 690—92 (—17).

XVI — 3—4; 7—9; 156—63; 211—12; 259—65; 297—300; 352—55; 364—65; 384—92; 406—8; 428—29; *482—84*; 487—89; 633—34; *641—43*; 752—53; 756—58; 765—69; 823—26 (—19).

XVII — 4—5; 20—22; 53—58; *61—67*; 109—12; 133—36; 263—65; 281—83; 389—93; 434—35; 460; 520—22; 542; 547—50; 570—72; *657—64*; 674—78; 725—29; 737—39; 742—45; 747—51; 755—57 (—22).

XVIII — 109; 110; 154; 161—62; 207—13; 219—20; 318—22; 600—1 (—8).

XIX — 350; 357—58; 375—78 (—3).

XX — 51; 164—73; 403—5; 490—92; 495—97 (—5).

XXI — 12—14; 22—24; 237; 252—53; 257—62; 282—83; 346—47; 362—64; 464—66; 493—95; 522—24; 573—78 (—12).

XXII — 22—23; 26—31; 93—95; 127—28; 135; 139—42; 150; 152; 162—64; 189—92; 199—200; 262—64; 308—10; 317—18 (—14).

XXIII — 222—23; 431—32; 598—99; 692—93; 712—13; 760—62; 845—46 (—7).

XXIV — 41—43; 80—82; 317—18; 480—82 (—4).

Слѣдующія сравненія повторяются:

II — 469—71 въ XVI — 641—43.

V — 860—61 въ XIV — 148—49.
VI — 506—11 » XV — 263—68.
IX — 14—15 » XVI — 3— 4.
XI — 172—76 » XVII — 61—67.
XI — 548—55 » XVII — 657—64.
XIII — 389—91 » XVI — 482—84.

Предполагая, что пѣсни Иліады составлялись по порядку, приходится заключить, что XIV, XV, XVI, XVI и XVII пѣсни заимствовали сравненія изъ предыдущихъ. Надо замѣтить еще, что краткихъ, *однословныхъ* сравненій мы здѣсь почти не коснулись; имъ будетъ мѣсто въ предметномъ указателѣ.

Стихи Одиссеи, въ коихъ встрѣчаются сравненія.

I, II и III-я пѣсни — *ни одного.*
IV — *335—339*, 791—92 (—2).
V — 51—53; 328—29; 368—69; 371; 394—97; 432—33; 488—90 (—7).
VI — 102—8; 130—34; *232—34* (—3).
VII — ни одного.
VIII — 123—24; 523—30 (—2).
IX — 191—92; 292, 384—86; 391—94 (—4).
X — 216—17; 410—13 (—2).
XI — 413—15; 605—6 (—2).
XII — 251—54 (—1).
XIII — 31—34; 81—84 (—2).
XIV и XV — ни одного.
XVI — 216—18 (—1).
XVII — *126—130* (—1).
XVIII — ни одного
XIX — 204—7; 211 (—2).
XX — 13—15; 25—27 (—2).
XXI — 49—50; 405—8; 411 (—3).
XXII — 299—301; 302—6; 384—88; 402—5; 468—70 (—5).

XXIII — *159—61*; 233—38 (—2).

XXIV — 6—8; 538 (—2).

Повторяются слѣдующія сравненія: IV, 335—39 въ XVII, 126—30 и VI, 232—34 въ XXIII, 159—161.

Отсюда видно, что Одиссея гораздо бѣднѣе сравненіями: въ то время какъ въ Иліадѣ видимъ ихъ 228, въ Одиссеѣ только 43.

2) Ничего такъ часто не описывалъ Гомеръ, какъ моря; съ видимой любовію онъ рисуетъ картины его въ разныхъ видахъ, въ разное время; иныя описанія занимаютъ 5 и 6 гекзаметровъ. Вотъ они въ порядкѣ пѣсенъ:

I — 34; 350; 432—37; 479—83.

II — 144—46; 209—10; 394—97.

III — ни одного.

IV — 275—79; 422—26.

V и VI ни одного.

VII — 63; 64.

VIII — ни одного.

IX — 4—7.

X — ни одного.

XI — 304—7.

XII — 27—29.

XIII — 794—98.

XIV — 16—19; 392—95.

XV — 381—83; 618—21; 624—28.

XVI — 406—8.

XVII — 264—65.

XVIII — ни одного.

XIX — 375—78.

XX, XXI и XXII ни одного.

XXIII — 59—61; 212—15; 229—30; 316—17.

XXIV — 96.

Разумѣется, большая часть этихъ описаній состоитъ изъ сравненій, такъ какъ дѣйствіе Иліады происходитъ исключительно на сушѣ. Но странно, что въ Одиссеѣ, гдѣ герои ея

столько плаваютъ по морямъ, описанія собственно-мòря встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ въ Иліадѣ; плаваніе, бѣдствія отъ плаванія, разныя приключенія на морѣ описываются чаще, чѣмъ само море. Вотъ стихи Одиссеи, гдѣ о немъ идетъ рѣчь:

II — 427—29;
III — 157—58; 289—90.
IV — 381; 393; 506—10; 577—80.
V — 51—53; 100—1; 291—96; 313—18; 327; 402—3.
VI, VII, VIII, IX, X, XI, — ни одного нѣтъ.
XII — 403—408.
XIV — 301—5.

Въ I-й, XIII, XV и всѣхъ остальныхъ пѣсняхъ нѣтъ описаній моря.

3) Переходя къ указателю повторяющихся въ Иліадѣ стиховъ, замѣтимъ сначала, что они иногда повторяются совершенно буквально, иногда съ малыми измѣненіями; иногда повторяется только одинъ стихъ, иногда 5, 6 и болѣе, до 35 сряду. Мы въ своемъ указателѣ приводимъ лишь два-три слова каждаго начальнаго стиха, обозначая всѣ остальные цифрами, и располагаемъ стихи въ алфавитномъ порядкѣ, для большаго удобства справокъ. — Намъ кажется, что въ ученомъ изданіи Иліады всѣ эти параллельныя мѣста должны быть обозначены въ самомъ текстѣ или звѣздочками, или числовыми указаніями сбоку каждаго повторяемаго стиха, и притомъ такъ, чтобы они не затемняли общей нумераціи стиховъ. Такимъ образомъ наглядно обнаружится составъ каждой пѣсни. Подмѣтить *всѣ* повторяемые стихи чрезвычайно трудно, и нашъ указатель представляетъ лишь попытку уловить ихъ; но его легко дополнять. При справкахъ по немъ, надо обратить вниманіе и на то, что нумерація стиховъ въ переводѣ Гнѣдича (изданія 1839 г.) иногда ошибочна, такъ напр. во II пѣсни вмѣсто 875 стоитъ 785; въ XI-й вмѣсто 306 стоитъ 305; вмѣсто 701 стоитъ 700, вмѣсто 730 стоитъ 830.

Указатель повторяемыхъ стиховъ въ Иліадѣ.

(Въ столбцѣ справа указывается, сколько стиховъ повторяется сряду и сколько разъ въ поэмѣ).

Первые Трои IV, 67, 72 1
...печальныхъ узрѣвъ XVII, 441; XIX, 340 1
Пику вонзилъ XI, 235; XVII, 48 1
Пику въ одиннадцать VI, 519—20; VIII, 494—95 2
Плѣнную дочь 1, 13—16; 372—75 4
... повелителя мощнаго VI, 97, 278; XII, 40 1
Подлѣ него III, 262, 312 1
Подлѣ стѣны той VII, 341, 440 1
Подлѣ судовъ VIII, 345—47; XV, 367—69 3
...посламъ и безмолвнымъ XVI, 671—73; 681—83... 3
Поясъ и повязь IV, 187, 216 (въ текстѣ ошибка въ 187-мъ стихѣ: *«запонъ»*, надо: поясъ 1
Прежде богиню V, 458—59; 883—84 2
Прежде родился XIX, 219; XXI, 440 1
Птицы проси XXIV, 292—95; 310—13 4
Пусть и дары XXIV, 147—58; 176—87 12
Пышный покровъ VI, 90—97; 271—78 (308—10 8
Радуйся, храбрый XXIII, 19—20; 179—80. 2
Разомъ и бичь XVII, 482; XXIV, 441 1
Разомъ сразилися IV, 447—51; VIII, 61—65 5
... разразится тутъ скоро XII, 345—50; 358—63 ... 6
Рать не была II, 703, 709 1
Рекъ и вновь обратился XIII, 239; XVI, 726; XVII, 82 1(2)
Рекъ, и ему покорилась V, 767; XIV, 277; XV, 78..... 1(2)
Рекъ, и на Гектора XXII, 395; XXIII, 24 1
Рекъ, и подвигнулъ IV, 73; XIX, 349; XXII, 186 ...... 1(2)
Рекъ, и покрыло XVII, 591; XVIII, 22 1
Рекъ, и съ высотъ IV, 419 (V. 494); XVI, 117........ 1(2)
Рекъ онъ, Ахейцы III, 95; VII, 92, 398 1
Рекъ онъ и мощно III, 355; V, 280; VII, 244; XI, 349; XVII, 516; XXII, 273 .... 1(5)
Ровъ перейти XII, 200, 218 ....
Рѣчи какія IV, 350; XIV, 83 1
Сами же пѣшіе XI, 49; XII, 77 1

Сами назадъ V, 575; XIII, 642; XV, 457 .... 1(2)
Сверху раменъ II, 45; III, 334; XVI, 135 1
Свыше летящій XII, 201—2; 219—20 2
Силой троянъ XIII1, 6, 353 1
. . . сильно всегда XI, 792; XV, 404 1
Сихъ одного VIII, 277, XII, 194; XVI, 418 1
. . . сія бо намъ честь IV, 49; XXIV, 70 1
Сколь онъ преступенъ I, 412; XVI, 274 1
Скоро предъ нами II, 373—74; IV, 290—91 2
Скоро увидѣлъ XVII, 116—17, 682—83.............. 2
Скройся въ толпу XVII, 31—32; XX, 197—98........ 2
Скрылись бы въ градъ VI, 74; XVII, 320, 337 .... 1(2)
Слава о ней VII, 451, 458 1
Славился всѣми VIII, 540—41; XIII, 826—27 2
Славой сугубой IV, 60—61; XVI, 365—66 2
Славою свѣтлый IX, 96, 677; X, 103; XIX, 146, 199... 1(4)
Сладкою рѣчью II, 164—65; 180—81 2
Словно какъ мухъ II, 469—71; XVI, 641—43 3
Словно конь VI, 506—11; XV, 263—68.............. 6
Слово иное I, 297; IV, 39; V, 259; IX, 611; XVI, 444; XXI, 94.. 1(5)
Слово скончавъ VIII, 425; XXIV, 188 1
Слухъ преклоните VII, 349, 369; VIII, 6 .... 1(2)
Слухъ преклоните, Трояне III, 456; VIII, 497 1
Слушайте слово VIII, 5—6; XIX, 101—2............. 2
Смертнаго мужа XVI, 441—43; XXII, 179—81....... 3
Снова ты смерти XI, 362—67; XX, 449—54 6
. . . совѣтами равнаго II, 169, 407, 636; VII, 47; X, 137; XI, 200.................................. .. .. 1(5)
Сорокъ за нимъ II, 630, 644, 710, 737, 747, 759 ..... 1(6)
Сорокъ черныхъ II, 534, 545 1
Спишь, Агамемнонъ II, 23—32; 60—69 10
Срубъ угасили XXIII, 250; XXIV, 791 1
Сталъ Агамемнонъ VIII, 222—26; XI, 5—9 5

...человѣковъ губителю VII, 166; XI, 295............ 1
...чтился какъ богъ V, 78; X, 33; XI, 58; XIII, 218; XVI, 605 .... 1(4)
Что приходилъ VI, 254; XIII, 250; XIV, 43........... 1(2)
Что ты, о сынъ мой I, 361; XVIII, 73 1
Что ты, Ѳетида, XVIII, 385, 424...................... 1
Чуть соступились V, 630; VI, 121; XI, 232; XIII, 604; XX, 176; XXI, 148.............................. 1(4)
Шествуй, любезный V, 226—27; XVII, 479—80...... 2
Шествуй ко мнѣ V, 221—23; VIII, 105—7........... 3
Шлемъ на главу XV, 480—81; XVI, 137—38 2
Щитъ копія V, 538—39; XVII, 518—19.............. 1
Щитъ свѣтозарный III, 357—60; VII, 251—54; XI, 435—36.. 4
Щитъ со щитомъ XIII, 131—33; XVI, 215—17...... 1(3)
Юноши паки 1, 470—71; IX, 175—76 2
Я вамъ повѣдаю VII, 68; VIII, 6; XIX, 102........... 1(2)
Я отхожу XIV, 200—7; 301—6 7
...яствы гостямъ IX, 216—17; XXIV, 625—26...... 2

И того 618 стиховъ *повторяющихся*, а повторяются они всѣ 148 разъ. Но, конечно, эти числа только приблизительны, такъ какъ мы не можемъ ручаться, чтобы намъ удалось уловить всѣ подобные стихи.

Вникая въ мѣста, гдѣ повторяются эти стихи, видимъ, что, посредствомъ ихъ, пѣсни Иліады оказываются въ слѣдующей связи между собою: итого.

I — II, IV, V, VII—IX, XVI, XVIII, XXI, XXIII, XXIV 11
II — I, III, IV, VII—IX, XI, XII, XIV, XVI, XVIII, XXIV 12
III — II, IV—VII, IX, XI, XIV, XVI, XVII; XIX, XXII, XXIV 13
IV — I—III, V—IX, XIII—XVII, XXI, XXII, XXIV 16

V — I, III, IV, VI—XVII, XX—XXII............ 18
VI — III—V, VIII, X—XVII, XX, XXI........... 14
VII — I—V, VIII—XII, XIV—XVII, XIX, XXII—XXIV.................................. 18
VIII — I, II, IV—VII, IX, XI, XIII—XIX, XXII, XXIV................................. 17
IX — I—V, VII, VIII, X, XVI, XIX, XXI, XXIV.. 12
X — II, V—VII, IX—XI, XIII, XIV, XVI, XVII.. 11
XI — II, III, V—VIII, X, XII—XX............... 16
XII — II, V—VII, XI, XIII, XVI, XX.............. 8
XIII — IV—VI, VIII, X—XII, XIV—XVIII, XX, XXI 14
XIV — III—VIII, X, XI, XIII, XV, XVI, XVIII, XXI, XXIII, XXIV.......................... 15
XV — IV—VIII, XI, XIII, XIV, XVI, XVII, XIX—XXI, XXIII................................ 14
XVI — I, II, IV—XV, XVII—XXII................ 20
XVII — IV—VI, VIII, X, XI, XIII, XV, XVI, XVIII, XX.. 11
XVIII — I, XI, XIII, XIV, XVI, XVII, XX........... 7
XIX — III, VIII, IX, XV, XV, XVI, XXI, XXII..... 7
XX — V, VI, XI—XIII, XV—XVIII, XXI......... 10
XXI — I, IV—VI, IX, XIII—XVI, XIX, XX, XXIV.. 12
XXII — IV, VIII, XVI, XIX, XXIII................. 5
XXIII — VII, XIV, XV, XXII, XXIV................. 5
XXIV — I—IV, VII—IX, XIV, XXI, XXIII......... 10

Англійскій историкъ Гротъ считаетъ IX-ю пѣснь Иліады позднѣйшимъ прибавленіемъ, недостойнымъ поэмы; если она и дѣйствительно прибавленіе, то все-таки такое, которое находится въ тѣсной связи съ *двѣнадцатью* пѣснями Иліады, какъ видно изъ этого перечня. Наиболѣе самостоятельными пѣснями являются XXII-я и XXIII.

Въ Одиссеѣ повторяемыхъ отдѣльныхъ стиховъ встрѣчается больше, и повторяются они чаще, и притомъ цѣлыми группами; вотъ ихъ алфавитный указатель.

Указатель повторяемыхъ стиховъ въ Одиссеѣ.

Тутъ для умытія III, 338—40; XXI, 270—72.......... 3
Тутъ обратяся XVI, 394—95; XVIII, 412—13........ 2
Тутъ принесла I, 134—40; IV, 52—58; VII, 172—76; X, 368—72; XV, 135—39; XVII, 91—95.......... 7(5)
Тутъ свѣтлоокая.... Паллада I, 44—45, 78—79...... 2
Тутъ свѣтлоокая.... попутный II, 420; XV, 292........ 1
Ты же скажи мнѣ IV, 379—81; 468—70........... 3
Ты же теперь мнѣ I, 165, 202, 220; IV, 486; XI, 140, 457; XV, 383............... 1(6)
Ты-ль, ненаглядный XVI, 23—24; XVII, 41—42....... 2
Ты не сама ли V, 23—24; XXIV, 479—80......... 2
Тѣ же, изжаривъ III, 65, 470. 1
Тѣ же опять I, 417—19; XVIII, 304—6.......... 3
Тѣнь Агамемнона XI, 387—89; XXIV, 20—22....... 3
Умная мысль II, 382, 393; IV, 219; XVIII, 187..... 1
Факелы взявши IV, 300; VII, 339.................. 1
Холмъ гробовой XIV, 369—70; XXIV, 32—33....... 2
Царь Алкиной VIII, 382, 401; IX, 2; XI, 355, 378; XIII, 38.................... 1(5)
Царь многославный IV, 156, 291, 316; XV, 64, 87.... 1(4)
Цѣлый день мчалися III, 486—94; XV, 184—92........ 9
Честь Одиссеева XVI, 75—77; XIX, 527—29....... 3
....чтобъ могли громолюбцу VII, 164—65; 180—81.. 2
....чтобъ рабыни XXI, 235—39; 381—85........... 4
....чтобъ свѣдать III, 15—16; IV, 714.... 2
Что ты сказалъ II, 85; XVII, 406.................. 1
до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное IX, 161—62; 556—57; X, 183—84, 468, 475—76; XII, 29—30; XIX, 424—25....... 2(5)
..... Эвриклея разумная I, 425; II, 347; XX, 148.... 1
..... Эхеней, благороднаго VII, 155—56; XI, 342—43.................... 2
Яблонь и грушъ VII, 115—16; XI, 589—90........ 2
Я еще молодъ XVI, 71—72; XXI, 132—33.......... 2
Я же колѣна III, 92—101; IV, 322—31........... 10
Я имъ однако XIII, 427—28; XV, 31—32............ 2
.... я и самъ межъ людьми XVII, 419—24; XIX, 75—80.................... 6
.... яму глубокую X, 517—25; XI, 25—33......... 9

Итого въ Одиссеѣ повторяющихся стиховъ 671, а повторяются они 274 раза.

Замѣчательно, что нѣкоторые стихи повторяются и въ Иліадѣ и въ Одиссеѣ, хотя не буквально вѣрные (говоримъ, разумѣется, только о переводахъ Гнѣдича и Жуковскаго); укажемъ ихъ хоть нѣсколько:

ИЛІАДА	ОДИССЕЯ
I, 245	II, 80.
I, 470—71	III, 339—40.
II, 371	IV, 341; VII, 311 и пр.
III, 277	XI, 109.
IV, 350; XIV, 83	I, 63; V, 22; XXIII, 70.
V, 78	VII, 11.
VI, 295	XV, 108.
IX, 312	XIV, 156.
XI, 669	XIV, 503.
XIV, 83	III, 230.
XIV, 195—96	V, 89—90.
XV, 36—38	V, 184—86.
XVI, 779	IX, 58.
XVIII, 486—89	V, 272—75.
XXI, 74	XXII, 312, 344.
XXII, 458—59	XI, 514—15.
XXIV, 340—44	V, 44—48.

Это сходство еще замѣтнѣе въ переводѣ Жуковскаго Одиссеи и Иліады; напримѣръ:

ОДИССЕЯ	ИЛІАДА
II, 9; VIII, 24	I, 57.
II, 428—29	I, 482—83.
III, 458—62; XII; 364—65	I, 461—66.
IV, 661—62	I, 103—4.

И это только въ *одной* пѣсни Иліады!

Вникая внимательно, по самимъ поэмамъ, въ повторяющіеся стихи, легко замѣтимъ, что иногда одни и тѣ же эпитеты прилагаются къ разнымъ героямъ, одну и ту же рѣчь говорятъ въ разное время разныя лица—и греки, и трояне, и друзья и враги, и люди и боги. Всѣ такія мѣста, въ которыхъ является (говоря Гомеровскимъ языкомъ) *«Фебъ не стригущій власовъ»* (Иліада XX, 39), были уже замѣчены западными учеными. Не объ

этихъ ли мѣстахъ думалъ и Горацій, когда говорилъ: *«Иногда и добрый нашъ старецъ Гомеръ засыпаетъ».* (De arte poëtica, 359)?

Предметный указатель къ Иліадѣ.

При изученіи Иліады постоянно чувствуется необходимость въ предметномъ указателѣ къ ней, который помогалъ бы сосредоточиться на извѣстномъ лицѣ или на какомъ нибудь явленіи общественнаго быта; это и побудило насъ составить настоящій указатель. Но чтобы не слишкомъ растянуть объемъ его, мы коснулись только замѣчательнѣйшихъ лицъ и главнѣйшихъ предметовъ, и при этомъ лишь немногіе изъ нихъ указали мы съ тою отчетливостію, какая желательна бы для всѣхъ; зато числовыя указанія мы старались привести всѣ. Нѣкоторымъ дополненіемъ къ этому указателю можетъ послужить представленный выше объяснительный словарь. При алфавитномъ порядкѣ, принятомъ и тамъ и здѣсь, ихъ легко дополнять при постепенныхъ справкахъ. Слова, напечатанныя здѣсь *курсивомъ*, указываютъ предметы, приводимые Гомеромъ въ его *сравненіяхъ;* этимъ выставляется на видъ и обиліе ихъ, и особенная любовь Гомера къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Числа въ этомъ указателѣ приводятся съ небольшимъ сокращеніемъ, напр. 477—83 значитъ отъ 477-го до 483 стиха включительно.

II, 669; владыка Олимпа XI, 80; всемогущій II, 403; высокогремящій XII, 235; высокопрестольный XVIII, 185; высокоцарящій IV, 166, VII, 69; Геры супругъ громоносный VII, 411; X, 5, 329; XIII, 154; гонитель облаковъ VII, 280; громовержецъ I, 423; II, 111; XIV, 54; землю объемлющій земледержатель IX, 183; Кронидъ XXI, 570; Кроніонъ II, 2; метатель молній I, 419, 498; многославный III, 298; молнелюбецъ VIII, 2; молненосный VII, 60; мощный III, 320; небожитель IV, 235; непреложныхъ совѣтовъ строитель XXIV, 88; обитатель эѳира IV, 166; Олимпіецъ XVI, 662; олимпійскій VIII, 236; олимпійскій блистатель XVII, 198; отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ VIII, 132; отецъ и владыка безсмертныхъ I, 502; отецъ олимпіецъ, громами блестящій I, 580; повелитель безсмертныхъ XXIV, 90; повелитель боговъ и отецъ человѣковъ I, 544; потрясатель Эгида XI, 318; провидецъ, прозорливый VII, 478; II, 205; промыслитель I, 175, 508; XI, 278; свѣтовъ Зевесъ XIII, 836; сгуститель облакъ I, 397; сребромолненный XIX, 121; XX, 16; сынъ хитроумнаго Крона II, 319; тучеводецъ VII, 454; тучегонитель I, 517; хитроумный Кроніонъ XII, 450; чернооблачный II, 412; XXII, 178; чернотучный Кроновъ сынъ XXIV, 290; Эгиды носитель XV, 175; Эгіохъ I, 202.

Зевесъ, свойства, дѣйствія, отношенія къ людямъ и отношенія къ нему (въ алфавитн. порядкѣ): алтарь его VIII, 48; богатства отъ него II, 670; XXIII, 298—99; борьба съ нимъ боговъ I 398—406; бѣдствія и смерть отъ него II, 39, 111—15, 375—76; VII, 70, 209—10; X, 71; XVII, 688; XVIII, 431; XIX 270—74; XXII, 60—65; XXIV, 241; видитъ и слышитъ далеко XV, 220—24; XVI, 232; XXIV, 291, 331—32; владыка надъ сномъ XIV, 247—48; власть, слава и доблесть отъ него V, 225; XVII, 251; XX, 242—43; вѣроломству не помощникъ IV, 235; вѣсы его VIII, 69; XVI, 658; XXII, 209—13; гнѣвъ его и угрозы богамъ VIII, 10—29, Герѣ и Аѳинѣ VIII, 397—408, гнѣвъ на Обиду XIX, 126—29; громъ его VIII, 170; XIV, 417; дождь отъ него и снѣгъ XII, 25—26, 279—86;

XII.

Въ заключеніе своего труда прилагаемъ гомеровскую библіографію на Руси. Здѣсь, между прочимъ, мы указываемъ и всѣ напечатанные *порознь* отрывки изъ перевода Гнѣдича: отрывки эти рѣзко отличаются отъ позднѣйшаго изданія поэмы (1839 г.), и сличеніе ихъ можетъ послужить матеріаломъ для оцѣнки труда Гнѣдича и для разныхъ интересныхъ выводовъ. Кромѣ переводовъ изъ Гомера, указываемъ и статьи о немъ и поэтическія произведенія о его поэмѣ и герояхъ.

А. Переводы изъ Гомера и изданія текста съ объяснительными къ нему примѣчаніями.

Здѣсь мы упоминаемъ и о томъ произведеніи, принадлежность котораго Гомеру отрицается современной наукой, но которое прежде считалось несомнѣнно ему принадлежащимъ, переводилось какъ именно его твореніе и явилось *первымъ* изъ него переводомъ, вмѣстѣ съ Притчами Эзоповыми; это —

1700.

1) Омировъ бой жабъ и мышей, изданный Иліею Копіевичемъ (Копіевскимъ) въ Амстердамѣ, у Ивана Тессинга, на

русскомъ и латинскомъ языкѣ. (Сопиковъ I, 912; Каратаевъ, 1861 г., № 1157).

1748.

2) Отрывки изъ Иліады въ переводѣ М. В. Ломоносова, шестистопнымъ ямбомъ, въ его «Риторикѣ»: а) изъ IX пѣсни, начало рѣчи Одиссея Ахиллесу, стр. 113—114; б) начало VIII пѣсни, стр. 154; в) изъ XIII пѣсни въ книгѣ П. С. Билярскаго «Матеріалы для біографіи Ломоносова», Спб. 1865, стр. 221 (у Билярскаго ошибочно поставлено: п. 5). Въ изданіи Смирдинскомъ Сочиненій Ломоносова, 1850, III, 549 (572), 583.

1772.

3) Омирова Ватрахіомахія, то есть: война мышей и лягушекъ, перевелъ съ *латинскаго* стихами Василій Рубанъ. Спб. 8°, 3 р. (Сопик. IV, 8646; Смирдинъ 6825). Рубанъ въ предисловіи своемъ говоритъ, что переводъ Копіевскаго со многими пропусками лучшихъ мѣстъ и что въ немъ много польскихъ выраженій, непонятныхъ для русскихъ (Копіевскій былъ бѣлоруссъ).

1776 — 1778.

4) Гомерова Иліада, въ XXIV пѣсняхъ, перевелъ съ греческаго прозою Петръ Екимовъ. Спб. 8°, 2 части (Сопиковъ 8649. Кажется, это же самое изданіе указываетъ и Смирдинъ, подъ заглавіемъ: «Омировыхъ твореній», 2 части, содержащія въ себѣ 12 (?) пѣсенъ Иліады, перевелъ съ греческаго Петръ Екимовъ. Спб. 8°, 10 р. Смирд. 6735).

1787.

5) Гомерова Иліада, въ 6 пѣсняхъ, вновь перевелъ съ греческаго стихами (6-ти стопнымъ ямбомъ) Ермилъ Костровъ. Съ портретомъ Гомера. Спб. 4°, 10 р. (Сопик. 8650; Смирд. 6684).

1788.

6) Одиссея, въ 24 пѣсняхъ, соч. Омира, перевелъ съ еллиногреческаго Петръ Соколовъ, 2 части. М. 8° (Смирд. 6732. У Сопикова это изданіе показано безъ имени переводчика и при этомъ прибавлено: *«хотя и сказано на заглавіи... что переводъ съ греческаго, но мнѣ извѣстно, что съ латинскаго»*. Сопик. IV, 8652—53). Митрополитъ Евгеній въ своемъ «Словарѣ духовныхъ писателей» (1827, II, 81) и Лонгиновъ въ своей книгѣ «Новиковъ» (1867, стр 260) приписываютъ этотъ переводъ епископу ѳеодосійскому Моисею Гумилевскому. Архіепископъ Филаретъ въ своемъ «Обзорѣ» (1863, стр. 113) вовсе не упоминаетъ о переводѣ епископа. Академикъ М. И. Сухомлиновъ въ своей «Исторіи Росс. Академіи» (VII вып., стр. 620) приписываетъ переводъ П. И. Соколову, ссылаясь на Смирдина.

7) Гомерова Ватрахіомахія, пер. В. Рубанъ, изданіе *второе*. Спб. (Сопик. 8647).

1796.

8) Гекторъ и Андромаха, отрывокъ изъ VI пѣсни Иліады, перев. (александрійскими стихами) Н. Карамзинъ, Аониды, книга 1; въ Сочин. Карамзина, изд. 1848, ч. 1, стр. 91—96.

1808.

9) Улиссъ у Алкиноя, отрывокъ изъ Одиссеи, перев. А Мерзляковъ (амфибрахіемъ), Вѣстн. Европы, ч. 38, № 8, стр. 272—276; Собраніе Образц. Русск. Сочин. и переводовъ въ стихахъ. Спб. 1822, ч. VI, стр. 73—78.

10) Изъ VII пѣсни Иліады: Единоборство Гектора и Аякса, перев. *(гекзаметромъ)* Мерзляковъ, Драматич. Вѣстникъ, прибавленія, стр. 23; перепеч. въ Собраніи Нов. Русск. Стихотвореній 1826, ч. II, стр. 26—46. (Лонгиновъ ошибочно называетъ размѣръ этого перевода — *александрійскими стихами*, Русск. Архивъ, 1863, с. 846).

1809.

11) Гимнъ Минервѣ, изъ Гомера, пер. Н. Гнѣдича, Цвѣтникъ, № 7, стр. 3; въ изданіи сочиненій Гнѣдича 1854 г. его нѣтъ,—въ изданіи Вольфа 1884 г. помѣщенъ, I, 177.

12) Иліада, пѣснь VII-я, перев. съ греч., александрійскими стихами, Н. Гнѣдичъ. Спб. Отд. изданіе.

1810.

13) Гомеровъ гимнъ Діанѣ, пер. Гнѣдича, Вѣстн. Европы, № 10, стр. 125; — пропущенъ у Смирдина, появился у Вольфа, I. 179.

1811.

14) Гомерова Иліада, VII, VIII и часть IX пѣсни, перев. Е. Костровъ, Вѣстн. Европы, № 14, с. 81; № 15, с. 172; № 16, стр. 253; перепеч. въ Сочинен. Кострова, изд. 1849 г., всѣ IX пѣсней, стр. 267—501.

1812.

15) Омирова брань лягушекъ и мышей, перев. съ греческаго прозой Алексѣй Огинскій. Спб. 12°, 1 р. 50 к. (Сопик. 8648; Смирд. 6826).

16) Гимнъ Венерѣ, изъ Гомера, пер. Н. Гнѣдича, Санктпетербургскій Вѣстникъ, № 2, с. 181; въ изд. Смирдина пропущенъ, у Вольфа есть, I, 181.

17) Пѣснь VIII Иліады, перев. *александрійскими стихами*, Н. Гнѣдича, Чтеніе въ бесѣдѣ любителей Р. Слова, книга 5, стр. 64.

1813.

18) Отрывокъ изъ VI пѣсни Иліады, пер. Н. Гнѣдича, *гекзаметрами*, Чтеніе въ бесѣдѣ люб. Р. Сл., кн. 13, стр. 73.

1815.

19) Одиссея или странствованія Улисса, сочин. Омира, пер.

П. Соколовъ, 2 части, изданіе второе, исправленное. Спб. 8° (Смирд. 6732; Сбпик. 8653).

20) Отрывки изъ пѣсней XXIII и XXIV, пер. Гнѣдича, гекзаметрами, Вѣстн. Европы, № 1, стр. 20; № 4, стр. 243; въ изданіи Иліады 1839 года *совершенно измѣненные*.

21) Пѣснь XI Иліады, пер. Гнѣдича, гекзаметрами, Сынъ Отеч. № 44, стр. 217; № 45, с. 251; № 46, с. 13.

1816.

22) Отрывки изъ II пѣсни Иліады, пер. Гнѣдича, Сынъ Отеч. № 27, стр. 22.

1817.

23) Изъ I пѣсни Иліады, пер. Гнѣдича, Сѣверн. Наблюд. № 5, стр. 54.

1818.

24) Изъ I пѣсни, пер. Гнѣдича, Сынъ Отеч. № 1, стр. 26; № 2, стр. 66.

25) Изъ III пѣсни, пер. Гнѣдича, Сынъ Отеч. № 29, стр. 127; № 30, стр. 175; Труды Общ. Люб. Р. Слов. 1818, ч. X, стр. 20.

1820.

26) Изъ I пѣсни Иліады, пер. Гнѣдича, Сынъ Отеч. № 45, стр. 222; № 46, стр. 266; № 47, стр. 29.

Около 20-хъ годовъ.

27) Начало I пѣсни Одиссеи, пер. И. А. Крылова, «Жизнь Крылова, соч. М. Лобанова», Спб. 1847, с. 69. Объ этомъ переводѣ упоминаетъ Гоголь въ письмѣ къ Жуковскому. (Соч. и письма Гоголя, 1857, т. VI, с. 226 и 235).

1821.

28) Отрывокъ изъ IX пѣсни Иліады, пер. Гнѣдича, Отрывки, издаваемые Росс. Академіей (Такъ указываетъ Лонги-

новъ, но такого изданія не было, по крайней мѣрѣ въ «Каталогѣ изданій Академіи» (1865) его нѣтъ. Въ 1821 году были «Труды Академіи Наукъ».

1823 – 1825.

29) Омирова Иліада, перев. съ греческаго (въ прозѣ), съ примѣчаніями, Ив. Мартынова, 4 части. Спб. 8°, 40 р. Тоже изданіе на россійскомъ и греческомъ языкахъ, 60 р. (Смирд. 6733).

1825.

30) Отрывокъ изъ XIX пѣсни Иліады, пер. Гнѣдича, Полярная Звѣзда, стр. 263.

1826.

31) Восемь гимновъ, пер. А. Мерзлякова, см. его «Подражанія и Переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ, 1825 г., ч. II, перепеч. въ сочиненіяхъ А. Мерзлякова, 2 т., М. 1867.

32) Отрывки изъ XIV пѣсни Иліады, пер. Гнѣдича, Сѣверные Цвѣты, стр. 68.

33) Отрывокъ изъ Ватрахіомахіи, пер. Вилламова, Моск. Телеграфъ, ч. IX, № 11, стр. 108—111.

1826—1828.

34) Омирова Одиссея, перев. съ греческаго (въ прозѣ), съ примѣчаніями, Ив. Мартынова, 4 части. Спб. 30 р. Тоже, изданіе на россійск. и греч. языкахъ, 50 р. (Смирд. 6734).

1827.

35) Отрывокъ изъ XXIII пѣсни Иліады, Памятникъ Отеч. Музъ, перев. Гнѣдича, стр. 162.

36) Танталъ и Сизифъ въ адѣ, изъ XI пѣсни Одиссеи, Сочиненія Гнѣдича, изд. 1854, стр. 121; въ изд. 1884, I. 183.

1829.

37) Отрывки изъ Иліады, перев. Жуковскаго (съ нѣмецкихъ переводовъ), Сѣв. Цвѣты на 1829 годъ. (За помѣщеніе

этого перевода Гнѣдичъ разсердился на Дельвига, издателя «С. Цвѣтовъ»). Перепеч. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 1878, т. II, стр. 421—440.

38) Отрывокъ изъ XVIII пѣсни Иліады, перев. Гнѣдича, Моск. Телеграфъ, № 18, стр. 180 (и 261).

39) Иліада Гомера, переведенная съ греческаго размѣромъ подлинника Николаемъ Гнѣдичемъ, съ предисловіемъ переводчика, съ изображеніемъ семи главнѣйшихъ героевъ Иліады— Ахиллеса, Агамемнона, Діомида, Одиссея, Нестора, Менелая, Париса (гравюра Уткина), съ картою полей троянскихъ, изданіе Россійской Академіи, 2 тома, въ большую четвертку, на бѣлой бумагѣ, красивыми буквами. Посвящена государю императору Николаю Павловичу. Спб. XV, 354 и 362 стр.

1830.

40) Одиссея, первыя 6 книгъ, изданіе преподавателя въ Московскомъ Университетѣ Іосифа Ежовскаго, съ латинскими примѣчаніями. М.

1832.

41) Война мышей и лягушекъ (отрывокъ) перев. Жуковскаго, Европеецъ, № 2; въ Соч. Жуковскаго, изд. 1878, т. III, стр. 57—66, 471—472.

1839.

42) Иліада Гомера, перев. Н. Гнѣдича, изданіе второе, (книгопродавца Лисенкова), напечатанное съ экземпляра, *исправленнаго* переводчикомъ. Спб. 16°, XVIII, 361, 374, VI и II стр., 2 р. 30 к.

1840.

43) Одиссея Гомера. Переводъ съ греческаго, въ стихахъ, размѣромъ подлинника, съ примѣчаніями переводчика и рисунками Флаксмана, ч. 1, пѣснь 1, Спб.

1845.

44) Омирова Ватрахіомахія, или война лягушекъ и мышей, переложенная въ стихи штабсъ-капитаномъ Телегинымъ. М. 12°.

1848.

45) Одиссея, перев. Жуковскаго, 1—XXIV пѣсни. Новыя стихотворенія, томы II и III. Тоже въ X томѣ изданія сочиненій его, 1857 г.; въ V томѣ изданія 1869 года; отдѣльно въ 1871 году; въ IV томѣ изданія сочиненій 1878 и 1885 года и отдѣльно въ 1885 г.

1849.

46) Одиссея, 1 пѣснь, перев. Арсеньева, Отеч. Записки, т. 65, № 8, Смѣсь, стр. 200.

1853.

47) Иліада Гомера, перев. съ греческаго, Б. И. Ордынскаго, опытъ перевода въ прозѣ, народнымъ языкомъ, рапсодія I — XII, Отеч. Записки, т. 86 — 88, стр. 77 — 187; 1 — 127; 1 — 111.

48) Начало 1-й пѣсни Иліады, перев. Арсеньева (амфибрахіями, съ дактилическимъ окончаніемъ), Москвитянинъ. № 5, Смѣсь, стр. 36 — 40.

1854.

49) Иліада. Пѣснь 1 и отрывки II-й, перев. Жуковскаго, Пропилеи, книга IV, стр. 1—32 (въ изданіи Сочиненій Жуковскаго, 1878, т. IV).

1859.

50) Жабомышодраківка (Ватрахіомахія) на нашу руську мову перештопавъ К. Д. (Константинъ Думитрашковъ), изд. В. Аскоченскаго. Спб. 16°, 29 с.

1862.

51) Иліада Гомера, перев. Н. Гнѣдича, 2 части, изданіе

третье, Лисенкова, съ 24 рисунками Флаксмана. Спб. 16°, 360 и 390 и VII стр.

1869.

52) Homeri Illias. Текстъ съ словаремъ для гимназій, Я. Креммера. М. ч. 1; 1 р. 20 к. Было четыре изданія до 1878 г.

53) Homeri Odyssea. Текстъ съ словаремъ и приложеніемъ статьи о гомеровскомъ діалектѣ, составилъ для гимназій Я. Креммеръ. М. Было пять изданій до 1878 г.

1871.

54) Одиссея Гомера, пер. Жуковскаго, 2 части, съ 27 рисунками. М. (четвертое изданіе) 2 р.

1872 – 1874 и 1876.

55) Ст. Руданскаго перекладъ Иліады на малороссійскій языкъ, въ галицкомъ журналѣ «Правда», 1872—74 и 1876 гг. Есть еще переводъ Иліады и Одиссеи малорусскимъ народнымъ стихомъ, А. А. Навроцкаго, но онъ не напечатанъ.

1884.

56) Война мышей и лягушекъ, поэма (приписываемая Гомеру) Пигреса, перевелъ размѣромъ подлинника Вл. Краузе. Казань.

57) Поэмы Гомера. 1. Одиссея, въ точномъ переводѣ на русскій языкъ. Рапсодія 1—VI, переводъ Вл. Краузе. Казань. 1884—85.

58) Иліада, пер. Гнѣдича (изданіе 4-е) А. Суворина. Спб. м. 8°, XXIII и 495 стр.; цѣна 75 коп.

59) Иліада, пер. Гнѣдича (изданіе 5-е) въ Собраніи Сочиненій Гнѣдича, изд. Вольфа. Спб., т. 2 и 3, XXVI, 333, 356 и XII стр. Цѣна за всѣ три тома 4 р. 50 к.

1885.

60) Одиссея Гомера, пер. Жуковскаго. Спб. *Пятое* изданіе.

61) Отрывки изъ VI пѣсни Одиссеи, пер. на малороссійскій языкъ, Нищинскаго, альманахъ «Нива», Одесса 1885.

Уже изъ этого списка можно видѣть, что творенія Гомера достаточно распространены на Руси въ литературныхъ кругахъ: «Иліаду» брались переводить *двѣнадцать* лицъ (Ломоносовъ, Екимовъ, Костровъ, Карамзинъ, Мерзляковъ, Гнѣдичъ, Мартыновъ, Жуковскій, Ордынскій, Арсеньевъ, Руданскій, Навроцкій); «Одиссею» — *одиннадцать* лицъ (Соколовъ, Мерзляковъ, Крыловъ, Мартыновъ, Гнѣдичъ, Неизвѣстный (1840 г.), Жуковскій, Арсеньевъ, Краузе, Навроцкій, Нищинскій; даже «Войну мышей и лягушекъ» переводили *восемь* лицъ (Копіевичъ, Рубанъ, Огинскій, Вилламовъ, Жуковскій, Телегинъ, Думитрашковъ, Краузе). Но въ глухомъ провинціальномъ городкѣ, гдѣ собираются эти свѣдѣнія, трудно ручаться за полноту ихъ, потому что нѣтъ никакой возможности имѣть подъ руками всѣ изданія, не только изучить ихъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ переводахъ мы встрѣтимъ и въ слѣдующемъ спискѣ.

Б. Статьи о Гомерѣ и переводахъ изъ него.

1) Въ Указателѣ Московской патріаршей ризницы и библіотеки, архимандрита Саввы (нынѣ архіепископа тверскаго), на стр. 58 (изданія 1858 г.) упоминается о рукописи Иліады, *съ толкованіемъ* Евстаѳія, архіепископа солунскаго, XII вѣка, и о рукописи Одиссеи, съ краткими примѣчаніями. Любопытно было бы имѣть объ этихъ рукописяхъ и особенно о толкованіи преосвященнаго болѣе подробныя свѣдѣнія.

1781.

2) На латинскомъ языкѣ: Порфирія и другихъ, схоліи на XXIV-ю книгу Гомеровой Иліады, изданіе московскаго профессора Маттеи. Лейпцигъ. (Словарь профессоровъ моск. университета, М. 1855, часть II, стр. 32, 38).

1796.

3) Муравьева М. Н. «Опыты»... см. изданіе его сочиненій 1849 г. отзывы о Гомерѣ. т. 1. стр. 126—132; т. II, стр. 361—363. Ими восхищался и цитировалъ ихъ Гнѣдичъ, въ своемъ предисловіи къ Иліадѣ.

1803.

4) О высокомъ или величественномъ, твореніе Діонисія Лонгина, пер. съ греч. Ив. Мартынова. Спб. 8°, стр. 53, 56—60, 62—71, 76, 80, 101, 155—157.

1813.

5) Письмо Уварова къ Гнѣдичу. Чтеніе въ Бесѣдѣ Любителей Р. Слова, кн. 13, стр. 56.

6) Отвѣтъ Гнѣдича, тамъ же, стр. 69.

7) Письмо Капниста къ Уварову, тамъ же, кн. 17, стр. 18. (Сочиненія Капниста, изд. 1849, стр. 600—618).

8) Отвѣтъ Капнисту Уварова, тамъ же, стр. 47.

1814.

9) Письмо А. Т. о спорѣ между Уваровымъ, Гнѣдичемъ и Капнистомъ о размѣрѣ для переводовъ классическихъ писателей, Сынъ Отеч., т. XIV, с. 153—157.

1817.

10) О возстановленіи первыхъ шести пѣсенъ Одиссеи въ первобытный ихъ порядокъ, В. Капниста, Сынъ Отеч., т. XLI, с. 50; Сочиненія Капниста, изд. 1849, стр. 529—553.

1819.

11) Мнѣніе, что Улиссъ странствовалъ не въ Средиземномъ, но въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ, В. Капниста, Сынъ Отеч., т. LVI, стр. 193—213; Сочиненія Капниста, изд. 1849, стр. 554—568.

1820.

12) Нѣкоторыя замѣчанія на отрывокъ изъ пятой пѣсни Иліады (Гнѣдича), статья N. N., Сынъ Отеч., LXVI, 229—237.

1821.

13) Нѣчто о переводчикахъ Гомера, Ѳ. Булгарина, Сынъ Отеч., LXXI, стр. 145—160.

1825—1826.

14) Содержаніе Иліады и сравненія въ ней, Амалтея, изданіе И. Я. Кронеберга, части 1 и 2.

1826.

15) О тактикѣ ахеянъ и троянъ, о построеніи войска и проч. Изъ общихъ примѣчаній къ Иліадѣ, Н. Гнѣдича, Сынъ Отеч., № 20, т. CIX, стр. 330—349. Въ собраніе его сочиненій доселѣ не вошло, ни въ изданіи Смирдина, ни въ изданіи Вольфа.

1828.

16) Иліада и Одиссея, изъ соч. Бенжаменъ-Констана, Моск. Вѣстникъ, 1828, ч. 1.

1830.

17) Иліада Гомера, пер. Гнѣдича, Моск. Телегр., № 1, стр. 87—90, статья Ѳ.

18) Тоже, Моск. Вѣстникъ, ч. 1, № 4, стр. 372—408, статья Джд (Надеждина).

19) Тоже, Литер. Газета, № 2; Сочиненія Пушкина, изд. 1881, т. V, стр. 88, 106—109.

20) Тоже, Вѣстникъ Европы, № 3, стр. 236, статья А. Б.

21) Тоже, Галатея, ч. XI, с. 228, ч. XIV, стр. 79—90.

1831.

22) Кто сочинитель Иліады и Одиссеи (разборъ книгъ «Ulysse — Homère etc. par C. Koliades»; Essai sur la beauté morale de la poesie d'Homère, par Simburg; Опытъ о

піитическомъ единствѣ Иліады, Ланге). Моск. Телеграфъ, № 4, стр. 500 — 516, № 5, стр. 66 — 84; статья не окончена.

1834.

23) Исторія древней и новой литературы, соч. Фр. Шлегеля (пер. В. Комовскаго), Спб. ч. I, стр. 29—39.

1835.

24) Содержаніе Иліады и сравненія въ ней, «Минерва», сборникъ И. Я. Кронеберга, часть III. (Изъ Амалтеи 1825 г).

1836.

25) Мнѣніе о Гомерѣ. Изъ Вико. Журналъ Мин. Нар. росв., ч. XII, стр. 1.

26) Теорія поэзіи, С. Шевырева, М. отрывочно, на многихъ страницахъ.

1838.

27) Гомеръ. Энциклопедическій лексиконъ, изданіе А. Плюмара, Спб., томъ XIV, стр. 437 — 439, статья Ѳ. Н. М. (Менцова).

28) Гомеръ. Живописное обозрѣніе, т. IV, стр. 182.

29) Объ Иліадѣ въ переводѣ Гнѣдича, Сынъ Отечества, т. VII, стр. 62.

30) О томъ-же, Спб. Вѣдомости, № 290.

1839.

31) Чтенія о Словесности, 1839. И. Давыдова, курсъ III, М., стр. 214—231.

32) Иліада, въ переводѣ Гнѣдича, Моск. Наблюдатель, ч. II, стр. 93.

33) Тоже, Отеч. Записки, № 3, критика, стр. 47—66.

34) Тоже, Сынъ Отеч. т. XI, стр. 33—36 (Н. Полеваго).

35) Тоже, Сѣв. Пчела, № 20.

1840.

36) Гомеръ, статья Эдгара Кине, Сынъ Отеч., IV, стр. 315—336.

37) О переводѣ Одиссеи Гомера, ч. 1, п. 1 (неизвѣстнаго) Библіотека для Чтенія, т. 45, отд. 6, стр. 37 — 42; Современникъ 1841, т. 21, стр. 114 — 118, перепеч. въ Сочиненіяхъ Плетнева 1885, т. II, стр. 306—308.

1841.

38) О книгѣ Эпперта, «о происхожденіи гомеровскихъ поэмъ», Отеч. Зап., т. германская литература, стр. 8—10.

39) Объ Иліадѣ — въ статьѣ Бѣлинскаго «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды», Отеч. Зап., т. XV, стр. 21, 35—37.

Отзывы Бѣлинскаго разныхъ лѣтъ, см. въ его Сочиненіяхъ (изд. 1859—1862) III, 111; V, 56, 98; VIII, 160, 239, 286—289, 362, 478; XII, 290, 315—317.

1842.

40) Обзоръ мнѣній древнихъ: 1) о смерти, удаленіи страха смерти и жизни за гробомъ; 2) о судьбѣ (fatum); 3) о жертвоприношеніяхъ древнихъ грековъ. М. (между прочимъ и о Гомерѣ).

1845.

41) О переводѣ Телегина «Ватрахіомахія», Отеч. Зап., № 9, отд. 6, стр. 18; Соврем. 1845, т. 40, стр. 106, перепеч. въ Соч. Плетнева, 1885, т. II, стр. 509.

42) Отрывокъ изъ письма Жуковскаго о переводѣ Одиссеи, Москвитян. № 1, перепеч. въ Соч. Жуковскаго, изд. 1878, т. VI, стр. 47—52. Письмо это было писано Жуковскимъ къ А. П. Елагиной и И. В. Кирѣевскому: см. Сочин. Гоголя, 1857, т. VI, стр. 159.

1846.

43) Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ, письмо Н. Гоголя, Современн. № 8, перепеч. въ Перепискѣ съ друзьями,

1847, въ Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя, изд. 1857 г., т. III, стр. 349—357.

1847.

44) Новые толки о гомерическомъ эпосѣ (по поводу Исторіи Греціи, Грота) Библіот. для Чтенія, т. LXXXIV, Смѣсь, стр. 52—61, (И. И. Введенскаго).

45) Странныя мнѣнія о Гомерѣ, Живописная Энциклопедія, М., стр. 218.

1849.

46) Одиссея, переводъ Жуковскаго: Библіот. для Чтенія, т. 93, №№ 1 и 2, стр. 1 и 57, двѣ статьи Сенковскаго. перепеч. въ Сочин. Сенковскаго, т. IX.

47) Тоже, Журн. М. Н. Просв., ч. 61, № 1, отд. 6, стр. 71, статья Г. А. Сахарова (Жуковскому она очень понравилась. См. Сочиненія Плетнева. 1885, III, 668, 669, 670).

48) Тоже, Москвитян. №№ 2 и 3, С. Шевырева.

49) Тоже, Отеч. Записки № 3, (П. А. Лавровскаго) критика: «Сравненіе перевода Одиссеи Жуковскаго съ подлинникомъ, на основаніи разбора IX рапсодіи», стр. 1—58.

50) Тоже, Отеч. Записки, № 8, ст. Б. И. Ордынскаго, критика, стр. 1—36 (о первыхъ XII пѣсняхъ).

51) Тоже, Сынъ Отеч., № 1, стр. 1—19, барона Е. Розена.

52) Тоже, Сѣв. Пчела, № 44, ст. О. Б.

53) Тоже, Сѣв. Пчела, № 242, окт. 31, ст. Кл.

54) (По поводу статей Сенковскаго объ Одиссеѣ), Соврем. «Письма Иногороднаго Подписчика», перепеч. въ Соч. Дружинина, т. VI, стр. 61—63, 79—84, 90—98, 380, 382.

55) О критическихъ статьяхъ по поводу перевода Одиссеи, Журн. М. Н. Пр., т. 63, отд. 6, стр. 87—92.

56) Древнѣйшій списокъ Иліады, Отеч. Записки, т. 67, отд. 8, стр. 421, (объ этой статьѣ Журн. М. Нар. Просв., 1850, т. 65, отд. 7, стр. 88).

57) Столѣтіе русской словесности, Н. Мизко, Одесса, стр. 230—232.

1850.

58) Одиссея Жуковскаго и журнальные толки о ней, Современн. т. XX, №№ 3 и 4, критика, двѣ статьи (Б. Ордынскаго).

59) Одиссея Жуковскаго, Отеч. Записки, № 1, критика, стр. 1, 9, 11—12.

60) Тоже, пѣсни XIII—XXIV, Отеч. Записки, № 7, критика, стр. 1—32, (Ордынскаго).

61) Сужденіе нѣмцевъ объ Одиссеѣ Жуковскаго, Журн. М. Н. Просв., ч. 66, отд. VI, стр. 68.

62) Одиссея Жуковскаго, Журн. М. Н. Просв., ч. 67, отд. 2, стр. 59, ст. Г. Дестуниса.

63) Современн. № 11, критика, ст. А. Д. Галахова объ Измайловѣ, гдѣ приведено изложеніе стараго спора о гекзаметрахъ, стр. 8—21.

64) О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи, П. М. Леонтьева. М.

65) Струве Ѳ. А. De argumento carminum epicorum, quae res ab Homero in Iliade narratas longius prosecuta sunt, Ученыя Записки Казанскаго Университета. 1850, II, стр. 63—171.

1851.

66) Пропилеи, сборникъ П. Леонтьева. Здѣсь въ нѣсколькихъ статьяхъ заходитъ рѣчь о Гомерѣ и его твореніяхъ. Въ 1-мъ томѣ, въ статьѣ Н. Благовѣщенскаго, стр. 9—16, 20, 21; въ статьѣ Леонтьева «Эгинскіе мраморы», стр. 77—83, съ отрывками изъ XVII пѣсни Иліады, въ переводѣ Леонтьева; въ статьѣ Ордынскаго, стр. 169—170 (о значеніи Гомера въ воспитаніи аѳинянъ).

1852.

67) (О переводѣ Гнѣдича). Третья часть Полной Русской Хрестоматіи, Галахова, въ статьѣ о Гнѣдичѣ.

68) Противъ мнѣній гг. Галахова и Лавровскаго о пере-

водѣ Гнѣдича, Москвитян., 1851, № 8, критика, стр. 531 и 1852, № 5, стр. 17, ст. Н. С. Тихонравова.

69) Характеристика гомерическаго общества въ статьѣ П. Леонтьева «Миѳическая Греція», Пропилеи, книга 2, отд. 2, по поводу Исторіи Греціи Г. Грота, стр. 18—113 (особенно съ 67-й страницы).

70) О переводѣ Одиссеи, письмо Жуковскаго къ графу Уварову, Извѣстія II Отдѣл. Имп. Ак. Наукъ, т. 1, стр. 139—144, въ Сочин. Жуковскаго, изд. 1878, т. VI, стр. 181—187; смотри тамъ же, стр. 646, примѣчаніе.

1853.

71) Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи, М. Тулова, Кіевъ, стр. 113—125.

72) Отзывъ Платона о Гомерѣ — въ книгѣ «Опыты сочиненій студентовъ Педагогич. Института», въ статьѣ «Мысли Платона о воспитаніи», стр. 69. Сличи книгу А. Клеванова «Обозрѣніе философской дѣятельности Платона и Сократа». М. 1861, стр. 239, 249.

73) О переводѣ Ордынскаго Иліады, Москвитян., 1853, № 3, критика, стр. 144—155.

74—75) Два отвѣта Ордынскаго на отзывы о его переводѣ, Москвитян., 1853, № 5, смѣсь, стр. 29—32; Отеч. Записки, 1853, т. 90, отд. 7, стр. 27—28. (Изъ статей г. Ордынскаго видно, что были еще отзывы о его переводѣ — въ Пантеонѣ, въ Спб. Вѣдомостяхъ, въ Современникѣ, но мало содержательные).

1854.

76) Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера на простонародный русскій языкъ, М. Каткова, Пропилеи, книга IV, стр. 551—562.

77) О поэзіи, соч. Аристотеля, пер. Ордынскаго, М. Отрывочно, на многихъ страницахъ.

1855.

78) Нѣсколько словъ о переводѣ Гомеровой Иліады Жуковскаго и о русскомъ гекзаметрѣ въ особенности, Москвитян., т. II, № 5, стр. 47—66 (обозр. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1855, ч. 88, отд. 6, стр. 3—5).

1856.

79) Мнѣніе Вольфа о томъ, какъ составились Гомеровы поэмы, Москвитян., т. II, № 5, стр. 17—108, А. К.

80) О трудѣ К. Лахмана надъ Гомеромъ, Пропилеи, кн. V, отд. 2, стр. 33.

81) Поэзія греческая, Ор. Миллера, Журн. М. Нар. Пр., ч. 92, № 10, отд. V, стр. 99. Перепеч. въ его книгѣ: «О нравственной стихіи въ поэзіи», Спб. 1858, стр. 40—49, 58—62.

1858.

82) Историческое развитіе религіозныхъ вѣрованій древнихъ грековъ, Ж. М. Нар. Просв., ч. 100, отд. 5, стр. 1.

83) Гомерическія поэмы по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, I—VI, Иллюстрація №№ 18, 20, 21, 22, 23 и 25.

84) Ученыя Записки II Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ, кн. IV, «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ», А. Н. Пыпина, стр. 50—53, 57, 62, 93, 94.

1859.

85) Современное состояніе вопроса о происхожденіи Иліады и Одиссеи, Отеч. Записки, № 2, т. 122, отд. 5, стр. 67—78 (изъ журнала «Preussische Jahrbücher» Гайма).

86) Лаокоонъ, соч. Лессинга, пер. Е. Эдельсона, М. стр. 4—6, 84, 86—97, 100, 103—110, 120—123, 126—133, 146, 149—158, 164, 201, 202.

1860—1861.

87) Въ 1860—1861 годахъ было приложено къ журналу «Русское Слово» пять отрывковъ изъ Исторіи Греціи Грота и

въ первомъ изъ нихъ говорится объ общественномъ устройствѣ грековъ по Иліадѣ.

1861.

88) Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній. Грубе, перев. съ нѣмецкаго. М. Сцены изъ Иліады, стр. 63—90; Странствованія Улисса, стр. 94—127. (Было потомъ нѣсколько изданій).

89) Курсъ исторіи поэзіи. А. Линниченко. Кіевъ, изданіе 2-е. стр. 25—28.

90) Женскіе типы въ греческой поэзіи. Навзикая и Пенелопа, В. Водовозова, Разсвѣтъ. журналъ Кремпина, № 4, стр. 5—40. (Тутъ же мимоходомъ о Θетидѣ. Гекубѣ, Еленѣ, Герѣ).

91) Гомеровская философія, Философскій Лексиконъ С. Гогоцкаго, Кіевъ, т. II, стр. 447—450.

92) Исторія греческой литературы. Поэзія. Эд. Мунка. Изданіе Товарищ. Общ. Польза. Спб., стр. 13—27.

93) Олимпъ, соч. Петискуса, пер. П. Евстафіева, Спб. Тоже, изданіе второе, 1873 (исправленное).

1862.

94) Эллада. Картины древней Греціи, Вегнера, пер. П. Евстафіева. Спб. Походъ троянскій, стр. 95—132; Странствованія Одиссея, стр. 133—170, съ рисунками. Второе изданіе въ 1868 г.

95) Исторія литературы древняго и новаго міра, составленная подъ ред. А. Милюкова, Спб., стр. 9—20, 38—60.

96) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, П. Пекарскаго, т. I, стр. 557; т. II, стр. 28, 42, 76, 77, 214, 215, 282 и 501.

97) Отзывъ Буслаева о переводахъ Гнѣдича и Жуковскаго, Русск. Вѣстникъ 1862, № 3, стр. 11, въ статьѣ «Русскій богатырскій эпосъ».

98) Г. Буслаевъ и Одиссея въ переводѣ Жуковскаго, письмо русскаго нѣмца, доктора З. (Зейдлица), День, № 41.

1863.

99) Исторія греческой поэзіи, Эд. Мунка, пер. Н. Соколова, М. стр. 29—65.

100) Очеркъ греческой литературы А. Маркова-Виноградскаго, Спб., стр. 38—47.

101) Всеобщая исторія литературы, Шерра, перев. подъ ред. А. Пыпина. Спб., стр. 74—78.

102) Дезбору Кулэ. Исторія путешествій и землевѣдѣнія, пер. И. Разумова, ч. 1°. Землеописаніе древнихъ. Гомеръ. М. 12°.

103) По поводу отзыва Гнѣдича о гекзаметрахъ Тредьяковскаго, «Версификація» В. Классовскаго, Спб., стр. 78—79.

1864.

104) Отчетъ А. Новоселова, (о происхожденіи гомеровскихъ поэмъ), Журн. М. Н. Пр., № 1, отд. 2, стр. 101—112.

105) Извѣстія Гомера о Скиѳіи, Чтенія въ Общ. Исторіи и Древност. Росс. кн. 2, Иностр. Матеріалы: Жизнеописанія... посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней.

106) Разсужденія и изслѣдованія Дж. Ст. Милля, ч. 1, стр. 23—30, (объ Иліадѣ по Г. Гроту).

1865.

107) Книга для чтенія, при изученіи исторіи древней классичесской поэзіи, сост. Н. Мизко, М. стр. 1—56.

1865—1867.

108) Миѳы классической древности, соч. Г. В. Штоля, пер. съ нѣм. М. ч. 1, стр. 31, 33, 76 и 147; часть 2, стр. 34—141, 179, 210—341; со многими рисунками.

1866.

109) Новая русская литература, В. Водовозова, Спб., стр. 46—54, (о переводахъ Гнѣдича и Жуковскаго).

1867.

110) Жизнеописанія Гомера и переводчика его Иліады — Гнѣдича, съ ихъ портретами, изд. Лисенкова, Спб., 16°, 80 стр. Были приложены и къ 3 изданію Иліады.

111) Аяксъ, герой греческой поэзіи, М. Х. Григоревскаго, Филологич. Записки, № 5, стр. 135—170; № 6, стр. 239—272 и 1868 г., № 2, стр. 103—136.

1868.

112) Словесность въ образцахъ и разборахъ, В. Водовозова, V пѣснь Одиссеи, Спб., 8°, стр. 282—292.

113) Исторія русской словесности, А. Д. Галахова, т. II, стр. 258, 267—275.

114) Гомеровскій вопросъ, Журн. М. Н. Пр., № 11, стр. 360—442 и № 12, стр. 834—886, Ѳ. Соколова.

1872.

115) Этимологія гомеровскаго и геродотовскаго нарѣчія, К. В. Крюгеръ, пер. съ нѣм. К. Мысовскій, М.

116) Первобытная культура Эд. Тэйлора, пер. съ англійскаго, Д. Коропчевскаго, Спб.

1873.

117) Синтаксическія изслѣдованія. Значеніе и употребленіе Conjunctivi въ языкѣ Иліады и Одиссеи, (диссертація на магистра) П. И. Аландскаго, Спб., 8°.

1874.

118) Рецензія Ѳ. Мищенка на сочиненіе «Ueber d. Ursprung d. Homerischen Gedichte, von F. Schneider», Университ. Извѣстія, № 11, стр. 177—187.

119) Гомеровская этимологія для гимназій, И. Шрамекъ. Спб.

120) Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ, Л. Воеводскаго. Спб. (рец. Ѳ. Мищенка, въ Унив. Извѣстіяхъ, 1875, іюль, стр. 161).

1875.

121) Омировскіе вопросы (Одиссея) Д. Ф. Бѣляевъ. Спб.

122) Одиссея Гомера. Перевелъ съ греческаго и подробно объяснилъ Ив. Е. Тимошенко I—II. Кіевъ. 12°, XVII, 113 и 78 стр.

123) Пособіе къ чтенію Гомера. Выпускъ 1-й. Этимологія гомеровскаго діалекта и комментаріи на 1 пѣснь Одиссеи. Состав. по Фреинду Никол. Бровковичъ, Спб., 8°, 80 стр.

124) Ученическая библіотека греческихъ и латинскихъ классиковъ. Выпускъ 1. Переводъ греческаго текста, примѣчанія и объясненія къ Одиссеѣ Гомера, М. IV, 67 стр.

125) Ученіе о гомеровскихъ формахъ. По грамматикѣ Дейшле, изложилъ К. Я. Бѣлицкій. Одесса.

126) Рецензія П. И. Аландскаго на книгу «Homerische Studien von W. Hortel», Унив. Извѣстія, № 4.

127) Рецензія П. И. Аландскаго на сочиненіе «Ueber Homerische Poesie, von A. Bischoft», Универс. Извѣстія, № 9.

1876.

128) Исторія всемірной литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ, состав. Вл. Зотовъ, Спб.

129) Древніе классики для русскихъ читателей. Гомеръ. Одиссея, въ изложеніи Лукаса Коллинза, пер. съ англійскаго Ф. Резенеръ, Спб., 12°, 171 стр. Тоже, Иліада, VII и 189 стр.

130) О такъ называемыхъ гомеровскихъ поэмахъ, А. Воеводскаго, Одесса, 8°.

131) Новый упрощенный словарь къ пѣснямъ Гомера, по порядку стиховъ. Съ предварительными свѣдѣніями о жизни, пѣсняхъ и діалектѣ Гомера и объяснительными примѣчаніями, Г. Веркгауптъ. Одиссея, I — VI. Иліада, I — III. М., 8°, 102 стр.

1877.

132) Раскопки Шлиманна въ Микенахъ, статья К. Герца.

Русск. Вѣстн., № 4, стр. 682. (См. еще тамъ-же, 1882, № 2, стр. 879).

1879.

133) Магаффи. Древне-греческая жизнь, пер. съ англійскаго, съ примѣчаніями М. Стратилатова. Съ рисунками, Спб.

1880.

134) Успѣхи греческаго языка и литературы въ Россіи за послѣднія 25 лѣтъ (съ библіографическими указаніями), статья А. Д. Вейсмана, Русск. Вѣстникъ, 1880, № 4, стр. 439.

135) Гомеровскій словарь (къ Иліадѣ и Одиссеѣ), со 130 рисунками въ текстѣ и картою Трои, Вл. Краузе. Спб.

136) Общество во время Гомера (по поводу соч. Поліа), доцента Ѳ. Мищенка, Унив. Извѣстія, августъ, 302—310.

1881.

137) Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціею В. Ѳ. Корша. Томъ I, часть II.

1882.

138) Новая рукопись Гомеровскихъ пѣсенъ, Ѳ. Г. Мищенка, Универс. Извѣстія, февр. 7—8.

139) Народныя преданія и ученые миѳы, доцента Аландскаго, по поводу «Введенія въ миѳологію Одиссеи, І. Воеводскаго», Унив. Извѣстія, іюнь, 271—288.

1883.

140) Послѣднія раскопки Шлимана на мѣстѣ Трои. Ѳ. Г. Мищенка, Унив. Извѣстія, январь, стр. 1—16.

141) Нѣсколько словъ объ Одиссеѣ въ переводѣ Жуковскаго, въ книгѣ г. Поливанова: «В. А. Жуковскій и его произведенія». М. IX-е приложеніе къ книгѣ, стр. LXXI—LXXXII.

1884.

142) Реальный Словарь классической древности, Любкера, перев. подъ ред. В. И. Модестова, Спб.

143) Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія, Н. И. Петрова, Кіевъ, стр. 73, 259 и 447, о переводахъ Думитрашко, Навроцкаго и Руданскаго.

1885.

144) Литературныя поминки (объ Иліадѣ Гнѣдича) Новое Время, февр. 2, Маленькій фельетонъ, Сп. (Пономарева).

145) Барельефы изъ Одиссеи, гр. Толстаго, Новь, № 3, Мозаика, стр. 157.

146) На мѣстахъ Одиссеи, В. Модестова, Новь № 18, стр. 135 —160 съ рисунками.

147) Лекціи по Исторіи Греціи, Аландскаго, Кіевъ.

148) О переводѣ отрывка изъ VI пѣсни Одиссеи, г. Нищинскаго, Кіевск. Старина 1885 № 12, библіографія, стр. 700.

В. Поэтическія произведенія о герояхъ Гомера и его поэмахъ.

Прежде всего замѣтимъ, что одно мѣсто изъ Гомера (VIII, 478—481) приводится даже въ Четьи-Минеи святого Димитрія митрополита Ростовскаго, 19 мая, въ житіи св. Патрикія, епископа Прусскаго (въ Виѳиніи); священномученикъ говоритъ игемону: «Вода же преисподнѣйшая, въ ледъ смерзшаяся, тартаръ именуется, въ немъ же бози ваши и поклонницы ихъ никогда же кончаемую муку пріемлютъ, якоже и отъ стихотворцевъ вашихъ нѣкто воспѣ, глаголя: *«концы земли и моря ничтоже ино суть, токмо тѣхъ послѣдніи предѣлы, на нихъ же Іапетъ и Сатурнъ ни блистаніемъ свѣтлаго солнца, ни прохладными вѣтры утѣшаемы суть»*. Святой приводилъ эту цитату наизусть, предъ своими страданіями и смертію, около 100 года по Рождествѣ Христовомъ. Ссылки на Гомера встрѣчаются въ Четь-Минеяхъ нерѣдко, напр. въ житіи св. великомученицы Екатерины (начала

IV-го вѣка), ноября 24, въ житіи св. мученика Евстратія, 13 декабря, въ житіи св. Василія Великаго, 1 января, и проч.

Затѣмъ изъ поэтическихъ произведеній, касающихся Гомера и его героевъ, намъ извѣстны:

1) Горація «Наука поэзіи», въ переводѣ М. Дмитріева, М. 1853, стихи 73, 74, 141—152, 323, 359, 402.

2) «Адъ», Данте, гдѣ въ IV пѣсни выводится самъ Гомеръ, а въ XXVI пѣснѣ — Улиссъ и Діомедъ.

3) «Троилъ и Крессида», траги-комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Шекспира. Ее признаютъ пародіей на героевъ Иліады. (См. ее въ изданіи Гербеля: «Шекспиръ, Спб. 1880, т. II, стр. 511.

4) Шиллера: Иліада, эпиграмма на Вольфистовъ, Московск. Вѣстникъ, 1830, № 4, стр. 385, перев. Джд (Надеждина). По рѣдкости изданія и по вниманію къ Надеждину, едвали кому извѣстному какъ поэту, выпишемъ здѣсь его переводъ:

«Рвите, терзайте Гомеровъ вѣнецъ, множьте родителей
Вѣчнаго славнаго дѣла!
Мать одна у него, и ярко въ немъ ликъ ея свѣтится,
Твой ликъ безсмертный, Природа!»

Въ изданіи Гербеля: «Шиллеръ», этотъ переводъ не указанъ; но тамъ есть другой переводъ этой эпиграммы, кажется, М. Михайлова (Полное собраніе сочиненій Шиллера, подъ ред. Гербеля, Спб. 1875, I, стр. 96).

5) Шиллера: Эпиграммы на теорію Вольфа — въ Исторіи Литературы древняго міра, подъ ред. Милюкова, Спб. 1862, стр. 15. (Въ изданіи Гербеля ея тоже нѣтъ).

6) Шиллера: Гомериды, перев. Ѳ. Миллера, въ изданіи Гербеля, 1875, I, 116.

7) Шиллера: Печать съ изображеніемъ головы Гомера, пер. Михайлова, въ изд. Гербеля, I, 111.

8) Шиллера: Торжество побѣдителей, баллада, пер. Жуковскаго, Сочиненія его, изд. 1878, т. II, с. 414. Тоже, другой переводъ, Тютчева, въ изд. Гербеля, I, 636.

9) Шиллера: Прощаніе Гектора, пер. Л. Мея, Сочиненія его, Спб. 1863, III, 185.

10) Гейне: Посейдонъ, пер. А. Фета, Стихотворенія, М. 1863, ч. II, стр. 383—5; пер. П. Вейнберга, Спб. 1861, стр. 167; пер. М. Михайлова, Сочин. Гейне, Спб. 1866, т. XI, стр. 174—176; пер. М. Дмитріева, Стих. М. 1865, ч. II, стр. 156.

11) Богдановича, Ип. Ѳ. Три обращенія къ Гомеру, въ началѣ его поэмы «Душенька».

12) Жуковскаго: Ахиллъ, баллада, Сочин. его, т. I, с. 383.

13) Мерзлякова: Посланіе отъ Пенелопы къ Улиссу, Труды Общества Люб. Росс. Слов. 1812, ч. II, стр. 80—87.

14) Батюшкова: Судьба Одиссея (изъ Шиллера), Сочин. его, изд. 1834, т. II, с. 56. Тоже, перев. Михайлова, въ изданіи Гербеля, Шиллеръ, 1875, т. I, стр. 94; другіе переводы указаны тамъ же, на стр. 652.

15) Батюшкова: Гезіодъ и Омиръ, соперники. Изъ Мильвуа, Соч. Б—ва, 1834, т. II, стр. 77—84 и 269.

16) Воейкова: Посланіе Дашкову (о полемикѣ Капниста съ Уваровымъ), Современ. 1857, № 3, отд. V, Библ. Зап. стр. 88.

17) Измайлова А. Эпиграмма на переводъ Иліады, Сочин. его, изд. 1849, ч. 1, стр. 343, № 10.

18) Неизвѣстнаго: Щитъ Ахиллесовъ, «Опытъ русской анѳологіи», Спб. 1828, стр. 102.

19) Сѣтованіе Ѳетиды на гробѣ Ахиллеса, Сочин. Гнѣдича изд. 1854, стр. 118.

20) Рожденіе Омира, поэма, сочин. Гнѣдича, Спб. 1817, 4°, 3 р. (въ Соч. Гнѣдича, изд. 1854, стр. 5—32).

21) Гомерово счастіе, Соч. Нелединскаго, Спб. 1850, стр. 50.

22) Невольное безсмертіе (Ганимедъ), стих. Соч. Плетнева, 1885, т. III, стр. 248.

23) Сирота (Гомеръ), стих. Соч. Плетнева, 1885, т. III, с. 249 (Опытъ р. анѳологіи, 1828, стр. 101).

24) Иліада, стих. Бернета, Библіот. для Чтенія, 1838, т. 27, № 51 (2), отд. 1, стр. 6.

25) Пушкина, въ V главѣ Евгенія Онѣгина, строфы 37 и 38, изданіе 1880, т. III, стр. 105—106, въ примѣчаніи.

26) Майкова А. «Сидѣли старцы Иліона», Стихотворенія его, Спб. 1872, т. II, стр. 255.

27) Одиссеевъ конь, апологъ князя Вл. Одоевскаго, Кіевская Старина 1882, № 1, стр. 153.

Слѣды гомеровскаго вліянія въ нашей литературѣ всего болѣе замѣтны у Гоголя, въ его «Тарасѣ Бульбѣ» и въ многочисленныхъ сравненіяхъ, разсѣянныхъ въ «Мертвыхъ душахъ».

Въ литературѣ нашей имя Гомера придавалось Ломоносову, Хераскову и Гоголю.

Первое, флорентійское, изданіе сочиненій Гомера можно видѣть въ библіотекѣ графа С. С. Уварова, въ Порѣчьѣ; тамъ-же встрѣтите и всѣ послѣдовавшія изданія, начиная съ XV вѣка, со схоліями Дидима и Евстаѳія, до изданій Кларка и Эрнеста, съ пролегоменами Вольфа, Германна, разсужденіями Крейцера и самого Уварова.

Граверъ Н. И. Уткинъ нѣкогда гравировалъ бюстъ Гомера, но не знаемъ, гдѣ его лучшій снимокъ.

Любопытно, что имя Гомера (не нашего поэта, а народа) встрѣчается у пророка Іезекіиля, XXXVIII, 6.

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА. На 14-й страницѣ нашей статьи указано семистопныхъ стиховъ въ Одиссеѣ Жуковскаго 34, но ихъ 35; не указанъ стихъ 326-й во II пѣсни.—На стр. 48-й, при словѣ Борей, вмѣсто XIV, 54, должно быть: XIV, 395; XV, 171. Къ стр. 131-й: Бѣлинскій еще много разъ касался Иліады и перевода Гнѣдича; вотъ всѣ мѣста, гдѣ онъ вспоминаетъ объ нихъ: I, 127, 176, 178; II, 174, 228; III, 299, 312, 342; IV, 70, 207, 454, 458—59, VI, 51—53, 82—83, 435—37, 526; VIII, 157, 479—80; IX, 77; X, 115; XI, 86, 93; 284 — 85, 480 — 86; XII, 320 — 323, и въ книгѣ А. Н. Пыпина о Бѣлинскомъ, ч. I, стр. 290.

С. Пономаревъ.

1885 г., февраля 24.
Конотопъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVIII, № 8.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

за 1885 годъ.

составленный

А. Н. Веселовскимъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1886 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовс*

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1885 годъ,

составленный академикомъ А. Н. Веселовскимъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1885 года.

Область изученія русскаго языка и словесности такъ обширна, что занятія каждаго изъ членовъ нашего Отдѣленія по необходимости ограничиваются небольшимъ научнымъ участкомъ, близко ему знакомымъ или имъ излюбленнымъ. Но есть у Отдѣленія и такія задачи, за которыя оно обязано взяться, за которыя считаетъ долгомъ отвѣтствовать въ цѣломъ своемъ составѣ. Это—задачи, касающіяся непосредственныхъ нуждъ отечественнаго просвѣщенія. Въ такомъ именно смыслѣ Отдѣленіе явилось отвѣтчикомъ за руководство къ «Русскому правописанію», составленное ак. Я. К. Гротомъ. Починъ и исполненіе труда всецѣло принадлежитъ нашему сочлену; въ основу руководства положено было его прежде изданное изслѣдованіе: «Спорные вопросы русскаго правописанія», но «каждый вопросъ подвергался тщательному пересмотру въ собраніи всѣхъ наличныхъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности и рѣшаемъ былъ съ общаго согласія». Цѣлью труда было «удовлетворить сознаваемую всѣми потребность привести русское правописаніе къ желательному единообразію»; методъ по возможности оберегательный,

чтобы новыми, хотя бы раціональными въ научномъ смыслѣ измѣненіями, не вызвать новыхъ разнорѣчій въ нашемъ письмѣ.— Руководство отвѣтило дѣйствительной потребности общества и особливо преподавателей: тому свидѣтельствомъ и четыре изданія, пережитыя имъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и живой интересъ, возбужденный имъ въ педагогической критикѣ и литературѣ. Надо ожидать, что, совершенствуясь постепенно съ каждымъ новымъ изданіемъ, оно укрѣпитъ въ обществѣ убѣжденіе, что надежды, возлагаемыя имъ на Отдѣленіе по другому, еще болѣе важному вопросу въ области родного языка, не останутся безъ исполненія. Я разумѣю словарь русскаго языка, котораго давно отъ насъ ожидаютъ. Дѣло стало за собираніемъ словарныхъ данныхъ — подготовительнымъ трудомъ, требующимъ множества рукъ и работниковъ и матеріальныхъ средствъ, которыми Отдѣленіе пока не располагаетъ. Что касается до научной разработки и упорядоченія собраннаго матеріала, то руководители этого дѣла у насъ найдутся, вполнѣ къ нему приготовленные. Я назвалъ автора «Филологическихъ Разысканій».

Продолжая свои занятія по изслѣдованію языка, акад. Я. К. Гротъ окончилъ печатаніе, по порученію Историческаго Общества, пополненнаго изданія обширной переписки Гримма съ императрицею Екатериною II; оно явится въ непродолжительномъ времени. Кромѣ того въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія напечатаны имъ-же двѣ статьи о шведскомъ эмигрантѣ Спренгтпортенѣ, составившемъ въ концѣ прошлаго столѣтія планъ отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи.

Ак. А. Ѳ. Бычковъ въ истекшемъ году приступилъ къ печатанію 1-го тома писемъ и бумагъ императора Петра Великаго. Томъ этотъ, долженствующій выйти въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени, начинается отрывками изъ учебныхъ тетрадей Государя и оканчивается 1701 годомъ. Какъ извѣстно, отъ первыхъ лѣтъ царствованія императора сохранилось лишь немного писемъ; самыя разнообразныя причины содѣйствовали ихъ исчезновенію, и нельзя не пожалѣть объ этой утратѣ, такъ какъ 90-ые годы

XVII и первые годы XVIII столѣтій были эпохой кипучей дѣятельности какъ въ дѣлахъ внутренняго управленія, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Одно созданіе флота, упорядоченіе внѣшней торговли, война съ сосѣдями требовали со стороны Государя много силъ и энергіи, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся письма, и особенно тѣ, которыя писаны имъ во время перваго путешествія за границу, гдѣ онъ является и искуснымъ дипломатомъ и неутомимымъ работникомъ. «Мы въ Нидерляндахъ, въ городѣ Амстелдамѣ, — извѣщалъ отсюда Государь въ 1697 году патріарха Адріана — послѣдуя слову Божію, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ побѣдителями, а христіанъ свободителями быть». «Мы непрестанно находимся въ ученіи» писалъ въ 1698 году Петръ Великій изъ Детфорда къ князю Ромодановскому. И эта жажда непрестаннаго ученія проявляется во всѣхъ письмахъ царя до послѣднихъ дней его жизни.—Въ концѣ тома будутъ помѣщены объяснительныя примѣчанія къ сохранившимся письмамъ и сдѣланы указанія на письма утраченныя.

По порученію Академіи А. Ѳ. Бычковъ написалъ разборъ труда Р. В. Зотова, представленнаго на соисканіе наградъ гр. Уварова, подъ заглавіемъ: «Къ исторіи Черниговскаго княжества. О Черниговскихъ Князьяхъ по Любецкому Синодику и о Черниговскомъ Княжествѣ въ татарское время». Кромѣ того подъ наблюденіемъ того же академика печатается Бѣлорусскій сборникъ неутомимаго изслѣдователя народнаго творчества и народныхъ обычаевъ, П. В. Шейна.

По мысли г. президента Академіи графа Дмитрія Андреевича Толстого приступлено къ изданію «Матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ», извлеченныхъ изъ архива академической канцеляріи. Редакторомъ избранъ ак. Сухомлиновъ. Важность такого рода данныхъ для исторіи русскаго образованія въ XVIII вѣкѣ понятна всякому. Первый томъ матеріаловъ, собранныхъ М. И. Сухомлиновымъ, обнимающій періодъ отъ 1716 по 1730 годъ,

нынѣ изданъ и можетъ дать понятіе о качествѣ документовъ, которые, являясь послѣдовательно въ цѣломъ рядѣ томовъ, развернутъ передъ нами, такъ сказать, интимную исторію Академіи.

Создавая её и призывая въ неё ученыхъ дѣятелей, Петръ Великій желалъ, чтобы они трудились для развитія *науки* вообще и для распространенія знаній *въ Россіи* — въ особенности. Съ этою цѣлью онъ находилъ необходимымъ учрежденіе академическаго университета и гимназіи; и вѣрность этой мысли скоро оправдалась. Въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ любопытенъ утвержденный Петромъ Великимъ планъ (стр. 14 и слѣд.) и составленный при Екатеринѣ I проектъ устава Академіи (стр. 301 и слѣд.), называвшейся въ первые годы своего существованія (1726 г.): академія наукъ *россійская* (стр. 169). Значеніе этого эпитета, вскорѣ вышедшаго изъ употребленія, выясняется изъ третьяго § устава: «Дабы равно чюжестранные, яко и наши подданные къ раченію ученій вящше воспалялися, Мы особливую свою милость къ тѣмъ, которые въ сей Академіи учившися виды ученій своихъ покажутъ, обѣщаемъ... А особливо *наши подданные*, которые учащеся во оной академіи годны будутъ къ вышнимъ наукамъ, по свидѣтельству Академіи, и къ тому свою склонность имѣть будутъ, оные, по ихъ желанію, имѣютъ при наукахъ остаться и никуды къ другому дѣлу, ни въ службу, принуждаемы да не будутъ» (стр. 302).—И число учениковъ русскаго происхожденія постоянно возрастаетъ (см. стр. 137, ст. 273 и 274; стр. 217 — 26; 325 — 30; 605 — 12, 694 — 5): между ними сыновья священниковъ, столяровъ, слесарей, купцовъ; и рядомъ графы Скавронскіе, родственники Екатерины I, князь Голицынъ, Новосильцовъ, Левашовъ, Самаринъ, Бутурлинъ, Антіохъ Кантемиръ, Ададуровъ, будущій менторъ Ломоносова, и Семенъ Тодорскій, такъ отмѣченный въ спискѣ учениковъ академической гимназіи за 1727 г.: «Семенъ Тодорскій, родился въ Малой Россіи, въ Золотоношѣ, 24 лѣтъ, изъ солдатскихъ дѣтей, пріѣхалъ по нѣмецки учиться» (329). Изъ него вышелъ филологъ-оріенталистъ, пользовавшійся европейскою извѣстностью. — От-

мѣтимъ кстати, въ болѣе низменной области, одну изъ неоспоримыхъ заслугъ Академіи: образованіе толковыхъ переводчиковъ съ иностранныхъ языковъ (стр. 36, ст. 44; стр. 54—55); образчикомъ можетъ служить описаніе иллюминаціи по случаю вѣнчанія на царство Петра II: переводы не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Хотя свѣтъ мой не зѣло великъ быти мнится,
Но цѣлой половинѣ свѣта видимъ зрится;

либо:

Да право со дѣлами въ равнѣ пребываетъ,
Мнѣ въ семъ правомѣріи стоять подобаетъ.
Wenn Recht und Thaten sollen gleichen,
Darf ich auf keine Seite weichen.

(Сл. стр. 363—4).

Значеніе этихъ академическихъ переводовъ въ исторіи усвоенія не дѣловой только, но и художественной мысли, выраженной въ формахъ чужого слова, легче всего пойметъ тотъ, кто сравнитъ переводы Петровскаго времени, сдѣланные въ Московскомъ посольскомъ приказѣ, напр. передѣлку Lohenstein'овской Софонизбы, съ ея своеобразнымъ словаремъ: безсумлѣніе — Verzweiflung, счастопаденіе — Glücksfall, сосланіе — Schicksal и т. п.

Первыми дѣятелями Академіи были иностранцы; первою заботою Петра В. было приглашеніе ученыхъ. Искали людей дѣйствительно замѣчательныхъ и умѣли найти: довольно указать на Эйлера, Бернулли, Миллера и друг., портреты которыхъ украшаютъ первый томъ матеріаловъ. Одного лишь портрета не могли доискаться и теперь, послѣ тщетныхъ поисковъ Погодина, Соловьева, Ровинскаго: портрета Миллера.

Образованные русскіе люди относились сочувственно къ начинаніямъ Академіи: назовемъ лишь Ѳеофана Прокоповича, Татищева и др. Ближайшій сотрудникъ Блюментроста писалъ, полный надеждъ на преуспѣяніе новаго дѣла: «И Римъ не однимъ го-

юмъ смотрѣть, какъ ибо также и мы со временемъ пользу принесть надѣемся» (стр. 370). Однимъ изъ любыхъ радѣтелей Академіи и доброжелателемъ ея по преимуществу былъ секретарь (позднѣе оберъ-секретарь) Сената Иванъ Кирилловичъ Кириловъ. Онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Блюментростомъ и Шумахеромъ: (Матеріалы указываютъ, какого характера были эти сношенія и какіе интересы руководили писавшимъ (стр. 213, 365—371, 403—4, 405—6, 667—677). Въ одномъ письмѣ онъ обѣщаетъ доставить въ кунстъ-камеру Академіи образчики каменнаго льда, которые ему хотѣли прислать изъ Сибири (стр. 365); при другомъ случаѣ беретъ на себя исправленіе старыхъ географическихъ картъ Россіи, новое изданіе которыхъ готовили академическіе профессора (стр. 213—4). Его рвеніе подчасъ трогательно. Онъ пишетъ Шумахеру: «За пріятныя ваши, моего государя, письма и сообщенія начатыхъ книгъ весьма благодарствую и веселюсь тѣмъ, что въ плодъ не малый *Россіи* остаться имѣетъ, когда оныя и другія тѣмъ *подобныя книги отъ времени до времени на россійскомъ языкѣ умножатся*. . . . Здѣсь еще приложена зачатая въ вашей типографіи *грамматика нѣмецкая съ россійскою*, въ которой нѣкоторыя малыя поправки въ славянскихъ рѣчахъ учинены черезъ моего благодѣтеля, здѣшней школы учителя, знающаго латинскую, греческую и словенскую грамматику, риторику и философію. И ежели изволите заблагоразсудить, то не хуже впредь потетрадно той книги сюда присылать. Онъ можетъ вамъ въ поправленіи словенскихъ рѣчей служить. Здѣсь мнѣ далъ Богъ сына крестнаго изъ народу Башкирскаго, вѣры бывшей махометанской, который прежде крещенія будучи въ Спасскомъ училищномъ монастырѣ, черезъ два мѣсяца по русски писать и читать нарочито обучился. И надѣюсь, что по прилежности его, будетъ *переводчикомъ съ арапскаго, бухарскаго и турецкаго языковъ*, ибо онъ о исторіяхъ тамошнихъ азіатскихъ народовъ довольно свѣдомъ и тѣхъ языковъ учился и показывалъ мнѣ про книги, кои я со временемъ буду доставать и васъ увѣдомлять» (стр. 403—4).

При такой нравственной поддержкѣ со стороны общества академія могла ощущать подъ собою твердую почву, а одинъ изъ представителей нашего духовенства, Нижегородскій архіепископъ Питиримъ, такъ благословилъ её на ея путяхъ: «Желаю всесердечне, Боже благослови трудъ академическій и труждающихся въ немъ!» (стр. 485).

Другую, не менѣе интересную картину научнаго движенія, на этотъ разъ не русскаго только, а общеславянскаго, представляетъ переписка Добровскаго и Копитара, изданная ак. Ягичемъ, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ писемъ Добровскаго къ извѣстному польскому лексикографу Линде, Добровскаго и Копитара къ нашему археологу Кеппену. Въ обширномъ введеніи издатель попытался на основаніи этихъ писемъ набросать картину того живого движенія, которое началось у разныхъ славянскихъ народовъ въ первыхъ годахъ нашего столѣтія, являясь вначалѣ съ характеромъ исключительно филологическимъ и литературнымъ. Въ этой картинѣ рельефно выступаютъ впередъ герои эпохи, Добровскій и Копитаръ, около нихъ группируются всѣ знаменитые представители начинавшагося тогда славянскаго возрожденія: баронъ Цойсъ, Вóдникъ, Жупанъ и Рáвникаръ изъ Словенцевъ, епископъ Верхóвацъ, Катáнчичъ и Михáновичъ изъ Хорватовъ, Стулли, Аппендини, Вольтиджи изъ Далматинцевъ, Соларичъ, Мушицкій и, преимущественно, Вукъ Караджичъ изъ Сербовъ, Злобицкій, Громадко, Пельцель, Поссельтъ, Пухмайеръ, Нéедлый, Томса и Тамъ изъ чеховъ стараго поколѣнія, Ганка, Юнгманъ, Палацкій, Челаковскій и Шафарикъ изъ чеховъ новой, народно-романтической школы, наконецъ графъ Оссолинскій, Бандке, Бобровскій и Кухарскій изъ польскихъ ученыхъ современниковъ. Съ русской стороны лишь немногіе принимали тогда непосредственное участіе въ интересахъ этого перваго кружка славистовъ, какъ напр. Шишковъ и Кеппенъ, бывавшіе въ Прагѣ и въ Вѣнѣ; съ другими, какъ съ графомъ Румянцовымъ, митроп. Евгеніемъ, Востоковымъ, Калайдовичемъ поддерживались время отъ времени письменныя сношенія; встрѣчѣ

князя Лобанова съ Добровскимъ въ Маріенбадѣ въ 1823 году мы обязаны тѣмъ потретомъ знаменитаго слависта, который служитъ украшеніемъ нашего изданія. Онъ принадлежитъ карандашу нашего художника Кипренскаго.

Рѣчь, произнесенная И. В. Ягичемъ по поводу Кирилло-Меѳодіевскаго празднества, явилась теперь въ печати подъ заглавіемъ: «Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи». Не вдаваясь въ разсказъ о дѣятельности славянскихъ первоучителей, авторъ ограничился изложеніемъ высокаго значенія этого вопроса, къ которому постоянно возвращались, то съ той, то съ другой стороны, всѣ видные представители славянской науки.

Изданіе славянской служебной Минеи за три мѣсяца, по рукописямъ 1096 и 1097 годовъ, предпринятое нашимъ сочленомъ, приходитъ къ окончанію. Текстъ напечатанъ весь, въ настоящее время печатается словарь.

Въ Archiv für Slavische Philologie ак. Ягичъ попрежнему участвовалъ обширными библіографическими обозрѣніями, въ которыхъ знакомилъ европейскую публику съ явленіями въ области славянской филологіи и родственныхъ ей наукъ. Изъ болѣе обширныхъ статей отмѣтимъ разборъ талантливаго изслѣдованія Шухардта: о процессахъ смѣшенія языковъ, наблюдаемыхъ у югозападныхъ славянъ вслѣдствіе ихъ сосѣдства съ нѣмцами и итальянцами — и замѣчанія на недавнюю работу проф. Лескина: о количествѣ слоговъ въ сербскомъ языкѣ, съ многими существенными дополненіями.

Ак. А. Н. Веселовскій печаталъ «Матеріалы и изслѣдованія къ исторіи романа и повѣсти». Первый томъ обнимаетъ греко-византійскій періодъ; вниманіе обращали на себя главнымъ образомъ памятники, отразившіеся въ старославянскихъ переводахъ. Второй томъ будетъ посвященъ нѣкоторымъ малоизвѣстнымъ русскимъ повѣстямъ XVI-го вѣка и изслѣдованію ихъ источниковъ.

Въ истекающемъ году при Отдѣленіи русскаго языка и словесности открыты были конкурсы на три преміи: Ломоносова, Пушкина и Жуковскаго, изъ которыхъ послѣдняя учреждена по слу-

чаю празднованія въ 1883 году столѣтней годовщины рожденія поэта и можетъ быть выдана только однажды за лучшее о немъ сочиненіе. На премію Ломоносова въ этотъ разъ не поступило ни одного сочиненія. Что касается трудовъ, представленныхъ на остальныя двѣ преміи, то они, при всемъ относительномъ достоинствѣ ихъ, не соединили въ свою пользу требующагося по установленнымъ правиламъ числа одобрительныхъ голосовъ. Въ изъявленіе признательности Академіи постороннимъ литераторамъ, содѣйствовавшимъ Отдѣленію въ разсмотрѣніи этихъ трудовъ, присуждены золотыя Пушкинскія медали: А. Н. Майкову, О. Ѳ. Миллеру и Н. С. Тихонравову. Затѣмъ конкурсъ на премію Жуковскаго продолженъ еще на 5 лѣтъ, т. е. до 1-го мая 1890 года.

Заключимъ нашъ отчетъ печальной поминкой. 7-го апрѣля скончался послѣ продолжительной болѣзни Николай Ивановичъ Костомаровъ, съ 1876 года принадлежавшій намъ въ званіи члена-корреспондента Отдѣленія русскаго языка и словесности. Болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ современныхъ историковъ, онъ принадлежалъ именно намъ, широко вводя въ область своего изученія и народную пѣсню и бытовой матеріалъ и памятники древнерусской литературы. Вотъ точки зрѣнія, дающія намъ право оцѣнки, не односторонней только, какъ могло бы казаться, а затрагивающей то, что въ Николаѣ Ивановичѣ было самаго жизненнаго и личнаго: историка-этнографа и историка-художника.

Интересъ къ народной жизни и народной пѣснѣ проснулся въ немъ рано; поэзія малорусскаго быта и исторіи въ произведеніяхъ Гоголя была для него какимъ-то откровеніемъ: онъ зачитывается думами Максимовича и самъ собираетъ пѣсни. «Идея народности, уже существовавшая въ то время, стала сильно занимать меня, говоритъ Н. И. въ своей автобіографической запискѣ: я прочелъ Сахарова, иностранныя книги о народной поэзіи, какія только могъ достать, прочелъ диссертацію Бодянскаго о славянскихъ пѣсняхъ, началъ учиться почешски и сербски». Результатомъ явилась магистерская диссертація «Объ историческомъ значеніи

русской народной поэзіи, Харьковъ, 1843 г.), о которой И. И. Срезневскій писалъ въ то же время: «Книга Костомарова драгоцѣнна не для однихъ русскихъ любителей народности, но для Гриммовъ и Тальви столько же, какъ и для Сахаровыхъ и Снигиревыхъ, Караджичей и Клаусовъ; взгляды сочинителя у насъ новость, но на Западѣ они еще болѣе новость» (Москвитянинъ, 1844 г., ч. II, № 3). Новость взгляда, нынѣ ставшая общимъ мѣстомъ науки, состояла въ воззрѣніи на произведенія народнаго творчества, какъ на автобіографію народа, въ которой его вѣковая духовная и общественная жизнь отразилась въ полнотѣ, рѣдко раскрывающейся въ исторіи актовой и лѣтописной. «Свойства народной поэзіи таковы, писалъ Н. И. по другому поводу (Монографіи, т. XIII, стр. 448), что, доставляя историку важные матеріалы для узнанія различныхъ сторонъ народной жизни и быта, эта поэзія всего болѣе важна и драгоцѣнна для него тѣмъ, что ея изученіе въ совокупности произведеній можетъ доставить ему возможность усвоить тотъ проникающій всѣ эти произведенія *духъ народа*, въ которомъ онъ увидитъ въ настоящемъ свѣтѣ понятія, чувствованія, воззрѣнія этого народа, а затѣмъ событія, поворотъ, перевороты и остановки на всѣхъ путяхъ народной исторіи станутъ для историка осмысленными до такой степени, какой онъ не въ силахъ достигнуть изученіемъ какихъ-бы то ни было актовъ, записокъ и т. п.».

Едва ли кто-либо возразитъ противъ общихъ положеній, которыя Костомаровъ повторилъ на разстояніи почти тридцати лѣтъ. Сомнѣнія могли явиться лишь со стороны ихъ научной приложимости, и они были высказаны уже въ 1844 году И. И. Срезневскимъ: какъ и чѣмъ можетъ пользоваться историкъ изъ памятей народной пѣсни, обыкновенно записанной долгое время послѣ событія, её вызвавшаго, представляющей не непосредственное его впечатлѣніе, а сводъ впечатлѣній, постепенно слабѣющихъ воспоминаній и художественныхъ и бытовыхъ подновленій? Это въ одно и то же время вопросъ критическаго метода и художественнаго такта; онъ одинъ поможетъ историку угадать

въ современной пѣснѣ и преданіи такія стороны факта и народнаго освѣщенія, которыя позволено перенести въ прошлое, въ глубь вѣковъ, не покрививъ ихъ историческимъ пониманіемъ.

Не слѣдуетъ забывать однако, что уже въ первомъ эвоемъ трудѣ, вызвавшемъ эти замѣчанія, Костомаровъ теоретически устранилъ или предупредилъ ихъ: усматривая въ пѣсняхъ матеріалъ для народной исторіи, онъ такъ ограничилъ этотъ взглядъ по отношенію къ русскимъ былинамъ: безспорно, онѣ древнія, говорилъ онъ, «но онѣ измѣняли столько разъ свои черты, столько разъ пересоставлялись, передѣлывались, — и каждое преобразованіе оставляло въ нихъ свою память, — что могутъ служить для насъ зеркаломъ народной жизни *не какого-нибудь одного періода времени,* хотя бы и очень важнаго, *а цѣлыхъ вѣковъ.* Пѣсни эти имѣютъ для историка значеніе обширное, но только при извѣстныхъ условіяхъ», — условіяхъ предварительнаго критическаго разбора, безъ котораго былины представятся ему «неизъяснимыми гіероглифами» (стр. 115).

Молодое увлеченіе Н. И. вопросами народнаго быта, языка и поэзіи глубоко залегло въ немъ, дало тонъ его міросозерцанію, опредѣлило отчасти выборъ его задачъ. Я говорю здѣсь не о Костомаровѣ — издателѣ и истолкователѣ народныхъ пѣсенъ, ни о преміи, учрежденной имъ въ Академіи, въ 1881 году, за лучшій словарь малорусскаго нарѣчія, а объ ученомъ типѣ, который онъ ярко выразилъ всею своею дѣятельностью. *Историкъ-этнографъ* по призванію, онъ въ числѣ первыхъ проложилъ въ нашей наукѣ ту «народную тропу», по которой другіе ходили мало или и вовсе не ходили. Этнографія была для него дѣйствительно помощницей исторіи. «Исторія изображаетъ теченіе жизни народной», выразился онъ однажды (Монографіи, т. III, стр. 359—60); для этого, само собою, нужно историку знать тотъ образъ, къ которому довело её это теченіе. Съ другой стороны и этнографъ не иначе можетъ уразумѣть состояніе народа, какъ прослѣдивши прежніе пути, по которымъ народъ дошелъ до своего состоянія; всѣ признаки современной жизни не иначе могутъ

имѣть смыслъ, какъ только тогда, когда они разсматриваются какъ продуктъ предыдущаго развитія народныхъ силъ... Этнографъ долженъ быть современнымъ историкомъ, какъ историкъ своимъ трудомъ излагаетъ старую этнографію». Въ этой-то этнографіи, понятой, какъ наука о народной жизни во всемъ разнообразіи ея проявленій, Н. И. искалъ откровеній, на которыя обыкновенно такъ скупа лѣтопись: нравственнаго облика народа, объясненія идей, руководившихъ той или другой эпохой его развитія, яркихъ красокъ, которыя позволили бы возстановить въ свѣжей плоти и крови поблекшіе образы прошлаго. Историкъ-этнографъ соприкасался здѣсь съ *историкомъ-художникомъ*, къ первымъ произведеніямъ котораго принадлежитъ Савва Чалый (1838), такъ расхваленный Бѣлинскимъ, къ послѣднимъ (1884) драматическія сцены: Эллины Тавриды. Между тѣмъ и другимъ помѣщается цѣлый рядъ другихъ опытовъ оживить историческія памяти, возведя ихъ къ цѣльности поэтическаго осуществленія. Припомнимъ Кремуція Корда (1862), Кудеяра (1875), Холопа (1878), Черниговку (1881) — и мы поймемъ, почему Костомаровъ написалъ, вмѣсто прагматической исторіи Россіи — «Русскую исторію въ *жизнеописаніяхъ* ея главнѣйшихъ дѣятелей» (1873—6).

Названіе «историка-художника», примкнуло къ имени Костомарова не случайно, хотя, съ точки зрѣнія общественной оцѣнки, отчасти безсознательно, нерѣдко съ нѣкоторымъ ухудшающимъ значеніемъ. Будто отличительной чертой такого историка является только художественность изложенія, избавляющая его отъ необходимости предварительной строго-научной работы, критическаго изслѣдованія памятниковъ и прилежнаго сидѣнія въ архивахъ. Дѣло, очевидно, не во внѣшнемъ художественномъ пріемѣ, а въ таковомъ же внутреннемъ воспріятіи историческихъ явленій, не исключающемъ, а напротивъ, требующемъ продолжительнаго труда надъ сырымъ матеріаломъ. Но вотъ трудъ оконченъ; въ немъ могутъ быть недочеты, неизбѣжные и возможные и у историка нехудожника;

у него они дадутъ нѣсколько не достаточно оправданныхъ прагматическихъ выводовъ; художникъ отправится отъ тѣхъ же посылокъ, но въ его фантазіи прочитанное и проработанное отложится рядомъ конкретныхъ образовъ, живыхъ лицъ, въ которыхъ выразилась, въ его пониманіи, идея изучаемаго имъ историческаго періода. Ими онъ занимается съ особою любовію, носитъ ихъ въ себѣ или, лучше, они не отстаютъ отъ него. Когда Костомаровъ писалъ своего Богдана Хмѣльницкаго, онъ до такой степени живо осуществилъ его въ своемъ воображеніи, что однажды, казалось ему, увидѣлъ его во очію среди бѣла дня. За годъ до своей смерти онъ точно такъ же увлекся судьбой жены Хмѣльницкаго: она стояла у него точно передъ глазами, днемъ и ночью, онъ пытается уловить ея физіономію, желалъ-бы написать трагедію, въ которой она явилась бы дѣйствующимъ лицомъ, но отказывается — по недостатку источниковъ. И здѣсь, стало быть, въ основѣ всего — источники; чѣмъ они полнѣе, тѣмъ живѣе образъ; и этотъ образъ, собравшійся изъ массы историческихъ, нерѣдко отрывочныхъ воспоминаній, добытыхъ кропотливымъ трудомъ, явится по необходимости отзвукомъ цѣлой эпохи; выношенный въ душѣ художника, онъ становится чѣмъ-то живымъ и яркимъ, выразителемъ этой эпохи. Оттуда увлеченіе читателей, для которыхъ книги Костомарова еще долго будутъ любимымъ чтеніемъ. Заслуга не малая, которою не многіе могутъ гордиться, какъ и тайной художественно-историческаго пониманія, несомнѣнно оживившаго въ нашемъ обществѣ интересъ къ отечественной исторіи. Оцѣнка того или другого взгляда Костомарова можетъ и должна измѣниться со временемъ: за нимъ остается честь даровитаго почина въ разныхъ областяхъ историческаго знанія; за нами обязанность почтить его память признаніемъ того, что было въ немъ лучшаго.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

упоминаемыхъ

ВЪ XXXVIII ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цыфра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ нумеръ статьи; остальныя же арабскія цыфры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цыфрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ Отдѣленія», которыми начинается книга.

былъ въ Россію для устройства академической гимназіи и управленія ею. V. 1. 2.—Его «Исторія о жизни и дѣлахъ Молдавскаго господаря князя Кантемира». V. 1.—Дѣятельность его по академической гимназіи. V. 4. 6. 10. 11. — Приглашенъ на каѳедру греческихъ и римскихъ древностей въ академическомъ университетѣ. VI. 1.—Свѣдѣнія о немъ. VI. 2. 10.— Уволенъ изъ академіи. VI. 10.

Бакмейстеръ. Завѣдывалъ малолѣтнимъ отдѣленіемъ академической гимназіи. Устраненъ отъ этой обязанности. V. 51.—Временно имѣлъ надзоръ за учителями малолѣтняго отдѣленія. V. 53.—Его журналъ «Russische Bibliothek» и вообще литературная дѣятельность. V. 60 — 62.— Дѣятельность его по гимназіи какъ инспектора и удаленіе отъ должности. V. 62—65.—Вновь назначенъ инспекторомъ. V. 68.—Дѣятельность его. V. 69—83.—Его записка о положеніи, въ какомъ онъ нашелъ гимназію. V. 112. 113.—Контрактъ, по которому онъ вторично принялъ гимназію. V. 113. 114.—Назначенъ инспекторомъ надъ студентами академическаго университета. VI. 57.

Бакунинъ, П. В., бывшій ученикъ академической гимназіи. Свѣдѣнія о немъ. V. 17.

Балдани, ученикъ Греческой гимназіи. Его ода въ честь Екатерины II, по случаю перваго выпуска изъ гимназіи. IV. 61.

Банксъ. Воспитателемъ сына его былъ Локкъ. IV. 85.

Баратынскій. Совѣщанія его съ Плетневымъ. II. 6.

Барсовъ, Е. В. Его сборникъ отрывковъ изъ «Книгъ законныхъ». III. 8.

Барсовъ. Былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ профессоровъ Московскаго университета и членомъ комиссіи для составленія записокъ о древней исторіи Россіи. IV. 40.

Бартолини. I. 34.—Его книга о Кириллѣ и Меѳодіи. I. 59.

Батюшковъ, П. Н. Подъ его редакціею изданъ VII томъ «Памятниковъ русской старины въ Западныхъ губерніяхъ». I. V. VI.

Башиловъ. Сдѣлалъ первое и единственное полное изданіе «Книгъ законныхъ» подъ заглавіемъ «Древніе законы изъ Юстиніановыхъ книгъ» въ видѣ приложенія къ царскому Судебнику. III. 4. 5.

Бекенштейнъ. Занималъ каѳедру правовѣдѣнія въ академическомъ университетѣ. VI. 1.

Беклешовъ, генералъ-прокуроръ училищной комиссіи въ комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія. IV. 66.

Бергъ. Его сочиненіе «Историческое описаніе россійскихъ законовъ», оставшееся въ рукописи. По этому сочиненію Максимовичъ издалъ Земледѣльческій уставъ. III. 5. 7.

нихъ училищахъ. IV. 71—76. — Планъ устройства учебной части въ Россіи, предложенный Дидро. IV. 76—84. — Инструкція Императрицы Екатерины Н. И. Салтыкову о воспитаніи великихъ князей. IV. 84—100.

Византійскія «Книги законныя» въ древне-русскомъ переводѣ, А. С. Павлова. Исторія византійскаго права у славянскихъ народовъ. III. 1. 2. — Труды по этому предмету въ Россіи. III. 2. — Отсутствіе источниковъ греко-римскаго права въ славянскомъ переводѣ, изданныхъ съ греческимъ подлинникомъ и по лучшимъ спискамъ. III. 2. 3. — «Книги законныя, имиже годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ». III. 3. 4.— Изданіе Книгъ законныхъ Башиловымъ. III. 4. 5.— Изданіе первой части Книгъ законныхъ (Земледѣльческій уставъ) Максимовичемъ. III. 5. — Крестининскій списокъ. III. 5—8. — Подробности новаго изданія Книгъ законныхъ. III. 8. 9. — Время и мѣсто появленія славянскаго перевода сихъ книгъ. III. 9—19. — Переводъ ихъ въ Россіи. III. 20—25. — Матеріальныя особенности перевода сравнительно съ греческимъ подлинникомъ. III. 25—28. — Земледѣльческій уставъ. III. 28—39. — Книги законныя въ славянскомъ текстѣ въ изданіи Павлова параллельно съ греческими подлинниками. III. 41—90. — Таблица параллельныхъ мѣстъ греческаго текста Земледѣльческаго устава въ изданіи Павлова и въ Шестокнижіи Арменопула по изданію Геймбаха. III. 91. 92.

Викторовъ, А. Въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ онъ коснулся значенія «паннонических» легендъ. I. 25. 48. 49.

Вильбуа, генералъ-фельдцейхмейстеръ. Измѣнилъ проектъ устройства артиллерійской и инженерной школы, составленный графомъ Шуваловымъ. IV. 26.

Вильде, экстраординарный академикъ по анатоміи. VI. 11. — Заявленіе его о неимѣніи слушателей для его лекцій. VI. 13. 14.

Винцгеймъ, адъюнктъ, а затѣмъ экстраординарный профессоръ по астрономіи. VI. 11.

Висковатовъ, А. Его «Краткая исторія перваго кадетскаго корпуса». IV. 29.

Владиміровъ. Его «Историческая записка о 1-й Казанской гимназіи». IV. 45.

Водовозовъ. Его «Новая русская литература». VII. 7.

Волковъ, переводчикъ при Академіи Наукъ. Участвовалъ въ переводѣ на русскій языкъ книги «Spectacle de la nature et des arts». V. 86.

Волконскій, князь, генералъ-провіантмейстеръ. Его сынъ, 8-милѣтній ребенокъ, поступилъ въ академическую гимназію. V. 32.

Правдѣ», въ которомъ говорится о предисловіи къ «Книгамъ законнымъ» III. 3.—Его взглядъ на происхожденіе сборника «Мѣрило Праведное». III. 16. — Сближалъ статьи Карамзинскаго списка Правды съ статьями Земледѣльческаго устава. III. 32. 33.

Калита, Иванъ Даниловичъ, великій князь. Похвалы ему, написанныя на книгѣ евангельскихъ чтеній 1339 г. III. 35.

Каницъ, Ю. И. Былъ директоромъ Казанской гимназіи. IV. 44.

Канкринъ, Францъ-Людвигъ. Его сочиненіе «Первыя основанія горныхъ и соляныхъ производствъ». IV. 59.

Карамзинъ, Н. М. Воспользовался доводами Добровскаго противъ Добнера въ вопросѣ о древности глаголическаго письма. I. 7.

Качановскій. Отзывъ о доставленныхъ имъ матеріалахъ для болгарскаго словаря, данный академикомъ Ягичемъ. См. **Ягичъ,** И. В.

Кейзерлингъ, баронъ, президентъ Академіи Наукъ. Его заботы объ устройствѣ академической гимназіи. V. 6—8.

Кеппенъ, академикъ. Доставилъ Добровскому изслѣдованіе о его грамматикѣ Востокова. I. 15.

Керстенъ, профессоръ. Одинъ читалъ всѣ предметы медицинскаго факультета въ Московскомъ университетѣ въ началѣ царствованія Екатерины II. IV. 39.

Киницъ, конректоръ академической гимназіи. Назначенъ ректоромъ этой гимназіи. V. 44.—Удаленъ отъ должности. V. 68.

Кипренскій, художникъ. Написалъ портретъ слависта Добровскаго. VIII. 10.

Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ отрывковъ изъ «Книгъ законныхъ». III. 8.

Кириллъ и Меѳодій. Вопросъ о дѣятельности ихъ въ связи съ успѣхами славистики. I. 3. 4. 37—39. — Изслѣдованіе о нихъ Шлецера. I. 5. 6. 39. 40.—Сочиненіе Стредовскаго о жизни ихъ. См. **Стредовскій.**— Научныя занятія Добровскаго о ихъ дѣятельности. См. **Добровскій.**—Отношеніе Востокова къ вопросу о нихъ. См. **Востоковъ.** — Услуги Калайдовича по вопросу о нихъ. См. **Калайдовичъ.**—Взгляды и мнѣнія Шафарика. I. 22. 23.—Минейскія житія, какъ источникъ для біографіи Кирилла и Меѳодія. См. **Горскій** и **Невоструевъ.**—Житія ихъ подвергнуты подробному критическому анализу Дюммлеромъ. См. **Дюммлеръ.** — Сочиненіе Воронова посвящено разбору главнѣйшихъ источниковъ для исторіи ихъ. См. **Вороновъ,** А.—Вопросу о нихъ посвящена статья Мацьеёвскаго. См. **Мацьеёвскій.**—Бодянскій пытался, но неудачно, издать всѣ относящіеся до нихъ источники. См. **Бодянскій.** — Лица, сочиненія коихъ посвящены имъ. I. 33. 34. 55—59.

Миллеръ, Ор. Ѳ. Ему присуждена медаль за разсмотрѣніе представленнаго въ Академію Наукъ на премію сочиненія. VIII. 11.

Миллеръ, преподаватель нѣмецкаго языка въ академическомъ университетѣ. VI. 26.

Миллеръ, Софія-Шарлотта, классная дама въ пансіонѣ малолѣтняго отдѣленія академической гимназіи. V. 50. 51.

Миллеръ, Ѳ. Перевелъ отрывокъ изъ поэмы Роб. Гамерлинга «Агасѳеръ въ Римѣ». II. 111.

Милорадовичъ, графъ. Его «Матеріалы для исторіи Пажескаго корпуса». IV. 47.

Минея, славянская служебная. Изданіе ея, по рукописямъ 1096 и 1097 годовъ, предпринято академикомъ Ягичемъ. VIII. 10.

Модерахъ, инспекторъ академической гимназіи въ ректорство Крашенинникова. V. 21.—Письмо о немъ Мюллера къ Эйлеру. V. 22.—Указаніе его на недостатки гимназіи. V. 22. 23. — Недовольство имъ Ломоносова. V. 40.—Увольненіе его отъ службы. V. 41. 42. — Его проектъ усовершенствованія гимназіи. V. 102—105. — Назначенъ инспекторомъ университета. VI. 32.—Ему «препоручены въ смотрѣніе» академическіе университетъ и гимназія. VI. 45.

Моисеенковъ, элевъ. Отправленъ заграницу для усовершенствованія въ металлургіи. V. 73.

Монтень. Заимствованія у него Екатерины II. Свѣдѣнія о немъ. IV. 88. 89.

Моравская легенда о Кириллѣ и Меѳодіи, сочиненіе Добровскаго. I. 13—45.

Мордвиновъ, инженеръ-генералъ. Устроилъ Греческую гимназію и составилъ проектъ устава ея. IV. 60.

Морской кадетскій корпусъ. Московская навигаціонная школа. IV. 20. 21. — Морская академія въ Петербургѣ; связь ея съ навигаціонною школой. IV. 21. 22. — Паденіе морскихъ учебныхъ заведеній. IV. 22. — Основаніе морскаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса, образовавшагося изъ двухъ названныхъ заведеній. Организація корпуса. IV. 22—24. — Переводъ его въ Кронштадтъ и обратно въ Петербургъ; комплектъ учащихся. IV. 24. 25.

Московскій университетъ. Учрежденіе его; первые профессоры. IV. 38. — Первые студенты и занятія ихъ. IV. 39. — Университетъ въ царствованіе Екатерины II. IV. 40—42.—Университету принадлежитъ мысль учрежденія гимназіи въ Казани. IV. 43. 44.

Моцениго. Ему поручено было избирать въ Греціи мальчиковъ, съ

——∞∞——

